Уважаемые коллеги и читатели!

Вашему вниманию представляется третий номер рецензируемого федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии».

Особо хочу обратить внимание на работы: О.М. Абросимовой – младшего научного сотрудника и Е.Л. Моревой – кандидата экономических наук, доцента Финансового университета при Правительстве РФ «Развитие государственного подхода к обеспечению технологического суверенитета в промышленности Китая», Е.Н. Старикова – кандидата экономических наук, доцента Уральского государственного экономического университета и П.С. Лыжина – первого заместителя председателя, руководителя аппарата Регионального совета Свердловского регионального отделения «Союз машиностроителей России» «Об особенностях взаимодействия малого и крупного промышленного бизнеса в условиях цифровизации», М.А. Ефремовой – доктора юридических наук, доцента Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, Г.В. Абшилавы – доктора юридических наук, профессора Ульяновского государственного университета и П.С. Пастухова – доктора юридических наук, доцента Пермского государственного национального исследовательского университета «Компромисс в системе правового регулирования при разрешении уголовно-правовых конфликтов», Н.В. Сергеевой – кандидата экономических наук, доцента Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) «Государственно-частное партнерство в ИТ-сфере: особенности распределения исключительных прав», Е.В. Воеводиной – кандидата социологических наук, доцента Финансового университета при Правительстве РФ «Репутационные механизмы формирования доверия в инклюзивной экономике», С. Ткача – ведущего социолога и М.М. Русаковой – кандидата социологических наук, доцента Санкт-Петербургского государственного университета «Экзистенциальное понимание социального одиночества в социологии».

От имени Редакционного совета поздравляю наших коллег, занимающихся научно-педагогической деятельностью в системе высшего образования, с началом нового учебного года и желаю дальнейших творческих успехов на их нелегком и тернистом пути.

*Редакция выражает глубокие соболезнования родным и близким в связи с кончиной **Сидорова Бориса Васильевича**, профессора, доктора наук, члена Редакционного совета нашего журнала.*

С уважением,
Главный редактор журнала «Вестник экономики, права и социологии»
Доктор экономических наук, профессор
В.В. Шлычков

Содержание

Экономика

Абросимова О.М., Морева Е.Л.
Развитие государственного подхода к обеспечению технологического суверенитета в промышленности Китая 8

Балынин И.В., Рагозин А.В., Грызенкова Ю.В.
Современные проблемы движения средств между бюджетами фондов обязательного медицинского страхования и пути их решения 13

Балынин И.В.
Финансовые аспекты современных тенденций демографических процессов в Российской Федерации 17

Долженко Р.А.
Стейкхолдерский подход к развитию нового кампуса вуза 21

Истомина Н.А., Летов П.И.
Финансовые последствия управления приоритетами развития территории в условиях современных ограничений и вызовов 30

Морозов И.В., Шлычков В.В.
Экономическая безопасность региональной социально-экономической системы и механизм достижения её предпочтительного состояния 35

Нестулаева Д.Р., Авхадиева Э.А.
Научно-технологическое развитие России в целях обеспечения её технологического суверенитета 40

Низамутдинов И.К., Малаев В.В.
Промышленное развитие в условиях трансформации мировой экономической системы 45

Оборин М.С., Ильин Р.В.
Цифровые технологические решения как фактор устойчивого развития рынка туристских услуг 50

Петрухин А.И.
Роль субъектов инновационной инфраструктуры промышленности России в обеспечении технологического суверенитета страны 55

Стариков Е.Н., Лыжин П.С.
Об особенностях взаимодействия малого и крупного промышленного бизнеса в условиях цифровизации 62

Талатин Е.А.
Система институтов управления развитием предприятий топливно-энергетического комплекса РФ 68

Хузина А.Ф., Альтерман А.А.
Налоговые расходы как инструмент расширения фискального пространства региональных бюджетов 74

Чижов Н.С., Матюгина Э.Г.
Цифровая адаптация национальной экономики: содержание, аспекты, этапы 82

Чижов Н.С.
Национальная программа «Цифровая экономика» в аспекте цифровой адаптации национального хозяйства 87

Шлычков В.В.
Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и перспективу до 2036 года» как нормативно-правовая база формирования планов и программ социально-экономического развития страны в краткосрочной перспективе 92

Право

Боковня А.Ю.
Критерии характера и типовой степени общественной опасности экологических преступлений ... 97
Валиев Р.Н.
Формы взаимодействия общественных объединений и органов публичной власти субъектов Российской Федерации в правотворческой сфере ... 102
Гилязов А.И.
Становление принципа разумности сроков уголовного судопроизводства в советский и постсоветский периоды ... 106
Ефремова М.А., Абшилава Г.В., Пастухов П.С.
Компромисс в системе правового регулирования при разрешении уголовно-правовых конфликтов ... 111
Зейналбдыева А.В., Курилова Е.Н., Погребенко Ю.Н.
Некоторые проблемные вопросы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота оружия ... 120
Лончакова Ю.А.
К вопросу о понятии и признаках перевозки грузов в международном сообщении ... 125
Сергеева Н.В.
Государственно-частное партнерство в ИТ-сфере: особенности распределения исключительных прав ... 132
Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н.
Генезис уголовно-правовых запретов ... 136
Фатихов Б.Р.
Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) ... 141
Хазиев А.Р.
Защита прав муниципальных образований как собственников имущества ... 146
Хакимов И.Р.
К вопросу о правовой природе погасительной давности ... 150
Шуб А.М.
К вопросу о становлении и развитии института вступления в силу и обнародования муниципальных правовых актов ... 155
Шутило О.В.
К вопросу совершенствования прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды ... 160
Ющенко Н.А.
Правовое регулирование франчайзинга в Нидерландах ... 164

Социология

Алексеев С.А., Никитина Т.Н.
Методологические принципы социологического исследования представлений молодежи о счастье ... 170
Вайсбург А.В.
Основные мотивы взаимодействия граждан с социально ориентированными некоммерческими организациями (на примере исследования в г. Твери) ... 177
Вайсбург А.В.
Семейные ценности современной молодежи (на примере исследования молодежи Конаковского района Тверской области) ... 181

Воблая И.Н., Гаража Н.А.
Социальный капитал национальных общин города Новороссийска: история и современность 185
Воеводина Е.В.
Репутационные механизмы формирования доверия в инклюзивной экономике 192
Ефлова М.Ю., Ямалнеев И.М., Максимова О.А., Нагматуллина Л.К.
Трансформация практик цифровой активности современной молодежи: сопоставительный анализ 197
Крейк А.И.
О значениях терминов «ограничение(я) степени(ей) свободы» и «степень(и) свободы» в различных областях науки и практики и их определении для использования в социологии 204
Петрякова Е.А.
Субъекты и условия формирования социально-трудовых отношений студенческой молодежи в дотрудовой период: опыт конкретного социологического исследования 209
Поздеев И.Л.
Протестантская церковь в Удмуртской Республике: опыт взаимодействия в многонациональном регионе 217
Равочкин Н.Н.
Влияние рэп-музыки на формирование ценностей российской молодежи в 2000–2010-е гг. (по материалам социологических исследований) 223
Тевлюкова О.Ю.
Востребованность цифровой социологии как сферы профессиональной деятельности 228
Ткач С., Русакова М.М.
Экзистенциальное понимание социального одиночества в социологии 232
Фатхуллина Л.З., Низамова А.Х.
О внедрении системы (целевой модели) наставничества в образовательные учреждения Республики Татарстан: результаты экспертного интервью 237
Фатыхова Д.Р., Зиятдинова Э.М.
Возможности применения трансмедийных технологий в образовательной сфере 242

Обзорные статьи

Белозерова И.И., Михайлов И.Р.
Защита осведомителей в уголовном праве ЮАР 247
Гудкова О.Е.
Особенности применения сетевых технологий при построении больших организационно-экономических систем в промышленности 251
Ерёмин А.М.
Модели управления сферой физической культуры и спорта в стране и мегаполисе 256
Охрименко Е.И.
Условия развития экологического туризма в России на современном этапе 261
Фан-Юнг Г.Ю., Щигорцова Е.С., Абдрахманова Л.В.
Государство и коррупция в исторической ретроспективе: краткий очерк 267

Мнения и суждения

Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В., Ларионова Н.И.
Рефлексивная модель анализа цифровых компетенций университетских преподавателей 272
Машков В.Д.
Китайский опыт управления экономикой 277

Конференции

Вахитова Т.М., Гаделшина Л.А.
Земельные отношения и земельные ресурсы в условиях информационной экономики 282
Гали А.И.
Перспективы использования цифровых валют центральных банков в трансграничных расчетах стран ЕАЭС 289
Гурова С.Ю., Марцинковский Р.П.
Государственная поддержка развития малых форм бизнеса в сельском хозяйстве в Чувашской Республике 293
Королева О.В.
«Туризм памяти» как приоритетное направление сотрудничества России с государствами – членами евразийской интеграции 297
Морошкина М.В.
Пространственная неоднородность приграничных с ЕАЭС регионов 302
Окружнов В.А., Малолетко А.Н.
Особенности формирования стратегии развития человеческого капитала в аграрной сфере региона на примере Республики Татарстан 308
Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.
Интеграционные ценности граждан стран Малой Евразии 312
Рысаев И.Ш.
О методологических аспектах исследования проблем современной евразийской интеграции 318
Сушенцова С.С.
Социальная ответственность и рыночная эффективность системы сельскохозяйственной кооперации 322
Хасанов И.Ш.
Развитие евразийской экономической дипломатии в условиях санкций 327
Юсупова А.С.
Цивилизационные основы благотворительности Евразийского макрорегиона 331

УДК 338.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-8-12

Развитие государственного подхода к обеспечению технологического суверенитета в промышленности Китая*

Абросимова О.М.
Младший научный сотрудник
Института финансово-промышленной политики
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Морева Е.Л.
Кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора
Института финансово-промышленной политики
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность статьи обуславливается активным сотрудничеством Китая и России в технологической сфере. Его развитие при укреплении технологического суверенитета является важным стратегическим приоритетом для обеих наших стран. Целью статьи является анализ опыта Китая по построению технологического суверенитета. Задачами исследования являются анализ научных трудов российских ученых, изучавших вопросы обеспечения технологического суверенитета и экономической безопасности, а также нормативно-правовых актов и государственных программ КНР, которые способствуют укреплению технологического суверенитета. Практическая значимость исследования состоит в рассмотрении современного подхода к промышленной политике, направленной на обеспечение технологической безопасности. Проведенный анализ китайского подхода показал, что в последние десятилетия в стране закладываются основы для укрепления технологического суверенитета: идет мобилизация собственных ресурсов для национального технологического и промышленного развития; активно поддерживаются высокотехнологичные отрасли экономики.

Ключевые слова: *Китай, технологический суверенитет, технологическая безопасность, промышленная политика, экономическое развитие, инновации*

Для цитирования: *Абросимова О.М., Морева Е.Л. Развитие государственного подхода к обеспечению технологического суверенитета в промышленности Китая // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 8–12. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-8-12.*

Опыт Китайской Народной Республики (КНР) по государственному управлению в сфере обеспечения технологического суверенитета (далее – ТС) в промышленности представляет немалый интерес для России. Китай не только является нашим важным партнером, с которым развиваются масштабные кооперативные связи, значимые для укрепления российской экономики и ее ТС, но также дает пример собственных эффективных усилий, которых он демонстрирует в этой (ТС) сфере. Вопросы технологического суверенитета Китая и национальной

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

промышленной политики по обеспечению экономической безопасности исследовали ряд российских ученых [1-4]. Учитывая китайскую специфику, ученые трактуют ТС как «выстраивание собственных эффективных путей **научно-технологического** развития, позволяющих преодолеть зависимость от иностранных рынков технологий и стандартов» [1]. Практической основой политики обеспечения технологического суверенитета является «государственное регулирование технологических платформ и технологических цепочек, лежащих в их основе, для ограничения рисков экстерриториального институционального влияния» [2].

Обеспечение в КНР ТС страны, национального технологического развития на основе собственных усилий китайских производителей осуществляется в рамках общего правительственного курса развития страны на основе мобилизации ее собственных ресурсов.

На большое значение самосовершенствования в области науки и техники для его успешной реализации неоднократно указывал председатель КНР Си Цзиньпин. Этот процесс он связывал в т.ч. с развитием программ подготовки высококвалифицированных кадров, повышением мотивации молодежи идти в большую науку, созданием суверенной компьютерной экосистемы, включая разработку собственного передового компьютерного оборудования и комплектующих, операционных систем, программного обеспечения и т.д. [5].

Новый стимул усилиям государства по обеспечению ТС придала череда санкций США против Китая. Первые такие действия были предприняты в 2018 г. [6], а затем продолжены в 2022 г., когда Америка ограничила экспорт полупроводников в КНР. В 2023 г. к ним фактически присоединилась Япония, приняв аналогичные меры в отношении экспорта оборудования для производства полупроводников в Китай [7]. Ограничение экспорта полупроводников сформировало разрывы в производственных цепочках, что в свою очередь создавало угрозу технологической безопасности экономики Китая.

Остроту этих шагов, однако, сглаживали эффекты от ранее предпринятых действий национального правительства по обеспечению ТС Китая.

В 2015 г. в стране приступили к выполнению программы «Сделано в Китае 2025», нацеленной на мобилизацию интеллектуальных ресурсов для развития национального производства и укрепление в стране высокотехнологичного сектора. Вслед за ней в 2016 г. в стране приняли Национальную стратегию инновационного развития, реализуя которую к середине XXI в. Китай должен будет стать мировым научно-техническим лидером [8]. Благодаря этим стратегиям китайские промышленные предприятия активно осваивали достижения национальной науки и технологические разработки, что создавало условия для формирования ТС.

В канун нового десятилетия принятый курс усилился, стал более четким и определенным. В 2020 г. власти выдвинули концепцию «научно-технологической самодостаточности» и «опоры на собственные силы в сфере науки и технологий» (科技自立自强), предполагающую безопасность отечественных разработок в сфере критических технологий, приоритет собственных научно-технических инноваций в обрабатывающей промышленности [9]. Для отслеживания прогресса в достижении технологической самодостаточности были разработаны показатели: было запланировано, что с 2021 по 2025 гг. расходы на исследования и разработки (НИОКР) будут расти более чем на 7 % в год, количество высокоценных патентов на 10 тыс. чел. увеличится с 6,3 в 2020 г. до 12 в 2025 г.; доля добавленной стоимости ключевых отраслей цифровой экономики в ВВП должна вырасти с 7,8 % в 2020 г. до 10 % в 2025 г. [10]. Ожидается, что это позволит стимулировать отечественные инновации и снизить зависимость страны от зарубежных поставок, главным образом высокотехнологичных промышленных товаров. Усилия будут сосредоточены на аэрокосмической отрасли, биотехнологиях, нейронауках, искусственном интеллекте, квантовых вычислениях и полупроводниках, в которых КНР рассчитывает стать мировым лидером в долгосрочной перспективе [11].

Реализация этих инициатив служит укреплению национального научно-технического потенциала, активизации инноваций в промышленности и снижению сложившейся ранее зависимости КНР от зарубежных поставок полупроводников. Существенный прогресс должны показать национальные аэрокосмическая промышленность и производство полупроводников, разработки био- и нейротехнологий, искусственного интеллекта, квантовых вычислений. В долгосрочной перспективе КНР планирует стать мировым лидером в этих областях [11].

Новые шаги в противостоянии внешней зависимости и укреплении ТС были сделаны на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва в 2024 г. Премьер Госсовета КНР Ли Цян заявил тогда о необходимости совершенствования механизмов, посредством которых достигается и укрепляется ТС. Прежде всего это относится к национальными лабораториям, которые получают доступ к льготному финансированию и налогообложению [1]. Правительство Китая реализует системный подход к построению научно-технической инфраструктуры, стимулированию международных и региональных научно-технических центров, осуществляет долгосрочное планирование фундаментальных исследований [12].

Так, большое внимание уделяется развитию образовательной системы: за последние 10 лет наблю-

дался последовательный рост расходов Китая на образование (рис. 1).

Развитие образовательной системы стало одним из важных инфраструктурных условий превращения страны в мирового лидера по производству ряда видов высокотехнологичной продукции. В 2021 г., по данным Китайской ассоциации фотоэлектрической промышленности, доля Китая на мировом рынке фотоэлектрического поликремния, элементов и модулей литиевых батарей превысила 70 %. Экспорт китайских электромобилей, фотоэлектрической продукции и литиевых батарей в 2022 г. вырос на 131,8, 67,8 и 86,7 % относительно 2021 г. [14]. С 2010-х гг. Китай наращивал потенциал своего высокотехнологичного сектора экономики, а в 2020-е гг. стал абсолютным мировым лидером экспорта высокотехнологичной продукции (рис. 2).

Новые интересные перспективы упрочения национального ТС в КНР связывают с укреплением кооперативных связей с Россией. В институциональном аспекте начала наших партнерских связей в области современной науки и техники были заложены еще в начале 2000-х гг. В 2001 г. две державы договорились о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве, реализации крупных совместных проектов в сфере высоких технологий [16]. В 2014 г. курс на развитие совместных перспективных разработок при равном участии сторон в их финансировании дополнили договоренности об эффективной кооперации в высокотехнологичных секторах – важнейших потребителях научных разработок – фармацевтике, производстве медицинской техники и др. [17]. В 2023 г. на встрече с председателем КНР Премьер-министр России М.В. Мишустин выразил уверенность, что «расширение инновационного сотрудничества укрепит технологический суверенитет России и Китая», подчеркнул большое значение взаимодействия для развития авиастроения, станкостроения, машиностроения, космических технологиях [18]. В совместном заявлении от 21.03.2023 г. «О плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года», подписанном лидерами РФ и КНР, в качестве одной из важнейших сфер взаимодействия указывается сотрудничество в области технологий и инноваций [19]. Согласно п. 52 Концепции внешней политики Российской Федерации, «Россия нацелена на дальнейшее упрочение отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой и уделяет приоритетное внимание развитию обоюдовыгодного сотрудничества во всех сферах, оказанию взаимопомощи и укреплению координации на международной арене в интересах обеспечения безопасности, стабильности, устойчивого развития на глобальном и региональном уровнях как в Евразии, так и в других частях мира» [20]. Сотрудничество наших стран позволяет укреплять технологический суверенитет России и Китая: «наращивать встречные торговые потоки промышленной продукции и повышать ее долю в двустороннем товарообороте» (согласно Совместному заявлению от 16.05.2024 г.) [21]. В 2020 г. доля высокотехнологичной продукции в экспорте России в Китай составляла 17,76 %, а доля высокотехнологичной продукции в импорте России из КНР – 43,1 % [22]. В 2023 г. доля импорта оборудования, наземного транспорта, электрических машин и электрооборудования в общем объеме импорта России из Китая достигла 58,43 против 48,05 % в 2022 г. [23]. Также это сотрудничество позволяет укреплять конкурентоспособность предприятий, стабилизировать промышленный рост и развитие в условиях усиления мировой экономической и политической нестабильности.

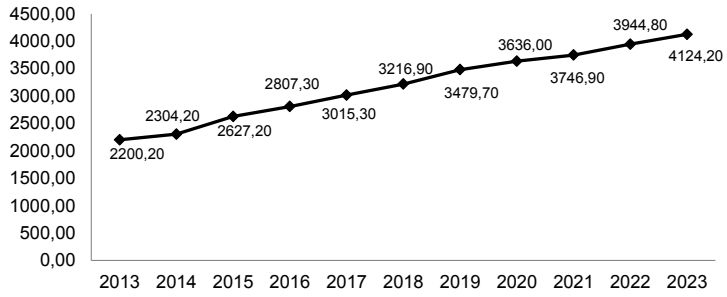

Рис. 1. Государственные расходы на образование в Китае с 2013 по 2023 гг., млрд юаней
(составлено авторами на основе [13])

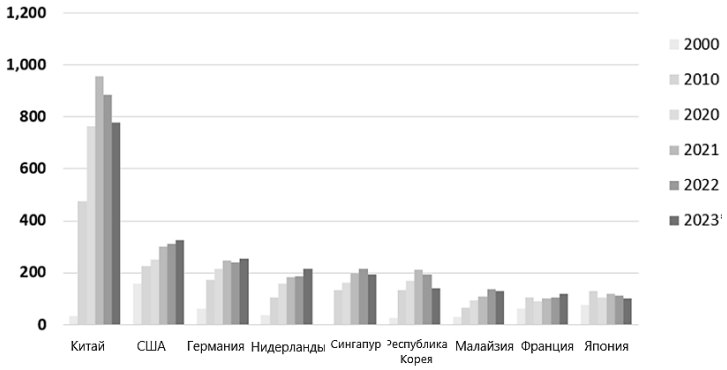

Рис. 2. Объем экспорта высокотехнологичной продукции стран-лидеров по экспорту высокотехнологичной продукции в 2000–2023 гг., млрд долл. США
(составлено авторами на основе [15])

Выводы:

Проведенный анализ подхода китайского правительства к обеспечению технологического суверенитета в национальной промышленности показал, что в последние десятилетия в стране закладываются основы для укрепле-

ния ее ТС: идет активная мобилизация собственных ресурсов для национального технологического и промышленного развития.

Программы, такие как «Сделано в Китае 2025» и «Национальная стратегия инновационного развития», направлены на укрепление высокотехнологичного сектора и научно-технического лидерства Китая. Китай активно развивает свою аэрокосмическую промышленность, производство полупроводников, био- и нейротехнологии. Это позволяет Китаю быть лидером высокотехнологичного экспорта.

Значительную роль в укреплении ТС страны играют связи с Россией. Сотрудничество наших стран по развитию технологий и активизации инновационной деятельности расширяет возможности формирования производственно-технологических цепочек, взаимодополняющих производств, не зависящих от внешних поставок. Сотрудничество двух стран направлено на укрепление партнерских отношений и стратегического взаимодействия в различных сферах, включая обеспечение безопасности и устойчивого развития на глобальном уровне.

Литература:

1. Ясинский В.А., Кожевников М.Ю. Борьба за технологический суверенитет: опыт Китая и уроки для России // Проблемы прогнозирования. 2023. № 5 (200). С. 196–209. DOI: 10.47711/0868-6351-200-196-209.
2. Гареев Т.Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации // Terra Economicus. 2023. № 21(4). С. 38–54. DOI: 10.18522/2073- 6606-2023-21-4-38-54.
3. Беликова К.М. Переход промышленности Китая к технологическому укладу «Индустрия 4.0»: юридико-институциональное оформление // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8А. С. 50–60. DOI: 10.34670/AR.2023.16.54.006.
4. Гордиенко Д.В. Промышленная политика Китая и влияние ее реализации на обеспечение экономической безопасности КНР в современных условиях // Финансовая экономика. 2014. № 2. С. 7–22.
5. Председатель КНР призвал укрепить технологический суверенитет страны. URL: https://rg.ru/2023/08/01/predsedatel-knr-prizval-ukrepit-tehnologicheskij-suverenitet-strany.html (дата обращения: 07.06.2024).
6. США впервые ввели серьезные санкции против китайской компании // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/20/781537-ssha-vpervie (дата обращения: 18.04.2024).
7. МИД КНР: экспортные ограничения Японии в отношении полупроводников нацелены против Китая. URL: https://tass.ru/ekonomika/18345991 (дата обращения: 07.06.2024).
8. Outline of the National Innovation-Driven Development Strategy 中共中央国务院印发《国家创新驱动发展战略纲要》 // Center for Security and Emerging Technology. 2019. URL: https://cset.georgetown.edu/publication/outline-of-the-national-innovation-driven-development-strategy/ (дата обращения: 18.04.2024).
9. Restructuring for self-reliance: The implications of China's science and technology overhaul. URL: https://kinacentrum.se/en/publications/restructuring-for-self-reliance-the-implications-of-chinas-science-and-technology-overhaul/ (дата обращения: 18.04.2024).
10. Two Sessions 2021: China Targets Tech Self-Reliance With Massive Research Spendhttps. URL: https://www.caixinglobal.com/2021-03-06/china-aims-to-achieve-self-reliance-in-science-and-technology-101671516.html (дата обращения: 20.04.2024).
11. The 14th Five-Year Plan of the People's Republic of China-Fostering High-Quality Development. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/705886/14th-five-year-plan-high-quality-development-prc.pdf (дата обращения: 18.04.2024)
12. Власти Китая намерены повысить самодостаточность научно-технического сектора. URL: https://tass.ru/ekonomika/20154315 (дата обращения: 18.04.2024).
13. Public expenditure on education in China from 2013 to 2023 (in billion yuan). URL: https://www.statista.com/statistics/455492/china-public-expenditure-on-education/ (дата обращения: 20.08.2024).
14. China pursues self-reliant sci-tech progress to benefit all. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/07/WS640697f7a31057c47ebb2bbf.html (дата обращения: 18.04.2024).
15. Итоги 2023 г.: снижение объемов торговли высокотехнологичной продукцией на фоне замедления роста мировой торговли и трансформации глобальных цепочек создания стоимости. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/gii-insights-blog/2024/high-tech-trade.html (дата обращения: 19.08.2024).
16. Московское совместное заявление глав государств России и Китая. 16 июля 2001 года. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3417 (дата обращения: 18.04.2024).

17. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 года. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/1642 (дата обращения: 18.04.2024).
18. Мишустин выразил надежду на расширение инновационного сотрудничества с КНР. URL: https://ria.ru/20230321/kitay-1859417792.html (дата обращения: 18.04.2024).
19. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года. URL: http://kremlin.ru/supplement/5919 (дата обращения: 18.04.2024).
20. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/4 (дата обращения: 18.04.2024).
21. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6132 (дата обращения: 20.08.2024).
22. Чжан Д. Анализ динамики российско-китайского сотрудничества в высокотехнологичных промышленных отраслях // Экономические науки. 2023. № 218. С. 285–292. DOI 10.14451/1.218.581.
23. Что Россия продавала Китаю в 2023 году и что покупала у него. URL: https://www.rbc.ru/economics/24/01/2024/65af9e809a79472aaca18347 (дата обращения: 20.08.2024).

Developing a State-led Approach to Technological Self-reliance in China's Manufacturing Industry

Abrosimova O.M., Moreva E.L.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the article is determined by the strong cooperation between China and Russia in the technological sphere. The development of technological sovereignty is an important strategic priority for China. The purpose of the article is to analyze China's experience in building technological sovereignty. The tasks of the study are the analysis of scientific works of Russian scientists who studied the issues of ensuring technological sovereignty and economic security, the analysis of regulatory legal acts and programs of the People's Republic of China that promote the development of technological sovereignty. The practical significance of the study includes consideration of modern approaches in industrial policy. The analysis of the Chinese government's approach to ensuring technological security in the national industry has shown that in recent decades the country has been laying the foundations for strengthening technological sovereignty: it mobilizes its own resources for national technological and industrial development; it actively supports high-tech sectors of the economy.

Keywords: China, technological self-reliance, technological security, industrial policy, economic development, innovation

УДК 336.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-13-16

Современные проблемы движения средств между бюджетами фондов обязательного медицинского страхования и пути их решения*

Балынин И.В.
Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Рагозин А.В.
Кандидат медицинских наук, директор Центра проблем организации,
финансирования и межтерриториальных отношений в здравоохранении
Института региональной экономики и межбюджетных отношений
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Грызенкова Ю.В.
Кандидат экономических наук,
в.н.с. кафедры ипотечного жилищного кредитования
и финансовых инструментов рынка недвижимости
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность исследования вопросов финансового обеспечения бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Российской Федерации не вызывает сомнения, так как это напрямую отвечает национальным целям развития страны. Цель исследования – определить современные проблемы движения средств между бюджетами фондов обязательного медицинского страхования и разработать пути их решения в Российской Федерации. Задачи исследования: оценить объёмы средств, предоставляемые из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования бюджетам территориальных фондов обязательного медицинского страхования, выявить проблемы при предоставлении субвенций на обязательное медицинское страхование и при осуществлении межтерриториальных расчётов, а также разработать пути их решения. Результаты исследования могут быть применены в деятельности Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства России, Министерства здравоохранения Российской Федерации при разработке мероприятий по совершенствованию финансового обеспечения бесплатного оказания медицинской помощи гражданам. Теоретическая значимость полученных результатов определяется потенциальной возможностью их применения при проведении других научных исследований и в рамках образовательного процесса по вопросам модернизации системы

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

финансирования бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Научная новизна настоящего исследования сопряжена с авторским подходом к определению современных проблем движения средств между бюджетами фондов обязательного медицинского страхования и разработке путей их решения в Российской Федерации.

Ключевые слова: *национальные цели, здоровье, социальное обеспечение, здравоохранение, медицинская помощь, государственные гарантии*

Для цитирования: *Балынин И.В., Рагозин А.В., Грызенкова Ю.В. Современные проблемы движения средств между бюджетами фондов обязательного медицинского страхования и пути их решения // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 13–16. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-13-16.*

Актуальность исследования вопросов управления финансовым обеспечением оказания бесплатного оказания медицинской помощи населению не вызывает сомнения, так как это отвечает национальным целям развития Российской Федерации.

В последние годы в научной литературе достаточно активно рассматривались вопросы, связанные с модернизацией финансового обеспечения системы здравоохранения в Российской Федерации. В частности, рассматриваются вопросы, связанные с выбором модели финансирования медицинской помощи [1; 2]. Следует согласиться с мнением о том, что в текущем дизайне системы обязательного медицинского страхования отсутствуют объективные стимулы для обеспечения эффективного использования данных средств [3].

Основным инструментом перераспределения средств в обязательном медицинском страховании является субвенция, предоставляемая бюджетам территориальных фондов обязательного медицинского страхования. Предоставление данного межбюджетного трансферта осуществляется в связи с передачей полномочий Российской Федерации субъектам Российской Федерации в сфере обязательного медицинского страхования. Использование данной формы межбюджетных трансфертов и наличие обособленных территориальных фондов обязательного медицинского страхования позволяет максимизировать отдельный учёт средств, обеспечить дополнительный контроль за их использованием, добиться роста относительной прозрачности данного процесса.

Анализ данных об объёмах данного межбюджетного трансферта показывает его ежегодный рост, что наглядно представлено на рисунке 1. В частности, за 2014–2023 гг. (10 лет) объём расходов бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования на предоставление субвенции для финансового обеспечения организации обязательного медицинского страхования в субъектах Российской Федерации вырос практически на 1,6 трлн рублей, что в относительном выражении составляет рост в 2,33 раза.

Сравним полученные выводы с темпами роста доходов и расходов бюджета Федерального фонда

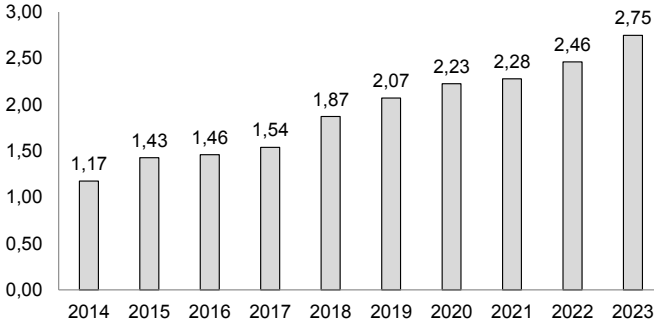

Рис. 1. Объём расходов бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования на предоставление субвенции для финансового обеспечения организации обязательного медицинского страхования в субъектах РФ, трлн руб.
(источник: официальные данные об исполнении бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования в 2014–2023 гг.)

обязательного медицинского страхования за аналогичный период: они выросли в 2,63 раза и в 2,51 раза соответственно (что выше темпов роста рассматриваемой субвенции).

В таблице 1 приведены цепные темпы прироста показателей исполнения бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования, которые позволяют сделать вывод об отсутствии стабильной динамики изменения рассматриваемых значений.

Важно отметить, что детальное изучение методики предоставления субвенций территориальным фондам обязательного медицинского страхования выявило целый ряд проблем.

Во-первых, объём средств, предоставляемых из федерального бюджета конкретному бюджету территориального фонда обязательного медицинского страхования, определяется в пропорции от общей суммы средств в бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на эти цели. Однако формулы определения данного объёма не представлено. Представляется, что для обеспечения оказания медицинской помощи в полном объёме следует либо разработать данную формулу, либо при определении суммы предоставляемой субвен-

Таблица 1

Цепные темпы прироста показателей исполнения бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования, %

Годы	СОМС	Д	Р
2014	x	x	x
2015	+22	+26	+29
2016	+2	+5	-3
2017	+5	+5	+4
2018	+22	+9	+20
2019	+11	+12	+10
2020	+8	+13	+8
2021	+2	+10	+9
2022	+8	+11	+9
2023	+12	+13	+14

Условные обозначения: Д – доходы бюджета ФОМС, Р – расходы бюджета ФОМС, СОМС – субвенция на организацию обязательного медицинского страхования в субъектах Российской Федерации.

(рассчитано авторами по официальным данным об исполнении бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования в 2014–2023 гг.).

ции конкретному бюджету территориального фонда обязательного медицинского страхования опираться на существующие потребности без учёта общей суммы, предусмотренной на эти цели в бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования.

Во-вторых, в основу методики, по сути, заложен тот факт, что в предыдущем финансовом году объём финансового обеспечения государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам был достаточным. Это приводит к тому, что при расхождении требуемых объёмов оказания медицинской помощи высокого качества и осуществляемых объёмов её финансового обеспечения данная разбалансировка закрепляется и переходит на следующий финансовый год. Дополнительными негативными тенденциями данных процессов являются следующие: навязывание гражданам платных услуг по тем позициям, которые должны предоставляться бесплатно; сокращение штата медицинских работников; увеличение нагрузки на медицинских работников, в т.ч. без кратного увеличения оплаты их труда.

Рассматриваемая методика также учитывает и обращаемость граждан за медицинской помощью. Соответственно, при отсутствии в каких-либо публично-правовых образованиях узкого специалиста (такая ситуация наблюдается во многих муниципальных образованиях) данная статистика является искажённой. Например, это связано с тем, что граждане не обращаются за оказанием медицинской помощи ввиду наличия у них знаний об отсутствии соответствующего специалиста. Более того, терапевт или врач общей практики не всегда может правильно поставить диагноз, относящийся к сфере деятельности отсутствующего специалиста. В конечном счёте это приводит к искажению показателей, которые влияют на объёмы оказания медицинской помощи и, соответственно, на объёмы её финансового обеспечения. Решение данной проблемы авторы видят в активном использовании подходов, заложенных Николаем Александровичем Семашко в СССР. В частности, представляется необходимым развивать узкоспециализированную медицинскую помощь и профилактику заболеваемости.

Ещё одна проблема – недостаточная объективность учёта региональных особенностей в рамках текущих используемых коэффициентов дифференциации. Это подтверждается и материалами Счётной палаты Российской Федерации, в рамках которых отмечается, что оплата труда в структуре расходов составляет 68,9 % при том, что в рамках коэффициентов дифференциации на этот фактор приходится 73 % [6]. Соответственно, авторам представляется необходимой корректировка действующей формулы с целью повышения объективности учёта региональных особенностей. Данная корректировка должна осуществляться, исходя из реальной структуры тарифов на оплату медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования. Причём с учётом региональных особенностей (в т.ч. в объёме оказываемой медицинской помощи) она может варьироваться в разных субъектах Российской Федерации.

Особого внимания заслуживают проблемы межтерриториальных расчётов. Так, предусмотрено, что территориальный фонд обязательного медицинского страхования, в котором гражданином получен полис обязательного медицинского страхования, перечисляет средства в тот территориальный фонд обязательного медицинского страхования, где была оказана медицинская помощь. Анализ данных, представленных Счётной палатой Российской Федерации, позволяет заключить о следующих ключевых проблемах: отсутствие качественного планирования объёмов межтерриториальных расчётов; задержка в оплате по счетам в рамках межтерриториальных расчётов до 180 дней (вместо предусмотренных 25 дней) [6].

Ключевой фактор данных проблем при межтерриториальных расчётах, по мнению авторов, связан с тем, что каждый из территориальных фондов обязательного медицинского страхования является самостоятельным и органы управления стремятся повысить устойчивость соответствующего участника обязательного медицинского страхования без учёта негативного влияния таких действий на финансовую устойчивость системы обязательного медицинского страхования в целом.

Представляется, что при сохранении текущих подходов к финансовому обеспечению бесплатно-

го оказания медицинской помощи и конфигурации субъектов и участников обязательного медицинского страхования, в данном процессе особую роль должен сыграть Федеральный фонд обязательного медицинского страхования как в части контроля, так и в рамках организации планирования межтерриториальных расчётов (для этого следует разработать специальную методику). Более того, в целях понимания причин необходимости получения гражданами медицинской помощи в другом регионе целесообразно проводить их опрос с использованием портала государственных услуг.

Таким образом, по итогам проведённого исследования следует отметить, что, несмотря на рост расходов бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования на предоставление субвенций территориальным фондам обязательного медицинского страхования, сохраняется ряд проблем. Наибольшая часть из них связана с модернизацией формулы её расчёта в целях повышения обоснованности получаемых результатов.

Литература:

1. Седова М.Л. Финансирование медицинской помощи: выбор модели // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2020. № 2. С. 146–153.
2. Короткова М.Н. Социальная политика государства в системе здравоохранения: возрождение модели Семашко // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 3. С. 74–80.
3. Шишкин С.В. Эволюция и перспективы системы обязательного медицинского страхования в России // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 1. С. 8–33.
4. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 01.08.2024).
5. Федеральное казначейство. URL: https://roskazna.gov.ru/ (дата обращения: 22.08.2024).
6. Счётная палата Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru/ (дата обращения: 25.08.2024).

Modern Problems of Movement of Funds Between Budgets of Compulsory Medical Insurance Funds and Ways to Solve Them

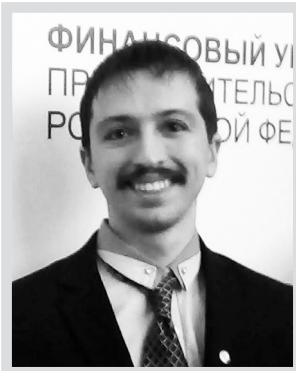
Balynin I.V., Ragozin A.V., Gryzenkova Yu.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the study of the issues of financial support for free provision of medical care to citizens in the Russian Federation is beyond doubt, since it directly meets the national development goals of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify current problems of the movement of funds between the budgets of compulsory medical insurance funds and to develop ways to solve them in the Russian Federation. Research objectives: to assess the volumes of funds provided from the budget of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund to the budgets of territorial compulsory medical insurance funds, to identify problems in providing subsidies for compulsory medical insurance and in the implementation of interterritorial settlements, and to develop ways to solve them. The results of the study can be applied in the activities of the Federal Assembly of the Russian Federation, the Government of Russia, the Ministry of Health of the Russian Federation when developing measures to improve the financial support for free medical care to citizens. The theoretical significance of the results obtained is determined by the potential possibility of their application in other scientific research and in the educational process on the modernization of the system of financing free medical care to citizens. The scientific novelty of this study is associated with the author's approach to identifying current problems of the movement of funds between the budgets of compulsory medical insurance funds and developing ways to solve them in the Russian Federation.

Keywords: national goals, health, social security, health care, medical care, state guarantees

УДК 336.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-17-20

Финансовые аспекты современных тенденций демографических процессов в Российской Федерации*

Балынин И.В.
Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность исследования вопросов демографического развития Российской Федерации не вызывает сомнения, так как это напрямую отвечает национальным целям развития Российской Федерации и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Цель исследования – подготовить финансовое обоснование современных тенденций демографических процессов в Российской Федерации. Задачи исследования: определить демографические процессы, стратегически оценить их влияние на изменение численности населения, на примере показателей рождаемости и смертности подготовить финансовое обоснование современных тенденций демографических процессов в Российской Федерации. Результаты исследования могут быть применены в деятельности органов государственной власти Российской Федерации при модернизации государственного регулирования демографических процессов. Теоретическая значимость полученных результатов связана с возможностью их использования в учебном процессе в высших и средних профессиональных учебных заведениях. Научная новизна настоящего исследования сопряжена с авторским подходом к исследованию финансовых аспектов современных тенденций демографических процессов в Российской Федерации.

Ключевые слова: *национальные цели, социальное обеспечение, социальная поддержка семей с детьми, социальная защита, стратегия, демографическое развитие*

Для цитирования: *Балынин И.В. Финансовые аспекты современных тенденций демографических процессов в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 17–20. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-17-20.*

Демографическое развитие государства является одним из ключевых пластов его экономической безопасности. Как известно, основными демографическими процессами являются рождаемость, смертность, брачность, прекращение брака [1]. С одной стороны, в последние годы данные вопросы рассматривались достаточно активно: стимулирование рождаемости в Российской Федерации [2], влияние демографических процессов на развитие человеческого капитала [3] и на рынки жилой недвижимости [4], реализация государственной политики в сфере социальной защиты населения [5]. Более того, также авторы подчёркивали и важный вклад демографического развития в стимулирование экономического роста [6; 7]. При этом финансовые аспекты вопросов, связанных с современными демографическими тенденциями, не нашли своего отражения в рассмотренной научной литературе.

Отправной точкой в развитии каждого гражданина является его рождение. Рассмотрим изменение показателей, характеризующих рождаемость в Рос-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

сийской Федерации. Так, на рисунке 1 представлены данные об изменении коэффициента рождаемости, а на рисунке 2 приведена динамика числа родившихся.

Как мы видим из рисунка 1, во-первых, коэффициент рождаемости на протяжении периода 1995–2022 гг. всегда находился в значениях меньше 2 (т.е. не обеспечивалось воспроизводство населения). Во-вторых, заметен видимый тренд на его снижение с 2016 г. (причём его значение в 2022 г. опустилось ниже 1,5, что является достаточно критическим для обеспечения демографического развития Российской Федерации). В-третьих, в сельской местности коэффициент рождаемости выше, чем в городской. Соответственно, важнейшим фактором, оказывающим негативное влияние на значение данного коэффициента, является урбанизация, сопровождающаяся перетоком населения из села в город (по данным Росстата, за период 2015–2023 гг. численность сельского населения сократилась на 1,2 млн чел.). Однако если в 2011–2016 гг. значение коэффициента рождаемости в сельской местности превышало 2, то в последние годы оно не только значительно снизилось, но и значительно сократилась дифференциация по данному показателю между городским и сельским населением (в 2014 г. на пике она достигало 0,720, а в 2022 г. составляет 0,229).

Данные рисунка 2 позволяют заключить о том, что численность родившихся снижается с 2014 г.: так, если в 2015 г. родилось 1,94 млн детей, то в 2022 г. – 1,3 млн детей (т.е. практически на 1/3 сократилась численность родившихся детей). Оценивая последствия данного факта, следует отметить, что снижение в 2022 г. числа родившихся детей на 638 596 чел. приведёт к сокращению населения:

1) при стратегии репродуктивного поведения «1 + 1 = 2» и ожидаемой продолжительности жизни в 73 года через 100 лет на 1,92 млн чел.

2) при стратегии репродуктивного поведения «1 + 1 = 3» и ожидаемой продолжительности жизни в 73 года через 100 лет на 6,82 млн чел.

Оценка финансовых последствий для бюджетов бюджетной системы Российской Федерации требует учёта, с одной стороны, государственных расходов на поддержку семей с детьми, их образование и здравоохранение, а с другой – трудовой активности (генерирующей заработную плату). Для удобства вычисления выплаты в рамках видов обязательного социального страхования не будем учитывать, принимая во внимание тот факт, что финансовое обеспечение расходов на их предоставление преимущественно осуществляется за счёт средств, формируемых из страховых взносов.

Соответственно, расходы на поддержку семей с детьми в расчёте на одного ребёнка составят:

а) на выплату за счёт средств семейного капитала (не является периодической выплатой): 586946 (сумма семейного капитала на первого ребёнка в 2023 г.) • 0,35 (доля рождений первых детей в 2021 г., последние актуальные данные [8]) + 188681 (сумма семейного капитала на второго ребёнка в 2023 г.) • 0,35 (доля рождений вторых детей в 2021 г., последние актуальные данные [8]) = 271 469,45 руб.;

б) на компенсацию расходов по ипотеке (при рождении третьего ребёнка; не является периодической выплатой): 450 000 (сумма компенсации ипотечного кредита) • 0,19 (доля рождений третьих детей в 2021 г., последние актуальные данные) = 85 500 руб.

При вычислении на 638 596 чел. мы получаем:

а) на выплату за счёт средств семейного капитала: 271 469,45 руб. • 638 596 чел. = 173 359 304 892 руб. (что равно 173,36 млрд руб.);

б) на компенсацию расходов по ипотеке: 85 500 руб. • 638 596 чел. = 54 599 958 000 руб. (что равно 54,60 млрд руб.).

Численность получателей единого пособия по уходу за ребёнком до 17 лет в разрезе назначенных сумм (там есть 3 варианта) в от-

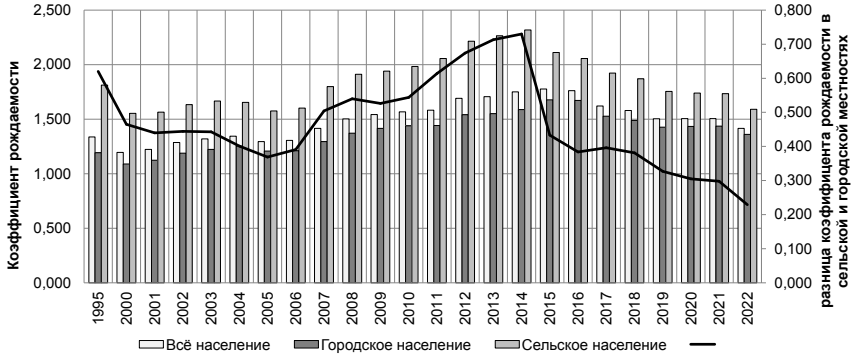

Рис. 1. Коэффициент рождаемости в Российской Федерации
(составлено и рассчитано по данным Росстата [8])

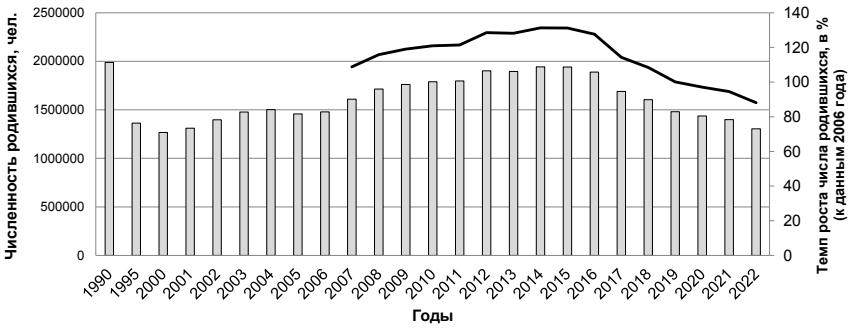

Рис. 2. Динамика числа родившихся
(составлено и рассчитано по данным Росстата [8])

крытом доступе обнаружить не удалось, что является одной из проблем, требующих решения. Поэтому рассчитаем сумму пропорцией, исходя из числа детей в возрасте 0–17 лет на 01 января 2023 г. (последние актуальные данные): (1 635 110 026 тыс. руб. (объём расходов бюджета Социального фонда России на эти цели на 2024 г.) : 30 172 939 детей) • 638 596 = 54 191, 27 руб. / ребёнка (в год) • 638 596 детей = 34 606,33 млн руб. (34,61 млрд руб.). Если мы рассчитаем эту сумму в расчёте на 17 лет, то получим: 588,37 млрд руб.

Важно отметить, что данные выплаты имеют не только социальный, но и экономический эффект. Например, выплата семейного капитала ввиду наиболее частого использования на улучшение жилищных условий стимулирует развитие жилищного строительства, являющегося драйвером экономического роста государства. Более того, учитывая тот факт, что получателями единого пособия на детей являются нуждающиеся граждане (причём в настоящее время учитывается не только доход, но и другие критерии), то подавляющая часть этих средств направляется на приобретение товаров, работ и услуг. Соответственно, данная выплата также стимулирует экономический рост, а также развитие отечественного производства.

Оценим расходы на школьное образование в расчёте на 1 школьника (по данным 2021 г.): 2,021 трлн руб. [9] : 16,6 млн школьников (в государственных/муниципальных образовательных учреждениях [10]) = 121 746,99 руб. (в год). Соответственно, 116 820,81 • 11 = 1,339 млн руб. Соответственно, в расчёте на 638 596 чел. мы получаем 855 218,55 млн руб. (855,22 млрд руб.).

Расчёт объёма расходов на дошкольное образование на 1 получателя данной услуги (по данным 2021 г.): 1,03 трлн руб. : 11 689 306 чел. возраста 0–6 лет [8] = 88 114,73 руб. на 1 ребёнка 0–6 лет в год. Соответственно, за 7 лет мы получим 616 803,11 руб. При вычислении на 638 596 чел. объём расходов составит 393 887 998 833 руб. (393,89 млрд руб.). Данные расчёты учитывают, что все дети посещают дошкольные образовательные организации. Однако опросы показывают, что детские сады посещают только 65 % детей [11]. Поэтому реальная нагрузка на бюджетную систему Российской Федерации будет ниже.

Учитывая тот факт, что значительная часть расходов на финансовое обеспечение государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи осуществляется через систему обязательного медицинского страхования, в расчёт их не будем включать.

Говоря о периоде трудовой активности, то каждый гражданин как минимум обязан уплачивать налог на доходы физических лиц. Соответственно, сделаем расчёт из средней заработной платы, то получим: 73709 руб. (данные Росстата за 2023 г.) • 12 • 13 % = 114 986,04 руб. Если рассчитать это на 30 лет трудовой активности, то получим: 114 986,04 • 30 лет = 3,45 млн руб. Соответственно, при расчёте на 638 596 чел. составит 2 203,16 млрд руб.

При этом важно отметить, что оставшуюся после уплаты НДФЛ часть средств граждане преимущественно направляют на приобретение товаров, работ, услуг. Соответственно, как минимум ещё осуществляется уплата косвенных налогов (НДС, акцизы). Сделаем условный расчёт НДС на 1 совершеннолетнего россиянина в год: 7,79 трлн руб. (составляет объём доходов федерального бюджета по данному источнику за 2023 г. [12]) : 116 274 485 чел. (в расчёте учитываем только граждан старше 18 лет) = 66 996,64 руб. на чел. в возрасте 18 лет и старше. Соответственно, за период совершеннолетней жизни (73 – 18 = 55 лет) в ценах 2023 г. косвенно одним гражданином будет уплачено 3 684 809,7 руб. в виде НДС. При вычислении на 638 596 чел. мы получаем 2353,1 млрд руб.

Таким образом, бюджетный эффект только от снизившейся рождаемости на 638 596 чел. (без учёта влияния мультипликативного фактора дальнейшего сокращения численности населения) составит:

173,36 млрд руб. – 54,6 млрд руб. – 588,37 млрд руб. – 855,22 млрд руб. – 393,89 млрд руб. + 2 203,16 млрд руб. + 2 353,1 млрд руб. = 2 490,82 млрд руб.

Соответственно, только учёт снижения рождаемости детей в 2022 г. влечёт за собой потери в сумме от 2,5 трлн руб. (результат будет выше, т.к. учтены только самые ключевые показатели, влияющие на него). При учёте обозначенных в самом начале статьи стратегий репродуктивного поведения объём недополученных средств бюджетами бюджетной системы Российской Федерации через 100 лет за один год (без учёта инфляции) составит не менее 7,47 трлн руб. (при стратегии репродуктивного поведения «1 + 1 = 2» и ожидаемой продолжительности жизни в 73 года) и не менее 26,61 трлн руб. (при стратегии репродуктивного поведения «1 + 1 = 3» и ожидаемой продолжительности жизни в 73 года).

Важно подчеркнуть, что снижение числа рождённых детей в настоящем негативно скажется не только на уменьшении численности населения в текущем моменте и в будущем, но и отразится отрицательно на рынке труда. В частности, отдельные отрасли, подобно текущим проблемам, будут также испытывать трудности с достаточностью кадров и через 25/50/75/100 лет без проведения специальной государственной политики, направленной на сокращение негативных последствий демографических проблем.

Особо следует отметить тот факт, что каждый родившийся россиян – это в перспективе выдающаяся личность, действия которой будут направлены на созидание во благо развития и процветания Российской Федерации.

Литература:

1. Большая российская энциклопедия. Демографический процесс. URL: https://bigenc.ru/c/demograficheskii-protsess-29670c (дата обращения: 04.02.2024)
2. Ребрей С.М., Комиссарова Ж.Н., Киселева И.В., Пастухова Д.Р. Стимулирование рождаемости на фоне расширения прав и возможностей женщин: актуальные инструменты семейной и трудовой политики // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 80–93.
3. Мабиала Ж., Маслич Е.А., Амирова Э.Ф. и др. Аспекты развития человеческого капитала и влияющие на него демографические факторы // ЦИТИСЭ. 2024. № 1(39). С. 707–726.
4. Бердникова В.Н. Влияние демографических процессов на развитие локальных рынков жилой недвижимости // Beneficium. 2023. № 3(48). С. 13–20.
5. Сергиенко Н.С., Велиханов М.Т., Фатиева С.А. Теоретические основы реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 1. С. 108–115.
6. Трофимова С.А., Трофимова И.Б. Демографические процессы и развитие человеческого капитала как ведущая ресурсная база развития отдельных территорий России // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2023. № 51(51). URL: www.es.rae.ru/vsoa/226-1446.
7. Скрипкина Е.В., Яковлев Н.А., Шалимов И.В., Майкова С.Д. Оценка взаимосвязи между демографическими показателями и экономическим развитием России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 4-3. С. 488–493.
8. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2024).
9. Федеральное казначейство. URL: https://roskazna.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2024).
10. Минпросвещения России. Статистика. Общее образование. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения: 11.08.2024).
11. Исследование: детские сады в Российской Федерации недоступны для 35% детей. URL: https://tass.ru/obschestvo/4114004 (дата обращения: 11.08.2024).
12. Аналитический портал ФНС России. URL: https://analytic.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 11.08.2024).

Financial Aspects of Modern Trends of Demographic Processes in the Russian Federation

Balynin I.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the study of the demographic development of the Russian Federation is beyond doubt, as it directly meets the national development goals of the Russian Federation and the National Security Strategy of the Russian Federation. The purpose of the study is to prepare a financial justification for current trends in demographic processes in the Russian Federation. Research objectives: to determine demographic processes, strategically assess their impact on population change, and, using the birth and mortality rates as an example, prepare a financial justification for current trends in demographic processes in the Russian Federation. The results of the study can be applied in the activities of government bodies of the Russian Federation in the modernization of state regulation of demographic processes. The theoretical significance of the results obtained is associated with the possibility of their use in the educational process in higher and secondary vocational educational institutions. The scientific novelty of this study is associated with the author's approach to the study of financial aspects of current trends in demographic processes in the Russian Federation.

Keywords: national goals, social security, social support for families with children, social protection, strategy, demographic development

УДК 378
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-21-29

Стейкхолдерский подход к развитию нового кампуса вуза

Долженко Р.А.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики труда и управления персоналом
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

В работе представлена оценка возможностей и перспектив развития нового кампуса вуза с точки зрения различных стейкхолдеров региона. Сформулирован вариант тактических направлений развития кампуса до момента завершения строительства второй очереди зданий. Выделены проблемные зоны, способные замедлить воплощение стратегического видения кампуса в системе региона и его образовательной среды. На основе анализа перспективных направлений развития образования и региона определен перечень активностей, которые обеспечат подготовку субъектов нового кампуса вуза к воплощению его стратегической роли.

Оценка показывает, что последовательная реализация программы строительства и развития нового кампуса вуза (как и других участников проекта создания новых кампусов мирового уровня в стране), не учитывающая запросы стейкхолдеров и изменчивые условия внешней среды, способна замедлить достижение целевых показателей и новой роли вузов в образовательном и социально-экономическом пространстве региона и страны. Отложенность планируемого результата строительства кампуса требует оперативных и гибких мер по его встраиванию в общественную жизнь региона.

Теоретическая значимость исследования заключается в осмыслении роли и наполнении новых кампусов университетов, которые создаются в стране, с позиции стейхколдерского подхода. Практическая значимость связана с возможностью учета мнения стейкхолдеров системы высшего образования при проектировании кампусов.

Ключевые слова: *университет, новый кампус, роль вуза, стейкхолдеры, регион, стратегия*

Для цитирования: *Долженко Р.А. Стейкхолдерский подход к развитию нового кампуса вуза // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 21–29. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-21-29.*

Высшие учебные заведения являются важным элементом общественной жизни, так как через них проходит значительная часть студентов, приобретающих определенные знания и навыки. Это далеко не единственная функция вузов, но именно она является традиционной, базовой, системообразующей. При этом в рамках ускоряющегося общественного развития система высшего образования ищет новую миссию [1] – перебирает новые предназначения, исходя из целевого видения регулятора, запросов экономических субъектов, трендов и событий: научную, воспитательную, общественную и другие. Этот функционал зачастую приживается с трудом, прививается с разным успехом в зависимости от текущих приоритетов руководства, остается лишь в той мере, в какой можно сказать, что работа ведется, некоторые успехи есть, но на интенсивное развитие не хватает ресурсов. При этом все субъекты понимают, что новые смыслы необходимы, как и обновление традиционной образовательной деятельно-

сти. Одним из воплощений новой попытки помочь крупнейшим университетским площадкам обрести новый ключевой смысл в развитии региона, его населения, бизнеса и органов власти с учетом национальной и территориальной уникальности стал проект создания Кампусов мирового уровня в отдельных регионах страны. Одним из первых вузов, получившим результат в виде постройки и запуска первой очереди зданий и сооружений нового кампуса, стал Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (далее – УрФУ). Летом 2023 г. были достроены первые здания нового кампуса, которые в последующем будут интегрированы в целую экосистему вместе с новыми корпусами ключевых образовательных структур, спортивного и медицинского сооружений, крупнейшей выставочной площадки Экспо и будущего Технопарка «Космос». Первые здания уже запущены, полноценно работают, этому событию предшествовала долгая история разработки концепций, утверждения проектов, согласования с заинтересованными субъектами. Но в данной статье нас не интересует прошлое, важнее понять, каким будет будущее проекта «Кампус УрФУ», и что необходимо делать уже сегодня, чтобы помочь мечте и целям множества субъектов сбыться.

Т**еоретические основы стейкхолдерского подхода к управлению вузом.** Первым ввел понятие «стейкхолдер» (заинтересованная сторона) Р. Фримен в своей работе «Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон» [2], он же и предложил новую организационную модель, согласно которой компания в своей деятельности должна ориентироваться на запросы стейкхолдеров. Прямой перевод слова «*stakeholder*» с английского звучит как «держатель интереса», в российской научной среде также используются синонимы: «заинтересованная сторона», «причастная сторона», «группа влияния», «коалиция влияния», «участники коалиции», «заинтересованная группа», «целевая аудитория», «группа интересов». В работе мы будем придерживаться традиционного подхода, согласно которому стейкхолдер вуза – это субъект, который имеет интересы относительно университета или его проекта, а также обладает влиянием на него. Р. Фримен в своей работе обозначил базовые моменты, на которые необходимо ориентироваться при учете мнения стейкхолдеров:

– кто входит в число стейкхолдеров;

– что хотят заинтересованные стороны, какие цели они преследуют;

– при помощи чего они добиваются своих целей.

Перечень может быть дополнен еще несколькими базовыми вопросами:

– какие ключевые задачи стоят перед потенциальным стейкхолдером, в чем он нуждается в текущий момент;

– что может сделать вуз, чтобы быть полезным в решении ключевых задач стейкхолдера;

– как вуз может убедиться в том, что партнер получил искомый результат от взаимодействия.

Представления об университетах как организациях, которые могут и должны быть вписаны в теорию стейкхолдерского управления, достаточно распространены в отечественной научной среде. Среди основных исследователей вопроса можно выделить не только зарубежных ученых, но и российских: В.А. Нагорнова, О.В. Перфильеву [3], В.Н. Стрекаловского и В.М. Саввинову [4], Е.С. Попову [5] и др. Ключевая установка всех исследователей – одним из главных условий долговременного существования университета является его способность налаживать и поддерживать отношения со стейкхолдерами. Разрыв или существенное ухудшение отношений хотя бы с одной заинтересованной стороной может негативно сказаться на деятельности вуза в долгосрочной перспективе.

У любого университета есть множество заинтересованных групп, с которыми он активно взаимодействует, исходя из внутренних и внешних приоритетов. Они зависят от статуса вуза, позиции руководства, сложившихся исторических предпосылок, текущих конъектурных предпосылок и т.д. Особенность именно университета на фоне других организаций заключается в том, что у него много разных стейкхолдеров, имеющих разные интересы и ресурсы. У обычной организации лишь несколько основных заинтересованных сторон, как правило, это – акционеры или собственники компании. Университет, в отличие от них, не ограничен только государством и внешними партнерами. В их число входят: организации, обучающие будущих студентов, бизнес-сообщество, трудоустраивающее выпускников, а также общество, определяющее репутацию вуза, и другие субъекты.

При этом необходимо помнить, что система университетов неоднородна, вид образовательной организации накладывает отпечаток на структуру и влияние стейкхолдеров. В нашей стране в 2023 г. действует два национальных университета (Московский государственный и Санкт-Петербургский государственный), 10 федеральных, 29 национальных исследовательских, около 50 опорных университетов, а также отдельная когорта университетов – участников проекта «Приоритет 2030», имеющая важное значение для развития системы образования. До сих пор актуальны результаты проекта «5-100», объединявшего 21 флагман среди вузов страны, который закончился несколько лет назад. Нельзя не сказать об особом значении региональных вузов (в части роли в существовании и развитии региона). Их много, они имеют разное обеспечение ресурсами и степень интеграции в социально-экономическую жизнь территории.

В настоящее время, на наш взгляд, именно высшее образование является одним из ключевых фак-

торов развития региона, влияющим на множество субъектов, привлекающим внимание ряда заинтересованных лиц, способных оказать влияние на развитие образовательных организаций, так и конкретного вуза, а в нашем случае – и его отдельного кампуса. С опорой на работы ряда авторов в области стейкхолдерского подхода нами были выделены следующие стейкхолдеры университета в регионе (рис. 1).

Уверены, перечень далеко не исчерпывающий, так как развиваются регионы, бизнес, сами университеты, реализуются проекты, призванные трансформировать вузы, что не может не менять их роль и влияние заинтересованных лиц. Одним из таких проектов является уникальная инициатива государства по созданию новых инновационных кампусов ключевых университетов в регионах страны.

Впервые о новых уникальных кампусах университетов заговорили более 10 лет назад. Государством был накоплен достаточный экономический ресурс для инвестиций в вузы, в том числе в необходимую современную инфраструктуру. Система высшего образования последовательно искала новые приоритеты в развитии через ориентацию на лучшие образовательные системы мира (через «Проект 5–100»), интеграцию с бизнесом и регионами (через проект создания Научно-образовательных центров в регионах), достижение национальных целей развития страны (через проект «Приоритет-2030») и другие подходы. Важной особенностью всех этих направлений является их связанность и преемственность, что позволяет удерживать результаты, полученные на каждом этапе и использовать их на следующем.

Инициаторы проекта создания новых кампусов исходили из установки, что именно ограничения в инфраструктуре являются сдерживающим фактором на пути развития системы образования [6].

Первые отечественные работы о перспективах и возможностях обновления университетских кампусов начали появляться более 10 лет назад. Как правило, это были работы, связанные с инженерно-архитектурными изысканиями [7], поиском ответов на вопрос: «Как должны выглядеть кампусы в свете актуальных требований» [8] и примеров из зарубежных вузов [9]. Новый импульс к научным изысканиям дал проект Министерства науки и высшего образования РФ по созданию новых кампусов вузов в регионах страны. Его реализация повлекла исследования передового опыта зарубежных вузов [10; 11], возможных планировок пространств конкретных кампусов [12–15], ценностных и экологических аспектов кампусов [16–18], механизмом встраивания вуза в социально-экономическую жизнь территории умного города [19–21], инновационных педагогических подходов в новых Кампусах [22; 23], механизмов взаимодействия вуза с сообществами на базе новых пространств [24–26] и другие. Каждый год у исследователей появляется все больше материалов для анализа уже отечественного опыта на базе только что построенных зданий, но вопросов меньше не становится. Какую роль займут в череде проектов трансформации системы высшего образования новые кампусы? Какие ограничения на пути их создания и запуска существуют в регионах? Ответы на них уже пытаются найти ученые и практики, например, в работе Т.С. Ремизовой и А.А. Алаева [27]. Ключевой вопрос, на который мы планируем ответить, с одной стороны, локален, с другой – позволяет системно посмотреть на предназначение новых пространств: какие заинтересованные стороны есть у Нового кампуса УрФУ и каким образом можно учесть их интересы в развитии нового образовательного топоса Урала? Ответы на него рассмотрим далее.

Анализ текущего состояния базовых стейкхолдеров нового кампуса УРФУ. Выделим укрупнённых ключевых стейкхолдеров (заинтересованных лиц) в развитии Нового кампуса УрФУ, кроме того, зафиксируем типовое отношение к нему в настоящее время. Таковыми, по нашему мнению, являются:

– Министерство науки и высшего образования РФ. Ключевое заинтересованное лицо в развитии кампусов в регионах страны, прошедших конкурсный отбор: инициатор, регулятор [28], инвестор. Именно новые кампусы могут стать площадками для пересборки смыслов современных университетов, не отягощенными проблемами прошлого (оторванность от индустриальных партнеров, слабая интеграция в стратегию развития региона, «древняя» инфраструктура, слабые бизнес-модели, не позволяющие самостоятельно изыскивать возможности для развития и др.).

– Региональные органы власти, в том числе губернатор Свердловской области, лично поддерживающий Кам-

Рис. 1. Возможные стейкхолдеры университета

пус на протяжении всего времени его запуска, инициировавший свой собственный проект «Кампус», который связан с дополнительной поддержкой студентов в регионе (одинаковое название вносит некоторую сумятицу у людей, которые не погружены в предметную область деятельности, заставляют их думать, что это одно и тоже); Министерство образования и молодежной политики Свердловской области, в том числе отвечающее за координацию деятельности вузов, решение локальных задач в области образования и воспитания; Министерство промышленности и науки Свердловской области, которое заинтересовано в развитии научных исследований в коллаборациях научных, образовательных и бизнес-организаций; Министерство инвестиций и развития Свердловской области, некоторые сателлиты которого видят перспективу в развитии нового молодежного бизнеса на базе «Космоса» и Кампуса; Министерство экономики и территориального развития Свердловской области, заинтересованное в обеспечении рынка труда молодыми кадрами, исходя из реальной потребности, в первую очередь в инженерный кадрах.

– Вузы региона, которые получают возможность решить один из ключевых вопросов со строительством Кампуса – обеспеченность общежитиями. За счет большого количества мест проживания в новых общежитиях УрФУ образуется дополнительный резерв в высококачественных местах проживания. При этом для большинства образовательных организаций региона дальнейшее развитие крупнейшего вуза не только региона, но и страны может быть угрозой для среднесрочного существования, т.к. у большинства из них нет ресурсной возможности обновлять общежития и корпуса, что снижает их конкурентоспособность на фоне образовательного флагмана региона с лучшей новой инфраструктурой. Сдерживающим моментом в развитии отношений с другими вузами является ограниченный доступ на территорию Кампуса для сторонних субъектов. Студенты и преподаватели других вузов, представители бизнеса могут попасть на территорию только по отдельным спискам и в особых случаях, как правило, в рамках редких мероприятий на территории. Это ограничивает ключевую установку инициаторов проекта – создание открытой территории для всех вовлеченных жителей города.

– Бизнес в разных сегментах: крупный, средний, малый. На данный момент совокупность важных стейкхолдеров представлена крупнейшим бизнесом региона, который был вовлечен в проект, начиная со стадии инициации, строительства, запуска (в первую очередь «Трубная металлургическая компания» и Группа компаний «Синара»). Средний и малый бизнесы пока не представлены, предполагается, что они подключатся при расширении инфраструктурных возможностей для студентов через создание мест общепита, отдыха и развлечений. В настоящее время они, как правило, не имеют представлений о Кампусе, его возможностях и перспективах, не вовлечены в процессы развития места.

– Студенты как один из самых массовых субъектов уже проявили себя, продемонстрировав администрации и обществу свою позицию по поводу нежелания заселяться в отдаленные от центра города общежития [29]. Дальнейшая работа с ними показала, что ситуация сложилась из-за отсутствия заранее проработанного и реализованного плана коммуникаций с молодыми людьми. Отработка запросов студентов, быстрая и эффектная PR-компания места, оперативное решение транспортного вопроса со стороны Администрации Екатеринбурга свели на нет негатив, купировали протестное отношение молодых людей.

– Родители студентов и будущих абитуриентов знают о новом кампусе настолько, насколько его строительство освещалось в СМИ, а также в связи с напряженной ситуацией летом [29]. Отдельная категория среди родителей – это выпускники УрФУ, которые в свою очередь также неоднородны, т.к. представляют разные этапы в развитии вуза и некоторые из них придерживаются негативного отношения к объединению двух крупнейших вузов региона в один. Ностальгия по важнейшему этапу жизни, связанному, например, с Уральским государственным университетом (УрГУ) или Уральским политехническим институтом (УПИ), из которых был сформирован Уральский федеральный университет (УрФУ), формирует восприятие нового вуза, появившегося в ходе их объединения.

– Абитуриенты представлены школьниками Свердловской области, которые в ближайшие несколько лет будут жить в общежитиях Кампуса, а с 2026 г. и обучаться в ключевых образовательных центрах университета (Специализированного учебно-научного центра (далее – СУНЦ УрФУ), Института радиоэлектроники и информационных технологий (далее – ИРИТ-РТФ УрФУ), Института экономики и управления (далее – ИнЭУ УрФУ)). В этом направлении ведется разовая работа, приуроченная к масштабным мероприятиям на территории Кампуса. Системно взаимодействие с ними не выстроено, в то время как у региона есть возможности организовать профориентационные посещения кампуса, объединенные с мероприятиями на площадке Экспо и в самом Кампусе. В качестве примера можно привести опыт Великого Новгорода, когда в рамках чемпионата высоких технологий в ИНТЦ «Валдай» на мероприятие вывозились дети из школ региона с целью профориентации.

– Инвесторы также являются важными субъектами, необходимыми для развития Кампуса, но университеты очень ограничены в использовании заемных средств в силу своей особой роли и жест-

ких нормативных рамок. Кредитные организации напрямую не могут выстраивать инвестиционные отношения с вузами, поэтому последние могут рассчитывать на поддержку со стороны благотворительных фондов, выпускников и других заинтересованных сторон в рамках эндаумент-фондов.

В комплексном исследовании предпосылок и возможностей построения новых кампусов вузов РФ, проведенном в 2021 г., выделены три ключевых обобщенных запроса стейкхолдеров: дефицит предпринимательства в сфере инноваций и технологий, дефицит университетского сообщества в современной инфраструктуре на территории вузов; дефициты городов [30].

Исходя из данного перечня заинтересованных сторон, нами были сформулированы базовые рекомендации по развитию кампуса с ориентацией на удовлетворение запросов всех ключевых стейкхолдеров кампуса УрФУ.

На наш взгляд, уже сейчас он должен «вытягивать» себя в будущий образ площадки для переосмысления роли университета в развитии города, региона, страны через интеграцию науки, бизнеса, образования в единый взаимодействующий кластер, в котором будут учиться, работать и жить таланты всех уровней со всего мира. Перечень базовых направлений развития, исходя из приоритетов развития отношений с ключевыми стейкхолдерами Кампуса, приведен на рисунке 2.

Каждое направление ориентировано на базового стейкхолдера. Рассмотрим содержание выделенных направлений подробнее.

При этом отметим, что никто не отменял текущие, **базовые направления деятельности кампуса и его инфраструктуры.** Заселяются студенты, сдаются пространства, осуществляется текущая деятельность – в этой связи необходимо обеспечивать качественный и быстрый сервис для проживающих студентов. Параллельно в ходе стройки необходимо будет актуализировать новые технологии и лучшие наработки в инфраструктуре под запросы формируемой системы образования. В текущем виде деятельность кампуса обеспечивается за счет сторонних средств, при этом уже сейчас необходимо проработать экономическую модель кампуса: как его содержать и как выстраивать его полную загрузку и безубыточность с первых лет существования. В настоящее время установка на открытый статус кампуса не реализуется, доступ на территорию имеют только проживающие студенты, сотрудники и организованные делегации vip-гостей, которым демонстрируют возможности кампуса. При этом поддерживается круглосуточная охрана территории большим количеством охранников, что экономически невыгодно. На момент стройки, принятия и заселения необходимо обеспечить максимальный рост удовлетворенности студентов и партнеров инфраструктурой Кампуса, последние из числа бизнеса должны иметь возможность максимально быстро интегрироваться в систему поддержки жизни в кампусе.

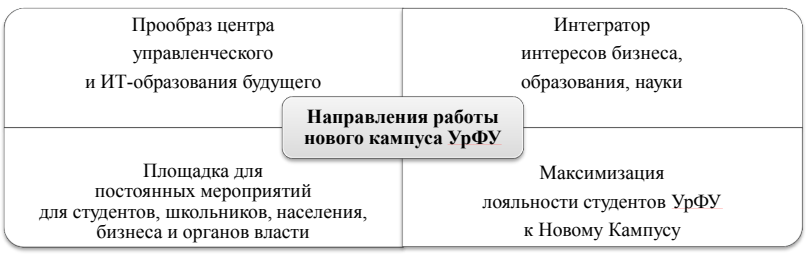

Рис. 2. Направления работы нового кампуса УрФУ до реализации строительства 2-й очереди

1 направление: Центр образования и науки (стейкхолдер – региональные органы власти). Это ключевой вектор развития Кампуса, в котором заинтересовано максимальное количество стейкхолдеров, в первую очередь региональные органы власти, т.к. именно подготовка кадров на перспективу является ключевой задачей системы образования. В этой связи уже сейчас необходимо прорабатывать возможности создания новых образовательных программ, которые будут удовлетворять запросы области. Планируется, что на базе Кампуса будут дислоцироваться институты ИРИТ-РтФ и ИнЭУ, а также СУНЦ УрФУ, завершение строительства зданий под них запланировано на 2025 г. Но это не означает, что до этого момента можно заморозить вопрос релокации и создания новых образовательных программ. Необходимо не просто переместить действующие институты с сотрудниками и студентами, но предварительно спроектировать новое содержание образовательной деятельности в Кампусе. Как минимум уже сейчас необходимо готовить преподавателей к перспективе работать в новом месте дислокации института (что актуализирует необходимость плана работы с действующими сотрудниками как ключевыми внутренними стейкхолдерами, но эта тема требует отдельной проработки), сформировать вместе с индустриальными партнерами целевое содержание будущих программ, под запросы индустрии, региона, страны, в том числе на опережение, с учетом региональных планов по созданию Технопарка «Космос» рядом с Кампусом. Помимо удержания действующего профессорско-преподавательского состава необходим комплекс мероприятий по привлечению лучших преподавателей, ученых и практиков региона, страны и мира.

2 направление: Площадка для мероприятий (стейкхолдер – население, абитуриенты, родители). В настоящее время из-за демографической ямы, снижения востребованности высшего образования и других глобальных и локальных причин наблюдается значительное снижение контингента обучаемых. По оценкам экспертов, с 2025 г.

планируется незначительное увеличение численности молодежи по сравнению с текущими показателями, которое будет временным и сменится продолжающимся снижением количества молодых людей в школах, а значит, и будущих абитуриентов. Это означает, что профориентационная работа в направлении последующего обучения в Кампусе УрФУ должна быть усилена и доведена до такого уровня качества, чтобы абитуриенты поступали, учились и работали по востребованным специальностям.

Одновременно необходимо развивать и позиционировать Кампус в качестве центра развития карьеры для студентов не только УрФУ, но и других вузов региона, через тесную интеграцию с бизнесом. На базе площадки может быть создан единый центр развития карьеры, который будет заниматься целевым обучением, взаимодействием с работодателями, экскурсиями и др. На наш взгляд, это направление требует еще большего развития по сравнению с текущими приоритетами вузов к работе с партнерами через деятельность Центров по развитию карьеры и других специализированных структур, которые занимаются трудоустройством выпускников, т.к. работодатели являются одним из ключевых стейкхолдеров, запросы которого не удовлетворяются в полной мере.

Еще один сегмент работы – прочие категории населения, может быть реализован за счет максимального привлечения гостей к мероприятиям в Кампусе через выставки, мастер-классы, профильные смены (упор на управленцев + инженеров ИТ). Они должны проводиться не разово и от случая к случаю (например, фестиваль *RuCode*, первое крупное мероприятие в Кампусе за 2 месяца), а системно, по утвержденной программе, практически каждый день.

3 направление: развитие Кампуса в качестве интегратора бизнеса (стейкхолдер – бизнес региона). Уже сейчас можно приобщать бизнес региона Урала, страны и мира к возможностям кампуса через мероприятия и выставки, взаимодействия со студентами, проектную деятельность и др. Отдельно необходимо максимально вовлекать малый и средний бизнес в развитие инфраструктуры для студентов: парковки, кафе, магазины, библиотеки, кинотеатры, музеи, театры, бытовые сервисы и др. [31].

Перспективный региональный проект – Технопарк «Космос», строительство которого запланировано параллельно 2-й очереди Кампуса. Вместе с инфраструктурой выставочного центра Экспо, Технопарк и Кампус станут частью целой бизнес-экосистемы. К 2025 г. необходимо начать работу по интеграции Кампуса с технопарком «Космос» через взаимное развитие и вовлечение резидентов, студентов и преподавателей.

Очень важная цель, которую декларирует Минобранауки РФ, – это развитие дополнительного образования для всех возрастов в течение жизни. Это направление также находится на перепутье, т.к. мобилизационные задачи, стоящие перед страной, требуют кратного увеличения эффективности образования, чего нельзя добиться через использование традиционных подходов к дополнительному образованию (ДО и ДПО). Поэтому мы предлагаем сформулировать задачу развития бизнес-образования на площадке Кампуса через уникальные программы, основанные в том числе на особенностях Урала, его экономики, управленческих подходов, ценностей населения.

4 направление: максимальная лояльность действующих студентов (стейкхолдер – студенты). Как показала ситуация лета 2023 г., когда были приняты первые здания нового общежития и было запланировано заселение на начало учебного года, что вызывало негативную реакцию со стороны студентов, т.к. кампус находится далеко от учебных зданий, а транспортная инфрастуктура не была проработана, поэтому первоочередный приоритет в развитии кампуса должен быть уделен максимизации лояльности студентов УрФУ к новому месту. На наш взгляд, сделать это можно за счет следующих активностей:

• цифровизации инфраструктурных и информационных сервисов для студентов через мобильное приложение и социальные сети;

• вовлечение студентов в развитие кампуса через сессии, обсуждения, проекты обустройства, срезы удовлетворенности. Параллельно необходимо развивать бренд Кампуса в разных сегментах жителей города: пожилые люди, ориентированные на традиционный образ вуза и любящие его текущие пространства, взрослые люди – родители текущих и будущих студентов, проживающие в кампусе студенты, будущие абитуриенты из числа школьников города и др.;

• создание команды амбассадоров кампуса как из известных личностей, так и лидеров студенческих активов институтов. Развитие внутри кампуса клубов по интересам: спорт, музыка, театр, танцы, патриотизм, молодежная наука, студенческий совет, туризм, ИТ и компьютерные игры, живопись и др.;

• публичные мероприятия, интересные студентам, продвижение чтения, спорта, других аспектов активной жизненной позиции молодых людей с помощью инфраструктуры Кампуса по отдельной программе, в которой мероприятия проходят на постоянной основе, а не 1–2 раза в год. В этом направлении возможна интеграция с проектами унитарной некоммерческой организации «Россия – страны возможностей», Росмолодежи и др. федеральных площадок.

Все эти направления деятельности должны иметь целевой характер, закрепленный в показателях эффективности, на которые должны ориентироваться руководство Кампуса. Пример возможных ключевых показателей эффективности по направлениям развития кампуса приведен в таблице 1.

Таблица 1

Возможные показатели* эффективности на старте

Возможные показатели	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Дополнительные доходы от использования возможностей Кампуса, млн руб.	2	10	50
Количество уникальных посетителей Кампуса (помимо студентов)	1 800	5 000	20 000
в т.ч. будущих абитуриентов	900	2 500	10 000
Количество предприятий МБ/СБ/КБ взаимодействующих с Кампусом (с наличием фин. трансакций)	100	500	1 000
Количество студенческих коллективов/клубов в Кампусе	7	15	30
Количество топ-спикеров федерального и мирового уровня на площадке Кампуса	5	20	100
Удовлетворенность студентов и ключевых стейкхолдеров инфраструктурой кампуса	75 %	80 %	85 %

* количественные параметры КПЭ в таблице приведены в качестве примера и не связаны с реальными показателями деятельности.

Все предлагаемые активности должны не только обеспечивать запросы стейкхолдеров, но и формировать между ними (отдельными представителями университета, бизнеса, органов власти и населения) такие взаимодействия и проекты, которые могут генерировать, упаковывать и реализовывать новые бизнес-идеи.

Что для этого необходимо? Как минимум выделенное направление деятельности с отдельной проектной структурой в прямом подчинении ректору/профильному проректору УрФУ для максимизации скорости принятия решений по Кампусу и их реализации. В команду ответственных за кампус помимо специалистов по административно-хозяйственной работе и администраторов общежитий необходимо включить экспертов в разработку новых образовательных программ и реализацию исследований силами молодых людей, проведению ярких внеучебных мероприятий и их продвижению в социальных сетях, карьерной ориентации молодёжи.

На первом этапе проектная команда запускает ключевые направления деятельности кампуса во взаимодействии с базовым персоналом УрФУ, на втором – помогает стержневым резидентам кампуса (ИРИТ-РтФ УрФУ, ИнЭУ УрФУ, СУНЦ УрФУ) подготовиться к интеграции, трансформировать текущие образовательные программы под развивающийся экосистемный ландшафт, помочь работникам адаптироваться к новому месту. Все это позволит к завершению строительства 2-й очереди иметь готовую инфраструктуру, вовлеченных стейкхолдеров, минимум проблем на старте полноценной работы кампуса. Хотя, судя по новизне проекта, недовольные будут в любом случае, т.к. слишком инновационна структура и амбициозны задачи, которые перед ней стоят.

В стране в настоящее время разворачивается целая сеть уникальных образовательных пространств мирового уровня, обладающих территориальной идентичностью, нацеленных на реализацию целей масштабного и опережающего развития страны. Этот процесс, несмотря на очень быструю стройку кампусов, растянут во времени и, как все новое, вызывает скептицизм и сопротивление со стороны ряда субъектов: населения региона, переживающего за территорию своего проживания, студентов и преподавателей, привыкших к традиционным пространствам университета, представителей других вузов, теряющих на фоне уникальных кампусов свои былые преимущества и многих других. В этих условиях отвечающим за создание новых Кампусов остается либо затаиться, и очень осторожно, дозировано выводить в информационное пространство сведения о месте и его развитии, либо вовлекать субъектов в жизнь кампуса, насыщать его активностями, показывать все преимущества развития региона с таким топосом.

В любом случае Кампус продолжает строиться, обретать контуры не только как место на карте города, но и как уникальное образовательное пространство, в котором по-новому и эффективному должны будут учиться лучшие студенты региона и страны. Прорабатывать эти моменты нужно уже сегодня, чтобы впоследствии не оказаться в ситуации, когда единственным вариантом будет перенос стержневых резидентов кампуса (ИРИТ-РтФ УрФУ, ИнЭУ УрФУ, СУНЦ УрФУ) в неизменном виде из старого места в новое, с сохранением действующих образовательных программ и подходов, что явно противоречит целям создателей проекта.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. 144 с.
2. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Pitman Publishing: London, 1984. 276 p.

3. Нагорнов В.А., Перфильева О.В. Оценка роли вузов в региональном развитии: формирование устойчивых партнерств для взаимодействия // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2010. № 4. С. 60–86.
4. Саввинов В.М., Стрекаловский В.Н. Учет интересов стейкхолдеров в управлении развитием образования // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. Т. 8. № 1. С. 87–99.
5. Попова Е.С. Механизм взаимовлияния направлений регионального развития и стратегий вузов // Ars Administrandi (Искусство управления). 2012. № 2. С. 47–54.
6. Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/3f0/kbpm276p3tau6knlzdla3d6ozz0fve0e.pdf
7. Кулешова Г.И. Университет и город. Очерк эволюции связи университетской институции с городской средой. Ч. 1. Мировой опыт // Academia. Архитектура и строительство. 2021. № 4. С. 70–79.
8. Пучков М.В. Опыт пространственной организации современных университетских комплексов // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 2(72). С. 30–39.
9. Берестова А.В., Ларионова В.А. Выбор пространственной организации современного кампуса. Ч. 1. Анализ пространства кампусов мировых университетов // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2017. № 3(34). С. 66–70.
10. Гудова М.Ю., Гузикова М.О. Модель полиязычного образования в университете: критическая теория грамотности и опыт Китая // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 2. № 2(64). С. 186–199.
11. Kerr S. Creating a culture of support for students in American universities: the emergence of a new non-traditional model // Поволжский педагогический вестник. 2017. Т. 5. № 2(15). С. 106–110.
12. Гагнидзе Т.В., Гудзь Т.В. Развитие города Перми через взаимодействие город – «университетский кампус» // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2017. № 1(25). С. 19–32.
13. Моор В. Универсальное пространство Дальневосточного федерального университета // Проект Байкал. 2015. Т. 12. № 44. С. 128–129.
14. Просеков А.Ю. Концепция развития инфраструктуры южного кампуса сетевого университета Научно-образовательного центра «Кузбасс» // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 2. С. 49–58.
15. Багина Е. На пустом месте? О трёх попытках построить полноценный университетский кампус в Екатеринбурге // Проект Байкал. 2015. Т. 12. № 44. С. 114–117.
16. Евсеева А.И. «ВузЭкоФест» как практика развития экологической культуры студентов // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 5. С. 96–103.
17. Павлова В.А., Голошубин В.С. Экологические технологии в проектировании современных университетских кампусов // Архитектура и современные информационные технологии. 2017. № 1(38). С. 371–382.
18. Панасенкова Е.Ю. Влияние факторов устойчивого развития на стратегическую политику университетов // XXI век. Техносферная безопасность. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 146–156.
19. Коршунов Г.В., Ведерникова И.О., Дубиковский С.Ю. Университет в среде небольшого города: флюиды кампусного уклада // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 134–143.
20. Стариков А.А. Культура пространственной организации как фактор конкурентоспособности университета // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 2(72). С. 15–29.
21. Костина С.Н. Готова ли инфраструктура региональных вузов к решению задач цифровой трансформации? // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 3. С. 14–32.
22. Митякина Н.А., Старченко К.М., Доценко В.А. и др. Некоторые аспекты учебной проектной деятельности студентов при разработке общественного коворкингового пространства на территории кампуса вуза // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2022. № 8. С. 60–70.
23. Дианова Ю.А., Сергеева С.В. Научно-проектный кампус университета как эффективная среда развития студента-инноватора // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12. № 1(45). С. 17–23.
24. Смирнов В.А., Фадеева Л.А., Пунина К.А., Голубев С.В. Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) // ARS Administrandi. Искусство управления. 2013. № 4. С. 103–116.
25. Виноградова И.А., Иванова Е.В., Блинова А.О. «Третья миссия» университета: исследование потенциала университетских кампусов во взаимодействии с городскими сообществами // Социодинамика. 2023. № 2. С. 33–49.
26. Ткаченко И.Н., Метелева М.А. Моделирование стейкхолдерской стоимости корпоративной сети, создаваемой в процессе реализации политики социальной ответственности // Управленец. 2023. Т. 14. № 3. С. 44–58.
27. Ремизова Т.С., Алаев А.А. Университетские кампусы мирового уровня как новая форма организации образовательных пространств на территории Российской Федерации // Университетское управление: практика и анализ. 2023. № 27(2). С. 101–115.
28. Постановление Правительства РФ от 28 июля 2021 г. № 1268 «О реализации проекта по созданию инновационной образовательной среды (кампусов) с применением механизмов государственно-частного партнерства и концессионных

соглашений в рамках федерального проекта «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров» национального проекта «Наука и университеты» // СПС Гарант.
29. Представитель УрФУ успокоила студентов, встревоженных предстоящим переездом в университетский кампус на окраине Екатеринбурга. URL: https://www.interfax-russia.ru/ural/news/predstavitel-urfu-uspokoila-studentov-vstrevozhennyh-predstoyashchim-pereezdom-v-universitetskiy-kampus-na-okraine-ekaterinburga.
30. Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/3f0/kbpm276p3tau6knlzdla3d6ozz0fve0e.pdf.
31. Dadabaeva R.A., Jamoliddinov F.S. Digital marketing as an element of sustainable development: trends, challenges and opportunities // Digital Models and Solutions. 2024. Vol. 3. № 1. P. 65–79.

Stakeholder Approach to the Development of the New Campus University

Dolzhenko R.A.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The paper presents an assessment of the opportunities and prospects for the development of the new university campus from the point of view of various stakeholders in the region. A variant of tactical directions for the development of the campus until the completion of the construction of the second stage of buildings has been formulated. Problem areas that can slow down the implementation of the strategic vision of the campus in the system of the region and its educational environment are identified. Based on the analysis of promising directions for the development of education and the region, highlight a list of activities that will ensure the preparation of the subjects of the new campus of the university to implement its strategic role. Main research methods: document analysis, surveys of possible external stakeholders interested in campus development. The assessment shows that the consistent implementation of the program for the construction and development of the new university campus (as well as other participants in the project to create new world-class campuses in the country), which does not consider the demands of stakeholders and changing environmental conditions, can slow down the achievement of target indicators and the new role of universities in the educational and socio-economic space of the region and country. The delay in the planned result of the construction of the Campus requires prompt and flexible measures to integrate it into the public life of the region.

Keywords: university, new campus, role of the university, stakeholders, region, strategy

УДК 332.1; 336.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-30-34

Финансовые последствия управления приоритетами развития территории в условиях современных ограничений и вызовов

Истомина Н.А.
Доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

Летов П.И.
Аспирант, ассистент кафедры финансов,
денежного обращения и кредита
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

Актуальность исследования обусловлена важностью выбора, сохранения или корректировки приоритетов развития территории в условиях экономической и финансовой нестабильности. Установленная совокупность приоритетов развития может подвергаться негативным внешним воздействиям, что требует принятия соответствующих решений и приводит к определенным финансовым последствиям.

Цель исследования заключается в обосновании финансовых последствий, которые влечет за собой выбор того или иного варианта управления приоритетами развития территории, а также оценки предпочтительности выбора конкретного варианта. В качестве задач исследования установлены: определение совокупности вариантов управления приоритетами развития; расширенная интерпретация содержания каждого варианта; оценка вероятных последствий при выборе варианта управления для бюджетов территорий.

Научная и практическая значимость работы заключается в возможности развития подходов к управлению территориальным развитием на основе совокупности вариантов управления и оценки их финансовых последствий, возможности разработки и уточнения содержания плановых и прогнозных документов на уровне субъектов РФ и органов местного самоуправления с учетом ожидаемых финансовых последствий выбора одного из вариантов.

По результатам исследования доказано, что сохранение выбранных приоритетов развития с соответствующим финансовым обеспечением является наиболее перспективным вариантом, обеспечивающим ранее определенные темпы территориального развития, но при этом характеризующимся высокими рисками при возможном дефиците финансовых ресурсов. Выбор вариантов, предполагающих корректировку приоритетов с пересмотром финансирования либо отказ от ранее установленных приоритетов, является более критичными для территории с точки зрения решения актуальных проблем, но при этом предполагающим более значительную эконо-

мию финансовых ресурсов и возможность их дальнейшего перераспределения на более значимые направления.

Научная новизна работы заключается в комплексном обосновании вариантов управления приоритетами развития территорий на основе сочетания подходов региональной экономики и финансовой науки.

Ключевые слова: *приоритет развития, управление, территория, финансовые ресурсы*

Для цитирования: *Истомина Н.А., Летов П.И. Финансовые последствия управления приоритетами развития территории в условиях современных ограничений и вызовов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 30–34. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-30-34.*

На современном этапе вопросам перспективного развития регионов и муниципальных образований (территорий) уделяется максимальное внимание. Основу для решения актуальных проблем территорий составляет программно-целевое и проектное управление, в рамках которого разрабатываются, финансируются и реализуются разнообразные программы и проекты (в первую очередь национальные проекты). Указанные документы базируются на определенных органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления приоритетах развития, которые самым прямым образом взаимосвязаны с общегосударственными приоритетами в различных сферах.

В научной литературе, в частности, подчеркивается, что все страны с «большой территорией и значительным уровнем пространственной дифференциации… неизбежно сталкиваются с проблемой выбора приоритетов регионального развития» [1, с. 32]. Деятельность по формированию приоритетов развития базируется на экспертной деятельности, когда выбирается лучший объект (приоритет) из ряда однородных по группе критериев [2]; при формировании приоритетов учитываются разнообразные факторы, в частности, эндогенные и экзогенные, которые могут влиять друг на друга [3]. Приоритеты могут являться сложно структурированными: в составе каждого допускается наличие более конкретных прикладных направлений [4].

Специфика социально-экономических процессов на уровне государства, отдельного региона или муниципального образования такова, что приоритеты развития не всегда могут являться величиной постоянной, хотя целевой вектор для выбора приоритетов достаточно очевиден – «парадигмой при определении приоритетов социально-экономической политики является ее ориентация на решение разнообразных социальных проблем» [5, с. 2688], при этом от обоснованности и адекватности определения приоритетов зависит успешность социально-экономической политики территории [6].

Используя формулировку «управление приоритетами развития», представляется необходимым обосновать совокупность вариантов такого управления на уровне территорий (регионов и муниципальных образований), а также оценить финансовые последствия выбора того или иного варианта. Постановка вопроса о необходимости управления приоритетами развития обусловлена совокупностью существующих серьезных ограничений и вызовов как экономического, так и геополитического, а также социального характера, создающих сложности в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Подчеркнем, что в рамках нижеприведенных вариантов не рассматривается вопрос об изменении приоритетов, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет субсидий из вышестоящих бюджетов.

I вариант. Сохранение ранее установленного приоритета (приоритетов) развития

Данный вариант является наиболее предпочтительным с точки зрения общественного мнения и сохранения темпов достижения ранее установленных параметров социально-экономического развития территорий. Безусловно, если, несмотря на все сложности, установленные приоритеты развития сохраняются, значимые проекты продолжают реализовываться, это максимально положительно воспринимается и населением, и бизнесом, создает уверенность в преодолении сложностей текущего момента, формирует доверие к институтам власти и – самое важное – позволяет территориям двигаться вперед и решать важные для себя проблемы, обеспечивая устойчивость функционирования в будущем.

К финансовым последствиям данного варианта управления приоритетами развития относятся:

– рост финансовой нагрузки на бюджет территории, финансирующий проект (проекты) в рамках установленных приоритетов (региональный или муниципальный бюджеты). Важно отметить, что в данном варианте, как правило, сложно ожидать распределения дополнительных расходов во времени ввиду необходимости завершения реализации проекта в установленные сроки. Таким образом, бюджет территории берет на себя повышенные обязательства;

– риск снижения финансирования по другим составляющим расходов бюджета в том случае, если дополнительные расходы на реализацию проектов в рамках ключевых приоритетов развития планируется осуществить за счет изменений внутри других разделов расходной части. Этот риск не является безусловным ввиду того, что теоретически в бюджете могут быть обнаружены направления финансирования, сокращение расходов по которым в пользу приоритетного проекта будет безболезненным. Однако особенностью современных бюджетов регионов и муниципальных образований является сложность изыскания внутренних резервов ввиду того, что каждый рубль, предусмотренный в бюджете, имеет значение для той или иной сферы регионального/муниципального хозяйства и просто так изыскать резервы для экономии крайне сложно. Если средства будут перераспределяться внутри бюджета с целью завершения приоритетного проекта в установленные сроки, возможно определенное ухудшение ситуации в сферах, теряющих финансирование.

II вариант. Пересмотр совокупности приоритетов развития путем исключения отдельных элементов

В системе проектирования целей развития территорий могут присутствовать самые разнообразные приоритеты, в частности, такие, актуальность которых в процессе разработки и (или) реализации проектов «под приоритет» может быть подвергнута сомнению. Следовательно, может возникнуть вопрос о реальной ценности продолжения финансирования проекта (проектов) и сохранения приоритета как значимого для региона/муниципального образования. Таким образом, можно говорить о таком варианте управления приоритетами развития, как пересмотр состава приоритетов путем исключения отдельных из них с уменьшением объемов финансового обеспечения. В данном случае речь не идет об общегосударственных приоритетах, реализуемых через систему национальных проектов, так как по этим направлениям регионы/муниципальные образования получают федеральные субсидии и не могут самостоятельно принимать решения по составу приоритетов.

К финансовым последствиям данного варианта управления приоритетами развития относятся:

– неэффективность части расходов бюджета территории, ранее направленных на финансирование проекта, актуальность которого признана низкой, а приоритет, под который проект был создан, перешел в категорию незначительных, не представляющих важность для развития территории. По сути, можно говорить о реальных потерях регионального или местного бюджета, об упущенной выгоде для территории, так как эти средства могли быть направлены на действительно более значимые цели. Если никаким образом не доказан особый интерес некоторых субъектов «продвинуть» определенный проект и получить бюджетное финансирование, то представляется возможным оценить рассматриваемую ситуацию как пример низкого качества социально-экономического планирования в регионе/муниципальном образовании;

– достижение экономии бюджетных средств и возможность перенаправить ресурсы на более значимые для территории цели (на дополнительное финансирование сохраненных приоритетов или даже на выдвижение новых). Чем на более ранней стадии будет доказана необходимость пересмотра существующего комплекса приоритетов развития и нецелесообразность сохранения отдельных из них, включая сохранение финансирования соответствующих проектов, тем более в сжатые сроки можно будет провести необходимые финансовые расчеты и внести изменения в бюджет территории с учетом изменения реализуемых проектов и программ;

– появление на территории недостроенных объектов (и иных аналогичных), в отношении которых необходимо ставить и решать вопрос о консервации и (или) демонтаже с соответствующим изысканием в бюджете финансовых ресурсов. Фактически некачественная плановая работа на стадии формирования приоритетов развития наносит финансовый ущерб территории дважды: в плане неэффективных расходов и в плане новых затрат на финансирование консервации/демонтажа объектов, начатых, но не завершенных строительством.

III вариант. Корректировка приоритета (приоритетов) развития без исключения отдельных элементов

В данном случае при выборе варианта управления приоритетами актуальность и ценность всех ранее установленных приоритетов не подвергается сомнению, но возникают вопросы к отдельным аспектам того или иного приоритета: собственно, к формулировке, содержанию, основной или частным идеям, заложенным в приоритет; к плановому сроку реализации мероприятий в рамках того или иного приоритета; территориальному охвату и и т.п. То есть сохранение приоритета (приоритетов) принципиально, но для достижения реальных положительных изменений на территории необходима корректировка приоритета.

В этом случае частично финансовые последствия будут соответствовать второму варианту управления приоритетами развития, в частности, вероятна оценка части ранее осуществленных расходов как неэффективных (при исключении в будущем отдельных финансируемых направлений как не соответствующих новой формулировке содержания приоритета, например) и появление объектов, требующих консервации и соответствующего финансо-

вого обеспечения. Вместе с тем при выборе этого варианта экономия бюджетных расходов будет не безусловной, так как при корректировке содержания приоритета вероятно перераспределение сумм экономии на другое направление в рамках комплекса мероприятий, соответствующих скорректированному приоритету. Однако экономия бюджетных средств в любом случае рассматривается как желательное положительное последствие управления приоритетами развития территории.

Подчеркнем, что в рамках рассмотренных вариантов управления возможны различные нюансы, в частности, при выборе первого варианта вполне вероятна экономия финансовых ресурсов за счет оптимизации содержания реализуемых мероприятий и т.п., а при выборе второго или третьего – возникновение потребности в дополнительном финансировании. В целом сохранение совокупности ранее установленных приоритетов и сосредоточение усилий на достижении целей, несмотря на ограничения и вызовы текущего этапа развития, следует рассматривать как наиболее оптимальный для территории вариант.

Литература

1. Михеева Н.Н. Приоритеты регионального развития как фактор экономического роста. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. URL: https://ecfor.ru/publication/prioritety-regionalnogo-razvitiya-kak-faktor-ekonomicheskogo-rosta.
2. Сальникова К.В. Сущность применения метода расстановки приоритетов при принятии управленческих решений // Современные технологии управления. 2021. № 1 (94). URL: https://sovman.ru/article/9406.
3. Климанов В.В., Чернышова Н.А., Недопивцева Д.А. Механизмы формирования стратегических приоритетов социально-экономического развития // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 4. С. 80–92.
4. Сухарев О.С., Сухарев С.О. Выбор государственных приоритетов научно-технического развития. // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2012. № 6. С. 44–76.
5. Смольянова И.В. Анализ взаимообусловленности приоритетов региональной социально-экономической политики и устойчивости территориального развития // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 10. С. 2687–2700. DOI: 10.18334/epp.12.10.116470.
6. Шомахова Р.А. Разработка системы приоритетов регионального социально-экономического развития в различных сценарных условиях // Вестник Адыгейского государственного университета, серия «Экономика». 2023. Вып. 2 (320). С. 70–76. DOI: 10.53598/2410-3683-2023-2-320-70-76.

Financial Implications of Territory Development Priorities Management in the Modern Constraints and Challenges

Istomina N.A., Letov P.I.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The relevance of the study is due to the importance of choosing, maintaining or adjusting the development priorities of the territory in conditions of economic and financial instability. The set of development priorities may be subject to negative external influences, which requires appropriate decisions and leads to certain financial consequences.

The purpose of the research is to justify the financial implications of choosing a particular option for managing the development priorities of the territory and to assess the preference for choosing a specific option. The objectives of the research are determination of a set of options for managing development priorities; expanded interpretation of the content of each option; assessment of consequences when choosing a management option for the budgets of the territories.

The scientific and practical significance of the research consists of the possibility of developing approaches to managing territorial development based on a set of management options and assessing their financial consequences, of developing and clarifying the content of planned and forecast documents

in the regions and municipalities of the Russian Federation taking into account the expected financial consequences of choosing one of the options.

According to the results of the research, it was proved that maintaining the selected development priorities with appropriate financial support is the most promising option, ensuring the previously determined pace of territorial development, but at the same time characterized by high risks with a possible shortage of financial resources. The choice of options involving the adjustment of priorities with a revision of funding, or the rejection of previously established priorities, are more critical for the territory in terms of solving pressing problems, but at the same time involving more significant savings in financial resources and the possibility of their further redistribution to more significant areas.

The scientific novelty of the work lies in the comprehensive justification of options for managing the priorities of the development of territories based on a combination of approaches of the regional economy and financial science.

Keywords: development priority, management, territory, financial resources

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-35-39

Экономическая безопасность региональной социально-экономической системы и механизм достижения её предпочтительного состояния

Морозов И.В.
Аспирант кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Шлычков В.В.
Начальник Межрегионального филиала Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» в г. Владивостоке

В современных реалиях проблема поддержания экономической безопасности является актуальной для всех без исключения государств и напрямую связана с сохранением ими суверенитета и субъектности. Для России этот процесс обременен значительными дополнительными издержками объявленной в 2022 г. коллективным Западом экономической войны и для эффективного решения задачи достижения приемлемого уровня экономической безопасности в стране создана общенациональная трехуровневая система, ключевой частью которой являются субъекты Российской Федерации. В пределах предоставленных российским законодательством полномочий власти регионов через созданный ими механизм реализуют собственную политику в данной сфере, оказывая значительное влияние на состояние общенациональной экономической безопасности. Раскрытие заявленной темы позволит выявить роль и значение субъектов РФ в процессе обеспечения экономической безопасности и качественно повысить эффективность государственного управления. Применяя доказательный подход в статье классифицируются угрозы экономической безопасности региональных социально-экономических систем, определяются механизмы и инструменты решения задач по эффективному им противодействию. Используя факторный анализ в работе обосновывается необходимость комплексного подхода к решению проблем обеспечения региональной экономической безопасности, предполагающего наличие у субъектов РФ собственных стратегий и концепций, а также соответствующей нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: *экономическая безопасность региона, внешние и внутренние угрозы, концепция обеспечения экономической безопасности, механизм обеспечения экономической безопасности, показатели состояния экономической безопасности*

Для цитирования: *Морозов И.В., Шлычков В.В. Экономическая безопасность региональной социально-экономической системы и механизм достижения её предпочтительного состояния // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 35–39. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-35-39.*

В международный экономико-политологической оборот понятие «экономическая безопасность» ввел Президент США Ф.Д. Рузвельт, который в 1934 г. в рамках провозглашенного курса на усиление регулятивной роли государства в национальной экономике и в целях эффективного противодействия социально-экономическим вызовам и угрозам, связанным с Великой депрессий, учредил Комитет по экономической безопасности [1], тем самым создав для мирового научного сообщества новое направление для исследования. Основной задачей нового органа власти было объявлено восстановление конкурентоспособности американской экономики, решить которую планировалось путем стимулирования развития её традиционно приоритетных отраслей и масштабной финансовой государственной поддержки корпораций.

Реализуя объявленный 32-м Президентом США «Новый курс», власти страны в значительной мере отказались от принципа невмешательства в экономику и разработали достаточно эффективную антикризисную программу, впервые создав государственные институты регулирования рынка, а в целях предупреждения потенциальных кризисных проявлений начали применять новые инструменты прогнозирования развития национальной экономической системы, основанные на комплексной оценке социально-экономических процессов и превентивном выявлении потенциальных вызовов и угроз. Именно анализ итогов этой деятельности властей США, сформулированных в трудах Ф.Х. Найта, А.С. Пигу, Э.Г. Чемберлина, Дж.М. Кейнса, Й.А. Шумпетера и др., заложил научно-методическую базу для изучения новой научной дисциплины – экономической безопасности.

Теоретические основы понятий «экономическая безопасность», «экономическая безопасность регионов» и отдельных связанных с ними категорий

Представители советских общественно-политических наук в силу отсутствия актуальности данной проблематики для существующей в СССР командно-административной системы управления практически не уделяли экономической безопасности пристального внимания, решая возникающие отдельно связанные с ней задачи в рамках изучения иных разделов экономической науки. После демонтажа Советского Союза и взятием Россией курса на построение демократического социально-ориентированного государства с рыночной экономикой российские ученые начали интенсивную научно-теоретическую разработку этой темы, постоянно наращивая свои усилия в силу возрастания её значимости для дальнейшего эффективного социально-экономического развития страны. Как следствие, отечественная науки на сегодня располагает развернутым теоретическим и методологическим обоснованием проблем экономической безопасности в работах Л.И. Абалкина, А.И. Архипова, Ф.Н. Борисевича, Е.М. Бухвальда, В.И. Видяпина, А.Е. Городецкого, М.Ю. Глазьева, А.Н. Илларионова, К.Х. Ипполитова, О.А. Мироновой, Е.А. Олейникова, В.К. Сенчагова, В.В. Шлычкова, Н.Д. Эриашвили и многих других [2–5].

Несмотря на отдельные расхождения в трактовках и акцентах, в настоящее время большинство российских ученых исходят из того, что экономическая безопасность является ключевым элементом и экономическим фундаментом общей системы национальной безопасности, которая «обеспечивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов» [6, п. 27] и позволяет сегодня России сохранять свой государственный суверенитет и независимость, эффективно противодействуя актуальным геополитическим и геоэкономическим вызовам и внутренним угрозам.

Официальная трактовка понятия «экономическая безопасность» дана в обновлённой «Стратегии экономической безопасности», которая определят её как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [7]. Разделяя точку зрения ряда авторов о том, что «экономическая безопасность на сегодняшний день представляет собой многоуровневую систему вертикального и горизонтального взаимодействия субъектов» [8], авторы настоящей работы, опираясь на общенаучный метод, выделяют следующие уровни экономической безопасности:

– мегауровень (зона влияния протекающих геополитических и геоэкономических процессов);

– макроуровень (суверенное государство);

– мезоуровень (регион, отрасль, муниципалитет);

– микроуровень (субъект финансово-хозяйственной деятельности в лице предприятия, домохозяйства или отдельной личности).

При этом все перечисленные уровни образуют целостную глобальную структуру обеспечения экономической безопасности, компоненты которой находятся между собой в постоянном взаимодействии и корреляционной зависимости, оказывая как позитивное, так и негативное воздействие на состояние каждого отдельно взятого элемента или конкретного субъекта. Причем находящиеся в постоянно усиливающейся конкуренции субъекты осуществления экономической политики, как правило, стремятся максимизировать свои преимущества и достичь предпочтительных для них целей не только благодаря собственным усилиям, но в том числе и за счет ущемления прав и законных интересов дру-

гих участников хозяйственной деятельности, что нацеливает последних на выработку и реализацию собственной стратегии по противодействию формирующихся для них актуальных вызовов и угроз, которые в самом широком плане можно разделить на внешние и внутренние. Таким образом, с высокой степенью достоверности, можно заявлять о том, что именно результативное и эффективное сопротивление акторов этим вызовам и угрозам в современных реалиях геополитической турбулентности и обострения соперничества за глобальные рынки является обязательным условием сохранения ими независимости и субъектности.

Экономическая безопасность регионов РФ как элемент достижения национальных целей и задач развития страны в долгосрочной перспективе

На сегодняшний день в России сформировалась единая трехуровневая система управления процессом обеспечения национальной экономической безопасности во главе с Президентом РФ и состоящая из федеральных органов государственной власти и управления, органов государственной власти субъектов и местного самоуправления. При этом закрепленная в ст.1 Конституции РФ «федеративная» форма национально-государственного устройства [9] предопределила особую роль российских регионов в общественной жизни страны в целом и вопросах обеспечения экономической безопасности, в частности, а состояние их экономической безопасности, является важнейшим фактором для всей Федерации, т.к. данный показатель оказывает значительный синергетический эффект на устойчивость и надежность всей социально-экономической системы России.

Являясь значимыми и активными элементами общегосударственной системы, регионы РФ в сфере обеспечения экономической безопасности осуществляют свою деятельность в рамках российского законодательства и на основании общефедеральной Стратегии, используя при этом единые методы и инструменты, однако имея самостоятельный объект управленческого воздействия – социально-экономическую систему региона. При этом Стратегия обязывает субъекты федерации «осуществлять самостоятельную политику обеспечения экономической безопасности» [7].

Экономическая безопасность российских субъектов обеспечивается через механизм выявления потенциальных и реальных угроз для социально-экономической региональной системы и выработке на основе их оценки актуальных и эффективных мер по противодействию им, в целях купирования и последующей нейтрализации отрицательных факторов, а также параллельной поддержки драйверов роста и укреплении социально-экономического потенциала, позволяющих повысить общую «сопротивляемость» к любому негативному воздействию. К сожалению, на наш взгляд, данный аспект достижения желаемого состояния экономической безопасности не всегда верно оценивается экспертным сообществом и в научной литературе встречается мнение о том, что «экономическая безопасность государства зависит главным образом от экономических процессов, происходящих во внешней среде» [4, с. 67]. В свою очередь, авторы настоящей работы разделяя мнение о том, что «экономические успехи любого государства определяются в основном тем, что происходит у него внутри» [10], считают возможным транспонировать данный постулат и на региональные системы, рассматривая процесс укрепления потенциала региона в качестве эффективного метода повышения уровня его экономической безопасности [11].

Субъектами процесса обеспечения региональной экономической безопасности являются органы государственной власти и управления соответствующих регионов и органы власти расположенных на их территории муниципалитетов, которые должны не допустить перерастания потенциальных дестабилизирующих факторов в реальные угрозы устойчивости и надежности региональной социально-экономической системы.

Необходимо признать, что результативность любых антикризисных шагов в значительной степени определяется четко сформулированной классификацией существующих и потенциальных угроз для региона, которые условно можно разделить на внешние и внутренние.

Внешние угрозы, на наш взгляд, подразделяются на:

– геополитические;

– геоэкономические;

– общенациональные (исходящие от деятельности российских субъектов, находящихся вне юрисдикции региональных властей, федеральных органов государственной власти и управления, других субъектов Федерации, корпораций и т.д.).

Внутренние угрозы разделяются на:

– социальные угрозы (отрицательная демографическая динамика и рост миграции; дисбаланс рынка труда; диспропорция в уровнях дохода относительно других субъектов РФ; снижение качества и уровня жизни, коррупция и т.д.);

– финансово-экономические угрозы (продовольственная безопасность; нестабильность региональных рынков; технологическое отставание; износ основных фондов и спад РВП; разрушение инфраструктуры; увеличение регионального госдолга и долга муниципалитетов при росте дефицита регионального и расположенных в нем муниципальных бюджетов; информационная безопасность; снижение инвестиционной активности субъектов и рост объемов неплатежей; снижение экспортного потенциала и интенсивности межрегиональной кооперации; рост доли «серых» зон региональной экономики т.д.);

– экологические.

И если внешние угрозы для регионов формируются в результате изменений геополитической и геоэкономической ситуации или действий субъектов, находящихся вне юрисдикции региональных властей, то источниками внутренних, как правило, являются столкновения частных интересов субъектов (предприятия, домохозяйства, физические лица и т.д.), осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность на их территориях.

Текущее состояние экономической безопасности региона фиксирует актуальное «самочувствие» его социально-экономической системы, определяемое на основании ряда показателей и критериев, колебания пороговых значений которых будет сигнализировать о векторе его изменения в краткосрочной перспективе, а выявление и последующий анализ диагностированных тенденцией будет указывать на наиболее вероятное направление трансформации в кратко- и долгосрочной перспективах. В этой связи как никогда возрастает роль постоянно проводимого мониторинга «качественных» и «количественных» характеристик экономической безопасности региона, который необходим для формирования и обновления базы данных, оценка коей в конечном итоге позволит региональной власти повысить эффективность управления рисками на соответствующих территориях.

Несмотря на наличие вариативности российских экспертов и исследователей в вопросах выбора показателей, авторы настоящей работы придерживаются мнения о том, что они должны быть универсальны для всех субъектов РФ и определяться в рамках действующей «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Однако при разработке собственной концепции и выработке стратегии обеспечения экономической безопасности региональные власти, бесспорно, могут установить дополнительные критерии и поправочные коэффициенты действующих показателей Росстата, позволяющие наиболее полно учесть исторические, географические и экологические особенности конкретного региона, а также специфику и структуру его социально-экономического потенциала.

Выводы:

1.Экономическая безопасность регионов является неотъемлемой частью национальной экономической безопасности, которая в значительной мере определяется эффективностью усилий властей субъектов РФ и адекватностью проводимой ими политики по достижению точки защищённости региональной социально-экономической системы от любых внешних и внутренних угроз.

2.Эффективная региональная политика по достижению предпочтительного состояния экономической безопасности должна базироваться на комплексном подходе, использовании цифровых технологий и ИИ, учете федеральной заинтересованности и гармонизации интересов самого широкого круга экономических агентов, осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность в юрисдикции региональных властей.

3. Для укрепления экономической безопасности региональной социально-экономической системы и повышения эффективности деятельности по противодействию формирующимся угрозам каждому региону необходимо создать систему управления экономической безопасностью и разработать соответствующую нормативно-правовую базу, собственные стратегию и концепцию по обеспечению экономической безопасности, определяющие её показатели, а также механизмы, инструменты и методы достижения, сформулированных в них целей.

Литература:

1. Сенчагов В.К., Иванов Е.А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. М.: Институт экономики РАН, Центр финансовых исследований, 2015. 46 с.
2. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–16
3. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад. М.: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015. 60 с.
4. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
5. Шлычков В.В., Зарезнов Д.А., Квасников В.А. Экономическая безопасность России – актуальные угрозы и контрмеры для их эффективного преодоления // Human Progress. 2023. Т. 9. № 6. С. 12. DOI: 10.34709/IM.196.12.

6. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Гарант.
7. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
8. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Зарезнов Д.А. Об отдельных аспектах обеспечения приемлемого уровня экономической безопасности России в условиях внешнеэкономических санкций и проведения СВО // Вестник Удмуртского университета. 2023. Т. 33. Вып. 4. С. 651–658. DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-4-651-658.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС Гарант.
10. Родрик Д. Сделай сам: почему хорошую экономическую политику нельзя навязать извне. – URL: https://www.rbc.ru/opinions/economics/12/08/2016/57add3739a794784a22e46ac (дата обращения 12.09.2019).
11. Морозов И.В. Воспроизводство экономического потенциала региона в условиях цифровой экономики. Казань: ООО «Эксперт 16», 2023. 235 с.

Economic Security of the Regional Socio-Economic System and the Mechanism for Achieving its Preferred State

Morozov I.V.
Volga Region State Technological University (Yoshkar-Ola)
Shlychkov V.V.
Interregional branch of the Federal State Institution "Center for Ensuring the Activities of the Treasury of Russia" in Vladivostok

In modern realities, the problem of maintaining economic security is relevant for all States without exception and is directly related to their preservation of sovereignty and subjectivity. For Russia, this process is burdened with significant additional costs of the economic war declared by the collective West in 2022, and in order to effectively solve the problem of achieving an acceptable level of economic security, a nationwide three-tier system has been created in the country, of which the subjects of the Russian Federation are a key part. Within the limits of the powers granted by Russian legislation, the regional authorities, through the mechanism they have created, implement their own policy in this area, having a significant impact on the state of national economic security. The disclosure of the stated topic will reveal the role and importance of the subjects of the Russian Federation in the process of ensuring economic security and qualitatively improve the efficiency of public administration. Applying an evidence-based approach, the article classifies threats to the economic security of regional socio-economic systems, defines mechanisms and tools for solving problems to effectively counter them. Using factor analysis, the paper substantiates the need for an integrated approach to solving the problems of ensuring regional economic security, assuming that the subjects of the Russian Federation have their own strategies and concepts, as well as an appropriate regulatory framework.

Keywords: economic security of the region, external and internal threats, the concept of ensuring economic security, the mechanism of ensuring economic security, indicators of the state of economic security

УДК 332.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-40-44

Научно-технологическое развитие России в целях обеспечения её технологического суверенитета*

Нестулаева Д.Р.
Кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Инжинирингового центра «Компьютерное моделирование и инжиниринг в области энергетики и энергетического машиностроения» Казанского государственного энергетического университета

Авхадиева Э.А.
Лаборант Инжинирингового центра «Компьютерное моделирование и инжиниринг в области энергетики и энергетического машиностроения» Казанского государственного энергетического университета

Состояние научно-технологического развития страны определяет защищенность ее национальных интересов от внешних угроз, в связи с чем, целью работы является – анализ основных показателей, характеризующих научный потенциал России. Анализ статистических данных о научно-технологическом развитии страны за последние годы позволил выявить ряд присущих для России особенностей: основу научного сектора составляют самостоятельные научно-исследовательские организации, обособленные от производства и образования; недостаточно развитая «фирменная» наука; сырьевой сектор является одним из главных заказчиков инновационных разработок. В результате проделанной работы выявлена негативная динамика снижения кадрового потенциала в научно-технологическом развитие и пока еще существующем заделе по отдельным направлениям науки и технологическим разработкам. В связи с чем, предлагается сформировать систему взаимосвязанных субъектов обеспечивающих взаимодействие с представителями власти, бизнеса и научного сообщества.

Ключевые слова: *научно-технологическое развитие, расходы на науку, научные кадры, научный сектор*

Для цитирования: *Нестулаева Д.Р., Авхадиева Э.А. Научно-технологическое развитие России в целях обеспечения ей технологического суверенитета // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 40–44. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-40-44.*

Стратегия достижения Россией технологического суверенитета предполагает переход к инновационному развитию экономики, это подтверждают утвержденные постановлением Правительства РФ государственные программы: «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (от 15.04.2014 г. № 328), «Экономическое развитие и инновационная экономика» (от 15 апреля 2014 г. № 316), «Научно-технологическое раз-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) и Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10215 «Экономическая стабильность Республики Татарстан через развитие технологического суверенитета», https://rscf.ru/project/23-28-10215/

витие Российской Федерации» (от 29 марта 2019 г. № 377) и др.

По оценкам экспертов, в развитых странах от 50 до 90 % роста ВВП определяется инновациями и технологическим прогрессом [1]. Инновационная деятельность сегодня становится драйвером развития секторов промышленности и сферы услуг. Именно успешная инновационная деятельность создает особые конкурентные преимущества, и, как результат, эти компании показывают темпы роста выручки, добавленной стоимости и других финансовых параметров, значительно превосходящие средние по своей отрасли. К сожалению, Россия продолжает заметно отставать от мировых лидеров по основным показателям определяющим уровень научно-технологического развития (рис. 1, табл. 1–2), хотя сегодня как никогда остро стоит вопрос собственного задела технологических разработок. Но, к сожалению, величина инвестиций в образование, науку и инновации в РФ за последние годы не претерпела серьезных изменений (рис. 2).

Хотелось бы отметить, что для России характерна модель финансирования науки за счет средств государства: в среднем 60–70 % общих расходов на исследования составляют госсредства (табл. 3), в отличие от стран с развитой рыночной экономикой, где 60–75 % расходов на науку финансируется за счет частных инвестиций. Но согласно Указу Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» к 2035 г. планируется увеличить общие затраты на научные исследования и разработки до уровня не менее 2 % ВВП, включая пропорциональный рост частных инвестиций, уровень которых должен быть не ниже государственных [4], что, как нам видится, крайне амбициозная задача, т.к. доля частных ком-

Рис. 1. Внутренние затраты на исследования и разработки в 2020 г., % от ВВП [2]

Таблица 1

Уровень публикационной активности по странам, 2022 г.* [2]

	Число публикаций, ед.	Удельный вес в общем числе публикаций, %
Всего	**3 616 968**	**100**
Китай	999 318	27,6
США	625 452	17,3
Индия	251 340	6,9
Великобритания	204 886	5,7
Германия	184 099	5,1
Италия	137 736	3,8
Япония	130 875	3,6
Канада	117 464	3,2
Испания	111 013	3,1
Франция	113 248	3,1
Россия	109 222	3,0

* данные охватывают том-10 стран и Россию.

Таблица 2

Уровень патентной активности по странам, 2021 г.* [2]

	Число патентных заявок на изобретения, ед.	Удельный вес страны в общем числе патентных заявок на изобретения, %
Всего	3 401 100	100
Китай	1 538 604	45,2
США	509 962	15,0
Япония	412 885	12,1
Республика Корея	267 527	7,9
Германия	165 826	4,9
Франция	66 137	1,9
Великобритания	53 650	1,6
Швейцария	48 336	1,4
Индия	43 163	1,3
Италия	34 206	1,0
Россия	25 472	0,7

* данные охватывают том-10 стран и Россию.

Рис. 2. Динамика внутренних затрат на исследования и разработки, % от ВВП [3]

Таблица 3

Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования в 2022 г. [2]

	Источники финансирования, млн руб.	Удельный вес источника финансирования во внутренних затратах, %
Внутренние затраты на исследования и разработки	1 435 914,3	100
Средства государства (включая средства бюджета, бюджетные ассигнования на содержание образовательных организаций высшего образования, средств организаций государственного сектора)	966 397,5	67,3
Из них средств федерального бюджета	769 654,3	
Средства предпринимательского сектора	415 285,7	28,9
Средства иностранных источников	30 326,2	2,1
Средства организаций сектора высшего образования	18 612,4	1,3
Средства частных некоммерческих организаций	5 292,4	0,4

паний, осуществляющих исследования и разработки в России существенно ниже, чем в других странах. И одной из главных причин низкого уровня частных инвестиций в НИОКР является общее ужесточение налогового администрирования, а также то, что существующая налоговая политика не стимулирует высокотехнологичные компании инвестировать в НИОКР, удерживая высокие барьеры при использовании такими компаниями льгот по НИОКР [5]. Таким образом, доля российских компаний, осуществляющих исследования и разработки, существенно ниже, чем в других странах, т.к. собственных средств для проведения НИОКР у компаний недостаточно, а заемное финансирование или средства, предоставляемые государственным бюджетом, недоступны.

Например, согласно списку крупнейших компаний, инвестирующих в исследования и разработки (рейтинг 1000 *Study*), единственной компанией, зарегистрированной в России и входящей в топ-1000 является ПАО «Газпром» (512-е место, объем инвестиций в НИОКР – 0,281 млрд долл.) [5]. И это также нехарактерно для мировой практики, т.к. чаще всего инновационные компании относятся к таким секторам экономики, как телекоммуникации, производство медицинской техники и оборудования, фармацевтика, производство электрических приборов, оборудования и машиностроение, а в Россия это компания, относящаяся к сырьевому сектору.

Сегодня в России функционируют чуть более четырех тысяч организаций, выполняющих исследования и разработки (табл. 4). Общее их число по Российской Федерации за двадцатилетний период менялось, но сегодня их величина остается стабильной. Сокращение их количества в 2010 г. (на 14,8 % по сравнению с 2000 г.) было связано с процессом реструктуризации. Отметим, что институциональной структуре науки РФ присущ целый ряд особенностей, которые отличают ее от большинства развитых стран мира.

Во-первых, основу научного сектора составляют самостоятельные научно-исследовательские организации, обособленные от производства и образования, хотя их удельный вес с 2010 г. в общей величине сокращался (с 56,27 % до 37,8 %), но до сих пор за ними остается первое место. Другой особенностью институциональной модели российской науки является крайне слабое «присутствие» высшей школы. Даже несмотря на то, что число образовательных организаций высшего образования, выполняющих исследования и разработки выросло по сравнению с 2000 г. в 2,5 раза, их доля в общем объеме составляет только 23,6 %.

В период 2010–2022 гг. можем также наблюдать тенденцию снижения доли конструкторских (в 1,5 раза), проектных и проектно-изыскательских организаций (в 2,8 раз) и рост доли организаций промышленного производства и прочих организаций

Таблица 4

Организации, выполнявшие исследования и разработки, по типам [2]

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Всего	**4099**	**3556**	**3492**	**4175**	**4051**	**4175**	**4175**	**4195**
Научно-исследовательские организации	2686	2115	1840	1708	1618	1633	1627	1584
Конструкторские организации	318	489	362	322	255	239	233	249
Проектные и проектно-изыскательские организации	85	61	36	29	11	12	13	13
Опытные заводы	33	30	47	61	44	35	33	30
Образовательные организации высшего образования	390	406	517	1040	951	969	990	9991
Организации промышленного производства	284	231	238	371	450	441	446	494
Прочие организации	303	234	452	644	722	846	833	834

почти в 2 раза. Это говорит о том, что активно идет перетекание научно-исследовательской работы в образовательные и иные структуры. Но, к сожалению, «фирменная» наука в России недостаточно развита, доля промышленных предприятий, выполняющих исследования и разработки вместе с опытными заводами в общем числе научных организаций в 2022 г. составила только 12,5 %. А как показывает опыт развитых стран, именно научно-технические лаборатории крупных промышленных компаний обладают явным преимуществом на рынках инновационной продукции, потому что есть возможность сконцентрировать все виды необходимых ресурсов на разработке научно-технических продуктов имеющих спрос у потребителей, а также выполнять более широкий спектр исследований и отбор на их основе перспективных разработок [6].

Смена политического режима и экономическая реформа в 1990-х гг. привели к тому, что положение практически всех отраслей экономики оценивалось как критическое и резкое снижение платежеспособного спроса отразилось и на востребованности результатов научно-технической деятельности, поэтому научные организации, которые были непосредственно «завязаны» на производство пострадали в большей степени. Несмотря на то, что за тридцать лет экономическая ситуация в РФ значительно улучшилась, но спрос на результаты научно-исследовательской деятельности остается низким (это связано в том числе и с возможностью покупать готовые технологические решения за рубежом без финансовые вложений в собственные НИОКР).

Немаловажным фактором, обеспечивающим развитие науки, являются кадры. Вопрос, как вырастить и сохранить кадровый потенциал в сфере научно-исследовательских работ, остается актуальным не только для России. К сожалению, с 1990 г. идет сокращение персонала, занятого исследованиями и разработками, и за 30 лет сокращение составило 66 % (с 1943,4 тыс. чел. в 1990 г. до 669,9 тыс. чел. в 2022 г.). Общими причинами такой тенденции являются: уменьшение объемов научной деятельности вследствие недостаточного финансирования, сокращение научно-исследовательских организации, ухудшение ситуации с оплатой труда, в том числе и неконкурентный уровень заработной платы, внутренние и внешние «утечки» кадров, низкий уровень материально-технической базы. За эти годы произошел переток научных кадров в другие отрасли экономики с более высокими заработными платами, что «способствовало развитию этих отраслей, но нанесло удар по отечественной науке» [7, с. 482].

Если говорить о концентрации сотрудников в организации, выполнявшие исследования и разработки, то в 2022 г. в научно-исследовательских организациях работало 55 % научного персонала, в конструкторских организациях – 15 %, самая маленькая доля принадлежит опытным заводам – 1 % и проектным и проектно-изыскательским организациям – 0,3 % (хотя в 1995 г. доля сотрудников в последних организациях составляла – 2 %) (табл. 5).

По абсолютным масштабам кадрового потенциала научно-исследовательской сферы Россия занимает пятое место в мире (737,6 тыс. человеко-лет; в эквиваленте полной занятости) [2], но догнать Китай (5716,3 тыс. человеко-лет) и США (2415,1 тыс. человеко-лет) в ближайшей перспективе нам вряд ли удастся.

Многие годы в стране остро стояла проблема старение научных кадров в российской науке. Сегодня можно наблюдать положительную тенденцию омоложения научно-исследовательских кадров. Так по данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ около трети (32,1 %) ученых составляют молодые исследователи до 35 лет [8]. На их привлечение и закрепление в науке был направлен целый комплекс мер государственной поддержки. Доля исследователей в возрасте 36–49 лет составила 31,2 %, что также можно охарактеризовать положительным трендом, т.к. они на-

Таблица 5

Персонал, занятый исследования и разработками, по типам организаций [2]

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Всего	1061044	887729	813207	736540	682464	679333	662702	669870
Научно-исследовательские организации	753253	718434	510523	435304	401771	388757	366041	366610
Конструкторские организации	129689	56488	184785	157146	112684	103346	109185	103679
Проектные и проектно-изыскательские организации	20870	6811	5443	6324	508	1955	2161	1762
Опытные заводы	13640	6145	1232	1558	3284	2897	7477	6722
Образовательные организации высшего образования	40015	31110	33942	46776	59280	61436	63990	66666
Организации промышленного производства	89030	54721	43524	51807	57974	63189	64489	75312
Прочие организации	14547	14020	33758	37625	46963	57753	49359	49119

работали научно-исследовательский опыт и могут выступать в качестве ведущих ученых, руководителей коллективов и научных школ [9].

Негативной тенденцией является снижение доля возрастной группы исследователей 50–59 лет (12,9 %), т.к. они представляют руководителей групп, подразделений, организаций, что в дальнейшем может создать риски для эффективной работы отдельных научных коллективов.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на негативные тенденции, в России все еще сохраняется довольно масштабный научно-технологический и кадровый потенциал. Имеется существенный задел по отдельным направлениям науки и технологическим разработкам, проводятся исследования по относительно широкому спектру областей науки и техники. Но, к сожалению, статистика показывает, тенденцию сокращения численности исследователей, а усиление конкуренции на глобальном и внутреннем рынках уже сейчас приводит к тому, что отечественные компании сталкиваются с дефицитом высококвалифицированных кадров в высоко- и среднетехнологических отраслях промышленности. Поэтому сегодня так важно выстроить равноправные партнерские отношения между образовательными учреждениями, компаниями (малым, средним и крупным бизнесом) и государством для формирования средне- и долгосрочных прогнозов на подготовку молодых специалистов с необходимым набором фундаментальных знаний и прикладными навыками. Образовательные организации и бизнес сообщество должны совместно актуализировать старые и/или составлять новые учебные программы с учетом меняющейся реальности, внедрением технологических инноваций, чтобы найти баланс между теоретическими знаниями и практическими навыками в обучении будущих специалистов.

Литература:

1. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. URL: https://marsu.ru/university/structural_units/nic/files/documents/strategii/prognoz.pdf
2. Наука. Технологии. Инновации: 2024: краткий статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 104 с.
3. Ратай Т.В. Рост затрат на науку в России: итоги 2023 года. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/963447657.pdf
4. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС Гарант.
5. Как нарастить частные инвестиции в научные исследования в России? URL: https://stolypin.institute/storage/app/media/daydzhest-nalogi-niokr-14.12.20.pdf
6. Конкурентоспособность национальной экономики: регионально-отраслевые аспекты оценки / Ред.: Ф.Н. Завьялов, Е.В. Сапир; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 412 с.
7. Российский статистический ежегодник. 2014: Стат.сборник / Под ред. А.Е. Суринова. М.: Росстат, 2014. 693 с.
8. Мартынова С.В., Ратай Т.В., Тарасенко И.И. URL: Кадры российской науки. https://issek.hse.
9. ru/news/871682314.html
   Возрастная структура исследователей. URL: https://dzen.ru/a/ZVR-KgwjPTAbh682

Scientific and Technological Development in Order to Ensure the Technological Sovereignty of the Country

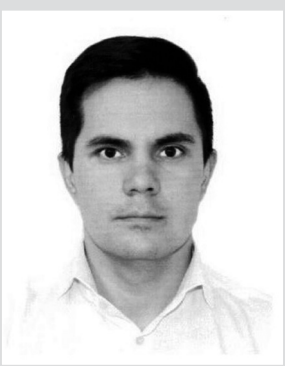
Nestulaeva D.R., Avkhadieva E.A.
Kazan State Power Engineering University

The state of scientific and technological development of the country determines the protection of its national interests from external threats, and therefore, the purpose of the work is to analyze the main indicators characterizing the scientific potential of Russia. The analysis of statistical data on the scientific and technological development of the country in recent years has revealed a number of features inherent in Russia: the basis of the scientific sector consists of independent research organizations, separate from production and education; insufficiently developed "branded" science; The raw materials sector is one of the main customers of innovative developments. As a result of the work done, the negative dynamics of a decrease in human resources in scientific and technological development and the still existing reserve in certain areas of science and technological developments have been revealed. In this regard, it is proposed to form a system of interconnected entities that ensure interaction with representatives of government, business and the scientific community.

Keywords: scientific and technological development, expenditures on science, scientific personnel, scientific sector

УДК 338.012
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-45-49

Промышленное развитие в условиях трансформации мировой экономической системы

Низамутдинов И.К.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры проектного менеджмента и оценки бизнеса
Казанского (Приволжского) федерального университета

Малаев В.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры международных экономических отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета

Развитие национальной экономической системы в целом и промышленное развитие в частности определяются текущими условиями и факторами трансформации мировой экономики, факторами глобализации и регионализации в современном мире. Целью исследования является рассмотрение особенностей промышленного развития российской экономики в процессе трансформации геополитических реалий современного мира, что требует решения задач определения новых возможностей промышленного развития и анализа формируемых ограничений в обеспечении роста эффективности реализации промышленной политики. В рамках исследования определены факторы и условия промышленного развития в российской экономике. Алгоритм рассмотрения факторов промышленного развития требует проведения общей комплексной оценки внутренних и внешних факторов, что позволит повысить эффективность реализации промышленной политики и программ промышленного развития в национальной экономике.

Ключевые слова: *промышленное развитие, экономический рост, глобализация, промышленность, эффективность, экономическое развитие*

Для цитирования*: Низамутдинов И.К., Малаев В.В. Промышленное развитие в условиях трансформации мировой экономической системы // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 45–49. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-45-49.*

Современная российская экономика проходит через сложный период трансформации факторов промышленного и институционального развития. Возможности и ограничения, накладываемые текущими процессами глобализации и регионализации мировой экономики на промышленное развитие в национальной экономической системе, формируют также особенности реализации и совершенствования промышленной политики государства.

Рассматривая возможности и направления промышленного развития в российской экономике, первоначально необходимо остановиться на базовых параметрах, определяющих сами процессы текущей трансформации. Именно данные харак-

Таблица 1

Динамика российского импорта за 2018–2021 гг., млн долл. США [1]

Федеральные округа РФ	2018 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г.	
	Всего	в % к итогу	Всего	в % к итогу	Всего	в % к итогу	Всего	в % к итогу
Всего	227 464,3	100,0	238 151,4	100,0	243 780,6	100,0	230 598,0	100,0
Центральный федеральный округ	140 460,9	61,8	149 912,6	62,9	154 200,8	63,3	146 425,7	63,5
Северо-Западный федеральный округ	35 983,0	15,8	37 536,9	15,8	37 714,8	15,5	34 433,4	14,9
Южный федеральный округ	8 499,6	3,7	9 427,9	4,0	8 191,0	3,4	8 089,2	3,5
Приволжский федеральный округ	13 571,3	6,0	14 807,5	6,2	14 240,1	5,8	13 805,2	6,0
Сибирский федеральный округ	7 555,2	3,3	9 620,6	4,0	9 653,0	4,0	9 196,9	4,0
Дальневосточный федеральный округ	299,4	0,1	6 285,4	2,6	8 382,8	3,4	8 024,3	3,5

теристики во многом могут определять направления развития процессов импортозамещения в национальной экономике, направленность процессов развития и совершенствования конкурентных преимуществ в национальной промышленности, особенности применяемого инструментария промышленной политики.

Первым этапом в алгоритме анализа эффективности реализации промышленной политики, на наш взгляд, является оценка общей экономической ситуации в сфере импорта и экспорта в национальной экономике. Рассмотрим динамику импорта и экспорта в российской экономике до 2022 г.

Динамика российского импорта в целом по России и по федеральным округам в отдельности за 2018–2021 гг. представлена в таблице 1.

Импорт товаров в Россию при этом может быть также структурирован на импорт из стран дальнего зарубежья и импорт из стран СНГ. За достаточно длительный период времени прослеживается постоянное доминирование импорта из стран дальнего зарубежья над импортом из стран СНГ. Данная тенденция сохраняется и в последующий период времени. При достаточной стабильности импорта из стран СНГ в 2022 г. также наблюдался значительный рост импорта из стран дальнего зарубежья, что может быть объяснено усилением санкций против российской экономики и стремлением приобрести большее количество импортируемой продукции до введения санкций по отдельным секторам экономики и отдельным товарным группам.

Данные по экспорту из российской экономики в разрезе федеральных округов представлены в таблице 2.

В целом на основе анализа экспорта и импорта мы можем говорить также о стабильной и долговременной тенденции превышения российского экспорта над импортом за анализируемый период времени. При этом Центральный и Северо-Западный федеральные округа являются основными центрами экспортных и импортных поставок в российской экономике, что говорит о неравномерности в развитии регионов и о возможных существующих проблемах в социальном развитии (при условии недостаточного вмешательства государства в решение данных проблем в различных регионах).

Рассмотрение общей экономической ситуации в сфере импорта и экспорта в национальной экономике может также предполагать последовательное рассмотрение различных товарных групп с доминированием импорта или экспорта по каждой товарной группе (с определением возможных точек локализации производства и потребления).

В рамках второго этапа рассмотрения промышленного развития необходимо определить факторы, оказывающие непосредственное влияние на развитие промышленности. Рассмотрим динамику индекса промышленного производства по субъектам Российской Федерации в рамках Приволжского федерального округа (далее – ПФО) (табл. 3).

При сравнении индекса промышленного производства по регионам достаточно интересно обра-

Таблица 2

Экспорт из России по федеральным округам за 2018–2021 гг., млн долл. США [1]

Федеральные округа РФ	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Всего	451,495	426,72	337,104	492,314
Центральный федеральный округ	225,7	211,7	169,9	250,446
Северо-Западный федеральный окру	50,9	50,8	42,2	61,39
Южный федеральный округ	20,5	17,8	17	23,52
Северо-Кавказский федеральный округ	1,3	1,4	1,3	1,7
Приволжский федеральный округ	43,6	39,6	31,1	44,2
Уральский федеральный округ	41	38	27,4	40,9
Сибирский федеральный округ	38,7	36,3	30,5	40,3
Дальневосточный федеральный округ	28,2	28,8	24	44,26

тить внимание на объем прямых инвестиций в основной капитал и его динамику в целом по РФ и по регионам ПФО (табл. 4).

При сравнении индекса промышленного производства и индекса физического объема прямых инвестиций в основной капитал можно говорить об их зависимости. Среди других базовых факторов, влияющих на особенности промышленного развития, необходимо выделить реализацию инновационного процесса и его специфику в российской экономике, особенности проведения НИОКР и их финансирования в России, а также внутренние источники и возможности для промышленного развития в рамках самих промышленных предприятий.

В рамках третьего этапа оценки реализации промышленной политики, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на факторы, формируемые непосредственно в рамках процесса глобализации и регионализации мировой экономики и способствующие промышленному развитию. В рамках таких внешних факторов, определяющих возможности промышленного развития, мы можем выделить:

Таблица 3

Индекс промышленного производства (в % к предыдущему году) за 2013–2021 гг. [2]

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Российская Федерация	100,4	101,7	96,6	101,8	103,7	103,5	103,4	97,9	106,3
Приволжский федеральный округ	101,8	102,5	96,5	101,0	102,5	101,6	102,7	98,1	106,6
Республика Башкортостан	102,3	103,9	101,3	100,1	104,2	101,1	104,8	99,1	104,4
Республика Марий Эл	100,3	113,4	108,5	94,6	106,5	96,7	108,8	95,4	99,7
Республика Мордовия	99,4	110,8	98,1	102,3	109,6	107,2	104,1	106,3	111,1
Республика Татарстан	101,7	101,3	101,5	103,4	101,5	102,6	102,4	96,6	108,6
Удмуртская Республика	101,8	99,2	102,6	105,7	97,7	102,0	101,5	95,2	108,9
Чувашская Республика	100,5	104,7	95,0	104,4	103,7	103,3	104,7	97,7	98,9
Пермский край	103,9	103,9	99,5	99,7	102,5	100,3	98,9	97,5	104,3
Кировская область	100,2	103,9	103,3	103,9	101,0	103,3	101,3	104,1	114,6
Нижегородская область	104,5	100,6	102,5	102,5	104,8	102,3	105,3	95,3	113,6
Оренбургская область	96,9	101,2	92,5	95,5	101,4	101,6	103,4	98,4	99,6
Пензенская область	104,7	108,3	104,8	104,6	109,1	104,7	112,3	117,6	115,5
Самарская область	101,0	99,4	99,4	99,8	101,5	100,0	102,4	96,4	103,6
Саратовская область	102,3	107,6	104,2	100,7	103,2	100,7	100,3	107,1	107,0
Ульяновская область	99,4	102,9	102,4	101,7	106,6	100,9	102,1	96,4	111,8

Таблица 4

Индекс физического объема прямых инвестиций в основной капитал (в % к предыдущему году) [3]

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Российская Федерация	100,8	98,5	89,9	99,8	104,8	105,4	102,1	99,9	108,6
Приволжский федеральный округ	106,9	100,1	93,1	92,9	96,7	99,3	102,9	98,2	104,8
Республика Башкортостан	107,9	103,4	100,5	102,5	74,7	92,4	119	105	105,9
Республика Марий Эл	141,2	97,8	78,8	65,6	85,3	106,9	95,1	120,8	100,1
Республика Мордовия	101,9	86,1	101,3	91,8	106,7	83,1	96,4	84	103,7
Республика Татарстан	106,2	100	100	100	99,3	96,5	96,4	92,6	106,4
Удмуртская Республика	115,8	105,6	80,6	103,3	96	109,4	102,9	106,9	98,8
Чувашская Республика	82,7	84,8	94,7	83,6	102,3	99,7	108,7	81,1	108,3
Пермский край	123,5	90,6	97,1	97,7	97,2	94,6	108,5	92,7	103,5
Кировская область	110,9	99,5	81,2	94,	99,5	98,5	113,8	88,5	107
Нижегородская область	100,7	94,7	75	90,6	101,7	103	105,1	116,7	100,1
Оренбургская область	92	97,8	103,7	90,8	104,1	113	96,5	92,2	97,7
Пензенская область	114,1	98,4	101	68,7	106,8	119,2	99,2	100	96,5
Самарская область	114,8	114,5	88,3	78,3	98,9	99,3	105,7	97,7	119,2
Саратовская область	104,2	107,8	90,8	95,3	100,3	100,5	100,6	96,3	94,4
Ульяновская область	99,1	97	92,6	84,6	116	96	90,8	95,8	114,6

1. Изменение производственных и торговых отношений в рамках создания альянсов и союзов как основы современной мировой торговли, интенсифицирующих или сдерживающих промышленное развитие в той или иной стране.

2. Формирование возможностей совершенствования мировых финансовых рынков в рамках трансформации системы мировой торговли и производства в мировой экономике, что обеспечивает большую диверсификацию при выборе рынков и источников финансирования в рамках обеспечения промышленного развития.

3. Использование устойчивых взаимосвязей между различными экономиками в рамках усиления интеграционных процессов при согласовании вопросов реализации общей промышленной политики.

4. Открытость национальных экономик, включая открытость рынка труда, интеграционные возможности в развитии и совершенствовании человеческого капитала, свободу миграции. При этом совершенствование инновационного элемента национальной экономики в рамках совершенствования человеческого капитала все более реализуется группами стран. Группы стран формируют общие условия для совершенствования человеческого капитала, препятствуя возможностям оттока квалифицированной рабочей силы в другие центры научного и промышленного развития.

5. Формирование интеграционных возможностей для развития экономических систем в рамках отдельных регионов мира, а не только в рамках всей мировой экономики. В рамках подобных интеграционных процессов интенсифицируются возможности передачи технологических и производственных процессов (при сохранении единых технологических цепочек).

В то же время необходимо выделить такую тенденцию усиления конкурентной борьбы в условиях глобализации, как конкуренция между группами стран, объединенных в рамках определенных инновационных, инвестиционных, технологических союзов или альянсов, что формирует особенности промышленного развития и реализации эффективной промышленной политики уже не в рамках одной страны, а в рамках определенной группы стран.

Среди ограничений, формируемых в рамках промышленного развития в условиях текущей регионализации, в свою очередь, можно выделить:

1. Неравномерность извлечения выгоды от процессов глобализации в рамках конкуренции между отдельными национальными экономиками или группами стран.

2. В результате межстрановой конкуренции увеличиваются возможности деиндустриализации отдельных национальных экономик или возможности перехода контроля над национальной экономической системой к другим более развитым экономикам или транснациональным корпорациям.

3. Возможности дестабилизации национальных финансовых систем в рамках усиления общих процессов взаимопроникновения национальных экономик. Возможности внутренней стабилизации денежно-кредитной или финансовой системы при этом уменьшаются в условиях роста значимости различных наднациональных финансовых структур.

4. Укрепление позиций в инновационном и экономическом развитии более развитых стран. Ухудшение ситуации с экологическими проблемами, проблемами рынка труда (безработицей и закрытием ряда производств) в развивающихся странах.

В целом можно говорить о противоречивости тенденций развития мировой экономики в современных условиях. Текущие процессы глобализации и регионализации в российской экономике при этом накладываются на общее усиление санкционного давления и рост санкционных рисков, что осложняет процессы выбора направлений промышленного развития и эффективного инструментария промышленной политики.

Таким образом, процессы оценки эффективности реализации промышленной политики и особенностей промышленного развития, на наш взгляд, не могут опираться только на оценку внутренних и или внешних факторов развития, а требуют общего подхода и сочетания анализа всех данных факторов.

Литература:

1. Данные ФТС. URL: https://customs.gov.ru/folder/527
2. Промышленное производство // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial
3. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/34129
4. Aiesheva G.A., Sultanova Z.Kh., Aimukhanbetova G. Effective import substitution in the market of agro-food products and the development of export potential // Future Business Journal. 2018. Vol. 90. № 2. P. 65–72.

5. Bottega A., Romero J.P. Innovation, export performance and trade elasticities across different sectors. Structural Change and Economic Dynamics. 2021. Vol. 58. P. 174–184. URL: https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.05.008
6. Carfora A., Pansini R.V., Scandurra G. Energy dependence, renewable energy generation and import demand: Are EU countries resilient? // Renewable Energy. 2022. Vol. 195. P. 1262–1274. URL: https://doi.org/10.1016/j.renene.2022.06.098
7. Hinton R.W.K. The mercantile system in the time of Thomas Mun // Economic History Review, Economic History Society. 1995. Vol. 7. № 3. P. 277–290. URL: https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.1955.tb01531.x
8. Hoang D., Breugelmans E. «Sorry, the product you ordered is out of stock»: Effects of substitution policy in online grocery retailing // Journal of Retailing. 2023. Vol. 99. Issue 1. P. 26–45. URL: https://doi.org/10.1016/j.jretai.2022.06.006

Industrial Development in the Context of the Transformation of the Global Economic System

Nizamutdinov I. K., Malaev V.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The development of the national economic system in general and industrial development in particular are determined by the current conditions and factors of transformation of the world economy, factors of globalization and regionalization in the modern world. The purpose of the study is to consider the features of the industrial development of the Russian economy in the process of transformation of the geopolitical realities of the modern world, which requires solving the tasks of identifying new opportunities for industrial development and analyzing the emerging constraints in ensuring the growth of the effectiveness of industrial policy implementation. The study identifies the factors and conditions of industrial development in the Russian economy. The algorithm for considering the factors of industrial development requires a general comprehensive assessment of internal and external factors, which will improve the effectiveness of the implementation of industrial policy and industrial development programs in the national economy.

Keywords: industrial development, economic growth, globalization, industry, efficiency, economic development

УДК 338.487
DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-50-54

Цифровые технологические решения как фактор устойчивого развития рынка туристских услуг

Оборин М.С.
Доктор экономических наук, профессор Пермского института (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д.Н. Прянишникова, Сочинского государственного университета

Ильин Р.В.
Аспирант кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции Пермского государственного научно-исследовательского университета

В современных условиях использование цифровых технологических решений в экономике РФ становится ключевым фактором в устойчивом развитии рынка туристских услуг, что в свою очередь оказывает положительное влияние на качество услуг, обслуживание и удовлетворенность потребителей. Целью исследования является рассмотрение особенностей влияния цифровых технологических решений на рынок туристских услуг, а также выявление ключевых цифровых инструментов и технологий. В рамках исследования определена степень влияния цифровых технологических решений на рынок туристских услуг, проанализированы основные статистические показатели рынка туристских услуг, а также предложена структура информационной системы рынка туристских услуг, автоматизирующая бизнес-процессы. Значимость исследования определена возможностью использования современных цифровых технологий в увеличении эффективности работы туристских компаний и улучшении качества обслуживания туристов, что будет способствовать росту туристического потока.

Ключевые слова: *цифровых технологические решения, рынок туристских услуг, цифровая трансформация, структура цифровой экономической системы, устойчивое развитие*

Для цитирования: *Оборин М.С., Ильин Р.В. Цифровые технологические решения как фактор устойчивого развития рынка туристских услуг // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 50–54. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-50-54.*

На сегодняшний день цифровизация экономики стала неотъемлемой частью современной экономической реальности и ключевым фактором в развитии РФ, что прослеживается в улучшении качества услуг и жизни граждан, повышении безопасности во всех сферах человеческой деятельности. На современном этапе цифровизации ключевым элементом является цифровая трансформация региональных субъектов хозяйствования, что в свою очередь отражается в развитии региональной конкуренто-

способности, позволяющей повысить темпы социально-экономического роста [1].

Первым этапом цифровизации в РФ можно считать создание электронного правительства и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры. На сегодняшний день в РФ реализуются проекты и программы, основной целью которых является как развитие цифровой экономики страны, так и предоставление доступности в получении цифровых услуг гражданами.

На рисунке 1 представлены национальные программы и проекты развития цифровизации в РФ.

При всех стремительных темпах развития цифровизации в РФ существует такое явление, как «цифровой разрыв» или же «цифровое неравенство», которое проявляется в отсутствии возможностей в полной мере использовать все преимущества цифровых технологических решений. Ограниченность доступа к технологиям может проявляться между различными странами, регионами или же группами населения, а постоянно растущая скорость производства и использование информации в современном обществе приводит к усилению неравенства. При всем этом существует стратегия сокращения цифрового неравенства, которая направлена на преодоление этого разрыва и включает в себя следующие меры:

• повышение информационной грамотности населения;

• обеспечение доступности к цифровым технологическим решениям для слаборазвитых регионов;

• развитие инфраструктуры интернета.

Кроме того, актуальными проблемами стратегии преодоления цифрового неравенства остаются: недостаток финансирования программ развития цифровой инфраструктуры в отдаленных регионах, низкий уровень обучения и повышения квалификации кадров информационной грамотности, а также сложности перехода на отечественные программные продукты.

Среди самых уязвимых отраслей в экономике в плане цифрового неравенства является сфера услуг, т.к. не все предприятия и/или сотрудники имеют одинаковый доступ к интернету и современным технологиям, что может сказываться на доступе к информации. Одной из значимых отраслей сферы услуг является туризм, где использование цифровых технологических решений является ключевым фактором развития отрасли за счет удобства в предоставлении услуг туристам, в том числе возможностей самостоятельно планировать своё путешествие, получения информации о культурных достопримечательностях и персональных рекомендаций.

Применение цифровых технологических решений в туристической деятельности значительно повышает эффективность работы хозяйствующих субъектов, при этом происходит перестройка структуры и функционирования бизнес-процессов, что в свою очередь ведет к существенной экономии затрачиваемых ресурсов, а также позволяет обеспечить процесс прямого взаимодействия между потребителем и поставщиком туристских услуг, исключая посредника [2; 3].

Рис. 1. Национальные программы и проекты развития цифровизации в РФ (составлено авторами по данным [6; 7])

Использование цифровых технологических решений в сфере туристической деятельности должно включать в себя несколько основных моментов [4–5]:

• информационную открытость для конечного потребителя туристских услуг;

• повсеместное внедрение цифрового формата предоставления услуг туристической деятельности;

• адаптивность цифровых решений для интеграции с различными государственными информационными системами по обеспечению туристической деятельности;

• удобство и функциональную возможность

взаимодействия представителей предпринимательского сектора и конечного потребителя.

В целях исследования цифровизации рынка туристских услуг были проанализированы такие статистические показатели, как валовая добавленная стоимость, количество реализованных турпакетов, объем внутреннего туристического потока в РФ и объем онлайн-продаж туристских услуг (представлены на рисунках 2, 3, 4 и 5).

За анализируемый период объем валовой добавленной стоимости вырос на 110 %, что отражает повышение экономической активности в сфере туризма, выступая одной из самых значительных отраслей в сфере услуг. С 2021 г. наблюдается рост объема валовой добавленной стоимости на 34,5 %, что может быть связанно с отменой ковидных ограничений, а также с увеличением доли используемых цифровых технологических решений.

На рисунке 5 представлены статистические показатели по объему онлайн-продаж туристских услуг в РФ за последние 10 лет.

Представленные показатели на рисунке 3 отражают положительную тенденцию за анализируемый период по объему приобретенных туристских услуг через онлайн-сервисы, так за 10 лет темп прироста данного показателя вырос на 396,43 %, что свидетельствует о заинтересованности потребителей в использовании цифровых средств при приобретении услуг и продуктов туристической направленности.

Из представленных данных на рисунке 4 видно, что общее количество реализованных турпакетов в РФ увеличилось на 5,3 %. Начиная с 2021 г., это значение увеличилось на 18,8 %, что свидетельствует о повышении спроса на туристические услуги в постковидный период и началом СВО, в условиях закрытости иностранных границ, а также за счет использования различных цифровых платформ по выбору услуг, предоставлении выгодных предложений на путевки и программ лояльности.

Представленный на рисунке 5 объем внутреннего туристического потока в РФ с 2021 по 2023 гг. показывает рост на 5,9 %. С 2019 г. объем внутреннего туристического потока увеличился на 26,6 %, что свидетельствует о возросшей популярности отечественных туристических направлений, а также заинтересованности и популярности у туристов средств онлайн-бронирования, и подтверждается тем, что на конец 2023 г. доля онлайн-бронирований составила 63 % от общего объема приобретаемых услуг, из которых более 50 % онлайн-бронирования приходилось на два популярных сервиса в России – *Ostrovok*.ru – 29 % и Яндекс Путешествия – 23 % [9].

На рисунке 6 представлена степень влияния цифровых технологических решений на рынок туристских услуг.

Современные цифровые технологические решения в туристической деятельности представлены: онлайн-бронированием и электронным приобрете-

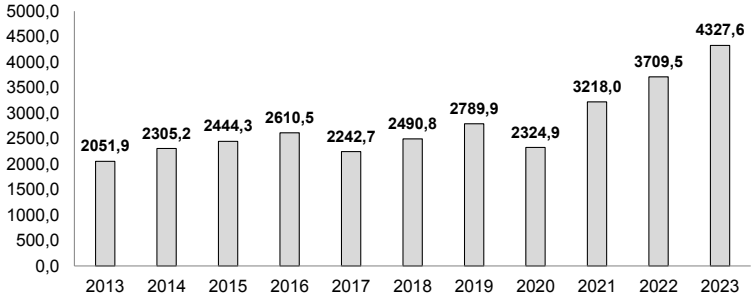

Рис. 2. Валовая добавленная стоимость индустрии туризма РФ, млрд руб.
(составлено авторами по данным [7])

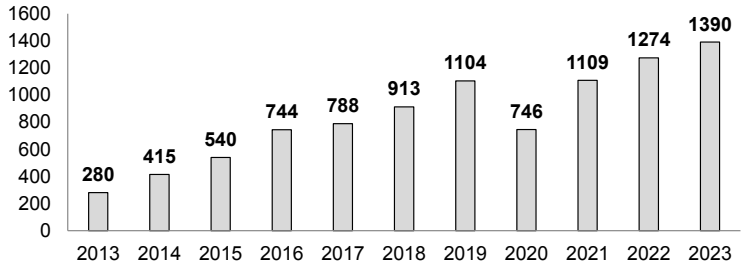

Рис. 3. Объем онлайн-продаж туристских услуг в РФ, млрд руб.
(составлено авторами по данным [8])

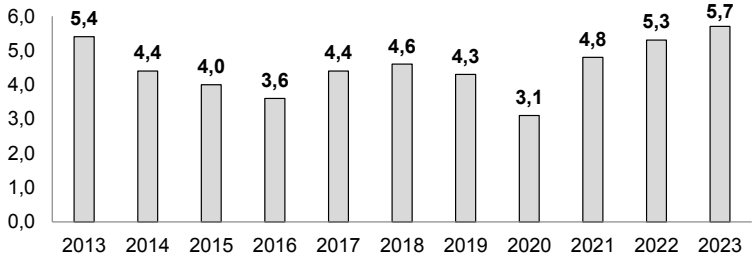

Рис. 4. Количество реализованных турпакетов в РФ, млн ед.
(составлено авторами по данным [7])

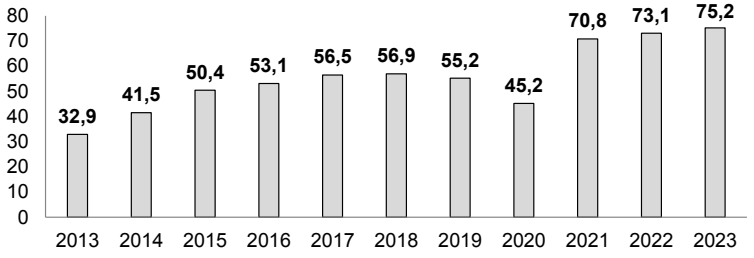

Рис. 5. Объем внутреннего туристического потока в РФ, млн чел.
(составлено авторами по данным [7])

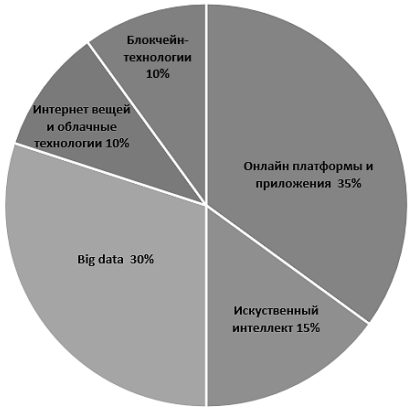

Рис. 6. Степень влияния цифровых технологических решений на рынок туристских услуг
(составлено авторами по данным [8; 10; 11])

нием услуг, использованием мобильных приложений и таких технологий, как: *Big Data, IoT, AI* и т.д., а также развитием экосистем и различных персонализированных сервисов для туристов.

Цифровизация туристической сферы деятельности должна основываться на ключевом свойстве, адаптивности из-за быстрой изменчивости потребительского поведения и спроса. Туристы склонны отдавать предпочтение тем компаниям, которые обеспечивают информационное сопровождение, касаемое всей необходимой для них информации [12].

Несмотря на негативное влияние пандемии *COVID*-19 и развитие внутреннего туризма в период проведения СВО, в сфере туризма имеется необходимость в государственной поддержке и активном развитии туристического потенциала регионов РФ посредством внедрения современных цифровых технологических решений, создания новых туристических маршрутов, инфраструктурных объектов и культурных программ, что в свою очередь будет способствовать увеличению туристического потока [13].

При всех достоинствах внедрения и использования цифровых технологических решений в туристической сфере деятельности необходимо учитывать и возможные проблемы, такие как:

• информационная безопасность (при использовании различного рода технологии могут возникнуть риски, связанные с утечкой данных, мошенничеством и уязвимостью сетей);

• правовая сложность в регулировании и использовании программного обеспечения;

• цифровое неравенство в использовании технологий на отдаленных территориях и слаборазвитых регионах.

В туристической деятельности цифровые технологические решения позволяют оптимизировать производство и оказание услуг, повысить их качество, снизить издержки и выстроить систему обратной связи с потребителями, а также расширить новые сегменты для предоставления туристских продуктов. Стоит также отметить, что развитие туристической отрасли должно основываться на процессе перехода к гибридным бизнес-моделям и создании структуры информационной системы рынка туристских услуг.

Информационная система рынка туристских услуг является комплексным понятием. Он включает в себя совокупность информационной инфраструктуры предприятий и организаций, основанную на современных цифровых технологиях, позволяющую получить туристские услуги нового качества.

На рисунке 7 представлена структура информационной системы рынка туристских услуг.

Структура информационной системы рынка туристских услуг должна включать управление информационными потоками по сбору, хранению, анализу и использованию больших массивов данных, которые в свою очередь могут быть применены для повышения эффективности принимаемых решений. Данная система позволит проводить не только стандартизированные операции и предоставлять место для хранения данных, но также даст возможность разрабатывать и интегрировать различные сервисы и приложения, которые в свою очередь будут выполнять функции по продвижению туристического продукта.

Подводя итог, стоит отметить, что цифровые технологические решения повышают эффективность деятельности туристических предприятий, улучшают качество обслуживания и открывают новые перспективы по развитию гибридных бизнес-моделей, а также выступают ключевым элементом в устойчивом развитии туристической индустрии.

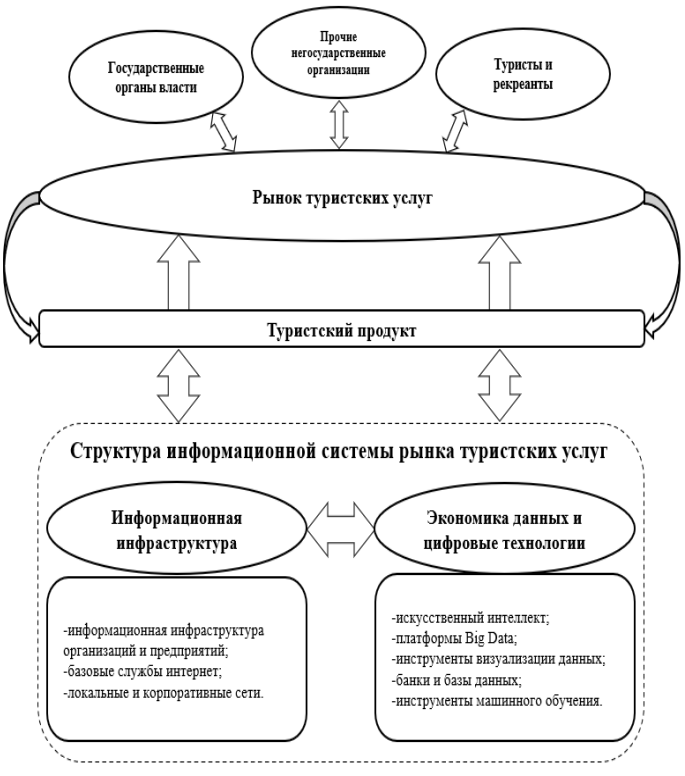

Рис. 7. Структура информационной системы рынка туристских услуг

Литература:

1. Колобова А.Е. Цифровая трансформация социально-экономической системы туризма на основе методологии синхронизации // Инновационная деятельность. 2023. № 3(66). С. 17–24.
2. Лебедева Ю.А. Цифровизация туристической отрасли как фактор социально-экономического развития России // Муниципальная академия. 2022. № 2. С. 61–67.
3. Оборин М.С. Направления развития цифровой среды туризма // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 1(103). С. 24–32.
4. Игнатьев А.А. Инновации в туризме как эффективный метод повышения уровня конкурентоспособности туристского продукта // Горизонты экономики. 2017. № 4(37). С. 28–35.
5. Семенова Е.А., Новоселова Н.Н., Хубулова В.В. Цифровая платформа как основа развития социально-экономической системы (на примере туристической отрасли Северо-Кавказского региона) // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2022. Т. 8. № 1. С. 49–61.
6. Arteeva V., Sokol I., Asanova E., Ushakov D. The Impact of Digitalization and Infrastructure Development on Domestic Tourism in Russia // International Journal of Technology. 2022. Vol. 13(7). P. 1495–1504.
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 18.06.2024).
8. Цифровизация индустрии туризма – статистика и факты. URL: https://translated.turbopages.org/proxy.u/en-ru.ru.a627006b-667ee9fa-f89e52b0-4722d776562/https/www. statista.com/topics/7589/digitalization-of-the-travel-industry/ (дата обращения: 20.06.2024).
9. Сервис информационно-аналитического агентства «TelecomDaily» URL: https://telecomdaily.ru/news/2023/12/27/iaa-telecomdaily-rossiyskie-onlayn-servisy-pozvolyayut-sekonomit-do-20-50-pri-bronirovanii-otelya (дата обращения: 20.06.2024).
10. Вишневская Е.В. Влияние цифровых технологий на развитие туристского рынка // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2019. Т. 5. № 4. С. 12–24.
11. Никулин Д.Ю., Краснов С.В. Анализ эффективности интернет-продаж туристических продуктов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 2. № 1. С. 141–149.
12. Петренко Н.Е., Шумков В.В., Маневич Я.В. Современная сфера туристских услуг: цифровизация как драйвер глобальной трансформации // Финансовый менеджмент. 2023. № 1-2. С. 152–161.
13. Магомедова Н.Ш. Экономическая и цифровая активность и их роль в развитии туризма в России // Экономика и предпринимательство. 2022. № 4(141). С. 216–219.

Digital Technological Solutions as a Factor of Sustainable Development of the Tourism Services Market

Oborin M.S., Ilyin R.V.
Perm State National Research University

In modern conditions, the use of digital technological solutions, along with the ongoing digital transformation in the Russian economy, is becoming a key factor in the sustainable development of the tourism services market, which in turn will improve the quality of services provided, the quality of service and customer satisfaction. The purpose of the study is to examine the specifics of the impact of digital technologies on the tourism services market, as well as to identify key digital tools and technologies. As part of the study, the degree of influence of digital technologies on the tourist services market was determined, the main statistical indicators of the tourist services market were analyzed, and the structure of the digital economic system of the tourist services market automating business processes was proposed. The significance of the study is determined by the possibility of increasing the efficiency of travel companies and improving the quality of tourist services, which will contribute to the growth of tourist flow through the use of modern digital technologies.

Keywords: digital technologies, tourism services market, digital transformation, structure of the digital economic system, sustainable development

УДК 330.341.1(075)
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-55-61

Роль субъектов инновационной инфраструктуры промышленности России в обеспечении технологического суверенитета страны

Петрухин А.И.
Первый заместитель руководителя
ООО «Холдинг «Строительный Альянс», Заместитель председателя
Союза промышленников и предпринимателей «Иволга»

Актуальность темы исследования связана с растущими угрозами ослабления технологического суверенитета России из-за международных секторальных санкций, которые тормозят инновационное развитие экономики. В сложившихся условиях непрекращающихся попыток международной изоляции страны основным источником генерации инноваций становится внутренний интеллектуальный капитал, а механизмом для его продуктивного использования – функционирование субъектов инновационной инфраструктуры промышленности.

Исходя из вышесказанного, автором в качестве цели научного исследования было определено изучение роли субъектов инновационной инфраструктуры промышленности России в обеспечении технологического суверенитета страны. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: анализ динамики развития субъектов инновационной инфраструктуры промышленности по количественным и качественным критериям; формирование авторского видения перспектив развития субъектов инновационной инфраструктуры промышленности с учетом актуальных вызовов (угроз) и возможностей.

Научная значимость публикации выражается в развитии знаний о существующей модели функционирования субъектов инновационной инфраструктуры промышленности, ее сильных и слабых сторонах, полученных в ходе проведения компаративного анализа. Практическая значимость научной работы заключается в формировании авторских рекомендаций по повышению вклада таких субъектов в инновационное развитие страны и операционной эффективности их функционирования. Значимость исследования определена возможностью применения субъектов инновационной инфраструктуры в конкретных стратегиях развития отраслей российской промышленности с учетом национальных целей и интересов импортозамещения и укрепления технологического суверенитета.

Ключевые слова: *инновационная инфраструктура, промышленность, технологический суверенитет, санкции, конкурентоспособность*

Для цитирования: *Петрухин А.И. Роль субъектов инновационной инфраструктуры промышленности России в обеспечении технологического суверенитета страны // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 55–61. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-55-61.*

Для России одним из ключевых источников возмещения утраченных каналов импорта высоких технологий и, соответственно, формирования безопасного уровня технологического суверенитета является стимулирование развития инновационной инфраструктуры и повышение продуктивности её

функционирования. В настоящее время, несмотря на сформированный регуляторный механизм реализации (Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] и Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [2]), имеются определенные сложности с повышением интеграции субъектов инновационной инфраструктуры, долгосрочной кооперации с различными отраслями экономики и экономической эффективности использования финансовой поддержки, выделяемой государством на инновационные программы и проекты, а также содержание самих субъектов инновационной инфраструктуры.

При подготовке научного исследования применялись *общенаучные* (наблюдение, сравнение, измерение, анализ и синтез, метод логического рассуждения) и *специальные* (статический анализ, экспертные оценки, графический) методы. Обоснованность и достоверность результатов научного исследования обеспечиваются корректностью и строгостью построения логики и схемы исследования, а также использованием официальной статистической информации Росстата, тематических аналитических обзоров Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Ассоциации кластеров, технопарков и ОЭЗ России.

Обзор литературы и исследований. Для корректного построения хода научного исследования автором был проведен критический обзор научной литературы и соответствующих нормативно-правовых актов для формирования понятийного аппарата статьи, включающего два термина: «инновационная инфраструктура» и «технологический суверенитет». Согласно определению, закреплённому в *ст. 2, ч. 11 Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»*, под инновационной инфраструктурой понимается совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг [3].

Переходя к понятию «технологический суверенитет», следует отметить его локализацию именно в нормативно-правовых актах, принятых после введения т.н. «Крымского пакета санкций» в 2014 г., и достаточно редкое и расплывчатое трактование в академической литературе.

Так, косвенная связь с термином содержится в определении термина «экономический суверенитет» в *ст. 7, п. 2 «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.»* (далее – Стратегия), под которым понимается объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств, а в *ст. 12, п. 1 Стратегии* в перечне основных угроз идет указание на существующий разрыв в области инновационного развития [4]. Обращаясь к содержанию «*Стратегии национальной безопасности Российской Федерации*», также можно найти косвенные отсылки к определяемому термину в *ст. 67, п. 7*, где отмечается важность «преодоления критической зависимости российской экономики от импорта технологий», «…локализации производства на территории России» [5].

Наиболее полное определение термина содержится в «*Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» в ст. 4, п.п. «г», «и»*, согласно которой технологический суверенитет определяется как способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства и быть самостоятельным в критически важных сферах жизнеобеспечения [6].

Результаты и обсуждение. Для формирования объективного представления о состоянии и динамике развития субъектов инновационной инфраструктуры промышленности автором был проведен количественный анализ важнейших показателей их состояния и развития за 2020–2023 гг. (табл. 1).

Как следует из приведенных в таблице 1 данных о динамике развития субъектов инновационной инфраструктуры промышленности, основная роль отводится именно промышленным (индустриальным) паркам – в среднем на них пришлось 80,3 % от всех зарегистрированных субъектов в данной группе, на втором месте расположились промышленные кластеры – 12,9 %, на ОЭЗ пришлось только 6,8 %. Важно заметить, что, несмотря на безусловное превалирование именно индустриальных парков, в динамике более быстрый рост принадлежит ОЭЗ, т.к. в условиях введения секторальных санкций простая организация инновационного производства уже не является достаточной мерой. Напротив, требуется системная работа, прежде всего поиск среди дружественных стран поставщиков технологий и инновационных решений, проработка новых рынков сбыта готовой продукции, изучение новых механизмов нивелирования санкций на инновационную активность в промышленных отраслях.

Интерес к указанным выше типам субъектов инновационной инфраструктуры промышленности подтверждается устойчивым ростом объема инвестиций: в целом за анализируемый период они выросли на 51,8 %, причем от 77 до 82 % пришлось

Таблица 1

Показатели развития субъектов инновационной инфраструктуры промышленности за 2020–2023 гг. [7–9]

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
1. Количество субъектов инновационной инфраструктуры промышленности, всего, ед.	330	404	446	474	515
в том числе по типам:					
1.1 Индустриальные (промышленные) парки	268	329	358	377	407
1.2 Промышленные кластеры	43	50	58	61	67
1.3 ОЭЗ (промышленно-производственные, технико-внедренческие)	19	25	30	36	41
2. Объем инвестиций, привлеченный субъектами инновационной инфраструктуры промышленности, всего, млрд руб. (нарастающим итогом)	1538	1682	1848	2029	2336
2.1 Инвестиции в производство	1254	1374	1507	1655	1916
2.2 Инвестиции в инфраструктуру	284	308	341	374	420
3. Количество компаний-резидентов, ед.	3271	3498	4025	4704	5224
в том числе					
3.1 Субъекты МСП	376	493	612	644	815
4. Выручка от реализации, полученная резидентами всех субъектов инновационной инфраструктуры промышленности, млрд руб.	332,5	416,8	501,9	613,7	724,2
5. Показатели операционной эффективности функционирования субъектов инновационной инфраструктуры промышленности:					
5.1 Удельный вес занятых площадей, %	48	51	53	57	62
5.2 Соотношение отечественных и иностранных резидентов, %					
- отечественные	94	95	95	97	93
- иностранные	6	5	5	3	7
5.3 Соотношение отечественных и иностранных инвестиций, %					
- отечественные	45	48	55	65	53
- иностранные	55	52	45	35	47
5.4 Соотношение отечественных и иностранных рабочих мест, %					
- отечественные	68	69	74	85	80
- иностранные	32	31	26	15	20
6. Удельный вес инновационной продукции, произведенной резидентами субъектов инновационной инфраструктуры промышленности:					
6.1 В общем объеме инновационной продукции промышленного профиля, %	3,6	4,1	4,5	3,2	3,8
6.2 В общем объеме производства промышленной продукции, %	1,7	1,5	1,3	0,7	0,9

именно в производство. Также весомым аргументом является рост компаний-резидентов таких субъектов, в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства, что является результатом совместных усилий Минпромторга и АО «Корпорация МСП» по повышению доступности господдержки (финансовой и имущественной) для инновационно активного предпринимательства, занятого в реальном секторе экономики.

Показатели операционной эффективности деятельности субъектов инновационной инфраструктуры показывают положительную тенденцию: растет удельный вес занятых площадей (62 против 48 %). Несмотря на санкции, соотношение иностранных и отечественных инвестиций не изменилось столь кардинально: по результатам 2023 г. оно составило 47 и 53 %, и на место ушедших инвесторов из западных стран наметился приток из стран Азиатского региона. Наиболее проблемным является показатель удельного веса инновационной продукции, произведенной резидентами субъектов инновационной инфраструктуры промышленности: в общем объеме инновационной продукции промышленного профиля в 2022 г. произошел резкий спад до 3,2 % (в предыдущем году – 4,5 %), в 2023 г. – 3,8 %; в общем объеме производства промышленной продукции снижение удельного веса отмечено с 2021 г., что требует повышенного внимания со стороны государственных регуляторов.

Отдельно автором был проведен структурный анализ целевого использования объектов инновационной инфраструктуры промышленности за 2020–2023 гг. (рис. 1).

Как следует из приведенного графика, в 2019–2021 гг. преобладающее положение занимали работы, связанные с проведением НИОКР (до 47,7 %), что было обусловлено отсутствием существенных ограничений по импорту технологий и оборудования, при этом постепенно набирало вес тестовое производство и прототипирование (начиная с 2022 г.), что объясняется резким всплеском ограничений со стороны западных стран и необходимостью проведения ускоренного импортозамещения. С 2021 г. также значительно выросло использование мощностей инновационной инфраструктуры промышленности для организации массового производства.

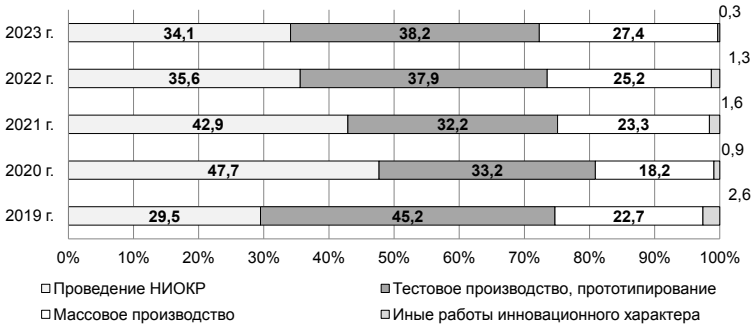

Рис. 1. Целевое использование объектов инновационной инфраструктуры промышленности за 2020–2023 гг. [7–9]

Для объективной оценки сильных и слабых сторон сложившейся в России системы функционирования инновационной инфраструктуры автором был проведен анализ ее устройства по следующим критериям: стимулирующие факторы, архитектура и внутренне устройство, регуляторная практика, финансирование и операционная эффективность. Для России основными стимулирующими факторами развития инновационной инфраструктуры выступают: историческое нарастание технологического разрыва с мировыми лидерами; критическая импортозависимость в стратегических отраслях; эффект «антироссийских санкций» (с 2014 г.); принятие национальных программ инновационного развития (Экономическое развитие и инновационная экономика; Цифровая экономика); обострение внутренних и внешних вызовов и угроз национальной безопасности.

Архитектура и внутреннее устройство представляет собой выраженную вертикальную модель с доминированием государственных регуляторных институтов (Минпромторг, Минэкономразвития), а также государственных корпораций развития, осуществляющих операционное управление реализацией инновационной политики. Регуляторная практика отличается жесткостью и опирается на административные инструменты управления субъектами инновационной инфраструктуры, исходя из национальных интересов и приоритетов, в некоторых случаях – в отрыве от интересов рынка и его участников. Операционная эффективность недостаточно высокая, т.к. активно применяется административный ресурс управления. Превалирующе государственное финансирование ограничивает инициативы инновационных команд в сценариях реализации проектов. Жесткий набор критериев при отборе проектов «отсевает» перспективные инициативы на ранних жизненных стадиях, конкурентное неравенство частного и государственного капиталов, top-down модель управления инновационными проектами, реализуемыми на базе субъектов инновационной инфраструктуры.

Как следует из проведенного сравнительного анализа системы функционирования инновационной инфраструктуры, **в российской модели имеются следующие сильные стороны**: *во-первых*, за государственными органами власти сохраняются исключительные полномочия и права на управление субъектами инновационной инфраструктуры, позволяя в сжатые сроки менять приоритеты выбора инновационных проектов с учетом национальных интересов и актуальных возможностей (вызовов, угроз); *во-вторых*, превалирование государственного финансирования позволяет сохранять контроль за реализацией стратегических инновационных проектов в таких сферах, как военно-промышленный комплекс, энергетика, аэрокосмическая отрасль, и нивелировать потенциальные угрозы со стороны частных инвесторов (дробление бизнеса, вывоз капитала, промышленный шпионаж); *в-третьих*, агрегация функций управления субъектами инновационной инфраструктуры в лице институциональной структуры – Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России, объединяющая три основные группы субъектов инновационной инфраструктуры и его подчиненности Минпромторгу. Это позволяет избегать рисков множественной подчинённости и разногласий между ведомствами; *в-четвертых*, распространенность отраслевой кооперации в форме цепочек «отраслеобразующая корпорация – субъект инновационной инфраструктуры» позволяет обеспечивать более высокую практикоориентированность деятельности таких субъектов и скорейшую коммерциализацию полученных разработок.

К **слабым сторонам** российской модели организации функционирования субъектов инновационной инфраструктуры можно отнести: *во-первых*, безусловное превалирование государственной собственности среди создаваемых субъектов инновационной инфраструктуры формирует предпосылки к дисбалансу конкуренции и траекторий инновационного развития отраслей промышленности, принимая в качестве основы именно государственный сценарий; *во-вторых*, бюрократическая жесткость системы управления снижает скорость реагирования на поиск и отбор потенциальных проектов и резидентов для таких субъектов инновационной инфраструктуры, что в свою очередь снижает их привлекательность для стартап-команд и инновационно активных частных бизнесов; *в-третьих*, существующая проблема недостаточной прозрачности при распределении финансовой и имущественной поддержки для потенциальных резидентов кластеров, технопарков и ОЭЗ; *в-четвертых*, проявление корпоративной заинтересованности в продвижении проектов, которые будут реализовываться преимущественно коллективом отраслеобразующих корпораций, а не в привлечении независимых инновационно активных стартап-команд и бизнесов.

В завершении научного исследования автором были описаны перспективы развития субъектов инновационной инфраструктуры промышленности с учетом актуальных вызовов (угроз) и возможностей и собственных рациональных суждений:

1. Углубление отраслевой межфирменной кооперации между мегабизнесами и субъектами инновационной инфраструктуры – для стратегически важных отраслевых мегабизнесов (энергетика, нефтегазовая сфера, аэрокосмическая отрасль) работа с резидентами индустриальных парков и ОЭЗ из дружественных стран является новым инструментом реализации импортозамещения, а также получения продуктов, относящихся к критическому импорту (некоторые виды машин и оборудования, технологии), которые недоступны для заказа самой такой компанией. В этом ключе субъекты инновационной инфраструктуры могут рассматриваться как важнейший элемент механизма обхода секторальных санкций, т.к. привлеченные резиденты будут выступать конечными (по документам) бенефициарами импортных поставок «запрещённых» товаров.

Отдельно следует остановиться на масштабной программе формирования и функционировании евразийских технологических платформ [10] по аккумулированию передовых национальных и мировых достижений научно-технического развития, мобилизации научного потенциала государств-членов для совместного решения прикладных задач по разработке инновационных продуктов и технологий, их внедрению в промышленное производство. Этот ресурс позволит переосмыслить роль парков и вдохнуть в них новую жизнь, особенно в таких отраслях, как энергетика, нефтехимия, машиностроение, что позволит более эффективно реагировать на внешние вызовы и угрозы.

2. Популяризация и масштабирование практики создания малых инновационных предприятий на базе индустриальных парков при участии профильных технических вузов – для повышения практикориентированности образовательного процесса и вовлечения академических кругов в инициирование и реализацию инновационных проектов рекомендуется проводить встречи с резидентами субъектов инновационной инфраструктуры в формате конференций, конкурсов, мозговых штурмов и олимпиад для поиска и генерации новых проектов и формирования кадрового резерва.

3. Распространение практики формирования финансовых и технологических эндаумент-фондов за счет взносов мегабизнесов – данное направление ориентировано на повышение самостоятельности деятельности субъектов инновационной инфраструктуры в части финансового и имущественного обеспечения резидентов и потенциальных соискателей и большей самоокупаемости операционной деятельности. Среди примеров успешной реализации данного направления можно выделить создание «Консорциума опорных вузов Госкорпорации "Росатом"» (2018 г.) [11] и Консорциума «Цифровые университеты», включающий 16 университетов, шесть индустриальных парков и одного научного партнера в лице Тольяттинского государственного университета (2019 г.).

4. Реализация партнерских (в рамках ЕАЭС) инновационных проектов с возможностью коммерческого использования достижений всеми странами-участниками – значительный потенциал для развития субъектов инновационной инфраструктуры скрыт в углублении научно-технического сотрудничествами с ведущими бизнесами странами-партнерами ЕАЭС, что позволит использовать синергетические эффекты взаимодействия для повышения коммерческой ценности инноваций.

5. Для повышения операционной эффективности деятельности субъектов инновационной инфраструктуры промышленности рекомендуется рассмотреть переход к обязательной сертификации индустриальных парков по требованиям ГОСТ Р 56301-2014 «Индустриальные парки. Требования» (в настоящее время является добровольной) [12], что позволило бы унифицировать требования к работе таких субъектов и повысить прозрачность их деятельности с позиции раскрытия информации о составе и структуре резидентов, количестве реализуемых проектов, проценте успешно коммерциализированных проектов, окупаемости инвестиций.

6. Усиление кооперационных связей субъектов инновационной инфраструктуры промышленности по программе «Конверсия» с предприятиями военно-промышленного комплекса – в рамках такого сотрудничества управляющими лицами инновационной инфраструктуры может быть сформирована библиотека перспективных разработок, полученных от рассекречивания технологий двойного назначения или передачи прав на побочные разработки ВПК, которая станет основой для отбора и привлечения новых резидентов в индустриальные парки и ОЭЗ.

7. Развитие на федеральном уровне новой модели промышленных парков: цифрового промышленного коворкинга, совмещающего в себе как производственно-складские помещения с модулями от 400 кв.м, идеально подходящие для размещения производства, склада, шоу-рума и офиса. Успешно реализуемым примером является *Industrial City* – уникальный проект холдинга «Строительный Альянс» в формате *Light Industrial*. Это своего рода цифровой промышленный коворкинг, сертифицированный по стандарту SBR и соответствующий всем международным стандартам качества.

Парки *Industrial City* не имеют аналогов и по праву считаются самыми ИТ-прокаченными парками на территории России. ИТ-оснащение комплексов

аналогично лучшим столичным бизнес-центрам, что позволяет резидентам пользоваться всеми телекоммуникационными решениями и вести бизнес в комфортных условиях [13].

По результатам научного исследования было установлено, что российская модель субъектов инновационной инфраструктуры имеет выраженный вертикально-интегрированный характер с безусловным доминированием государственных регуляторных институтов, что, с одной стороны, позволяет мобилизовать ресурсы и усилия для реализации крупных отраслевых программ, но в то же время не обеспечивает должной гибкости и прозрачности при отборе потенциальных резидентов из числа субъектов МСП. Кроме этого, важно понимать, что технологический суверенитет складывается из общей вовлеченности бизнеса и населения (прежде всего, молодежи) в инновационное поведение, что требует соответствующих корректировок в работе субъектов инновационной инфраструктуры и их открытости для всех заинтересованных лиц.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 08.08.2024 г. № 232-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (25.12.2023 г. № 658-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 08.08.2024 г. № 232-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
4. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
5. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Гарант.
6. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС Гарант.
7. Индустриальные парки России. Аналитические отчеты Ассоциации индустриальных парков за 2019–2024 гг. URL: https://indparks.ru/upload/iblock/de5/mqw4rto9e561395c1d99ccnw7g424iqd/АИП%20РФ%20обзор%202024%20(pass) %20sm.pdf (дата обращения: 28.08.2024).
8. Аналитический обзор «Технопарки России»: ежегодный отчет Ассоциации кластеров, технопарков и ОЭЗ России. URL: https://akitrf.ru/technoparks/analiticheskie-materialy/ (дата обращения: 28.08.2024).
9. Индикаторы инновационной деятельности: 2024: статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, Г.А. Грачева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2024. 292 с.
10. Решение Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г. № 2 «Положения о формировании и функционировании евразийских технологических платформ». URL: https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=F91600069 (дата обращения: 30.08.2024).
11. В Москве учреждена Ассоциация «Консорциум опорных вузов Госкорпорации «Росатом». URL: https://strategy.hse.ru/news/34852848.html (дата обращения: 02.09.2024).
12. ГОСТ Р 56301-2014 «Индустриальные парки. Требования» (Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12 декабря 2014 г. № 1982-ст). URL: https://dpp.krasnodar.ru/upload/iblock/9ef/9280606120a998982dfd2b07cb0e15a3.pdf (дата обращения: 30.08.2024).
13. Цифровой промышленный коворкинг INDUSTRIAL CITY. URL: https://www.conall.ru/projects/tsifrovoy-promyshlennyy-kovorking-industrial-city/ (дата обращения: 02.09.2024).
14. Секерин В.Д., Ефремов А.А., Семенова В.В. Актуальные проблемы формирования инновационной инфраструктуры российских промышленных предприятий // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2023. № 1. С. 71–79. DOI: 10.18384/2310-6646-2023-1-71-79.
15. Клепач А.Н. Экономика технологического суверенитета и благосостояния: единство и противоречия // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т.241, № 3. С. 81–91. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-81-91.
16. Бочанов М.А. Концептуальные основы политики в области обеспечения технологического суверенитета российского государства // Власть. 2024. № 4. С. 82–85.
17. Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Усманов Д.И. Цифровой суверенитет России: барьеры и новые траектории развития // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 2. С. 30–49.
18. Шестакович А.Г. Институты государственного управления инновационной деятельностью в Китае // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 177–197.

The Role of the Subjects of the Innovative Infrastructure of the Russian Industry in Ensuring the Technological Sovereignty of the Country

Petrukhin A.I.
LLC "Construction Alliance Holding",
Deputy Chairman of Industrialists and Entrepreneurs "Ivolga"

The relevance of the research topic is related to the growing threats of weakening Russia's technological sovereignty due to international sectoral sanctions that hinder the innovative development of the economy. In the current conditions of incessant attempts at international isolation of the country, the main source of innovation generation is the internal intellectual capital, and the mechanism for its productive use is the functioning of the subjects of the innovative infrastructure of industry.

The purpose and objectives of scientific research. Based on the above, the author identified as the purpose of the scientific research the study of the role of subjects of the innovative infrastructure of the Russian industry in ensuring the technological sovereignty of the country. To achieve this goal, the author formulated the following tasks: a critical review and summary of information about the existing system of functioning of innovation infrastructure entities in Russia and an assessment of its strengths and weaknesses in comparison with the world leaders of the innovation market (China, USA, EU); analysis of the dynamics of the development of subjects of the innovative infrastructure of industry according to quantitative and qualitative criteria; formation of the author's vision of the prospects for the development of subjects of the innovative infrastructure of industry, taking into account current challenges (threats) and opportunities.

Description of the scientific and practical significance of the work. The scientific significance of the publication is expressed in the development of knowledge about the existing model of functioning of the subjects of the innovative infrastructure of industry, its strengths and weaknesses, obtained during the comparative analysis. The practical significance of the scientific work lies in the formation of author's recommendations to increase the contribution of such entities to the innovative development of the country and the operational efficiency of their functioning.

The main results and conclusions of the research work. According to the results of the scientific research, it was found that there is no unified interpretation of the terms "innovative infrastructure" and "technological sovereignty", which indicates the prospects for further research in this direction. Based on the results of the comparative analysis, conclusions were drawn about the strengths and weaknesses of the Russian model of functioning of innovative infrastructure entities and author's proposals for its development and improvement were developed.

The value of the conducted research. The significance of the study is determined by the possibility of using innovative infrastructure entities in specific strategies for the development of Russian industries, taking into account national goals and interests of import substitution and strengthening technological sovereignty.

Keywords: innovative infrastructure, industry, technological sovereignty, sanctions, competitiveness

УДК 338.22
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-62-67

Об особенностях взаимодействия малого и крупного промышленного бизнеса в условиях цифровизации

Стариков Е.Н.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры шахматного искусства и компьютерной математики
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

Лыжин П.С.
Первый заместитель председателя, руководитель аппарата
Регионального совета Свердловского регионального отделения
«Союз машиностроителей России», руководитель представительства
Госкорпорации «Ростех» в Свердловской области (Екатеринбург)

В статье выполнен обзор исследований, посвященных вопросам цифровой трансформации промышленного сектора, включая направление, связанное с цифровизацией малых и средних промышленных предприятий. Рассмотрены направления влияния цифровой трансформации на инновационные процессы на малых и средних предприятиях промышленного сектора в системе их взаимодействия с крупным бизнесом и государством. Выявлены особенности концепции Индустрии 4.0 и систематизированы основные факторы, влияющие на процессы инновационного развития малых и средних промышленных компаний и формирование стратегий их взаимодействия с крупным бизнесом по вопросам производственно-технологической кооперации в условиях цифровизации. Среди этих факторов рассмотрены «сервисизация», подразумевающая переход к сервисной экономике; технологии, наиболее активно внедряющиеся в настоящее время в промышленное производство; новые институциональные механизмы поддержки технологического и инновационного развития малого и среднего предпринимательства. Проведена оценка уровня внедрения технологий искусственного интеллекта и Интернета вещей в промышленном секторе России. Предложены направления совершенствования государственной политики по поддержке инновационного и технологического предпринимательства в контексте содействия формированию кооперационных связей в промышленности между крупными и малыми предприятиями.

Ключевые слова: *цифровизация, промышленность, малые и средние предприятия, цифровые платформы, цифровые технологии, инновации, бизнес-процессы*

Для цитирования: *Стариков Е.Н., Лыжин П.С. Об особенностях взаимодействия малого и крупного промышленного бизнеса в условиях цифровизации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 62–67. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-62-67.*

В настоящее время происходит цифровая трансформация промышленности, основанная на концепциях Индустрии 4.0 и «умных» фабрик. Среди исследований, посвященных цифровой экономике и Индустрии 4.0, можно найти работы, касающиеся отдельных аспектов цифровизации промышленного производства, включая инновационные стратегии модернизации промышленного сектора в контексте цифровизации, особенностей внедрения принципов IV промышленной революции [1], моделирования факторов эффективности производственных и технологических процессов [2], роли управления производством [3].

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что цифровизация оказывает положительное влияние на результаты деятельности промышленных компаний [4]. Так, например, M.M. Gobble [5] отмечает, что компании, внедрившие цифровые инновации, сохраняли значительный и постоянный разрыв в производительности и финансовых показателях деятельности. Российские авторы С.Л. Иголкин и др. [6] делают вывод, что цифровые технологии приведут к трансформации всех этапов инновационного процесса, что создаст ряд положительных моментов для производства.

Однако принципы и технологии Индустрии 4.0 внедряются не только на крупных промышленных предприятиях, но и в компаниях малого и среднего промышленного бизнеса (МСП) [7]. При этом необходимо иметь в виду, что именно сектор МСП является драйвером экономического и инновационного развития в большинстве развитых экономик. В то же время теме цифровизации малых и средних промышленных предприятий посвящено довольно ограниченное количество научных работ, в которых рассматриваются в основном общие вопросы внедрения принципов Индустрии 4.0, но при этом отмечается, что цифровая трансформация таких предприятий имеет свою специфику [8; 9]. В связи с чем в последние годы в европейских странах все больше исследователей обращаются к теме влияния цифровых технологий на развитие малых и средних предприятий в промышленности. В частности, L. Safar с соавторами [9] и J.M. Muller [10] описывают конкретные рамки для внедрения новых, инновационных, а также цифровых бизнес-моделей в данном секторе.

Индустрия 4.0 направлена, с одной стороны, на повсеместное внедрение высокоэффективных, автоматизированных производственных процессов, характерных для массового производства, а с другой – на формирование промышленной среды, где индивидуальные и приспособленные под конкретного потребителя-клиента продукты производятся в соответствии со стратегиями массовой кастомизации [11]. Соответственно, трансформация производственных цепочек, рост запросов на кастомизацию, цифровизацию и сервисизацию предопределяют необходимость учета при разработке и реализации промышленной политики горизонтальных и вертикальных связей крупных производств с другими секторами экономики и, в частности, с сектором малого и среднего промышленного бизнеса.

В этой связи рассмотрим факторы, которые влияют на процессы развития промышленных предприятий сектора МСП в их взаимодействии с внешней средой, включая процессы кооперации с крупным бизнесом, в условиях цифровизации.

В качестве первого фактора следует отметить «сервисизацию», подразумевающую переход к сервисной экономике. Ориентация на сервисы становится сегодня функциональной основой инновационных процессов цифрового перехода. Малые предприятия внедряют гибкие бизнес-модели, позволяющие предоставлять дополнительные услуги и индивидуализировать продукцию в соответствии с требованиями потребителей. В то же время крупные компании делятся своей инфраструктурой и данными и через свои цифровые платформы привлекают новых контрагентов из сектора МСП. Таким образом, благодаря созданию и распространению цифровых платформ малые и средние предприятия получают широкие возможности выхода на новые для них рынки.

В качестве примера можно привести цифровую платформу интеграции контрагентов (ПИК) «Газпром» (*https://gazpromneft-marketplace.ru/*), которая по сути представляет собой цифровую экосистему газовой компании, являясь при этом достаточно просто организованной и легко управляемой (рис. 1). На этой платформе собраны предложения дочерних компаний ПАО «Газпром» с подтвержденной репутацией и представлены продукты и услуги для всех контрагентов из различных сфер. Особую

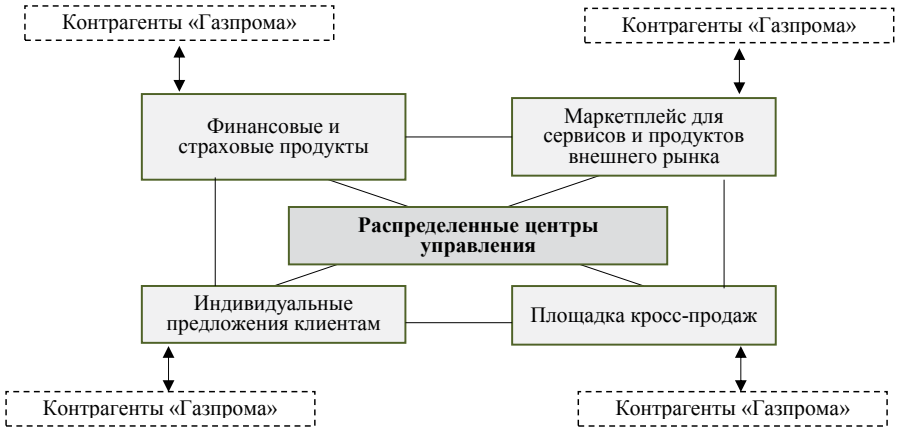

Рис. 1. Схема цифровой платформы интеграции контрагентов (ПИК) «Газпром»

ценность данная экосистемная цифровая платформа представляет для партнеров из сектора производственных предприятий МСП в поисках новых рынков сбыта и масштабировании бизнеса.

Таким образом, благодаря сервис-ориентированным моделям цифровых платформ крупные компании могут стимулировать диффузию цифровых технологий субъектам МСП, интенсифицируя их деятельность.

Во-вторых, это собственно технологический фактор. Так, одним из основных драйверов развития цифровой экономики являются данные, объем которых постоянно растет в геометрической прогрессии. Именно данные являются ресурсами для цифровых инноваций. Поэтому, технологии больших данных, искусственного интеллекта и Интернета вещей являются ключевыми в условиях цифровизации.

Цифровая трансформация требует освоения новых технологий и соответствующей реструктуризации бизнес-процессов. Цифровое моделирование и цифровые двойники, создаваемые на основе больших данных, позволяют закладывать в выпускаемые изделия высокие потребительские качества, повышать уровень кастомизации и характеристики глобальной конкурентоспособности продукции промышленного назначения. Цифровые технологии также кардинальным образом меняют и подходы к послепродажному обслуживанию, которое осуществляется на основе предиктивной аналитики и внедрения сервисной бизнес-модели, что, в свою очередь, формирует основу для появления и развития новых форматов взаимодействия крупных компаний с производственными компаниями МСП в сегменте сервисного обслуживания и промышленного инжиниринга.

Однако следует отметить, что сегодня в России доля промышленных компаний, использующих отдельные технологии искусственного интеллекта, не превышает 5,4 % (в секторе обрабатывающей промышленности – 3,65 % и в секторе добычи – 2,5 %) [12]. При этом, как видно на рисунке 2, наиболее значимыми технологическими направлениями здесь являются машинное обучение, компьютерное зрение и обработка языковых данных.

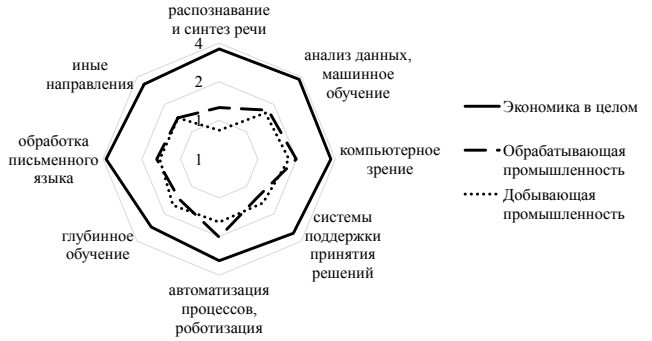

Рис. 2. Доля промышленных предприятий России, использующих технологии искусственного интеллекта по направлениям [12]

Средства искусственного интеллекта используются преимущественно в производственном процессе и маркетинге и в меньшей степени – в сфере обеспечения промышленной безопасности. В странах ЕС об использовании технологии искусственного интеллекта для отдельных функций заявляют около 8 % производственных компаний. При этом доля компаний, использующих искусственный интеллект для реализации отдельных направлений, в частности, таких как распознавание речи, машинное обучение, компьютерное зрение, системы поддержки принятия решений, автоматизация, роботизация, обработка письменного языка находится в диапазоне 2–3 % [13].

Соответственно, можно отметить, что по использованию технологии искусственного интеллекта отечественные производственные компании находятся на среднеевропейском уровне.

Технологии Интернета вещей также применяют только 4 % российских промышленных компаний. Этот тип технологий обеспечивает связанность оборудования и сбор данных, необходимых для предиктивной аналитики. Здесь среди основных направлений использования можно назвать оптимизацию потребления электрической и тепловой энергии, наблюдение за активностью покупателей, отслеживание передвижения транспортных средств и продукции, автоматизацию процесса производства, управление логистикой и движением продукции (рис. 3).

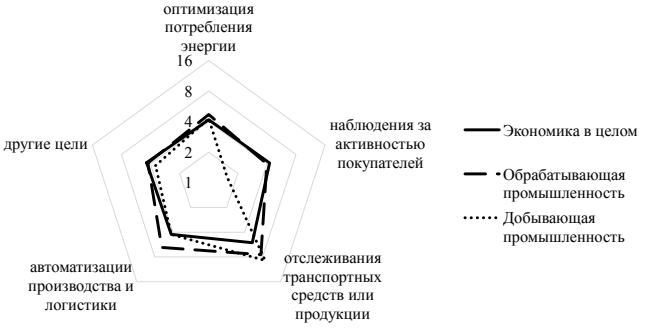

Рис. 3. Доля промышленных предприятий России, использующих технологий интернета вещей, по направлениям [12]

При этом в ЕС технология Интернета вещей используется в каждой третьей производственной компании [14], в том числе для контроля энергопотребления эту технологию применяют 9 % промышленных компаний; для контроля движения объектов – 7 %; для контроля производственных процессов – 7 %; для контроля логистики – 6 %. Таким образом, по использованию этого вида технологий отечественная промышленность существенно отстает от среднеевропейского уровня.

Таким образом, реализация возможностей технологического фактора при формировании взаимодействия малого и среднего промышленного бизнеса с

крупными компаниями имеет большой потенциал для своего развития по мере дальнейшего распространения использования соответствующих технологий в промышленности.

И третий фактор связан с формированием и развитием новых институциональных механизмов поддержки промышленного и инновационного развития малого и среднего предпринимательства в контексте цифровизации. Так, например, цифровая стратегия развития Германии «*Digital Strategy* 2025» включает 10 шагов, два из которых непосредственно связаны с сектором МСП, а именно «поддержка стартапов как драйверов цифровой трансформации при взаимодействии с крупными технологическими компаниями» и «внедрение новых бизнес-моделей для субъектов малого и среднего предпринимательства» [15; 16].

В нашей стране в этом контексте в 2021 г. Минцифры России была разработана Программа поддержки цифровизации малых и средних предприятий в рамках федерального проекта «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [17]. В соответствии с этой Программой производственные компании с годовым доходом до 2 млрд руб. и числом сотрудников не более 250 чел. могут приобрести *SaaS*-решения российских разработчиков со скидкой 50 %.

Также необходимо отметить Федеральный проект «Создание Цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами малого и среднего предпринимательства и самозанятыми гражданами» [18]. Данный проект подразумевает создание единой цифровой экосистемы, содержащей комплексную актуальную информацию обо всех мерах и институтах поддержки субъектов МСП и позволяющей предпринимателю выбирать и получать требующиеся ему меры поддержки дистанционно. С февраля 2022 г. на Цифровой платформе МСП.РФ доступны 20 онлайн-сервисов, включающих более 170 мер государственной поддержки, доступных заявителям через онлайн-заявки.

Следует также отметить довольно активную деятельность по инновационному и цифровому развитию производственных компаний МСП на уровне субъектов РФ. Эта деятельность направлена, в основном, на развитие, привлечение и удержание в регионах стартапов и инновационных проектов [19; 20], среди которых такие инициативы, как инновационные порталы, платформы взаимодействия предприятий, инновационные бизнес-инкубаторы, центры компетенций, центры прототипирования и т.д.

Таким образом, для успешного развития цифровых инноваций и цифровой трансформации промышленного сектора МСП важным условием является поддержка технологического предпринимательства, формирование предпринимательских экосистем и систем взаимодействия бизнеса разного масштаба и органов власти на уровне регионов.

В заключение необходимо сказать, что в России основным вызовом при реализации политики цифровой трансформации промышленности является необходимость полного охвата всех предприятий как крупных системообразующих (частных и госкорпораций), так и малых и средних. Поэтому государственная политика поддержки цифровой трансформации промышленности России должна ориентироваться на задачи, связанные с массовым внедрением цифровых технологий предприятиями разного масштаба.

Однако в настоящее время для успешного формирования такой политики и разработки соответствующих механизмов существует ряд ограничений. Основными среди них являются недостаток финансовых ресурсов и цифровых компетенций (у управленческого персонала – для управления проектами цифровой трансформации; у производственного и обслуживающего персонала – для использования цифровых технологий), а также проблемы информационной безопасности. Кроме того, проблемой является «лоскутная» автоматизация и цифровизация, связанная с внедрением на начальных этапах цифровизации несистемных ИТ-решений, реализованных, как правило, на базе зарубежных разработок.

Однако поскольку, как показывают результаты нашего исследования, эффективное взаимодействие малого и крупного промышленного бизнеса формируется в рамках развития цифровых инновационных экосистем, то, соответственно, с одной стороны, требуются изменения в подходах к управлению инновационной деятельностью и процессами цифровизации в секторе МСП, а с другой – в подходах к оказанию государственной поддержки развития их инновационной активности за счет цифровизации государственных услуг. При этом перспективными формами государственной поддержки МСП в сфере цифровизации могут стать программы поддержки цифровой трансформации бизнеса, ликвидации цифрового неравенства и формирования инновационных предпринимательских экосистем на базе цифровых платформ.

В этой связи сегодня важным обстоятельством является разработка и формирование проактивной промышленной политики, которая будет сочетать комплекс мер как косвенной, так и прямой поддержки по улучшению предпринимательской среды с учетом территориальных и отраслевых особенностей развития производственного бизнеса и направленной на содействие формированию кооперационных связей в промышленности между крупными и малыми предприятиями.

Литература:

1. Klochko E., Brizhak O. Prospects of Using Virtual Technologies in Modern Corporate Business Systems // Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. ISC 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 726. P. 308–319. DOI: ORG/10.1007/978-3-319-90835-9_36.
2. Kudryavtseva S.S., Shinkevich M.V., Ostanina S.S. Modeling the Factors Behind Digitalization of the Real Sector of the Economy // Digital Transformation in Industry. Lecture Notes in Information Systems and Organisation, 2021. Vol. 44. P. 67–74. DOI: ORG/10.1007/978-3-030-73261-5_7.
3. Gölzer P., Fritzsche A. Data-driven operations management: organisational implications of the digital transformation in industrial practice // Production Planning and Control. 2017. Vol. 28. № 16. P. 1332–1343. DOI: ORG/10.1080/0953728 7.2017.1375148.
4. Abou-foul M., Ruiz-Alba J.L., Soares A. The impact of Digitalization and Servitization on the Financial Performance of a Firm: An Empirical Analysis // Production Planning & Control. 2021. № 32. Vol. 12. P. 975–989. DOI: ORG/10.1080/0953728 7.2020.1780508.
5. Gobble M.M. Digitalization, Digitization, and Innovation // Research-Technology Management. 2018. № 61:4. P. 56–59. DOI: org/10.1080/0895630 8.2018.1471280.
6. Igolkin S.L., Zhilnikov A.Yu., Gubertov E.A., Provotorov I.A. Digitalization of Innovative Process: Evolution and Problems. Advances in Economics. Business and Management Research // Proceedings of the Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management (RuDEcK 2020). 2020. № 148. P. 249–252. DOI: org/10.2991/ aebmr.k.200730.046.
7. Matt D.T., Rauch E., Fraccarol, D. Smart Factory for SMEs: Designing a Holistic Production System by Industry 4.0 Vision in Small and Medium Enterprises (SMEs) // ZWF. 2016. № 111(1-2). P. 52–55. DOI: org/10.3139/104.111471.
8. Matt D.T., Rauch E. SME 4.0: The Role of Small- and Medium-Sized Enterprises in the Digital Transformation / Industry 4.0 for SMEs. Challenges, Opportunities and Requirements, Ed. by D.T. Matt, V. Modr, H. Zsifkovits. 2020. DOI: org/10.1007/978-3-030-25425-4.
9. Safar L. et al. Concept of SME Business Model for Industry 4.0 Environment // TEM Journal. 2018. № 7(3). P. 626–637. DOI: org/10.18421/tem73-20.
10. Muller J.M. Business Model Innovation in Small- and Medium-Sized Enterprises: Strategies for Industry 4.0 Providers and Users // Journal of Manufacturing Technology Management. 2019. № 30(8). P. 1127–1142. DOI: org/10.1108/jmtm-01-2018-0008.
11. Modrak V., Marton D., Bednar S. Modeling and Determining Product Variety for Mass-Customized Manufacturing // Procedia CIRP. 2014. № 23. P. 258–263. DOI: org 10.1016/j.procir.2014.10.090.
12. Мезенцева Е.С. Инновационные эффекты цифровой трансформации промышленных предприятий // Региональная экономика: теория и практика. 2022. Т. 20. № 4. С. 659–677.
13. Battistoni E., Gitto S., Murgia G., Campisi D. Adoption paths of digital transformation in manufacturing SME // International Journal of Production Economics. 2023. Vol. 255. DOI: 10.1016/j.ijpe.2022.108675
14. Use of Internet of Things in enterprises // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ISOC_EB_IOT/default/table?lang=en&category=isoc.isoc_e.isoc_eb
15. Vinogradova T.A., Kuvshinov M.S. The study of employees' innovative behaviour at industrial enterprises // Journal of New Economy. 2022. Vol. 23. № 3. P. 109–126.
16. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. URL: https://www.de.digital/DIGITAL/Navigation/DE/Home/home.html.
17. Программа поддержки цифровизации малого и среднего бизнеса // Российский фонд развития информационных технологий. URL: https://рфрит.рф/msp/
18. Цифровая платформа МСП // Министерство экономического развития РФ, 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/cifrovaya_platforma_msp/
19. Stavniychuk A.Y., Markova O.A. «Acquire and leave»: Effects of startups acquisitions by digital ecosystems // The Manager. 2023. Vol. 14. № 5. P. 83–105.
20. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». 2020 / Под ред. С.П. Земцова. М.: РАНХиГС, АИРР, 2020. 100 с.

Peculiarities of Interaction Between Small and Large Industrial Businesses in the Context of Digitalisation

Starikov E.N.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)
Lyzhin P.S.
Sverdlovsk Regional branch of the Union of Mechanical Engineers of Russia

The article provides a review of research on the issues of digital transformation of the industrial sector, including the area related to the digitalization of small and medium-sized industrial enterprises. The directions of influence of digital transformation on innovation processes in small and medium-sized enterprises of the industrial sector in the system of their interaction with large businesses and the state are considered. The features of the Industry 4.0 concept are identified and the main factors influencing the processes of innovative development of small and medium-sized industrial companies and the formation of strategies for their interaction with large businesses on issues of production and technological cooperation in the context of digitalization are systematized. Among these factors, "servitization" is considered, implying a transition to a service economy; technologies that are currently being most actively introduced into industrial production; and new institutional mechanisms to support the technological and innovative development of small and medium-sized businesses. An assessment was made of the level of implementation of artificial intelligence and Internet of Things technologies in the industrial sector of Russia. And directions for improving state policy to support innovative and technological entrepreneurship in the context of promoting the formation of cooperative ties in industry between large and small enterprises are proposed.

Keywords: digitalization, industry, small and medium-sized enterprises, digital platforms, digital technologies, innovation, business processes

УДК 33
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-68-73

Система институтов управления развитием предприятий топливно-энергетического комплекса РФ

Талатин Е.А.
Аспирант кафедры экономики промышленности
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
(Москва)

Статья презентует полученные по результатам проведенного исследования данные, подтверждающие выдвинутую гипотезу о составе системы институтов, управляющих развитием предприятий топливно-энергетического комплекса Российской Федерации, и их роли в достижении высокого уровня научно-технологического развития государства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации к современным вызовам, включая глобальные изменения в энергетическом секторе и требования к устойчивому развитию. В условиях трансформации экономики и растущей конкуренции на международных рынках эффективное управление ТЭК становится ключевым фактором для обеспечения энергетической безопасности страны. Целью научного исследования является анализ существующих институтов управления ТЭК и разработка рекомендаций по их совершенствованию. Задачи исследования включают проведение анализа и оценки текущего состояния управления, выявление проблем и недостатков в существующих системах, а также формулирование предложений по внедрению новых управленческих практик и механизмов. Научная значимость работы заключается в систематизации знаний о механизмах и системе институтов управления ТЭК, что может стать основой для дальнейших исследований и практических приложений в области энергетической политики РФ. Практическая ценность исследования состоит в разработке рекомендаций для государственных органов и предприятий топливно-энергетического комплекса, направленных на оптимизацию управления и повышение эффективности использования ресурсов. Произведенные оценки базируются на применении общенаучных методов исследования. Результаты, полученные по итогам исследования, представляется возможным применять в целях дальнейшего развития стратегического управления предприятиями топливно-энергетического комплекса Российской Федерации.

Ключевые слова: *институты управления развитием, конкурентоспособность, инновационная деятельность, инновационное развитие, топливно-энергетический комплекс*

Для цитирования: *Талатин Е.А. Система институтов управления развитием предприятий топливно-энергетического комплекса РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 68–73. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-68-73.*

Уровень конкурентоспособности Российской Федерации на мировой экономической арене во многом определяется деятельностью предприятий топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК РФ). ТЭК РФ выступает своего рода системой по добыче, производству, логистике и использованию топливно-энергетических продуктов. Эта система имеет сложный, межотраслевой характер и

состоит из нескольких элементов, представленных топливной промышленностью (нефть, газ, уголь и пр.), электроэнергетикой. Топливно-энергетические потребности Российской Федерации по-прежнему остаются актуальными и в наши дни. Современные реалии диктуют условия для того, чтобы ТЭК РФ инновационно развивался, применяя в своем функционировании различные инновации маркетингового, организационного и (или) технологического типа [1–3].

Устойчивость экономического функционирования, в том числе и в ТЭК РФ, невозможно обеспечить без инновационного развития. Однако оно сопряжено с множеством различных рисков, которые могут проявляться как в инновационной сфере, так и в инвестиционной. Это обусловливает необходимость эффективного управления рисками, а также потребность в нормативно-правовом закреплении, предварительном учете рисковых потерь материального, производственного, технологического, финансового и иного характера, которые потенциально возможны. Подобный учет следует вести топ-менеджерам, разработчикам и пользователям инновационных продуктов, инвесторам, которые финансируют модернизационные процессы в ТЭК РФ [4–6].

Осуществление инновационной деятельности предприятий ТЭК РФ во многом обусловливает уровень научно-технологического развития государства, достижение которого невозможно без системы современных институтов, информационно и финансово поддерживающих инновационный цикл на всех его стадиях, начиная от фундаментальной разработки инноваций и заканчивая их выводом на рынок. Однако разработка инноваций – долгий и дорогостоящий процесс ввиду высоких налогов в сфере инноваций, а также из-за того, что венчурное финансирование слабо развито, собственные средства для инвестирования в инновационные исследования отсутствуют. Современная национальная инновационная система в Российской Федерации не может быть сформирована до конца и при этом эффективно функционировать при отсутствии кредитно-финансовой системы, которая ориентирована на то, чтобы поддерживать инновации в пределах страны. Скорость инновационного развития во многом определяется государственной системой закупок. Однако отсутствующие эффективные сетевые институты и способы кооперации субъектов инновационной деятельности являются существенным барьером, ограничивающим инновационное развитие. Кроме этого, некоторые ограничения характерны и для экономических взаимодействий сетевого характера, эффективность которых достаточно низкая. Помимо этого, проявляется потребительская направленность большинства кооперационных партнерств. При этом их взаимодействия с другими экономическими субъектами не столь активны и продуктивны. Российские предприятия, как правило, применяют закрытые модели ведения бизнеса и стремятся адаптировать успешный зарубежный опыт к своим условиям. Причем они не ориентированы на то, чтобы осваивать и завоевывать новые рынки на зарубежных территориях. Научно-техническая политика государства в энергетической сфере предопределяется решениями функционирующей в настоящее время Комиссии, которая занимается рассмотрением проблем, связанных с формированием стратегии развития ТЭК РФ, с экологической безопасностью. Ее реализация обеспечивается решением задач, предусмотренных положениями государственных программ РФ и иных проектов, связанных с развитием высокотехнологичных экономических секторов. Указанные проекты должны быть финансово обеспечены посредством привлечения бюджетных средств [7; 8].

Ключевым институтом управления развитием предприятий ТЭК РФ в России выступает «Энергетическая стратегия Российской Федерации», определяющая перечень мероприятий, которые должны обеспечить инновационное развитие ТЭК РФ к 2035 г. Рассматриваемая стратегия предопределяет внешнюю энергетическую политику, экономическое поле. Она содержательно схожа с европейскими энергетическими стратегиями ЕС. Во-первых, предусматривается быстрый переход к рынку Азиатско-Тихоокеанского региона, сегмент которого до 2035 г. должен значительно возрасти: по экспорту нефти и продуктов нефтепереработки почти в 2 раза, составив около 23 %, по экспорту газа – более чем в 5 раз, достигнув отметки в 33 %. Основными для Российской Федерации рынками сбыта нефтепродукции по-прежнему будут европейские рынки и рынки стран СНГ. Однако объемы экспортируемых продуктов будут более низкими. Еще одним направлением является формирование системы стабильных отношений как на уже существующих рынках сбыта энергетических продуктов, так и на новых рынках. Стоит заметить, что взаимоотношения ТЭК РФ с европейскими потребителями газовых ресурсов характеризуются кризисными тенденциями, которые проявляются в падающем спросе, ужесточающейся конкурентной борьбе, изменяющейся системе ценообразования, условиях третьего энергетического пакета [9].

В разрезе российско-китайских экономических отношений следует особо отметить необходимость развития восточного направления, завершив переговоры с китайской стороной по вопросу транспортировки природных газовых ресурсов. Кроме того, требуется развивать энергетические взаимоотношения с потребителями азиатских территорий. Данные аспекты предопределяются одним из пунктов энергетической стратегии 2035, согласно которому предполагается диверсифицировать экспортно-ло-

гистические цепочки, построить новые газопроводы («Сила Сибири», «Южный поток»), а также реализовать иные экспортные проекты азиатской направленности и сформировать экспортную инфраструктуру для сжиженного природного газа, в том числе развивая Северный морской путь. Все это в совокупности должно создать инфраструктурные предпосылки для освоения Российской Федерацией новых энергетических рынков, а также обеспечить энергетическую безопасность экспортных операций.

В систему институтов управления развитием предприятий ТЭК РФ входят также и реализуемые в Российской Федерации государственные программы. Наибольший интерес представляет в рамках нашего исследования государственная программа в области развития энергетической сферы. Данная программа реализуется уже более семи лет, практически осуществляя комплекс ключевых мероприятий и регулятивных мер правового характера, например, мероприятия по реализации энергетической политики государства. Финансовая составляющая рассматриваемых мероприятий и мер обеспечивается с помощью целевого финансирования конкретных направлений развития предприятий ТЭК РФ, которое предоставляется по результатам конкурсных процедур и имеет определенные границы. Как правило, государственные программы не предусматривают реализацию непрямых, т.е. косвенных стимулирующих мероприятий и мер, позволяющих проводить в их рамках научно-техническую политику [9].

Развитие предприятий ТЭК РФ невозможно без такого института, как программы инновационного развития (ПИР) предприятий, участником которых является государство. Уже больше десятилетия практикуется реализация ПИР, в рамках которых разрабатываются и внедряются новые технологии, разрабатываются, производятся и выводятся на рынок новые инновационные продукты/услуги мирового уровня. Кроме того, они влияют на возможности предприятий модернизироваться и технологически развиваться посредством повышения эффективности производственной деятельности. В перечень финансируемых с помощью ПИР предприятий входят порядка шести десятков предприятий, среди которых есть государственные компании, функционирующие в сфере ТЭК РФ [10].

Цифровизация ТЭК РФ невозможна без применения технологических платформ, являющихся своего рода институтом управления развитием предприятий ТЭК РФ. Сейчас в Российской Федерации функционирует пять технологических платформ, связанных с энергетикой, биоэнергетикой и т.п. Ядерная энергетика также характеризуется наличием технологических платформ. Деятельность платформ сопряжена с исследовательскими программами стратегической направленности, в ходе которых разработчики и потребители технологий организованно взаимодействуют между собой. Роль координатора в данном случае выполняет Минэкономразвития России, а роль спонсора осуществляемых исследований – Министерство высшего образования и науки Российской Федерации [7; 8]. Финансирование рассматриваемых платформ реализовывалось по указанной программе ежегодно: для финансирования исследовательских проектов направлялось 25 и более млрд руб. [11].

Институты развития, введенные в 2015 г., также способствуют реализации управленческого процесса в отношении развития предприятий ТЭК РФ. Однако ключевой задачей подобных институтов является финансирование инновационных проектов. Оно может быть целевым и осуществляться без проведения конкурсных процедур, а может базироваться на результатах конкурсного отбора проектов, которые ориентированы на то, чтобы развивать критические технологии отраслей, а также участвовать в реализации мер научно-технической политики государства [12].

Помимо рассмотренных выше институтов следует отметить и инновационные территориальные кластеры, которые, участвуя и побеждая в конкурсе, получают финансирование от Минэкономразвития России. Среди множества подобных кластеров одиннадцать кластеров энергетической сферы, в том числе в нефтехимической, угольно-перерабатывающей отраслях, а также в отраслях, связанных с переработкой отходов техногенного характера и разрабатывающих интеллектуальные управленческие системы в области освещения. Указанные кластеры развиваются за счет получения целевых межбюджетных субсидий. Эти субсидии устанавливаются Минэкономразвития России и поддерживают внедрение критических технологий в отраслях. Кроме того, с их помощью финансируются НИОКР, инфраструктурное развитие, а также развитие компетентностей [13].

Начало технологической перестройки энергетических отраслей в Российской Федерации было заложено правительственным распоряжением от 2014 г., которое предопределило мероприятия по переходу от технологий старого образца, которые уже неэффективны, к наилучшим доступным технологиям (НДТ), отражающим реалии современности. Распоряжение нормативно закрепляет принципы НДТ в ТЭК РФ, которые должны соблюдаться при технологическом переходе в энергетической сфере. Кроме того, определяются процедуры подготовки национальных проектов, связанных с разработкой и внедрением новых энергетических технологий и справочников НДТ в области ТЭК РФ [14].

Достижение конкурентоспособности российской экономики на мировой арене неразрывно связано с неизбежностью экономических изменений на-

ционального масштаба. Тем не менее сам процесс институциональных изменений сопровождается появлением негативных институтов. Негативные институты представляют собой институты, которые устойчивы, но при этом неэффективны. Устойчивым считается тот институт, значительное число участников которого действует в институциональных границах, зависит друг от друга. Специфика в данном случае проявляется в способности старых институциональных границ «выживать» в условиях массовой потребности институциональных участников в институциональной трансформации. Этому способствуют устойчивые институты и блокировка институциональных изменений со стороны стейкхолдеров. В качестве примера негативных институтов можно рассматривать коррупционные схемы, неуплату налогов, неплатежи и т.п. Наикрупнейшими негативными институтами в Российской Федерации являются теневой сектор экономики, отступные, усиливающаяся технологическая отсталость и сырьевой характер экономической системы [15–17].

Значимыми институтами выступают нормативно-правовые механизмы, поддерживающие создаваемые и осваиваемые головные образцы новой техники. Причем для таких институтов должны быть характерны принципиальные аспекты рисковой деятельности, связанные с хеджированием, т.е. страхованием рисков всех стейкхолдеров, в число которых входят не только разработчики и производители нового оборудования, а также предприятия ТЭК РФ, на площадках которых проводится его тестирование. В случае необеспеченности предприятий рассматриваемыми институтами их инновационная деятельность сопровождается множеством затрат и рисков. Так, например, зависимость экономики Российской Федерации от деятельности ТЭК РФ представляет собой двоякий фактор, влияющий на успешность ее функционирования. С одной стороны, она макроэкономически ограничивает энергетическое развитие Российской Федерации. Однако, с другой стороны, она же позволяет ТЭК РФ быть драйвером, обеспечивающим инновационное развитие и общий экономический рост межотраслевых экономических секторов. Наблюдающиеся в ТЭК РФ новые экономико-политические угрозы обусловливают необходимость переосознания основополагающих принципов, определяющих научно-технологическое развитие. Это приводит к формулированию новых стратегических ориентиров, в числе которых технологическая независимость энергетического сектора, а также компетентность субъектов хозяйствования по всем видам деятельности, которые наиболее важны при обеспечении устойчивости энергетического развития [7; 8].

Отсюда становится понятной потребность в привлечении значительных финансовых средств для развития перспективных технологий в сфере энергетики, а также интегрировать необходимые для этого разработки и координировать выполняемые для этого работы. Нефтеперерабатывающая промышленность сталкивается со стагнацией внутреннего и внешнего спроса, что не позволяет сформировать драйверы масштабной первичной переработки. Если же структура внешнего и внутреннего спроса изменяется, в результате чего акцент делается на более высококачественных продуктах, происходит технологический рывок, обеспечивающий конкурентоспособность. Значимым барьером в развитии предприятий ТЭК РФ является высокий уровень их зависимости от поставляемых из-за рубежа расходников, катализирующих элементов, технологий, оборудования и т.п. Для газодобычи характерно наличие угроз, связанных с возможностью потерять традиционные рынки сбыта, а также с наличием определенных глобальных рисков формирования мирового рынка сжиженного природного газа. Кроме того, и здесь наблюдается зависимость от зарубежных технологий и оборудования. Это обусловливает появление технологического запроса, который вызывает потребность в развитии внутреннего рынка газомоторных топливных ресурсов. Электроэнергетика характеризуется сильной изношенностью оборудования и при этом испытывает излишне большую потребность в зарубежной технике, в ее запасных частях. Помимо этого, стоит отметить неконкурентоспособное или вовсе отсутствующее оборудование российского производства, необходимое для использования возобновляемых источников энергии. ТЭЦ и теплосетевой комплекс в целом эксплуатируются неэффективно. Причем внедрение распределенной генерации и средств сопровождается значительными барьерами. Гарантия современного технологического обеспечения достигается за счет привлекаемых иностранных партнеров. Тем не менее в условиях санкционной политики в отношении Российской Федерации этот процесс претерпевает значительные проблемы. Зависимость ТЭК РФ от импортных материалов, технологического оснащения и т.п. обусловливает нарушение энергетической и экономической безопасности государства. Преодолеть указанные трудности может помочь интенсивное развитие энергетической машиностроительной отрасли Российской Федерации. Однако существующие заделы энергетических инноваций имеют слабую развитость, в них отсутствуют координационные инструменты, способные осуществлять финансирование исследований и разработок, а также венчурное инвестирование [7; 8].

Итак, система институтов управления развитием предприятий ТЭК РФ достаточно обширна и включает в себя различные нормативно-правовые механизмы. В их число входят энергетическая стратегия государства, государственные программы, программы инновационного развития, технологические

платформы, институты развития, инновационные территориальные кластеры, наилучшие доступные технологии, нормативно-правовые механизмы, поддерживающие создаваемые и осваиваемые головные образцы новой техники.

Литература:

1. Быстров А.В., Талатин Е.А. Устойчивое развитие как стратегический императив развития предприятий топливно-энергетического комплекса // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 473–475.
2. Курилкин И.Е. Методы и инструменты стратегического управления организацией // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 6. URL: https://web.snauka.ru/issues/2017/06/83860 (дата обращения: 24.06.2024).
3. Белобородов С.С., Дудолин А.А., Лисин Е.М., Киндра В.О. Повышение системной эффективности ТЭЦ как фактор перехода к ресурсосберегающей и экологически безопасной энергетике // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2021. Т. 13. № 3 (51). С. 135–145.
4. Кириллова Е.А., Дли М.И., Какатунова Т.В., Епифанов В.А. Трансформация модели тройной спирали в условиях формирования инновационных экосистем в промышленности // Дискуссия. 2022. № 1 (110). С. 16–30.
5. Кузнецов В.И., Кузнецов К.В. Исследование ресурсов инновационной деятельности // Устойчивое развитие российской экономики: материалы IV межд. науч.-практ. конф. ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова». М.: Аргамак-Медиа, 2017. С. 266–272.
6. Ван Л., Афанасьев В.Я., Лозенко В.К. Трансформация структуры управления при переходе электроэнергетического комплекса Китая на новый уровень бизнес-уклада // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 3. С. 199–201.
7. Резкин П.Е. Добавленная стоимость в системе анализа цепочки создания стоимости продукта // Актуальные проблемы науки XXI века. 2018. № 7. С. 59–64.
8. Сухарева Е.В. Управление генерирующей компанией на основе модели стоимости капитала // Экономические науки. 2022. № 206. С. 144–149.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики» (ред. от 31.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Поручения Президента Российской Федерации от 4 января 2010 года № Пр-22. URL: https://onls.pro/upload_files/Federal/Poruchenie_22.pdf (дата обращения: 24.06.2024).
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.05.2013 г. № 426 «О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2021 годы» (ред. от 01.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.07.2015 г. № 699 «Об утверждении Правил разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации» (ред. от 01.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Поручение Председателя Правительства Российской Федерации от 28 августа 2012 г. № ДМ-П8-5060. URL: https://www.iclaster.ru/upload/iblock/80a/1_poruchenie_pravitelstva_rossiyskoy_federatsii_ot_28_avgusta_2012_g._dm_p8_5060.pdf (дата обращения: 24.06.2024).
14. Приказ Минпромторга России № 651, Минэнерго России № 172 от 08.04.2014 г. «Об утверждении Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года» (ред. от 14.01.2016) // СПС «Консультант Плюс».
15. Дубровина Т.А., Щетинина Е.А., Щетинина Е.Д. Структура цепочки добавленной стоимости как фактор инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности объекта // Научный результат. Экономические исследования. 2015. Т. 1. № 2. С. 29–38.
16. Кириллова Е.А., Заенчковский А.Э., Тюкаев Д.А., Епифанов В.А. Динамическая модель прогнозирования потребностей промышленного производства в аспекте его инновационного развития // Финансовый бизнес. 2022. № 6 (228). С. 37–42.
17. Рукина Е.И., Крыленко Е.Е., Курдюкова Г.Н., Никифорова Д В., Куликова Н.Д. Состояние топливно-энергетического комплекса. Перспективы использования ВИЭ в контексте энергетического перехода // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1 (138). С. 261–268.

System of Institutions for Managing the Development of Enterprises in the Fuel and Energy Complex of the Russian Federation

Talatin E.A.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

The article presents the data obtained based on the results of the research that confirm the hypothesis put forward about the composition of the system of institutions that manage the development of enterprises of the fuel and energy complex of the Russian Federation and their role in achieving a high level of scientific and technological development of the state. The relevance of the study is due to the need to adapt to modern challenges, including global changes in the energy sector and requirements for sustainable development. In the conditions of economic transformation and growing competition in international markets, effective management of the fuel and energy complex becomes a key factor for ensuring the energy security of the country. The aim of the research is to analyse the existing institutions of fuel and energy complex management and develop recommendations for their improvement. The objectives of the study include analysing and assessing the current state of governance, identifying problems and shortcomings in the existing systems, and formulating proposals for the introduction of new management practices and mechanisms. The scientific significance of the work lies in the systematisation of knowledge about the mechanisms and system of institutions of fuel and energy complex management, which can become the basis for further research and practical applications in the field of energy policy of the Russian Federation. The practical value of the study consists in the development of recommendations for government agencies and enterprises of the fuel and energy complex, aimed at optimising management and improving the efficiency of resource use. The assessments made are based on the application of general scientific research methods. The results obtained from the research can be applied for further development of strategic management of fuel and energy complex enterprises of the Russian Federation.

Keywords: development management institutions, competitiveness, innovation activities, innovative development, fuel and energy complex

УДК 336
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-74-81

Налоговые расходы как инструмент расширения фискального пространства региональных бюджетов*

Хузина А.Ф.
Младший научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Альтерман А.А.
Стажер-исследователь Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

В статье рассматривается возможность расширения фискального пространства бюджетов субъектов Российской Федерации за счет оптимизации региональных налоговых расходов. Исследование включает оценку сопоставимости и соразмерности объема налоговых расходов и соответствующих бюджетных и социально-экономических показателей субъектов РФ.

Научная значимость исследования заключается в определении методологических подходов к взаимосвязи концепций налоговых расходов и фискального пространства для региональных бюджетов.

Практическая значимость исследования включает оценку региональных налоговых расходов за период с 2019 по 2026 гг., по результатам которой сформированы предложения по расширению фискального пространства региональных бюджетов в случае, если такая возможность предусматривается.

Ценность исследования заключается в осуществлении комплексной оценки налоговых расходов как инструмента для расширения фискального пространства бюджетов субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: *налоговые расходы, фискальное пространство, региональные бюджеты, налоги, эффективность налоговых расходов*

Для цитирования: *Хузина А.Ф., Альтерман А.А. Налоговые расходы как инструмент расширения фискального пространства региональных бюджетов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 74–81. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-74-81.*

Напряженная геополитическая ситуация и сохраняющиеся санкционные ограничения требуют выявления и последующей мобилизации дополнительных резервов для всех бюджетов бюджетной системы. В теории финансов для оценки такого дополнительного резерва используется понятие «фискального пространства». В международных ис-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

следованиях эта концепция применялась в первую очередь для бюджета расширенного правительства и не использовалась для бюджетов субнационального уровня. В рамках исследования понятие «фискального пространства» будет пониматься как «доступное финансирование в результате расширения мобилизации ресурсов» [1] и как «денежные средства, доступные в пределах годового бюджета» [2], т.е. оценка сопоставимости показателей будет проводиться в годовом разрезе и по видам источников доходов.

Выявление возможностей для расширения фискального пространства актуально для субъектов Российской Федерации по нескольким причинам:

– во-первых, для регионов характерна сжатая самостоятельность в проведении налоговой политики, поскольку значительная часть льгот и преференций устанавливается федеральным законодательством;

– во-вторых, существует закрепление доходных источников за определенными бюджетами и значительная часть перераспределений может осуществляться согласно законам о бюджете, что вносит элемент ежегодной неопределенности по объему доступных ресурсов;

– и наконец, значительный уровень дифференциации регионов (природные, климатические и т.п. условия) в едином экономическом пространстве приводит к миграции мобильных факторов производства в более благополучные субъекты РФ [3], что также сильно влияет на наполняемость региональных бюджетов и зависимость от федеральной поддержки.

В российских исследованиях [4] часто используются понятия «бюджетного потенциала», «налогового потенциала», «финансового потенциала», «бюджетной ёмкости» и т.п. В целом под этими понятиями мы будем понимать «совокупность средств, которую можно мобилизовать в бюджет за счет источников, расположенных на территории региона».

В работе [5] автор предлагает использовать понятие налогового потенциала, которое можно определить как «некоторую часть региональных финансовых ресурсов, которую потенциально возможно привлечь в бюджет субъекта Российской Федерации, исходя из социально-экономического развития региона за ряд предыдущих лет и существующих условий хозяйствования».

Рост бюджетной обеспеченности может быть предусмотрен, например, за счет увеличения количества или стоимости налоговой базы, ростом налоговых ставок, включением новых категорий налогоплательщиков, введением новых налогов или видов неналоговых доходов. Важно понимать, что полномочий по изменению элементов системы налогообложения у субъектов Российской Федерации практически нет, однако принимаемые налоговые решения должны учитывать существующую конкурентную среду за налогоплательщика как между территориями (регионами, включая субъекты Российской Федерации – особые экономические зоны и свободные экономические зоны), так и между странами (особенно ближнего зарубежья, которые могут предоставить более преференциальный режим для налогообложения, что особенно характерно для налогоплательщиков субъектов-«пограничников», предпринимательская деятельность которых тесно связана с соседними странами). Последний аспект также актуален в текущих условиях санкционных ограничений. Поэтому изменение любых процедур налогообложения и налогового администрирования должны учитывать интересы всех субъектов налоговых отношений.

Понятие налоговых расходов было включено в бюджетное законодательство Российской Федерации в конце 2018 г. С этого времени финансовые органы обязаны осуществлять оценку таких льгот и преференций, а также проводить анализ их эффективности.

Интересно отметить, что меры по оптимизации налоговых расходов региональных бюджетов могут дать быстрый эффект по расширению фискального пространства, поскольку не требуют особой подготовительной работы или специальных действий. В то же время вопросы оптимизации налоговых расходов могут, наоборот, включать внедрение новой налоговой льготы или освобождения в случае необходимости поддержки экономического роста в какой-либо отрасли. В данном случае эффект по расширению фискального пространства может быть отложенным во времени (пролонгированным) за счет мультипликативного эффекта.

Оценка эффективности налоговых расходов бюджетов субъектов Российской Федерации позволяет определить целесообразность и результативность сохранения подобных льгот и преференций, а при их неэффективности – отменить их и получить дополнительные финансовые ресурсы в распоряжение региональных органов власти и таким образом обеспечить расширение фискального пространства региональных бюджетов. Однако это недостаточный стимул для высокодотационных субъектов, поскольку в их случае рост налоговых доходов будет компенсироваться снижением объема федеральной поддержки, и фискальное пространство в целом останется неизменным.

В рамках общей оценки налоговых расходов отметим, что наибольший потенциал по оптимизации характерен для налога на имущество организации (в среднем составляет 42 % общего объема региональных льгот), налога на прибыль организаций (около 31 % общего объема налоговых расходов) и упрощенной системы налогообложения (около 20 % общего объема региональных льгот и преференций) (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура налоговых расходов, установленных нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации за 2019–2026 гг. в разрезе видов налогов, %

Наименования налогов, по которым предусматриваются налоговые льготы, освобождения и иные преференции	Структура налоговых льгот, освобождений и иных преференций, %							
	Фактические данные				Оценка	Прогнозный период		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.
ЕНВД	x	0,0	x	x	x	x	x	x
ЕСХН	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Земельный налог	6,0	7,1	1,7	1,5	1,6	1,9	2,2	2,0
Налог на имущество организаций	47,3	46,2	36,7	34,4	38,1	44,6	47,2	41,8
Налог на имущество физических лиц	0,1	0,1	0,5	0,8	0,9	1,0	1,2	1,1
Налог на прибыль организаций	32,6	23,9	36,5	38,3	35,3	25,5	24,3	32,5
Патентная система налогообложения	0,1	0,2	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Торговый сбор	0,6	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0
Транспортный налог	3,2	3,0	2,8	2,5	3,0	3,6	3,9	3,6
Упрощенная система налогообложения	10,2	19,0	21,5	22,3	21,0	23,3	21,0	18,8

Источник: составлено авторами на основе данных Минфина России [6].

Также отметим, что именно к этим налогам устанавливаются налоговые льготы, освобождения и иные преференции в наибольшем количестве регионов (по налогу на имущество организаций – 85 субъектов Российской Федерации, по налогу на прибыль – 83 субъекта Российской Федерации, по упрощенной системе налогообложения – 84 субъекта Российской Федерации). Несмотря на то что налоговые льготы по транспортному налогу и патентной системе налогообложения применяются в 84 и 75 субъектах Российской Федерации соответственно, их доля в общей структуре налоговых расходов невелика (3,2 и 0,1 % соответственно).

Кроме того, в результате проведенного анализа было отмечено, что по 4-м налогам помимо региональных налоговых льгот законодательно установлены федеральные льготы и преференции, а именно: по земельному налогу, налогу на имущество организаций, налогу на имущество физических лиц и налогу на прибыль организаций (см. табл. 2).

В целях расширения фискального пространства региональных бюджетов у субъектов Российской Федерации есть возможности для маневра в первую очередь по земельному налогу, а во вторую – по налогу на имущество организаций. Введение отдельных льгот и преференций по налогу на имущество физических лиц теоретически может способствовать привлечению населения в соответствующие субъекты Российской Федерации, в то же время для обеспечения указанной тенденции необходимо обеспечить иные преимущества – привлекательные рабочие места, достойное качество и условия проживания и т.п. Значимость налога на прибыль в части управления фискальным пространством снижается, поскольку значительная часть льгот и преференций устанавливается федеральным законодательством, и в этих условиях выбор дислокации для бизнеса будет зависеть от иных причин – наличия факторов производства, близости клиентской базы, а также доступности источников финансирования и инвестиций.

Таблица 2

Соотношение федеральных и региональных налоговых льгот и преференций за 2019–2026 гг., в %

Вид налога	Уровень налоговых расходов	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.
Земельный налог	Федеральные	28	25	54	55	56	57	57	58
	Региональные	72	75	46	45	44	43	43	42
Налог на имущество организаций	Федеральные	57	58	59	59	60	63	66	68
	Региональные	43	42	41	41	40	37	34	32
Налог на имущество физических лиц	Федеральные	99	99	96	93	94	94	94	94
	Региональные	1	1	4	7	6	6	6	6
Налог на прибыль организаций	Федеральные	56	70	68	59	63	75	79	73
	Региональные	44	30	32	41	37	25	21	27

Источник: составлено авторами на основе данных Минфина России [6].

Общие требования к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации устанавливаются Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.06.2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [7], которым определяются три целевых категории налоговых расходов – социальные, стимулирующие и технические.

Классификация по целевым категориям не используется для федеральных налоговых расходов, в связи с чем не представляется возможным проведение сравнительного анализа льгот и преференций федерального и субфедерального уровней.

В рамках анализа региональных налоговых расходов в разрезе категорий выявлены следующие тенденции (см. табл. 3):

1) подавляющая доля налоговых расходов относится к стимулирующей категории (в среднем около 73 % общего объема);

2) к социальным относят только около 10 % налоговых расходов, что подтверждает вывод об отсутствии реальной возможности для субъекта Российской Федерации по привлечению населения на свою территорию за счет управления налогообложением;

3) около 17 % налоговых расходов являются техническими.

Среди пользователей категории «социальная» – 84 субъекта Российской Федерации (нет Чукотского АО), а категории «стимулирующая» – все 85 анализируемых субъектов Российской Федерации. При этом, несмотря на характер категории, «технические» налоговые расходы используются только в 62 субъектах Российской Федерации, в связи с чем данная тенденция представляет отдельный интерес для дальнейших исследований. При анализе налоговых расходов с позиции их отнесения к той или иной категории необходимо учитывать, что субъекты РФ самостоятельно определяют категорию налоговой льготы, освобождения или преференции.

Доля налоговых расходов, включенных в одну из трёх категорий, значительно отличается по субъектам Российской Федерации (см. табл. 4).

Приведенные выше данные характеризуют направленность региональной налогово-бюджетной политики, что также позволяет осуществлять оценку результативности таких действий. Например, высокий уровень стимулирующих налоговых расходов наблюдается у Республики Тыва, Тюменской области, Астраханской области, Кировской области и др.

Отдельные регионы в своей налогово-бюджетной политике реализуют более «социальную» повестку. Так, достаточно высокий уровень социальных налоговых расходов характерен для Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик, Республики Адыгея, Белгородской и Калининградской областей.

Отдельные субъекты Российской Федерации отнесли значительную часть своих налоговых расходов к технической категории. И если для города Москвы (как региона – столицы государства) такая мера представляется обоснованной, то для Чеченской Республики и Республики Северная Осетия -Алания можно рекомендовать пересмотреть свой подход к категоризации налоговых расходов для более прозрачного определения налоговых льгот и преференций.

Остановимся на анализе значимости налоговых расходов для каждого конкретного субъекта Российской Федерации, сопоставив объем налоговых расходов с объемом налоговых доходов в целом (см. табл. 5).

Среднее значение доли налоговых расходов в общем объеме налоговых доходов по всем субъектам Российской Федерации за период с 2019 по 2023 гг. составляет 5,6 %. Из всех регионов 54 субъекта имеют меньшую долю налоговых расходов в объеме налоговых доходов, чем в среднем по России. По результатам анализа можно отметить следующее:

1) у 11 субъектов Российской Федерации с уровнем бюджетной обеспеченности выше 0,9 наблюдается высокая доля налоговых расходов. Особенно

Таблица 3

Объем и структура региональных налоговых расходов за 2019–2026 гг. в разрезе целевых категорий

Целевая категория налогового расхода субъекта РФ	Объем налоговых льгот, освобождений и иных преференций, млн руб.							
	Фактические данные				Оценка	Прогнозный период		
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.
Социальная	50 927	46 214	65 494	71 396	69 746	66 512	54 346	55 087
в %	10,86	9,08	9,95	9,51	10,01	11,34	10,32	9,55
Стимулирующая	318 818	365 682	506 666	582 455	524 921	416 138	368 367	417 286
в %	67,98	71,89	76,97	77,55	75,37	70,98	69,92	72,33
Техническая	99 219	96 795	86 105	97 249	101 794	103 634	104 115	104 517
в %	21,16	19,03	13,08	12,95	14,62	17,68	19,76	18,12
Всего	468 963	508 691	658 265	751 100	696 461	586 284	526 829	576 890

Источник: составлено авторами на основе данных Минфина России [6].

Таблица 4

Структура региональных налогов отдельных субъектов РФ в разрезе целевых категорий, %

Субъект Российской Федерации	Налоговые расходы в разрезе категории*		
	Стимулирующие	Социальные	Технические
Республика Тыва	78,8	1,1	20,1
Тюменская область	76,8	3,4	19,8
Астраханская область	73,9	3,8	22,3
Кировская область	70,6	7,8	21,6
Красноярский край	69,6	3,3	27,1
Саратовская область	68,8	31,2	0,0
Республика Мордовия	65,9	0,7	33,4
Белгородская область	49,8	50,2	0,0
Республика Адыгея	42,5	57,5	0,0
Калининградская область	41,4	46,8	11,8
Кабардино-Балкарская Республика	37,0	62,9	0,1
Карачаево-Черкесская Республика	37,0	63,0	0,0
Республика Алтай	33,9	37,9	28,2
Город Москва	13,4	30,4	56,2
РСО – Алания	7,7	25,0	67,3
Чеченская Республика	2,9	2,0	95,1

Источник: составлено авторами на основе данных Минфина России [6].

Примечание – *средние арифметические значения за 2019–2026 гг.

выделяются регионы со специализацией по добыче полезных ископаемых. Однако можно выделить некоторые регионы, для которых такая природная специализация не характерна, – это Тульская область, город Санкт-Петербург, Вологодская область и Калужская область. У данных регионов достаточно разнообразные направления перспективных отраслей экономической специализации.

Практически для всех этих регионов характерно преобладание стимулирующих налоговых расходов (более 90 % налоговых расходов), за исключением гор. Санкт-Петербурга (72 %), Тюменской области (77 %) и Калужской области (62 %).

2) у 14 субъектов Российской Федерации с уровнем бюджетной обеспеченности от 0,5 до 0,9 также наблюдается достаточно высокая доля налоговых расходов, что в данном случае может объясняться сниженным уровнем налоговых доходов. У половины таких регионов преобладают стимулирующие налоговые расходы (более 90 % всех налоговых расходов). Несмотря на это, у Республики Калмыкия, Забайкальского края, гор. Севастополя и Республики Саха (Якутия) уровень налоговых расходов в объеме налоговых доходов не соответствует уровню бюджетной обеспеченности (менее 0,6 до выравнивания), что ставит вопрос о необходимости оценки реальной эффективности стимулирующих налоговых льгот и преференций в данных субъектах Российской Федерации;

3) среди шести субъектов Российской Федерации с уровнем бюджетной обеспеченности менее 0,5 можно отметить Чеченскую Республику (с долей налоговых расходов в объеме налоговых доходов более 35 %), Республику Крым и Республику Алтай (по 12,3 % налоговых расходов в объеме налоговых доходов). Для Чеченской Республики рекомендации были даны выше, однако можно отметить абсолютную неэффективность налоговых расходов в данном регионе. Несмотря на то что значительная часть налоговых расходов Республики Крым (96 %) и Камчатского края (99 %) являются стимулирующими, бюджетная обеспеченность данных регионов низкая, что предполагает необходимость пересмотреть перечень налоговых расходов и провести оценку их эффективности.

Рассматривая роль налоговых расходов отдельных субъектов Российской Федерации в общем объеме региональных налоговых расходов, можно отметить следующее (см. табл. 6):

1) для регионов первой и второй группы управление налоговыми расходами имеет существенное значение в общестрановом контексте, поскольку может повлиять на миграцию мобильных факторов производства;

2) несмотря на то что доля города Москвы и города Санкт-Петербурга в общем объеме региональных налоговых расходов значительна, для самих субъектов налоговые расходы составляют 3,4 и 10,4 % объема налоговых доходов соответственно;

3) во второй группе регионов снова нужно отметить Республику Саха (Якутия) и Республику Башкортостан. Данные субъекты имеют существенное среднее значение доли налоговых расходов в общем объеме налоговых расходов (2,5 и 2,3 % соответственно) и среднее значение доли налоговых расходов в общем объеме налоговых доходов (10,2 и 8,2 % соответственно), что слабо соотносится с низкой бюджетной обеспеченностью этих регионов (0,554 и 0,629 соответственно). Можно предположить, что значимая часть налоговых расходов является стимулирующей и относится к добыче полезных ископаемых, однако они не дают экономического стимула для развития субъекта РФ в целом, что сигнализирует о низкой эффективности инструмента налоговых расходов в этих регионах;

4) наконец, в третьей группе регионов необходимо отметить Забайкальский край. Доля его налоговых расходов в общем объеме налоговых расходов составляет 1 %, доля в объеме налоговых доходов – 19 %, однако уровень бюджетной обеспеченности до выравнивания достаточно низкий и составляет

Таблица 5

Перечень отдельных субъектов Российской Федерации с долей налоговых расходов в общем объеме налоговых доходов выше среднего по России, %

Наименование субъекта Российской Федерации	Доля налоговых расходов в общем объеме налоговых доходов субъектов РФ, %					
	Факт					Среднее значение
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	
Уровень бюджетной обеспеченности более 0,9*						
Ямало-Ненецкий АО	40,3	26,0	26,9	22,5	14,3	26,0
Ненецкий АО	22,0	12,1	23,9	29,9	14,3	20,5
ХМАО – Югра	11,2	17,9	19,3	15,9	13,5	15,5
Тульская область	3,4	8,3	12,7	18,7	9,4	10,5
город Санкт-Петербург	8,9	10,7	10,2	10,5	11,5	10,4
Мурманская область	1,4	6,7	10,9	20,8	10,2	10,0
Ленинградская область	8,4	12,5	15,7	8,8	3,4	9,8
Тюменская область	5,5	12,8	9,8	10,8	7,6	9,3
Вологодская область	4,2	4,0	11,9	10,0	6,3	7,3
Свердловская область	6,5	7,4	7,7	7,4	4,7	6,8
Калужская область	7,3	7,3	6,1	6,3	4,9	6,4
Уровень бюджетной обеспеченности от 0,5 до 0,9*						
Республика Калмыкия	7,0	6,1	25,5	71,4	17,2	25,4
Забайкальский край	9,8	17,8	31,0	24,8	11,5	19,0
Магаданская область	13,2	18,1	17,2	13,8	11,3	14,7
город Севастополь	13,4	16,9	14,5	12,3	11,1	13,6
Пермский край	11,0	12,2	14,5	19,2	10,2	13,4
Еврейская АО	10,7	14,0	31,8	3,3	0,0	11,9
Республика Саха (Якутия)	9,9	10,9	12,4	9,9	8,2	10,2
Республика Башкортостан	3,7	6,1	8,7	12,0	10,7	8,2
Приморский край	4,4	9,8	8,0	9,5	7,2	7,8
Удмуртская Республика	2,4	6,3	11,6	9,4	8,0	7,5
Ульяновская область	5,2	7,0	7,5	7,3	4,6	6,3
Астраханская область	9,8	9,7	4,6	3,0	2,7	6,0
Волгоградская область	5,0	5,4	6,3	7,1	5,2	5,8
Омская область	1,5	3,1	9,6	7,2	7,2	5,7
Уровень бюджетной обеспеченности менее 0,5*						
Чеченская Республика	11,6	19,0	36,2	51,8	57,1	35,1
Республика Крым	9,7	12,4	17,7	11,3	10,2	12,3
Республика Алтай	11,4	10,0	15,5	13,4	11,0	12,3
Республика Тыва	5,9	8,4	13,3	12,7	5,9	9,2
Республика Дагестан	1,9	5,0	7,6	10,5	9,2	6,8
Камчатский край	3,0	8,8	8,1	7,0	4,9	6,4

Источник: составлено авторами на основе данных Минфина России [6].

Примечание – *уровень бюджетной обеспеченности до выравнивания за 2023 г.

всего 0,584, что ставит вопросы о целесообразности оценки эффективности налоговых расходов данного субъекта Российской Федерации.

На основании проведенного обзора налоговых расходов можно сформулировать несколько ключевых выводов:

1. Налоговые расходы как инструменты расширения фискального пространства бюджетов высокодотационных регионов не эффективны, поскольку рост налоговых доходов будет приводить к компенсационному снижению федеральной поддержки таких субъектов. Это характерно для всех регионов с уровнем бюджетной обеспеченности менее 0,75 (это 42 субъекта Российской Федерации). Для данных регионов (особенно с высокой долей налоговых расходов в общем объеме налоговых доходов) можно рекомендовать проведение оптимизации налоговых расходов с целью выявления неэффективных и включения новых налоговых льгот и преференций, которые могут стимулировать экономическое развитие в регионе или же некоторым образом компенсировать недостатки в условиях проживания или ведения бизнеса на территории субъекта Российской Федерации. К таким субъектам относятся: Республика Башкортостан, Забайкальский край, город Севастополь, Республика Саха (Якутия), Еврейская АО, Республика Калмыкия, Республика Крым, Республика Алтай, Чеченская Республика и Республика Тыва.

2. Для субъектов с уровнем бюджетной обеспеченности от 0,75 до 1 управление налоговыми расходами может предоставить стимул для ускорения экономического роста в целом или поддержки ключевых отраслей, в частности. Такая рекомендация актуальна, например, для Магаданской области, Приморского края, Пермского края и Тульской области. В данных регионах доля налоговых расходов в общем объеме налоговых доходов составляет более 7 %.

3. Наконец, для субъектов Российской Федерации с уровнем бюджетной обеспеченности более 1 пересмотр и оптимизация налоговых расходов является эффективным инструментом расширения фискального пространства, если такие изменения не будут существенно влиять на конкурентные преимущества этих регионов.

Это относится, например, к городу Санкт-Петербургу, Ленинградской области и Вологодской области. В таком случае дополнительные налоговые доходы могут быть направлены как на социальные вопросы, так и на новые инвестиционные проекты или проекты развития этих регионов.

Для комплексного решения вопроса об использовании налоговых расходов как инструмента расширения фискального пространства региональных бюджетов стоит отметить также необходимость решения вопроса по миграции рабочей силы и капитала в крупнейшие города-регионы. Если такая тенденция будет сохраняться (предпосылки для её изменения отсутствуют), то возможности расширения фискального пространства других субъектов Российской Федерации за счет оптимизации налоговых расходов или даже изменения пропорций закрепления доходных источников за различными бюджетами будут сокращаться, поскольку все мобильные «облагаемые налоговые базы» будут перетекать в более привлекательные и конкурентоспособные субъекты Российской Федерации. Изменение налогообложения «привязанных» к территории региона налогов, как упоминалось ранее, целесообразно только в отношении земельного налога, что не является удовлетворительным решением и в действительности не повлияет на фискальное пространство.

Таблица 6

Группировка субъектов Российской Федерации по значимости налоговых расходов отдельных регионов в общем объеме налоговых расходов

Среднее значение доли налоговых расходов в общем объеме налоговых расходов	Наименование субъектов Российской Федерации	Доля субъектов РФ в общем объеме региональных налоговых расходов
Более 10 %	город Москва город Санкт-Петербург	28,9 %
От 2 до 10 %	Ямало-Ненецкий автономный округ Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Красноярский край Тюменская область Свердловская область Пермский край* Московская область Республика Саха (Якутия)* Республика Башкортостан*	35,3 %
От 1 до 2 %	Ленинградская область Приморский край* Хабаровский край* Краснодарский край* Чеченская Республика* Тульская область Иркутская область Ростовская область* Республика Татарстан Мурманская область Республика Крым* Нижегородская область Забайкальский край*	17 %
Менее 1 %	Остальные 61 субъект РФ	18,8 %

Источник: составлено авторами на основе данных Минфина России [6].
Примечание: * – отмечены дотационные регионы.

Литература:

1. Fiscal Space for what? analytical Issues from a Human development Perspective // Paper for the G-20 work- shop on Fiscal Policy. Istanbul, June 30-July 2, 2007. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/publications/FiscalSpaceforWhat.pdf
2. Schick a. Budgeting For Fiscal Space. asian oECd Senior Budget officials meeting. Bangkok, Thailand. January, 2008. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/budgeting-for-fiscal-space_budget-9-5ksb4ssm56q2
3. Хомяк М.С. Анализ методологических подходов к оценке объёма и структуры межбюджетных трансфертов в рамках бюджетного пространства регионов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 2(32). С. 17–23.
4. Дьякова Е.Б., Перекрестова Л.В. Применение концепции фискального пространства в мировой практике и ее адаптация в регионах России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 12(48). С. 64.
5. Ложечко А.С. Фискальный потенциал субъектов Российской Федерации: анализ теории и практики // Перспективы экономического развития и современные методы управления: Сб. материалов I Межд. науч.-практ. конф., Москва, 27 марта 2018 г. М.: Научный центр «НАУКА ПЛЮС», 2018. С. 37–40.

6. Официальный сайт Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/policy/raskhod/sub/?ysclid=m0uojwc5aw2923232 (дата обращения: 29.07.2024).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2019 № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (ред. от 09.12.2022) // СПС Гарант.

Tax Expenditures as a Tool for Expanding the Fiscal Space of Regional Budgets

Khuzina A.F., Alterman A.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

This article examines the possibility of expanding the fiscal space of budgets of constituent entities of the Russian Federation by optimizing regional tax expenditures. The study includes an assessment of the comparability and proportionality of the volume of tax expenditures and the corresponding budgetary and socio-economic indicators of the constituent entities of the Russian Federation.

The scientific significance of the study lies in determining the methodological approaches to the relationship between the concepts of tax expenditures and fiscal space for regional budgets.

The practical significance of the study includes an assessment of regional tax expenditures for the period from 2019 to 2026, based on the results of which proposals were formed to expand the fiscal space of regional budgets if such an opportunity is provided for by ineffective benefits or preferences.

The value of the study lies in the implementation of a comprehensive assessment of tax expenditures as a tool for expanding the fiscal space of budgets of constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: tax expenditure, fiscal space, regional budgets, taxes, efficiency of tax expenditures

УДК 338.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-82-86

Цифровая адаптация национальной экономики: содержание, аспекты, этапы

Чижов Н.С.
Аспирант кафедры менеджмента Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Матюгина Э.Г.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники,
профессор кафедры управления инновациями
Национального исследовательского Томского государственного университета

Высокая изменчивость параметров хозяйственной среды формирует особые требования к управлению национальной экономикой, диктующие необходимость соблюдения этапности и условий адаптации. Задачей государства является определение источников роста, вызывающих интенсивное развитие национального хозяйства в целом, в число которых входит и ИТ-отрасль.

Научная новизна заключается в исследовании аспектов адаптации (процесс, результат, способность и готовность), специфики цифровой адаптации экономики через реакцию на факторы возможностей и угроз, позиционировании и анализе последовательности этапов адаптации.

Научная значимость исследования заключается в анализе этапов адаптации национальной экономики через развитие ИТ-отрасли во взаимосвязи с факторами угроз и возможностей. Практическая значимость связана с установлением взаимосвязей между выделенными этапами адаптации, оценкой их проявления в нормативных документах.

Ключевые слова: *адаптация, ИТ-отрасль, государство, национальная экономика, угрозы и возможности*

Для цитирования: *Чижов Н.С., Матюгина Э.Г. Цифровая адаптация национальной экономики: содержание, аспекты, этапы // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 82–86. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-82-86.*

Высокая подвижность параметров хозяйственной среды обусловливает принятие и реализацию управленческих решений, позволяющих субъектам наиболее эффективным образом использовать возникшие возможности, нивелировать воздействие угроз (в т.ч. с перспективой трансформации их в конкурентные преимущества). Особую роль в адаптации национального производства играет государство, определяющее источники роста, тенденции структурных сдвигов и т.д.; оно становится проводником развития, используя различные инструменты регулирования, а также арбитром, гармонизирующим интересы субъектов, стимулируя их к достижению стратегически значимых целей. Согласно мнения С.Ю. Глазьева и Г.Г. Фетисова, только активные действия со стороны государства могут инициировать выход экономики на новый технологический уровень, придать импульс для качественного рывка [1]. Это связано с наделением государства полномочиями модерирования сре-

ды (С.Е. Демидова, И.П. Довбий, А.А. Минкин, В.В. Кобылякова, М.В. Кондратов и др.), формирования стратегических приоритетов, упорядочения и интеграции различных сфер жизнедеятельности. Так, М.Г. Делягин отмечает главную цель создания государства – решение непосильных для общества задач, что может выражаться в т.ч. в определении направления развития [2]. Возникающие при этом изменения принимают различные формы – генерирование новшеств для лучшего соответствия, ритуальное соблюдения ограничений, нелегитимные формы поведения. Государство выступает как своего рода линза, собирающая общественное мнение и объективно сложившиеся тенденции развития в единый сфокусированный луч, который прицельно направляется в «болевые точки» жизнедеятельности, подкрепляя его ресурсным обеспечением и нормотворчеством. А.Г. Светлаков отмечает особую роль государства в поддержке науки, производства, инновационной детальности. Также, по его мнению, развитие государства связано с качественным пересмотром политики в отношении науки и инновационных процессов [3].

Так, с 2014 г. в России сформировались предпосылки, а после 2019 г. усилились следующие отрицательные тенденции:

• нехватка рабочей силы – уровень безработицы достиг исторического минимума в 2,6 % [4], что несет положительный социальный эффект, вызывая повышенную конкуренцию за работника на рынке труда. Однако нехватка определенных специалистов замедляет динамику производства [5];

• санкционное давление – ограничение поставок технологий и оборудования, запрет на доступ к капиталам стран Европы и Америки [6; 7];

• военно-политическая обстановка требующая значительного увеличения доходов государства и др. [8].

Обозначенные тенденции развиваются на фоне стремительной эволюции цифровых технологий, систем искусственного интеллекта и интернета вещей, что, с одной стороны, может снизить отрицательное влияние первых, а с другой – сопровождается различного рода угрозами. Цифровизация, затрагивая все без исключения сферы, оказывает возмущающее воздействие на рутины поведения субъектов, требуя приспособления к новым условиям, что проецируется и на их взаимодействия, позволяя говорить о цифровой адаптации хозяйственной системы в целом. Она может быть рассмотрена как инструмент нивелирования негативных последствий, например:

1. Высвобождение кадров, связанное с внедрением автоматизированных систем, цифровых сервисов и т.д. Согласно прогнозам Минтруда РФ, высвобождение работников к 2029 г. составит более 800 тыс. чел. [9];

2. Повышение прогнозируемости поведения и взаимодействий субъектов – контроль уплаты налогов, исполнения контрактных обязательств, целевого расходования средств и т.д. (введение цифрового рубля [10], использование ИИ в работе ИФНС [11]);

3. Создание информационной системы госуслуг, значительно улучшающей качество жизни населения и условия ведения бизнеса. Портал Госуслуги позволяет получить более 94 % социально значимых услуг в электронном виде [12];

4. Рост эффективности производства – формирование удаленных систем управления, высокоскоростной обмен информацией, развитие автоматизированных систем управления технологическими процессами и т.д. Согласно исследованиям Высшей школы экономики, к 2030 г. рост ВВП будет более чем наполовину связан с цифровизацией и обеспечен не только за счет развития индустрии информации, но и в результате повышения конкурентоспособности других секторов экономики. По прогнозам, за 2017–2030 гг. вклад индустрии информации в рост ВВП составит почти 4 %, а цифровизациия секторов экономики – около 30 % [13];

5. Снижение зависимости от импорта – самостоятельная разработка программных продуктов и программно-аппаратных комплексов. Уже сейчас разработаны основные заменители популярного ПО [14] и др.

Однако при этом следует учесть факторы, игнорирование которых может привести к формированию угроз:

1. Высвободившиеся работники нуждаются в профессиональной переподготовке (Минтруд России проводит программу бесплатного переобучения по нацпроекту «Демография» [15]);

2. Развитие информационной сети несет угрозы мошенничества и кибербезопасности. В 2022 г. потери граждан РФ от мошеннических действий при электронном переводе составили более 14 млрд руб. [16], а доля кибератак достигла 39 % среди всех преступлений [17];

3. ИТ-отрасль требует развития собственной инфраструктуры (прокладка сетей Интернет, вычислительные и серверные мощности). На 2021 г. 16 % домохозяйств все еще не были подключены к сети Интернет [18]. В 2022–2023 гг. Правительство РФ утвердило программы поддержки российских производителей микроэлектроники, а также дорожные карты развития отрасли [19];

4. Нехватка кадров для выпуска цифровых продуктов (500–700 тыс. чел. [20]).

Тем самым развитие ИТ-отрасли, сопровождаясь внутренними/структурными изменениями (адаптацией) к воздействию различного рода факторов, оказывает возмущающее воздействие на национальную экономику в целом, провоцируя ее цифровую адаптацию. Последняя может быть рассмотрена в следующих аспектах:

• динамическом (процесс) и статическом (состояние);

• материальном (возможность) и нематериальном (готовность).

Следует отметить последовательную смену видов адаптации (как процесса): институциональную, ресурсную и структурную, характеризуемые результатом (как состоянием) на каждом из них (см. рис. 1).

Институциональный этап связан с формированием нормативно-правовых основ, декларированием стратегических целей, что выражает готовность и возможность государства к проведению изменений. Так, Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» затрагивает такие аспекты социально-экономической жизни, как здравоохранение, образование, экологию, науку, предпринимательство, культуру и т.д.

В названном Указе Президента РФ и Указе от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г.» в числе главенствующих ценностей заявлены: достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация [21]. Заданы целевые показатели, например, в рамках национальной цели «Цифровая трансформация»:

– достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования;

– увеличение (до 95 %) доли социально значимых услуг, доступных в электронном виде;

– рост (до 97 %) доли домохозяйств, которым обеспечен широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

– увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 г. и др.

На основании преемственности решений формируются национальные проекты. Так, проект «Цифровая экономика» направлен на достижение целей, определенных названным Указом; согласно Паспорту: «Национальная программа направлена на достижение цели, определенной Указом Президента РФ...»; «Реализация программы способствует достижению стратегически значимых задач Основных направлений деятельности Правительства РФ…» [22]. Более того, инфраструктурный характер ИТ-отрасли находит отражение в таких нацпроектах, как «Производительность труда», «Наука и университеты», «Безопасные качественные дороги» и др.

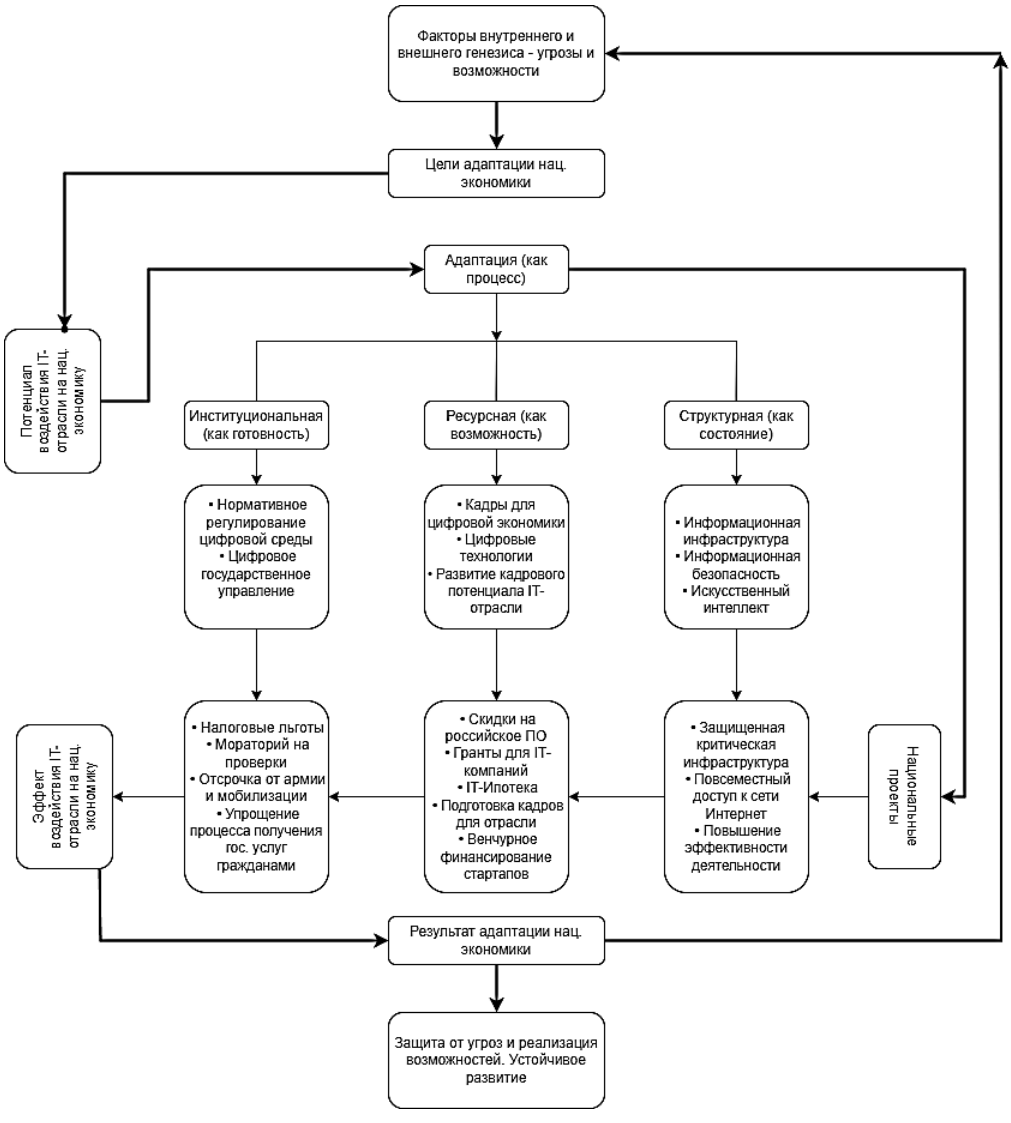

Рис. 1. Воздействие ИТ-отрасли на адаптацию национальной экономики

Помимо нацпроектов существует множество других документов (например, «Указ Президента РФ от 02.03.2022 г. № 93 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в РФ»), содержащих меры поддержки (налоговые льготы, мораторий на проверки, предоставление отсрочек от призыва и т.д.). Важно отметить, что институциональной этап связан с декларированием намерений и фиксацией ценностей, приоритетов, служащих основанием перехода к следующему этапу – ресурсному.

Этот этап начинается с момента планирова-

ния и выделения требуемых для преобразований ресурсов и продолжается до момента изменения целей и задач развития. Предполагается регулярный контроль процесса адаптации через целевые показатели (состояние), допуская возможность изменения объемов и/или перераспределения ресурсов. Так, финансирование нацпрограммы «Цифровая экономика» в 2023 г. было запланировано в размере 129,3 млрд руб., что на 35,6 % меньше, чем в 2022 г., а бюджетные ассигнования в национальную программу «Цифровая экономика РФ» в 2024 г. запланированы в объеме 121,7 млрд руб., что на 8,4 % (или на 11 млрд руб.) меньше, чем было заложено в действующем Законе о бюджете на трехлетку [23; 24].

Структурный этап подразумевает отслеживание контролируемой реакции хозяйственной системы, находящей отражение в изменении рутин поведения субъектов, хозяйственных взаимодействий и среды в целом.

Таким образом, развитие ИТ-отрасли обусловливает положительную динамику национальной экономики посредством снижения издержек, замещения человеческого труда, оптимизации работы с информацией и т.д. Все это в совокупности может стать своеобразным «рычагом», обеспечивающим выход на качественно новый уровень функционирования национального производства.

Литература:

1. Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1 (25). С. 23–35.
2. Делягин М.Г. Государство между народом и бизнесом // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 134–147.
3. Лисицын-Светланов А.Г. Роль государства в развитии науки и инновационной деятельности // Государство и право. 2022. № 2. С. 37–43.
4. РБК. Безработица в России в апреле снизилась до нового исторического минимума. URL: https://ria.ru/20240605/bezrabotitsa-1950781117.html (дата обращения: 29.07.2024).
5. Чекмарев О.П., Ильвес А.Л., Конев П.А. Занятость и дефицит кадров в России в условиях санкционного давления: факторный анализ предложения труда // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 4. С. 475–496.
6. Славецкая Н.С., Миэринь Л.А. Ценовой потолок как метод санкционного давления на российский нефтяной экспорт // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 21–27.
7. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. Т. 3. № 55. С. 218–226.
8. Эльвира Набиуллина: «Есть искушение думать, что нам море по колено». URL: https://www.rbc.ru/interview/finances/25/12/2023/658588589a79477f58d30b61 (дата обращения: 29.07.2024).
9. Как изменится квалификационная структура рынка труда. URL: https://www.rbc.ru/economics/08/07/2024/ 66867ae99a7947943d88dfb3 (дата обращения: 29.07.2024).
10. ЦБ РФ. Цифровой рубль. URL: https://cbr.ru/fintech/dr/ (дата обращения: 29.07.2024).
11. ФНС. Налоговая использует технологии искусственного интеллекта для выявления неплательщиков НДС. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/news/activities_fts/12371690/
12. ЕМИСС. Увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/62116 (дата обращения: 29.07.2024).
13. ИСИЭЗ. Вклад цифровизации в рост российской экономики. URL: https://issek.hse.ru/news/221125086.html (дата обращения: 29.07.2024).
14. Магазин ПО. Импортозамещение. URL: https://www.syssoft.ru/magazin/import-replace/ (дата обращения: 29.07.2024).
15. Минтруд РФ. Минтруд России представил программу бесплатного переобучения по нацпроекту «Демография» на 2024 год. URL: https://mintrud.gov.ru/employment/195 (дата обращения: 29.07.2024).
16. РБК. ЦБ раскрыл данные об инцидентах при переводе денежных средств. URL: https://www.rbc.ru/newspaper /2023/02/15/63eb5da89a794701b759621f (дата обращения: 29.07.2024).
17. ТАСС. В России доля киберпреступлений достигла 38% среди всех преступлений. URL: https://tass.ru/obschestvo/20933305 (дата обращения: 29.07.2024).
18. ИСИЭЗ. Кто и почему не пользуется интернетом в России? URL: https://issek.hse.ru/news/810217750.html (дата обращения: 29.07.2024).
19. Ведомости. Российский рынок микроэлектроники может превысить 1 трлн рублей к 2030 году. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/

articles/2024/04/02/1029264-rossiiskii-rinok-mikroelektroniki-mozhet-previsit-1-trln-rublei (дата обращения: 29.07.2024).
20. Коммерсант. Минцифры оценило дефицит кадров в IT-отрасли в 500–700 тыс. чел. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6161948 (дата обращения: 29.07.2024).
21. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
22. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: http://government.ru/info/35568/
23. Интерфакс. Бюджет нацпрограммы «Цифровая экономика» в 2023 году предложено сократить на 35 %. URL: https://www.interfax.ru/business/865340 (дата обращения: 29.07.2024).
24. Интерфакс. Бюджет нацпрограммы «Цифровая экономика» может сократиться на 11 млрд руб. URL: https://www.interfax.ru/business/923482 (дата обращения: 29.07.2024).

Digital Adaptation of the National Economy: Content, Aspects, Stages

Chizhov N.S.
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
Matyugina E.G.
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, National Research Tomsk State University

High variability of the economic environment parameters forms special requirements to the national economy management, requiring compliance with the stages and conditions of adaptation. The task of the state is to identify the sources of growth that cause intensive development of the national economy as a whole, which includes the IT industry.

Scientific novelty lies in the study of adaptation aspects (process, result, ability and readiness), the specifics of digital adaptation of the economy through the response to the factors of opportunities and threats, positioning and analyzing the sequence of stages of adaptation.

The scientific significance of the study lies in analyzing the stages of adaptation of the national economy through the development of the IT industry in the relationship with the factors of threats and opportunities. Practical significance is associated with the establishment of interrelationships between the identified stages of adaptation, assessment of their manifestation in regulatory documents.

Keywords: adaptation, IT-industry, state, national economy, threats and opportunities

УДК 338.1
DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-87-91

Национальная программа «Цифровая экономика» в аспекте цифровой адаптации национального хозяйства

Чижов Н.С.
Аспирант кафедры менеджмента Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Масштабность и скорость изменений хозяйственной среды обусловливают необходимость интенсификации адаптации отдельных отраслей и экономики в целом. ИТ-отрасль в своем изменении несет широкий спектр возможностей для развития национального производства. Анализ содержания и выполнения национальной программы «Цифровая экономика» позволит охарактеризовать ход цифровой адаптации через ее виды, этапы и оценку влияния ИТ-отрасли на хозяйственную систему в целом.

Научная значимость заключается в исследовании этапов, видов цифровой адаптации на основании анализа нацпрограммы «Цифровая экономика».

Практическая значимость исследования связана с оценкой показателей функционирования ИТ-отрасли в приложении к анализу направлений цифровой адаптации.

Ключевые слова: *адаптация, ИТ-отрасль, национальные проекты, цифровизация экономики*

Для цитирования: *Чижов Н.С. Национальная программа «Цифровая экономика» в аспекте цифровой адаптации национального хозяйства // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 87–91. DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-87-91.*

Отталкиваясь от положений, изложенных в статье «Цифровая адаптация национальной экономики: содержание, аспекты, этапы» [1], рассмотрим специфику адаптации национальной экономики к внедрению цифровых технологий. Изначально процесс цифровой адаптации связан со структурными сдвигами, проявляющимися в формировании и расширении влияния ИТ-сферы на национальную экономику, что позволяет говорить как об адаптации самой отрасли к изменившимся требованиям и условиям функционирования, так и хозяйственной системы в целом (см. табл. 1).

Значимым аспектом является момент формирования фактора-катализатора и начало самого процесса адаптации. Если последний реализуется как ответная реакция на изменившиеся (изменяющиеся в процессе) условия, адаптация будет характеризоваться как последующая. В противном случае, когда прогнозируются какие-либо изменения, возможные направления развития условий хозяйствования (например, траектории технологического развития как возможности, процессы деглобализации как вызовы), адаптация характеризуется как превентивная либо опережающая, ибо деятельность по изменению рутин начинается еще до того момента, как влияние прогнозируемых факторов станет значимым (этого и вовсе может не произойти – опережающая адаптация связана с риском отклонения от прогнозов). Однако опережающая адаптация (если направление развития или возможных угроз предсказано верно) потребует меньший объем ресурсов и обеспечит большие эффекты/выигрыши.

Так, нацпрограмма «Цифровая экономика» (утвержден 24 декабря 2018 г.) связан указанными видами адаптации, охватывая следующие направления.

Использование IT-продуктов, повышающих эффективность труда, что приводит, с одной стороны,

Таблица 1

Адаптация IT-отрасли в разрезе национальной программы «Цифровая экономика» [2]

Факторы – катализаторы адаптации: возможности: развитие цифровых продуктов, способных повысить интенсивность труда, доступность быстрого создания и передачи информации и др.; угрозы: низкая производительность труда, нехватка кадров, технологическая отсталость и др.		
Вид адаптации		
Институциональная	Ресурсная	Структурная
Нормативное регулирование цифровой среды; Кадры для цифровой экономики; Информационная инфраструктура; Информационная безопасность; Цифровые технологии; Цифровое государственное управление; Искусственный интеллект и др.	Затраты: 1634,9 млрд руб.; 120 тыс. чел. – получившие ВО в сфере ИКТ; 270 тыс. специалистов с цифровыми компетенциями; 33 тыс. учащихся общего и среднего образования, получивших доп. образование в сфере ИКТ	Затраты на цифровизацию по доле в ВВП: 2018 г. – 1,7 %, 2024 г. – 5,7 %; Соц. объекты, подключенные к сети интернет: 2019 г. – 30,3 %: 2024 г. – 100 %; Доля РФ по объему оказания услуг хранения и обработки данных: 2019 г. – 0,9 %, 2024 г. – 5 %;
Предварительные результаты:		
● более 3,5 тыс. ИТ-компаний получили грантовую и иную поддержку; ● выданы льготные кредиты в размере около 85 млрд руб. на поддержку проектов, реализуемых на основе российских ИТ-решений; ● 447 млрд руб. выделено на льготные ипотеки для ИТ-специалистов; ● в пять раз увеличилось количество обращений за услугами на "Госуслугах"; ● 109 млн граждан зарегистрировано на «Госуслугах»; ● более 1000 госуслуг переведено в электронный вид; ● более 3000 км подводных оптоволоконных сетей ● более 250 тыс. студентов российских вузов зачислены на «цифровые кафедры»; ● свыше 70 тыс. человек завершили обучение по проекту «Цифровые профессии» и др.		

к возможности наращивания динамики производства, с другой – к высвобождению работников, которые, в условиях дефицита кадров займут вакансии в других отраслях (см. рис. 1).

Пандемия, санкционное давление создали стимулы активного внедрения технологий, в рамках нацпроекта «Цифровая экономика» были сформированы направления «Цифровые технологии» (структурный аспект) и «Нормативное регулирование цифровой среды» (институциональный аспект), отразившие готовность Правительства РФ создавать нормативно-законодательную базу и обеспечить условия распространения отечественных ИТ-продуктов. Так, в направлении «Цифровые технологии» предусмотрен льготный лизинг для поддержки внедрения цифровых технологий и платформенных решений на основе отечественных программно-аппаратных комплексов, методическое сопровождение разработки и реализации стратегий цифровой трансформации на основе отечественных ИТ-решений и акселерации российских технологических стартапов. Ресурсная адаптация проявляется в выделении более 100 млрд руб. для внедрения названных технологий и платформенных решений преимущественно отечественного происхождения [3].

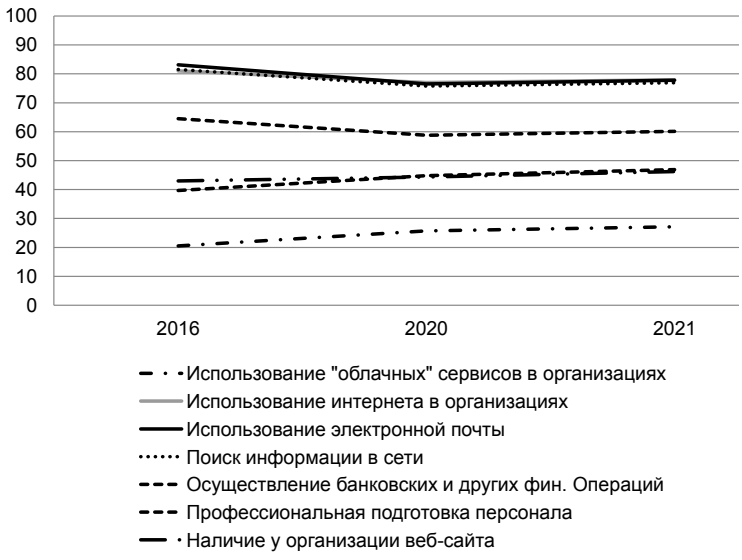

Рис. 1. Динамика цифровизации национальной экономики (сборники «Цифровая экономика» НИУ ВШЭ)

«Нормативное регулирование цифровой среды» предусматривает разработку и реализацию законодательных инициатив, направленных на снятие барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, и созданию благоприятного правового поля.

1. Формирование цифрового государства

Перевод госуслуг населению в цифровую форму снижает временные затраты госслужащих и граждан, получающих услуги; цифровая форма позволяет противодействовать коррупции и т.д. Так, коэффициент развития электронного правительства вырос с отметки 0,73188 в 2016 г. до отметки 0,8162 в 2022 г. [4; 5], что нашло подтверждение и в других показателях (рис. 2).

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что государство в основном побороло сопротивление изменениям и зна-

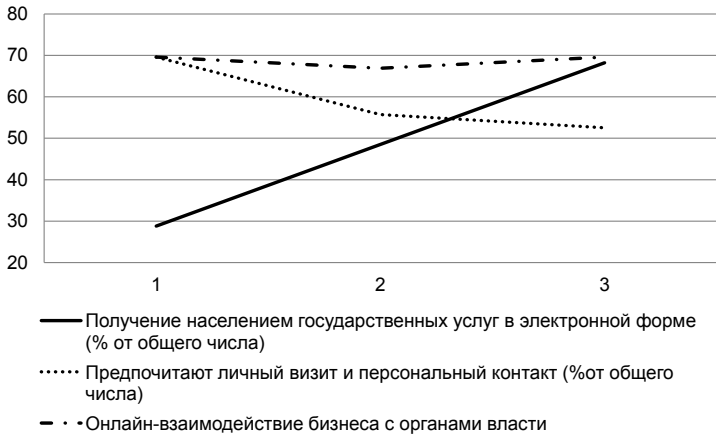

Рис. 2. Динамика показателей «Цифрового государства»
(сборники «Цифровая экономика» НИУ ВШЭ)

чительно повысило эффективность предоставления услуг, переведя подавляющее их число в электронный вид.

2. Формирование кадров IT-отрасли

Данное направление относится к ресурсной адаптации. Доля специалистов, задействованных в IT-отрасли, в структуре занятых в экономике на 2016 г. составила 1,5 %, в 2021 г. – 2,4 % (табл. 2).

Таблица 2

Кадровый потенциал ИТ-отрасли

	2016 г.	2021 г.	Изменение
Занятые в ИКТ-интенсивных профессиях (тыс. чел.)	1050	1756,4	+ 706,40
Количество подготовленных кадров в сфере ИТ (тыс. чел.)	45	208,2	+ 163,20

Сборники «Цифровая экономика» НИУ ВШЭ.

Влияние на формирование кадров оказывают сразу два направления проекта «Цифровая экономика» – «Кадры для цифровой экономики» и «Развитие кадрового потенциала IT-отрасли», в которых делается акцент на организации обучения с самого раннего возраста. Так, почти треть рынка IT занимают специалисты в возрасте от 15 до 29 лет (27,8 %) [5].

3. Импортозамещение ПО критической инфраструктуры

Несмотря на то что цифровизация привносит множество возможностей, она создает и угрозы (например, потенциальную возможность для совершения кибератак). Правительство РФ внесло в Госдуму РФ законопроект, который может наделить Кабмин полномочиями определять в каждой отрасли типы информационных систем, относимых к значимым объектам критической информационной инфраструктуры (все они с 2025 г. должны будут перейти на отечественное ПО [6]). Данное направление адаптации (институциональный этап) нельзя однозначно характеризовать как опережающее или последующее, оно носит смешанный характер, поскольку определенная часть ПО была замещена российским еще до вступления в силу запрета на использование заграничных аналогов, однако в других продуктах пришлось производить замещение уже по факту запрета. Так, компания «Сиссфот» аккумулирует более 100 различных программных продуктов, которые способны заменить иностранные с сохранением функционала [6].

Учитывая, что процесс адаптации по направлениям защищенного ПО для критической информационной инфраструктуры только запущен и большей части данных нет в открытом доступе, его можно характеризовать институциональным этапом с переходом в ресурсный. Фиксация же структурного состояния адаптации по данному направлению будет возможна после того, как будет объявлено о выполнении задач массового перевода КИИ на отечественное ПО.

4. Доступ населения к интернету и уровень его использования

Большая удаленность населенных пунктов определяет сложность в распространении доступа к интернету. Однако расширение зоны покрытия положительно влияет на качество жизни граждан, открывая доступ к электронным госуслугами, заказам товаров, общению и обмену информацией. Уровень использования интернета постоянно растет (см. рис. 3).

Направление «Информационная инфраструктура» ставит целью развития доступа в интернет в малонаселенных, отдаленных и труднодоступных пунктах. К 2024 г. точки доступа к *WiFi* и вышки сотовой связи появятся в 26,9 тыс. населенных пунктах численностью 100 до 500 чел.; подводная оптоволоконная линия связи свяжет Чукотку с материком [8]. Это позволит не только привлечь население к ИТ-продуктам в сфере *B2C*, но и обеспечить

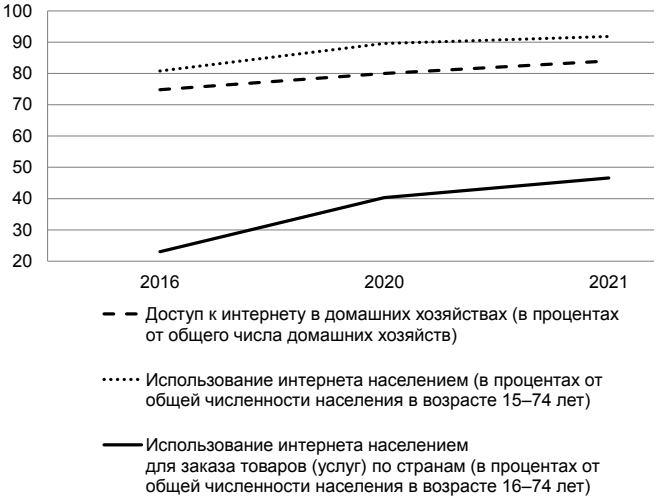

Рис. 3. Динамика показателей использования интернета населением
(сборники «Цифровая экономика» НИУ ВШЭ)

возможность использования онлайн-банкинга, облачных сервисов и других цифровых сервисов для предпринимателей в отдаленных регионах. Учитывая растущие показатели, можно сделать вывод, что институциональный и ресурсный этапы пройдены успешно. Сильной стороной отечественной цифровой отрасли является «цифровое государство» и сектор *B2C*. В обоих направлениях успехи значительным образом упрощают издержки как бизнеса, так и граждан, позволяя сохранять ресурсы. Отечественные государственные (Госуслуги) и частные (от компаний Яндекс, Т1, 1С) IT-проекты являются яркими примерами.

Таблица 3

Адаптация IT-отрасли в разрезе национального проекта «Экономика данных»

Факторы – катализаторы адаптации: возможности: управление на основе больших данных, обработка с помощью ИИ (преемственность с предыдущим нац. проектом) угрозы: санкции (отказ в доступе к иностранному ПО, угроза остановки предприятий), кибератаки и др.		
Этап адаптации		
Институциональная	Ресурсная	Структурная
суверенные и национальные стандарты и протоколы работы с данными, поправки к закону «Об охране окружающей среды», новые требования к ПО и базам данных	объем финансирования: от 1,3 трлн руб. (консервативный сценарий) до 2,7 трлн руб. (базовый сценарий)	суверенная инфраструктура для вычислений и хранения данных внутри страны, развитие технологий IoT, расширение использования ИИ
Прогнозируемые результаты (на 2030 г.):		
97 % домохозяйств, подключенных к высокосортному интернету; 80 % организаций, которые используют базовое отечественное ПО; 99 % социально значимых государственных и муниципальных услуг в эл. виде		

Согласно логике инициации и развития адаптации, её жизненный цикл запускается под воздействием фактора-катализатора, как только его влияние снижается или среда (внешняя или внутренняя) синтезирует новый, текущая адаптация заканчивается и начинается пересмотр компонент для запуска нового процесса. С 2025 г. Правительством РФ запускается новая программа, которая содержит актуализированные цели и задачи адаптации ИТ-отрасли.

Цель нового проекта – перевести экономику, социальную сферу, органы власти на качественно новые принципы работы, внедрить управление на основе данных, выйти на новый уровень в логистике, телемедицине, онлайн-образовании, предоставлении госуслуг (табл. 3).

Направления нацпроекта «Экономика данных»: «Создание цифровой инфраструктуры и платформ», «Развитие инфраструктуры использования ИИ и работы с большими данными», «Цифровая трансформация госуслуг», «Поддержка научных исследований и перспективных разработок», «Обеспечение устойчивого функционирования инфраструктуры и борьба с кибермошенничеством» отражают превентивный характер адаптации, однако в части направлений остаются реакцией на изменения среды, то есть последующими. Так, взрывной рост количества и масштаба киберпреступлений заставляет выделить отдельное направление для борьбы с ними.

Подводя итоги анализа, можно сделать вывод о том, что государство, адаптируясь к потребностям рынка и запросам самой отрасли, создает правовую основу изменениям и перераспределяет ресурсы для решения проблем. Все это формирует необходимую для развития среду, обеспечивающую изменение структуры национального производства в соответствии со стратегическими приоритетами. Готовность к созданию/совершенствованию нормативно-правовой базы, финансированию проектов еще до момента их массового распространению формирует базу экономического развития страны в будущем.

Литература:

1. Чижов Н.С., Матюгина Э.Г. Цифровая адаптация национальной экономики: содержание, аспекты, этапы // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 82–86. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-82-86.
2. Минцифры. Национальный проект «Цифровая экономика». URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 29.07.2024).
3. Национальные проекты РФ. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-tsifrovye-tekhnologii-p/ (дата обращения: 29.07.2024).
4. Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Г.Л. Волкова, Л.М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 268 с.
5. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 120 с.

6. Минцифры. Правительство внесло в Госдуму поправки в закон о КИИ. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/49964 (дата обращения: 29.07.2024).
7. Магазин ПО. Импортозамещение. URL: https://www.syssoft.ru/magazin/import-replace/ (дата обращения: 29.07.2024).
8. НацпроектыРФ.Информационнаяинфраструктура. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-informatsionnaya-infrastruktura-p/ (дата обращения: 29.07.2024).

National Program «Digital Economy» in the Aspect of Digital Adaptation of the National Economy

Chizhov N.S.
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

The scale and speed of changes in the economic environment make it necessary to intensify the adaptation of individual industries and the economy as a whole. The IT industry in its change brings a wide range of opportunities for the development of national production. The analysis of the content and implementation of the national program "Digital Economy" will characterize the course of digital adaptation through its types, stages and assessment of the impact of the IT-industry on the economic system as a whole.

The scientific significance lies in the study of stages and types of digital adaptation based on the analysis of the national program "Digital Economy".

The practical significance of the study is related to the assessment of IT industry performance indicators in the application to the analysis of digital adaptation directions.

Keywords: adaptation, IT-industry, national projects, digitalization of the economy

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-92-96

Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и перспективу до 2036 года» как нормативно-правовая база формирования планов и программ социально-экономического развития страны в краткосрочной перспективе

Шлычков В.В.
Доктор экономических наук, профессор, главный редактор Федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии» (Казань)

В соответствии с Конституцией РФ Россия является смешанной президентско-парламентской республикой с достаточно широкими полномочиями главы государства в части определения стратегии и тактики проводимой государственной социально-экономической политики, а также установления стратегических целей развития страны. В то же время избирательное законодательство Российской Федерации предполагает наличие выборных процедур при формировании органов законодательной власти и главы государства, избрание которого являются ключевым для федерального избирательного цикла и оказывает доминирующее влияние на процесс определения вектора развития страны во всех сферах общественной жизни. При этом наблюдается устойчивая тенденция усиления воздействия избирательного процесса на текущую государственную политику, т.к. конкурирующие между собой политические агенты в борьбе за голоса избирателей вынуждены предлагать обществу максимально привлекательные и отвечающие текущим запросам большинства россиян избирательные программы, которые в последствии обязуются реализовывать весь период своих полномочий, тем самым фактически запуская механизм трансформации народного волеизъявления в нормативно-правовые акты, определяющие текущую государственную социально-экономическую политику. Раскрытие заявленной темы позволит определить основные принципы и алгоритмы работы указанного выше механизма и повысить качество и актуальность процесса формирования федеральных программ развития, а также максимально гармонизировать общественные запросы с решениями и действиями государственного аппарата управления. Применяя факторный анализ, экономико-математические и статистические методы, автор анализирует заложенные в Указе № 309 установки и посылы, а также оценивает их потенциальное воздействие на процесс социально-экономического развития России в краткосрочной перспективе. Опираясь на доказательный подход в работе обосновывается позитивная роль Указа № 309 на процессы планирования и социально-экономического развития России.

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие, экономический рост, показатели роста, вектор развития, стратегические цели развития, «программные» указы.*

Для цитирования: *Шлычков В.В. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и перспективу до 2036 года» как нормативно-правовая база формирования планов и программ социально-экономического развития страны в краткосрочной перспективе // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 92–96. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-92-96.*

С учетом закрепленного в Конституции СССР 1977 г. статуса «руководящей и направляющей силы советского общества» [1, ст. 6] в стране «развитого социализма» роль «определения генеральной перспективы развития общества» была возложена на Коммунистическую партию, решения съездов которой формировали пятилетние планы социально-экономического развития и были обязательны для исполнения всеми органами государственной власти и управления, организациями и гражданами страны Советов. Принятый современной Россией в 1991 г. курс на создание демократического государства привел к развитию институтов демократии и формированию многопартийной политической системы, предполагающие отказ от доминирования какой-либо одной политической силы и реальную конкуренцию политических агентов в борьбе за голоса избирателей. При этом проводимые выборы органов государственно-муниципальной власти постепенно трансформировались в своеобразный механизм фиксации волеизъявления россиян по ключевым проблемам общественного развития через поддержку программ соперничающих между собой политических партий или отдельных кандидатов, защищающих интересы тех или иных объединений или социальных групп. Новые виды коммуникации власти и населения привели к возникновению своеобразной формы общественного договора, в рамках которого претендующий на избрание политический агент гарантирует последовательно реализовывать сформулированную в его предвыборной программе социально-экономическую политику в течение срока своих полномочий, а поддержавшие его избрание граждане, в свою очередь, обеспечивают общественную поддержку этому процессу. Именно к подобного рода новым практикам, на взгляд автора, относится формирующаяся с 2012 г. традиция опубликования сразу после инаугурации вновь избранного Президента РФ пакета программных указов, в которых определяются приоритеты и основные направления деятельности Президента и Правительства РФ на период полномочий первого, а также фиксируются конкретные целевые показатели социально-экономического развития страны на краткосрочную перспективу.

Сегодня Россия находится в процессе трансформации своих социально-экономической и политических систем, которые несмотря на значительные позитивные достижения пока ещё достаточно далеки от эталона и ожиданий россиян, а сформировавшиеся в их рамках институты по-прежнему нуждаются в дальнейшем совершенствовании и развитии, включая само гражданское общество, пока ещё не достаточно эффективно выполняющее роль «фильтра требований и поддержки по отношению к политической системе» [2]. Сложившиеся на сегодня российское избирательное законодательство достаточно жестко «привязывает» границы электорального цикла к конституционным срокам полномочий федеральных выборных органов власти, ключевым событием которого, безусловно, являются выборы Президента РФ, в процессе которых определяется не только персона главы государства, но и основные направления социально-экономического развития страны в краткосрочной перспективе. При этом, несмотря на желание властей сохранить социально-экономическую стабильность и преемственность реализуемой политики в долгосрочной перспективе, перманентные изменения внутренней и внешней среды функционирования государства требуют от власти адекватного и своевременного реагирования, и смена одного электорального периода на фоне фиксации текущего состояния социально-экономической системы, как правило, сопровождается определенной корректировкой целеполагания и изменением стратегии и тактики процесса развития. А с учетом того, что «роль политического лидера заключается не в том, чтобы представлять одну точку зрения, а в том, чтобы суметь объединить несколько разных» [3, с. 36], можно уверенно говорить, что на сегодня в России сформировалась устойчивая практика нормативно-правого закрепления планируемых и поддержанных на выборах большинством населения преобразований через принятие «программных указов» вновь избранного главы государства.

Действующий на сегодня Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [4] (далее – Указ, Указ № 309) был принят сразу после инаугурации главы государства и ещё до формирования состава нового Правительства, которое на момент своего утверждения фактически уже имело четко сформулированные задачи и нормативно-правовую базу своей деятельности на период полномочий действующего Президента РФ. При этом заложенные в Указе положения и установки в значительной мере являются, на наш взгляд, адекватной реакцией на текущую геополитическую и геоэкономическую ситуацию и предопределяют проводимую социально-экономическую политику российского государства в условиях беспрецедентных экономических санкций коллективного Запада и проведения Специальной военной операции (далее – СВО), ставшими на сегодня для России не только главными источниками незапланированных и политически мотивированных значительных социально-экономических издержек, но и труднопреодолимым барьером на пути дальнейшего экономического роста. И именно успешное достижение заявленных целей СВО при безусловном выполнении социальных обязательств перед населением является главной задачей политического руководства страны, решения которой невозможно вне комплексного подхода, мобилизации

всего экономического потенциала и активной поддержки общества.

Учитывая тот факт, что для того, «чтобы противостоять беспрецедентным технологическим и экономическим угрозам XXI века, нужно как можно быстрее создавать новые социальные и экономические модели» [5, с. 61], Указ определил в качестве ключевой задачи развития построение новой модели экономического роста и впервые был сориентирован на два периода – до 2030 г. и 2036 г. Правительству РФ было поручено в срок до 1 сентября 2024 г. представить блок проектов по обеспечению технологического лидерства, а также скорректировать либо разработать 11 национальных проектов: «Продолжительная и активная жизнь», «Семья», «Молодежь и дети», «Кадры», «Инфраструктура для жизни», «Эффективная транспортная система», «Экологическое благополучие», «Эффективная и конкурентная экономика», «Туризм и гостеприимство», «Международная кооперация и экспорт», «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [3]. Кроме того, до 31 декабря 2024 г. кабинет министров обязан разработать стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г.

Структурно Указ № 309 состоит из 7 частей, которые определяют приоритетные цели развития и прописывают конкретные показатели их достижения. На ближайшие шесть лет этими целями стали:

– сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;

– реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;

– комфортная и безопасная среда для жизни;

– экологическое благополучие;

– устойчивая и динамичная экономика;

– технологическое лидерство;

– цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы [3].

При этом Указ закрепил приоритетный порядок выделения бюджетных ассигнований для реализации заявленных целей развития, что в свою очередь дает определенную гарантию финансового обеспечения продекларированных планов и надежду на их успешное воплощение в жизнь.

В силу значимости экономики для поддержания качества жизни российских граждан именно решению её насущных проблем посвящен самый объемный блок президентского Указа, определивших 22 индикатора развития национальной экономической системы. Прежде всего Президентом РФ В.В. Путиным сформулирована достаточно амбициозная задача обеспечить рост экономики выше среднемирового и к 2030 г. выйти на 4-е место в мире по объему ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности, что в принципе невозможно без её структурной перестройки, отказа от сырьевой ренты и развития конкурентоспособного российского промышленного потенциала, включающего в себя максимально возможный круг отечественных товаропроизводителей, начиная с индивидуальных предпринимателей и заканчивая гигантами производства. Кроме того, для выхода на траекторию устойчивого экономического роста необходимо решить другую «системную» проблему российской экономики – сокращения существующего в большинстве секторов отставания в уровне производительности труда от технологически развитых экономик мира, что в свою очередь возможно только путем внедрения инновационных технологий, массовой автоматизации и роботизации производственного процесса, повышения уровня профессиональной подготовки и квалификации кадров, а также усиления их моральной и экономической мотивации к интенсивному труду, требующему дополнительных усилий и издержек со стороны работников.

В целях повышения устойчивости российской экономики к существующим геополитическим и геоэкономическим вызовам Правительству РФ Указом были поставлены задачи снизить долю импорта товаров и услуг в структуре ВВП, увеличить объем экспорта несырьевых и неэнергетических товаров, нарастить объем производства и экспорта продукции агропромышленного комплекса, активизировать перевозки по международным транспортным коридорам. Кроме того, Президентом РФ были сформулированы задачи увеличения объемов инвестиций в основной капитал и роста капитализации российского фондового рынка, а также развития туризма и улучшения экологической ситуации в регионах.

Для решения проблем поддержания технологического лидерства Указ определил ряд целевых показателей, выполнение которых позволит к 2030 г. обеспечить необходимый уровень технологического суверенитета и вхождение России в топ-10 стран – лидеров по объему научных исследований и разработок, что планируется достичь за счет повышения соответствующих ассигнований до 2 % ВВП, в том числе путем двукратного увеличения частных инвестиций и семикратного прироста выручки малых технологических компаний. Одновременно перед Правительством РФ поставлена задача формирования новых рынков, на которых российские экономические агенты обладают необходимыми компетенциями и способны эффективно конкурировать на мировом рынке. К ним можно отнести биоэкономику, сбережение здоровья граждан, продовольственную безопасность, разработку и производство БПЛА, создание средств производства и автоматизации, увеличение транспортной мобильности, экономику данных и цифровую трансформацию, проблематику ИИ, новые материалы и химию, пер-

спективные космические технологии и связанные с ними сервисы, а также новые энергетические технологии.

При этом рост уровня валовой добавленной стоимости в реальном выражении и индекса производства в обрабатывающей промышленности должны возрасти не менее чем на 40 % относительно достигнутых показателей 2022 г., а доля отечественных высокотехнологичных товаров и услуг, созданных на основе собственных линий разработки, в общем объеме потребления страны должна быть увеличена в 1,5 раза по сравнению с результатами 2023 г. [3].

В силу своей значимости для поддержания конкурентоспособности российской социально-экономической системы цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы также стала одной из ключевых целей развития. Решить поставленную Президентом РФ В.В. Путиным задачу к 2030 г., достичь в этих сферах «цифровой зрелости» планируется за счет увеличения инвестиций в отечественные IT-решения вдвое выше темпа роста ВВП в 2025–2030 гг. и перевода на отечественное ПО 80 % российских компаний из ключевых отраслей экономики и 95% госорганов и госкорпораций, что позволит к концу десятилетия завершить автоматизацию модели управления на основе единых отраслевых платформ. При этом к 2030 г. до 99 % социально значимых госуслуг должно предоставляться в электронной форме, и 97 % россиян должны получить доступ к качественному высокоскоростному интернет в условиях обеспечения для них сетевого суверенитета и информационной безопасности в глобальной компьютерной сети [3].

Для решения накопившихся социальных проблем перед Правительством РФ поставлена задача обеспечения устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже уровня инфляции. Указом № 309 определены задачи повышения суммарного коэффициента рождаемости, снижения уровня бедности к 2030 г. ниже 7 % (и ниже 5 % к 2036 г.), увеличения ожидаемой продолжительности жизни к 2030 г. до 78 лет (и до 81 года к 2036 г.). Одновременно, в целях снижения существующего неравенства, Указом сформулирована задача добиться снижения коэффициента Джини (индекс концентрации доходов). При этом минимальный размер оплаты труда (МРОТ) к 2030 г. должен в 2 раза превысить уровень 2023 г. и составить 35 000 руб. в месяц. В тоже самое время к 2030 г. социальная норма жилья для россиян должна быть увеличена до 33 кв.м на чел., а к 2036 г. не менее 38 кв.м. Параллельно перед Правительством и субъектами РФ ставится задача улучшения демографической ситуацию в регионах за счет роста коэффициента рождаемости и снижения дифференциации ожидаемой продолжительности жизни, а в целях сохранения населения установлено 13 *KPI*, которые будут отслеживаться на специально созданной федеральной цифровой платформе. Кроме того, Указом № 309 ставится задача по сокращению разрыва в уровнях бюджетной обеспеченности между 10 наиболее обеспеченными и 10 наименее обеспеченными субъектами России [3].

Выводы:

1. По мере укрепления российской государственности и модернизации политической системы избирательный процесс органов государственно-муниципальной власти России постоянно усиливает свое воздействие на определение приоритетов и формирование проводимой государственной социально-экономического политики.

2. За последнее десятилетие мы наблюдаем создание и поэтапную настройку работы механизма согласования обозначенных в ходе избирательных компаний и актуальных в конкретный исторический период запросов большинства российского общества с положениями принимаемых поддержанной им властью нормативно-правовыми актами, определяющими ориентиры и основные цели государства в социально-экономической сфере на кратко- и среднесрочную перспективы.

3. Наибольшее воздействие на процесс корректировки текущей социально-экономической политики оказывают выборы Президента РФ, конституционные полномочия которого позволяют в значительной степени не только определять вектор и приоритеты процесса развития страны, но и обеспечить реализацию заявленных изменений.

4. Осуществляемые для достижения целей развития национальные проекты доказали свою высокую эффективность и подобная практика реализации социально-экономической политики будет расширяться в дальнейшем, что подтверждается заявлением Президента РФ В.В. Путиным о запуске с 1 января 2025 г. новых национальных проектов [6].

5. Российская Федерация располагает необходимыми финансовым, научно-техническим, технологическим и социально-экономическим потенциалами для успешного достижения заявленных целей развития, однако их практическое достижение в значительной степени будет зависеть от правильного выбора приоритетов, эффективности использования и рациональном распределении привлеченных ресурсов, введения режима строгой экономии и создания действенной системы контроля за исполнением принятых решений всеми задействованными в процессе субъектами, а также активной позиции последних.

Литература:

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/
2. Easton D.A. Framework for Political Analysis. London; Sydney; Toronto; New Delhi; Tokyo, 1965. 143 p.
3. Адизес И. Лучшее. Пища для размышлений. Об изменениях и лидерстве, о менеджменте и о том, что важно в жизни. М.: Изд-во «Э», 2016. 144 с.
4. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
5. Харари Юваль Ной. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 416 с.
6. Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585

Decree of the President of the Russian Federation "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and the Prospect up to 2036" as a Regulatory Framework for the Formation of Plans and Programs for the Socio-Economic Development of the Country in the Short Term

Shlychkov V.V.
Federal Scientific, Practical and Analytical journal "Bulletin of Economics, Law and Sociology" (Kazan)

In accordance with the Constitution of the Russian Federation, Russia is a mixed presidential-parliamentary republic with fairly broad powers of the head of state in terms of determining the strategy and tactics of the state's socio-economic policy, as well as setting strategic goals for the country's development. At the same time, the electoral legislation of the Russian Federation presupposes the existence of electoral procedures in the formation of legislative authorities and the head of state, whose election is key to the federal election cycle and has a dominant influence on the process of determining the vector of development of the country in all spheres of public life. At the same time, there is a steady trend of increasing the impact of the electoral process on current state policy, since competing political agents in the struggle for votes are forced to offer the society the most attractive electoral programs that meet the current needs of the majority of Russians, which subsequently commit themselves to implement the entire period of their powers, thereby actually launching the mechanism of transformation of the people's will into normative legal acts defining the current state socio-economic policy. The disclosure of the stated topic will make it possible to determine the basic principles and algorithms of the above-mentioned mechanism and improve the quality and relevance of the process of forming federal development programs, as well as maximally harmonize public requests with decisions and actions of the state administration apparatus. Applying factor analysis, economic, mathematical and statistical methods, the article analyzes the attitudes and messages laid down in Decree No. 309, as well as assesses their potential impact on the process of socio-economic development of Russia in the short term. Based on an evidence-based approach, the paper substantiates the positive role of Decree No. 309 on the planning and socio-economic development of Russia.

Keywords: socio-economic development, economic growth, growth indicators, development vector, strategic development goals, "program" decrees

УДК 343.34
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-97-101

Критерии характера и типовой степени общественной опасности экологических преступлений

Боковня А.Ю.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В работе отмечается, что установление общественной опасности деяния обусловливает необходимость регламентации его запрета, то есть его криминализацию, а также дифференциацию уголовной ответственности. Основными и сквозными критериями являются ее характер и степень. Указывается, что если критерии характера и усредненной степени общественной опасности деяния должны учитываться при его криминализации, то повышенная или, наоборот, пониженная степень общественной опасности – при дифференциации уголовной ответственности. Раскрываются некоторые особенности характера и степени общественной опасности экологических преступлений и отмечается недостаточный уровень уголовно-правовой охраны окружающей природной среды и ее отдельных компонентов.

Выявление и систематизация критериев характера и типовой степени общественной опасности экологических преступлений имеют принципиальное значение для углубления криминализации и дифференциации уголовной ответственности и, соответственно, для решения задач уголовного законодательства.

Ключевые слова: *общественная опасность, деяние, уголовная ответственность, экологические преступления, критерии общественной опасности, характер общественной опасности преступления, степень общественной опасности преступления, наказание, криминализация, дифференциация*

Для цитирования: *Боковня А.Ю. Критерии характера и типовой степени общественной опасности экологических преступлений // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 97–101. DOI:10.24412/1998-5533-2024-3-97-101.*

Общественная опасность – это интегративное свойство преступления, качественно-количественное измерение его вредоносности и антисоциальности [1, с. 38]. Она обусловлена всеми объективными и субъективными признаками преступления, выступающими в качестве ее критериев и, соответственно, критериев дифференциации или индивидуализации уголовной ответственности. Общественная опасность – это своего рода «приводной ремень» противоправности в уголовном праве, именно ее установление вызывает необходимость регламентации запрета деяния, то есть его криминализации, а в соответствующих ситуациях – и дифференциации уголовной ответственности.

Как известно, общественная опасность преступления измеряется качественными и количественными критериями, то есть характером и степенью общественной его опасности. Совокупность признаков, отражающих характер общественной опасности преступления, и степень этой опасности составляет содержание понятия критериев общественной опасности преступления. Иначе говоря,

она объемлет критерии как характера, так и степени общественной опасности преступления. Если критерии характера и усредненной степени общественной опасности преступления должны приниматься во внимание главным образом при криминализации и декриминализации деяния, то повышающая или, наоборот, понижающая степень общественной его опасности – при дифференциации уголовной ответственности.

Нельзя не отметить, что многие признаки или критерии степени общественной опасности преступления одновременно в большей или в меньшей мере характеризуют и степень общественной опасности личности виновного в его совершении. Причем по своему генезису именно личность своим антиобщественным содержанием порождает и общественную опасность преступления. Так, при незаконной охоте (ст. 258 УК РФ), совершенной таким изуверским способом, как с особой жестокостью и садизмом, в результате чего животные испытывают длительные предсмертные мучения и страдания, как правило, обусловливается глубинными сдвигами в психике виновного. Проявление такой «нечеловеческой» жестокости есть результат искажения системы ценностей и моральных представлений у виновного, а причинение жертве страданий до преступления или в процессе его совершения становится желанным для него и нередко воспринимается им с удовольствием. Совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством и мучениями для животного существенно повышает степень его общественной опасности [2, с. 38].

Взаимосвязь общественной опасности преступления и личности виновного не однолинейная; в одних случаях наблюдается повышенная общественная опасность преступления и личности виновного, в других – имеется, скажем, высокая степень общественной опасности преступления и меньший ее уровень в отношении личности виновного. Возможны и такие ситуации, когда лицо характеризуется повышенной общественной опасностью, а совершает преступление небольшой или средней тяжести, и наоборот, скажем, когда при положительной характеристике личности виновный совершает тяжкое экологическое преступление.

В то же время отметим, при квалифицированном виде незаконной охоты (ч. 2 ст. 258 УК РФ) предусматривается наказание в виде лишения свободы от трех до пяти лет, а, допустим, в ч. 2 ст. 261 УК РФ за умышленное уничтожение или повреждение лесных насаждений при причинении крупного ущерба предусматривается лишение свободы до 10 лет, без указания на минимальную продолжительность его срока. Казалось бы, и здесь следовало дифференцировать продолжительность срока, предусмотрев минимальный его предел в 4–5 лет.

Дифференциация уголовной ответственности осуществляется главным образом в нормах Особенной части УК РФ, в которых отражаются как характер, так и типовая степень общественной опасности всех без исключения преступлений, включая и экологические преступления. Предусматривая составы преступлений, законодатель прежде всего проводит общеправовую и отраслевую ее дифференциацию, то есть ее отграничение от неправовых мер (скажем, от моральной ответственности) или же мер, предусмотренных в других отраслях права.

Формулируя составы преступлений, законодатель отталкивается от характера их общественной опасности, иначе говоря, от предметной и качественной их (преступлений) характеристик, их направленности и субъективного восприятия виновными тех или иных разновидностей вины.

Далее, предусматривая квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, законодатель тем самым отражает типовую (то есть предусмотренную в уголовном законе) степень общественной опасности преступлений, то есть проводит тем самым функциональную дифференциацию уголовной ответственности, ее количественное измерение [3, с. 51–52].

Группируя составы преступлений в Особенной части УК РФ по разделам и главам, он (законодатель) осуществляет их дифференциацию на основе как характера, так и степени общественной опасности преступных деяний. По существу, здесь дается качественно-количественная оценка уровня общественной опасности преступлений, объединенных в соответствующие разделы и главы, оснований и пределов уголовной ответственности за отдельные группы преступлений, допустим, за преступления против личности, общественной безопасности предусматривается, как правило, достаточно строгие санкции, а, например, за экологические преступления, как уже отмечалось, неоправданно мягкие меры.

Особенности характера общественной опасности экологических преступлений заключаются в том, что область как криминализации, так и дифференциации ответственности весьма широка [4, с. 99], охватывает различные экологические объекты – землю, недра, атмосферный воздух, воды, морскую среду, лесные насаждения, животных определенных видов или некоторых животных (котиков, морских бобров и др.), континентальный шельф РФ, исключительную экономическую зону РФ, критические местообитания и др.

Каких-либо явных предпочтений в плане карательного потенциала норм главы 26 УК РФ в зависимости от характера общественной опасности экологических преступлений нами не выявлено, например, за незаконную охоту, совершенную лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или ор-

ганизованной группой либо причинившую особо крупный ущерб, предусмотрено лишение свободы на срок от 3 до 5 лет (ч. 2 ст. 258 УК РФ), а незаконная рубка лесных насаждений может влечь это же наказание на срок до четырех лет (ч. 2 ст. 260 УК РФ). Хотя отметим, что здесь имеются, как говорится, определенные «нюансы»; в составе незаконной охоты квалифицирующим признаком признано причинение крупного ущерба (ч. 2 ст. 258 УК РФ), а в составе незаконной рубки лесных насаждений – особо крупный размер и установлен более продолжительный срок лишения свободы – до 7 лет (ч. 3 ст. 260 УК РФ). Кроме того, можно усомниться в обоснованности установления санкций за некоторые преступления, сопряженные с посягательствами на объекты или компоненты неживой природы, так, за загрязнение вод, атмосферы, морской среды, порчу земли, если они повлекли по неосторожности смерть человека, предусмотрено лишение свободы до пяти лет (ст.ст. 250, 251, 251, 254 УК РФ). По неосторожности здесь может причиняться смерть не одному, а десяткам и сотням потерпевших.

Особенность квалифицирующих признаков и их отличие от признаков основного состава преступления заключаются в том, что они обусловливают изменение в сторону повышения или понижения уже определенной степени общественной опасности на основе признаков основного состава преступления. Если последние заключают в себе признаки, характерные и типичные для составов данного вида преступления (скажем, признаки всех составов порчи земли, уничтожения или повреждения лесных насаждений, нарушений режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов и др.) и выражают саму сущность преступления, то квалифицирующие признаки отражают те или иные особенные черты, проявляющиеся в преступлении одного того же вида не всегда, но также его свойства, которые существенно влияют на изменение степени общественной опасности содеянного.

Характер и типовая степень общественной опасности определяются признаками, предусмотренными как в основном, так и в квалифицированном составах преступлений. Как характер общественной опасности отражается и в основном, и квалифицированном составах, так и ее степень проявляется и в тех и других составах преступлений с той лишь разницей, что если признаки основного состава преступления обусловливают изначальную степень общественной опасности, то квалифицирующие признаки – измененную степень общественной опасности преступления.

Критериями характера общественной опасности являются обстоятельства, характеризующие преступление с качественной стороны. Такими качественными признаками Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58-ФЗ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» признал направленность деяния на охраняемые уголовным законом ценности и причиненный вред (п. 1) [5]. А в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40-ФЗ «О практике назначения судами уголовного наказания» в качестве критерия характера общественной опасности была обозначена и форма вины [6]. Конечно, направленность деяния отчасти характеризует направленность умысла, однако при неосторожной форме вины (особенно при небрежности) она не просматривается, а неосторожная форма вины фактически придает новое социально-правовое значение, например, причиненному в результате совершенного преступления вреда. Что же касается степени общественной опасности преступления, то в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58-ФЗ в качестве ее критериев обозначены: 1) характер и размер наступивших последствий; 2) способ совершения преступления; 3) роль виновного в преступлении, совершенном в соучастии; 4) вид умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность); 5) обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (ст.ст. 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению. Все эти критерии свойственны степени общественной опасности экологических преступлений.

Законодатель главным образом типизирует степень общественной опасности преступлений на основе квалифицирующих признаков, повышающих эту степень. При этом нельзя утверждать, что признаки основного состава обусловливают какую-то «серединную» величину степени общественной опасности, а на основе повышающих или снижающих квалифицирующих признаков она, соответственно, повышается или, наоборот, снижается. По нашему мнению, основной состав преступления предполагает такую степень его общественной опасности, при наличии которой становится целесообразным и необходимым устанавливать уголовную ответственность за соответствующие деяние. А затем законодатель предусматривает градированные пределы уголовной ответственности на основе квалифицирующих и (или) особо квалифицирующих признаков.

Даже в достаточно схожих между собой составах преступлений наблюдаются значительные расхождения в квалифицирующих признаках. Поэтому какой-то универсальный подход к выбору и регламентации квалифицирующих признаков вряд ли возможен. Хотя, как нам представляется, он не должен выпадать из поля зрения законодателя, особенно при изложении составов преступлений внутри соответствующих разделов и глав Особенной части УК РФ. Скажем, достаточно схожими критериями степени общественной опасности являются

квалифицирующие признаки составов загрязнения компонентов окружающей среды или, допустим, нарушения правил охраны окружающей среды (ст. ст. 246, 247, 248, 249 УК РФ). То же самое можно проследить и по другим составам преступлений.

Один и тот же по своему содержанию квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренный в различных разделах и главах Особенной части УК РФ, неоднозначно или неодинаково расценивается законодателем по эффекту его влияния на степень общественной опасности соответствующих преступлений и, соответственно, на градацию пределов уголовной ответственности. Так, в ч. 3 ст. 250 УК РФ за загрязнение вод, повлекшее по неосторожности смерть человека, предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 5 лет, а за причинение смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК РФ) – до 2 лет. Характерно, что за причинение смерти по неосторожности в ч. 1 ст. 109 УК РФ предусмотрено наряду с наказаниями в виде исправительных работ, ограничения свободы и принудительных работ, и лишение свободы на срок до двух лет, а в ч. 2 – лишение свободы до трех лет, наряду с ограничением свободы, принудительными работами, в части же 3 этой статьи, наряду с указанными видами наказаний, – лишение свободы до четырех лет. Как видно, так сказать, цена опасности квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных в ч.ч. 2 и 3 ст. 109 УК РФ, определяется в один год лишения свободы. Наряду с лишением свободы градированы здесь и указанные альтернативные виды наказаний.

Типизация степени общественной опасности преступлений на основе квалифицирующих признаков осуществляется путем изменения набора в санкциях видов наказаний либо увеличения или уменьшения сроков, размеров наказаний и регламентации дополнительных видов наказаний.

При совершенствовании уголовного законодательства следует правильно соотносить криминализацию и дифференциацию ответственности. Если основной состав преступления предполагает такую степень его общественной опасности, при наличии которой становится необходимым и целесообразным установление уголовной ответственности за соответствующее деяние, то в последующем законодатель определяет ее градированные пределы на основе характера и типизированной степени общественной опасности содеянного.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить различные по своему содержанию и природе критерии (признаки) характера и степени общественной опасности экологических преступлений. В частности, можно выделить следующие критерии: 1) позитивные и негативные; 2) объективные и субъективные; 3) основные и дополнительные (квалифицирующие и особо квалифицирующие); 4) прямые и косвенные (например, регламентация категорий преступлений); 5) простые и сложные (сочетающие несколько критериев); 6) определяющие характер или степень общественной опасности этих преступлений.

Общественная опасность – это интегративное свойство преступления, качественно-количественное изменение его вредности и антисоциальности. Основными и сквозными критериями являются ее характер и степень.

Совокупность признаков, отражающих характер и степень общественной опасности преступления, составляет содержание понятия критериев этой опасности, своеобразное мерило его вредоносности. Если критерии характера и усредненной степени общественной опасности деяния должны учитываться при его криминализации (декриминализации) деяния, то повышенная или, наоборот, пониженная степень общественной опасности – при дифференциации уголовной ответственности. Характер и типовая степень общественной опасности определяются признаками, предусмотренными как в основном, так и в квалифицированном составах преступлений, с той лишь разницей, что если признаки основного состава обусловливают изначальную степень общественной опасности, то квалифицирующие признаки – измененную степень общественной опасности преступления.

Хотя законодатель и не провел специальную рубрикацию экологических преступлений, тем не менее по предметам и очередности их изложения в гл. 26 УК РФ она просматривается; вполне закономерно сначала регламентируется ответственность за преступные деяния, посягающие на общую экологическую безопасность окружающей среды в целом, а также сопряженные с посягательствами на объекты (компоненты) неживой природы, ибо без надлежащего качества атмосферного воздуха, приемлемой по качеству воды не может быть обеспечена, сохранена среда обитания, и только затем предусматриваются составы экологических преступлений, сопряженные с посягательствами на флору и фауну. Особенности характера общественной опасности этих преступлений заключаются в том, что сфера их криминализации, как и дифференциации, достаточно широка – от земли, атмосферного воздуха до исключительной зоны Российской Федерации.

Литература:

1. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского права. М.: ВЮЗШ, 1989. 119 с.
2. Бабичев А.Г. Убийство и другие смежные преступления и деяния, связанные с посягательством на жизнь человека (вопросы разграничения при квалификации преступлений и правомерных деяний). Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 344 с.
3. Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Ярославль: Ярославск. гос. ун-т, 1993. 234 с.
4. Шеншин В.М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3. С. 9–101.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58-ФЗ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40-ФЗ «О практике назначения судами уголовного наказания» // СПС КонсультантПлюс.

Criteria for the Nature and Typical Degree of Public Danger of Environmental Crimes

Bokovnya A.Y.
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper notes that the establishment of a public danger of an act necessitates the regulation of its prohibition, that is, its criminalization, as well as the differentiation of criminal liability. The main and cross-cutting criteria are its nature and degree. It is indicated that if the criteria of the nature and the average degree of public danger of an act should be taken into account when criminalizing it, then an increased or, conversely, a reduced degree of public danger should be taken into account when differentiating criminal liability. Some features of the nature and degree of public danger of environmental crimes are revealed and an insufficient level of criminal law protection of the environment and its individual components is noted.

Identification and systematization of criteria for the nature and typical degree of public danger of environmental crimes are of fundamental importance for deepening criminalization and differentiation of criminal liability and, accordingly, for solving the tasks of criminal legislation.

Keywords: public danger, act, criminal liability, environmental crimes, criteria of public danger, nature of public danger of crime, degree of public danger of crime, punishment, criminalization, differentiation

УДК 342.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-102-105

Формы взаимодействия общественных объединений и органов публичной власти субъектов Российской Федерации в правотворческой сфере

Валиев Р.Н.
Аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящается анализу практики конституционного (уставного) регулирования вопросов взаимодействия региональных органов публичной власти и общественных объединений в области правотворчества. Проведенное исследование потребовало разрешения нескольких задач, в том числе установления влияния принципа разделения властей на процесс их взаимодействия, а также определение механизма реализации права законодательной и правотворческой инициативы общественными объединениями, составляющего его содержание. Целью исследования выступает общая характеристика права законодательной и правотворческой инициативы как способов согласования интересов государственных и общественных институтов. Практический аспект проведенной работы заключается в том, чтобы выявить особенности закрепления законодательной и правотворческой инициативы как средства взаимодействия органов публичной власти и общественных объединений. Новизна исследования выражается в том, что были установлены и обоснованы различия между правом законодательной инициативы и правом правотворческой инициативы общественных объединений. Ценность проведенного научного исследования обусловливается тем, что автор предложил их новое понимание.

Ключевые слова: *правотворческий процесс, общественные объединения, органы публичной власти, субъекты Российской Федерации, право законодательной инициативы*

Для цитирования: *Валиев Р.Н. Формы взаимодействия общественных объединений и органов публичной власти субъектов Российской Федерации в правотворческой сфере // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 102–105. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-102-105.*

В юридической литературе участие в правотворческом процессе рассматривается в качестве одной из основных форм взаимодействия государства и общественных объединений [1, с. 88]. В этих целях действующее законодательство концентрируется на необходимых организационных и правовых предпосылках для такого взаимодействия.

В контексте принципа разделения государственных ветвей власти на законодательную и исполнительную сотрудничество общественных объединений осуществляется как с высшими представительными, так и с исполнительно-распорядительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Некоторые конституции (уставы) субъектов Российской Федерации предусматривают наделение отдельных видов общественных объединений правом законодательной инициативы, которое И.А. Шкарпова характеризует как законодательно закреплённую, юридически значимую возможность уполномоченных субъектов вносить в законодательный (представительный) орган соответствующие законопроекты, а также предложения об их издании, поправках, отмене, то есть инициировать законодательный про-

цесс [2]. При этом А.Ю. Ключников полагает, что законодательную инициативу как составную часть законотворчества следует рассматривать как предложение граждан, их объединений и организаций по совершенствованию законодательства [3].

Таким образом, механизм реализации права законодательной инициативы является одновременно формой взаимодействия ее субъектов с высшим представительным органом государственной власти.

Конституции (уставы) субъектов Российской Федерации используют различные подходы к установлению круга субъектов законодательной инициативы из числа общественных объединений. Как показывает их сравнительно-правовой анализ, данный круг может ограничиваться исключительно профсоюзными общественными организациями, которые могут быть представлены Федерацией профсоюзов (Республика Саха (Якутия) [4, ст. 62 (ч. 3)], республиканским объединением профессиональных союзов (Республика Мордовия) [5, ст. 85 (ч. 1)], республиканским советом профессиональных союзов (Карачаево-Черкесской Республики) [6, ст. 87], объединениями профсоюзов в лице республиканских профсоюзных органов (Республика Хакасия) [7, ст. 86 (ч. 1)] и определяться содержательно вопросами их ведения. В то же время, согласно Конституции Республики Карелия [8, ст. 42 (ч. 2)], объединение организаций профсоюзов, а также Ассоциация «Совет муниципальных образований Забайкальского края» располагают рассматриваемым правом по всем вопросам ведения Законодательного Собрания Забайкальского края.

В данной области некоторые конституции (уставы) субъектов Российской Федерации расширяют круг объединений граждан, уполномоченных воспользоваться правом законодательной инициативы, уточняя при этом ее предмет. Так, согласно Уставу Сахалинской области [9, ст. 47 (ч. 2)], право законодательной инициативы принадлежит представителю коренных малочисленных народов Севера при Сахалинской областной Думе по вопросам их ведения, а также территориальным объединениям (ассоциациям) организаций профсоюзов, действующим на территории Сахалинской области, по вопросам, затрагивающим трудовые и иные социально-экономические права и интересы населения Сахалинской области.

В соответствии с Уставом Иркутской области [10, ст. 53 (ч. 1 подп. 2.1 и 5, ч. 2 подп. 6 и 7)], правом законодательной инициативы по всем предметам ведения Законодательного Собрания Иркутской области обладают Совет муниципальных образований Иркутской области, зарегистрированные на территории Иркутской области региональные отделения политических партий, имеющие фракции в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и (или) в Законодательном Собрании Иркутской области, а также областные объединения профессиональных союзов в лице их областных выборных коллегиальных органов управления, но по вопросам трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, включая социальную защиту и социальное обеспечение. Такой же широкий круг субъектов права законодательной инициативы среди объединений граждан наблюдается в Уставе Магаданской области [11, ст. 58 (ч. 1)]; в него входят объединение организаций профсоюзов Магаданской области по предметам их ведения, Президиум Ассоциации «Совет муниципальных образований Магаданской области», Молодежная общественная палата при Магаданской областной Думе по вопросам их ведения, а также граждане, относящиеся к проживающим на территории Магаданской области коренным малочисленным народам Севера, в лице их уполномоченного представителя в Магаданской областной Думе по вопросам организации и обеспечения защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Итак, право законодательной инициативы обеспечивает привлечение институтов гражданского общества в лице общественных объединений к самостоятельной разработке законопроектов, их внесению и обсуждению в высшем представительном упреждении. В то же время наблюдается не только отсутствие единообразия в конституционном (уставном) регулировании этих вопросов, но и общая позиция большинства субъектов Российской Федерации относительно того, что осуществление регионального законотворчества возможно и без прямого участия негосударственных некоммерческих организаций.

К примеру, в Республике Татарстан право законодательной инициативы (общее, дополнительное по вопросам ведения) принадлежит исключительно представителям публичной власти, как-то: Раису Республики Татарстан, депутатам Государственного Совета Республики Татарстан, Президиуму и комитетам Государственного Совета, Кабинету Министров Республики Татарстан, Государственному Советнику Республики Татарстан, представительным органам местного самоуправления и т.д. Отсутствие в этом перечне общественных объединений как институтов гражданского общества препятствует развитию между ними совместной деятельности в публично-правовой сфере.

Не менее значимым вопросом выступает правотворческая инициатива как возможная форма сотрудничества общественных объединений с исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

В юридической литературе отмечается необходимость широкого привлечения общественных объединений в муниципальное правотворчество посредством наделения их правом правотворче-

ской инициативы [12, с. 67; 13, с. 12]. В настоящее время нарабатывается опыт такого регулирования. К примеру, согласно ч. 1 ст. 12 Решения Пермской городской Думы от 24 октября 2006 г. № 283 «Об утверждении Положения об участии населения в осуществлении местного самоуправления» [14], органы территориального общественного самоуправления, зарегистрированные общественные объединения вправе направлять проекты правовых актов Главе города, в Пермскую городскую Думу, главе Администрации города, в иные органы, должностным лицам местного самоуправления.

Полагаем, что право правотворческой инициативы должно быть предоставлено общественным объединениям в их взаимоотношениях с высшими и иными исполнительными органами государственной власти. Это связано с тем, что общественные формирования, как отмечает Т.Ю. Сидорина, способны стимулировать и мобилизовать исполнительную власть на участие в решении социальных вопросов, разделении с ними ответственности за удовлетворение коллективных нужд [15, с. 90].

Отдельные примеры реализации такого права содержат трехсторонние соглашения с участием профессиональных союзов. К примеру, Соглашение между Правительством Владимирской области, Советом Регионального союза «Владимирское областное объединение организаций профессиональных союзов» и Президиумом регионального объединения работодателей «Ассоциация работодателей и товаропроизводителей Владимирской области» по регулированию социально-трудовых отношений на 2021–2026 годы» [16] устанавливает, что профсоюзы вправе участвовать в публичных слушаниях по проекту областного бюджета, вносить предложения по доработке данного документа, а также совместно с главными распорядителями средств областного бюджета участвовать в разработке проектов областных нормативных правовых актов по вновь принимаемым расходным обязательствам Владимирской области.

Итак, под правом законодательной инициативы общественных объединений, установленной конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации организационно-правовой формы, можно понимать основной способ их взаимодействия с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации по созданию и совершенствованию региональных законов путем официального внесения законопроектов по предметам их ведения либо по предметам ведения законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации с целью их рассмотрения, принятия и вступления в юридическую силу.

Под правом правотворческой инициативы общественных объединений, установленной конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации, можно понимать основной способ их взаимодействия с исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации в правотворческой сфере путем участия в разработке и обсуждении проектов подзаконных нормативных правовых актов.

Таким образом, право законодательной и правотворческой инициативы могут рассматриваться как самостоятельные формы взаимодействия органов публичной власти субъектов Российской Федерации и общественных объединений, в которых объединяются несколько взаимосвязанных процессов: а) форма влияния общественных объединений на законодательные (представительные) и исполнительные органы государственной власти (подготовка и внесение законодательной или правотворческой инициативы); б) форма влияния законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти на общественные объединения (отклонение законодательной или правотворческой инициативы); в) форма их непосредственного взаимодействия при их рассмотрении в установленном порядке.

Литература:

1. Агишев Р.А. Формы и способы взаимодействия общественных объединений с органами государственной власти по защите прав человека // Вестник Российского ун-та кооперации. 2018. № 4 (34). С. 86–91.
2. Шкарпова И.А. Право законодательной инициативы в Российской Федерации // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2016. № 1 (81). С. 129–133.
3. Ключников А.Ю. Реализация права законодательной инициативы общественными объединениями в Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 1. С. 23–32.
4. Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия). URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_saha/.

5. Конституция Республики Мордовия. URL: https://docs.cntd.ru/document/804950314.
6. Конституция Карачаево-Черкесской Республики. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_karach/chapter/8e5d77428f75b47b52ff6d8be487bead/
7. Конституция Республики Хакасия. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_hakas/.
8. Конституция Республики Карелии. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_karel/
9. Устав Сахалинской области. URL: https://docs.cntd.ru/document/973603630.
10. Устав Иркутской области. URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_irkut/.
11. Устав Магаданской области. URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_magadan/
12. Горнев Р.В. Правотворческая инициатива как форма участия общественных объединений в осуществлении местного самоуправления // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. Т. 2. № 4 (8). С. 67–73.
13. Гриб В.В. Законотворческая (правотворческая) инициатива как форма влияния институтов гражданского общества на органы государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 12. С. 9–16.
14. Решение Пермской городской Думы от 24 октября 2006 г. № 283 «Об утверждении Положения об участии населения в осуществлении местного самоуправления» Приложение. Положение об участии населения в осуществлении местного самоуправления города Перми Раздел II. Формы участия граждан в осуществлении местного самоуправления (ст.ст. 7–44) Глава 2. Правотворческая инициатива граждан (ст.ст. 7–12). Ст. 12. Правотворческая инициатива органов территориального общественнного самоуправления и общественных объединений // СПС Гарант.
15. Сидороина Т.Ю. Институты самоорганизации граждан и развитие теории государства всеобщего благосостояния // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 87–100.
16. Соглашение между Правительством Владимирской области, Советом Регионального союза «Владимирское областное объединение организаций профессиональных союзов» и Президиумом регионального объединения работодателей «Ассоциация работодателей и товаропроизводителей Владимирской области» по регулированию социально-трудовых отношений на 2021–2026 годы от 24 декабря 2020 г. № 364 Владимир (с изменениями на 9 ноября 2023 г.) (в ред. доп. соглашения от 09.11.2023 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/571053474 (дата обращения: 28 апреля 2024 г.).

Forms of Interaction Between Public Associations and Public Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation in the Law-Making Sphere

Valiev R.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes the practice of constitutional (statutory) regulation of the issues of interaction between regional public authorities and public associations in the field of law-making. The conducted research required the resolution of several tasks, including the establishment of the influence of the principle of separation of powers in the process of their interaction, as well as the definition of the mechanism of realization of the right of legislative initiative by public associations, which constitutes its content. The purpose of the study is the general characterization of the right of legislative initiative as a way to harmonize the interests of state and public institutions. The practical aspect of the conducted work is to identify the peculiarities of fixing the legislative initiative as a means of interaction between public authorities and public associations. The novelty of the research is expressed in the fact that the differences between the right of legislative initiative and the right of law-making initiative of public associations have been established and substantiated. The value of the conducted scientific research is conditioned by the fact that the author proposed their new understanding.

Keywords: law-making process, public associations, public authorities, constituent entities of the Russian Federation, the right of legislative initiative

УДК 343.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-106-110

Становление принципа разумности сроков уголовного судопроизводства в советский и постсоветский периоды

Гилязов А.И.
Соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, адвокат

Появление нового принципа в отечественном уголовном судопроизводстве – явление крайне редкое. Исходные начала процедурной деятельности по уголовному делу формируются консервативно и в традиционной форме десятилетиями. Закрепление в УПК РФ разумности срока уголовного судопроизводства в полной мере соответствует современным представлениям об уголовно-процессуальной деятельности. В статье предпринята попытка рассмотреть основные предпосылки появления этого принципа как важной гарантии прав и законных интересов личности, интересов российского общества и государства.

Сформулирована цель научного исследования, которая выражается в определении оснований и проведении анализа постепенного создания предпосылок формирования разумности срока уголовного производства как самостоятельного принципа российского уголовного процесса. Задачи определены в выявлении указанных предпосылок становления принципа разумности сроков уголовного процесса путем сопоставления и сравнения правовых актов на протяжении советского и постсоветского периодов развития уголовного процесса.

Научное значение выражено в авторском видении предпосылок появления указанного исходного начала уголовно-процессуальной деятельности в определенном историческом срезе (периоде). Практическое значение исследования может выражаться в возможном использовании результатов в правоприменительной практике деятельности органов уголовного преследования участников со стороны защиты и суда.

Выявлены основные этапы развития отечественного уголовного судопроизводства, в период которых происходило постепенное формирование убежденности законодателя в необходимости закрепления принципа разумности срока уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном законодательстве на основе практики международных судебных органов и обоснования в теории уголовно-процессуальной науки.

Ценность проведенного исследования выражается в определении основных исторических периодов развития уголовно-процессуальных предпосылок формирования разумности сроков как принципиального, исходного начала современного российского уголовного процесса.

Ключевые слова: *разумность сроков, принцип, гарантия прав личности, уголовное судопроизводство, уголовное дело*

Для цитирования: *Гилязов А.И. Становление принципа разумности сроков уголовного судопроизводства в советский и постсоветский периоды // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 106–110. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-106-110.*

Для определения места принципа разумного срока уголовного судопроизводства в современном российском законодательстве необходимо раскрыть его понятие и сущность. Ключевым моментом в развитии российского уголовного судопроизводства стала Революция 1917 г., когда произошла смена власти, а значит, поменялось и направление развития законодательства в рамках новых социально-экономических и политических условий.

Декретом о суде от 24 ноября 1917 г., который вошел в историю как Декрет о суде № 1, были ликвидированы все судебные учреждения «старого режима» [1]. Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. допускал при рассмотрении уголовных дел применение норм Судебных уставов 1864 г. [2]. Декретом о суде № 3 от 20 июля 1918 г. были определены некоторые новые правила подсудности [3].

На начальном этапе уголовно-процессуальное законодательство имело некодифицированный и фрагментарный характер, система законодательства в привычном понимании на тот момент отсутствовала. Действовавшие нормы имели множество пробелов и недостатков, в связи с переходом к новой законодательной и судебной системе и необходимостью формирования новой законодательной базы проблема судебной волокиты была на некоторое время оставлена без внимания.

Между тем спустя несколько лет государство вернулось к вопросу регламентирования сроков судебного разбирательства путем стимулирования участников уголовного судопроизводства к законопослушному поведению [4].

Первым кодифицированным актом советского периода стал УПК РСФСР 1922 г. [5], который действовал менее года, поскольку в принятом 11 ноября 1922 г. Положении о судоустройстве РСФСР [6] содержалось указание Президиуму ВЦИК и Народному комиссариату юстиции «переработать УПК» для того, чтобы он соответствовал вводимому в действие с 1 января 1923 г. принятому Положению о судоустройстве.

В дальнейшем была разработана новая редакция Уголовно-процессуального кодекса РСФР 1922 г. [7], которая включала много положений из Устава уголовного судопроизводства 1864 г., большинство из которых, однако, на практике не реализовывались.

В новой редакции был нормативно закреплен принцип осуществления судопроизводства на русском языке и право сторон пользоваться услугами переводчика, кроме того, был закреплен принцип гласности. Но вместе с тем на законодательном уровне все еще была закреплена презумпция виновности подсудимого.

В период становления советского государства с принятием УПК РСФСР 1922 г. и в процессе его совершенствования дознание стало трансформироваться в самостоятельную форму расследования [4]. Также немаловажной для ускорения процесса рассмотрения уголовных дел была норма, содержащаяся в ст. 282 УПК РСФСР 1923 г. и позволяющая применять сокращенное судебное следствие в том случае, когда обвиняемый признавал свою вину в совершении вменяемого ему преступного деяния.

Кроме того, законодательство того периода предусматривало осуществление правосудия в форме приказного производства без вызова сторон по делам, вытекающим из наименее опасных преступлений.

Характерной особенностью уголовного судопроизводства 20–30-х гг. XX в. было то, что в связи с напряженной политической и социальной обстановкой регулярные нормы зачастую игнорировались и вместо них применялись нормы так называемого чрезвычайного законодательства, которое допускало в некоторых случаях разрешение дел внесудебными органами. При этом такие нормы, поскольку они носили чрезвычайный характер, предусматривали сокращенные сроки для осуществления многих процедур, например, для производства предварительного следствия, вручения обвинительного заключения, при этом кассационное обжалование не допускалось.

Таким образом, в этот период одновременно действовали две системы законодательства – нормы, входящие в состав УПК РСФСР 1923 г., и нормы, содержащиеся в «чрезвычайных» нормативно-правовых актах, принимаемых по мере необходимости касательно дел политической направленности. Фактически в связи с таким двойственным регулированием уголовно-процессуальных правоотношений кодифицированное уголовное процессуальное законодательство отсутствовало [4].

Касательно вопроса затягивания разрешения уголовных дел УПК 1923 г. закрепил обязанность лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование, незамедлительно уведомлять следователя об изменении места жительства. В случае неявки в суд такого лица слушание откладывалось и издержки подлежали взысканию с подсудимого.

По утверждению В.М. Полухина, «в советское время значительное внимание в уголовно-процессуальном законодательстве было уделено стимулированию законопослушного поведения потерпевшего, свидетелей, понятых, экспертов, специалистов, переводчиков» [8].

Ст. 240 УПК РСФСР 1960 г. закрепляла принцип непрерывности судебного разбирательства, предусматривая при этом время на отдых. Кроме того, не допускалось рассмотрение других дел теми же судьями до тех пор, пока рассматриваемое дело не будет окончено. Данная норма была направлена на борьбу с затягиванием судебных процессов и предупреждение судебной волокиты.

Судебное разбирательство проводилось по единообразной форме, участие обвинителя не было

обязательным, активная роль отводилась суду и именно на него в отсутствие обвинителя возлагалась функция обвинения. Приговор, не вступивший в силу, мог быть обжалован в рамках лишь одной инстанции – кассационной, а вступивший в силу мог быть пересмотрен в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам [4].

К положительным сторонам данного Кодекса следует отнести то, что в нем содержались нормы, являющиеся предпосылками к формированию принципа разумного срока уголовного судопроизводства, сокращенного производства по уголовному делу при наличии к тому оснований, указанных в гл. 34 «Протокольная форма досудебной подготовки материалов». Фактически данный порядок рассмотрения дел представлял собой упрощенную форму предварительного производства. При этом перечень уголовных дел, по которым применение протокольной формы было возможно, на протяжении существования УПК РСФСР 1960 г. законодателем постоянно расширялся.

В 1983 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, которым УПК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 58.1, предусматривающей обязанность органов уголовного преследования и суда при решении вопроса о вынесении оправдательного приговора, вынесении постановления о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, недоказанностью вины гражданина (1) разъяснить ему порядок восстановления его нарушенных прав, а также (2) принять меры к возмещению причиненного ему ущерба [9]. Вместе с тем эта, безусловно, позитивная норма не конкретизировала процедуру возмещения такого вреда и не устанавливала процедурный механизм, носила больше декларативный характер.

Дальнейшими переменами, обусловленными приоритетным направлением для законодателя при реформировании правовой системы, стали закрепление и соблюдение прав и законных интересов граждан.

В начале 1990-х гг. в УПК РСФСР 1960 г., который по-прежнему продолжал действовать, был внесен ряд важных изменений.

18 мая 1981 г. был принят Указ Президиума Верховного совета СССР № 4892-X «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей» [10]: было закреплено право на возмещение причиненного ущерба в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ. Данный указ не содержал положений о наличии у заинтересованного лица права на получение компенсации в связи с судебной волокитой, однако содержащиеся в нем нормы стали первым шагом на пути к обеспечению прав граждан на эффективное правосудие.

Закон РФ от 29 мая 1992 г. № 2869-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» упростил процедуру судебного порядка разрешения дела, отменив необходимость проведения коллегиальных распорядительных заседаний [11].

До принятия УПК Российской Федерации в 2001 г. [12] действовавший на тот период УПК РСФСР 1960 г. подвергался многочисленным изменениям, которые в конечном итоге подготовили почву для разработки нового кодифицированного акта, необходимость принятия которого к тому времени стала очевидной.

В УПК РФ установлены новые задачи уголовного судопроизводства, среди приоритетных были обозначены защита прав и законных интересов лиц и организаций [13], в том числе обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства [14; 15].

По мнению А.И. Александрова, содержание назначения уголовного судопроизводства, закрепленное в ст. 6 УПК РФ, является корректным, однако помимо перечисленного, по его мнению, назначением уголовного судопроизводства также должна быть защита законных интересов общества и государства. Данная точка зрения представляется справедливой, поскольку, если мы обратимся к тексту УК РФ, мы увидим, что преступлениями являются не только деяния, посягающие на интересы личности и организаций, но также общественный порядок и государственный строй [16].

Как отмечает В.М. Полухин, одной из ключевых проблем, требовавших решения, на которую было обращено внимание законодателя, явилась «проблема соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, повышения эффективности судебной деятельности и исключение судебной волокиты и проволочек» [8].

Точная процедура определения сроков производства по уголовному делу была недостаточна для того, чтобы преодолеть проблему судебной волокиты, которая на протяжении всей истории российского права не теряла своей актуальности. Это положение прямо относилось к основным процессуальным процедурам, а также и к иным процессуальным действиям [17], а также правомерным основаниям отложения слушания судом по уголовному делу [18].

В начальной редакции УПК РФ как таковой принцип разумности сроков производства по уголовному делу отсутствовал. Категория «разумный срок» использовалась до 4 мая 2010 г. только в судебной практике. К примеру, в п. 4 Постановления

Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций», указывалось на возможность обжалования решений, нарушающих права на доступ к правосудию в разумные сроки [19].

Федеральный закон Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [20] ввел в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации новую ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства» и впервые на законодательном уровне закрепил важное положение в качестве самостоятельного принципа.

Эта новелла была обусловлена вынесением Европейским судом по правам человека ряда решений против Российской Федерации именно в связи с волокитой российских следователей и судов, связанных с нарушением разумных сроков рассмотрения дел. Подобное состояние предопределило конвергенцию норм международного права в национальное законодательство [21].

Таким образом, историко-правовой анализ формирования разумности сроков в уголовном процессе в советский и постсоветский периоды позволяет заключить, что его появление в системе российского права было закономерным и исторически обусловленным. Попытки законодателя и правоприменителей побороть волокиту и неоправданные задержки в процессе расследования уголовных дел и судебных разбирательств начались не одно столетие назад, и с тех пор прослеживается тенденция к совершенствованию уголовного процессуального законодательства, в частности, норм, регламентирующих темпоральные вопросы разрешения уголовных дел.

Литература:

1. Декрет Совет Народных Комиссаров (О суде). 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/.
2. Малолеткина Н.С. Условное осуждение – форма реализации уголовной ответственности: проблемы сущности и исполнения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 22 с.
3. Чабукиани О.А. Предварительное расследование: реформы продолжаются // Российский следователь. 2022. № 8. С. 25–28.
4. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и особенная части. М.: Контракт, 2010. 720 с.
5. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
6. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Положения о судоустройстве РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
7. Постановлением ВЦИК от 15.02.1923 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» (утратил силу) // Известия ВЦИК. 1923. 18 февраля. № 37.
8. Полухин В.М. Нормативное закрепление принципа разумного срока уголовного судопроизводства: история вопроса и современность // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 169–172.
9. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.1983 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 г. № 4892-X «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 21. Ст. 741.
11. Закон РФ от 29.05.1992 г. № 2869-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» (утратил силу) // Российская газета. 1992. 3 июля. № 151.
12. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.
13. Гаврилова Г.Г. Принцип разумного срока: понятие и проблемы реализации // Отечественная юриспруденция. 2017. № 6(20). С. 96–97.
14. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004. 167 с.
15. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2000. 164 с.
16. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 562 с.

17. Абшилава Г.В., Пастухов П.С. Иные процессуальные действия в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1 (44). С. 5–15.
18. Быков В.М., Епихин А.Ю. Отложение судебного разбирательства и проблема истребования новых доказательств // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 46–50.
19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» // Российская газета. 2009. 14 января.
20. Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2010. 4 мая. № 94.
21. Зайцев О.А., Абшилава Г.В. Конвергенция частного и публичного и ее проявление в уголовном судопроизводстве // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы. Пермь, 2015. С. 350–361.

The Formation of the Principle of Reasonableness of the Terms of Criminal Proceedings in the Soviet and Post-Soviet Periods

Gilyazov A.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The emergence of a new principle in domestic criminal proceedings is an extremely rare phenomenon. The initial principles of procedural activity in a criminal case have been formed conservatively and in a traditional form for decades. The consolidation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of the reasonableness of the term of criminal proceedings fully corresponds to modern ideas about criminal procedural activity. The article attempts to consider the main prerequisites for the emergence of this principle as an important guarantee of the rights and legitimate interests of the individual, the interests of Russian society and the state. The purpose of the scientific research is formulated, which is expressed in determining the grounds and analyzing the gradual creation of prerequisites for the formation of the reasonableness of the term of criminal proceedings as an independent principle of the Russian criminal process. The tasks are defined in identifying the specified prerequisites for the formation of the principle of reasonableness of the terms of the criminal process by comparing and comparing legal acts during the Soviet and post-Soviet period of the development of the criminal process. The scientific significance is expressed in the author's vision of the prerequisites for the appearance of the specified initial beginning of criminal procedural activity in a certain historical section (period). The practical significance of the study can be expressed in the possible use of the results in the law enforcement practice of the activities of the criminal prosecution bodies of the participants by the defense and the court. The main stages of the development of domestic criminal proceedings have been identified, during which there was a gradual formation of the legislator's conviction in the need to consolidate the principle of reasonableness of the term of criminal proceedings in criminal procedure legislation based on the practice of international judicial authorities and justification in the theory of criminal procedure science. The value of the conducted research is expressed in determining the main historical periods of the development of criminal procedural prerequisites for the formation of reasonable deadlines as a fundamental, initial beginning of the modern Russian criminal process.

Keywords: reasonableness of terms; principle, guarantee of individual rights, criminal proceedings, criminal case

УДК 343.10
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-111-119

Компромисс в системе правового регулирования при разрешении уголовно-правовых конфликтов

Ефремова М.А.
Доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Абшилава Г.В.
Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса
Ульяновского государственного университета

Пастухов П.С.
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета,
профессор кафедры публичного права
Пермского института ФСИН России

Уголовно-правовой и уголовно-процессуальный методы регулирования при разрешении уголовно-правовых конфликтов приобретают всю большую значимость. Среди них обращает на себя внимание теория компромисса как базиса и новой парадигмы разрешения уголовно-правового конфликта. Необходимость поощрения в российском законодательстве возможна в обмен на положительное посткриминальное поведение виновного, стимулирование как метода мотивации. Для перехода к новой парадигме применения согласительных (договорных) форм в уголовном и уголовно-процессуальном праве следует развивать диспозитивность как метод и принцип правового регулирования разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Цель исследования заключается в изучении компромиссного механизма, а также возможных направлений дальнейшего совершенствования подобных альтернативных производств с целью быстрого разрешения уголовно-правового конфликта.

Научная значимость работы заключается в том, что в ней раскрываются основные способы уголовного и уголовно-процессуального регулирования в виде диспозитивности, дискреционного преследования, медиации, принципов справедливости.

Авторами сформулированы выводы и результаты исследования, а именно предложен алгоритм достижения компромисса, связывающий взаимными правами и обязанностями. В целях защиты публичного интереса и стимулирования позитивного посткриминального поведения лица,

совершившего преступление, необходимо внедрить алгоритм достижения и реализации компромисса. Предлагаемый компромисс заключается в максимальном стимулировании посткриминального поведения лица, совершившего преступление, в обмен на уступки со стороны органов расследования.

Ключевые слова: *уголовно-правовой конфликт, альтернативное правосудие, теория компромисса, диспозитивность, дискреционные полномочия, примирение*

Для цитирования: *Ефремова М.А., Абшилава Г.В., Пастухов П.С. Компромисс в системе правового регулирования при разрешении уголовно-правовых конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 111–1119. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-111-119.*

Проблемы эффективности правоприменительной, правоохранительной деятельности и правосудия являются центральной частью любой научной деятельности при совершенствовании правовых механизмов по защите нарушенных прав и законных интересов. В большей степени от эффективности деятельности правоохранительных органов зависит стабильность общественных отношений, безопасность личности, общества и государства, а самое главное – благополучие человека. На эффективность деятельности оказывают влияние множество условий, факторов и обстоятельств. В качестве примера указанных критериев можно привести уголовно-правовую и уголовно-процессуальную политику государства, статистическую отчетность, учитываемые показатели деятельности различных правоохранительных органов и судов, совершенство законодательства и другие критерии.

Исследование современных тенденций свидетельствует о либерализации и гуманизации уголовно-правовой политики на примере внедрения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Либерализация уголовного закона должна повлечь за собой совершенствование уголовно-процессуальных институтов и процедур по замене традиционного производства альтернативными мерами разрешения уголовно-правового конфликта [1, с. 90]. Новая парадигма государственного реагирования на преступление призвана применять не карательные, а поощрительные средства и методы к лицу за совершенное деяние [2, с. 124].

При разрешении уголовно-правовых конфликтов ведущую роль играют отрасли уголовного и уголовно-процессуального права. Правовая природа уголовно-правового спора или уголовно-правового конфликта основана на процессуальном споре стороны обвинения и лица, совершившего преступление [3; 4].

С учетом смены парадигмы традиционного порядка привлечения к уголовной ответственности мы ставим проблему совершенствования методов уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования с целью создания оптимального правового механизма достижения компромисса при разрешении уголовно-правовых конфликтов на основе алгоритма, состоящего из выполнения условий. От названных отраслей зависит насколько успешно государственные правоохранительные органы способны быстро защитить нарушенные права. Для решения названной проблемы важно установить, какие положения действующего законодательства препятствуют разрешению уголовно-правовых конфликтов в форме компромисса [5, с. 290]. Изучение действующего законодательства и правоприменительной практики при построении альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов свидетельствует, что в России существуют серьезные идеологические, политические и правовые препятствия, которые и являются предметом нашего исследования. Таким образом, уголовно-правовой конфликт и компромисс являются центральной частью научного исследования настоящей статьи.

Примирительные процедуры для разрешения конфликтов правового характера применялись в разные исторические периоды посредством судебных и внесудебных примирительных процедур. Катализатором новым форм разрешения уголовно-правового конфликта в России стали соглашения на международном уровне, прежде всего в рамках Совета Европы [6, с. 10]. Первым международным документом, меняющим парадигму уголовного преследования и назначение уголовного наказания, стала рекомендация Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» [7]. Разработчики названного международного правового акта сфокусировались на максимальной правовой защите потерпевшего. С целью создания благоприятных правовых условий для компенсации вреда потерпевшему странам рекомендовалось отменить существующие ограничения или технические препятствия, которые блокируют осуществление такой возможности. Странам рекомендовано предусматривать компенсацию вреда потерпевшему при назначении основного уголовного наказания или стать

его заменой. Во всех других случаях рекомендовалось помогать потерпевшему в получении как можно большей компенсации за причиненный ущерб.

В своей Рекомендации № R (87)18 от 17 сентября 1987 г. «Относительно упрощения уголовного правосудия» Комитетом министров Совета Европы были определены основные направления улучшения уголовно-процессуальной деятельности. В частности, Комитетом было обращено внимание на необходимость внедрения ускоренных и упрощенных форм уголовного судопроизводства [8].

Изменения в международном законодательстве в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и выработку мер альтернативных форм разрешения уголовно-правового конфликта мы связываем с принятием Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [9]. В п. 1.2 Правил провозглашена цель – обеспечить более активное участие общественности в осуществлении правосудия по уголовным делам, особенно в обращении с правонарушителями, а также содействовать развитию у правонарушителей чувства ответственности перед обществом. Государствам-членам рекомендовалось разработать меры, не связанные с тюремным заключением, в рамках своих правовых систем с целью обеспечения других возможностей по сокращению тюремного заключения, рационализации политики в области требований социальной справедливости, возвращения правонарушителя к нормальной жизни в обществе. Прокурору, органам расследования и суду предоставлено право освобождать правонарушителя от ответственности, если, по их мнению, нет необходимости возбуждать дело в целях защиты общества, предупреждения преступности или обеспечения соблюдения закона и прав жертв. В целях принятия решения о целесообразности освобождения от ответственности или определения процедуры расследования рекомендовано разработать свод установленных критериев в рамках национальной правовой системы. В случае мелких правонарушений прокурор, когда это целесообразно, может назначить подходящие меры, не связанные с тюремным заключением (п. 5.1). Указанными Правилами поощряется привлечение добровольцев и других общественных возможностей для разрешения уголовно-правого конфликта, для укрепления связей между правонарушителями и обществом.

В п. 8.1 отражены интересы правонарушителя с точки зрения его возвращения к нормальной жизни в обществе. Правила рекомендуют применять к правонарушителю судебный штраф вместо уголовного наказания, т.к. это в большей степени позволяет правонарушителю сохранить социальные связи, избежать юридических последствий судимости.

В Правилах учитываются интересы защиты общества и жертвы. Интересы потерпевшего должны быть обеспечены полным восстановлением виновным имущественных прав жертвы, нарушенных в результате совершения преступления. Защита интересов общества выражается в исправлении виновного и предотвращении новых преступлений.

Новый этап выработки альтернативных видов судопроизводства для достижения компромисса мы связываем с принятием Рекомендаций Комитета министров Совета Европы № R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. «О посредничестве в уголовных делах» [10]. Во многих государствах активно начали внедрять институт медиации. В России такой закон был принят в 2010 г., хотя его действие распространялось на гражданские виды судопроизводства [11].

Для достижения уголовно-правого компромисса в рекомендациях закреплены широкие полномочия посредничества по уголовным делам, в котором потерпевший и виновный могут добровольно и активно участвовать в разрешении споров с помощью нейтральной третьей стороны (посредника, медиатора).

Среди важнейших принципов посредничества по уголовным делам можно выделить: получение согласия обеих сторон; возможность отказаться от переговоров в любое время; конфиденциальность обсуждения в ходе переговоров; общедоступность посредничества по уголовным делам на любом этапе рассмотрения уголовного дела; в рамках системы уголовного правосудия посреднические услуги должны обладать определенной автономией. При этом должны быть установлены руководящие принципы относительно использования переговоров в уголовных делах.

Международные правовые механизмы по осуществлению уголовного правосудия на основе реституционного правосудия были инициированы в начале двухтысячных годов [12]. Реституционный процесс, также как и по программам медиации, наделяет пострадавших от преступления правом лично активно участвовать в совместном урегулировании вопросов, а также при помощи посредника [13].

В ходе такого межпереговорного урегулирования должен быть достигнут «реституционный результат», т.е. соглашение, достигнутое в результате согласительных процедур.

К 2018 г. был проведен анализ предыдущих международных актов об альтернативном правосудии, а Комитет министров Совета Европы обобщил положительные выводы относительно восстановительного правосудия. Был сделан вывод, что восстановительное правосудие как альтернатива традиционным формам представляет собой гибкий процесс, учитывающий особенности каждой ситуации и направлен на урегулирование проблем путем компромисса. Среди важнейших выводов следует признание восстановительного правосудия

в качестве устоявшегося метода, способного урегулировать уголовно-правовой конфликт сбалансированным, справедливым и основанным на сотрудничестве способом. Данный метод расширяет возможности заинтересованных сторон в устранении и заглаживании вреда, причиненного преступлением.

С принятием Рекомендаций, посвященных восстановительному правосудию по уголовным делам в 2018 г. [14], были сформулированы правовые стандарты его использования в уголовном судопроизводстве, направленные на максимизацию эффективности и развитие инновационных восстановительных подходов. Важное место отведено «ведущему программ восстановительного правосудия», который активно участвует в разрешении уголовно-правового конфликта в качестве нейтральной стороны. Так называемый «*facilitator*» организует и участвует в диалоге между пострадавшим и правонарушителем и может также включать, если потребуется, других людей.

Таким образом, указанные международные нормативные акты открыли странам-подписантам перспективу для формирования альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Развитие примирительных процедур в России и практики разрешения уголовно-правовых конфликтов требует соответствующего нормативного правового регулирования, обоснования комплексных методологических подходов, опосредующих отечественный опыт в этой сфере.

Основываясь на общепринятой концепции предмета и метода, присущей любой отрасли права, отметим специфику уголовно-правового регулирования.

Из общепринятых положений следует, что предметом правового регулирования уголовного права являются нарушенные фактические общественные отношения, которые возникают в момент совершения преступления между лицом, его учинившим, и государством в лице его правоохранительных органов [15, с. 9]. Другими словами, предмет правового регулирования уголовного права – это уголовно-правовой конфликт, в котором сторона обвинения и сторона защиты должны разрешить этот конфликт по возможности оптимально-минимальным путем, с наименьшей затратой сил, средств и времени со стороны всех участников.

В качестве метода уголовно-правового регулирования традиционно применялось уголовно-правовое принуждение, связанное с наказанием. Как мы уже отметили, данный метод не дает той эффективности, на которую рассчитывали законодатели и общество. Превалирование уголовных репрессий в методе уголовно-правового регулирования долгое время побуждает исследователей по иному оценить такие способы, как дозволение, поощрение и стимулирование. Расширение этих способов регулирования позволяет гражданам активнее использовать их субъективные права, поощряет позитивное посткриминальное поведение преступника, стимулирует возвращение к обычной жизни [16, с. 103].

Как мы уже отметили выше, метод уголовных репрессий не показал той желаемой эффективности, которую на него возлагали. Поэтому перед учеными и практиками все настойчивее встает вопрос о применении альтернативных способов уголовно-правового воздействия. Среди перспективных методов мы рассматриваем уголовно-правовое поощрение как антирепрессивный метод, который необходимо применять к лицам, совершившим преступление и стремящимся искупить свою вину перед обществом. Метод уголовно-правого поощрения выражается в стимулировании лица к совершению определённых действий путём освобождения его от уголовно-правового принуждения.

Здесь необходимо по-новому оценить принцип неотвратимости наказания как основы уголовной ответственности. Мы полагаем, что положение о неотвратимости наказания надо рассматривать как уголовно-правовое реагирование на поведение лица, совершившего преступление. Освобождение от уголовной ответственности является гибкой формой реагирования государства на совершенное преступление. Следует поддержать тех исследователей, которые рассматривают освобождение от уголовной ответственности как альтернативный способ реакции государства на преступление [17, с. 106], когда реакция имеет место, однако вне традиционной дихотомии «преступление – наказание», на которой основывается классическое уголовное право [18, с. 356].

Как мы уже отметили выше, на основе международных документов в последнее время в уголовном праве большинства государств наметились тенденции освобождения от уголовной ответственности как пунитивного (карательного) правосудия, целью которого является наказание преступника. При развороте к реституционному правосудию определяется новая цель в виде урегулирования социального конфликта, реставрации общественных отношений, нарушенных преступлением [19, с. 70].

Произошедшие изменения в российском законодательстве открывают потенциал реализации согласительных (договорных) форм в уголовно-правовых отраслях [20]. Это, в первую очередь, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), поскольку именно в них максимально полно выражается и реализуется частная воля сторон уголовно-правового конфликта. В российском законодательстве появляются идеи договорных отношений [21, с. 154] в уголовном праве и уголовном процессе, которые прослеживаются не только в указанных правовых нормах, но и в нор-

мах, регулирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ), освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ), освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). В качестве меры ответственности по названным видам преступлений предусматривается штраф, уникальность которого обусловлена тем, что он имеет признаки уголовного наказания, а также служит освобождением от уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа имеет собственную тенденцию в правоприменительной практике. Так, в 2017 г., по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, на основании назначения судебного штрафа было освобождено от уголовной ответственности 20 675 чел., в 2018 г. – 33 329 чел., в 2019 г. – 52 460, в 2020 г. – 56 980, в 2021 г. – 36 679, в 2022 г. – 20 311, в первом полугодии 2023 г. – 7 140 чел. [22].

Также следует отметить, что начала диспозитивности явно присутствуют в нормах, регулирующих особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

Сторонники внедрения согласительных (договорных) форм в уголовное судопроизводство утверждают о расширении правозащитных и восстановительных возможностей уголовно-правового регулирования [23, с. 340].

С учетом сказанного, можно констатировать, что в основе уголовно-правового регулирования лежит теория компромисса, которая служит теоретической, методологической, а сейчас уже правовой основой новой парадигмы разрешения уголовно-правового конфликта между государством, потерпевшим и лицом, совершившим правонарушение [24, с. 135]. Таким образом, современные компромиссные модели судопроизводства – «это, прежде всего, компромисс двух начал – публичного и диспозитивного, та сфера, в которой они взаимодействуют и взаимно ограничивают друг друга» [25].

Уголовно-правовой компромисс как правовое явление имеет свой объект, который включает в себя размер уступок с обеих сторон. Объектом уголовно-правового компромисса может стать фиксированный размер смягчения уголовной ответственности или её ликвидации. Анализ норм УК РФ дает возможность определить несколько типов уступок, с которыми уголовный закон связывает достижение компромисса.

Российское уголовное законодательство устанавливает следующие материально-правовые основания для компромисса: освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.1 УК РФ).

Кроме установленных в уголовном законе поощрительных норм, по усмотрению должностных лиц, осуществляющих производство по делу, могут применяться следующие процессуальное-правовые уступки в виде: принятия заглаживания вреда вместо возмещения ущерба; смягчение вида и размера наказания в рамках предусмотренных санкций; заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и назначение установленного законом минимального наказания; освобождение от наказания.

В перечисленных нормах уголовного закона установлены условия их применения: лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если преступление совершено впервые; небольшой или средней тяжести; добровольно явилось с повинной; способствовало раскрытию и расследованию этого преступления; возместило ущерб или иным образом загладило вред.

Уголовно-процессуальные основания для компромисса изложены в УПК РФ: прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ); прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ); прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ); прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ). Новым основанием для компромисса является п. 7 ст. 24 УПК РФ, где предусматривается уголовно-процессуальное основание для прекращения уголовного дела в случае уплаты в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Процессуальный порядок разрешения уголовно-правового конфликта может происходить на этапе досудебного производства при прекращении уголовного преследования и прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а также в суде при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ), особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

Несмотря на существующие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные основания для альтернативных форм разрешения уголовно-право-

вых конфликтов, в правоприменительной практике России продолжают существовать препятствия для реализации компромисса при производстве по уголовным делам. Причиной этому бывают разные, в зависимости от личностных качеств обвиняемых, потерпевших, должностных лиц, осуществляющих судопроизводство; толкования государственно-правового публичного интереса. Наиболее сложные препятствия для заключения компромисса и назначения штрафа выступают ведомственные показатели деятельности. Авторы данного исследования последовательно выступают за расширение практики уголовного компромисса, а в этой связи ниже излагают обоснование своей позиции.

Для перехода к новой парадигме применения согласительных (договорных) форм в уголовном и уголовно-процессуальном праве необходимо развивать диспозитивность как метод и принцип правового регулирования разрешения уголовно-правовых конфликтов. По своей сути диспозитивность представляет собой такую правовую атмосферу правоприменения, в которой частные физические или юридические лица активно распоряжаются своими субъективными правами в рамках уголовно-правовых отношений [26, с. 68].

Правовой основой диспозитивного режима уголовно-правового регулирования являются правовые нормы, составляющие институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и прекращением уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ), освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ), освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

Диспозитивность как метод и принцип регулирования правозащитных уголовно-правовых отношений направлена на достижение компромисса, позволяет экономить меры уголовной репрессии, выражается в уголовно-правовом соглашении между государством и лицом, совершившим преступление, предполагающем сотрудничество на взаимовыгодной основе и порождающем у сторон взаимные права и обязанности [27, с. 110].

Если для государства польза компромисса заключается в снижении, а может быть даже устранении общественной опасности совершенного деяния, для виновного компромисс – это возможность избежать уголовной ответственности либо существенно смягчить ее последствия.

Еще одним элементом уголовно-правового и уголовно-процессуального компромисса служит дискреционное преследование, сущность которого заключается в правоусмотрении со стороны органов уголовного преследования. Согласно принципу дискреционного преследования, отклонение или прекращение производства должно быть простым и четким, сопровождаемым предупреждением, замечанием или условиями, подлежащими соблюдению подозреваемым, такими, как правила поведения, выплата денег, компенсация пострадавшему или пробация [8]. Применяя дискреционные полномочия, орган уголовного преследования, в первую очередь прокурор должен получать согласие обвиняемого, когда предусматриваются условное отклонение и условное прекращение производства. При отсутствии такого согласия преследующий орган будет обязан вести процесс против обвиняемого, если по какой-то другой причине не решит прекратить обвинение.

Итак, правовые регуляторы в виде диспозитивности, дискреционного уголовного преследования, восстановительного и рестуционного правосудия [28, с. 40; 29, с. 39] посредничества, согласительных (договорных) форм в уголовном и уголовно-процессуальном праве, поиска компромисса по своей сущности сводятся к примирению. Именно примирение является основой компромисса, т.е. достижение на добровольной и двусторонней основе соглашения между потерпевшим и лицом, совершившим преступление. В этом смысле мы рассматриваем примирение как социальную ценность участников уголовно-правовых отношений для выполнения задач уголовного законодательства и назначения уголовного судопроизводства по разрешению конфликтов [30, с. 280].

В заключение сделаем несколько выводов. Для оптимизации правоприменительной деятельности считаем целесообразным сформировать универсальный правовой режим освобождения от уголовной ответственности. В целях защиты публичного интереса и стимулирования позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, необходимо внедрить алгоритм достижения и реализации компромисса. Сущность предлагаемого компромисса заключается в максимальном стимулировании посткриминального поведения лица, совершившего преступление, в обмен на уступки со стороны органов расследования. Чем больше условий предлагаемого ниже механизма выполнит виновное лицо, тем больше оно получит уступок со стороны государства, тем проще будет заключить компромисс.

1. Согласие с предъявленным обвинением.
2. Отказ от оспаривания.
3. Сотрудничество с органами расследования.
4. Оказание помощи в раскрытии и расследовании преступлений.

5. Деятельное раскаяние.
6. Примирение с потерпевшим.
7. Возмещение вреда.

В целях гарантированного возмещения вреда потерпевшему соглашение о примирении должно иметь для обеих сторон обязательный характер. Гарантией исполнения условий соглашения в УК РФ и УПК РФ необходимо предусмотреть механизм исполнения такого соглашения, а поэтому придать соглашению сторон реальный, а не консенсуальный характер.

Для внедрения алгоритма достижения и реализации компромисса необходимо все основания освобождения от уголовной ответственности в УК РФ сконцентрировать в одной ст. 75 УК РФ ввиду того, что все иные основания, закрепленные в ст.ст. 76, 76.1 и 76.2 УК РФ, представляют собой разновидности одного основания – позитивного посткриминального поведения лица [31, с.10]. Такая унификация уголовного закона упростит достижение компромисса между сторонами с применением иных мер уголовно-правового характера.

Для реализации этого механизма важно изменить отношение к диспозитивности, дискреционному преследованию, восстановительному правосудию, а следовательно, к правопониманию на более рациональное разрешение уголовно-правовых конфликтов. Помешать этому могут только статистика, показатели деятельности, ведомственная отчетность.

Авторский вклад:

Ефремова Марина Александровна – постановка проблемы, определение объекта и методов исследования, разработка обзора литературы, уточнение выводов и рекомендаций.

Абшилава Георгий Валерьянович – анализ доктринально-прикладных данных, подготовка введения.

Пастухов Павел Сысоевич – обобщение результатов исследования, формирование заключения.

Литература:

1. Rusman G. The active position of the court is the basis for the successful application of alternative measures in criminal proceedings // Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution – RBADR, Belo Horizonte. 2022. № 7. P. 89–101. DOI: 10.52028/rbadr.v4i7.6.
2. Гуманизация современного уголовного законодательства / Под общ. ред. В.П. Кашепова. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 336 с.
3. Taylor-Thompson K., Thompson A.C. Progressive Prosecution: Race and Reform in Criminal Justice. New York, 2022; online edn, NYU Press Scholarship Online. DOI: https://doi.org/10.18574/nyu/9781479809950.001.0001/
4. White R. Restorative Justice, Repairing the Harm and Environmental Outcomes // The Palgrave Handbook of Environmental Restorative Justice. 2022. 20 September. P. 27–50. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-04223-2_2.
5. Meurmishvili B. Systematic Understanding of the Function of Public Criminal Prosecution // Journal of Law. 2023. № 2. P. 282–296. DOI: https://doi.org/10.60131/jlaw.2.2023.7707
6. Mendez-Pinedo M.E. The principle of effectiveness of EU law: a difficult concept in legal scholarship // Juridical Tribune. 2021. № 1 (March). P. 5–29.
7. Рекомендация N R (85) 11 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса». Принята Комитетом министров 28 июня 1985 г. на 387-м заседании. URL: https://docs.cntd.ru/document/90199464
8. Рекомендация № 6 R (87) 18 Комитета министров Совета Европы «Относительно упрощения уголовного правосудия» (Принята 17.09.1987). URL: http://www.echr-base.ru/ukaz2.jsp.
9. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила]. Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml
10. Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. «О посредничестве в уголовных делах» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия (резолюция 2002/12 Экономического и Социального Совета от 24 июля 2002 года, приложение). URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf
13. Lorincz A.-L. Reopening the criminal prosecution to ensure an effective investigation // International Journal of Legal and Social Order. 2023. № 3(1). DOI: https://doi.org/10.55516/ijlso.v3i1.112.
14. Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec (2018) 8 от 3 октября 2018 г., посвященные восстановительному правосудию по уголовным делам // СПС «КонсультантПлюс».
15. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Механизм правового регулирования и уголовно-правового воздействия: соотношение доктринальных и практико-реализационных принципов // Вестник

Югорского государственного университета. 2019. Вып. 1 (52). С. 7–14.
16. Гарбатович Д.А. Методы уголовно-правового регулирования // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 101–111.
17. Diaconu N. Legal protection of victims of crime in the European Union // International Journal of Legal and Social Order1. 2002. December. № 1. P. 106–117.
18. Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 542 с.
19. Голик Ю.В. Метод уголовного права // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 69–75.
20. Adi E.A.W. Penal Mediation as the Concept of Restorative Justice in the Draft Criminal Procedure Code // Lex Scientia Law Review. 2021. № 5(1). P. 139–164. DOI: https://doi.org/10.15294/lesrev.v5i1.46704
21. Гриненко А.В. Договорные отношения в российском уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 152–158.
22. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649 (дата обращения: 28.12.2023).
23. Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность. М.: Статут, 2018. 381с.
24. Dmitrieva A.A, Pastukhov P.S., Gostkova D.Z. Legal Grounds and Ethical Conditions of Alternative Forms of Criminal Law Conflict Resolution in Russia // Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution – RBADR. 2023. № 10. P. 133–151. DOI: 10.52028/rbadr.v5i10.ART06.RU.
25. Кувалдина Ю.В. Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. М.: ЮСТИЦИЯ, 2021. 252 с.
26. Severo L. Importância, funcionalidades e relação das cláusulas escalonadas na mediação e arbitragem // Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution – RBADR. 2022. Vol. 2. № 4. P. 67–82.
27. Roskoshna N. Mediation under the agreement of reconciliation between the victim and the suspect or the accused // Public Law. 2020. № 2. P. 106–112. DOI: 10.32782/2020-38-12.
28. Pavelka S., Thomas, D. The Evolution of Balanced and Restorative Justice // Juvenileand Family Court Journal. 2019. № 70(1). P. 37–58. DOI: https://doi.org/10.1111/jfcj.12125.
29. Pratama V. Restorative Justice in Criminal Acts of Corruption // Law and Justice. 2021. № 6(1). P. 34–45. DOI: https://doi.org/10.23917/laj.v6i1.12541
30. Rule C. Online dispute resolution and the future of justice // Annual Review of Law and Social Science, 2020. № 16. P. 277–292. DOI: 10.1146/annurev-lawsocsci-101518-043049.
31. Тарасов В.Ю. Применение специальных видов освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях террористической и экстремисткой направленности: дисс. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2023. 208 с.

A Compromise in the System of Legal Regulation in the Resolution of Criminal Conflicts

Efremova M.A.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

Abshilava G.V.
Ulyanovsk State University

Pastukhov P.S.
Perm State National Research University,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Criminal law and criminal procedure methods of regulation in the resolution of criminal law conflicts are becoming increasingly important. Among them, the theory of compromise as a basis and a new paradigm for resolving criminal law conflict attracts attention. The need for encouragement in Russian legislation is possible in exchange for positive post-criminal behavior of the perpetrator, stimulation as a method of motivation. In order to move to a new paradigm of the use of conciliation (contractual) forms in criminal and criminal procedure law, dispositivity should be developed as a method and principle of legal regulation of the resolution of criminal law conflicts.

The purpose of the study is to study the compromise mechanism, as well as possible directions for further improvement of such alternative proceedings in order to quickly resolve the criminal law conflict.

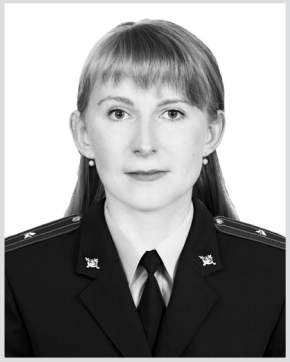
The scientific significance of the work lies in the fact that it reveals the main methods of criminal and criminal procedural regulation in the form of dispositivity, discretionary prosecution, mediation, and principles of justice.

The authors formulate the conclusions and results of the study, namely, an algorithm for reaching a compromise linking mutual rights and obligations is proposed. In order to protect the public interest and stimulate positive post-criminal behavior of the person who committed the crime, it is necessary to implement an algorithm for achieving and implementing a compromise. The proposed compromise is to maximize the stimulation of the post-criminal behavior of the person who committed the crime in exchange for concessions from the investigating authorities.

Keywords: criminal law conflict, alternative justice, compromise theory, dispositiveness, discretion of powers, reconciliation

УДК 343.344
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-120-124

Некоторые проблемные вопросы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота оружия

Зейналбдыева А.В.
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина

Курилова Е.Н.
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина

Погребенко Ю.Н.
Заместитель начальника факультета заочного обучения
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина

В настоящее время в Российской Федерации отмечается рост преступлений в сфере незаконного оборота оружия, более половины из них относятся к категории тяжких и особо тяжких. Целью статьи является разработка мер по противодействию данному негативному явлению. В качестве задач выступают: выявить проблемы, возникающие при изучении вопросов привлечения лица по совокупности преступлений со смежными составами и одновременном совершении лицом действий по приобретению, хранению, ношению, пересылке и перевозке огнестрельного оружия, его частей и боеприпасов; изучение добровольной сдачи, неверная трактовка которой может привести к возможному отказу в освобождении от уголовной ответственности; рассмотрение вопросов количественных характеристик предметов преступлений в сфере незаконного оборота оружия, которые могут быть использованы как в качестве квалифицирующих признаков, так и основанием для признания деяния малозначительным. Научная и практическая значимость обуславливаются тем, что авторами выявлены пробелы действующего законодательства в сфере незаконного оборота оружия. Основными результатами стали предложения по внесению изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство РФ. Ценность проведенного исследования заключается в возможности повышения эффективности противодействия преступлений в сфере незаконного оборота оружия.

Ключевые слова: *незаконный оборот оружия, боеприпасы, взрывные устройства, взрывчатые вещества, добровольная сдача*

Для цитирования: *Зейналбдыева А.В., Курилова Е.Н., Погребенко Ю.Н. Некоторые проблемные вопросы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота оружия // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 120–124. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-120-124.*

В настоящее время в Российской Федерации уровень преступлений в сфере незаконного оборота оружия повышается. В результате чего перед правоохранительными органами ставятся различные задачи по профилактике и предупреждению указанных деяний, а также по организации их расследования, которые включают в себя в том числе и правильную квалификацию рассматриваемых посягательств. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что в правоприменительной практике возникают проблемы при разграничении и отнесении состава преступления к определенной категории.

С учетом сегодняшней обстановки одной из приоритетных задач правоохранительных органов является противодействие незаконному обороту оружия.

По результатам 9 месяцев 2023 г. в Белгородской области было выявлено 193 преступления, связанных с незаконным оборотом оружия, рост составил практически 10 %, более половины указанных преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких [1].

Так, в Борисовском районе Белгородской области в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий у местных жителей был изъят артиллерийский порох общей массой 75 кг 200 г. 1678 патронов калибра 5,45 мм. По данному факту возбуждено 5 уголовных дел по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 222.1 УК РФ [1].

В качестве примера также можно привести задержание за совершение преступлений, связанных со сбытом и хранением огнестрельного оружия, боеприпасов, преступной группы, состоящей из жителей Алексеевскою городского округа Белгородской области. Они приобретали огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства у военнослужащих, дислоцирующихся на территории региона, с целью дальнейшего сбыта [1].

При проведении следственных действий у фигурантов изъяты снайперская винтовка (СВД), пистолет (ТТ), более 1800 боеприпасов различного калибра, 2 гранаты (РГН, Р10), 30 пороховых зарядов, гладкоствольное ружье, обрез гладкоствольного ружья, более 5 кг артиллерийского пороха, а также наркотические средства [1].

Поэтому считаем целесообразным рассмотреть некоторые проблемные вопросы незаконного оборота оружия, касающиеся особенностей квалификации деяний. Ст. 222 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за ношение и перевозку огнестрельного оружия. Однако на практике возникают вопросы в разграничении указанных действий между собой [2].

В данном случае считаем целесообразным обратиться к разъяснению Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5, где в п. 11 отмечается, что транспортировка состоит в перемещении на различных видах транспорта стрелкового оружия, его элементов и боеприпасов. Соответственно, противоправное ношение – это наличие указанных предметов у виновного на себе или их перенос в сумке, портфеле, иной ручной клади. На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что, если оружие перевозится транспортным средством, то это «перевозка», если же оно перемещалось виновным в одежде, то эти действия соответствуют «ношению» [2].

Так, согласно приговору Новооскольского районного суда Белгородской области, гражданин В. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Согласно материалам дела, на территории строящегося объекта он обнаружил 5 патронов к нарезному спортивно-охотничьему огнестрельному оружию, затем, положив их в сумку, отправился на электропоезде домой, где продолжил их хранение. В содеянном суд усмотрел признак «перевозки» боеприпасов, однако Постановлением Президиума Белгородского областного суда данное действие было исключено, так как оно в полной мере охватывается понятием «ношение» [2].

Приведем другой пример: гражданин И. обнаружил на территории лыжной базы упаковку с охотничьими патронами в количестве 50 шт. Он упаковал боеприпасы в чемодан, сдал его в багажное отделение и осуществил перелет из одного пункта в другой. При проверке в зоне специального контроля сотрудниками полиции патроны были обнаружены и изъяты. Суд в данном случае квалифицировал содеянное как перевозку [3].

Стоит обратить внимание на то, что в том случае, если транспортное средство используется только в качестве так называемого «сейфа» для предметов преступлений в сфере незаконного оборота оружия, то содеянное квалифицируется только как хранение. Так, А.В. Домнышев был привлечен к ответственности Краснокутским районным судом Саратовской области по ч. 1 ст. 223 УК РФ и ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконное изготовление, хранение и перевозку огнестрельного оружия. Согласно материалам уголовного дела, указанный гражданин извлек из кучи металлолома гладкоствольное охотничье ружье и изготовил из него обрез. Данный предмет он положил под водительское сиденье автомобиля ВАЗ-2101, принадлежащего ему на праве собственности, где в последующем он был обнаружен и изъят. Однако,

на наш взгляд, в данном случае вменение А.В. Домнышеву перевозки было излишним [4].

Как единичное преступление по ч. 1 ст. 222 УК РФ следует квалифицировать одновременное совершение действий, указанных в ее диспозиции. Однако действия гражданина Л. по хранению и передаче огнестрельного оружия были расценены Мурманским областным судом как множественные. В своем решении Верховный Суд РФ указал на то, что «совокупность преступлений в данном случае не образуется, т.к. ответственность за действия Л. предусмотрена одной и той же частью статьи 222 УК РФ» [3].

Обратим внимание на то, что такой же подход должен быть использован в правоприменительной практике в случае одновременного хранения различных видов боеприпасов и нескольких единиц оружия. Если же в качестве предмета преступлений выступает как оружие, так и взрывчатые вещества, то это образует совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 222 и 222.1 УК РФ соответственно [3].

Среди ученых-правоведов возникает дискуссия о том, что «незаконное приобретение» не в полной мере охватывает понятие «незаконное получение оружия во временное пользование», поэтому предлагается ввести ответственность и за совершение указанных действий. В качестве примера можно привести уголовное дело, рассмотренное Челябинским областным судом. Гражданин А.Н. Загузин совершил незаконное приобретение и ношение огнестрельного оружия, которое в дальнейшем использовал для убийства из корыстных побуждений. В ходе предварительного расследования было установлено, что огнестрельное оружие А.Н. Загузин получил от В.Ю. Чаванина, который передал его во временное пользование. Считаем, что в данном случае незаконное получение оружия в полной мере охватывается понятием «хранения» и внесения дополнительных изменений в УК РФ не требуется [4].

Исходя из конструкции ст. 222 УК РФ, можно прийти к выводу о том, что хранение возможно как в форме действия, так и бездействия. В качестве примера последнего может выступать получение оружия по наследству в случае, если лицо не исполняло установленных предписаний по регистрации предмета, ограниченного в обороте. Однако, если оружие хранится в определенном месте без ведома лица, то в данном случае отсутствует форма вины, а значит, и в целом состав преступления [4].

Стоит обратить внимание на то, что в судебно-следственной практике случаются подобные ситуации. Индустриальный районный суд г. Барнаула привлек гражданина К. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Согласно материалам дела, К. вину не признал, ссылаясь на то, что патроны, находящиеся в его сейфе, были оставлены предшественником. Остальные патроны, изъятые в ходе обыска, были приобретены им на законных основаниях. При проведении следственного действия он не присутствовал и предложения выдать ему патроны добровольно не поступало. Судебной коллегией Алтайского краевого суда указанный приговор был отменен в части вменения К. ч. 1 ст. 222 УК РФ.

В правоприменительной деятельности довольно часто возникают проблемные вопросы относительно особенностей квалификации незаконного оборота оружия по совокупности с другими преступлениями. Так, одним из основных признаков бандитизма является вооруженность, поэтому дополнительного вменения по ст. 222 УК РФ не требуется, ношение и хранение огнестрельного оружия в полной мере охватывается ст. 209 УК РФ.

Однако совершенные преступные действия должны квалифицироваться по ст. 222 Уголовного кодекса РФ в том случае, если незаконные действия с оружием были совершены до завершения формирования устойчивой преступной группы. Это связано с тем, что лицо, обладая оружием, уже является преступником.

Также важно отметить, что, если один из участников совершал незаконные действия с оружием до вступления в банду, данное преступление должно рассматриваться как самостоятельное, а не связанное с преступной деятельностью группы.

Если рассматривать вопросы относительно количества предметов, предусмотренных ст.ст. 222 и 222.1 УК РФ, то в диспозициях данных норм не предусмотрено таких требований. На практике же в ряде случаев деяния могут быть признаны малозначительными в соответствии со ст. 14 УК РФ.

Гражданином З. был найден патрон калибра 7,62 мм, боеприпас к нарезному охотничьему оружию, который в последующем хранил у себя по месту жительства. Судом первой инстанции он был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Судебной коллегией Верховного Суда РФ данный приговор был отменен в связи с отсутствием в деянии состава преступления. В качестве обоснования была приведена ссылка на ч. 2 ст. 14 УК РФ и указание на малозначительность содеянного, не представляющего общественной опасности. При вынесении решения суд первой инстанции не учел, что во владении З. отсутствовало огнестрельное оружие, найденный патрон хранился в единственном экземпляре и значения его нахождению в жилом помещении не предавал. Также в решении суда отсутствовали доводы о возможности нанесения ущерба или угрозы личности, обществу или государству.

Считаем целесообразным для решения данной проблемы относительно количественных характеристик предметов преступлений в сфере незаконного оборота оружия принятие подзаконного нормативного правового акта, в котором будут четко установлены вид и количество оружия и боеприпасов по аналогии с Постановлением Правительства

от 1 февраля 2012 г. № 1002, регулирующим размеры наркотических средств и психотропных веществ.

Добровольная сдача оружия, его основных частей и боеприпасов также вызывает достаточное количество дискуссий. Неверная трактовка данного института может привести к возможным ошибкам. Согласно определению Костромского областного суда, гражданин Г. совершил разбойное нападение и хищение огнестрельного оружия, которое в дальнейшем находилось у него дома до проведения обыска сотрудниками полиции. Перед осуществлением следственных мероприятий лицо самостоятельно передало обрез охотничьего ружья и нарезной самозарядный карабин с двумя магазинами. Однако в данном случае признак добровольности отсутствует в силу того, что выдача осуществлялась перед проведением обыска и оснований для применения примечания к ст. 222 УК РФ не имеется, т.к. у виновного отсутствует возможность продолжать хранить оружие и его сдача становится вынужденной мерой. Согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5, добровольной сдачей можно считать только выдачу предметов преступлений, предусмотренных ст.ст. 222–223.1, по собственной воле при наличии реальной возможности их дальнейшего хранения. Выдача будет считаться добровольной в том случае, если при производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий не было установлено местонахождение указанных предметов, а лицо в последующем сообщило о данном факте.

Проведение экспертизы по вопросам отнесения предметов к оружию, боеприпасам, взрывчатым веществам или взрывным устройствам является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности по ст.ст. 222–226.1 УК РФ.

Доказательственная база не может быть основана на предположениях относительно предмета преступления и возможной его принадлежности к ограниченным в обороте. Так, Судебная коллегия Алтайского краевого суда отменила приговор Ленинского районного суда г. Барнаул в части вменения Р. и Г. ч. 1 ст. 222 УК РФ. В качестве обоснования был приведен тот факт, что обвинение основывалось на показаниях потерпевших, которые утверждали, что виновные угрожали им пистолетом. Однако в ходе проведения следственных действий указанное оружие обнаружено не было, поэтому и проведение по нему баллистической экспертизы не представляется возможным.

Подводя итог, можно сказать, что незаконный оборот оружия занимает особое место в структуре преступности Российской Федерации. Он провоцирует совершение новых преступлений насильственной и корыстно-насильственной направленности, чем и представляет еще большую степень общественной опасности.

Основным гарантом противодействия данному явлению выступает Уголовный Кодекс РФ, положения которого направлены на недопущение незаконного оборота оружия в государстве, исключение несчастных случаев и гарантию использования предметов рассматриваемых преступлений только в общественно полезных целях. Однако считаем целесообразным внести изменения в действующие нормы как уголовного закона, так и иных нормативных правовых актов с целью разрешения проблем и устранения существующих пробелов для правильной квалификации правоприменителями.

Литература:

1. Официальный сайт УМВД России по Белгородской области. URL: https://31.мвд.рф/.
2. Караваев Г.А., Васильев Н.А. Незаконный оборот оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств: некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 222, 222.1 УК РФ // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 320–331.
3. Чертополох И.Р. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 222 УК РФ // Концепция «общества знаний» в современной науке: сб. статей по итогам Между. науч.-практ. конф., Саратов, 19 ноября 2021 г. Стерлитамак: ООО «Агентство международных исследований», 2021. С. 225–231.
4. Робак В.А. Понятие незаконного оборота оружия и классификация преступлений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 4. С. 200–204. DOI: 10.29039/2413-1733-2021-7-4-200-204.
5. Харламова А.А., Макеева И.С. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 222, 222.1 УК РФ, обусловленных признаками объективной сторон // Российский следователь. 2018. № 3. С. 67–71.

Some Problematic Issues of Qualification of Crimes in the Field of Illegal Arms Trafficking

Zeynalbdyeva A.V., Kurilova E.N. , Pogrebenko U.N.
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin

Currently, there is an increase in crimes in the field of illegal arms trafficking in the Russian Federation, more than half of them belong to the category of serious and especially serious. The aim is to develop measures to counteract this negative phenomenon. The tasks are: to identify problems that arise when studying the issues of involving a person in a combination of crimes with related compounds and simultaneously committing actions by a person to acquire, store, carry, transfer and transport firearms, their parts and ammunition; the study of voluntary surrender, the incorrect interpretation of which may lead to a possible refusal to release from criminal liability consideration of the issues of quantitative characteristics of the subjects of crimes in the field of illegal arms trafficking, which can be used both as qualifying signs and as a basis for recognizing an act as insignificant. The scientific and practical significance is due to the fact that the authors have identified gaps in the current legislation in the field of illegal arms trafficking. The main results were proposals for changes and additions. The value of the conducted research lies in the possibility of increasing the effectiveness of countering crimes in the field of illegal arms trafficking.

Keywords: illegal arms trafficking, ammunition, explosive devices, explosives, voluntary surrender

УДК 342.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-125-131

К вопросу о понятии и признаках перевозки грузов в международном сообщении

Лончакова Ю.А.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

В контексте современной глобальной экономики международные грузоперевозки приобретают статус ключевого элемента экономической системы Российской Федерации. Анализ нормативно-правовых актов позволяет выявить различия в трактовке понятия международной перевозки применительно к отдельным видам транспорта. В современных условиях возникает насущная потребность в проведении комплексного анализа правового регулирования международных грузоперевозок как на наднациональном, так и на внутригосударственном уровнях. Целью данной статьи является анализ понятия и признаков международной перевозки грузов. Научная значимость работы заключается в рассмотрении подходов к определению данного термина в международном и национальном законодательстве, а также в научной литературе, выделению ключевых характеристик международных грузоперевозок, включая трансграничный характер, участие нескольких государств и применение норм международного права. Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при определении правовых условий осуществления международной перевозки грузов. Кроме того, предложено авторское определение международной перевозки грузов, обоснована необходимость дальнейшей унификации правового регулирования в сфере международных грузоперевозок.

На основе полученных результатов сделаны следующие выводы: международная перевозка грузов представляет собой транспортировка материальных ценностей с использованием одного или нескольких видов транспорта, при которой пункт отправления и пункт назначения расположены на территориях разных государств либо перевозка осуществляется транзитом через территорию третьего государства при условии, что такая перевозка регулируется нормами международного права и/или международными соглашениями.

Ключевые слова: *международная перевозка грузов, трансграничные перевозки, транспортное право, международное право, унификация законодательства, мультимодальные перевозки, транзитные перевозки, правовое регулирование, коллизионные нормы, признаки международной перевозки*

Для цитирования: *Лончакова Ю.А. К вопросу о понятии и признаках перевозки грузов в международном сообщении // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 125–131. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-125-131.*

В контексте современной глобальной экономики международные грузоперевозки приобретают статус ключевого элемента экономической системы Российской Федерации. Правовое регулирование данной сферы характеризуется специфической структурой, в которой основополагающие нормы

закреплены в межгосударственных соглашениях и конвенциях, обеспечивающих унифицированный подход к определению условий осуществления трансграничных перевозок. Тем не менее, при возникновении коллизионных ситуаций международное законодательство зачастую апеллирует к внутреннему законодательству конкретных государств, применяя такие коллизионные привязки, как закон суда, закон места заключения договора, закон места выдачи транспортной документации и прочие.

В условиях текущей геополитической и экономической конъюнктуры, характеризующейся напряженностью в отношениях России с рядом зарубежных государств, наблюдается тенденция к модификации механизмов реализации международных грузоперевозок, затрагивающих интересы российских субъектов хозяйственной деятельности. Данные изменения охватывают широкий спектр аспектов, включая взаимодействие с российскими транспортными компаниями, грузоотправителями и грузополучателями. В ответ на принятые иностранными государствами ограничительные меры российские регулирующие органы были вынуждены разработать и имплементировать ряд адаптивных механизмов. В частности, Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация) инициировало разработку временного алгоритма допуска перевозчиков к осуществлению международных воздушных перевозок, направленного на поддержание транспортной доступности и мобильности населения Российской Федерации, а также сохранение воздушного сообщения с зарубежными странами в условиях действия ограничительных мер политического характера. В сфере международных автомобильных грузоперевозок были введены ответные ограничения, запрещающие осуществление перевозок иностранными транспортными компаниями из государств, признанных недружественными по отношению к России и ранее установивших аналогичные ограничения для российских юридических и физических лиц [1].

В современных условиях возникает насущная потребность в проведении комплексного анализа правового регулирования международных грузоперевозок как на наднациональном, так и на внутригосударственном уровнях. Первостепенное значение в контексте данного исследования приобретает дефиниция понятия «международная перевозка грузов», что обусловлено ключевой ролью категориального аппарата в системе транспортного права, на что неоднократно указывалось в научной литературе [2].

Международные грузоперевозки характеризуются многообразием используемых транспортных средств, включая автомобильный, железнодорожный, воздушный, морской и внутренний водный транспорт. Каждый из перечисленных видов транспорта подчиняется специфическому правовому регулированию, учитывающему его особенности. Кроме того, в современной практике широкое распространение получили мультимодальные или смешанные перевозки, сочетающие в себе несколько видов транспорта [3].

Применительно к международным воздушным перевозкам, одним из документов, предоставляющих юридическую рамку, является Монреальская конвенция 1999 г. В ней международная перевозка определяется как перевозка, при которой начальный и конечный пункты находятся на территории двух различных государств – участников конвенции или на территории одного государства-участника, но с предусмотренной остановкой в другом государстве, необязательно являющемся участником данной конвенции. Важно отметить, что перевозка, осуществляемая между двумя пунктами в пределах одного и того же государства без остановок в других странах, не считается международной по критериям этой конвенции.

В рамках анализа международных железнодорожных грузоперевозок выделяется ключевое значение Соглашения о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) [4]. Этот документ устанавливает критерии для осуществления перевозок грузов через границы нескольких государств с использованием железнодорожного транспорта под единым перевозочным документом — накладной. Таким образом, перевозка определяется как процесс транспортировки товаров через территории двух или более стран на основании одного документа, который оформляется на полный маршрут следования груза. Это определение подчеркивает особенности железнодорожных перевозок и роль унифицированной документации в организации международного грузооборота [5].

Однако следует отметить, что в международном правовом поле наблюдается отсутствие универсального определения понятия «международная перевозка грузов» для всех видов транспорта. В частности, в сфере морских перевозок такое определение не закреплено в международных соглашениях. Это свидетельствует о фрагментарном подходе к определению данного термина в международном праве, где дефиниции формулируются применительно к конкретным видам транспорта и перевозок [2].

В российском законодательстве универсальное определение международной перевозки представлено в контексте налогового регулирования. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) в ст. 309 (пп. 8 п.1) определяет международные перевозки как «любые перевозки морским, речным или воздушным судном, автотранспортным средством или железнодорожным транспортом за исключением случаев, когда перевозка осуществляется исключительно между пунктами, находящимися за пределами Российской Федерации» [6]. Данное

определение носит всеобъемлющий характер, охватывая различные виды транспорта, и акцентирует внимание на трансграничном аспекте перевозок, исключая при этом транзитные перевозки, не затрагивающие территорию Российской Федерации. Такой подход к определению международных перевозок в национальном законодательстве отражает специфику налогового регулирования и может служить ориентиром для формирования единого понимания данного термина в российской правовой системе.

В российском законодательстве наблюдается отсутствие унифицированного подхода к определению международных перевозок различными видами транспорта. Данная ситуация обусловлена спецификой каждого вида транспорта и особенностями правового регулирования соответствующих отраслей. Анализ нормативно-правовых актов позволяет выявить различия в трактовке понятия международной перевозки применительно к отдельным видам транспорта [7].

В контексте регулирования международных автомобильных перевозок особую значимость приобретает Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 127-ФЗ «О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения» (далее – Федеральный закон № 127-ФЗ) [8], посвященный государственному контролю за осуществлением данного вида транспортировки и ответственности за нарушение установленного порядка. Этот нормативно-правовой акт вводит в юридический оборот дефиницию «международная автомобильная перевозка», существенно расширяя традиционное понимание данного термина.

Согласно предложенному в законе определению, под международной автомобильной перевозкой подразумевается не только транспортировка грузов или пассажиров посредством автотранспортных средств по территориям двух и более государств, но также и перемещение незагруженных транспортных средств через государственные границы. Такая трактовка позволяет охватить широкий спектр ситуаций, возникающих в процессе международных автоперевозок, и отражает комплексный подход законодателя к регулированию данной сферы.

Ключевой особенностью данного определения является акцент на трансграничном характере перевозки, что позволяет четко отграничить международные автомобильные перевозки от внутренних. Кроме того, включение в определение проезда порожних транспортных средств свидетельствует о стремлении законодателя к всестороннему регулированию международных автоперевозок, учитывая различные аспекты логистических процессов. Такой подход способствует более эффективному государственному контролю и управлению в сфере международных автомобильных перевозок, а также создает правовую основу для решения потенциальных споров и конфликтных ситуаций в данной области [9].

В сфере железнодорожных перевозок нормативно-правовое регулирование международного сообщения осуществляется на основе Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации [10].

Согласно ст. 2 Устава, международное железнодорожное сообщение характеризуется как процесс транспортировки, включающий в себя не только прямые, но и транзитные перевозки, в результате которых происходит пересечение государственной границы Российской Федерации. При этом объектами такой перевозки могут выступать пассажиры, грузы, багаж, грузобагаж, а также порожние грузовые вагоны. Важно отметить, что данное определение допускает возможность альтернативной трактовки в рамках международных соглашений, что свидетельствует о гибкости правового регулирования в этой области.

Отличительной особенностью данного определения является его всеобъемлющий характер, охватывающий широкий спектр объектов перевозки. Такой подход позволяет учесть различные аспекты железнодорожных перевозок, включая как пассажирские, так и грузовые операции. Кроме того, прямое указание на пересечение государственной границы в качестве ключевого критерия международной перевозки создает четкую правовую основу для разграничения внутренних и международных железнодорожных сообщений.

Проведенный сравнительный анализ дефиниций международных перевозок в российском законодательстве выявляет существенные различия в подходах к их интерпретации в зависимости от вида транспорта. Эти расхождения обусловлены уникальными особенностями каждого вида транспорта и спецификой его правового регулирования. Данная ситуация подчеркивает необходимость дальнейшей работы по гармонизации и унификации терминологии в области международных перевозок, что может способствовать повышению эффективности правового регулирования и минимизации потенциальных конфликтов в сфере международных транспортных операций.

В научной литературе, посвященной проблематике международных перевозок, наблюдается отсутствие единого, универсального определения данного понятия. Это обстоятельство привело к формированию различных подходов и интерпретаций, предлагаемых исследователями в данной области. Анализ существующих дефиниций позволяет выделить несколько ключевых аспектов, на которых фокусируются авторы при попытке сформулировать определение международной перевозки грузов [11].

Одна из распространенных трактовок основывается на географическом критерии и определяет

международные перевозки как транспортировку грузов и пассажиров между двумя или более странами. Данный подход акцентирует внимание на трансграничном характере операции и противопоставляет международные перевозки внутренним, осуществляемым в пределах одного государства. Такая интерпретация позволяет четко разграничить национальные и международные транспортные операции, однако может быть недостаточно полной для отражения всех аспектов международных перевозок.

Альтернативный подход к определению международной перевозки фокусируется на факте пересечения государственной границы. Согласно этой точке зрения, международными считаются перевозки, в ходе которых происходит пересечение границы Российской Федерации, включая транзитные перевозки. Важным аспектом данного определения является оговорка о возможности иного регулирования в рамках международных соглашений, что подчеркивает значимость межгосударственных договоренностей в сфере международных перевозок.

Третья интерпретация понятия международной перевозки объединяет географический аспект с правовым, определяя ее как перевозку грузов и пассажиров между двумя или более государствами, осуществляемую на основе международных соглашений, участниками которых являются эти государства. Данный подход подчеркивает важность международно-правового регулирования и межгосударственного взаимодействия в сфере транспортных операций.

В контексте анализа феномена международной перевозки грузов особое внимание следует уделить ее ключевой характеристике – трансграничному перемещению груза. Однако данный критерий не является исчерпывающим, что порождает дискуссию о статусе транзитных перевозок в рамках международного транспортного права.

Федеральный закон № 127-ФЗ предлагает дифференцированный подход к определению статуса транзитных перевозок. Согласно данному нормативно-правовому акту, транзитная перевозка может быть квалифицирована как международная при наличии определенных условий. К таковым относятся: перевозка российским транспортным средством между двумя иностранными государствами через территорию Российской Федерации; перевозка российским транспортным средством между двумя пунктами в Российской Федерации через территорию иностранного государства; а также перевозка иностранным транспортным средством транзитом через территорию Российской Федерации. Ключевым фактором в данном контексте выступает наличие иностранного элемента, что подчеркивает международный характер транспортной операции.

Существенным аспектом в определении статуса международной перевозки является наличие соответствующего договора. Примечательно, что фактическое пересечение государственной границы не является обязательным условием для квалификации перевозки как международной. Определяющим фактором выступает факт начала такой перевозки в соответствии с заключенным договором. Данный подход позволяет распространить правовой режим международных перевозок на ситуации, когда груз по различным причинам (технические неполадки, утрата и т.д.) не достиг территории иностранного государства.

Международно-правовое регулирование договоров перевозки грузов предлагает более детализированный подход к определению международного характера транспортной операции. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов 1956 г. устанавливает критерии международной перевозки, основываясь на географическом расположении пунктов отправления и назначения груза в разных странах, при условии, что хотя бы одна из этих стран является участницей Конвенции. Важно отметить, что данные нормы применяются исключительно к гражданско-правовым отношениям между перевозчиком и грузоотправителем, не затрагивая административно-властные отношения с таможенными органами.

Особую проблематику в сфере международных перевозок представляет отсутствие унифицированного определения транзитной перевозки в международных соглашениях. Это создает определенные сложности в правоприменительной практике и требует дополнительного урегулирования на международном уровне.

В контексте международного транспортного права и межгосударственных отношений особое значение приобретает точное определение понятия международной перевозки грузов. В соответствии с Постановлением от 13 апреля 2018 г. № 47-13, принятом Межпарламентской Ассамблеей СНГ [12], представлено определение международной перевозки грузов. Данное определение уточняет, что такие перевозки включают использование транспортных средств, которые официально зарегистрированы в одном из договаривающихся государств. Критическим элементом является обязательное пересечение государственной границы минимум одним из участвующих государств, что также охватывает транзитные перевозки через территории других стран. Однако данная формулировка порождает ряд интерпретационных сложностей, особенно в отношении понятия «транзитный», которое в данном контексте подразумевает перемещение через территорию договаривающегося государства без фактического въезда на эту территорию.

В рамках изучения международных грузоперевозок особое внимание уделяется анализу транзитных процессов, которые могут происходить как на вну-

треннем, так и на международном уровнях. В ситуациях, когда перевозки осуществляются между государствами, не входящими в состав Таможенного союза, активно применяется транзитный режим. Данный режим предоставляет возможность транспортировать грузы через территории нескольких стран, что имеет значительное практическое и теоретическое значение для международной логистики. В этом проявляется комплексность и многоуровневость правового регулирования международных перевозок, учитывающего различные аспекты межгосударственного взаимодействия и таможенного контроля.

В рамках исследования национального законодательства и международных соглашений были идентифицированы коллизионные нормы, касающиеся определения ответственности участников и точки назначения груза в случаях, когда присутствует иностранный элемент. Примечательно, что ни одна правовая система не предлагает универсального определения договора о международной перевозке грузов, что приводит к узкоспециализированному подходу, регламентирующему каждый вид перевозки отдельно в зависимости от используемого транспорта.

В научной литературе предпринимаются попытки сформулировать обобщенное определение международной перевозки. Так, М.А. Кузьмина, С.Л. Надирян, Г.В. Адамян предлагают понимать под международными перевозками транспортировку грузов через границу России с пересечением границ нескольких государств. Однако данная трактовка не лишена недостатков, в частности, она не учитывает тот факт, что не на всех территориях, задействованных в процессе перевозки, могут применяться нормы международного права [13].

В современной системе грузоперевозок ключевую роль играет эффективная работа логистических подразделений и применение передовых методов проектирования транспортных операций. Эти факторы обеспечивают высокое качество и результативность как грузовых, так и пассажирских перевозок, при этом особое внимание уделяется гарантиям безопасности их осуществления. Такой комплексный подход к организации транспортных процессов отражает современные тенденции в индустрии, где оптимизация и надежность становятся приоритетными аспектами.

Анализ международных конвенций и договоров позволяет выделить ряд универсальных характеристик, присущих международным грузоперевозкам. Первостепенное значение имеет наличие транспортного средства, непосредственно осуществляющего перемещение груза. Территориальный аспект выступает вторым ключевым признаком, подразумевая участие в процессе перевозки двух или более государств. Третьим существенным элементом является географическое расположение пунктов отправления и назначения на территориях различных стран. При этом важно отметить, что конечный пункт назначения может не совпадать с территорией временной остановки груза, что особенно характерно для воздушных перевозок. Эти признаки формируют базовую концептуальную основу для определения международного характера грузоперевозки.

Особую сложность в правовом регулировании международных перевозок представляют коллизионные нормы, содержащиеся как в национальном законодательстве, так и в международных договорах. Эти нормы призваны разрешать вопросы, связанные с определением ответственности сторон и установлением конечного пункта назначения груза в ситуациях, осложненных присутствием иностранного элемента. Наличие таких коллизий подчеркивает комплексность правоотношений в сфере международных грузоперевозок и необходимость дальнейшей гармонизации правовых норм на международном уровне.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В международном праве отсутствует универсальное определение понятия «международная перевозка грузов», что обусловлено спецификой различных видов транспорта и фрагментарностью правового регулирования в этой сфере.

2. Существующие определения в национальных законодательствах и международных соглашениях характеризуются разнообразием подходов и акцентов, что отражает сложность и многоаспектность данного явления.

3. Ключевыми элементами, определяющими международный характер перевозки, являются: использование транспортного средства, участие двух или более государств, расположение пунктов отправления и назначения в разных странах, пересечение государственной границы.

4. Особую проблематику представляет вопрос о статусе транзитных перевозок и их включении в понятие международных перевозок.

На основе проведенного анализа предлагается следующее авторское определение международной перевозки грузов с позиции международного права.

Международная перевозка грузов – это транспортировка материальных ценностей с использованием одного или нескольких видов транспорта, при которой пункт отправления и пункт назначения расположены на территориях разных государств либо перевозка осуществляется транзитом через территорию третьего государства при условии, что такая перевозка регулируется нормами международного права и/или международными соглашениями.

Основными признаками международной перевозки грузов можно считать:

1. Трансграничный характер перемещения грузов.

2. Участие в перевозке двух или более государств.

3. Применение норм международного права и/или международных соглашений.

4. Использование различных видов транспорта (мультимодальность).

5. Единство транспортного процесса, несмотря на возможную смену видов транспорта.

6. Наличие специальной документации международного образца.

Такое определение и выделенные признаки позволяют учесть многообразие форм международных перевозок, включая транзитные, и создают основу для дальнейшей унификации правового регулирования в этой сфере. Однако следует отметить, что данная проблематика требует дальнейшего изучения и обсуждения на международном уровне для достижения более высокой степени гармонизации правовых норм в области международных грузоперевозок.

Литература:

1. Иванов М.В. К вопросу об определении понятия международной перевозки груза // Державинский форум. 2021. Т. 5. № 18. С. 25–33.
2. Булгаков Д.А. Международные авиаперевозки в системе воздушного транспорта Российской Федерации: современное состояние и тренды развития // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7. № 2. С. 280–293. DOI: 10.58224/2658-5286-2024-7-2-280-293.
3. Коцурба С.В., Арешкина А.Е. Основы взаимодействия автомобильного и железнодорожного транспорта при международной перевозке грузов // Автомобильные перевозки и транспортная логистика: теория и практика: Сб. науч. трудов кафедры «Организация перевозок и управление на транспорте» (с международным участием) / Под науч. ред. Е.Е. Витвицкого. Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2021. С. 65–70.
4. Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) (с изм. и доп. на 01.07.2024) // СПС КонсультантПлюс.
5. Сергиенко А.К. Порядок допуска перевозчика к осуществлению международных автомобильных перевозок грузов // Фундаментальные и прикладные исследования молодых учёных: сб. науч. трудов II Межд. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, Омск, 08–09 февраля 2018 г. Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2018. С. 250–254.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СПС КонсультантПлюс.
7. Скворцова Т.А., Михайлов В.В., Попов А.Н. Понятие перевозки грузов в международном сообщении // Оригинальные исследования. 2023. Т. 13. № 6. С. 30–35.
8. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 127-ФЗ «О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения» (ред. от 28.04.2023) // СПС КонсультантПлюс.
9. Ромашко М.В. Проблемы доставки грузов автомобильным транспортом в международном сообщении // Вестник транспорта. 2006. № 7. С. 5–14.
10. Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (ред. от 19.10.2023) // СПС КонсультантПлюс.
11. Костров С.В., Коршунов Д.А. О понятии и терминах смешанных перевозок в сфере международной торговли // Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук: Сб. материалов межвузовской науч.-практ. конф. аспирантов, магистрантов, студентов. Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2015. С. 311–314.
12. Постановление № 47-13 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О глоссарии терминов и понятий, используемых государствами – участниками СНГ в пограничной сфере» (принято в г. Санкт-Петербурге 13.04.2018) // СПС КонсультантПлюс.
13. Кузьмина М.А., Надирян С.Л., Адамян Г.В. Ответственность перевозчика по договору международной автомобильной перевозки // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2015. № 4. С. 1–10.

On the Concept and Characteristics of Cargo Transportation in International Communication

Lonchakova Yu.A.
Murom Institute (branch) Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

In the context of the modern global economy, international cargo transportation is acquiring the status of a key element of the economic system of the Russian Federation. Analysis of regulatory legal acts allows us to identify differences in the interpretation of the concept of international transportation in relation to individual modes of transport. In modern conditions, there is an urgent need to conduct a comprehensive analysis of the legal regulation of international cargo transportation both at the supranational and at the intrastate levels. The purpose of this article is to analyze the concept and features of international cargo transportation. The scientific significance of the work lies in the consideration of approaches to the definition of this term in international and national legislation, as well as in scientific literature, highlighting the key characteristics of international cargo transportation, including its cross-border nature, participation of several states and the application of international law. The practical significance of the work lies in the fact that the results of the study can be used to determine the legal conditions for the implementation of international cargo transportation. In addition, the author's definition of international cargo transportation is proposed, the need for further unification of legal regulation in the field of international cargo transportation is substantiated. Based on the results obtained, the following conclusions were made: international transportation of goods is the transportation of material assets using one or more modes of transport, in which the point of departure and the point of destination are located in the territories of different states, or the transportation is carried out in transit through the territory of a third state, provided that such transportation is regulated by the norms of international law and/or international agreements.

Keywords: international cargo transportation, cross-border transport, transport law, international law, unification of legislation, multimodal transport, transit transport, legal regulation, conflict norms, characteristics of international transportation

УДК 351.711, 334.021
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-132-135

Государственно-частное партнерство в ИТ-сфере: особенности распределения исключительных прав

Сергеева Н.В.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
и государственного муниципального управления
Московского государственного университета технологий
и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
доцент кафедры юриспруденции
Московского международного университета

Реализация государственно-частного партнерства (ГЧП) проектов по цифровизации государственного управления сопряжена с определенными проблемами и рисками. Сформированные ранее в смежных отраслях шаблоны и наработки в области ГЧП не эффективны, когда речь идет о цифровизации государственного управления. Вызывают интерес особенности развития института ГЧП при реализации ИТ-проектов в государственном секторе. Результаты изучения данного вопроса отражают проблемы и риски, которые становятся барьерами в развитии института ГЧП в ИТ-сфере. Практика преодоления данных проблем в России пока еще не наработана. Научная новизна работы представлена выявленными проблемами распределения исключительных прав на создаваемые в рамках ИТ-проектов объекты с применением механизмов ГЧП.

Ключевые слова: *публично-частное партнерство, государственно-частное партнерство, ИТ-проекты*

Для цитирования: *Сергеева Н.В. Государственно-частное партнерство в ИТ-сфере: особенности распределения исключительных прав // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 132–135. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-132-135.*

Внесение изменений в 2018 г. в Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 224-ФЗ), направленных на включение ИТ-сферы в перечень возможных объектов соглашений о государственно-частном партнерстве (далее – ГЧП), обусловило появление большого количества потенциальных проектов.

Объектом соглашений в ИТ-сфере могут стать:

1) программы для ЭВМ, базы данных, ГИС (государственные информационные системы), а также порталы. Важно отметить, что объектом соглашения не может быть простой перевод программы для ЭВМ с одного языка программирования на другой;

2) технические средства, связанные с объектами информационных технологий (здания, помещения или их части, технологически связанные с применением программ для ЭВМ, баз данных и т.п., обеспечивающих их функционирование).

Включение ИТ-сферы в перечень возможных объектов ГЧП сформировало окно возможностей для ускорения темпов цифровизации государственного управления как одного из федеральных проектов в рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ».

Вместе с тем, на наш взгляд, привлечение частного капитала в создание цифровой инфраструктуры государственного управления сопряжено с большими рисками, связанными с передачей исключительных прав владения и использования технических средств и создаваемых объектов информационных технологий [1].

Эксперты Национального центра ГЧП также указывают на проблему распределения исключительных прав на объект соглашения ГЧП у частного и публичного партнеров [2; 3]. Также распространенной ситуацией является отсутствие у частного партнера исключительных прав на технические средства, обеспечивающие функционирование объектов информационных технологий [4]. Особенно остро стоит проблема, когда соглашение заключается с органом государственной власти субъекта РФ, а технические средства должны быть размещены в помещении (здании) муниципального учреждения, учредителем которого является орган местного самоуправления [5; 3].

Законодательство РФ допускает использование различных форм публично-частного партнерства и форм, близких к нему, что формирует достаточно большие возможности для частного инвестора [1; 6]. По данным портала Росинфра, можно судить о сложившейся практике и выборе правовой формы соглашения между частным и публичным партнерами. В ИТ-сфере по всем проектам на долю соглашений о ГЧП приходится 34,4 %, на концессии – 35,4 %, еще 26 % занимают формы, близкие к ГЧП. Однако в государственном управлении на первом месте с существенным отрывом стоят концессии (53,8 % представленных в группе проектов), на соглашения о ГЧП и иные формы приходится по 15,4 %, остальные проекты находятся на стадии определения правовой модели [1].

Федеральный закон № 224-ФЗ включает отдельные положения, направленные на регулирование отношений, возникающих при заключении соглашения о ГЧП в ИТ-сфере (табл. 1).

Соответственно, права на интеллектуальную собственность (созданный или модифицированный объект соглашения) при заключении соглашения о государственно-частном партнерстве остаются у частного партнера, что ведет к появлению политических и технических рисков, связанных с необходимостью обеспечения национальной, информационной безопасности, технологического и цифрового суверенитета Российской Федерации.

Концессионное соглашение характеризуется более жесткими ограничениями в вопросах использования передаваемого государственного имущества или создаваемого объекта.

Участие государственных корпораций, компаний и учреждений в качестве частного партнера, с одной стороны, снижает уровень таких рисков за счет контроля со стороны государства как учредителя или акционера (собственника), но, с другой стороны, ведет к усилению роли и значимости указанных организаций, в руках которых сосредотачиваются рычаги давления и ресурсы управления операционными процессами в системе публичного администрирования. Также следует отметить, что в этом случае речь уже идет, по сути, о бюджетных инвестициях.

Следует отметить также, что в дополнение к указанным выше рискам возникает масса проблем, связанных с модификацией уже функционирующих объектов информационных технологий. Так, объект соглашения о ГЧП может состоять из объекта информационных технологий и(или) технических средств, обеспечивающих функционирование первых. При этом составные элементы, входящие в объект соглашения, могут создаваться или модифицироваться частным партнером по условиям соглашения. То есть еще на этапе планирования и подготовки проектного предложения возникает проблема с определением объекта соглашения, так как по законодательству РФ публичный партнер

Таблица 1

Сравнительная характеристика концессий и соглашений о ГЧП в вопросе распределения имущественных прав на объект соглашения [6]

Критерий сравнения	Концессионное соглашение	Соглашение о государственно-частном партнерстве
Стороны	Концедент – органы публичной власти от лица РФ; концессионер – частный инвестор	Публичный партнер, частный партнер
Исключительное право на объекты в ИТ в составе объекта соглашения	Принадлежит концеденту, концессионеру и третьим лицам может принадлежать только часть исключительных прав	Принадлежит частному партнеру. Соглашением может быть предусмотрено отчуждение исключительных прав в пользу публичного партнера
Право собственности на технические средства в составе объекта соглашения	Принадлежит концеденту	Принадлежит частному партнеру. Соглашением может предусматриваться передача в собственность публичного партнера
Случаи отчуждения прав публичной стороне	Нет	Если объем финансирования публичным партнером создания объекта или рыночная стоимость передаваемых прав от публичного партнера на объект превышают объем финансирования создания объекта частным партнером, то исключительные права и право собственности отчуждаются в пользу публичного партнера

должен обеспечить возникновение исключительного права на технические средства, связанные с объектом соглашения и модифицируемые в рамках создания объекта соглашения. В ситуации, когда такие права принадлежат третьим лицам, публичный партнер должен приобрести технические средства (рис. 1), что также представляет проблему, связанную уже с планированием расходов бюджета, проведением процедуры закупки в соответствии с требованиями Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» или разграничения имущества между административно-территориальными образованиями. В противном случае принимается решение о невозможности заключения соглашения о государственно-частном партнерстве.

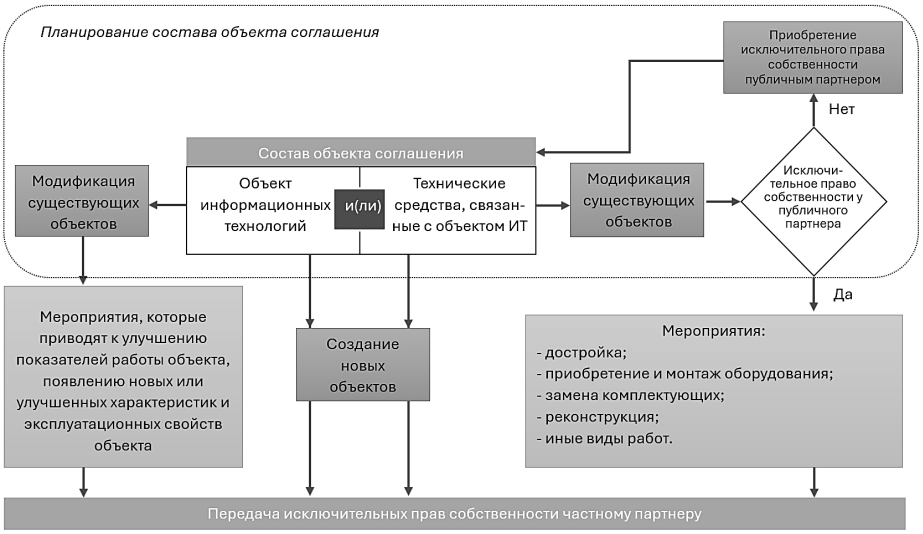

Рис. 1. Трансформация прав собственности на объект соглашения о ГЧП в ИТ-сфере

Также законодатель указывает, что в ситуации, когда функционирующие объекты информационных технологий обременены правами третьих лиц, соглашение должно предусматривать согласованный порядок совместного пользования таких объектов.

Таким образом, реализация указанных в законе положений создает для публичного партнера пул проблем, связанных с имущественными правами и рисками. Приведенная статистика указывает, что органы публичной власти предпочитают использовать концессионное соглашение, существенно ограничивающее права частного партнера на создаваемый объект, или иные формы договоров, близких к ГЧП.

Видим, что в России еще не сформирована практика регулирования отношений по передаче исключительных прав владения на объекты интеллектуальной собственности в ИТ-сфере при заключении соглашений о ГЧП.

Литература:

1. Сергеева Н.В., Андрияшина А.А., Попов А.А., Самусев М.А. Различные формы государственно-частного партнерства в России: преимущества и недостатки // Муниципальная академия. 2024. № 2. С. 392–399.
2. Зотов В.Б., Базиян К.Н. Проблемы развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 6. С. 25–27.
3. ГЧП в ИТ: инструкция по применению. URL: https://rosinfra.ru/library/gcp-v-it-instrukcia-po-primeneniu
4. Макаров И.Н., Колесников В.В. Спецификация прав собственности как экономической основы эффективного развития национальной промышленности на основе государственно-частного партнерства // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 1(35). С. 35–39.
5. Зимин Р.О. Государственно-частное партнерство: сравнительная характеристика различных форм // Виттевские чтения – 2024: Материалы XXIV межд. конгресса молодой науки, Москва, 26 апреля 2024 г. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. С. 1151–1154.
6. Сигалов К.Е., Чувальникова А.С. Позитивная ответственность в праве: поиск концептуальных оснований построения конструктивной модели государственно-частного партнерства // Юрист. 2016. № 22. С. 41–46.
7. Соболь Т.С. Государственно-частное партнерство как инструмент повышения инвестиционной привлекательности региона (на примере Московской области) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32. № 5. С. 854–861.

Public-Private Partnership in the IT Sector: Features of the Distribution of Exclusive Rights

Sergeeva N.V.
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University),
Moscow International University

The implementation of public-private partnership (PPP) projects for the digitalization of public administration is associated with certain problems and risks. Templates and developments in the field of PPP previously formed in related industries are not effective when it comes to the digitalization of public administration. The peculiarities of the development of the PPP institution in the implementation of IT projects in the public sector are of interest. The results of studying this issue reflect the problems and risks that become barriers to the development of the PPP institution in the IT sector. The practice of overcoming these problems in Russia has not yet been developed.

Keywords: public-private partnership, public-private partnership, IT projects

УДК 343.9.01:930.85
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-136-140

Генезис уголовно-правовых запретов

Скоробогатов А.В.
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Рыбушкин Н.Н.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена исследованию генезиса уголовно-правовых запретов в аксиологическом измерении. Актуальность определяется значением уголовно-правовых запретов в обеспечении национальной безопасности, законности и правопорядка в России. Цель статьи заключается в комплексном исследовании генезиса уголовно-правового запрета как средства правового регулирования общественных отношений в историческом и социокультурном контекстах. На основе адаптации теории культурной криминологии Дж. Фаррела к изучению формирования и функционирования первичных запретов сделан вывод, что генезис уголовно-правовых запретов происходил в процессе социокультурной эволюции и был детерминирован ценностными установками общественного сознания.

Ключевые слова: *уголовно-правовой запрет, запрещающая норма, аксиология права, правообразование, правовая культура, мононорма, культурная криминология*

Для цитирования: *Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Генезис уголовно-правовых запретов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 136–140. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-136-140.*

Транзитивный характер правовой реальности России, большая роль в организации и функционировании правовой системы общества и организации правовой жизни граждан архетипов обуславливает необходимость ретроспективных правовых исследований не только догматической, но и социально-культурной направленности. Одним из направлений таких исследований является изучение уголовно-правового запрета как средства правового регулирования общественных отношений и способа воздействия на сознание и поведение субъектов права, направленное на формирование ценностных установок правомерного поведения и эффективной правовой коммуникации в социуме не только в современных условиях, но и в темпоральном аспекте. Прежде всего, речь идет об изучении генезиса уголовно-правовых запретов, трансформации первоначальных социальных запретительных правил в юридические запреты. Такой подход позволяет выявить интенциональность правообразования и экспликацию в этом процессе не только социальных потребностей, но и интересов отдельного человека.

Методологически статья основана на идеях культурной криминологии, сформулированных

Дж. Фаррелом, в соответствии с которыми смысл преступных деяний и противодействия им определяется культурной динамикой [1, p. 1–24]. Это позволяет исследовать проблемы уголовно-правовых запретов не только в телеологическом контексте обеспечения правопорядка, но и с позиций экспликации в уголовно-правовой политике социокультурной интенциональности.

Регулирование взаимодействий между людьми с самого начала обособления человека от животного мира включало в себя социальный аспект, связанный с тем, что любое действие не только затрагивало индивидуальные интересы, но и касалось коллективных потребностей, влияя на формирование, развитие и функционирование символического порядка, который был эксплицирован в культуре общества.

Формируемая при этом ценностно-нормативная система была направлена не только на борьбу с силами природы и выживание человека во враждебном мире, но и способствовала организации социальной, а затем и правовой коммуникации в социуме, обеспечивая максимально возможное бесконфликтное сосуществование, конструктивное взаимодействие отдельных лиц и эффективное развитие общества в целом. Результатом социальных практик стало появление специфических культурных идиом, находящих выражение в коллективных верованиях, мифах, ритуалах, законах, обычаях, правилах брака, определенных модальностях экономического обмена, формах производства и потребления, формах вежливости и т.д., деконструкция которых позволяет выявить роль культуры как когнитивно-оценочной системы в правообразовании. Структурируя реальность, культура подчиняет ее логической системе форм. Удовлетворение даже биологических потребностей человека одновременно означает конструирование социального мира, в котором эти потребности могут быть удовлетворены. Минимальная стандартность, предсказуемость, надежность и общая понятность поведения окружающих давала каждому человеку определенную гарантию безопасности.

Определяющую роль в этой стандартизации принадлежала запретам, которые в условиях господства мононормативки носили недифференцированный характер [2]. С одной стороны, это не позволяет не только разграничить моральные, религиозные, правовые и иные запреты, но и провести демаркацию запретительных норм по отраслевой принадлежности. С другой стороны, смысл, содержание и значение в регулировании социальных взаимодействий первоначальных запретов позволяет их рассматривать именно в контексте генезиса уголовно-правовых норм.

При этом необходимо учитывать, что смысл запрета носит не универсальный, а тем более объективный характер; его сущность определяется уровнем социокультурного развития общества и господствующей системой правовых ценностей, являющейся конвенциональным результатом социального взаимодействия по поводу действий, которые направлены на достижение бесконфликтного и непротиворечивого сосуществования и сложились в процессе правовой коммуникации, эффективность которых апробирована опытом предков. Тем самым социокультурная среда формирует стереотипы правового поведения индивида и правового взаимодействия в социуме и обеспечивает их соблюдение на практике, ориентируя человека на то, что данные деяния являются наиболее правильным и единственно возможным вариантом поступков человека, способствующих как достижению его интересов, так и удовлетворению потребностей общества. Запрет в этом смысле выступает единым объектом, по отношению к которому устанавливается связь между субъектами, стремящимися реализовать свои разнонаправленные интересы [3, с. 232]. Целью социальной динамики при этом является достижение солидарности и недопущение хаоса и аномии.

Это позволяет избежать бинарности оппозиции категорий ситуативно/целенаправленно. С одной стороны, индивид в той или иной ситуации стремится выбрать вариант действий, который бы с минимальными затратами позволил максимально удовлетворить его потребности или преодолеть возможные негативные последствия. С другой стороны, смысл этих действий продиктован не только интересами человека, но и детерминирован его правовой культурой, содержание которой определяется его социальной идентификацией. Соблюдение социальных (правовых) запретов гарантировало индивиду вхождение в социум и его восприятие последним в качестве полноценного члена, выполняющего определенную социальную роль. С этим связано, например, соблюдение целого ряда запретов при прохождение обряда инициации, цель которой постепенно трансформировалась из исключительно социальной в сакральную [4]. В процессе инициации происходила не только проверка неофита на знание и соблюдение правил и навыков взаимодействия с другими лицами, обществом и окружающей действительностью, но и психологическая перестройка индивида [5], который осознавал свою принадлежность к социуму именно через соблюдение правил, прежде всего, запретительного характера, с одной стороны, и зависимость социального пространства от действий каждого человека – с другой. При этом личные качества человека не играли существенной роли. Он должен был совершить строго определенный набор действий, соблюдение порядка и содержания которых должно было подчеркнуть готовность индивида к стандартизации поведения и социальной коммуникации не только потенциально, но и реально.

По мере формирования социума была сконструирована система запретов, которая включала в себя: (1) табу на действия (например, на общение с представителями других племен, которые являются потенциальными носителями «негативной» магии, способной нанести вред тем, кто сталкивается с ней); (2) табу на отдельные категории людей (на вождей и правителей: на них запрещалось смотреть, что связано с изоляцией «богочеловека»; для женщин: отдельно отведенные места их пребывания); на убийц или палачей (социальная изоляция, поскольку души убитых преследовали их); (3) табу на предметы и вещи (на железо, на острое оружие, на кровь, на волосы или ногти при обрезании, на узлы или кольца); (4) табу на слова (запрет на собственные имена, на имена больных родственников или покойников) [6]. Хотя нарушение этих запретов предполагало нравственно-правовое наказание, вплоть до исключения человека из общества (изгнание, смертная казнь), их соблюдение обеспечивалось не только страхом, но и ценностными ориентирами сознания.

Первичные запреты, как и другие правила поведения, которые существовали в догосударственном обществе, не были навязаны сознанию человека извне, а с детских лет имелись в его сознании, памяти, воспринимались не как что-то ограничивающее, а как проявление собственных сил индивида, или то, что не противоречит его личным интересам. Человек не испытывал потребность отступать от этих правил, вести себя иначе, чем приписано обычаями общества, поскольку они были созданы в интересах всего коллектива.

Конструирование запретов, соблюдение которых и позволяет обеспечить безопасность социального (а впоследствии правового) взаимодействия, удовлетворение потребностей общества и интересов человека, с одной стороны, эксплицирует социальный контекст с учетом его генезиса и эволюции, а с другой – детерминирует нормативно-ценностную интенциональность пространственно-временного континуума.

Фундаментальные запреты обеспечивают стабильность, эффективность и безопасность социального развития и выступают как императивы исключения и классификационные принципы. Необходимо учитывать, что категории «плохого» или «преступного» имеют не столько естественную, биологическую природу, сколько выступают социальными конструктами. Запрет совершения каких-либо действий как «неправильных» детерминирован потребностями общества и артикулирует ограничение на совершение действий, которые противоречат системе социальных ценностей. Эти запреты устанавливают различия, которые делают возможными ценности, обмены и основные роли культурного порядка. В значительной степени это соответствует врожденной потребности человека минимизировать возможные варианты поведения [7, с. 231], в т.ч. ограничительного характера. Речь идет о конструировании специфичного симулякра социальной реальности – максимально беспробельного и бесколлизионного общественного порядка, в котором на каждый вопрос существует только один правильный ответ.

Однако для того, чтобы запреты могли обозначать границы культуры, они должны стать трансцендентными. Это может произойти только через их мифологизацию: недостаточно кодифицировать запрет, он должен быть социализирован на мифологическом языке. Именно этот дискурс посредством своей институционализации и пенализации формирует фиксированные рамки, способные организовать действие, интерпретацию и аффекты субъектов, к которым он обращается. При этом конструируется историко-правовой нарратив, для которого характерно, с одной стороны, темпоральное отношение к прошлому, из которого выбираются лишь те факты, события и действия человека, которые имели позитивный результат и способствовали эффективной правовой и социальной коммуникации и обеспечению безопасности общества, с другой – отсылка к авторитету предков, в действиях которых данные деяния прошли апробацию, имеет сакральный характер. Тем самым историко-правовая реальность приобретает черты универсума, в котором четко определены социальные роли каждого индивида в соответствии с его биологической природой и потребностями общества. Эти роли включают в себя набор целесообразных действий казуальной интенциональности, на первое место среди которых выступают запреты, определяющие содержание правового нарратива [8, с. 73].

Соблюдение таких запретов было детерминировано не только социальной демаркацией разрешенных действий индивида, но и его убеждением в том, что данные действия являются единственно возможным и наиболее правильным вариантом поведения, необходимым условием эффективного правового взаимодействия и безопасности общества. Формирование подобных ценностных установок осуществлялось в процессе не только первичной, но и вторичной правовой социализации. Участвуя в социальных практиках индивид получал информацию, что в той или иной ситуации признаются, поощряются и являются необходимыми именно те действия, знания о которых он получил в ходе первичной социализации и которые были апробированы социальным опытом предыдущих поколений.

В этом смысле именно первичные фундаментальные запреты можно считать одной из определяющих черт, отличающих человека от животного. Если для животного мира запреты продиктованы исключительно биологическими факторами, то для человека на первое место выступают социальные

потребности, которым подчинены интересы отдельного человека, в т.ч. биологического характера. Преодоление рецидивов «зоологического индивидуализма» происходило в процессе правовой социализации.

Легальность первичных запретов обеспечивалась не только их признанием и(или) установлением социумом, но и трансляцией правовой информации о запретах в процессе первичной правовой социализации. Освоение данной информации и формирование на ее основе ценностных установок проверялась в ходе инициации. Однако процесс освоения запретов носил открытый характер и продолжался во взрослом состоянии человека, хотя вторичная правовая социализация носила более избирательный характер и была детерминирована социальной ролью индивида [9].

Легитимность запретов была детерминирована их сакральным статусом как правил, опосредованных опытом предков и в силу этого определяющих бытие человека и общества в правовой реальности. С одной стороны, историко-правовой характер конструирования запретов подчеркивал участие в этом процессе большинства членов социума и их соответствие потребностям сообщества. С другой стороны, признание этих запретов и их восприятие в качестве ценностных установок сознания и поведения, а также совершение действий, на них основанных, должно было означать социальную идентификацию человека.

Таким образом, генезис уголовно-правовых запретов происходил в процессе социокультурной эволюции и был детерминирован ценностными установками коллективного сознания. Освоение правовой информации о смысле, содержании и значении запретов в организации социального пространства, обеспечении правопорядка и безопасности происходило в процессе правовой социализации, благодаря которой осуществлялась социальная идентификация человека и нивелировалась бинарность оппозиции ситуативно/целенаправленно в его действиях. Соблюдение запретов обеспечивалось ценностными установками человека, что данные действия являются единственно возможным и наиболее целесообразным вариантом поведения, обеспечивающим эффективное развитие и функционирование общества, членом которого он является.

Литература:

1. Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology: An Invitation. London: Sage, 2008. 240 p.
2. Муромцев Г.И. Мононорма как стадия становления права // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 93–96.
3. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы: моногр. СПб.: Алетейя, 2015. 448 с.
4. Головко А.В. Инициация как ритуальная практика // Система ценностей современного общества. 2016. № 46. С. 13–18.
5. Филиппов Ю.В., Фирсова А.М. Юношеская возрастная инициация в структуре социальной самоидентификации личности // Мир психологии. 2005. № 3(43). С. 90–103.
6. Bauman Z. Culture as Praxis. London: Sage, 1999. 148 p.
7. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 736 с.
8. Ломакина И.Б. Глава 4. Значение нарратива в формировании символического правового универсума // Право и нарративы: моногр. / Под общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. М.: Проспект, 2022. С. 66–74.
9. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Вторичная правовая социализация как средство освоения правовых ценностей // История государства и права. 2018. № 2. С. 65–70. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-2-65-70.

Genesis of Criminal Prohibitions

Skorobogatov A.V.
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
Rybushkin N.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the study of the genesis of criminal prohibitions in an axiological context. The relevance of the article is determined by the significance of criminal prohibitions in ensuring national security, law and order in Russia. The purpose of the article is to comprehensively study the genesis of the

criminal prohibition as a means of legal regulation of social relations in the historical and sociocultural context. Based on the adaptation of the theory of cultural criminology by J. Farrell to the study of the formation and functioning of primary prohibitions, the article concludes that the genesis of criminal prohibitions occurred in the process of sociocultural evolution and was determined by the value systems of public consciousness.

Keywords: criminal prohibition, prohibitory norm, axiology of law, formation of law, law culture, mononorm, cultural criminology

УДК 343.34
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-141-145

Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)

Фатихов Б.Р.
Аспирант юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Относительно недавно в уголовное законодательство РФ была введена новая норма (ст. 210.1), предусматривающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. В доктрине отсутствует однозначный подход к его толкованию, а некоторые ученые вовсе критикуют законодательную модель описания данного преступления. Цель исследования заключается в подробном раскрытии объективных и субъективных признаков рассматриваемого состава преступления, которая достигается путем решения таких задач, как определение семантического значения слова «занятие» и его интерпретация в ст. 210.1 УК РФ, раскрытие содержания статуса «высшее положение в преступной иерархии». Автор, опираясь на сложившуюся судебную практику, дает уголовно-правовую характеристику анализируемого состава преступления, а также оценивает качество его юридической техники.

Ключевые слова: *высшее положение в преступной иерархии, преступное сообщество, организованная группа, длящееся преступление, действие уголовного закона во времени, организация преступного сообщества, руководство преступным сообществом*

Для цитирования: *Фатихов Б.Р. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 141–145. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-141-145.*

Введение в УК РФ нормы, устанавливающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, является серьезным ходом законодателя в усилении давления на организованную преступность. Целесообразность принятия Федерального закона от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» очевидна, поскольку криминальные лидеры преступного мира участвуют в совершении преступления, как правило, посредством использования подчиненных им лиц, оставаясь незамеченными в поле зрения правоохранительных органов. До введения изменений в уголовное законодательство юридический термин «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» уже использовался как специальный субъект преступления, предусмотренного в ч. 4 ст. 210 УК РФ. Однако само лидерство не находило в себе признаки преступления.

В научной литературе ученые отстаивают различные позиции относительно законодательной формулы ст. 210.1 УК РФ. Характеризуя объективную сторону исследуемого состава преступления, они вкладывают различный смысл в термин «занятие». Дискуссии по этому вопросу имеют прикладное значение.

Лексическое значение слова «занятие» имеет двойственную природу, что и позволило специалистам в доктрине толковать его по-разному. Согласно «Толковому словарю» Т.Ф. Ефремовой, оно озна-

чает: 1) процесс действия по гл. занимать, занять; 2) результат такого действия; то, чем занимается кто-либо; труд, дело, работа [1, с. 8].

Ряд авторов исходит из того, что «занятие» представляет собой конечный результат деятельности, то есть преступление является оконченным с момента приобретения лицом статуса [2, с. 55; 3, с. 163]. Другие полагают, что состав преступления, предусмотренный в ст. 210.1 УК РФ, сконструирован как процесс, в ходе которого лицо именно занимает высшее положение в преступной иерархии [4, с. 45; 5, с. 95].

Отметим, что правоприменительная практика признает преступление, предусмотренное в ст. 210.1 УК РФ, длящимся по своему характеру. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев кассационную жалобу А.Г. Окунева, осужденного по ст. 210.1 УК РФ, и его защитника, пришла к выводу о том, что довод о вменении в вину деяния, не являвшего преступным на момент его совершения, не может быть принят во внимание. Виновный, который был «коронован» в 1994 г., продолжил использовать статус «вора в законе» и после вступления в силу нормы, устанавливающий преступность занятия высшего положения в преступной иерархии [6].

На наш взгляд, судебная практика находится на верном пути. В Пояснительной записке к законопроекту в качестве одного из аргументов введения ст. 210.1 в УК РФ сказано, что «уголовная ответственность за сам факт лидерства такого лица в преступной иерархии не предусмотрена» [7]. Ключевой фразой в этой выдержке является «факт лидерства». Следовательно, сотрудников правоохранительных органов должен интересовать не столько момент наделения лицом высшего статуса в преступной иерархии (хотя его установление обязательно), сколько его положение в текущий момент.

Так, соглашаясь с надлежащей оценкой обстоятельств, полученной в апелляционном определении, Судебная коллегия Верховного Суда РФ в кассационном определении Верховного Суда РФ № 57-УД22-10-А1 указывает, что состав преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, является формальным, и оно будет считаться оконченным в момент занятия лицом высшего положения в преступной иерархии [8].

Следовательно, в судебной практике четко прослеживается мысль о том, что для уголовно-правовой квалификации преступление, предусмотренное ст. 210.1, является оконченным не с момента занятия высшего положения, а в момент его текущего занятия.

Что касается фактического окончания его совершения как длящегося преступления, вопрос остается открытым, требующим детального изучения. В кассационном определении № 20-УД22-6-А3 суд, признавая состав преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, длящимся, определяет момент его окончания задержанием лица или прекращением занятия высшего положения в преступной иерархии [9].

На наш взгляд, момент фактического окончания его совершения вряд ли можно связывать с задержанием лица, поскольку данная мера процессуального принуждения не влечет автоматического лишения высшего статуса в преступной иерархии. Хотя выполнение некоторых действий, свойственных высшему положению в криминальной среде, существенно ограничивается. Лицо, привлеченное к уголовной ответственности, не может полноценно контролировать все направления в криминальной деятельности на воле. Происходит постепенное умаление его преступного влияния на определенной территории.

В доктрине некоторые ученые считают, что в ст. 210.1 УК РФ основанием уголовной ответственности указан статус лица. В.В. Бычков придерживается мнения, что объективная сторона исследуемого состава преступления выражена в статусе лица [10, с. 28]. М.Л. Прохорова и Л.А. Прохоров пишет, что «это преступление, в конструкции состава которого отсутствует объективная сторона» [11, с. 290], что является спорным. В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков оправдывают криминализацию статуса лица [12, с. 467].

На наш взгляд, чтобы раскрыть объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, необходимо её расширительное толкование. Обретение высокого статуса в криминальной среде не остается бесследным, поскольку обременяет лицо определенными обязанностями, невыполнение которых может привести к лишению его титула. Юридическим содержанием деятельной стороны ст. 210.1 является осуществление действий (бездействий), свойственных высшему статусу в преступной иерархии, после вступления в силу исследуемой нормы [13]. При этом лицо может быть наделено высшим статусом в криминальной среде и до вступления в силу ст. 210.1 УК РФ.

Перед тем как проанализировать материалы уголовных дел для получения ответа на вопрос, в чем же именно выражается использование лицом своего высшего положения в криминальной деятельности, отобразим статистику количества осужденных лиц по ст. 210.1 УК РФ, основываясь на данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ: 2019 г. – 0 чел.; 2020 г. – 0 чел.; 2021 г. – 8 чел.; 2022 г. – 20 чел.; I полугодие 2023 г. – 16 чел. [14].

Системное исследование судебных решений по ст. 210.1 УК РФ позволяет определить следующие признаки занятия высшего положения в преступной иерархии [6; 15–22]:

– проведение неформальной процедуры наделения лица высшим статусом в преступной иерархии;

– наличие статуса «вора в законе» или «положенца»;

– авторитетное влияние в преступной среде на уровне субъекта РФ или выше;

– разрешение конфликтов между преступными сообществами, внутри них, между участниками разных организованных преступных формирований, между судимыми или иными лицами;

– контролирование «общака» (общей преступной кассы), а также поступления в него денежных средств;

– безукоризненное соблюдение правил, обычев и традиций в криминальном мире и их распространение;

– морганизация воровских сходок для решения организационно-распорядительных, иных регулирующих и дисциплинарных вопросов, позволяющих контролировать различные направления криминальной деятельности;

– ведение «черного хода» в исправительных учреждениях, то есть установление порядков воровского мира;

– по прибытии в СИЗО заявление о своем статусе путем организации воровского «прогона» (передача письменных сообщений путем налаживания связи между камерами) для подчинения себе лиц, имеющих криминальный статус на более низких уровнях;

– обширные связи с влиятельными представителями воровского мира и установление новых;

– наличие татуировок, являющихся достоянием криминальных авторитетов;

– назначение «смотрящих» в исправительных учреждениях или на определенной местности.

Стоит отметить, что для вменения лицу состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, нет необходимости получения подтверждения им своего высшего статуса в преступной иерархии, поскольку в настоящее время криминальным сообществом разрешено отрицать его наличие [21].

В уголовном законодательстве сконструирован квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 210 УК РФ, специальным субъектом которого выступает лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. Как он соотносится со ст. 210.1 УК РФ?

Уголовная ответственность по ч. 4 ст. 210 УК РФ наступает за совершение любого из перечисленных ниже преступных деяний:

1) создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений (ч. 1 ст. 210);

2) руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями (ч. 1 ст. 210);

3) координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами (ч. 1 ст. 210);

4) участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 210 УК РФ (ч. 1.1 ст. 210).

Мы видим, что существует отчасти совпадение объективной стороны ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Полагаем, что они соотносятся как специальная и общая норма. Для предъявления обвинения в занятии высшего статуса в преступной иерархии достаточно установить выполнение лицом свойственных такому положению действий (бездействий). Для привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ необходимо помимо этого собрать доказательства, подтверждающие совершение этим лицом одного из преступных деяний, предусмотренных ч. 1 или ч. 1.1 ст. 210 УК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что состав преступления, предусмотренный ст. 210.1 УК РФ, является длящимся по своему характеру и считается оконченным преступлением не с момента занятия высшего положения, а в момент его текущего занятия, которое выражается в выполнении функций, свойственных высшему статусу в преступной иерархии. На наш взгляд, диспозиция ст. 210.1 УК РФ изложена законодателем с соблюдением правил юридической техники. Вместе с тем необходимо принимать во внимание его расширительное толкование и учитывать, что юридическим содержанием занятия высшего положения в преступной иерархии является осуществление действий (бездействий), свойственных высшему статусу в преступной иерархии, после вступления в силу исследуемой нормы.

Литература:

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1054 с.
2. Иванчин А.В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью: критический анализ актуальных инициатив // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (48). С. 54–58.

3. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 1 УК РФ) // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 159–170.
4. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 43–48.
5. Стукалова Т.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103) Ч. 4. С. 93–97.
6. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 4-УД22-53-А1. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2191812 (дата обращения: 03.02.2024).
7. Пояснительная записка к законопроекту № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7#bh_histras (дата обращения: 03.02.2024).
8. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 сентября 2022 г. № 57-УД22-10-А1. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2158998 (дата обращения: 03.02.2024).
9. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 августа 2022 г. № 20-УД22-6АЗ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2155414 (дата обращения: 03.02.2024).
10. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 28.
11. Прохорова М.Л., Прохоров Л.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: эволюция уголовно-правового «статуса» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 289–292.
12. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 465–476. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).465-476.
13. Кассационное определение Суда Российской Федерации от 27 сентября 2023 г. № 35-УД23-17-А1. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2291202 (дата обращения: 03.02.2024).
14. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ (Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России – Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации). URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 03.02.2024).
15. Апелляционный приговор Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 2 июня 2021 г. № 55-357/2021. URL: https://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1843761&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 03.02.2024).
16. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 января 2022 г. № 55-1820/2021. URL: https://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2165646&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 03.02.2024).
17. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2022 г. № 32-УД22-9-А4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2138650 (дата обращения: 03.02.2024).
18. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2022 г. № 5-УД22-82-А1. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2145538 (дата обращения: 03.02.2024).
19. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2022 г. № 11-УД22-34-А4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2161976 (дата обращения: 03.02.2024).
20. Приговор Верховного Суда Чувашской Республики от 28 декабря 2021 г. № 2-7/2021 // Архив Верховного Суда Чувашской Республики.
21. Приговор Нижегородского областного суда от 26 мая 2021 года № 2-3/2021. URL: https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=5329637&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.02.2024).
22. Приговор Саратовского областного суда от 1 июня 2021 года № 2-2/ 2021. URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=10524295&case_uid=32bbee98-3de6-4dce-8109-1df5a48a2b11&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.02.2024).

Occupation of the Highest Position in the Criminal Hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Fatykhov B.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

Relatively recently, a new norm was introduced into the criminal legislation of the Russian Federation (Article 210.1), providing for responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy. The doctrine lacks an unambiguous approach to its interpretation, and some scientists even criticize the legislative model of describing this crime. The purpose of the study is to disclose in detail the objective and subjective features of the considered corpus delicti, which is achieved by solving such tasks as determining the semantic meaning of the word «occupation» and its interpretation in art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, revealing the content of the status of «the highest position in the criminal hierarchy». The author, based on the established judicial practice, gives a criminal-legal description of the analyzed corpus delicti, as well as evaluates the quality of its legal technique.

Keywords: the highest position in the criminal hierarchy, criminal community, organized group, ongoing crime, the operation of criminal law in time, organization of a criminal community, leadership of a criminal community

УДК 342.553
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-146-149

Защита прав муниципальных образований как собственников имущества

Хазиев А.Р.
Аспирант кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Защита прав муниципальных образований, являющихся собственниками имущества, играет важную роль на муниципальном уровне власти в связи с тем, что, например, при распоряжении объектами собственности могут возникнуть различные правовые споры, касающиеся их аренды или продажи. Цель исследования заключается в определении цели использования муниципального имущества, исходя из выявленных критериев. К задачам относится анализ норм российского законодательства, связанного с защитой прав муниципальных образований, и обозначение ряда ключевых проблем по рассматриваемому автором вопросу.

Практическая значимость статьи определяется тем, что при помощи защиты прав муниципальных образований на практике возможно эффективно урегулировать правовые споры, в том числе при помощи предложений, обозначенных автором.

Основными результатами исследования являются: обозначение возможных путей решения и внесение предложений по усовершенствованию российского законодательства на муниципальном уровне власти.

Ключевые слова: *муниципальное образование, органы местного самоуправления, защита прав муниципалитетов, собственник, имущество*

Для цитирования: *Хазиев А.Р. Защита прав муниципальных образований как собственников имущества // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 146–149. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-146-149.*

Муниципальные образования, будучи субъектами как частно-правовых, так и публично-правовых отношений, одновременно выступают собственниками различного рода объектов от хозяйственно-бытового назначения до культурно-массовых центров, строящихся на территории муниципального образования.

В зависимости от вида правоотношений муниципальные образования наделяются различными полномочиями по решению вопросов, связанных с владением, пользованием и распоряжением муниципальным имуществом. При этом отметим, что вне зависимости от того, в какие правовые отношения вступает муниципальное образование, важную роль играет правовая охрана.

В данной статье хотелось бы акцентировать внимание на правовой охране муниципальных образований как собственников принадлежащего им имущества, обозначить важные критерии, определяющие как правовые риски, так и прибыль получаемую, например, от сдачи имущества в аренду в качестве дополнительного дохода в местный бюджет муниципального образования.

Для более углубленного изучения и анализа обозначенной проблематики необходимо детально исследовать нормативно-правовое регулирование, теоретический и практический аспекты, выявить актуальные проблемы, возникающие в ходе заключения договоров, в том числе в рамках межмуниципального сотрудничества, обозначить пути их

возможного разрешения и осуществить попытку по внесению изменений в российское законодательство относительно поставленного вопроса.

Г.А. Гаджиев подчеркивает, что «...собственность как общественные отношения нуждается в государственной защите, идея о которой находит свое формальное отражение в конституционных нормах, образуя впоследствии одну из основ конституционного строя...» [1, с. 30].

В конституционных нормах сформулировано, что собственность в Российской Федерации разделена на государственную, муниципальную и частную [2].

Органы местного самоуправления в случае нарушения прав муниципальных образований имеют право обратиться в судебный орган власти с исковым заявлением в защиту как имущественных и иных прав, так и в защиту законных интересов муниципалитетов. Финансирование, относящееся к сфере защиты прав муниципальных образований, происходит за счет средств субъекта Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что при вышеуказанном обращении данные субъекты права освобождаются от уплаты государственной пошлины [1].

В гражданском законодательстве закреплена норма о том, что органы местного самоуправления от имени муниципальных образований могут приобретать и осуществлять свои имущественные, а также личные неимущественные права и обязанности в рамках их компетенции, формально отраженные в актах, в которых определен статус данных органов [3].

С.Н. Бледный и А.Л. Шиловская отмечают, что имущество, находящееся на территории муниципального образования, является его собственностью и составляет один из элементов экономической основы местного самоуправления [2, с. 40].

Возможность иметь имущество в муниципальной собственности обусловлена вопросами местного значения, для решения которых оно используется, отдельными государственными полномочиями, для осуществления которых оно передано, и полномочиями, осуществление которых предусмотрено федеральными законами.

Возможность иметь в собственности имущество на муниципальном уровне обусловлена решением вопросов местного значения в рамках выполнения отдельных государственных полномочий, для осуществления которых оно было передано, или вопросов, определенных в нормах федеральных законов [1, с. 31–32].

«...С заявлением об оспаривании нормативного правового акта, в том числе принятого референдумом субъекта Российской Федерации или местным референдумом, в суд могут обратиться органы местного самоуправления, считающие, что принятый правовой акт не соответствует иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, нарушает их компетенцию или права, свободы и законные интересы граждан, организаций, иных лиц...» [4].

Проанализировав нормативно-правовое регулирование исследуемой проблематики, считаем необходимым остановить свое внимание на ключевых критериях, позволяющих определить цель использования муниципального имущества без вреда для последнего.

Когда речь идет о муниципальном имуществе, использующемся для решения вопросов местного значения, важно понимать цель его применения на практике. Как правило, этим имуществом являются дошкольные и школьные учреждения, детские сады, больницы, поликлиники и т.д., где необходимо эффективно решать насущные проблемы и защищать права населения в случае их нарушения.

Распоряжение муниципальным имуществом, не связанное с вопросами местного значения, может осуществляться в виде предоставления гражданам жилых помещений на основе договора найма. В случае наступления неблагоприятных последствий для собственника – муниципального образования физическое лицо, которое заключило договор, обязано будет возместить причиненный ущерб в досудебном или судебном порядке. Данное положение также необходимо формально закрепить для защиты прав муниципального образования.

Изучив основополагающие вопросы, связанные с защитой прав муниципальных образований как собственников имущества, считаем необходимым отметить ряд ключевых проблем, возникающих на муниципальном уровне власти:

1. В нормах Федерального закона от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее – ФЗ № 178-ФЗ) не установлена юридическая ответственность для субъектов права, нарушающих право использования муниципального имущества. Данный факт свидетельствует о правовой неурегулированности обозначенной в проводимом исследовании проблематики;

2. Межмуниципальное сотрудничество, осуществляемое органами местного самоуправления, не обозначает критерии взаимодействия по использованию муниципального имущества и распоряжению им, тем самым создавая правовые споры в рамках заключаемых договоров или соглашений;

3. Передача муниципального имущества арендаторам может повлечь за собой не только положительные (прибыль), но и неблагоприятные аспекты – возгорание вследствие пожара или поджога, наводнение в силу нахождения вблизи водных объектов, иные природные катаклизмы, влекущие за собой колоссальный ущерб, требующий дополнительных финансовых вложений ввиду необходимости проведения капитального ремонта поврежденного имущества.

Исходя из обозначенных, на наш взгляд, ключевых проблем, видится необходимым предложение возможных путей их решения.

Внести в нормы Федерального закона № 178-ФЗ гл. 7.1, назвав ее следующим образом: «Ответственность физических и юридических лиц за незаконное использование муниципальной собственности, предоставляемой в порядке аренды». В рамках данной главы в зависимости от того, какой субъект является арендатором, определить обязанности в случае, например, незаконного использования, а также меры государственного принуждения в виде юридической ответственности за нарушение условий договора аренды обеими его сторонами.

Межмуниципальное сотрудничество предполагает создание единых общероссийских объединений в целях защиты общих интересов муниципалитетов. Однако, в Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не урегулирован вопрос передачи муниципального имущества в аренду. В связи с этим предлагаем внести ст. 8.1 указанного федерального закона «Аренда муниципального имущества в рамках межмуниципального сотрудничества», определив в ней, что субъекты правоотношений, желающие арендовать недвижимое муниципальное имущество, в рамках межмуниципального сотрудничества могут заключить договор или соглашение на определенный в них срок с целью осуществления предпринимательской или иной хозяйственной деятельности.

Подводя итог изложенному выше, подчеркнем, что вопросы защиты прав муниципальных образований не потеряют своей актуальности ввиду того, что муниципальная собственность составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, а также по причине наличия ряда актуальных вопросов, требующих урегулирования как на федеральном, так и на муниципальном уровнях власти для эффективного функционирования и развития муниципалитетов.

Литература:

1. Гаджиев Г.А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 30–41.
2. Бледный С.Н., Шиловская А.Л. Владение, пользование и распоряжение муниципальным недвижимым имуществом // Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности. Сб. докладов и материалов 2-й Межд. науч.-практ. конф. М.: Моск. гос. академия коммунального хозяйства и строительства, Центральный научно-исследовательский институт экономики и управления в строительстве. 2012. С. 40–48.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.
5. Конституция Российской Федерации, принята на всенародном референдуме 12.12.1993 г. [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации, www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2022).
6. Федеральный закон от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (ред. от 14.02.2024) // СЗРФ. 2002. № 4. Ст. 251.

On the Issue of the Role of Legal Protection of Municipalities

Khaziev A.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

Protection of the rights of municipalities that own property plays an important role at the municipal level of government due to the fact that, for example, when disposing of property, various legal disputes may arise regarding their rental or sale. The purpose of the study is to determine the purpose of using municipal property based on the identified criteria. The objectives of the study include an analysis of the norms of Russian legislation related to the protection of the rights of municipalities and the identification of a number of key problems on the issue considered by the author.

The practical significance of the study lies in the fact that with the help of protecting the rights of municipalities, in practice it is possible to effectively resolve legal disputes, including with the help of proposals outlined by the author.

The main results of the study are the identification of possible solutions and the introduction of some proposals for improving Russian legislation at the municipal level of government.

Keywords: municipality, local government, protection of municipal rights, owner, property

УДК 347.131
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-150-154

К вопросу о правовой природе погасительной давности

Хакимов И.Р.
Аспирант Юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной теоретической проработкой категории погасительной давности в условиях ее широкого законодательного применения.

Целью исследования является определение правовой природы погасительной давности. В качестве задач выступают: анализ предложенного в теории определения погасительной давности; анализ признаков погасительной давности как юридической конструкции, а также выявление и раскрытие ее элементов.

Научная значимость работы заключается в возможности использования ее результатов учеными в качестве необходимого фундамента для дальнейших теоретических разработок в области погасительной давности. Практическая значимость работы заключается в том, что она посвящена многим проблемным вопросам правильного применения погасительной давности на практике, что, безусловно, может быть использовано юристами в их профессиональной деятельности.

По результатам проведенного исследования предложено авторское определение погасительной давности; указано на необходимость выделения двух основных разновидностей погасительной давности: регулятивной и охранительной; проанализированы элементы законодательной конструкции регулятивной погасительной давности исключительного права на товарный знак.

Ценность представленного исследования заключается во всесторонней актуализации проблематики погасительной давности как важного правового явления, имеющего широкое практическое применение.

Ключевые слова: *срок, погасительная давность, исковая давность, осуществление права, юридическая конструкция, товарный знак*

Для цитирования: *Хакимов И.Р. К вопросу о правовой природе погасительной давности // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 150–154. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-150-154.*

Погасительная давность на сегодняшний день является одной из самых малоизученных в теории и одновременно востребованных на практике разновидностей давности.

В научной среде под погасительной давностью чаще всего понимают прекращение субъективного гражданского права вследствие его продолжительного неосуществления [1, с. 396]. Следовательно, предполагается, что если лицо осуществляет принадлежащее ему право, не допуская длительных пауз (перерывов) в осуществлении, то соответствующее субъективное право у данного субъекта на основании погасительной давности не прекратится.

На сегодняшний день такая концепция находит отражение в различных законодательных конструкциях. Так, например, в соответствии с п. 2 ст. 859

ГК РФ при отсутствии в течение двух лет денежных средств на счете клиента – гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем, и операций по этому счету банк вправе в одностороннем порядке отказаться от договора банковского счета. Аналогичное данному решение законодателя находим также в ст.ст. 284 и 1486 ГК РФ, ст.ст. 46 и 48 ЗК РФ, а также в положениях гл. 12 ГК РФ.

Между тем у приведенного выше определения погасительной давности имеются существенные недостатки.

1. В определении сделан акцент на том, что погасительная давность является *прекращением* субъективного гражданского права, однако, полагаем, что такое определение слишком усложняет понимание данного правового явления, следовательно, не является целесообразным с практической точки зрения. По этой причине более обоснованным представляется рассмотрение погасительной давности через категорию сроков. Положительным примером воплощения такого подхода является законодательное определение исковой давности (ст. 195 ГК РФ).

2. Из определения следует, что истечение погасительной давности приводит к прекращению самостоятельного субъективного гражданского права. Однако анализ показывает, что из такого общего правила имеется исключение.

Так, последствием применения исковой давности будет являться утрата принудительной судебной защиты гражданского права, то есть утрата права на иск. По общепризнанному на сегодняшний день научному подходу право на иск не является самостоятельным субъективным гражданским правом, а выступает в качестве разновидности правомочий последнего [2, с. 72–79].

На основании изложенного считаем, что применение погасительной давности ведет к утрате *гражданско-правовой возможности*. В данном случае гражданско-правовую возможность понимаем в широком смысле, а именно как средство осуществления субъектом своего законного частного интереса[1]. Следовательно, таким средством может являться либо само субъективное гражданское право, либо отдельные правомочия в его составе.

3. Течение погасительной давности может быть предопределено не только неосуществлением гражданско-правовой возможности (бездействием управомоченного лица), но и ее *ненадлежащим* осуществлением. Например, в соответствии со ст. 284 ГК РФ, земельный участок сельскохозяйственного назначения может быть изъят у его собственника в случае, если участок не используется по целевому назначению в течение трех лет. Следовательно, обозначенный срок погасительной давности будет течь как в случае полного бездействия собственника земельного участка, так и в случае, если данное лицо использует земельный участок для целей иных, не связанных с сельскохозяйственным назначением земельного участка.

С учетом указанных замечаний полагаем, что под погасительной давностью должен пониматься предусмотренный законом срок неосуществления и (или) ненадлежащего осуществления гражданско-правовой возможности, истечение которого является основанием для утраты последней.

Кроме того, убеждены, что есть все основания для выделения двух основных разновидностей погасительной давности: регулятивной и охранительной (исковой). Критерием для разграничения данных категорий, полагаем, должно являться наличие или отсутствие факта нарушения субъективного гражданского права. Если данный факт в наличии, значит, речь идет об охранительной (исковой) давности, и наоборот, если факта нарушения нет – о давности регулятивной.

Особо отметим, что с точки зрения понятийного аппарата правовой науки погасительную давность необходимо понимать как юридическую конструкцию.

Под юридической конструкцией в науке чаще всего понимается «создаваемая с помощью абстрактного мышления модель общественного отношения (его типовая схема)» [4, с. 289].

Представляется возможным выделить следующие характерные признаки погасительной давности как юридической конструкции:

1) она является правовой моделью тех общественных отношений, в которых существование определенных гражданско-правовых возможностей поставлено в зависимость от их продолжительного неосуществления и (или) ненадлежащего осуществления;

2) результат ее практического применения возможен в виде различных законодательных конструкций;

3) она имеет сложную структуру, которая представляет собой систему взаимообусловленных элементов: объект применения; цели применения; субъекты; давностный срок; перерыв давностного срока; пределы (границы) надлежащего осуществления гражданско-правовой возможности; приостановление давностного срока; порядок применения.

Для лучшей иллюстрации приведенных элементов раскроем их применительно к законодательной конструкции регулятивной погасительной давности исключительного права на товарный знак. Так, в соответствии с п. 1 ст. 1486 ГК РФ, «Правовая охрана товарного знака может быть прекращена досрочно … вследствие неиспользования товарного знака непрерывно в течение трех лет».

В данном случае *объектом применения* погасительной давности является исключительное право на товарный знак (п. 4 ст. 1486 ГК РФ).

[1] В узком смысле юридическая возможность понимается как правомочие субъективного гражданского права [3, с. 90].

Цель применения: товарный знак, будучи средством индивидуализации товаров предпринимателей, является весьма эффективным инструментом конкурентной борьбы на рынке. Следовательно, правовая охрана товарного знака имеет смысл только при его активном использовании в коммерческой деятельности. Если правообладатель не может обеспечить такое использование товарного знака, значит, нужно дать такую возможность другим, более расторопным субъектам.

Субъектами, чьи права и интересы затрагиваются действием анализируемой погасительной давности, являются, с одной стороны, правообладатель товарного знака, с другой – заинтересованное лицо, интерес которого выражается в досрочном прекращении соответствующего права правообладателя.

Погасительная давность является *сроком*. Для анализируемого случая он составляет три года. Истечение данного срока, хотя и не приводит к автоматическому прекращению исключительного права правообладателя на товарный знак, тем не менее является вполне реальным основанием для такого рода последствий. Это связано с тем, что по истечении давностного срока дальнейшая судьба исключительного права правообладателя начинает зависеть не от него, а от иных лиц. Так, к примеру, если по истечении погасительной давности появится заинтересованное лицо, которое потребует в надлежащем порядке прекратить правовую охрану товарного знака правообладателя, то данное требование будет удовлетворено (подробнее см. элемент «Порядок применения»).

С другой стороны, если заинтересованное лицо не появится, то один лишь факт истечения давностного срока не будет являться достаточным основанием для того, чтобы правообладатель утратил свое право на товарный знак. Например, в случае отсутствия заинтересованного лица вполне мыслима такая ситуация, при которой за правообладателем сохраняется исключительное право на товарный знак, которым он не пользуется на протяжении длительного периода времени.

Особенностью погасительной давности является возможность ее *перерыва*. Перерыв регулятивной погасительной давности допускается по одному основанию – надлежащему осуществлению лицом своего субъективного гражданского права. В результате осуществления субъектом такого действия погасительная давность начинает течь заново, что, в свою очередь, означает, что минимальный *срок существования* субъективного гражданского права удлиняется до полной погасительной давности.

Кроме того, необходимо учитывать, что перерыв регулятивной погасительной давности возможен и после истечения срока такой давности (возможность «реанимации» давностного срока). Однако такая возможность не безгранична.

Применительно к анализируемому случаю изложенное выше означает, что однократное надлежащее осуществление правообладателем исключительного права на товарный знак будет служить обстоятельством для перерыва давностного срока, что приведет к следующим последствиям: (1) трехлетняя погасительная давность начнет течь с самого начала; (2) срок минимального существования исключительного права на товарный знак будет естественным образом удлинен до трех лет, то есть до полного давностного срока.

При этом возможность «реанимации» регулятивной погасительной давности имеется у правообладателя до дня направления ему соответствующего предложения заинтересованного лица (подробнее см. элемент «Порядок применения»).

Пределы (границы) надлежащего осуществления исключительного права на товарный знак имеют важное практическое значение, поскольку только при их соблюдении возможен перерыв давностного срока. Они подробно отражены в п. 2 ст. 1486 ГК РФ. В частности, отмечается, что надлежащим использованием товарного знака признается лишь такое его использование правообладателем, которое непосредственно связано с введением товара в гражданский оборот. Следовательно, правообладателю для цели сохранения анализируемого субъективного гражданского права будет недостаточно, например, только разместить соответствующий товарный знак на этикетке или упаковке своей продукции. Необходимо также позаботиться о том, чтобы ввести маркированный таким образом товар в гражданский оборот и довести его до потребителя. На важность данного обстоятельства указывает в одном из своих обзоров Президиум Верховного Суда Российской Федерации [5, п. 38].

На возможность *приостановления* анализируемого срока косвенно указывают положения Закона и материалы судебной практики.

Так, в соответствии с абз. 2 п. 3 ст. 1486 ГК РФ, при решении вопроса о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования могут быть приняты во внимание представленные правообладателем доказательства того, что товарный знак не использовался по независящим от него обстоятельствам.

Судебная практика, признавая такие обстоятельства *уважительными причинами* неиспользования товарного знака, отмечает, что таковыми могут являться, к примеру, ограничения импорта товаров или различные административные барьеры, которые существовали на пути их регистрации [6, п. 167; 7].

При этом период существования уважительных причин не включается в спорный период (подробнее см. элемент «Порядок применения»). Считаем, что это связано в первую очередь с тем, что наличие уважительных причин приостанавливает течение погасительной давности.

Порядок применения. Заинтересованное лицо, полагающее, что правообладатель на протяжении длительного периода времени не использует свой товарный знак в отношении всех или части товаров, направляет такому лицу предложение о добровольном отказе от права на товарный знак (далее – предложение заинтересованного лица). Если правообладатель не принимает такое предложение, то заинтересованное лицо вправе обратиться для решения этого вопроса в суд с исковым заявлением о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования. При этом бремя доказывания использования товарного знака лежит на правообладателе.

Трехлетний период времени, в отношении которого правообладателю необходимо доказать факт использования спорного товарного знака (далее – спорный период), определяется с учетом даты направления предложения заинтересованного лица [7]. Например, если направление такого предложения состоялось 02.06.2024 г., то спорным является период со 02.06.2021 по 01.06.2024 гг.

Отметим, что иные, более ранние, периоды суд не интересуют потому, что их исследование способно привести лишь к затягиванию судебного процесса. Связано это напрямую с возможностью перерыва погасительной давности. Какой смысл тратить время и исследовать иные, более ранние, периоды, если в самом позднем по отношению к ним периоде мог состояться перерыв давностного срока?

Кроме того, на установление спорного периода также влияет наличие у правообладателя уважительных причин неиспользования товарного знака. Так, «если суд признает, что имелись уважительные причины неиспользования товарного знака в какой-либо определенный существенный период, этот период не учитывается при исчислении трехлетнего срока, за который подлежит доказыванию факт использования товарного знака» [6, п. 167].

Комментируя указанный порядок исчисления спорного периода, Президиум Суда по интеллектуальным правам в одном из своих постановлений отмечает: «...подлежит установлению период времени, когда уважительные причины существовали …, а затем трехлетний период доказывания использования товарного знака определяется с исключением из него периода существования уважительных причин (начальная дата отодвигается на соответствующий период времени)» [8].

Например, предложение заинтересованного лица поступило правообладателю 02.06.2024 г. При этом правообладатель в период с 01.01.2020 по 01.01.2024 гг. имел определенные уважительные причины неиспользования товарного знака. В таком случае спорный период будет с 01.06.2017 по 31.12.2019 гг. и со 02.01.2024 по 01.06.2024 гг.

Решение о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака принимается судом в случае установления последним одновременно следующих обстоятельств:

1) правообладатель не использовал товарный знак в течение трех лет, непосредственно предшествующих дню направления правообладателю предложения заинтересованного лица (пп. 6 п. 1 ст. 1486 ГК РФ);

2) истец является заинтересованным лицом [6, п. 165].

В заключение отметим, что на сегодняшний день имущественные отношения активно развиваются и усложняются. При этом для регулирования многих из них законодатель активно использует законодательную конструкцию погасительной давности. Однако делает это скорее интуитивно, ведь категория погасительной давности недостаточно проработана с теоретической точки зрения. Для решения данной проблемы требуется, в частности, разрешить следующие вопросы: во-первых, точно определить правовую природу погасительной давности; во-вторых, четко сформулировать и раскрыть элементы юридической конструкции погасительной давности; в-третьих, проанализировать перспективы и правовые последствия применения погасительной давности.

Литература:

1. Дернбург Г. Пандекты: Т. 1: Общая часть / Пер. Г. фон Рехенберга; под ред. П. Соколовского. М.: Университетская типография, 1906. 465 с.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М.: Юридическая литература, 1976. 215 с.
3. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Статут, 2019. 576 с.
4. Теория государства и права: учебное пособие / О.А. Колоткина, А.С. Морозова, И.Д. Ягофарова. М.: ИНФРА-М, 2021. 406 с.
5. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 11.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.
7. Решение Суда по интеллектуальным правам от 20.05.2022 г. по делу № СИП-1320/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3d14fe9c-81d4-4443-8ce0-2319a2c3d4c8/637d69ec-93ed-4c3b-9fdc-5c12a3f5b0f9/SIP-1320-2021_20220520_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.06.2024).
8. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 10.10.2022 г. по делу № СИП-1320/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3d14fe9c-81d4-4443-8ce0-2319a2c3d4c8/f58bf8d3-fd20-47f1-81fb-00e1ad8de3e4/SIP-1320-2021_20221010_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.06.2024).

On the Issue of the Legal Nature of Extinguishing Limitation

Khakimov I.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research topic is due to the insufficient theoretical elaboration of the category of extinguishing statute of limitations in the context of its widespread legislative application.

The purpose of the study is to determine the legal nature of the extinguishing statute of limitations. The objectives are: analysis of the proposed theoretical definition of extinguishing limitation; analysis of the signs of extinguishing limitation as a legal construct, as well as identification and disclosure of its elements.

The scientific significance of the work lies in the potential use of its results by scholars as a necessary foundation for further theoretical developments in the field of extinguishing limitation. The practical significance of the work lies in addressing many problematic issues related to the correct application of the extinguishing statute of limitations in practice, which can certainly be used by lawyers in their professional activities.

Based on the results of the conducted research, the author proposes a definition of extinguishing limitation; emphasizes the need to distinguish two main types of extinguishing statute of limitations: regulatory and protective; and analyzes the elements of the legislative structure of the regulatory extinguishing limitation of the exclusive right to a trademark.

The value of the presented research lies in the comprehensive actualization of the issues related to of extinguishing limitation as an important legal phenomenon with broad practical application.

Keywords: term, extinguishing statute of limitations, limitation period, exercise of right, legal construct, trademark

УДК 342.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-155-159

К вопросу о становлении и развитии института вступления в силу и обнародования муниципальных правовых актов

Шуб А.М.
Соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящается анализу эволюционного развития института обнародования и вступления в силу муниципальных правовых актов. Проведенное исследование потребовало разрешения нескольких задач, в том числе установления связей преемственности между законодательными нормами, регулирующими вопросы вступления в силу актов муниципального правотворчества, а также источниками их содержания. Таким образом, целью исследования выступает выявление и систематизация основных этапов становления и развития норм института официального обнародования (опубликования) муниципальных правовых актов в Российской Федерации. Новизна исследования выражается в том, что проведена систематизация норм, регулирующих вступление в силу муниципальных правовых актов, выявлены основания и условия их объединения в единое институциональное образование. Ценность проведенного исследования заключается в том, что автор установил общее и особенное в регулировании отношений по официальному обнародованию и вступлению в силу муниципальных правовых актов на каждом из выявленных этапов его эволюции.

Ключевые слова: *обнародование, вступление в силу, опубликование, муниципальный правовой акт*

Для цитирования: *Шуб А.М. К вопросу о становлении и развитии института вступления в силу и обнародования муниципальных правовых актов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 155–159. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-155-159.*

Как известно, впервые система местного самоуправления на первичном территориальном уровне (сельсовет, поселок (район), город (район в городе)) была легализована Законом СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-I «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [1]. Несмотря на то что в этом Законе были отражены основные принципы местного самоуправления, включая принцип гласности и учета общественного мнения, главный акцент все же был сделан на экономических и финансовых основах обеспечения самоорганизации граждан для решения вопросов местного значения.

Последующий Закон Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» (далее – Закон № 1550-1) [2] обратился к более детальному регулированию организационно-правовых основ местного самоуправления, одним из элементов которого по воле законодателя выступал институт официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов.

Таким образом, становление данного муниципального института связано с введением в действие первого в истории новой России законодательного акта о местном самоуправлении.

Благодаря Закону № 1550-1 были заложены основные подходы к реализации принципа гласности в деятельности органов местного самоуправления.

Его элементами выступали юридические требования относительно: а) извещения населения

средствами массовой информации о решениях, принятых представительными органами местного самоуправления не позднее семидневного срока; б) особенностей вступления в силу решений представительных органов местного самоуправления, предусматривающее ответственность должностных лиц и граждан (через две недели после опубликования); в) вступления в силу правовых актов местной администрации (с момента подписания, если иное не определено самим актом); г) обязательном направлении актов местной администрации в представительный орган местного самоуправления (не позднее десятидневного срока с момента принятия); д) обязательности доведения до сведения населения актов главы местной администрации, затрагивающих права граждан.

Итак, формируя институт официального опубликования актов муниципального правотворчества, законодатель определил его правовые границы, установил перечень обязательных процедурных действий, включая содержание, сроки, а также субъектов их осуществления, гарантийную природу для прав и свобод личности.

Второй период в развитии муниципального института о вступлении в силу правотворческих актов местного самоуправления связан с принятием второго в истории новой России законодательного акта о местном самоуправлении: Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 154-ФЗ) [3].

В отличие от Закона Российской Федерации № 1550-1 последующий Федеральный закон № 154-ФЗ 1995 г. существенно сократил объем законодательных норм института вступления в силу муниципальных правовых актов, сохранив при этом ряд руководящих положений (норм-принципов). Согласно ст. 19 Федерального закона № 154-ФЗ о правовых актах органов и должностных лиц местного самоуправления, наименование и виды правовых актов органов местного самоуправления, выборных и других должностных лиц местного самоуправления, полномочия по изданию указанных актов, порядок их принятия и вступления в силу подлежали регулированию уставом муниципального образования в соответствии с законами субъектов Российской Федерации; нормативные правовые акты органов и должностных лиц местного самоуправления, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, вступали в силу после их официального опубликования (обнародования).

Таким образом, федеральный законодатель пересмотрел концепцию общего правового регулирования института вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления, передав их в совместное ведение субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, определил основополагающие правовые источники закрепления соответствующих правовых норм, сохранил ведущую роль для его становления и развития принципа официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина.

Современный период в развитии института официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов связан с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 161-ФЗ), который характеризуется сменой парадигмы регулирования соответствующих общественных отношений, а именно: вопросы правового регулирования вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления перешли из совместного ведения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в совместное ведение Российской Федерации и муниципальных территориальных единиц.

Особенность рассматриваемого периода заключается также в том, что, во-первых, федеральный законодатель определил местоположение норм о вступлении в силу местных правовых актов среди совокупности нормативных предписаний об актах муниципального правотворчества (системе муниципальных правовых актов, федеральном регистре муниципальных правовых актах, уставе муниципального образования, решениях, принятых путем прямого волеизъявления граждан, правилах благоустройства территории муниципального образования, вступлении в силу, подготовке и отмене муниципальных правовых актов), которую следует квалифицировать в качестве сложного структурного образования отрасти муниципального права, автономной частью которого выступает институт официального опубликования (обнародования) правотворческих актов местного самоуправления. Иными словами, Федеральный закон № 131-ФЗ является законодательной основой не только для муниципальных правовых актов как правового образования отрасли муниципального права, но и института вступления их в юридическую силу, которые соотносятся между собой как целое и его часть.

Во-вторых, ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ определила обязательные компоненты института вступления в силу актов муниципального правотворчества, которые, как показала дальнейшая правотворческая практика, приобретали все большую правовую определенность и конкретность.

На первом этапе, т.е. до принятия Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» [4], содержание института

официального опубликования (обнародования) правотворческих актов местного самоуправления определялось положениями, посвященными уставному муниципальному регулированию порядка вступления в силу, правомерным исключениям из которого выступали нормативные правовые акты представительных органов местного самоуправления о налогах и сборах, которые вступают в силу в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации и пр. С введением в действие названного Федерального закона ч. 2 ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ приобрела новую редакцию, в соответствии с которой официальное опубликование (обнародование) распространялось на муниципальные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование, а также соглашения, заключаемые между органами местного самоуправления.

На втором этапе, исчисляемом с момента издания Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования организации местного самоуправления» [5], расширилось содержание ч. 2 ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ благодаря включению в ее текст дополнительной нормы-дефиниции об официальном опубликовании как о первой публикации полного текста муниципального правового акта или соглашения, заключенного между органами местного самоуправления, в периодическом печатном издании, распространяемом в соответствующем муниципальном образовании, в том числе с возможностью использования в этих целях сетевого издания, причем без обязательного размещения объемных графических и табличных приложений. Кроме того, конструкция о соглашении, заключаемом между органами местного самоуправления, была отражена и в содержании ч. 3 ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ.

Переход к новому (третьему) этапу связан с принятием Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. [6], в котором был установлен конституционно-правовой смысл, в том числе ч.ч. 1 и 3 ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ в системе действующего правового регулирования, который, как обосновал Конституционный Суд РФ, не предполагает вступления в силу муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, без их официального опубликования и при этом предоставляет муниципальным образованиям полномочие самостоятельно предусмотреть в интересах граждан наряду с порядком официального опубликования муниципальных нормативных правовых актов дополнительные способы их обнародования.

Наступление следующего этапа обусловлено принятием Федерального закона от 2 ноября 2023 г. № 517-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7], который характеризуется значительным преобразованием ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ с учетом наработанного правотворческого (федерального, регионального, муниципального) и судебно-контрольного опыта. Иными словами, федеральный законодатель не только скорректировал прежнее наименование, но и существенно расширил содержание, а также внес некоторые новеллы в организацию ее внутренней структуры.

Изменение юридико-технического оформления ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ, в том числе посредством конкретизации ее наименования («вступление в силу и обнародование муниципальных правовых актов» вместо прежнего «в виде вступления в силу муниципальных правовых актов»), призвано наиболее полно и информационно точно определить предмет ее правового регулирования.

Кроме того, акцент на обнародование муниципальных правовых актов в наименовании с последующим закреплением в отдельной части ст. 47 основных способов обнародования, включающий в себя официальное опубликование, по сути, изменяет вектор доктринальной дискуссии об их соотношении.

В этой связи, как отмечает А.В. Черняковский, в юридической науке сложилось несколько подходов к пониманию соотношения опубликования и обнародования, а именно: как части и целого (опубликование является составной частью обнародования); как не одинаковых по звучанию, но совпадающих по своему значению понятий; как тесно взаимосвязанных, но не тождественных между собой лексем [8, с. 856].

Исходя из наименования и содержания ст. 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», можно заключить, что применительно к актам муниципального правотворчества обнародование и официальное опубликование выступают соотносимыми понятиями, которые являются тесно взаимосвязанными, но не идентичными. Кроме того, их соотношение характеризуется тем, что обнародование как целое охватывает все свои части в виде возможных способов извещения местного населения о результатах муниципального правотворчества, включая официальное опубликование. Именно этим обстоятельством можно объяснить замену прежних законодательных формул «официальное опубликование (обнародование)» и «порядок опубликования (обнародования)» соответственно на «официальное обнародование» и «порядок обнародования» в ч.ч. 2 и 3 ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ.

Вместе с тем, обнародование и опубликование являются тождественными понятиями, когда речь идет о принятых муниципальных нормативных правовых актах, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование, а также соглашениях, заключаемых между органами местного самоуправления, которые вступают в силу после их официального обнародования.

Таким образом, в области муниципального правотворчества следует руководствоваться интеграционным подходом к пониманию соотношения обнародования и опубликования местных нормативных правовых актов.

Структура и содержание ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ также претерпели ряд изменений. Так, увеличение ее объема связано, с одной стороны, с реструктуризацией ч. 2 ст. 47 в прежней редакции, действовавшей до 2 ноября 2023 г. (например, понятие официального опубликования правотворческих актов местного самоуправления было перемещено и выделено в самостоятельную ч. 5 ст. 47, а положение о режиме опубликования объемных графических и табличных приложений при размещении полного текста муниципального правового акта в официальном сетевом издании исключено в полном объеме), а с другой – с появлением совершенно новых положений, посвященных обнародованию муниципальных правовых актов и соглашений, заключаемых органами местного самоуправления (ч. 4 ст. 47), обеспечению их официального опубликования в сетевом издании (ч. 6 ст. 47), наименованию периодического печатного издания и (или) наименованию сетевого издания с указанием доменного имени соответствующего сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сведений о его регистрации в качестве средства массовой информации при официальном опубликовании (ч. 7 ст. 47), доведению до всеобщего сведения правовым актом главы муниципального образования перечня периодических печатных изданий, сетевых изданий с указанием доменных имен соответствующих сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сведений об их регистрации в качестве средств массовой информации, в которых осуществляется обнародование (за исключением официального опубликования) актов муниципального правотворчества (ч. 8 ст.47).

Итак, в становлении и развитии института вступления в силу и обнародования муниципальных правовых актов наблюдаются три основных периода, где наиболее сложным является последний, который включает в себя несколько этапов, объединенных идеей его унификации, централизации и детализации для муниципальных образований со стороны федеральной власти.

Литература:

1. Законом СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-I «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. Ст. 267.
2. Закон Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1991. № 29.
3. Федеральный закон от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.
4. Федеральный закон от 18.07.2017 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2017. № 30. Ст. 4451
5. Федеральный закон от 18.04.2018 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования организации местного самоуправления» // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2432
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.Г. Ефремова. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400731879/ (дата обращения: 31.01.2024).
7. Федеральный закон от 2 ноября 2023 г. № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Гарант.
8. Черняковский А.В. Юридическая конструкция официального опубликования нормативных правовых актов// Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 856–862.

On the Issue of the Formation and Development of the Institution of Entry into Force and Promulgation of Municipal Legal Acts

Shub A.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of the evolutionary development of the institution of promulgation and entry into force of municipal legal acts. The conducted research required the resolution of several tasks, including the establishment of continuity links between the legislative norms governing the entry into force of acts of municipal law-making, as well as the sources of their content. Thus, the purpose of the study is to identify and systematize the main stages of the formation and development of the norms of the institution of official publication (publication) of municipal legal acts in the Russian Federation. The novelty of the research is expressed in the fact that the systematization of the norms governing the entry into force of municipal legal acts has been carried out, the grounds and conditions for their unification into a single institutional formation have been identified. The value of the conducted research lies in the fact that the author has established a general and special in the regulation of relations on the official publication and entry into force of municipal legal acts at each of the identified stages of its evolution.

Keywords: promulgation, entry into force, publication, municipal legal act

УДК 349.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-160-163

К вопросу совершенствования прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды

Шутило О.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

В статье рассмотрены проблемы прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды, проанализирована практика прокурорского надзора, выявлены типичные нарушения законов, встречающиеся в ходе проведения прокурорских проверок, дана оценка количественным и качественным показателям деятельности органов прокуратуры в указанной сфере. На основе анализа действующего законодательства и практики органов прокуратуры сделан вывод о том, что проблемы, с которыми сталкивается действующая система охраны окружающей среды, носят межведомственный характер, поскольку контроль и устранение выявленных нарушений находятся в ведении нескольких органов государственной власти и управления. Для решения этих проблем требуется объединение совместной деятельности под руководством координирующего центра, каким на сегодняшний день выступает прокуратура. В настоящее время назрела законодательная необходимость закрепления понятия координационной деятельности по обеспечению экологической безопасности и ее правовой регламентации, расширения состава субъектов координационной деятельности, включения в их состав представителей органов государственной власти, местного самоуправления, контролирующих органов.

Ключевые слова: *прокуратура, прокурорский надзор, охрана окружающей среды, экология*

Для цитирования: *Шутило О.В. К вопросу совершенствования прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 160–163. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-160-163.*

Экологические проблемы и вызовы, с которыми сталкивается человечество, прежде никогда не несли за собой столь масштабные и катастрофические последствия. Весь мир наблюдал за последствиями разрушения Каховской ГЭС, которое привело к масштабному затоплению в регионе, уничтожению значительной части флоры и фауны Херсонской области, масштабному загрязнению водных объектов региона. Значительный ущерб нанесли и другие экологические катастрофы последних лет: в Норильске (2020 г.), в результате которой произошла утечка 21 тыс. м^3 нефтепродуктов; прорыв дамбы на реке Сейба Краснодарского края (2019 г.); лесные пожары в Сибири (2019 г.), площадь поражения которых составила 1 % лесного фонда страны и на восстановление которых, по мнению экологов, потребуется сто лет [1].

С каждым годом происходит значительный рост негативного воздействия на окружающую среду: ухудшается атмосферный воздух, происходит массовое загрязнение водных поверхностей, почв, подвергаются уничтожению леса и иные виды растительности, истощается популяция различных видов животных, рыб и птиц. Характер и степень общественной опасности данных нарушений способны привести к глобальным экологическим катастро-

фам, которые могут поставить под угрозу жизнь и здоровье большого числа граждан нашей страны. Именно поэтому охрана окружающей среды в настоящее время является особой задачей, в реализации которой задействованы многие государственные органы, одним из которых является Природоохранная прокуратура РФ, выступающая в качестве одного из инструментов стабилизации формирующегося негативного воздействия на окружающую среду.

Прокурорский надзор в сфере экологии относится к приоритетным направлениям деятельности органов прокуратуры. Всего в 2022 г. в сфере охраны окружающей среды и природопользования прокурорами выявлено 292 333 нарушения законов (на 0,5 % больше, чем в 2021 г.). По результатам прокурорских проверок в суды направлено 27 116 (+2,8 %) исковых заявлений, из числа которых удовлетворены 25 192 иска (+11,6 %). По фактам выявленных нарушений природоохранного законодательства прокурорами внесено 78 340 представлений (+1,1 %). Вместе с тем по сравнению с 2021 г. уменьшилось количество лиц, привлеченных прокурорами к административной ответственности (-21,8 %) [2]. Цифровые показатели проделанной работы свидетельствуют о значительном повышении эффективности работы городских и районных прокуроров при осуществлении надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользования.

Приоритетным направлением надзорной деятельности является надзор за реализацией национальных проектов «Экология», «Жилье и городская среда» и Федерального проекта «Чистая вода». В результате прокурорских проверок за первое полугодие 2023 г. пресечено незаконное отчуждение в частную собственность 61 участка береговых полос, акватории водных объектов общей площадью 313 га. В границах береговых полос снесено 11 объектов. По мерам реагирования поднято пять затонувших плавсредств [3].

Надзор за исполнением природоохранного законодательства осуществляется с учетом экологической ситуации на поднадзорных территориях в соответствии с требованиями организационно-распорядительных документов, планами работы, заданиями и поручениями Генеральной прокуратуры РФ. В своем Приказе от 15.04.21 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в экологической сфере» Генеральный прокурор РФ указывает на необходимость для прокуроров «обладать актуальной информацией обо всех объектах (предприятиях), оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Особое внимание следует уделять реализации этими предприятиями мероприятий по снижению степени отрицательного влияния на окружающую среду, в том числе посредством внедрения наилучших доступных технологий, создания систем автоматического контроля выбросов загрязняющих веществ и (или) сбросов загрязняющих веществ» [4]. Анализ практики работы органов прокуратуры позволяет сделать вывод, что принятые акты реагирования направлены на ликвидацию свалок отходов, очистку земель, сокращение сбросов загрязняющих веществ в водные объекты, снижение негативного воздействия на атмосферный воздух, обеспечение свободного доступа к водным объектам, охрану лесов, создание условий для безопасной эксплуатации гидротехнических сооружений, а также на соблюдение законности в иных сферах природоохранной деятельности.

Актуальной остаётся работа по пресечению нарушений в федеральных межрегиональных органах власти. Так, аппаратом Волжской природоохранной прокуратуры в 2022 г. в органы Росприроднадзора, Россельхознадзора, Росрыболовства, Росводресурсов, Роснедр внесено 54 представления по фактам нарушения законодательства об охране земли, вод, атмосферного воздуха, особо охраняемых природных территорий, недр, в сфере отходов, федеральном государственном экологическом надзоре. Обеспечена защита нарушенных прав 618 (+60,1 %) лиц, из них 103 (+10,75 %) – в сфере предпринимательской деятельности [7].

Проблемы, с которыми сталкивается действующая система охраны окружающей среды, носят межведомственный характер, поскольку контроль и устранение выявленных нарушений находятся в ведении нескольких органов государственной власти и контроля в области охраны окружающей среды. Для их успешной работы требуется объединение совместной деятельности под руководством координирующего центра, каким на сегодняшний день выступает прокуратура. И прокуратура активно взаимодействует с органами государственной власти в сфере охраны окружающей среды. Например, Волжской природоохранной прокуратурой заключены и реализуются Соглашения о взаимодействии с региональными контрольно-счетными органами, территориальными подразделениями органов Федерального казначейства, организована работа межведомственных рабочих групп по вопросам соблюдения природоохранного законодательства при реализации национального проекта «Экология», защиты прав предпринимателей и противодействия коррупции в сфере экологии. Вопросы реализации национальных проектов обсуждаются на заседаниях рабочих групп, межведомственных совещаниях, оперативных совещаниях при Волжском межрегиональном природоохранном прокуроре. О состоянии законности на данном направлении информируются главы поднадзорных регионов.

Вместе с тем Закон о прокуратуре, законодательство, регламентирующее координационную деятельность, в число субъектов координации включает толь-

ко правоохранительные органы. В настоящее время назрела законодательная необходимость расширения состава субъектов координационной деятельности, включения в их состав представителей органов государственной власти, местного самоуправления, контролирующих органов. Следует согласиться с мнением ученых, предлагающих на законодательном уровне закрепить понятие координационной деятельности по обеспечению экологической безопасности и ее правовую регламентацию [5, с. 61].

Переход России к рыночной экономике, реформирование системы органов государственного контроля, проведение административной реформы, перераспределение природоохранных полномочий, а также передача федеральных полномочий субъектам в таких сферах, как охрана лесов, водных объектов, животного мира негативно сказываются на состоянии экологической правонарушаемости.

Недостатки в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления способствуют многочисленным нарушениям, допускаемым хозяйствующими субъектами, в том числе в сфере охраны окружающей среды. В ходе прокурорских проверок пресекаются факты эксплуатации промышленных объектов в отсутствие разрешительной документации и с нарушением условий разрешительной документации, невыполнения мероприятий по уменьшению выбросов в период неблагоприятных метеорологических явлений, отсутствия газоочистного оборудования, не проведения своевременной реконструкции действующих газоочистных сооружений, не постановки на государственный учет источников негативного воздействия на окружающую среду и др. Повсеместно выявляются факты отсутствия на предприятиях планов мероприятий по регулированию выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в периоды неблагоприятных метеорологических условий, программы производственного контроля за качеством атмосферного воздуха, не проведения инвентаризации источников выбросов. Например, объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на территории Волжско-Каспийского бассейна составляет около 1,9 млн т ежегодно [7].

Прокурорами на постоянной основе проводится надзор в сфере исполнения законодательства об особо охраняемых природных территориях (далее – ООПТ), в рамках которого особое внимание обращено на пресечение фактов незаконной застройки и отчуждения земель ООПТ, изменения режима ООПТ в отсутствие согласования с Минприроды России, отнесения лесов на ООПТ к категории защитных. Так, Министерством природных ресурсов и экологии Тверской области в нарушение требований действующего законодательства не были установлены границы государственного природного заказника Тверской области «Бор Застолбский», сведения о нем не были поставлены на государственный кадастровый учет. Кадастровая стоимость земель заказника составляет более 2,5 млн руб., а стоимость древесины, произрастающей на землях заказника, оценивается на сумму около 12 млн руб. На территории заповедника произрастает более 200 видов редких растений, отмечается не менее 57 видов животных. По иску Тверской природоохранной прокуратуры суд обязал Правительство Тверской области утвердить Положение о заказнике, установить режим его охраны, определить границы и поставить на кадастровый учет. Вмешательство прокуратуры, таким образом, позволило предотвратить выбытие заповедных земель, предоставление их в частную собственность, не допустить причинение ущерба особо охраняемой природной территории [6].

Одним из эффективных средств прокурорского реагирования выступает обращение в суд с исковыми заявлениями. При подготовке искового материала прокурору необходимо проанализировать доводы, выступающие в качестве доказательственной базы, а также в точности определить предмет требования в той части, в которой необходимо восстановление нарушенных прав. Например, в рамках рассматриваемого вопроса у прокурора имеется возможность обратиться в суд с требованием, касающимся защиты права граждан на благоприятную окружающую среду. Так, Волжской природоохранной прокуратурой в 2022 г. в суды общей юрисдикции направлен 1301 иск (заявление) на общую сумму 2 млрд 416 млн 593 тыс. руб. Судами с участием прокурора рассмотрено 1284 (1197) дел, в т.ч. в суде первой инстанции – 1157, в суде апелляционной инстанции – 127, в кассационной инстанции – 0. Удовлетворение исков составило 97,6 % [7].

В современных условиях возникает необходимость в совершенствовании управленческих функций, качества надзорной деятельности прокуратуры и профессиональных навыков сотрудников, создании и ведении специализированной аналитической деятельности, формирующей особую информационную работу, разработку научных и теоретических рекомендаций, инструкций, методических рекомендаций для сотрудников прокуратуры с использованием передовых практических примеров и способов ведения надзорной деятельности. Значительно повысят качество прокурорской деятельности создание новых и совершенствование уже имеющихся тактических и методологических особенностей проведения прокурорских проверок путем привлечения специалистов различных надзорных органов, внесения изменений в действующее законодательство в соответствии с требованием современности. Комплексный подход к решению проблем, связанных с охраной окружающей среды, позволит улучшить экологическую безопасность и повысить качество жизни населения страны.

Литература:

1. Восстановление лесов займет больше ста лет. // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/671321
2. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=853279
3. Сегодня в г. Твери состоялось заседание коллегии по итогам работы Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры за 1 первое полугодие 2023 года и задачах по укреплению законности и правопорядка в сфере охраны окружающей среды и природопользования. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/vmtp/mass-media/news?item=89486315
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.04.21 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в экологической сфере» // Законность. 2021. № 5.
5. Ермаченко С.В. Теоретические и практические вопросы координационной деятельности прокуратуры по обеспечению экологической безопасности // Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере охраны окружающей среды: новые аспекты / Под ред. Т.И. Отческой. М.: Проспект, 2023. С. 61.
6. В Тверской области благодаря принятым природоохранным прокурором мерам предотвращено выбытие земель особо охраняемой природной территории. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/vmtp/mass-media/news?item=93986463
7. Расширенное заседание коллегии по итогам работы Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры за 2022 г. и задачах по укреплению законности и правопорядка в сфере охраны окружающей среды и природопользования. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/vmtp/mass-media/news?item=85205457

On the Issue of Improving Prosecutorial Supervision in the Field of Environmental Protection

Shutilo O.V.
Saratov State Law Academy

The article examines the problems of prosecutorial supervision in the field of environmental protection, analyzes the practice of prosecutorial supervision, identifies typical violations of laws encountered during prosecutorial inspections, and evaluates the quantitative and qualitative indicators of the activities of prosecutorial authorities in this area. Based on an analysis of the current legislation and the practice of the prosecutor's office, it was concluded that the problems faced by the current environmental protection system are interdepartmental in nature, since the control and elimination of identified violations is the responsibility of several government authorities and control bodies in the field of environmental protection. To solve these problems, it is necessary to unite joint activities under the leadership of a coordinating center, which today is the prosecutor's office. Currently, there is a legislative need to consolidate the concept of coordination activities to ensure environmental safety and its legal regulation, to expand the composition of subjects of coordination activities, to include representatives of state authorities, local governments, and regulatory authorities.

Keywords: prosecutor's office, prosecutorial supervision, environmental protection, ecology

УДК 346.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-164-169

Правовое регулирование франчайзинга в Нидерландах*

Ющенко Н.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры юридических дисциплин
Набережночелнинского института (филиала)
Казанского (Приволжского) федерального университета

Франчайзинг – один из самых распространенных способов осуществления предпринимательской деятельности, имеющий широкую сферу применения и затрагивающий различные аспекты жизнедеятельности. Международная экспансия франчайзинговых отношений побуждает законодателей разных стран пересматривать модели их правового регулирования. Нидерланды пошли по пути законодательного закрепления франчайзинговых отношений в большей степени, придав им императивный характер. Целью научного исследования является выявление ключевых аспектов регулирования франчайзинга в Нидерландах, его этапов реформирования: от саморегулирования до принятия специального Закона о франшизе. Цель научного исследования обуславливает его задачи: раскрыть стадии реформирования регламентации франчайзинговых отношений и их содержание; рассмотреть понятийный аппарат по Голландскому кодексу франчайзинга и Закону о франшизе; определить правовое положение участников франчайзинга и особенности их взаимоотношений; проанализировать содержание преддоговорных и постдоговорных стадий франчайзинга как основных направлений регулирования этого сегмента рынка.

Практическая значимость данного исследования заключается в изучении опыта правовой регламентации франчайзинговых отношений, его отдельных элементов, выявлении положительных и отрицательных аспектов их правоприменения. Основные выводы, сделанные в настоящей статье, могут быть использованы в рамках совершенствования российского законодательства, и, в частности, главы 54 Гражданского кодекса Российской Федерации. Во-первых, установлено, что регулирование декларативными нормами франчайзинговых отношений различными объединениями национального и международного характера в Нидерландах носит сложную систему и не обеспечивает в полной мере защиту прав и интересов их участников. Во-вторых, выявлено, что регулирование франчайзинговых отношений, базирующихся исключительно на общих положениях договорного права, сводится к применению общеправовых принципов разумности и справедливости, что в условиях трансформации рынков образует неоднозначность в правоприменительной практике. В-третьих, показано, что законодатель Нидерландов пошел по пути отказа регулирования основной части договорных отношений, закрепив положения, касающиеся только различных этапов франчайзинга, что в целом отвечает мировой практике.

* Публикация осуществляется в рамках проекта «Создание учебного курса "Актуальные проблемы правового регулирования франчайзинга в России и за рубежом"», реализуемого победителем грантового конкурса для преподавателей 2023/2024 Стипендиальной программы Владимира Потанина.

Ключевые слова: *франчайзинг, франшиза, гражданское право, интеллектуальная собственность, договорное право, законодательство Нидерландов*

Для цитирования: *Ющенко Н.А. Правовое регулирование франчайзинга в Нидерландах // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 164–169. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-164-169.*

Активность развития франчайзинга в Нидерландах за последние несколько десятилетий повлекли за собой проведение ряда реформ, направленных на формирование франчайзингового права, отвечающего современным экономическим отношениям. До недавнего времени в Нидерландах не существовало единого закона, регулирующего франчайзинг. Так, некоторые элементы договорных отношений регулировались общими положениями обязательственного права Гражданского кодекса Нидерландов [1], а вопросы, касающиеся рекламы или интеллектуальной собственности, подпадали под особые правовые требования.

Важной стадией развития франчайзингового права явилась разработка и принятие в 2016 г. Голландского кодекса франчайзинга (далее – *NFC*) [2], носящего характер саморегулирования отношений между франчайзером и франчайзи и призванного представлять интересы обеих сторон в контексте их взаимного сотрудничества «на сбалансированной основе».

Голландский кодекс франчайзинга содержит пять глав: определения; общие принципы и обязательства; набор персонала, реклама и взаимное информирование и предварительные соглашения; особые обязательства по договору франчайзинга; принципы разрешения споров. Так, согласно п. 1.1 Главы 1, под франшизой понимается форма сотрудничества между юридически и экономически независимыми (юридическими) лицами, при которой одна сторона (франчайзер) предоставляет другой стороне (франчайзи) право использовать свою формулу франчайзинга для продажи товаров и/или услуг, стремящиеся получить предпринимательский доход. В пояснении к этому определению в *NFC* указывается, что понятие франшизы устанавливает основные характеристики франчайзинга как партнерства между франчайзером и франчайзи и их совместного подхода к деятельности. То есть при юридической квалификации франшизы значение имеют фактические взаимоотношения сторон и способ осуществления предпринимательской деятельности. Здесь за основу берется формула франшизы – это физическая и/или цифровая покупка, продажа, перепродажа, предоставление или производство товаров или услуг франчайзи под эмблемой, торговым наименованием или брендом франчайзера в соответствии с его инструкциями и ноу-хау, при котором предусмотрено применение единого коммерческого метода(ов) по соответствующей ставке вознаграждения. При этом исключается конкуренция напрямую или через третье лицо со франчайзинговой компанией(ами) франчайзи, которые должны быть разумными и соразмерными и распространяющиеся как на договорные, так и постдоговорные отношения. Франшиза, согласно *NFC*, оформляется договором франчайзинга, образующим правовую структуру сотрудничества и финансовую основу для деятельности, включающую в себя все договоры, дополнительные и рамочные соглашения, направленные на применение формулы франчайзинга.

Базой разработки *NFC* послужил Европейский кодекс чести франчайзинга (далее – *EEF*) [3], целью которого является способствование созданию эффективной структуры франчайзинга, в рамках которой стороны могут осуществлять предпринимательскую деятельность во франчайзинговой сети. Главными этическими принципами, лежащими в основе условий *EEF*, признаются добросовестность, честность, прозрачность и лояльность в отношениях между франчайзером и франчайзи, содействующие их доверительным отношениям и применимые на каждом этапе франчайзингового сотрудничества: преддоговорном, договорном и постдоговорном. Применение *EEF* в полном объеме обязательно для членов Европейской федерации франчайзинга (далее – *EFF*) [4] и их аффилированных лиц.

Таким образом, в Нидерландах сложились два набора правил поведения, оба из которых направлены на саморегулирование индустрии франчайзинга. Как отмечается юристами Нидерландов, существует ряд проблем в практическом применении этих кодексов. Первая проблема – это обеспечение реализации обоих кодексов, так как они не имеют правовой основы к принудительному исполнению. Для членов Голландской ассоциации франчайзинга (далее – *NFV*) [5] применение *EEF* является обязательным, однако фактического контроля и обеспечения соблюдения сторонами франчайзинговых отношений этих требований не существует. Вторая проблема заключается в неопределенности содержания правил, ориентирующихся на общие принципы «добросовестность» и «справедливость». Помимо этого, указывается, что в *NFC* используются термины, которые не определены в законодательстве или в самом *NFC* и поэтому вызывают дискуссии [6].

В 2019 г. в Нидерландах начался следующий этап реформирования франчайзинговых отношений, выразившийся в разработке обязательных норм. Причиной такого подхода законодателя послужило большое количество споров между сторонами, вы-

званные нежеланием франчайзеров добровольно соблюдать Голландский кодекс франчайзинга [7].

Еще одна отправная точка законодательного регулирования франчайзинговых отношений обусловлена ростом онлайн-рынков и электронной коммерции, который сформировал интернет-франшизы, ставшие основной частью бизнеса в этой стране, в частности, и в Европе, в целом. Онлайн-франшизы активизировались в период пандемии *COVID*-19, при этом в остальных отраслях наблюдался спад. На сегодняшний день онлайн-франшизы предлагают широкий спектр товаров и услуг, таких как: интернет-магазины, образование, здравоохранение, бытовое обслуживание, цифровой маркетинг и др. [5]. Изменение франчайзиногового рынка и его экспоненциальный рост сделали невозможным регулирование данных отношений только общими положениями договорного права Нидерландов.

Итак, 1 июля 2020 г. был принят «Закон о внесении изменений в книгу 7» Гражданского кодекса в связи с введением правил о договоре франчайзинга (далее – Закон о франшизе) [8], который вступил в силу 1 января 2021 г. Закон о франшизе был включен разделом 16 Гражданского кодекса (далее – ГК) под названием «Франшиза» и содержит 11 статей (ст.ст. 911–922) [9].

По общему правилу, Закон о франшизе не имеет обратной силы и распространяется на договоры, заключенные с 1 января 2021 г. Однако в отношении договоров франчайзинга, заключенных до 1 января 2021 г., законодатель установил переходный период в два года, после чего с 1 января 2023 г. все соглашения должны были отвечать требования Закона о франшизе [10]. Переходный период введен только в отношении некоторых положений договоров франчайзинга, таких как компенсация за нарушение деловой репутации, постконтрактное положение о неконкуренции и право согласия на изменения в формуле франчайзинга.

Согласно п. 1 ст. 7:911 ГК, договор франчайзинга определяется как соглашение, согласно которому франчайзер предоставляет франчайзи право и налагает обязанность в обмен на вознаграждение использовать формулу франчайзинга в порядке, определенном франчайзером для производства или реализации товаров или оказания услуг. При этом формула франчайзинга – это операционная, коммерческая и организационная формула производства или реализации товаров или оказания услуг, определяющая единую идентичность и внешний вид франчайзинговых компаний внутри цепочки, где применяется эта формула, и которая в любом случае включает в себя: а) товарный знак, модель или торговое наименование, фирменный стиль или рисунок; б) ноу-хау, представляющее собой совокупность практической информации, не охраняемой правами интеллектуальной собственности, возникающей в результате опыта франчайзора и проведенных им исследований, информация, которой является секретной, существенной и идентифицированной (установленной). Указанная статья содержит также определение «производной франчайзинговой системы», которая выходит за рамки данной статьи [11].

Вступать во франчайзинговые отношения могут любые организационно-правовые формы хозяйственной деятельности, предусмотренные законодательством Нидерландов: частные компании с ограниченной ответственностью (*BV*); публичные компании (*NV*); индивидуальные предприниматели; полные товарищества и товарищества с ограниченной ответственностью. Иностранные организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность в Нидерландах, подпадают под действие Закона о компаниях, официально зарегистрированных за рубежом (*CFRA Act*) [12], который не распространяется на членов Европейского союза и страны, являющиеся членами Соглашения о Европейской экономической зоне [13]. Иностранные организации должны будут соблюдать определенные требования, например, регистрации; формирования, установленного законом минимального капитала; подачи годовых отчетов.

Ст. 7:920 ГК определяет ограничения применения иностранного права во франчайзинговых отношениях. Так, если стороны договора франчайзинга действуют в Нидерландах, они не могут отступать от Закона о франшизе, даже если они предусмотрели применение другой (иностранной) правовой системы. Однако если франчайзеры с франчайзи действуют за пределами юрисдикции Нидерландов, Закон о франшизе дает возможность отступать от его обязательных положений и в том случае, когда предусмотрено применение голландского законодательства.

Исходя из общеправовых принципов, франчайзер и франчайзи обязаны вести себя по отношению друг к другу разумно и справедливо (п. 1 ст. 6:248 ГК) [1]. В дополнение к общим критериям, закреплено, что франчайзер и франчайзи ведут себя по отношению друг к другу как хороший франчайзер и хороший франчайзи (ст. 7:912 ГК). По мнению законодателя, «желательное» поведение сторон зависит от условий договорных отношений, таких как тип формулы франчайзинга; сектор, в котором стороны осуществляют деятельность; размер цепочки франчайзинга и др. По мнению ряда авторов, включение положения в Гражданский кодекс о «надлежащем» поведении франчайзера и франчайзи окажет положительное влияние на развитие франчайзинговой отрасли [14].

Закон о франчайзинге содержит положения о различных этапах франчайзинговых отношений: преддоговорный этап, включающий информационные обязательства; изменение формулы франчайзинга; консультационное взаимодействие; прекращение

договорных отношений и последующие правовые последствия.

Преддоговорные отношения выражены в обязательстве франчайзера по предоставлению достоверной информации и документов, в том числе: проект договора франчайзинга; руководство, содержащее данные о формуле франшизы; условия взаимодействия сторон, финансовые данные (ст. 7:913 ГК). На потенциального франчайзи возлагается обязанность по предоставлению финансовой информации франчайзеру, которая имеет реальное значение для заключения договора франчайзинга. Исполнение обязанностей по предоставлению информации должны осуществляться не менее чем за четыре недели до заключения договора франчайзинга (п. 1 ст. 7:914 ГК). Это период «охлаждения», в течение которого франчайзеру запрещено вносить изменения в проект договора франчайзинга (за исключением случаев, когда такое изменение направлено в пользу франчайзи) и требовать какой-либо оплаты; стороны не могут заключать соглашения, неразрывно связанные с франчайзинговыми отношениями, что позволяет потенциальному франчайзи оценить будущие риски и успешность бизнеса. Также перед заключением договора франчайзинга следует предусмотреть метод определения компенсации за самостоятельно приобретенную деловую репутацию франчайзи при расторжении соответствующего договора. Рассмотренное правило направлено на защиту франчайзи от понуждения продажи своего бизнеса на невыгодных условиях после прекращения договорных отношений. С введением Закона о франчайзинге договор франчайзинга автоматически не пролонгируется и требует активного поведения сторон на его продление. В этом случае периода «охлаждения» в четыре недели не предусмотрено.

Закон о франшизе, внесший изменения в Гражданский кодекс Нидерландов, регулирует два аспекта договорных отношений между франчайзером и франчайзи. Во-первых, п. 1 ст. 7:919 ГК предусматривает обязанность франчайзера по предоставлению помощи, коммерческой и технической поддержки франчайзи в том объеме, в каком она определяется целью использования формулы франчайзинга. При этом у франчайзи появляется право на ее получение (п. 2 ст. 7:919 ГК) не реже одного раза в год (п. 3 ст. 7:916 ГК). Это может быть связано с финансовыми обременениями франчайзи или с реализацией конкретной формулы франчайзинга.

Во-вторых, ст. 7:921 ГК определяет обязанности франчайзера о своевременном информировании франчайзи об изменении формулы франчайзинга в том случае, если это повлечет изменение договора, внедрение производной формулы, а также значительных инвестиций и расходов со стороны франчайзи. Помимо информации о предлагаемых изменениях в формуле франчайзинга, франчайзер также должен предоставить информацию о том, как расходуются различные компенсации с целью их оптимизации. Изменения в формуле франчайзинга могут быть обусловлены различными причинами. Они могут относиться к методу реализации товаров и услуг, модели получения дохода, изменению потребительского спроса или сегмента рынка и др. Согласие франчайзи необходимо только тогда, когда от него потребуется значительное инвестирование, несение дополнительных платежей или разумно предвидится потеря дохода от оборота товаров (услуг), которые превышают пороговый уровень, определенный договором франчайзинга. Таким образом, стороны договора франчайзинга перед его заключением должны согласовать одно или несколько пороговых значений, которые будут применяться в подобных ситуациях и определяющие рамки свободы франчайзера. Если стороны все-таки подобные критерии не установили, то требуется получение согласия на изменение формулы франчайзинга вне зависимости от финансовых последствий для франчайзи (п. 2 ст. 7:921 ГК) [15]. Такой акцент законодателя на постоянное взаимодействие сторон договора оправдан, так как франчайзинг – это динамично развивающийся бизнес.

Ст. 7:920 ГК предусматривает постдоговорные отношения, касающиеся положений о неконкуренции в течение одного года и распространяющиеся только на ту территорию, на которой действовал франчайзи. Положения о неконкуренции не относятся к деятельности франчайзи, выходящей за пределы договора франчайзинга. Оговорка о неконкурентном поведении франчайзи в постдоговорный период должна быть включена в договор франчайзинга или оформлена дополнительным соглашением. В противном случае она не будет иметь юридической силы. Эта норма в значительной степени поддерживает франчайзи на осуществление будущей предпринимательской деятельности.

В Российской Федерации подобные отношения именуются коммерческой концессией и регулируются гл. 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [16]. Согласно п. 4 ст. 1027 ГК РФ, к договору коммерческой концессии применяются правила раздела VII ГК РФ о лицензионном договоре, если это не противоречит положениям гл. 54 ГК РФ и существу договора коммерческой концессии. В отличие от Нидерландов, отечественный законодатель, во-первых, регулирует исключительно договорные отношения, оставляя участникам франчайзинговых отношений самостоятельно определять формат преддоговорного и постдоговорного их этапов в рамках общих положений договорного и обязательственного права. Во-вторых, ГК РФ не содержит понятия «формула франчайзинга», а соответственно не предусматривает границы ее изменения. Нормативному закреплению под-

верглись только правовые последствия: изменения коммерческого обозначения (ст. 1038 ГК РФ), прекращения исключительного права, пользование которым предоставлено по договору коммерческой концессии (ст. 1040 ГК РФ), а также прекращения принадлежащего правообладателю права на товарный знак, знак обслуживания или на коммерческое обозначение (п. 3 ст. 1037 ГК РФ).

Таким образом, развитие законодательства о франчайзинге в Нидерландах идет по направлению установления «справедливого равновесия» участников франчайзинговых отношений путем урегулирования наиболее значимых областей, которые будут способствовать достижению баланса между свободой договора и защитой прав и интересов их участников. Анализ опыта правового закрепления франчайзинговых отношений в Нидерландах может способствовать развитию российского законодательства.

Автор выражает благодарность Ющенко Снежане Анатольевне за осуществление перевода иностранной литературы.

Литература:

1. Burgerlijk Wetboek Boek 6. Algemeen gedeelte van het verbintenissenrecht. URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0005289/2023-01-01#Boek6.
2. De Nederlandse Franchise Code. 2016. URL: https://www.franchise.nl/Portals/0/Nederlandse%20Franchise%20Code_1.pdf.
3. Europese Erecode Inzake Franchising. European Franchise Federation. Versie 2016. URL: https://franchiseplus.nl/sites/default/files/paragraph/attachment/file/NFV%20Europese%20Erecode%202016.pdf.
4. European Franchise Federation. URL: https://eff-franchise.com.
5. Nederlandse Franchise Vereniging. URL: https://www.nfv.nl.
6. Kolenbrander J.-W. Europese Erecode inzake Franchising of Nederlandse Franchise Code? Welke is beter? 07 februari 2017. URL: https://franchiseplus.nl/column/europese-erecode-inzake-franchising-of-nederlandse-franchise-code-welke-is-beter.
7. Dadi K., Marel L. Franchising in the Netherlands. Lexology. 27 March 2019. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f839dedf-15c8-4988-a4c9-bb1906c6beb4.
8. Wet van 1 juli 2020 tot wijziging van Boek 7 van het Burgerlijk Wetboek in verband met de invoering van regels omtrent de franchiseovereenkomst (Wet franchise). Staatsblad. № 251. URL: https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stb-2020-251.pdf.
9. Burgerlijk Wetboek Boek 7. Bijzondere overeenkomsten. URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0005290/2023-02-18#Boek7_Titeldeel16_Artikel911.
10. Kirsch M. Franchise 2022. Law Business Research. 2021. P. 110-119. URL: https://www.franchise.org/sites/default/files/2021-09/Lexology%20GTDT%20-%20Franchise%202022%20%28Netherlands%29.pdf.
11. Koning M.de Dutch Franchise Act into force! International Bar Association. 7 June 2021. URL: https://www.ibanet.org/ifc-dutch-franchising-act-summary-article-june-21#_edn0.
12. Wet op de formeel buitenlandse vennootschappen. Geldend van 01-02-2020 t/m heden. URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0009191/2020-02-01#inklapbaar-slotformulier-en-ondertekening.
13. Agreement on the European Economic Area. The EEA Agreement was signed in Porto on 2 May 1992 and entered into force on 1 January 1994 // OJ L. 1994. № 1. P. 3–522. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.1994.001.01.0003.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A1994%3A001%3ATOC.
14. Kolenbrander J.-W., Advocaten De.C. Gedragen als goed franchisegever en franchisenemer. Franchise+. 2021. 9 juni. URL: https://franchiseplus.nl/column/gedragen-als-goed-franchisegever-franchisenemer.
15. Wijziging van Boek 7 van het Burgerlijk Wetboek in verband met de invoering van regels omtrent de franchiseovereenkomst (Wet franchise). // Kamerstuk. 2020. № 3. URL: https://zoek.officielebekendmakingen.nl/kst-35392-3.pdf.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

Legal Regulation of Franchising in the Netherlands

Yushchenko N.A.
Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny

Franchising is one of the most common ways of doing business, having a wide range of applications and affecting various aspects of life. The international expansion of franchising relations encourages legislators from different countries to reconsider the models of their legal regulation. The Netherlands has followed the path of legislative consolidation of franchise relations, to a greater extent, giving them an imperative character. The purpose of the research is to identify the key aspects of franchising regulation in the Netherlands, its stages of reform: from self-regulation to the adoption of a special law on franchising. The purpose of the scientific research determines its tasks: to reveal the stages of reforming the regulation of franchising relations and their content; to consider the conceptual apparatus according to the Dutch Franchise Code and the Franchise Law; to determine the legal status of franchising participants and the specifics of their relationships; to analyze the content of the pre-contractual and post-contractual stages of franchising as the main directions of regulation of this market segment.

The practical significance of this study lies in studying the experience of legal regulation of franchise relations, its individual elements, identifying positive and negative aspects of their enforcement. The main conclusions drawn in this article can be used in the framework of improving Russian legislation, and, in particular, Chapter 54 of the Civil Code of the Russian Federation. Firstly, it has been established that the regulation of declarative norms of franchise relations by various associations of a national and international nature in the Netherlands has a complex system and does not fully protect the rights and interests of their participants. Secondly, it was revealed that the regulation of franchise relations based solely on the general provisions of contract law is reduced to the application of general legal principles of reasonableness and fairness, which, in the context of market transformation, creates ambiguity in law enforcement practice. Thirdly, it is shown that the legislator of the Netherlands took the path of refusing to regulate the main part of contractual relations, fixing provisions relating only to various stages of franchising, which generally corresponds to world practice.

Keywords: franchising, franchise, civil law, intellectual property, contract law, Dutch law

УДК 303.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-170-176

Методологические принципы социологического исследования представлений молодежи о счастье

Алексеев С.А.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления,
истории, социологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

Никитина Т.Н.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности
Казанского национального исследовательского
технологического университета

В статье рассматриваются методологические основы проведения социологического исследования сложного многоаспектного феномена «счастье». Цель исследования – анализ проблемы развития методологии этого сложного социокультурного феномена. Авторами выделяются основные теоретические положения концептуального понятия «счастье», а также обосновывается включение в методологию исследования счастья методов системного анализа. В статье приводятся результаты эмпирического исследования представлений молодежи о счастье, проводимого в разные годы. Авторы анализируют дилеммные вопросы в выборе методологических принципов. Результаты исследования вносят научный вклад в исследование сложных и смыслообразующих ценностных категорий. Практическая значимость заключается в применении результатов исследования для объяснения поведенческих моделей молодежи, разработки индикаторов, отражающих систему ценностей социальной группы.

Ключевые слова: *счастье как социокультурный феномен, методология исследования, методы оценки уровня счастья, компоненты счастья, индикаторы счастья, индексы счастья, субъективное благополучие, качество жизни*

Для цитирования: *Алексеев С.А., Никитина Т.Н. Методологические принципы социологического исследования представлений молодежи о счастье // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 170–176. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-170-176.*

В современном мире ценностные основания жизнедеятельности людей претерпевают существенные изменения, связанные с глубинными процессами реорганизации миропорядка. Изменения касаются в первую очередь тех феноменов, которые определяют субъективное благополучие человека. В связи с этим особый интерес у социологов вызывает категория, являющаяся объектом исследований различных научных дисциплин, – категория «счастье». В данной работе рассматриваются вопросы, связан-

ные с определением методологических принципов исследования феномена счастья, обосновывается возможность применения методов сравнительного анализа, позволяющего расширить представления о феномене во временной перспективе.

В современных условиях актуальность приобретают исследования, которые позволяют дополнить методологию, разработать программы социологических исследований для таких сложных социокультурных феноменов, как счастье. Следует отметить, что методология исследования социокультурного феномена «счастье» не основывается на отдельных методологических принципах. Счастье – слишком сложный феномен, изучаемый в рамках различных научных дисциплин, поэтому и методология его изучения призвана создать основу для установления взаимосвязей между его различными сторонами. Для обоснования феномена счастья необходимы смысловые суждения, которые обобщали бы полученные многолетние научные результаты и при этом не были ограничены специфическими социологическими процедурами.

Обращение к категории «счастье» характерно для различных областей человеческого знания и прежде всего для философии, психологии, социологии и экономики. В основе современного понимания счастья лежат труды философов древности, таких как Сократ, Диоген, Аристотель. Положения этих трудов были позднее развиты И. Кантом и Н.А. Бердяевым, которые пытались интерпретировать счастье с позиции смысложизненных ориентиров. Мы можем указать широкий спектр определений счастья. Так, Аристотель определяет счастье как высочайшее благо, И. Кант под счастьем понимает удовлетворение желаний, К. Маркс видит счастье в борьбе, П. Сорокин рассматривает счастье как непременный атрибут прогресса, а для Э. Фромма счастье является показателем осмысленности человеческого существования [1].

В рамках социологической науки предпринимаются попытки раскрыть категорию «счастье» через изменение удовлетворенности индивида своим существованием. Таким образом, при таком подходе счастье соотносится с представлениями индивида о максимальном удовлетворении всех значимых аспектов жизни.

Социологические методы, применяемые для исследования уровней благополучия и счастья, позволяют определить вероятности влияния внешних и внутренних факторов. Счастье обладает особыми социально-экономическими характеристиками: уровнем дохода, справедливым распределением и качеством жизни, удовлетворенностью, успешностью, владением технологией экономического планирования. Исследователи определяют различные зависимости уровня удовлетворенности жизнью и уровня счастья от экономических факторов (заработка, карьерного роста, уровня образования). Выделяют гендерные различия в представлении о счастье, имеющие под собой различные ценностные основания. Например, если мужчина – профессионал, занимает достойное место в обществе или обладает решительностью, имеет личный транспорт и является кормильцем в семье, то в обществе принято считать, что это и есть «мужской» стереотип счастья. При этом в системе представлений о счастье у мужчин и у женщин ведущее место занимают семейные ценности. Также высокую значимость имеют такие ценности, как «возможность самореализации», «востребованность другими людьми», «обретение смысла жизни», «осознание своего личностного роста» [2].

В оптике социологической науки оказывается зависимость самоощущения счастья от таких характеристик индивида, как возраст, наличие у него семьи, национальность и конфессиональная принадлежность. Обращаются социологи и к исследованиям представлений о счастье в контексте политической ситуации, изучают индексы благополучия нации, которые становятся индикаторами гармоничных социальных отношений и эффективности государственного управления, а результаты таких исследований в дальнейшем становятся востребованными государственными и общественными структурами в контексте решения задач прогнозирования и проектирования. Счастье как социологическая категория рассматривается в качестве предмета в учебных дисциплинах высшего образования. Например, на социологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова преподается курс «Счастье в социологическом измерении».

Счастье обладает особой социальной сущностью, это многомерное понятие, которое отражает представления человека о судьбе и удаче, везении и удовлетворенности жизнью. Счастье обладает рядом измерений. Максимальная эмоция радости определяет эмоциональный компонент счастья. Когнитивный компонент счастья включает осмысление человеком собственной роли в достижении счастья. Поведенческий компонент счастья – социальные практики и стратегии, направленные на достижение удовлетворенности жизнью.

На самоощущение счастья влияет социальный статус личности и его профессиональное самоопределение, компетентность, призвание и карьерный рост. Различные социальные группы, ориентированные на альтруизм и гедонизм, этику удовольствия и этику достижений, по-разному ощущают удовлетворенность жизнью. На глубину счастья влияют эгоистические наклонности и нравственные смыслы, социальные проявления и возможности для помощи другим. Оптимисты и пессимисты по-разному ощущают счастье, по-разному справляются

со стрессовыми ситуациями. Религиозные и этнические особенности создают почву для ощущения субъективного благополучия. Примером влияния национального характера и менталитета является отношение русского человека к несчастью, которое для этнической группы определяется как экзистенциальная беда. В опросах ответы респондентов о счастье озвучиваются через призму представлений о несчастье и его избегании [3].

Счастье основывается на ценностях господствующей культуры. Релятивистская интерпретация счастья, представленная работами М. Вебера, П. Сорокина, А. Тойнби, трактует ценности и счастье как относительные величины, которые находятся под влиянием норм общества. В современной России счастье связано с потребностями материального благополучия. Постиндустриальное потребительское пространство и превалирующие в нем материальные ценности оборачиваются искажением позитивных ценностей жизни, таких как семья, любовь, здоровье, образование, общественно-политическое признание, культурное развитие.

Л.В. Карцева предлагает рассматривать счастье индивида как особую систему, образованную его индивидуальными и социальными свойствами и качествами. В данной системе можно выделить две составляющие – объективную и субъективную. Объективная составляющая счастья проявляет себя посредством господствующей в данном обществе культуры и сопутствующих ей социально-культурных норм, приводящих к тому, что счастье становится выгодным индивиду, в силу чего осмысливается в качестве важного компонента социальной политики государства. Субъективная же составляющая счастья индивида проявляется в его способности обеспечивать собственное психическое благополучие. В качестве блага в данном случае понимаются не только получение желаемых духовных и материальных ценностей и обладание ими, но и получение возможностей для раскрытия собственного потенциала и своих способностей на благо социума. В этой связи исследователь указывает на то, что счастье обладает социализирующей природой [4].

В.В. Ананишнев отмечает, что «счастье и удовлетворенность жизнью – это не только эмоционально выраженные состояния личности, связанные с ее текущими настроениями, конкретными событиями и их переживаниями. Одновременно это и достаточно устойчивые структуры личности, целостные характеристики ее сознания и бытия, способные определять особенности отношения субъекта к окружающему миру, формы поведения и организацию индивидуальной жизни» [5].

Р. Инглхарт считает, что счастье – это состояние благополучия. В рамках его подхода у счастья можно выделить два показателя – удовлетворенность и эмоциональное состояние. Если первый показатель проявляется в рациональном ощущении соответствия происходящего с индивидом ожиданиям, то второй проявляет себя в «трудноуловимых» человеческих чувствах и ожиданиях, что требует, с точки зрения исследователя, поиска новых теоретических и методологических подходов к исследованию данной проблемы [6].

Ряд ученых обращается к изучению способов увеличения ощущения счастья в контексте действий, совершаемых индивидом, полагая, что внешние воздействия на формирование субъективного благополучия и счастья незначительны. При таком подходе исследователей в первую очередь интересуют особенности индивидов, такие как темперамент, целеполагание, уровень культуры, когнитивные способности, развитость адаптационных механизмов [7].

Счастье рассматривается в качестве ценности, значимой для индивида, зависящей от влияния позитивных эмоций и степени удовлетворенности личной деятельностью и особенностями существования в социуме [8].

Для исследования социокультурного феномена счастья применяются индексные и опросные методы оценки. История анкетных опросов, посвященных счастью, начинается с середины двадцатого столетия – проведенные в 1940-е гг. исследования Дж.Б. Уотсона, Э.Л. Торндайка, разработанный в 1989 г. Оксфордский опросник счастья, разработанный Х. Брендстеттером в 1991 г. метод «замера переживаний», разработанная в 1996 г. Э. Динером «Шкала удовлетворенности жизнью» (*SWLS*). На уровне международных сравнений благополучия используются различные индикаторы счастья, такие как «Всемирный индекс счастья» [9] и «Индекс лучшей жизни». Также необходимо отметить и российские анкетные опросы, посвященные изучению счастья населения, – проводимый Фондом общественного мнения опрос «Индекс счастья» и проводимые Всероссийским центром изучения общественного мнения мониторинговые исследования «Индекса счастья».

Особое внимание следует уделить методологическому обоснованию исследований категории «Счастье». Традиционно под методологией понимают широкий спектр процедур, используемых в исследовании, связанных с различными методами. Так, например, В.А. Ядов определяет методологию научного исследования следующим образом: «Всеобщая научная методология включает универсальные принципы развития научного знания… Общесоциологическая методология, функции которой выполняет социологическая теория, дает указание относительно принципиальных основ разработки частных социологических теорий в соотношении с их фактуальным базисом» [10].

Разработка методологии такого сложного и многоаспектного феномена становится гарантией до-

стоверности полученных эмпирических результатов с точки зрения теоретической социологии, аксиологии и философии, ценностных оснований жизнедеятельности личности и общества. Методология исследования феномена счастья связывает научное исследование с философскими принципами, поскольку объект исследования является в том числе философской аксиологической категорией. Методология означает философскую оценку исследовательских методов.

Методология изучения категории счастья в современных исследованиях опирается на определенный набор внешних и внутренних факторов, которые чаще всего рассматриваются при выделении характеристик счастья. Это вполне оправдано, так как сложный феномен несет в себе компоненты всех сторон жизнедеятельности и может быть дополнен характеристиками, которые сформированы в условиях современного информационного пространства.

Методология является важным компонентом, определяющим принципы проведения научного исследования, результатами которого являются доказательства или опровержение разработанных гипотез. Формулирование гипотез при изучении такого многоаспектного феномена, как счастье, несомненно, должно быть методологически обосновано [11].

Не менее важное значение при создании методологии исследования феномена счастья имеет последовательность действий. Создание модели исследовательских действий является когнитивной схемой, которая предоставляет впоследствии достоверные данные о взаимосвязях феномена, факторах, влияющих на происхождение или его развитие. Принципы, положенные в основу исследования феномена счастья, подвергают оценке действия исследователя и в дальнейшем определяют логику программы социологического исследования, задают соотношение между его теоретической и прикладной частями.

Исследование феномена счастья осложняется смысловыми значениями, которые придают респонденты при объяснении, что они понимают под этой категорией.

На основании методологических принципов выстраивается логика применения методов социологического исследования. В нашем исследовании на основании методологических принципов исследования сложного социокультурного феномена были взяты сравнительные методы, позволяющие не только определить факторы и ранговые значения, но и раскрыть представления о различных аспектах счастья в перспективе.

С целью определения наиболее значимых для современной молодежи г. Казани компонентов категории «Счастье» в 2019 и 2024 гг. нами было проведено лонгитюдное социологическое исследование, заключающееся в изучении компонентов счастья в представлениях молодежи с последующей оценкой произошедших изменений. Объем выборки составил 400 студентов 1–4 курсов обучения различных направлений обучения. Девушки и юноши представлены в выборочной совокупности в равных долях.

Научный и практический интерес в рамках данной публикации вызывают ответы респондентов на вопрос: «Какие из указанных составляющих, связанных с Вашим будущим, Вы могли бы отнести к компонентам Вашего счастья?», подразумевающего множественный выбор. В структуру анкеты вошли индикаторы счастья, позволяющие определить их ранговые позиции в сравнительном аспекте. Индикаторы не охватывают все компоненты, включаемые в понятие счастье, но отражают наиболее часто встречающиеся в научных исследованиях.

Ответы респондентов в 2019 г. показали высокую значимость в трактовке счастья таких составляющих, как здоровье родных, стабильный заработок и счастливая семья. В 2024 г. на первое место в представлении о собственном счастье респонденты поставили собственное здоровье, затем стабильный заработок и здоровье своих близких (табл. 1). Проявление индивидуалистических ценностей прослеживается в снижении ценности создания счастливой семьи – этот компонент счастья оказался только на четвертой позиции в исследовании 2024 г. В 2019 г. респонденты ставили его на второе место. Таким образом, в отличие от 2019 г. молодежь в 2024 г. в большей степени нацелена на счастье как на ценность «для себя».

Особое внимание следует уделить карьере как составляющей счастья в представлении молодежи в разные временные периоды, так как динамика этой составляющей отражает социально-экономические условия и возможности, предоставляемые государством для профессионального и трудового развития. В 2019 г. карьерный рост в качестве компонентов счастья выбрали 69 % респондентов, а в 2024 г. доля указавших на значимость этой составляющей счастья снизились до 53 %. Компонент счастья «Уверенность в стабильной ситуации в стране» в 2019 и 2024 гг. в выборе респондентов имеет стабильные показатели на уровне 45 %. На «Уверенность в наличии социальных гарантий» как на компонент счастья в 2019 г. указали 29 %, а в 2024 г. лишь 16 % опрошенных. Значительно упала значимость составляющей «Уверенность в рождении детей» – с 53 % в 2019 г. до 37 % в 2024 г.

Таким образом, методология исследования категории счастья разрабатывается с учетом дилемм, представленных в научных источниках. Выделим наиболее существенные, на наш взгляд. Главными методологическими проблемами экономической теории счастья ученые считают проблему интерперсональных сравнений, а также проблему формирования интегральных индексов. Дилеммными считаются вопросы, связанные с допустимостью

Таблица 1

Компоненты счастья (множественный выбор респондентов)

	Компоненты счастья	2019 г.	2024 г.
1	Уверенность в долгой продолжительной жизни	33 %	39 %
2	Уверенность в сохранении своего здоровья	70 %	78 %
3	Уверенность в сохранении здоровья своих близких	75 %	69 %
4	Уверенность долгой продолжительной жизни своих близких	54 %	41 %
5	Уверенность в стабильном заработке	71 %	77 %
6	Уверенность в наличии работы	50 %	37 %
7	Уверенность в наличии социальных гарантий	29 %	16 %
8	Уверенность в создании счастливой семьи	71 %	61 %
9	Уверенность в рождении детей	53 %	37 %
10	Уверенность в стабильной ситуации в стране	46 %	45 %
11	Уверенность в возможности материально поддерживать своих родителей	64 %	53 %
12	Уверенность в обретении собственного жилья	63 %	55 %
13	Уверенность в реализации своей карьеры	69 %	53 %
14	Уверенность в возможности духовно и творчески самореализоваться	56 %	55 %
15	Уверенность в сохранении благоприятной экологической обстановки	41 %	28 %

сравнения данных, полученных в разных социокультурных группах. А.Г. Деменев считает субъективные данные изменчивыми вследствие воздействия внешних факторов. Также сложным представляется определение веса каждого фактора, например, уровня ВВП на душу населения, продолжительности жизни или уровня доступности медицинских и образовательных услуг [12, с. 77].

Методология исследования категории «Счастье» включает методы сравнительного анализа, которые позволяют определить удельный вес каждого компонента в зависимости от влияния косвенных и прямых, внешних и внутренних факторов, действующих опосредованно или напрямую. К ним, например, может относится социально-политическая ситуация в стране, пропагандируемые государством традиционные ценности или принципы системы образования. Задачи государственного управления, разработка и обоснование государственных программ и социальных проектов необходимо проводить с учетом результатов сравнительных исследований.

Результаты эмпирического исследования косвенно отражают состояние современной ценностной системы молодежи, установки и потребности молодого поколения. Дилеммным является вопрос о чистоте исследований эмоционального компонента счастья и частоте ощущений, насколько часто человек испытывает счастливые моменты. Это не всегда отражает истинное отношение к счастью. Зачастую стереотипизация общественных отношений и ценностных категорий становится мерилом ответов, а не индикатором истинного ощущения счастья. Исследователи сталкиваются с проблемой частоты осознания и периодичности испытания радостных эмоций. Возможно ли вербализовать ощущение счастья? Респонденты определяют счастье как ценность, которая трудно достижима и связана с удовлетворением потребностей.

Еще одна дилемма касается выбора индикаторов, которые отражают повседневный порядок жизнедеятельности человека. Они основываются на поведенческих практиках в сфере трудовых и экономических отношений, коммуникаций в этноконфессиональной и социокультурной деятельности, а не непосредственно основываются на государственных решениях в вышеназванных областях жизнедеятельности человека. Схожие индикаторы встречаются во многих исследованиях, которые показывают единство мнений как ученых, так и респондентов относительно своего выбора значимости того или иного индикатора.

Определение категории «счастья» в процессе разработки методологии проведения исследования представляет собой довольно сложную задачу. Мы понимаем, что счастье – это многомерная социально-философская и социально-психологическая категория, которая не может рассматриваться как элемент или основа социальной жизни, а требует учета надбытийности и бессознательной составляющей. Бесспорно, что при таком подходе к пониманию категории «счастья» социологическая наука выигрывает у других наук, так как в ее арсенале находится широкая методологическая база, различные методики проведения исследований, возможность проведения триангуляции в исследовательской стратегии путем применения, например, наряду с опросными методиками, наблюдения и интервьюирования, что позволяет проверить истинность исследовательских гипотез.

В последние годы происходит значимая трансформация теории и методологии изучения счастья, связанная со смещением ракурса исследовательских интересов. Значительный интерес приобрели социально-экономические аспекты счастья, позволяющие использовать категорию «счастье» в качестве как характеристики уровня жизни населения, так и характеристики эффективности управления социальными процессами в обществе [13].

Еще одним дилеммным вопросом становится возможность применения индикаторов счастья для

определения уровня жизни населения страны. Составленные рейтинги определяют место страны, вызывая у населения ощущение проживания в счастливой или несчастливой стране.

Таким образом, методологические основания исследования сложного социокультурного феномена должны разрабатываться с учетом знаний в области методологии, глубоких знаний смежных наук, современной ситуации и результатов вторичных социологических исследований. Только в этом случае мы сможем говорить о достоверности результатов и выводах, которые придают социологии те смыслы и функции, которыми наделило науку общество, а использование методов сравнительного анализа в исследовании многоаспектного феномена «счастье» позволит раскрыть перспективы развития всех сфер жизнедеятельности социума.

Литература:

1. Лазарева О.А. Счастье как объект изучения социологии // Психология, социология и педагогика. 2013. № 10. URL: https://psychology.snauka.ru/2013/10/2492 (дата обращения: 22.08.2024).
2. Семенова Т.В. Представления о женском и мужском счастье: ценностно-смысловые детерминанты // Фундаментальные исследования. 2014. № 6 (ч. 5). С. 1067–1073.
3. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Счастье как научная категория // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 8. С. 715–723.
4. Карцева Л.В. Счастье как социологическая категория // Вестник Казанского технологического университета. 2012. №1. С. 208–210.
5. Ананишнев В.В. Счастье как один из показателей качества жизни в России // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №3 (205). С. 106–110.
6. Долгов А.Ю. Понятие счастья в социальной теории: классические и современные подходы к концептуализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2020. № 3. С. 11–31.
7. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
8. Егорова М.Д., Гречушкина Н.В. Представление о счастье в молодежной индустрии // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. № 2 (19). С. 76–87.
9. Abdallah S., Michaelson J., Shah S., Stoll L., Marks N. The Happy Planet Index: 2012 Report. A Global Index of Sustainable Well-Being. London: NEF, 2012. 26 p.
10. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998. 596 с.
11. Быстрянцев С.Б. Фундаментальная роль методологии в социологии и других общественных науках // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 296–303.
12. Деменев А.Г. Этика и экономика счастья: новые подходы к старой проблеме // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1. С. 74–82.
13. Суховерхов А.В., Калитко С.А. Теория счастья в XXI веке: в поисках социально-экономических оснований // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 50–57.

Methodological Principles of Sociological Research into Youth's Ideas About Happiness

Alekseev S.A., Nikitina T.H.
Kazan National Research Technological University

The article discusses the methodological foundations of conducting a sociological study of the complex multidimensional phenomenon of "happiness". The purpose of the study is to analyze the problem of developing the methodology of this complex socio-cultural phenomenon. The authors highlight the main theoretical provisions of the conceptual concept of "happiness", and also substantiate the inclusion of

methods of system analysis in the methodology of happiness research. The article presents the results of an empirical study of youth's ideas about happiness conducted in different years. The authors analyze dilemmas in the choice of methodological principles. The results of the study make a scientific contribution to the study of complex and meaning-forming value categories. The practical significance lies in the application of the research results to explain the behavioral models of young people, the development of indicators reflecting the value system of a social group.

Keywords: happiness as a sociocultural phenomenon, research methodology, methods for assessing the level of happiness, components of happiness, happiness indicators, happiness indices, subjective well-being, quality of life

УДК 316.34(470.331)
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-177-180

Основные мотивы взаимодействия граждан с социально ориентированными некоммерческими организациями (на примере исследования в г. Твери)

Вайсбург А.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

Рассмотрена динамика формирования некоммерческих организаций в СССР и России как организаций, исконно помогающих нуждающимся группам населения. Приведены результаты социологического исследования в Тверском регионе с целью анализа деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций Тверского региона. У большинства опрошенных выявлено отсутствие личного опыта взаимодействия с социально ориентированными некоммерческими организациями. Основными поводами обращения в подобные организации являются: оказание помощи, благотворительность, поддержка здоровья. Выявлены мнения о востребованности подобных организаций с финансированием их из государственного бюджета. Определен низкий уровень готовности населения к участию в деятельности некоммерческих организаций. Увеличение государственного финансирования и повышение информированности населения признаны наиболее действенными мерами для привлечения людей к участию в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций.

Результаты данного исследования могут быть использованы для построения более эффективной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и разработки мер для привлечения населения к их деятельности.

Ключевые слова: *социально ориентированная организация, некоммерческая организация, Тверской регион*

Для цитирования: *Вайсбург А.В. Основные мотивы взаимодействия граждан с социально ориентированными некоммерческими организациями (на примере исследования в г. Твери) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 177–180. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-177-180.*

Во все времена государство поддерживало и поощряло создание некоммерческих организаций (НКО), оказывающих помощь населению. Начиная с X в., подобные организации стали появляться и развиваться в дальнейшем на базе Русской православной церкви. До наступления революции в России существовало около 10500 благотворительных обществ и заведений. Их финансированием было смешенным – 25 % бюджета финансировалось за счет казны, земств, городов и сословных учреждений, однако большая часть жертвовалась меценатами (75 %) [1, с. 268]. Во времена СССР некоммерческие организации функционировали в виде профсоюзных организаций при заводах и производствах, занимаясь защитой прав работников [2, с. 139]. Других форм организации некоммерческих организаций не существовало до 1990-х гг. Начиная с данного периода, некоммерческие организации начинают постепенно возрождаться, к их финансированию привлекаются меценаты, гранты, донорские средства и др.

С 15 апреля 2014 г. Правительством РФ утверждена государственная программа «Социальная

поддержка граждан». В данной программе ратифицировано такое направление деятельности, как «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» [3]. В дальнейшем осуществлялось ее регулярное финансирование.

До пандемии 2020 г. число НКО регулярно росло, однако во время нее и после их количество начало неизменно снижаться. В настоящее время в России ежегодно создается около 11 тыс., а закрывается почти 45 тыс. некоммерческих организаций [4]. Основными причинами сокращения численности НКО являются отсутствие финансирования, недостаток опыта и знаний. Для решения последних двух проблем Ассоциацией волонтерских центров на платформе ДОБРО.РФ запущена программа наставничества и профессиональной поддержки в некоммерческом секторе «НКО помогает НКО» [5]. Что касается финансирования, то согласно результатам исследования Высшей школы экономики «Источники финансирования НКО в России: результаты эмпирического исследования» [6], 41 % отпрошенных компаний используют для финансирования своей деятельности два–три различных источника, при этом 39 % указывают в качестве основного источника – пожертвования физических лиц [7]. Однако после кризиса 2022 г. число пожертвований сократилось, затраты НКО возросли в связи с инфляцией, появились новые категории получателей помощи НКО [8, с. 1149].

Снижается количество социально ориентированных НКО (далее – СО НКО) и в Тверском регионе. Например, в Твери, согласно данным муниципального реестра СО НКО, прослеживается отрицательная динамика СО НКО (рис. 1).

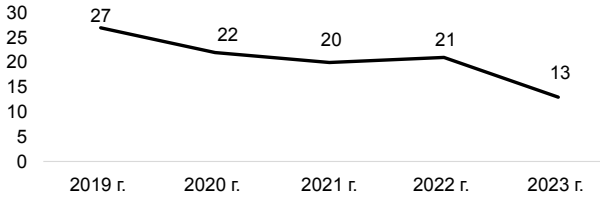

Рис. 1. Численность СО НКО в г. Твери 2019–2023 гг., ед. [9]

В 2023 г. было проведено прикладное социологическое исследование, посвященное деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций Тверского региона. Исследование проведено методом личного интервью и интернет-опроса. Было опрошено 502 жителя Тверского региона из городов, поселков городского и сельского типов. 47 % мужчин, 53 % женщин. Среди них 46 % в возрасте 30–54 лет, 32 % респондентов старше 55 лет, 23 % – 18–29 лет. Большинство (69,1 %) имеют средний уровень материального положения, 25,7 % – низкий и 5,2 % – высокий.

Большая часть опрошенных (83 %) не имеет личного опыта взаимодействия с СО НКО. При этом чем моложе население и более обеспеченно, тем чаще оно взаимодействует с данными организациями (18–29 лет – 20,4 %, 30–54 года – 18,2 %, старше 55 лет – 13,2 %).

Среди тех жителей, кто обращался за помощью в СО НКО, основными причинами обращений были названы: оказание помощи социально незащищенным слоям населения – 43,2 %; благотворительная деятельность – 31,1 %; поддержка здоровья населения – 29,1 %. Чуть реже обращались по вопросам помощи бездомным животным – 26,4 %; благоустройству территорий и защите окружающей среды – по 23,6 % соответственно. Наиболее редко востребованными были направления историко-патриотического характера: патриотическое воспитание – 18,2 %, просветительская и консультационная деятельность – 16,2 %, сохранение исторического и культурного наследия страны – 13,5 %. Молодежь в возрасте 18–29 лет чаще остальных категорий граждан обращалась за поддержкой здоровья населения, а более старшее население – за оказанием помощи социально незащищенным слоям населения.

Помощь при обращении в СО НКО для решения проблем практически в равном соотношении жители Тверского региона как получили (57 %), так и не получили (43 %). Проблемы более молодых слоев населения были решены в большей степени, чем пожилых (18–29 лет – 63,9 %, 30–54 года – 58,8 %, старше 55 лет – 47,6 %).

Более половины опрошенных (57 %) респондентов не готовы лично принимать участие / или уже не принимают участия в деятельности СО НКО. В основном это люди в возрасте старше 55 лет, по роду занятий – пенсионеры и военнослужащие, отрицательно оценивающие деятельность СО НКО. Чем моложе опрошенные, тем большую ступень готовности они выражают к участию в деятельности СО НКО (18–29 лет – 23,0 %, 30–54 года – 17,5 %, старше 55 лет – 12,2 %).

На вопрос «В какой форме готовы респонденты принимать или уже принимают участие в деятельности СО НКО» каждый 3-й респондент (33 %) затруднился ответить на этот вопрос. 30 % опрошенных выбирают форму участия в виде моральной поддержки, в основном это опрошенные в возрасте 18 – 29 лет. 35 % опрошенных уже принимают или готовы принимать участие в форме оказания материальной помощи, в основном это респонденты с более высоким уровнем благосостояния. Моральную же поддержку готовы оказывать в большей степени люди по мере снижения их уровня материального достатка (высокий уровень материального достатка – 20,8 %, средний – 14,0 %, низкий – 2,7 %). Только каждый 6-7-й респондент готов принимать участие

в деятельности СО НКО, используя временные затраты и консультационные услуги.

На вопрос о причинах, которые могут побудить жителей Тверского региона к созданию и участию в СО НКО, 41 % опрошенных ответили, что причиной может быть собственное желание. В основном это респонденты в возрасте от 30 до 54 лет, которые уже принимают или готовы принимать участие в деятельности некоммерческих организаций, каждый 3-й имел личный опыт работы с СО НКО, половина из них имеет среднее профессиональное образование. 20 % опрошенных выбрали причиной, которая может побудить их к участию в работе СО НКО, создание гуманной системы ценностей и 16 % – желание самореализации. Желание самореализоваться в СО НКО возрастает по мере снижения уровня материального достатка опрошенных. Мода, желание прославиться, сделать себе рекламу, поиск работы – признаны респондентами непопулярными мотивами к участию в деятельности СО НКО.

Большинство (71 %) респондентов считают, что финансировать деятельность СО НКО должно государство. В основном это лица в возрасте 18–29 лет, с наличием полного общего образования. Каждый третий житель Тверского региона (33 %) в качестве источника финансирования СО НКО выбрал политические партии, и еще 37 % респондентов выбрали представителей бизнеса. Доверят финансирование меценатам 27 % жителей Тверского региона. Чем старше опрошенные, тем в большей степени они признают источником финансирования данных организаций меценатов и все меньше – политические партии. Простые граждане (12,2 %), церковь (8,9 %), иностранные агенты (6,5 %) не признаются в качестве значимых источников финансирования СО НКО.

В вопросе о том, что необходимо для дальнейшего развития СО НКО в Тверском регионе более половины респондентов (57 %) уверены, что требуется увеличение финансирования, у опрошенных из этой группы превалирует средний и низкий уровень благосостояния, каждый 3-й является домохозяйкой или безработным. 42 % опрошенных заявили о необходимости информирования населения о деятельности некоммерческих организаций, так же это были опрошенные со средним и низким уровнем благосостояния. Каждый 3-й житель Тверского региона предложил создавать единые информационные центры для оказания помощи населению. Так считает все больше людей по мере снижения уровня их материального благосостояния. Усиление контроля за деятельностью СО НКО, кадровую поддержку СО НКО компетентными специалистами, формирование гуманной системы ценностей в обществе, совершенствование законодательной базы деятельности СО НКО предложили от 21–28 % респондентов.

Таким образом, согласно результатам исследования, в Тверском регионе наблюдается низкий уровень реального участия и готовности к участию в работе СО НКО. При этом признается важность существования данных организаций, наблюдается толерантное отношение к ним. Жители рассчитывают на помощь государства для развития третьего сектора в Тверском регионе.

Литература:

1. Яковлева К.О. Формирование социально ориентированных некоммерческих организаций в России // Экономика и социум. 2015. № 2(15). С. 267–271.
2. Рощин Б.Е. Правовое положение советских профсоюзов в период перехода к новой экономической политике (к 110-летию российских профсоюзов) // Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (59). С. 138–146.
3. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан». URL: https://base.garant.ru/70644062/ (дата обращения: 07.05.2024).
4. Доклад о деятельности и развитии СО НКО в России. URL: https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-o-deyatelnosti-i-razvitii-sonko-za-2022-god.pdf (дата обращения: 08.05.2024)
5. НКО помогает НКО. Программа наставничества и профессиональной поддержки в некоммерческом секторе. URL: https://land.dobro.ru/nko#rec649542541 (дата обращения: 08.05.2024).
6. Источники финансирования НКО в России: результаты эмпирического исследования. ВШЭ. URL: https://grans.hse.ru/data/2017/09/09/1172323590.pdf (дата обращения: 02.01.2024).
7. Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (ред. от 21.11.2022) // СПС Гарант.
8. Семина К.С. Социально ориентированные некоммерческие организации в период кризиса // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 4. С. 1143–1152.
9. Муниципальный реестр социально ориентированных некоммерческих организаций в городе Твери Тверской области. URL: https://www.tver.ru/administration/structure/munitsipalnoe-kazyennoe-uchrezhdenie-upravlenie-sotsialnoy-politiki/202023).xlsx (дата обращения: 02.05.2024).

The Main Motives of Citizens' Interaction with Socially Oriented Non-Profit Organizations (Using the Example of a Study in Tver)

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

The dynamics of the formation of non-profit organizations in the USSR and Russia, as organizations that originally help needy groups of the population, is considered. The results of a sociological study in the Tver region are presented in order to analyze the activities of socially oriented non-profit organizations in the Tver region. The majority of respondents revealed a lack of personal experience of interacting with socially oriented non-profit organizations. The main reasons for contacting such organizations are assistance, charity, and health support. Opinions on the relevance of such organizations with their financing from the state budget are revealed. The low level of readiness of the population to participate in the activities of non-profit organizations has been determined. Increasing government funding and raising public awareness are recognized as the most effective measures to attract people to participate in the activities of socially oriented non-profit organizations.

The results of this study can be used to build a more effective support system for socially oriented non-profit organizations and develop measures to involve the population in their activities.

Keywords: socially oriented, non-profit organization, Tver region

УДК 316.334:314.6-053.6(470.331)
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-181-184

Семейные ценности современной молодежи (на примере исследования молодежи Конаковского района Тверской области)

Вайсбург А.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

Рассмотрена динамика развития семейных ценностей с древних времен до настоящего времени, которые формируют демографическое поведение молодежи. Приведены результаты социологического исследования в Конаковском районе Тверской области, целью которого является анализ причин и последствий упадка института семьи и семейных ценностей в российском обществе. В работе представлена трактовка понятия «семья» в понятии молодежи, определены ассоциации дефиниции «семья» с любовью, верностью, комфортом, уважением. Выявлены первостепенно значимые семейные ценности: морально-нравственные, семейный образ жизни, рождение и воспитание детей. Установлены мнения молодежи о предназначении семьи для государства и общества в виде продолжения рода.

Результаты исследования могут быть использованы для построения эффективной образовательной и демографической политики в отношении молодежи.

Ключевые слова: *семья, ценности, молодежь, брак, Тверской регион*

Для цитирования: *Вайсбург А.В. Семейные ценности современной молодежи (на примере исследования молодежи Конаковского района Тверской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 181–184. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-181-184.*

Проблематика семейных ценностей современного общества сегодня приобретает повышенный интерес в связи со значительным упадком института семьи, что прослеживается в первую очередь на демографических показателях снижения численности рождаемости и повышения смертности среди российского населения, что из года в год отмечается не только учеными, но и высшим руководством нашей страны.

Семья как ценность в разные исторические периоды воспринималась по-разному. Первые зачатки трактовки семьи и семейных ценностей принадлежат древним философам – Сократу, Платону и Аристотелю. Ими семья трактовалась как экономическая и хозяйственная структура, суть которой сводилась к деторождению и передаче наследства. Она выступала главным элементом государства, необходимым для удовлетворения каждодневных потребностей, но не отождествлялась с духовной ценностью. Во времена Античности семейные ценности заключались в жесткой субординации, строгой иерархии, самостоятельности и верховенстве мужчины и полной зависимости и подчиненности женщины, а в целом ценностной ориентацией на деторождение [1, с. 99].

В период средневековья семейные ценности основывались на общности крови и происхождения, то есть доминирующее положение занимали отношения родства. Так, семья и отношения родства были фундаментальными социальными структурами и ценностями, поскольку в первую очередь были направлены на производство самого человека и продолжение рода, а равным образом на производство средств жизнедеятельности [2, с. 23].

В период Возрождения семейные ценности либерализуются, приоритет получают любовь, в том числе супружеская. Выдвигаются идеи равенства и свободы брачного союза, зарождаются духовные семейные ценности. И. Кант, И.Г. Фихте, Г. Гегель отождествляли брак и семью, искоренилось чисто религиозное таинство брака, его божественное предназначение [1, с. 103].

В последующие годы процесс либерализации семейных ценностей усиливается, рождаются идеи о свободном воспитании детей, ставится вопрос об эмансипации женщины, провозглашаются такие семейные ценности, как любовь, вера и свобода в брачном союзе.

В самом общем виде «ценности» – это обобщенные цели и средства достижения этих целей [3, с. 81]. Как правило, они выполняют роль основополагающих норм в обществе. Ценность семьи в классической ее трактовке сегодня ставится большинством молодых людей под сомнение [4, с. 17]. Семейные ценности молодежи являются ключевыми для будущего государства и всего общества.

В 2023 г. было проведено разовое пилотажное исследование на тему: «Мнение молодежи Конаковского района Тверской области о причинах и последствиях упадка института семьи и семейных ценностей в российском обществе». Методом интервью были опрошены молодые люди, проживающие на территории Конаковского муниципального района Тверской области в количестве 10 чел. В опросе участвовало 6 девушек и 4 юноши. Возрастной диапазон информантов составил 18–24 года – 3 чел.; 24–30 лет – 6 чел.; 31–35 лет – 1 чел. Среди опрошенной молодежи имеют статус холост/не замужем 3 чел.; замужем/женат 4 чел.; 3 чел. предпочитают проживать с партнером в «гражданском браке». В исследовании приняли участие молодые люди, имеющие полное среднее образование – 4 чел., среднее специальное – 5 чел. и 1 чел. – незаконченное высшее образование. Нет детей у 7 чел., 2 чел. имеют одного ребенка, 1 чел. имеет двух детей.

Все информанты определили семью как официально зарегистрированный союз мужчины и женщины. При этом такой союз обязательно основан на взаимной любви и уважении (7 чел.), взаимной поддержки и помощи (3 чел.), заботе (1 чел.), общих интересах (1 чел.). Брак для молодежи подразумевает ведение общего домашнего хозяйства (8 чел.), рождение и воспитание детей (8 чел.), права, обязанности и ответственность супругов и членов семьи (7 чел.). Наличие единого бюджета как признак семьи отметили 3 чел. Востребованность обществом института семьи отметил 1 чел.

Для большинства информантов значение семьи проявляется в чувстве психологического комфорта, уюта и безопасности (7 чел.), верности и заботы (7 чел.), любви и поддержки (6 чел.), взаимопонимании (3 чел.). Семья придает уверенности 2 информантам, стабильность отношений для 2 чел., материальную обеспеченность для 1 чел., место отдыха от воздействия факторов внешней среды для 2 чел. Но есть и те, у кого семья ассоциируется с ограничением свободы и независимости, отсутствием возможности для самореализации и самообразования, построении успешной карьеры, возникновением дополнительных (и нежелательных для информанта) прав, обязанностей и ответственности, в том числе материальных (3 чел.). При этом информантами отмечено что, когда появляются дети, эти обязанности и ответственность увеличивается (2 чел.). Примечательно, что эта категория информантов относится к самой молодой группе опрошенных студентов, возраст которых составляет от 18 до 24 лет, что свидетельствует о полной неготовности данной категории молодежи к семейной жизни, кроме того, у них отсутствует желание создать собственную семью.

Семейные ценности в представлении молодежи характеризуются как определенные нормы-принципы (нормы-установки), которые признаны регулировать семейный образ жизни (5 чел.), и которые определяют жизненный путь и поведение индивида в обществе (5 чел.). Есть те, кто определяет семейные ценности как цель и средства достижения материального благополучия семьи, семейной стабильности и порядка (3 чел.), а также те, кто вкладывает в их характеристику морально-нравственные составляющие (2 чел.).

Информанты единодушны во мнении о влиянии семейных ценностей на поведение и миропонимание индивида (10 чел.). При этом такое влияние может быть как положительным, так и отрицательным, все зависит от тех ценностей, которые были заложены в человека еще в детстве в семье, что проявляется в манере поведения человека с окружающими людьми, отношением к определенным явлениям внешнего мира, его мотивах и действиях.

Среди доминирующих, первостепенных семейных ценностей, значимых для человека, большинством информантов отмечены морально-нравственные ценности (7 чел.), семейный образ жизни (5 чел.), рождение и воспитание детей (7 чел.) и поддержание родственных связей (6 чел.). Есть те, кто отметили в качестве определяющих семейных ценностей для человека материальный достаток (4 чел.), а также жилищную обеспеченность (2 чел.), хорошую работу (1 чел.).

Главное предназначение семьи для государства и общества информанты единодушно видят в воспроизводстве населения (10 чел.), а также в первичной социализации личности, ее воспитании (9 чел.), сохранении и передаче духовных и нравственных ценностей (4 чел.).

Таким образом, обобщив ответы информантов, можно констатировать, что в представлениях моло-

дежи семья выступает добровольным союзом мужчины и женщины, основанным на взаимной любви и уважении, взаимной помощи и поддержке, который предполагает ведение совместного домашнего хозяйства, определенные права, обязанности и ответственность, целью создания которого является рождение и воспитание детей, что частично подтверждает первую гипотезу о том, что семья – это малая социальная группа, члены которой объединены на основе взаимной любви и уважении, общих интересов и единого бюджета с целью рождения и воспитания детей, оказания ее членам взаимной помощи и поддержки.

Для большинства молодых людей значение семьи проявляется в чувстве психологического комфорта, уюта и безопасности, любви, поддержки, верности и заботы, что частично подтверждает вторую гипотезу о том, что для большинства студентов значение семьи проявляется в том, что это особая среда, где каждый член испытывает чувство психологического комфорта, безопасности и уюта; отношения основаны на доверии; это место отдыха от воздействия факторов внешней среды. При этом указанная позиция свойственна молодым людям старше 25 лет, имеющим семейный статус.

Противоположной позиции придерживаются молодые люди в возрасте от 22 до 24 лет, не состоящие в браке. Согласно их личностным ассоциациям: «семья – это определенное ограничение свободы, моей независимости, отсутствие возможности делать, что мне хочется и когда хочется. При этом возникает необходимость материально обеспечивать семью, нести ответственность, когда появляются дети, эти обязанности и ответственность увеличивается» (муж., 23 года, холост); «семья – это полное отсутствие личной свободы и независимости, дополнительные обязанности и ответственность» (муж., 21 год, холост); «у меня семья ассоциируется с ограничением свободы, отсутствием возможности для самореализации и самообразования, построения успешной карьеры, наличием большого количества обязанностей, домашних забот, при рождении детей появлением повышенной ответственности» (жен., 23 года, не замужем).

Большинство молодых людей под семейными ценностями понимает воспроизведение в сознании индивида ценностей, которые он признает в качестве стратегических жизненных целей и доминирующих мировоззренческих ориентиров. «Семейный ценности – это определенные традиции и обычаи конкретной семьи, нацеленность на семейный образ жизни, поддержка родственных связей, воспитание детей, любовь, уважение, забота, доверие и верность, терпимость друг к другу, материальная и жилищная обеспеченность» (жен., 28 лет, замужем).

Большинство молодых людей считает, что семейные ценности оказывают большое влияние на миропонимание и поведение личности в обществе, от них всецело зависит побуждающе-действенные качества личности и в соответствии с сформированными семейными ценностями человек выбирает свой жизненный путь. При этом такое влияние может быть как положительным, так и отрицательным, что:

– «во-первых, человек, нацеленный на такие семейные ценности, как материальное благополучие, будет стремиться его достичь, что будет проявляться в его поведении в жизни. Во-вторых, посредством семейных ценностей у человека формируются такие качества, как: ответственность, порядочность, терпимость, забота и т.п., что будет отражаться на его отношении к людям и работе. В-третьих, человек, имеющий установки на семейный образ жизни, будет порицать людей, живущих свободной личной жизнью и т.п.» (жен., 23 года, не замужем);

– «человек поступает и думает в соответствии с теми принципами и установками, которые у него сформировались в период роста и воспитания в семье» (муж., 29 лет, женат).

Большинство молодых людей считает, что в первую очередь для индивида важны такие семейные ценности, как: любовь, супружество, родительство, верность, доверие, дом, связь с родственниками.

Большая часть информантов видит главное предназначение семьи для государства и общества – это воспроизводство населения, формирование личности и ее социализация, воспитание будущего поколения, сохранение и передача духовных и нравственных ценностей. При этом мужчинами предназначение семьи видится главным образом в воспроизводстве населения, женщинам также важна социализация личности: «ведь ребенок – это продолжение рода. Первичная социализация ребенка происходит непосредственно в семье, посредством воспитания будущего поколения, сохранения и передачи духовных и нравственных ценностей» (жен., 28 лет, замужем).

Таким образом, трактовка и понимание семьи современной молодежью закладывает основу построения общества в будущем. Привитые семейные ценности определяют политику воспроизводства поколений, построения отношений между мужчиной и женщиной и соблюдение баланса в обществе.

Литература:

1. Бурова С.Н. Социология семьи: цикл лекций. М.: Кнорус, 2019. 195 с.
2. Егорова Н.Ю. Трансформация супружества в контексте семейных ценностей // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2021. № 2. С. 18–32.
3. Ростовская Т.К., Заярская Г.В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в современном обществе. 2019. № 4. С. 78–94.
4. Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. Брачно-семейные отношения современной молодежи // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2019. № 4. С. 17–24.
5. Верещагина А.В., Шахбанова М.М., Шихалиева Д.Г. Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 1–7.
6. Малимонов И.В., Синьковская И.Г., Король Л.Г., Рахинский Д.В. Современные семейные ценности в контексте макросоциальных изменений // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 5. С. 24–27.
7. Медкова Д.В. Семейные ценности как объект социологического анализа // Социосфера. 2019. № 3. С. 55–57.
8. Романова К.С. Трансформация семьи как социального института в условиях изменения государства и собственности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2020. № 10. С. 271–287.

Family Values of Modern Youth (Based on the Example of a Study of the Youth of the Konakovsky District of the Tver Region)

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

The dynamics of the development of family values from ancient times to the present, which shape the demographic behavior of young people, is considered. The results of a sociological study in the Konakovsky district of the Tver region are presented, the purpose of which is to analyze the causes and consequences of the decline of the institution of family and family values in Russian society. The study presents an interpretation of the concept of "family" for young people. The foundations of the formation of a family union, the main importance of the family as a legally formed union are revealed. The associations of the definition of "family" with love, loyalty, comfort, and respect are defined. The most important family values have been established: moral, family lifestyle, birth and upbringing of children. The opinions of young people about the purpose of the family for the state and society in the form of procreation are established.

The results of the study can be used to build an effective educational and demographic policy for young people.

Keywords: family, values, youth, marriage, Tver region

УДК 304.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-185-191

Социальный капитал национальных общин города Новороссийска: история и современность

Воблая И.Н.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, финансов и менеджмента
Новороссийского филиала Финансового университета
при Правительстве РФ

Гаража Н.А.
Кандидат исторических наук, доцент
кафедры информатики, математики и общегуманитарных наук
Новороссийского филиала Финансового университета
при Правительстве РФ

В статье представлен ретроспективный анализ социальной активности национальных общин города Новороссийска, выполняющих значительную роль в консолидации общественных и персональных ресурсов в создании «нового ландшафта» города, ориентированного на максимальную вовлеченность населения в создание социокультурной, образовательной и экономической инфраструктуры на основе принципов единства и толерантности, понимания и принятия полиэтничности и поликонфессиональности Новороссийска.

Актуальность исследования обусловлена тем, что поликультурность территориальных сообществ предопределяет определенные вызовы социально-экономическому развитию конкретных территорий и общества в целом, ставит перед регионами задачу выстраивания консенсусного взаимодействия с этническими группами, направленного на обеспечение консолидации регионального и общероссийского социального и социально-культурного пространства.

В качестве основной цели авторами был определен анализ работы национальных общин на уровне города Новороссийска как компонента национальной политики. Изучение деятельности общин на современном этапе демонстрирует значительный уровень их общественно-полезной активности; практика не только сбережения историко-культурного наследия своих этносов, но и большая просветительская работа среди молодежи имеет стратегически важное значение в укреплении солидарности жителей города.

Роль и место национальных общин в общественной жизни российских регионов, несомненно, имеют свою специфику. Город Новороссийск, обладая собственным опытом принятия и адаптации различных диаспор, не является исключением.

Практическая значимость настоящего исследования заключается во внедрении его результатов в практическую деятельность национальных общин, в частности, в городе Новороссийске. В свою очередь, научная значимость темы данного исследования обусловлена ее важностью для Российской Федерации как многонационального и поликонфессионального государства, является

закономерно важной и должна быть исследована как в историческом, социологическом и в междисциплинарном контекстах. Данная тематика требует глубокого изучения, поскольку ее результаты могут способствовать эффективному взаимодействию между различными этническими и конфессиональными группами, а также укреплению социальной сплоченности в регионе.

Ключевые слова: *социальный капитал, Новороссийск, национальные общины, диаспора, благотворительность, геополитика, интеграция*

Для цитирования: *Воблая И.Н., Гаража Н.А. Социальный капитал национальных общин города Новороссийска: история и современность // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 185–191. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-185-191.*

Современное прогрессивное государство и общество, ориентированные на создание комфортных условий жизни для граждан, строятся на принципах доверия, солидарности и высокой степени самоорганизации. Эффективное взаимодействие на всех уровнях вертикальных и горизонтальных связей обеспечивает создание сетей связей, необходимых для построения и воспроизводства длительных отношений регулирования и помощи во всех сферах жизнедеятельности.

Теория социального капитала, возможно, недостаточно оцененная в сравнении с глубоко проработанной проблемой человеческого капитала [1, с. 102–103], может дать конструктивный идейный материал для модернизации многих сфер государства и социальных институтов, в том числе в разрезе интеграционных процессов малых национальных групп, преодоления их замкнутости и социальной отчужденности.

Основные положения концепции социального капитала объясняют глубинные механизмы консолидации общества в его поликультурном, этническом, конфессиональном, интеллектуальном и другом многообразии. Собственно сам социальный капитал представляется в виде совокупности потенциальных и/или реальных ресурсов, институционализированных групповыми отношениями знакомства и признания, которые дают членам группы поддержку и опору в виде «репутации», позволяющей «получить кредиты во всех смыслах этого слова [2, с. 66–67]. Уровни социального капитала [3, с. 92] демонстрируют последовательное вовлечение индивида в активную, созидательную жизнь общества: от постижения законов и ценностных установок большого социума до преобразования в соответствии со своей социальной ролью в последующем на основании опыта и индивидуального видения его модернизации (рис. 1). Персональные интересы человека, его характеристики, тем более такие как этничность, вероисповедание относятся к априори деликатным вопросам, поэтому работа как в национальных общинах, так и с ними должна строиться не только на основе больших, массовых проектов, а с четким индивидуальным ориентиром, демонстрирующем каждому участнику возможность реализации его потенциала, достижение личных целей через групповое взаимодействие [4, с. 90].

И если социальный капитал содержится в таких частях общественного строения, как доверие, социальные сети и общественные нормы, то в свою очередь он создает среду для необходимого регулирования и помощи со стороны общества и государства [5, с. 71], заинтересованных в минимизации конфликтогенности и укреплении общественного согласия.

Согласно «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», фактором развития человеческого потенциала государства, основой этнокультурной безопасности и сохранения исторической памяти выступают гармоничные межэтнические отношения [6]. На региональном уровне данные тезисы получают свое подтверждение и соответствующее воплощение в конкретных мероприятиях. В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» сформулировано следующее: «...использование потенциала институтов гражданского общества, в том числе межнациональных общественных объединений, национально-культурных автономий и иных этнокультурных объединений, в деятельности по гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, а также по профилактике экстремизма и предупреждению конфликтов на национальной и религиозной почве» [7]. Отсюда: накопление и развитие социокультурного и интеллектуального капитала возможно при построении долгосрочных контактов на региональном, федеральном, международном

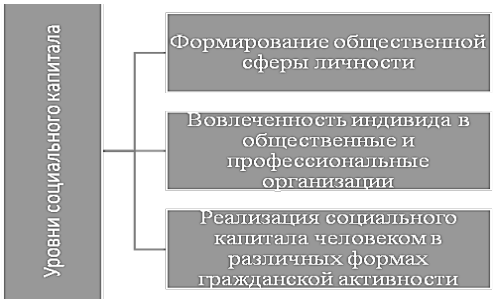

Рис. 1. Уровни социального капитала

уровне с диаспоральными образованиями, различными общественными организациями, представляющими интересы и инициативы этнических групп. Бесспорно, диаспоры имеют исключительное влияние на формирование благоприятного климата в построении межнациональных отношений в регионе, более того, накопили опыт политической активности и позитивного влияния на социокультурные и экономические процессы [8, с. 40–41], опыт вовлеченности молодого поколения в различные формы гражданской активности, содействующие социализации и личностному развитию.

Тем не менее необходима не благожелательная констатация состоявшегося успеха, обеспечивающая константную пролонгацию удачных в прошлом направлений работы и конкретных мероприятий, а создание новых возможностей для развития человеческого капитала национальных общин, благоприятствование интеграции в местное сообщество для решения общих социально-экономических, культурных и иных вопросов. В этом случае аргументированная критическая позиция побуждает всех участников, как аналитиков, так и практиков реализации национально-культурной политики, более внимательно отнестись к вопросу изучения исторического опыта деятельности диаспор, подлинной вовлеченности органов государственной власти в их работу в целях составления консолидированной стратегии дальнейшего развития социального капитала региона и страны. Например, А.А. Кочергин характеризует этнокультурную политику Краснодарского края как носящую «реактивный», «инертный» характер, находящуюся на «периферии практической деятельности», отличающуюся «содержательной преемственностью разного рода активностей». Автор материала перечисляет знаковые массовые федеральные и региональные научные, культурные, спортивные мероприятия, отмечая с сожалением, что их перечень не претерпевает значительных изменений в последние годы, а результативность строится на анализе только индикаторов показателей численности участников и освоенных средств [9, с. 322–337].

В нашем исследовании мы обратимся к истории социальной активности национальных общин города Новороссийска, проследив как преемственность инициатив, так и новые стратегии деятельности.

Кубанская область, в частности, город Новороссийск изначально формируется, а к концу XIX в. уверенно становится многонациональным регионом. Согласно статистическим данным, в Новороссийске на начало 1913 г. население составляло 63306 чел. [10], включая представителей более ста национальностей: русские и украинцы – 50206 чел. (статистически не разделялись); греки – 3627 чел.; евреи – 3428 чел.; армяне – 1445 чел.; немцы – 899 чел.; грузины – 612 чел.; персы – 455 чел.; татары – 452 чел.; чехи – 320 чел.; турки – 200 чел.; французы – 110 чел.; англичане – 40 чел.; итальянцы – 34 чел.

Поэтому необходимость адаптации этнических меньшинств к жизнедеятельности в принимающем поликультурном пространстве стояла особенно остро и актуально, при обязательном бережном сохранении традиционных культурных особенностей и этнокультурной целостности.

Важным фактором внутриэтнической консолидации становятся национальные общественные организации как центры аккумуляции социальной активности представителей этнических групп, акторы взаимодействия с органами местного самоуправления и обществом. Это был изначально естественным образом сформированный механизм достижения успеха на новом месте путем социально-экономической интеграции, параллельно с четко сформулированным желанием избежать ассимиляции и сохранить свою этническую принадлежность и целостность группы.

Власти Черноморской губернии и города Новороссийска поощряли диаспоры в их желании интегрироваться в местное общество, более того, стать его активной созидающей частью. Поэтому и в таких деликатных вопросах, как строительство религиозных сооружений, диаспорам шли на определенные уступки. В 1895 г. после обращения Общества Новороссийских армян греко-григорианского вероисповедания за разрешением на сбор средств для строительства церкви городом для этой цели был безвозмездно выделен участок земли в 900 кв. саженей [11]. В 1908 г. церковь была построена, однако в 1930-е гг. была разрушена. Та же участь постигла и другую армянскую церковь города, которая находилась в районе Мефодиевки, и сегодня примерно на том же месте в настоящее время построена новая Церковь Святого Григория Просветителя. Нельзя не отметить, что храм возведен исключительно на пожертвования, причем не только армян, но и представителей других национальностей [12].

История армянской общины Новороссийска уходит глубоко своими корнями к основанию города. К началу 20-х гг. XX в., если не считать казаков украинского происхождения, армяне являлись самым многочисленным дисперсным этносом на юге России и третьей национальной группой после русских и чеченцев [13, с. 13]. По первой переписи из общего количества жителей города Новороссийска армяне составляли 10 % [14].

Значение отношений с Арменией и диаспорой можно проследить в риторике первых лиц Краснодарского края: так, при встрече с Генеральным консулом Республики Армения губернатор края Ваниамин Кондратьев отмечал, что «Армения попрежнему – стратегический партнер Краснодарского края, сотрудничество с которым охватывает все ключевые сферы» [15].

Исторически сложилась традиция персональной инициативы ярких представителей национальных общин в созидание того места, где они проживали и работали. Стоит отметить значение купца, промышленника и мецената Никиты Павловича Богарсукова в поддержке благотворительных организаций. Так, Н.П. Богасурков в начале 1900-х гг. на собственные средства построил армяно-григорианскую церковь в Новороссийске [16], которая находилась на углу нынешних улиц Энгельса и Новороссийской Республики (снесена в 1930 г.).

Городская Дума Новороссийска уделяла внимание и строительству православных храмов, привлекая благотворителей. Генерал Леонид Ефремович Адамович по соглашению с городским головой П. Калининым в декабре 1909 г. передал в дар Новороссийску часть собственной земли под строительство приходской школы, церкви и кладбища (порядка 3200 кв. саженей) [17]. Л.Е. Адамович написал в своем обращении к П. Калинину и городской Думе следующее: «В ответ на ходатайство Ваше и ссылаясь на личный разговор с Господином Городским Головою П.К. Калининым, при бытности Вашей и в присутствии жителей участка на балке, сообщаю Вам, что я охотно соглашаюсь отвести безвозмездно в дар общества под Божий храм в количестве 500 кв. сажень при чем высказываю пожелание, чтобы будущий храм носил название "Храм Спасителя Нашего Иисуса Христа". принимая во внимание просьбы жителей относительно отвода им места под кладбище, я в свою очередь изъявляю согласие на принесение в дар Новороссийскому городскому общественному управлению одной десятины земли под православное кладбище с отделениями для лютеран и для католиков» [18; 19].

В 1899 г. был образован комитет по сбору средств, необходимых для строительства каменной церкви на Стандарте (район города, земля передана Л.Е. Адамовичем). Участие принял и Император Николай II, пожертвовавший 22 марта 1901 г. 1000 руб. [20, с. 75–77]. 10 декабря 1906 г. было совершено торжественное освещение главного престола в честь Святой Троицы архиерейским чином. Храм пережил все перипетии XX в.: закрытие в феврале 1938 г., кратковременное возобновление службы в 1942 г., подрыв в 1957 г. в связи с «высоким аварийным состоянием». В 1963 г. на этом месте был построен первый в городе кинотеатр «Россия», и лишь с 3 декабря 1997 г. храм заново начал проводить богослужения.

В 1890-е гг. рабочие, проживающие в ближайших поселках, также жертвовали деньги на строительство православного храма в пределах рабочего городка. Однако собранных средств хватило лишь на небольшую деревянную церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», при которой были открыты одноклассные мужское и женское церковно-приходские училища, и уже в 1898 г. в них занимались 42 ученика и 30 учениц (Официальный сайт Свято-Троицкого храма). В городской газете было отмечено, что церковь, которая получила название по иконе Скорбященская, была построена на средства рабочих и служащих [17].

В Кубанской области, в том числе в городе Новороссийске, среди национальных общественных организаций особое значение приобретают благотворительные цели сбора и распределения пожертвований. Основная часть пожертвований расходовалась на создание читален, на открытие учебных заведений для представителей своей этнической группы, выплаты стипендий и различных пособий. Немаловажное значение придавалось сохранению и поддержанию народных традиций в диаспорах, а также пропаганде культурного наследия. Так, в Новороссийске возникли еврейская, греческая, лютеранская, армянская, украинская и мусульманская школы.

В 1902 г. в Новороссийске открывается училище низшего разряда для детей бедного еврейского населения, которое существовало за счет пожертвований, а также за счет организации концертов, спектаклей и других мероприятий. Однако вырученных денег не хватало, и «Правление Новороссийского Еврейского Общества» ходатайствовало в Управу о проблемах учебного заведения. В итоге городская Дума выслушала доклад и сочла: «…справедливым со своей стороны прийти на помощь беднейшему еврейскому населению нашего города. А также и возможности ассигновать на содержание училища на будущий 1905 г. 300 руб. Городская Дума единогласно приняла доклад Управы. Еврейская школа стала получать городское пособие» [21].

Русско-татарское училище находилось на Стандарте (в народе ее называли татарской или мусульманской школой). Сведений об этой школе практически не сохранилось, как и здания.

Активность в поддержке регионов своего компактного проживания в период Первой мировой войны проявляли многие национальные диаспоры. Участие по сбору финансовых средств в Новороссийске, который, как правило, осуществлялся на национальных вечерах, принимали армяне. Так, например, 22 сентября 1915 г. в Народном доме местными актерами-любителями была поставлена пьеса «Сасун горит». Чистый доход составил 153 руб. 14 коп., из которых 20 % отчислили местному Обществу Красного Креста, а остальную сумму – беженцам-армянам.

Национальные общественные организации приобретают новый статус с приходом советской власти, и уже в 1919 г. разрабатывается проект «Положения об организации при комитете РКП(б) отделов агитации и пропаганды среди национальных меньшинств» [22]. В апреле 1920 г. выходит постановление Кубано-Черноморского областного ревкома, на основании которого все национальности получают

право получать образование на родном языке. На Кубани открывается подотдел просвещения национальных меньшинств, основной задачей которого становится борьба с неграмотностью. Создаются рабочие клубы национальных меньшинств, которые можно назвать прообразами современных этнокультурных центров.

В 1920 г. церковь Вознесения Господня на Станичке становится клубом им. Р. Люксембург. При клубе образуется изба-читальня и киноустановка. Данное здание снесли в конце 1950-х гг. при строительстве школы [23].

Так, например, объект культурного наследия сегодня «Клуб железнодорожников им. С.Д. Маркова» построен и открыт в 1913 г. В 1920 г. он назывался клубом им. А.М. Горького, в мае 1922 г. был переименован в «Красный железнодорожник», а в ноябре 1922 г. в Дагестане погиб начальник Владикавказской дороги С.Д. Марков, в память о котором клуб был переименован. В годы Великой Отечественной войны здание получило серьезные повреждения, но в апреле 1951 г. было отстроено заново.

Пожалуй, самый известный клуб «Строитель» (г. Новороссийск) – в 1908 г. здесь находилась синагога, которая просуществовала до 1929 г. В 1953 г. здание было передано строительному Тресту-12 под учреждение культуры, и с ноября 2000 г. это «Городской центр национальных культур».

Очевидно, что национальные общественные организации способствуют прогрессу и улучшению качества жизни национальных меньшинств, так как активно выступают за обеспечение доступа к образованию и медицинскому обслуживанию, за введение социальных программ, защиту прав меньшинств и уязвимых групп населения.

С 2015 г. в Краснодарском крае действует Совет при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по межнациональным отношениям. В 2023 г. в соответствии с внесенными изменениями в Устав Краснодарского края переименован в Совет при Губернаторе Краснодарского края по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями. Ключевой целью Совета выступает укрепление общественного согласия и минимизация конфликтогенности в регионе. Совет активно взаимодействует с общественными религиозными и национальными организациями для выработки единых подходов и координации действий в направлении укрепления этноконфессиональных отношений [24]. В настоящее время в крае зарегистрирована 161 национально-культурная организация [25].

В Новороссийске в настоящее время проживают представители более 100 национальностей. Свои общественные организации в основном имеют самые многочисленные и активные сообщества: русское, армянское, греческое, чешское, крымско-татарское, польское, азербайджанское, осетинское, дагестанское, лезгинское, грузинское, таджикское. Всего насчитывается 16 таких общественных национальных организаций. Для консолидации их деятельности с целью гармонизации межэтнических взаимоотношений 8 декабря 2021 г. на общем собрании национальных обществ муниципалитета была создана Новороссийская городская общественная организация «Центр национальных объединений». Она собрала воедино все национальные общественные организации город [26].

Стоит отметить, что работа с диаспорами интегрирована в деятельность органов молодежной политики. Одним из ключевых направлений реализации молодежной политики в Новороссийске, согласно Закона Краснодарского края о молодежной политики, является «обеспечение межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде, профилактика и предупреждение проявлений экстремизма в деятельности молодежных объединений» [27].

Немаловажное значение для Краснодарского края занимает реализация подпрограммы «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае» [28] в рамках Государственной программы «Региональная политика гражданского общества» [29], в целевые показатели которой входит «Уровень толерантного отношения к представителям другой национальности на территории Краснодарского края». Примером ключевых мероприятий является культовый проект «Фестиваль кавказского танца Черноморского побережья», просветительский проект «ЭтноСемья», арт-проект «Новороссийск – город дружбы», многонациональный праздник «Этнодетки», ежегодный фестиваль «Мы вместе! Мы едины».

В новых геополитических условиях работа с диаспорами приобретает особое значение. Представители национальных групп после переезда на новые (другие) территории поддерживают идентичность своего прежнего мира, а наиболее активные члены диаспор инициируют формирование новых институтов [30, с. 48]. Таким образом, национальная политика города Новороссийска в области работы с национальными общинами реализует следующие задачи: организация взаимодействия органов власти на разных уровнях с диаспорами на территории не только города и региона, но и страны, выстраивание сети межэтнической коммуникации, интенсификация кооперации и интеграции со странами-партнерами.

Литература:

1. Быков И.А. Социальный капитал и политика в России: портрет на фоне Европы // Политэкс. 2011. Т. 7. № 1. С. 102–116.
2. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. Т. 3. С. 60–74.
3. Титов В.Н. Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 89–100.
4. Рерке В.И., Салахова В.Б., Демаков В.И. Когнитивный социальный капитал личности: парадигмальный подход // Вестник Московского городского педагогического университета. 2021. № 1(55). С. 90–99.
5. Ерохина Л.Д., Красножон Г.А. Использования понятия «социальный капитал» в научных теориях: сравнительный анализ // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 92-3. С. 69–73.
6. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/401425792/
7. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Гарант.
8. Алиева Н.В. Национальные общины поликультурного региона как акторы обеспечения комплексной безопасности (на примере Астраханского региона) // Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security. 2022. № 2(4). С. 38–53.
9. Кочергин А.А. Краснодарский край // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред.: В.А. Тишков, А.В. Черных. Пермь: Изд-во «Маматов», 2024. 456 с.
10. Из истории население Новороссийска до 1917 года // Кубань и Черноморское побережье. URL: https://ballion.ru/
11. Управление архива муниципального образования город Новороссийск (УАМОГН). Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
12. Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. URL: https://russia-armenia.info/
13. Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 416 с.
14. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Предварительные итоги. В 3 х. т. Вып. 3: Азиатская часть РСФСР: Узбекская ССР. Туркменская СССР. М.: ЦСУ СССР, 1927. 27 с.
15. Губернатор Кубани встретился с Генеральным консулом Республики Армения // «Союз армян России» Краснодарского края. URL: https://sarkuban.ru/
16. Колесов В.И., Леусян О.А. Один Род – Две Генеалогии: Загадки Семейной Истории Черкесогаев Богарсуковых // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. VI: сб. статей. Владикавказ, 2014. 304 с.
17. Гаража Н.А., Воблая И.Н. Благотворительная деятельность в г. Новороссийске в конце XIX – начале XX вв.: организации и частные инициативы // Былые годы. 2022. № 17(4). С. 1885–1896.
18. Официальный сайт администрации и городской Думы МО город-герой Новороссийск // Официальный сайт администрации и городской Думы МО город-герой Новороссийск. Рубрика «Листая страницы». URL: https://www.admnvrsk.ru/
19. УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 541. Л. 7-7 об.
20. Селиверстов А.В. Все храмы края. Кубанская митрополия. Том II. Краснодар, 2020. 334 с.
21. Шило С. Еврейское училище Новороссийска. URL: https://proza.ru/
22. Проект положения об организации при комитетах РКП(б) отделов пропаганды и агитации среди национальных меньшинств. [Ранее 22 октября 1919 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 13. Л. 53. Копия. Машинопись. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/
23. В Новороссийске было 10 клубов, которые местные любили // Онлайн-газета «Новороссийский рабочий». URL: https://novorab.ru/
24. Совет при губернаторе Краснодарского края по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/
25. Список национально-культурных общественных объединений и иных национальных объединений, зарегистрированных и действующих на территории Краснодарского края. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/
26. НГОО «Центр национальных объединений». URL: https://novorosetnos.ru/
27. Закон Краснодарского края от 04.03.1998 г. № 123–КЗ «О молодежной политике в Краснодарском крае» (с изм. и доп.) // СПС Гарант.
28. Подпрограмма «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае» // Губернатор Краснодарского края. Администрация Краснодарского края. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/
29. Постановление Главы Администрации (Губернатора) Краснодарского края от 19.10.2015 г. № 975 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Региональная политика и развитие гражданского общества» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/
30. Русия Н.Т. Формирование идентичности армянской диаспоры в Краснодарском крае // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 3. С. 46–56.

The Social Capital of the National Communities of the City of Novorossiysk: History and Modernity

Voblaya I.N., Garaza N.A.
Novorossiysk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

This article presents a retrospective analysis of the social activity of the national communities of the city of Novorossiysk, which play a significant role in consolidating public and personal resources in creating a "new landscape" of the city, focused on maximum involvement of the population in the creation of socio-cultural, educational and economic infrastructure based on the principles of unity and tolerance, understanding and acceptance of the polyethnicity and polyconfessionality of Novorossiysk.

The relevance of the study is due to the fact that the multiculturalism of territorial communities determines certain challenges to the socio-economic development of specific territories and society as a whole, and sets the regions the task of building consensual interaction with ethnic groups aimed at ensuring the consolidation of regional and all-Russian social and socio-cultural space.

As the main goal, the authors identified the analysis of the work of national communities at the level of the city of Novorossiysk as a component of national policy. The study of the activities of communities at the present stage demonstrates a significant level of their socially useful activity; the practice of not only preserving the historical and cultural heritage of their ethnic groups, but also extensive educational work among young people, is strategically important in strengthening the solidarity of city residents.

The role and place of national communities in the public life of Russian regions undoubtedly have their own specifics. The city of Novorossiysk, having its own experience of accepting and adapting various diasporas, is no exception.

Description of the scientific and/or practical significance of the work, the value of the conducted research.

The practical significance of this study lies in the implementation of its results in the practical activities of national communities, in particular in the city of Novorossiysk. In turn, the scientific significance of the topic of this research is due to its importance for the Russian Federation as a multinational and multi-religious state, is naturally important and should be studied in both historical, sociological and interdisciplinary contexts.

This topic requires in-depth study, since its results can contribute to effective interaction between different ethnic and religious groups, as well as strengthening social cohesion in the region.

Keywords: social capital, Novorossiysk, national communities, diaspora, charity, geopolitics, integration

УДК 316.34 + 316.012 + 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-192-196

Репутационные механизмы формирования доверия в инклюзивной экономике*

Воеводина Е.В.
Кандидат социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий
и социального инжиниринга факультета социальных наук
и массовых коммуникаций, доцент кафедры социологии
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Исследовательский интерес к инклюзивной экономике обусловлен трансформацией мирового социально-политического ландшафта, усилением интенсивности миграционных процессов, изменениями социально-демографической структуры. Доверие является фундаментальной основой инклюзивных процессов, значимая роль при этом отводится механизмам его формирования, в том числе репутационным. Цель исследования заключается в анализе и типологизации репутационных механизмов формирования доверия. Описаны условия функционирования таких механизмов в инклюзивной экономике. Научная значимость исследования заключается в концептуализации категории инклюзивной экономики, разработке типологии механизмов в зависимости от типа стейкхолдера (формирующие/внешние, поддерживающие/внутренние), степени планирования действий по формированию репутационного капитала субъектом (реактивные, стратегические, адаптивные). Практическая значимость заключается в том, что исследование создает методологическую основу для оценки репутационных механизмов формирования доверия экономических объектов. Ценность исследования определяется соответствием темы актуальным современным потребностям в обеспечении устойчивого развития и инклюзии.

Ключевые слова: *доверие, инклюзивная экономика, репутация, репутационные механизмы формирования доверия*

Для цитирования: *Воеводина Е.В. Репутационные механизмы формирования доверия в инклюзивной экономике // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 192–196. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-192-196.*

Снижение доверия в социальных отношениях стало одним из глобальных вызовов XXI в., влияющих на благополучие экономических субъектов. Согласно измерениям Барометра Эдельмана, в мире наблюдается снижение доверия к государству, медиа, неправительственным организациям [1]. Даже такой показатель, как доверие бизнесу, который ранее опережал другие институты, продемонстрировал снижение в 2024 г. Основными факторами формирования «мирового недоверия» становятся как политические, военные конфликты, так и некоторые особенности техногенной цивилизации (например, цифровизация и глобализация медиа, интенсивная миграция населения). В то же время формирование доверия требует интеграции и переосмысления социальных отношений в сторону устойчивого и инклюзивного мира, признающего интересы различных субъектов как равных. Доступность и общность ценностей, открытость и прозрачность, репутационный капитал становятся ключевыми ресурсами формирования доверия в условиях инклюзивной экономической модели.

Для инклюзивной экономики существует ряд интерпретаций как в российских работах (Е.В. Ба-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

лацкий, И.В. Герсонская, О.В. Забелина, О.Ю. Мамедов, О.В. Санфирова, В.В. Сизов, А.И. Копытова), так в зарубежной практике (*Rockefeller Foundation, McKinsey & Company, Business for Social Responsibility (BSR*)). На основе анализа источников можно выделить два подхода к интерпретации инклюзивной экономики:

1) *в узком контексте*: инклюзивная экономика представляет собой новый тип формации, ориентированный на обеспечение гармоничного развития личности и социума в условиях снижения общественного неравенства и поляризации, направленный на активное вовлечение социально-уязвимых групп населения;

2) *в широком контексте*: инклюзивная экономика – новый тип формации, ориентированный на участие широких масс населения, основанный на принципах открытости, меритократичности и развития человеческого капитала. В данном исследовании мы будем опираться на второй подход, базирующийся на теории Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [2].

Цель настоящего исследования заключается в анализе и типологизации репутационных механизмов формирования доверия в инклюзивной экономике, а также описании условий их функционирования.

Роль репутации в инклюзивной экономике. С начала XXI в. неосязаемым и нематериальным ресурсам в анализе рыночных отношений уделяется особое внимание. В отличие от других видов капитала, их невозможно обособить от экономического субъекта – «продать, подарить, уничтожить» [3]. К таковым видам капитала можно отнести отношения компании со стейкхолдерами (клиентами, сотрудниками, органами власти, партнерами). Доверие рассматривается как необходимый «связующий» элемент этого капитала.

В качестве экономической категории, подчеркивающей нематериальную природу репутации, используется понятие репутационного капитала. Его социологическую основу образуют работы П. Бурдье, М. Грановетера, Дж. Коулмана, Г. Беккера, Р. Патнема, Ф. Фукуямы, М. Маусса и др. Опираясь на концепцию Дж. Нахапит и С. Гошал, Н.М. Габдуллин предлагает субъектный подход к оценке репутационного капитала компаний, включая в него такие компоненты, как: деловая репутация, социальная ответственность, бренд (товарный знак) [4]. В работах Т.А. Нестика и И.А. Соломахи репутация как часть социального капитала воплощает коллективные представления, разделяемые внешними акторами, поэтому формирование и передача репутации как капитала может осуществляться вне ее непосредственного влияния [5]. Факторы формирования репутации также часто обозначаются как «репутационные драйверы». К таковым, по мнению малазийских исследователей Т.Дж. Чан-Так, Л.С. Инь, П. Надараджан и П. Рамайя, относятся продукты или услуги, инновации, кадровая политика, управление, корпоративная социальная ответственность, лидерство, эффективность [6].

Таким образом, репутационный капитал – это вид социального капитала, основанного на нематериальных активах, обеспечивающий конкурентные преимущества и формирование доверия в среде стейкхолдеров. Доверие, таким образом, можно рассматривать как результат оценки репутационного капитала субъектом-доверителем. Этот вывод применим к экономико-ориентированным теориям доверия. Ему противопоставляется теория К.Э. Легструппа о «естественном» доверии, как качеству «по умолчанию» [7]. Следуя его теории, изначально во взаимодействии субъектов проявляется доверие, исключая те ситуации, когда у одного из них есть основания для «недоверия», например, негативный опыт или репутация. Мы полагаем, что обе интерпретации имеют право на применение в социологическом анализе. Так, в ситуации отсутствия репутационного капитала субъект-доверитель может прибегнуть к «естественному доверию», полагаясь, таким образом, на морально-этическую ответственность партнера. Например, при выборе незнакомого продукта потребитель проявляет доверие через конкретное действие – покупку товара, полагая, что производитель проявит честность и выполнит свои обещания по качеству товара. Однако чем дороже покупка (сделка), тем выше риски субъекта-доверителя, что заставляет его действовать осторожно. Таким образом, «рациональное» доверие превышает «естественное» доверие в тех транзакциях, ставки которых рассматриваются субъектом-доверителем как высокорискованные и значительные с точки зрения потерь. Репутационный капитал в таком случае становится основой доверия, поскольку позволяет субъекту преодолеть неопределенность и оценить риски.

Типология репутационных механизмов формирования доверия. В зависимости от типа стейкхолдеров, оказывающих влияние на накопление репутационного капитала, можно выделить два типа механизмов. Формирующие направлены преимущественно на внешних стейкхолдеров и включают инструменты влияния и взаимодействия с внешней средой (маркетинговые, лоббистские технологии, программы корпоративной ответственности, устойчивого развития – *ESG/DEI*). Так, в исследовании И.А. Москвиной отмечается, что «сильная» репутация обеспечивает экономический рост компаний, при этом автор разделяет два понятия – репутации и имиджа. Репутация является «результатом» имиджа, в то время как последний включает в себя «совокупность эмоциональных и рациональных представлений об объекте, возникших у корпоративной аудитории стихийно или в результате целенаправленной работы» [8]. Отсюда следует, что имидж

– это та часть репутации, которая поддается целенаправленному воздействию и может быть сконструирована на основе маркетинговых технологий. Например, именно маркетинговые технологии, по мнению экспертов *Brand finance*, способствовали росту крупных европейских компаний в 2023 г.: *Swisscom*, ставшего «самым сильным европейским брендом» с индексом силы бренда (*BSI*) 91,7/100, а также *Porsche*, имеющего самый высокий показатель восприятия устойчивого развития (*SPV*) – 7,8 млрд евро [9]. Успешность *Porsche* связывают с тем, что устойчивое развитие является ключевым фактором выбора для потребителей в секторе предметов роскоши (22,9 %), а *Porsche* активно использует принципы *ESG*, защиты окружающей среды, в т.ч. через активное продвижение электромобилей и экологичных источников энергии.

Поддерживающие механизмы направлены на внутренних стейкхолдеров и включают в себя влияние на внутреннюю среду через программы внутренней корпоративной социальной ответственности (КСО), корпоративную культуру, оценку качества и репутационный аудит (рис. 1). Для демонстрации значимости отношений с сотрудниками в формировании репутации, доверия и экономических показателей эксперты «Сбера» приводят кейс-анализ компании *Toshiba* [10]. Отмечено, что в 2008 г. компания понесла рекордные потери 3,47 млрд долл. из-за авторитарной и агрессивной корпоративной культуры. Давление на сотрудников привело к утрате организационного доверия и, как следствие, нарушению внутренней коммуникации – существующие проблемы не обсуждались, а замалчивались. В результате компания понесла не только экономические, но и репутационные потери, сопряженные с увольнением сотрудников и последующими судебными разбирательствами.

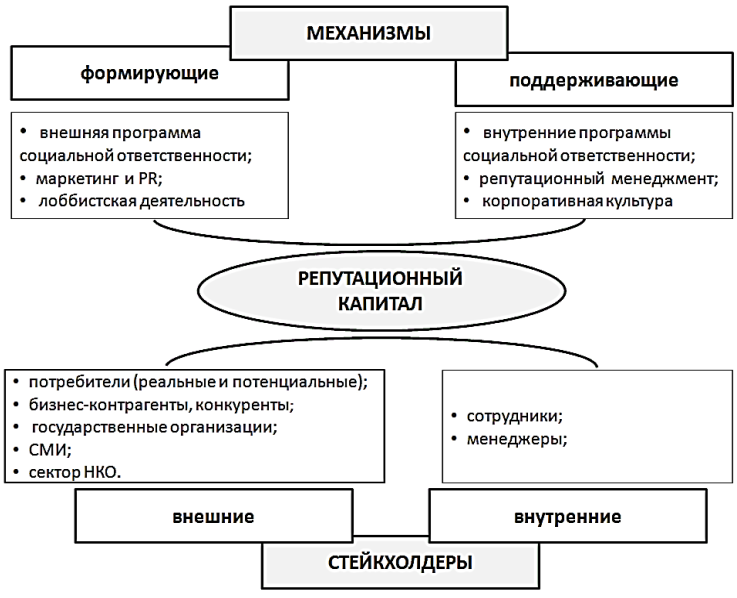

Рис. 1. Механизмы формирования репутационного капитала

К критериям типологии репутационных механизмов можно также отнести степень планирования действий по формированию репутационного капитала субъектом. На этой основе можно выделить механизмы: *реактивные* (заключающиеся в экстренном реагировании на репутационные «триггеры»), *стратегические* (включающие разработку долгосрочной стратегии формирования репутации) и *адаптивные* (являющиеся ответом на внешние события, которые могут быть учтены в формировании репутации).

К реактивным механизмам мы предлагаем отнести действия субъектов, являющиеся ответом на событие-триггер, обладающие риском снижения репутационного капитала. К таким событиям можно отнести как внешние-триггеры, например, техногенные (производственные) катастрофы, так и внутренние, например, забастовку сотрудников, обвинение менеджеров в коррупции, харассменте. Цель таких механизмов – не потерять имеющееся доверие в среде стейкхолдеров. По мнению Т.А. Жученко, именно такие «оборонительные» механизмы являются наиболее распространенными, поскольку многие фирмы начинают заботиться о своей репутации только в случае возникновения серьезных проблем [11].

Стратегические механизмы включают в себя ориентацию на долгосрочные эффекты в формировании репутационного капитала через последовательное внедрение корпоративных программ. Они связаны с инвестициями в развитие инновационного (интеллектуального) и человеческого капитала, относящимся к внутренним репутационным драйверам. Они обеспечивают «накопительный» эффект в формировании и укреплении доверия. Например, в исследовании А.В. Пеша отмечается, что внедрение внутренних программ группового сплочения и командообразования способствует укреплению организационного доверия, удержанию мотивированных сотрудников и росту производительности компании [12]. Во внешней среде долгосрочная ориентация на взаимоотношения между рыночными субъектами, направленная на поддержку партнеров в кризисной ситуации, а не на «быстрое» обогащение, является не только драйвером доверия, но и фактором экономического роста. Так, например, Ф. Фукуяма, анализируя кейсы японской компании *Mazda* и немецкой *Daimler-Benz* в период нефтяного кризиса 70-х гг., отмечает, что данные компании сохранили лидирующее место на рынке прежде всего за счет поддержки банков-партнеров, которые в свою очередь тоже выиграли от сотрудничества [13].

Адаптивные механизмы можно рассматривать как реакцию на внешние тренды и

непредсказуемые события – «чёрные лебеди». Черный лебедь – термин, используемый Н. Талебом для обозначения влияния случайных и непредсказуемых событий на экономику, типичным примером такого события является пандемия коронавируса [14]. В отличие от реактивных механизмов, они не несут в себе прямой угрозы для репутационного капитала субъекта. В то же время адаптация к таким событиям помогает укрепить доверие и репутацию рыночных субъектов. Например, в начале пандемии крупные компании, принадлежащие российским миллиардерам («Альфа-Групп», *UC Rusal*, ГК «Ренова», Уралхим, Сафмар и др.), пожертвовали порядка 421 млрд долл. в виде благотворительной помощи – на приобретение лекарственных препаратов и предоставление материальной помощи социально-уязвимым слоям населения [15]. Такая деятельность благоприятно отразилась на деловой репутации этих компаний и способствовала получению ими государственной поддержки.

Отметим, что «работа» репутационных механизмов формирования доверия находится в прямой зависимости от специфики экономической системы, свойств ее открытости, экстрактивности или инклюзивности институтов. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон различают страны в зависимости от типа преобладающих институтов – инклюзивных и экстрактивных, причем первые добиваются большего экономического успеха [2]. *Инклюзивные институты* направлены на вовлечение в экономическую активность больших и разнообразных групп населения, способствуя тем самым увеличению объема человеческого капитала. Такие институты способствуют диверсификации и реализации меритократии – развитию талантов, конкуренции, внедрению инноваций, совершенствованию производства и, в конечном счете, более эффективному функционированию институтов. Важными принципами функционирования инклюзивных институтов являются прозрачность и открытость (не только государственных институтов, но и бизнеса): во-первых, это открывает границы для широкого участия населения в их формировании; во-вторых, это способствует управлению институтами со стороны населения, что также приводит к их усовершенствованию. *Экстрактивные институты* представляют собой противоположность инклюзивным. Они имеют «хищническую» эксплуататорскую природу и ориентированы на то, чтобы «выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части» [16]. Такие институты заинтересованы в том, чтобы закрепить привилегированное положение действующих элит, в том числе за счет «теневой» экономики и коррупции. Каналы социальной мобильности, ориентированные на принципы меритократии, утрачивают свое значение; вместе с этим перестает развиваться интеллектуальный и инновационный капитал. Со временем действующая элита деградирует согласно принципам закона «железной олигархии» Р. Михельсона. В конечном счете рост экстрактивных институтов приводит к обнищанию государства.

Теория Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона позволяет выделить важную закономерность в формировании механизма репутации. В обществе с преобладающими экстрактивными институтами репутационные механизмы будут обладать меньшей регулятивной способностью и, следовательно, меньшим потенциалом воспроизводства доверия. Развитие теневого сектора экономики, свойственного для экстрактивных институтов, приводит к снижению прозрачности рыночных сделок. Репутация в таком случае будет формироваться не через стейкхолдеров, а посредством жесткого давления элит. Инклюзивная экономика, напротив, предполагает внедрение разнообразных инструментов формирования и оценки репутации в среде стейкхолдеров.

Выводы. Репутация является одним из важных ресурсов формирования доверия в трансформирующихся экономических отношениях, однако её значимость детерминируется, во-первых, качествами институциональной среды, а во-вторых, характером деловой среды (деловым климатом). В инклюзивной экономике репутация обладает большей регулятивной силой, формируясь в условиях прозрачности. Её регулятивное свойство воплощается в осуществлении внешнего контроля обязательств со стороны стейкхолдеров на основе оценки надежности субъектов, их ответственности, порядочности, взаимной поддержки, чувства долга и других качеств, которые Ф. Фукуяма относит к добродетелям, образующим основу общества с высоким уровнем доверия [13]. Контекстуальные условия, необходимые для реализации этой функции, – открытость и прозрачность институтов. Одновременно с этим возрастает значимость поддерживающих механизмов, определяемых отношениями с внутренними стейкхолдерами. Особое значение регулятивная функция репутации приобретает для трансформирующейся среды с высоким уровнем неопределенности. При этом закрытость (экстрактивность) институтов и групп следует рассматривать как качество, препятствующее регулятивному свойству репутации и фактор риска снижения институционального доверия. В качестве механизма деструкции репутации можно выделить «культуру отмены», которая может быть реализована как инструмент восстановления социальной справедливости (регулятивное свойство) и как инструмент экономического давления (манипулятивное свойство), направленный на социальное исключение субъекта с использованием ресурсов морально-этического осуждения и «новой этики».

Литература:

1. Edelman Trust Barometer Global Report 2024: Edelman. URL: https://www.edelman.com/trust/2024/trust-barometer (дата обращения: 20.07.2024)
2. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие – бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2023. 672 с.
3. Ковалев В.В., Ковалев Вит. В. О гудвилле «собачьем, кошачьем» и не только: к вопросу о надуманных категориях, классификациях и алгоритмах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2016. № 4. С. 124–153.
4. Габдуллин Н.М. Генезис понятия "репутационный капитал" в контексте развития концепции социального капитала организации // Экономические науки. 2022. № 8 (213). С. 19–26.
5. Нестик Т.А., Соломаха И.А. Персональный социальный капитал, доверие и социально-психологические характеристики личности // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Под ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 348–376.
6. ChanTak T.J., Yin L.S., Nadarajan P., Ramayah P. A review of reputation facets of selected public-listed companies in Malaysia based on Reptrak model: Researchgate. URL: https://www.researchgate.net/publication/311981859 (дата обращения: 01.07.2024).
7. Løgstrup K.E. The Ethical Demand. Oxford: Oxford University Press, 2020. 288 p.
8. Москвина И.А. Маркетинговое управление репутацией в обеспечении конкурентоспособности малого предприятия: автореф. дисс. … канд. экон. наук. М., 2007. 27 с.
9. Brand finance Europe 500 2023: Европа 500 2023: Ежегодный отчет о самых ценных и сильных европейских брендах. URL: https://brandirectory.com/rankings/europe/ (дата обращения: 01.07.2024).
10. Как доверие влияет на прибыль компании: Sber CIB. URL: https://sbercib.ru/publication/kontseptsiya-doveriya (дата обращения: 01.07.2024)
11. Жученко Ю.Н. Деловая репутация: опыт исследований // Экономические науки. 2010. № 68. С. 126–129.
12. Пеша А.В. Атмосфера доверия как составляющая корпоративной культуры и ее влияние на организационную эффективность // Науковедение. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/100EVN217.pdf (дата обращения: 28.03.2024)
13. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
14. Талеб Н. Черный Лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, Азбука Аттикус, 2022. 736 с.
15. Бизнес против пандемии: Рамблер финансы. URL: https://finance.rambler.ru/other/43968499-biznes-protiv-pandemii-rossiyskie-milliardery-zhertvuyut-sredstva-na-borbu-s-rasprostraneniem-koronavirusa/ (дата обращения: 06.03.2024)
16. Балацкий Е.В. Концепция инклюзивных институтов и ее приложения // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 143–156.

Reputational Mechanisms for the Reproduction of Trust in an Inclusive Economy

Voevodina E.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Research interest in the inclusive economy is due to the transformation of the global socio-political landscape, the intensity of migration processes, and changes in the socio-demographic structure. Trust is the fundamental basis of inclusive processes. Of particular interest are reputational mechanisms for the formation of trust. The purpose of the study is to analyze and typologize reputational mechanisms for the reproduction of trust. The conditions for the functioning of these mechanisms in an inclusive economy are described. The scientific significance of the study lies in the conceptualization of the category of inclusive economy, the development of a typology of mechanisms depending on the type of stakeholder (formative/external, supporting/internal), the degree of planning of actions to form reputational capital by the subject (reactive, strategic, adaptive). The practical significance is that the study creates a methodological basis for assessing the reputational mechanisms of trust in economic entities. The value of the study is determined by the correspondence of the topic to current modern needs for ensuring sustainable development and inclusion.

Keywords: trust, inclusive economy, reputation, reputation mechanisms for the reproduction of trust

УДК 316.4.06
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-197-203

Трансформация практик цифровой активности современной молодежи: сопоставительный анализ*

Ефлова М.Ю.
Доктор социологических наук, профессор,
заместитель директора по научной деятельности
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ямалнеев И.М.
Кандидат политических наук,
доцент кафедры истории, философии и социологии, проректор
Казанского государственного медицинского университета

Максимова О.А.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева – КАИ

Нагматуллина Л.К.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева – КАИ

В настоящее время виртуальная среда, обладающая значительной силой воздействия на современную молодежь, определяет многообразие практик цифровой активности, реализуемых представителями молодых поколений в повседневном формате, что обуславливает актуальность и востребованность социологической диагностики данного направления. Цель данного исследования состоит в выявлении специфики действий молодежи в глобальном информационном пространстве и определении мотивирующих факторов ее активного участия в онлайн-практиках.

* Статья подготовлена в рамках проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» по государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что в условиях новой цифровой парадигмы, во многом определяющей жизненную орбиту молодых поколений, необходимо изучение всего спектра практик онлайн-активности молодежи в условиях ускоряющихся темпов цифровизации. В статье осуществлен поиск ответа на вопрос о том, какие практические действия следует предпринять для того, чтобы усилить роль цифровой среды в формировании поведенческих практик молодежи положительной направленности и полностью нейтрализовать, исключить определяющую роль интернет-среды в формировании их негативных форм.

Ценность и новизна проведенного анализа обусловлена сопоставительным анализом динамики изменения цифровых поведенческих трендов молодежи, выявленной по результатам двух репрезентативных опросов молодежи 2021 и 2023 гг. По итогам исследования сформулированы выводы о распространенности различных практик цифровой активности российской молодежи, описаны тенденции их дальнейшего развития.

Ключевые слова: *цифровая активность, цифровая среда, онлайн-активность, молодежь, цифровая компетентность, виртуальная реальность*

Для цитирования: *Ефлова М.Ю., Ямалнеев И.М., Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Трансформация практик цифровой активности современной молодежи: сопоставительный анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 197–203. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-197-203.*

В современных условиях «очень важна обратная связь с обществом», особенно с молодежью – той частью отечественного социума, на которую возложена миссия по «укреплению страны» [1] и обеспечению ее развития. Поэтому без понимания характера цифрового поведения молодежи эпохи качественных технологических изменений, испытывающей сильное информационное воздействие, для которой цифровая среда стала неотъемлемой частью жизненного пространства и даже ее доминирующей зоной, изменившей основы и направленность процесса социализации, невозможна не только корректировка стратегий ее поведения в континууме информационного и реального социального пространств, но и нахождение путей мобилизации резервов гражданской активности молодежи. От социальных действий, реализуемых молодежью в различных сферах общественной жизни, уровня их энергии и соответствия новым требованиям современной реальности, зависит будущее страны, ее способность противостоять множеству вызовов. В этом аспекте также важно осуществлять подготовку профессионалов высшей квалификации через систему высшего образования. Именно она становится востребованным «…коммуникативным пространством, где воспитывается студенческая молодежь с гражданскими позициями по отношению к своей стране, к своему региону, семье, близкому окружению, природному миру» [2].

Этими обстоятельствами обусловлен сопоставительный анализ результатов двух репрезентативных социологических исследований, проведенных в 2021 и 2023 гг. группой исследователей Казанского (Приволжского) федерального университета при участии авторов статьи, по изучению поколений молодежи в контексте их цифрового поведения.

Основой исследований стало онлайн-анкетирование отечественной молодежи с репрезентативной выборкой 2210 и 2206 чел. соответственно по годам, проведенное в 8 федеральных округах Российской Федерации: Центральном, Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Приволжском, Уральском, Сибирском, Дальневосточном. Респондентами стала молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, выделенная в две возрастные группы – от 18 до 25 лет и от 26 до 35 лет. Из обследуемых представителей социально-демографической группы молодежи в первой волне женщин – 62,4 %, мужчин – 37,6 %, во второй, 2023 г., – 51,7 % женщин и 48,3 % мужчин. Критериями, определившими выборочную совокупность, стали показатели уровня образования, материальное положение, место проживания – в городах с разной численностью населения (от менее 50 тыс. жителей до миллиона), а также в селе и сельской местности.

Остановимся подробно на сопоставительном анализе данных, полученных в годы проведения исследований, результаты которых представляют возможность сделать выводы относительно наметившихся тенденций изменения практик цифровой активности современной молодежи.

С каждым годом уровень цифровых компетенций молодежи демонстрирует устойчивый рост. Стремительно нарастающая скорость цифровых трансформаций способствует приходу в информационное пространство новых поколений, отличительной чертой которых является цифровое мышление со

свойственной ему интенсивностью приращения знаний в области информационных технологий. Неразрывная связь молодежи с цифровой средой, обыденность и естественность восприятия ее представителей в интернет-контексте на всех уровнях жизни позволяет оценивать достаточно высокий уровень цифровой компетентности молодежи, в том числе отмечаемый и самими ее представителями, что подтверждается ответами респондентов на вопрос онлайн-анкеты, когда опрашиваемых просили оценить уровень собственной цифровой компетентности. Так, если в 2021 г. 21,9 % респондентов оценивали свои цифровые навыки как высокие, 38,4 % как «выше средних», 35 % – «средние», 6,8 % – «низкие», то в 2023 г. числовые показатели принципиально изменились. Так, 41,5 % респондентов отметили высокий уровень собственной цифровой компетентности, 49,2 % оценили их как «выше среднего» и 6,6 % посчитали уровень цифровых знаний и умений «средними» и лишь 2,7 % «низкими». В данном случае очевидны существенные увеличения числовых показателей в ответах и явно выраженная тенденция на актуализацию спроса молодежи на овладение цифровыми компетенциями, обусловленная объективными требованиями современного цифрового общества.

В условиях увеличения объемов информации, исходящей из интернет-среды, многообразия цифровых информационных источников, расширения диапазона коммуникативных практик в цифровом пространстве наблюдается продолжающийся рост показателей использования молодежью социальных сетей и мессенджеров, которые сами респонденты считают «удобным форматом коммуникации с минимальными затратами времени» и неуклонно наращивают интенсивность взаимодействия в информационном пространстве. По результатам наших исследований лидерами среди молодежной аудитории стали социальные сети *ВКонтакте* и *Tik Tok,* мессенджеры *WhatsApp*[1] и *Telegram*. Используемые наиболее активно, они в исследуемом периоде с 2021 по 2023 гг. продемонстрировали увеличение количества пользователей. Так, например, популярность социальной сети *Tik Tok* выросла с 26,4 % в 2021 г. до 33,7 % в 2023 г.; доля опрошенной молодежи, которая чаще стала задействовать в общении *Telegram* увеличилась с 60,8 до 84,4 % соответственно по годам.

Действительно, множественность онлайн-платформ и приложений, существующих на рынке программных продуктов и постоянно демонстрирующих раскрытие функциональных возможностей, вызывает интерес у современной молодежи и неизбежно влечет за собой необходимость их освоения в целях интернет-общения, концентрируя представителей молодых поколений в цифровой среде. Для большинства молодых людей она стала также источником получения информации о значимых событиях общества и страны. В этом плане результаты исследований проиллюстрировали динамику изменения численности респондентов, предпочитающих получать информацию из интернета: если в 2021 г. форумы, блоги, мессенджеры, социальные сети являлись источником информации для 77,3 % опрошенных, то по данным 2023 г. их количество увеличилось до 90,7 %, обозначился рост и среди тех респондентов, кто предпочел цифровые медиа другим способам получения информации – от 73,6 % на первом этапе исследования до 86,6 % во вторую волну.

Жизнь современной молодежи наполнена проявлениями онлайн-активности, характеризуемой многообразием ее видов и форм, наиболее типичными из которых является использование цифровой среды в образовательных, трудовых, досуговых целях. Молодежь осуществляет общение в интернет-сетях и мессенджерах, реализует ежедневные обыденные практики, задействуя интернет-средства, что, безусловно, увеличивает время, проводимое в информационном пространстве. Так, количество участников группы «постоянного онлайна», по данным исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на июнь 2023 г., «отличает молодой возраст – 18–24 года», а изменяет показатели интенсивности потребления интернета в возрастных группах 18–24-летних и 25–34-летних наблюдается постоянная динамика в сторону роста, «но в большей степени – среди молодежи до 25 лет, где доля "*heavy users*" ("заядлых пользователей") достигла 86 %» [3].

Следствием данной ситуации вполне закономерно является наблюдаемое у молодежи предпочтение онлайн-формата взаимодействия в различных жизненных сферах, что также подтверждают данные нашего исследования 2023 г., в соответствии с которыми участники опроса, определяя процентный показатель того, насколько их общение перешло в цифровую среду по шкале от 0 до 100 %, отметили, что на 59,3 % общение с родственниками, членами семьи проходит в интернет-пространстве; числовой показатель онлайн-контактов с друзьями несколько выше и составил 62,7 %, а онлайн-общение с коллегами оценено на уровне 54 %. Респонденты посчитали, что их взаимодействие с представителями государственных институтов (налоговые органы, госуслуги, врачи и пр.) на момент опроса соответствует 56,2 %, а обсуждение информации о мире, о жизни, о стране, обществе и пр., осуществляемое в чатах, на форумах, соответствует показателю в 66 %. При этом значимых различий в оценках респондентов, определяемых зависимостью

[1] Мессенджер *WhatsApp* принадлежит *Meta*, которая признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена в России.

приведенных числовых данных от пола, возраста, уровня образования, материального положения и места проживания по федеральным округам, в ходе дисперсионного анализа выявлено не было.

Наблюдаемое повышение значимости цифрового пространства в осуществлении коммуникационных связей одновременно не свидетельствует о его исключительном предпочтении в отношении реализации молодежью практик общения, а значит, сохраняется понимание роли реальной социальной среды в обогащении социальным опытом в процессе взаимодействия, признание ее в качестве неизменной основы социализации молодых поколений, источника их социальной активности.

На фоне существующего режима постоянного присутствия молодежи в интернет-среде заметна и требует анализа онлайн-активность в отношении проявления гражданских инициатив, желания решать как глобальные, так и локальные проблемы, используя ресурсы цифровой среды. С этой целью в онлайн-анкетах был предусмотрен блок вопросов, направленный на выяснение набора причин и практик гражданского участия, реализуемых молодежью в цифровом поле. Так, анализ результатов опросов двух лет продемонстрировал следующую динамику изменения мнений представителей опрошенной молодежи относительно причин проявления людьми гражданской активности в интернете: незначительно возросло число опрошенных – с 46,6 % в 2021 г. до 48,4 % в 2023 г., указывающих в качестве такой причины тот факт, что «объединение в реальной жизни занимает слишком много ресурсов». Одновременно уменьшилось количество ответивших, считающих, что «Интернет позволяет воздействовать на большее количество людей» с 60,5 % в 2021 г. до 53,6 % в 2023 г., а также тех, кто ранее утверждал, что «цифровые медиа способствуют более мощной и эффективной мобилизации людей» (с 40,6 до 32,3 % соответственно). Ощутимое падение числовых показателей зафиксировано и по количеству опрошенных, придерживающихся точки зрения, что проявление гражданской активности в интернете гарантирует безопасность с 50,3 % в 2021 г. до 29,2 % в 2023 г. Динамика ответов молодежи на данный вопрос, а также самостоятельно предлагаемые варианты ответов, прозвучавшие следующим образом: «Ритм современной жизни предполагает цифровизацию и ускорение темпов жизни, огромный поток информации окутывает людей, поэтому интернет позволяет человеку обрабатывать данную информацию», «Так удобнее и экономит время», «Потому что это удобно и доступно», заслуживают внимания в контексте того, что молодежь, при усиливающемся на нее цифровом воздействии адекватно оценивает возможности интернет-среды, видит опасности, из нее исходящие, фактически понимая, что при простоте, удобстве, скорости распространения информации в цифровом поле не всегда можно обеспечить эффективность осуществляемых там действий. Поэтому только «связанность активности в онлайн-среде и реализуемых в офлайн форм активности» [4], основанная на взаимодополняемости двух сред – цифровой и реальной социальной, способна привести к достижению желаемых результатов по реализации гражданских свершений.

Современный цифровой формат взаимодействия предоставляет широкие возможности выбора молодежью способов инициации и реализации гражданских инициатив в соответствии с целями, жизненными предпочтениями, мотивами, мировоззренческими ориентациями и установками. В целях анализа наиболее приоритетных практик среди представителей отечественной молодежи и осуществляемых ими в цифровой среде опрашиваемым был задан вопрос «Что Вам приходилось делать в Интернете за последние полгода-год?». Сравнительный анализ ответов на вопрос зафиксировал следующие тенденции: молодежь стала чаще вступать в группы партий/политических лидеров в социальных сетях: если в 2021 г. на это указали 28,1 % респондентов, имеющих такой опыт, то в 2023 г. – 30,4 % опрошенных; фактически не произошло изменений в отношении стремления молодежи высказываться по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах: если в 2021 г. поступали так 45,7 % респондентов, то в 2023 г. – 45,6 %. Не уменьшилось и количество молодежи, вступающей в группы общественных (некоммерческих) организаций, инициатив по решению общественных проблем и помощи нуждающимся в социальных сетях (44,7 и 45,8 % соответственно по годам). Причем желание оказывать помощь изъявляли как респонденты, оценивающие свое материальное положение как достаточно высокое, при котором они могут «позволить себе практически все», так и те, кто отметил, что «денег не хватает даже на самые необходимые продукты» (73,1 и 53,2 % респондентов соответственно с разным уровнем обеспеченности), и такая позиция, в соответствии с результатами опросов, выглядит достаточно устойчивой. Годы между двумя исследованиями не изменили мнения молодежи относительно активного соучастия в решении значимых социальных проблем, дальнейшей реализации практики поддержки нуждающихся в помощи людям, на уровне, доступном и понятном молодежи – в цифровой среде, подтвердив таким образом не только активную гражданскую позицию молодых поколений, но и позитивный прогноз в отношении устойчивости их духовно-нравственного начала, не нарушенного информационным воздействием.

Цифровая жизнь молодежи с многообразием конфигураций онлайн-практик и предпочтений, умением представителей молодых поколений свободно

ориентироваться в информационном пространстве способствует росту убежденных в том, что «действия пользователей в интернете могут менять мир». В 2023 г. доля респондентов, разделяющих данную точку зрения, составила 22,8 % в отличие от 18,2 % респондентов в 2021 г., признающих следствием активных действий в интернет-пространстве возможность влияния на социумную действительность. Несмотря на то что динамика изменений мнений была незначительна и числовой показатель вырос всего на 4,6 %, все же этим возможно объяснить существующую у молодежи уверенность в целесообразности проявления гражданской активности в цифровой среде. Среди факторов, также определяющих включение в онлайн-обсуждение и участие в решении проблем различных уровней – локального и глобального, наши респонденты отмечали «желание осветить свою позицию», причем показатель данного варианта ответа практически остался на уровне 2021 г. и составил 33,6 %. Решающими моментами активного участия в онлайн-действиях по решению социально значимых проблем общества опрошенные называли желание «добиться широкой огласки какой-либо проблемы», «опровергнуть ложную информацию». Числовой показатель данных ответов также остался на уровне 2021 г. и составил 40,6 и 43,2 % соответственно. Изменениям подверглись мнения респондентов относительно факторов включения в онлайн-обсуждение, определяемых сугубо личными целями, решения собственных проблем, а также близких людей, в связи с чем число считающих наиболее значимым мотивом включения в онлайн-активность ситуацию, когда «проблема касается лично меня и моих близких», уменьшилось с показателя 48,6 % в 2021 г. до 43,3 % в 2023 г. при отсутствии зависимости ответов от пола, возрастной группы, уровня образования, материального благосостояния и места проживания.

Вопреки существующей критике молодых поколений, упрекаемых в наличии у них установок индивидуализма, прагматичности, ориентированности на собственный успех, достаточно заметна позитивная подвижка в изменении приоритетов молодежи в отношении сочетаемости личного и общественного. Стремление решать проблемы города, региона, страны, не оставаясь безучастным к происходящему в пространстве социума, подтверждая гражданскую заинтересованность и участие, стало более выраженным у молодых респондентов.

Молодежь четко заявляет о готовности проявлять гражданскую активность при необходимости решения различных проблем, задействуя знакомые и доступные ей средства интернет-среды. При этом ключевыми тактиками реализации гражданского участия, в представлениях молодых респондентов, являются «проставление ‟лайков” (‟мне нравится”) под постом о проблеме», «подписание интернет-петиций», «перепост поста, сделанный другими пользователями на своей странице/своим контактам», «создание авторских постов/сообщений в социальных сетях», «создание постов для защиты прав потребителей/публичное разоблачение организаций, нарушающих такие права», «внесение/организация онлайн пожертвований для решения проблем». Диапазон распределения данных вариантов ответов определялся показателями в числовом отрезке от 60 до 15 % от числа опрошенных в 2021 г., а в 2023 г. был расширен и находился в районе числовых значений 17,3–74,7 %. И хотя высказывание одобрения в виде проставления «лайка» – «кликтивизм», как форма действенного средства решения проблем часто вызывает определенные сомнения и потому носит название «пассивный активизм», все же позволяет расширить охват информируемой аудитории, акцентировать внимание большого количества людей на проблеме и является неким стандартом цифрового поведения современной молодежи, который видится молодым поколениям наиболее эффективным, оказывающим поддержку высказываемым идеям, мнениям, инициативам, тем более что они считают, что «все способы решить проблемы общества перешли в онлайн пространство, в оффлайн каналов не так много» (увеличение показателя с 17,9 до 31,3 % в годы проведения исследований). Такая своеобразная форма соучастия современной молодежи в решении проблем обусловлена, в определенной степени, возрастными особенностями социальной группы молодежи, недостаточным опытом реальной жизни, позволяющим умело и творчески сочетать и задействовать при решении проблем как онлайн-среду, так и оффлайн-реальность. Поэтому только «максимальное расширение круга молодых людей, вовлеченных в созидательную, полезную для общества деятельность» [5], включенность в деятельность молодежных организаций и движений страны, поддержание социальной активности средствами проектной деятельности будут способствовать повышению уровня мотивации молодежи к участию в решении социально-значимых проблем не только в цифровой среде, но и в реальной социальной жизни.

К предпочтительным действиям в цифровой среде опрашиваемыми также были отнесены: «создание открытых ‟хранилищ” (онлайн-группы, форумы по теме) для совместного использования данных по проблеме», готовность «составить и выложить обращение к политику, знаменитости или другому влиятельному лицу для привлечения внимания к проблеме», но занявшие в иерархии вариантов ответов более скромные позиции. Причем в контексте гендерного анализа ответов респондентов на вопрос о готовности к тем или иным действиям в цифровой среде в целях решения значимых проблем большей активностью отличались женщины, чем мужчины,

а также группа взрослой молодежи в возрасте 26–35 лет. Обусловленности ответов показателями уровня образования, материального положения, места проживания в годы проведения опросов установлено не было. В исследовании второй волны 2023 г. среди респондентов, отметивших, что уже имеют определенный опыт участия в реализации подобных видов активности в интернет-среде и «готовых к такому опыту», количество последних по сравнению с результатами 2021 г. возросло, достигнув по некоторым из них показателя в 31,7 %. Поэтому следует всячески поддерживать молодежь в отношении реализации ими в цифровой среде позитивных практик активизма, как политических, так и неполитических его форм, в сочетании с мероприятиями, проводимыми в рамках воспитательной работы, реализуемыми в оффлайн-формате и способствующими активизации стремления к гражданскому служению у молодых поколений.

Специфика цифрового поведения современной отечественной молодежи проявляется в отношении ее выбора способов быть услышанными в интернет-пространстве, желании донести свою позицию до большего количества людей, попытаться добиться ответной от них реакции. Так, не приемлемыми, с точки зрения наших респондентов, являются действия в цифровой среде, носящие вредительский характер и имеющие целью получение доступа к конфиденциальной информации человека и оказание воздействия на него. Поэтому не одобряемым и не принимаемым является для участников опросов вариант решения проблем через осуществление кибератак. И согласно проведенным исследованиям, количество тех представителей молодежи, кто категорически не приемлет «хакерство в целях решения проблемы» и «оставление комментариев в рамках "атаки" на аккаунт политика или знаменитости для привлечения внимания к проблеме», увеличилось. Динамика изменения числовых показателей по данным вариантам ответов выглядит следующим образом: увеличение с 58,1 % опрошенных в 2021 г. до 67,1 % в 2023 г. не рассматривающих хакерство в качестве возможного метода решения проблем, с 49,3 до 55,4 % соответственно по годам, не готовых осуществлять «атаки» на аккаунты.

Действительно, в современных условиях взаимодействие в цифровой среде должно быть основано на проактивных стратегиях цифровой культуры, в основе которых – умение определять приоритеты, уважать мнение других, не поддаваться импульсивным реакциям, не совершать действия, направленные против других людей, придерживающихся противоположной точки зрения, высокий уровень личностного самоконтроля, то есть поведенческие практики, не противоречащие как человеческим нормам, так и негласным правилам цифрового поведения. И отечественная молодежь в полной мере осознает недопустимость нарушения социально значимых поведенческих рамок в процессе реализации различных видов активности в цифровой среде.

Для каждого нового поколения молодежи ценность цифрового пространства все более набирает вес, становится местом сосредоточения интересов, устремлений, площадкой реализации инициатив. Поэтому чем выше созидательная активность молодежи, проявляемая на просторах цифровой среды в соединении и единстве с оффлайн-гражданским участием, тем более очевидной и ощутимой будет решающая роль молодежи в решении задач, стоящих перед отечественным социумом, а значит, более уверенной и оптимистичной будет перспектива завтрашнего дня страны в условиях необратимо изменяющегося мира.

Литература:

1. Путин на Госсовете назвал молодежную политику стратегически важной темой. URL: http://tass.ru/obschestvo/16665365?ysclid=lm4vpt1gbn921390776 (дата обращения: 21.06.24).
2. Шагбанова Ю.Б. Преподавание учебной дисциплины «История России» в высшем учебном заведении для студентов неисторических специальностей и направлений подготовки: основные тенденции и мотивации // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т 11. № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/36PDMN423.pdf (дата обращения: 02.06.2024).
3. ВЦИОМ. Новости: Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego (дата обращения: 15.06.24).
4. Шамионов Р.М., Суздальцев Н.В., Бочарова Е.Е., Акаемова Ю.А. Роль ценностей и вовлеченности молодежи в различные формы активности в предпочтении онлайн/офлайн-среды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 1. С. 38–50.
5. Дорогу молодым: Владимир Путин обозначил приоритеты молодежной политики. URL: https://www.gazeta.ru/social/2022/12/22/15985699.shtml?ysclid=lmz675jsgl375656229 (дата обращения: 20.06.24).

Transformation of Digital Activity Practices of Contemporary Youth: a Comparative Analysis

Eflova M.Iu.
Kazan (Volga Region) Federal University
Yamalneev I.M.
Kazan State Medical University
Maximova O.A., Nagmatullina L.K.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

At present, the virtual environment, which has a significant power of influence on contemporary youth, determines the diversity of digital activity practices realized by representatives of young generations in everyday format, which determines the relevance and demand for sociological diagnostics of this direction. The purpose of this study is to identify the specifics of youth actions in the global information space and to determine the motivating factors of their active participation in online practices.

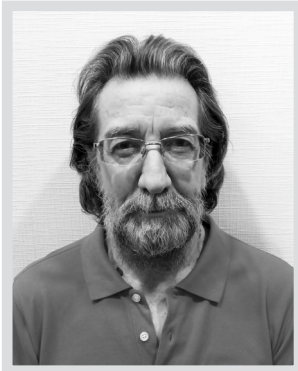
The scientific and practical significance of the study lies in the fact that in the conditions of the new digital paradigm, which largely determines the life orbit of young generations, it is necessary to study the whole range of online activity practices of young people in the conditions of accelerating rates of digitalization. The article searches for a solution to the question of what practical actions should be taken in order to strengthen the role of the digital environment in the formation of youth behavioral practices of positive orientation and to completely neutralize, exclude the determining role of the Internet environment in the formation of their negative forms.

The value and novelty of the analysis is due to the comparative analysis of the dynamics of change in digital behavioral trends of young people, based on the results of two representative surveys of young people in 2021 and 2023. Based on the results of the study, conclusions are formulated about the prevalence of various practices of digital activity of Russian youth, and trends in their further development are described.

Keywords: digital activity, digital environment, online activity, young people, digital competence, virtual reality

УДК 123+316.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-204-208

О значениях терминов «ограничение(я) степени(ей) свободы» и «степень(и) свободы» в различных областях науки и практики и их определении для использования в социологии

Крейк А.И.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

В отечественной социологии практически не используются термины «степень(и) свободы» и «ограничение(я) степени(ей) свободы». Это предопределяет актуальность темы данного исследования. Поэтому цель данной работы – рассмотреть использование искомых терминов в различных областях науки и практики и дать их определение с позиции социологии. Задачи, которые автор ставит перед собой: выявить трактовки данных терминов в различных областях науки и практики; определить значение данных терминов в социологии. Социологическое определение искомых терминов позволит расширить социологическое знание в этой области, используя их как социологические, и повысить качество социологических исследований, касающихся данной темы. Результат данной работы – определение терминов «степень(и) свободы» и «ограничение(я) степени(ей) свободы» в качестве социологических. Ценность данной работы определяется включением в социологическое знание искомых терминов в качестве социологических.

Ключевые слова: *свобода, степень свободы, ограничения, деятели, социум, деятельность*

Для цитирования: *Крейк А.И. О значениях терминов «ограничение(я) степени(ей) свободы» и «степень(и) свободы» в различных областях науки и практики и их определении для использования в социологии // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 204–208. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-204-208.*

Термин «ограничение степени свободы» практически не используется в отечественной социологии. Он отсутствует, например, в ряде наиболее распространенных в России социологических справочных изданиях [1–5], его нет, в частности, и в изданных в России зарубежных социологических справочниках [6–8]. Этот термин не использован в учебниках и учебных пособиях, написанных ведущими отечественными социологами [9–16], также его нет в изданных в России учебниках по социологии, написанных известными зарубежными социологами [17–22]. Таким образом, очевидна невостребованность в отечественной социологии рассматриваемого термина.

Термина «степени свободы» нет ни в одном из представленных выше социологических справочниках, кроме Социологического энциклопедического словаря [23]. Его нет и в названных выше учебниках и учебных пособиях.

Тем самым очевидна невостребованность терминов «ограничение степени свободы» и «степень свободы» в отечественной социологии. Что предопределяет необходимость рассмотреть данную сложившуюся ситуацию в этой сфере.

В настоящее время термин «степень свободы» используются, например, в таких областях науки и практики, как физика, механика, инженерия, робототехника, IT-технологии, математика, статистика,

экономика, биология, психология. Причем использование термина «ограничение(я) степени(ей) свободы» гораздо менее распространено.

Исследования зарубежных авторов [24; 25] осветили некоторые аспекты введения в научный оборот термина «степень свободы» за рубежом. В частности, он был использован в нестатистическом смысле в вышедшем в 1867 г. труде английских ученых У. Томсона и П.Г. Тайта «Трактат по естественной философии» [26]. Смысл и понимание феномена степени свободы (но не введение в научный оборот термина «степень свободы») было изложено англичанином У.С. Госсетом в 1908 г. в статье «Ошибка среднего» в журнале «Биометрика», где он давал объяснение этой концепции в ходе разработки того, что в итоге стало известно как Т-распределение Стьюдента [27]. Английский биолог и статистик Р. Фишер стал использовать термин «степени свободы» с 1922 г. в публикациях о результатах своей профессиональной работы [28; 29]. С этого времени использование данного термина в различных сферах науки и практики стало нарастать.

К настоящему времени ни в одной из сфер использования термина «степень свободы» не сложилось его единого понимания исследователями. Соответственно, ниже представлены в качестве примеров некоторые из трактовок данного термина в различных областях науки и практики.

В физике степень свободы определяется, например, как «независимые возможные изменения состояния (в частности, положения) физической системы, обусловленные вариациями её параметров» [30, с. 683]. В рамках отдельных разделов физики используются различающиеся определения термина. В частности, в статистической физике степени свободы соответствуют независимым обобщенным координатам, определяющим полную энергию системы; в квантовой механике степени свободы соответствуют независимым координатам, которые определяют гамильтониан системы; в термодинамике степени свободы – независимые термодинамические параметры (параметры состояния), определяющие состояние термодинамического равновесия системы [30, с. 683].

В механике степени свободы соответствуют независимым между собой возможным перемещениям механической системы [31, с. 490]. Несколько иная трактовка термина следующая: это независимые перемещения механической системы, число которых определяется числом образующих систему элементов и наложенных на них механических связей [32]. Более отличающееся от предыдущих понимание степени свободы в механике следующее: это число независимых геометрических параметров, полностью определяющих положение системы [33].

В инженерии есть следующие варианты понимания степеней свободы: это число независимых координат (перемещений), которые может иметь материальная точка или система материальных точек; это число независимых переменных, которые можно произвольно изменять, не изменяя числа фаз (оно определяется правилом фаз) [34, с. 1057]. В робототехнике степени свободы – это строгость, которая правильно определяет различные движения, которые руки робота используют для выполнения своей работы без каких-либо осложнений [35]. В IT-технологиях степени свободы – это количество параметров (точек контроля). Они указывают количество независимых значений, которые могут изменяться в ходе анализа без нарушения каких-либо ограничений [36].

В математике степень свободы означает «число возможных перемещений точки или линии в пространстве или на поверхности чего-либо» [37, с. 236]. Этот термин используется также при анализе систем линейных уравнений и, соответственно, определяется как «разность между числом независимых уравнений и числом неизвестных» [38, с. 346–347].

В статистике термин «степень свободы» формулируется как количество значений или наблюдений в выборке, которые могут быть изменены независимо друг от друга без изменения ее структуры. Можно сказать, что это количество переменных, которые оставляются свободными для варьирования после того, как структура выборки была определена [39]. В математической статистике степень свободы – это «числа, показывающие количество элементов варьирования, которые могут принимать произвольные значения, не изменяющие заданных характеристик» [38, с. 347].

В экономике степень свободы определяется как «число независимых переменных в каком-либо множестве» [40]. Из смысла данной формулировки очевидно, что она может быт справедливой и для других областей знания.

В биологии термину «степени свободы» дано следующее определение: «Обозначаемое символами *df* число свободно варьирующих дат выборочной совокупности, характеризующееся определенной средней арифметической *x*» [41, с. 275].

В психологии указывается на то, что термин «степени свободы» – это «математико-статистическое понятие, используемое для выражения того факта, что в статистических операциях имеются определенные ограничения на значения, которые можно свободно выбирать» [42, с. 416]. Из данной формулировки очевидно «присутствие» в ней идеи ограничения. И это важно учитывать в контексте диалектической логики семантики данного термина и в других сферах науки и практики.

Среди довольно многочисленных изданных в России социологических справочников автору удалось обнаружить определение термина «степени

свободы» только в одном из них, и там указывается, что оно используется в статистических вычислениях. Его формулировка следующая: «Максимальное число значений переменной (или переменных), которые могут свободно изменяться при данном наборе условий» [23, с. 345].

Таким образом, состояние отечественной социологии, по сути, игнорирующей (в социологических справочниках и учебной литературе) термин «ограничение(я) степени(ей) свободы» и нестатистическое использование термина «степень(и) свободы», актуализирует необходимость определения данных терминов в качестве социологических. Для этого, кроме учета семантики данных терминов в других областях науки и практики, есть необходимость учесть смыслы составляющих их слов («свобода», «ограничение», «степень») в русском языке.

Поскольку ключевым в данных терминах является слово «свобода», есть смысл рассмотреть его понимание не только в отечественной культуре. Например, Д. Локк давал различные близкие по смыслу определения свободы, но, подытоживая, сформулировал его следующее понимание: «Свобода есть сила действовать или не действовать сообразно указанию ума» [43, с. 333]. Т. Гоббс считал, что свобода означает отсутствие сопротивления со стороны внешнего препятствия или движения [44, с. 163]. Д. Юм исходил из того, что свобода тождественна случайности [45, с. 157]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» свобода определена как «возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения» [46, с. 151]. В «Большой Российской энциклопедии» свобода трактуется как «возможность инициации, изменения или прекращения субъектом деятельности в любой точке ее протекания, а также отказа от нее» [47, с. 555]. В самом широком смысле в русском языке свобода понимается как «отсутствие каких-либо ограничений, стеснений в чем-либо» [48, с. 783].

Ограничения понимаются как «установленные законами и другими нормативными актами, решениями государственных органов границы» [49, с. 505]. Есть и более общая формулировка, а именно: ограничение – это «правило, установление, ограничивающее какие-либо действия, права» [50, с. 465].

В русском языке слово «степень» означает: «Мера, сравнительная величина чего-нибудь» [51, с. 711].

Вследствие проведенного автором анализа становится возможным дать следующие определения рассматриваемым в данной работе терминам в качестве социологических:

Степень свободы – это мера возможностей деятелей функционировать в социуме в соответствии со своими потребностями и интересами.

Ограничение степени свободы – это то, что устанавливает запрет, предел, препятствие, границу функционирования того или иного персонифицированного или коллективного деятеля, институциональной структуры в социуме.

Формулировка искомых терминов в качестве социологических означает выполнение цели данной работы. Рассмотрение того, как функционально проявляется их онтология в социуме – тема следующей работы автора.

Литература:

1. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. 939 с.
2. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Издат. группа НОРМА–ИНФРА-М, 1998. 672 с.
3. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Руководитель научн. проекта Г.Ю. Семигин; главн. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. 863 с.
4. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. М.: Норма, 2008. 608 с.
5. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.
6. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Казань: Издат-во Казанского университета, 1997. 420 с.
7. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: В 2 т. Т. 1. М.: Вече, АСТ, 2001. 544 с.
8. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 336 с.

9. Комаров М.С. Введение в социологию: учеб. для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994. 317 с.
10. Фролов С.С. Социология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Логос, 1996. 360 с.
11. Социология. Основы общей теории: учеб. для вузов / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Изд-во НОРМА (Издат группа НОРМА–ИНФРА-М), 2002. 912 с.
12. Кравченко А.И., Анурин В.Ф. Социология: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2005. 432 с.
13. Лапин Н.И. Общая социология: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. школа, 2006. 415 с.
14. Общая социология: учеб. пособие / Под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2007. 654 с.
15. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения: учебник. М.: Изд-во «Экзамен», 2007. 750 с.
16. Волков Ю.Г. Социология: учеб. М.: Издат.-торговая корпорация «Дашков и К°»; Ростов н/Д: Наука Спектр, 2013. 384 с.
17. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. 511 с.
18. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.
19. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.
20. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
21. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
22. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
23. Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор Г.В. Осипов. М.: Издат. группа ИНФРА-М–НОРМА, 1998. 488 с.
24. Walker H. M. Degrees of freedom // Journal of Educational Psychology. 1940. № 4 (31). P. 253–269.
25. Pandey Shanta and Bright Charlotte Lyn What Are Degrees of Freedom? // Social Work Research. 2008. Vol. 32. № 2. P. 119–128.
26. Thomson W., Tait P.G. Treatise on Natural Philosophy. Oxford: At the Clarendon Press, 1867. 727 p.
27. Gosset W.S. The Probable Error of the Mean // Biometrika. 1908. Vol. VI. № 1. P. 1–25. DOI 10.2307/2331554.
28. Fischer R.A. On the Integration of x^2 (from Contingency tables and the Calculation) // Journal of the Royal Statistical Society. 1922. Vol. 85. № 1. P. 87–94.
29. Fischer R.A. On the Mathematical Foundations of Theoretical Statistics // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series A. Mathematical, Physical & Engineering sciences. 1922. Vol. 222. P. 309–368.
30. Физическая энциклопедия: В 5 т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1994. 704 с.
31. Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 24 / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1976. 606 с.
32. Физический энциклопедический словарь. URL: https://gufo.me/dict/physics (дата обращения: 11.08.2024 г.).
33. Степень свободы системы. URL: https://isopromat.ru/stroimeh/stepen-svobody-sistem (дата обращения: 12.08.2024 г.).
34. Краткий политехнический словарь. М.: Гос. изд. технико-теоретической литературы, 1955. 1136 с.
35. Различные степени свободы в робототехнике: полное объяснение. URL: www.evsint.com (дата обращения: 12.08.2024 г.).
36. Degrees of Freedom в машинном обучении простыми словами. URL: dzen.ru (дата обращения: 12.08.2024 г.).
37. Картавов С.А. Математические термины: Справ.-библиогр. словарь. Киев: Выща шк. Головное изд-во, 1988. 295 с.
38. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003. 520 с.
39. Михайлов А. Степени свободы в статистике. URL: https://habr.com/ru/companies/otus/articles/735800/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).
40. Экономика. Толковый словарь (Англо-русский) (Дж. Блэк). М.: ИД «ИНФРА-М», Изд-во «Весь мир» / Общ. ред. И.М. Осадчая, 2000. 830 с.
41. Глазко В.И., Глазко Г.В. Толковый словарь терминов по общей и молекулярной биологии, общей и прикладной генетике, селекции, ДНК-технологии и биоинформатике: В 2 т. Т. 2. М.: ИКЦ «Академкнига», изд-во «Медкнига», 2008. 530 с.
42. Немов Р.С. Психологический словарь. М.: ВЛАДОС, 2007. 560 с.
43. Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Локк Д. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
44. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
45. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: В 2 т. 3 кн. Т. 2. Кн. 2. – М.: Канон, 1995. – С. 5-210.
46. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. IV. М.: Русский язык, 1980. 683 с.
47. Большая Российская энциклопедия: В 35 т. Т. 29 / Председатель науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2015. 767 с.
48. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: ООО «Изд. АСТ», ООО «Изд. Астрель», ООО «Изд. «Русские словари», ЗАО НПП «Ермак», 2004. 1022 с.
49. Экономическая энциклопедия / Главн. ред. Л.И. Абалкин. М.: Экономика, 1999. 1055 с.
50. Глобальная экономика. Энциклопедия / Под ред. И.М. Куликова. М.: Финансы и статистика, 2011. 920 с.
51. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2013. 874 с.

On the Meanings of the Terms «Restriction (s) of Degree (s) of Freedom» and «Degree (s) of Freedom» in Various Fields of Science and Practice and Their Definition for Use in Sociology

Kreyk A.I.
Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH»

In domestic sociology, the terms "degree (s) of freedom" and "restriction (s) of degree (s) of freedom" are practically not used. This determines the relevance of the topic of this study. Therefore, the purpose of this work is to consider the use of the desired terms in various fields of science and practice and define them from the standpoint of sociology. The tasks that the author sets for himself: to identify interpretations of these terms in various fields of science and practice; determine the meaning of these terms in sociology. The sociological definition of the desired terms will expand sociological knowledge in this area, using them as sociological, and improve the quality of sociological research related to this topic. The result of this work is the definition of the terms "degree (s) of freedom" and "restriction (s) of degree (s) of freedom" as sociological. The value of this work is determined by the inclusion in the sociological knowledge of the sought terms as sociological.

Keywords: freedom, degree of freedom, restrictions, figures, society, activity

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-209-216

Субъекты и условия формирования социально-трудовых отношений студенческой молодежи в дотрудовой период: опыт конкретного социологического исследования

Петрякова Е.А.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук и психологии
Астраханского государственного технического университета

Целью научного исследования является комплексный анализ формирования социально-трудовых отношений студенческой молодежи в дотрудовой период, который рассматривается как значимый этап становления конкурентоспособной и самодостаточной личности каждого студента, как основа для развития конструктивных социальных взаимодействий и будущих трудовых отношений. В связи с этим автором статьи проведён теоретический анализ: описаны условия, уровни и субъекты формирования социально-трудовых отношений в дотрудовой период, особенности позиционирования, стратегии поведения и взаимодействия субъектов относительно становления социально-трудовых отношений (на институциональном и социальном уровнях), выделены маркеры формирования данного типа социальных отношений у студенческой молодежи. В прикладном аспекте представлены результаты конкретного социологического исследования, организованного и проведённого автором статьи. Социологическое исследование предпринято с целью выявления основных социальных позиций и стратегий студентов конкретного университета; изучения готовности студентов к активным, конструктивным видам взаимодействия как основе формирования типов социально-трудовых отношений в будущей трудовой деятельности. Прикладная значимость работы заключается в выявлении оптимальных социальных, организационных, методических условий для формирования социально-трудовых отношений в дотрудовой период у студенческой молодежи.

Ключевые слова: *студенческая молодежь, социально-трудовые отношения, дотрудовой период, социальное поведение, социальное взаимодействие, социологическое исследование*

Для цитирования: *Петрякова Е.А. Субъекты и условия формирования социально-трудовых отношений студенческой молодежи в дотрудовой период: опыт конкретного социологического исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 209–216. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-209-216.*

Молодежь как социальная группа является объектом изучения многих современных научных исследований. Это неслучайно в сегодняшнем обществе, которое стремительно развивается и изменяется. С позиций социологии молодежь представляет собой поколение людей, которое проходит стадии социализации через усвоение различных социальных функций: образовательных, социально-трудовых, социально-профессиональных и др. [1; 2]. Поэтому актуализируется изучение социально-трудового и социально-профессионального потенциала современной молодежи, её роли в воспроизводстве общественных отношений, процессе преемственности поколений, участии в реализации

инновационного социального и общественного потенциала.

В последние годы можно наблюдать всё больше исследований, посвященных особенностям развития социально-трудовых отношений молодого специалиста в организации, изучению социально-трудовой адаптации, трудовых ориентаций и ценностей молодежи [1; 3–10]. Междисциплинарный характер анализа категории «социально-трудовые отношения» (далее в тексте – СТО) позволяет разносторонне изучить сущность, типы, условия эффективного развития социально-трудовых отношений с экономической, социологической, психологической позиций [11–20]. Глубокие всесторонние исследования отдельных аспектов СТО освещались учеными в разные годы (Ю.Р. Хайруллина, Р.Р. Хизбуллина, Г.Я. Ракитская, Б.В. Ракитский, О.В. Мраморнова, Ю.Г. Одегов, В.В. Фаузер, С.Ю. Иванов, Ю.В. Каира и др.).

Формирование основных типов СТО активно происходит в дотрудовой период, о чем свидетельствует деятельностный, системный подходы к анализу СТО, в частности, выделены типы СТО, предпринят анализ их взаимосвязи со стратегиями поведения, типами взаимодействия [11; 21]. Известным фактом является представление о том, что человек концептуально формируется как личность в период обучения (школа, колледж и/или вуз), то есть в активный период самопознания и изучения особенностей социума, в котором живёт. Значимыми условиями формирования личности (самодостаточной, конкурентоспособной) являются социальная активность и субъектная позиция молодежи в социальных отношениях.

Важным представляется изучение различных аспектов формирования социально-трудовых отношений в дотрудовой период жизни молодежи, в частности, университетский период становления личности студенческой молодежи. Автором данной статьи ранее был предпринят анализ некоторых аспектов данной темы: теоретический и прикладной – на примере конкретного социологического исследования (2022–2023 гг.).

Однако опыт преподавания в университете, участия в социальных тренингах и интенсивах по адаптации молодых специалистов к профессиональной и трудовой деятельности снова актуализировал авторский интерес к особенностям формирования социально-трудовых отношений студенческой молодежи. Отмечаются неадаптивные стратегии социального поведения, отстраненные позиции относительно отдельных типов социально-трудовых отношений.

Период обучения в университете традиционно считается «школой жизни», практической площадкой, «творческой лабораторией» для накопления знаний и отработки навыков взаимодействия. Остается актуальной ведущая общественная роль университета в воспроизводстве процессов социума, ее интегрирующее и «веросозидающее» предназначение (по Б.С. Гершунскому). Потенциал традиционных региональных университетов с многолетним богатством традиций, всестороннего научного и образовательного опыта трудно переоценить.

В данной статье акцент сделан на анализе социального и индивидуального уровней формирования социально-трудовых отношений молодежи с позиций деятельностного подхода; отражены основные результаты конкретного социологического исследования, предпринятого автором статьи по теме.

В нашем исследовании под социально-трудовыми отношениями будем понимать «объективно существующие взаимозависимость и взаимодействие субъектов отношений в процессе труда и связанными с ним сферами деятельности, направленные на реализацию целей предприятия и регулирование качества трудовой и связанных с ней сфер жизни индивида» [11, с. 359].

В трудовом периоде СТО реализуется на нескольких уровнях – институциональном, организационном, социальном, индивидуальном, смешанном [17, с. 160].

Выделение субъектов, их стратегий и позиций позволяет определить важность общественного и социального вклада в становление и развитие, в том числе обсуждаемого типа социальных отношений. Анализ становления СТО именно в дотрудовой период позволяет провести «подготовительную» работу, в своем роде «социальную репетицию» по формированию данного типа социальных отношений, выделить сильные стороны и зоны развития.

Субъектами социально-трудовых отношений в общем смысле (на нескольких уровнях) могут выступать с разных научных позиций: работодатели, профсоюзы, государственные и муниципальные органы власти, объединения профсоюзов [17, с. 159–160]; наёмные работники, профессиональные союзы, работодатели, союзы работодателей, государство [13, с. 28] и т.д.

Позиционирование и стратегии институциональных субъектов в общественной жизни влияют на содержание и характер социально-трудовых отношений между субъектами на других уровнях (табл. 1).

Роль каждого субъекта в общественной системе, рассмотренная через его позиции и стратегии, позволяет выявить особенности взаимодействия и сущностные характеристики, создать основу для формирования СТО на социальном уровне, наиболее наглядно увидеть значение каждого субъекта для становления социальных отношений в дотрудовой и трудовой периоды.

Особенно важными для определения СТО [11, с. 360] являются высшие учебные заведения, в част-

Таблица 1

Основные общественные субъекты, влияющие на развитие социально-трудовых отношений

Институциональный субъект	Позиции субъекта	Стратегии субъекта
Государственные органы власти: – Отраслевое министерство, – Министерство образования и науки (федеральный и региональный уровни)	Обеспечение легитимности деятельности и взаимодействия субъектов социально-экономической системы	Создание законодательно закрепленных проектов и программ реализации конструктивного взаимодействия субъектов (политики, экономики, образования, науки). Законодатель, координатор, организатор регулирования социальных отношений в обществе и его сферах, в частности, социально-экономической, образовательной
Экономика региона/ отрасли в целом (предприятия, социальные организации отраслей экономики)	Существование высококвалифицированных конкурентоспособных специалистов на рынке труда. Решение общественных задач в экономике региона/страны. Предоставление качественных услуг (товаров). Воспроизводство социально-трудовых отношений, создающих конкурентоспособность предприятия	Обеспечение развития конкурентоспособности предприятий при наличии высококвалифицированных специалистов и постоянного их совершенствования (в профессиональной и личностной сферах)
Система высшего профессионального образования (университеты как значимые субъекты данной системы)	Предоставление качественных образовательных услуг для удовлетворения образовательных потребностей в профессиональном образовании. Подготовка конкурентоспособных специалистов для различных отраслей экономики. Воспроизводство профессиональных групп, воссоздание социальных практик	Эффективное взаимодействие с предприятиями экономики региона (страны), с другими учебными заведениями по вопросам обеспечения непрерывности и качества образования, подготовка специалистов для экономики с учетом их актуальности и перспективности для предприятий и организаций региона, удовлетворение образовательных потребностей конкретной личности

ности, университеты с многолетними сложившимися традициями и необходимой разносторонней базой формирования профессионалов для рынка труда. Университеты выступают значимыми общественными субъектами формирования СТО, организуя множество социальных связей и отношений для будущих специалистов; демонстрируя и привлекая к участию в разные социальные взаимодействия (учебного, воспитательного, развивающего, производственного, научного характера).

В трудовом периоде, когда на социальном уровне могут выделяться основные субъекты (работник и работодатель), взаимодействие и социальные отношения происходят в реальных организационных условиях. В дотрудовом периоде не может быть чёткого распределения в статусно-ролевой структуре (сотрудник, работодатель); социально-трудовые отношения не определены чётким социальным и общественным содержанием, характеристиками, векторами развития. Субъекты таких отношений и их взаимодействия носят предварительный, базовый, безопасно-условный характер, однако необходимость такой активности безусловна. Дотрудовой период становления социально-трудовых отношений – базис для последующей трудовой деятельности.

Рассмотрение социального уровня СТО в дотрудовой период имеет свою специфику. Например, субъектами формирования могут выступать сами обучающиеся (студенческая молодежь), преподаватели, организаторы обучения (сотрудники деканатов и выпускающих кафедр), представители организаций – будущие работодатели.

Важным субъектом СТО в дотрудовом периоде является студент. Усвоенные студентами в университете формы поведения и взаимодействия напрямую влияют на сформированные и проявляемые ими типы СТО в будущем организационном взаимодействии и профессиональной деятельности – социальное партнерство, конкуренция, патернализм, солидарность, субсидиарность, дискриминация, конфликт [20, с.19].

Вчерашние студенты, усвоившие определенные (конструктивные или деструктивные) типы социального взаимодействия, показывают созвучные типы СТО в трудовом процессе, причём незамедлительно – то есть, не имея промежуточного безопасного социального пространства для «тренировок» своих форм поведения в социальных отношениях, в частности, социально-трудовых. Представляется важным формировать такие качества и владения ими у носителей СТО (студентов как будущих трудовых ресурсов), когда осознанность, чёткое понимание своих социальных позиций и стратегий в обществе, социальная ответственность, зрелость каждого молодого человека будет влиять на развитие СТО.

Университет создает возможности для формирования социальных предпосылок социально-трудовых отношений, причём таких, которые позволят

включаться в социальные отношения с как можно более полным «арсеналом» социального реагирования, формами и типами социального взаимодействия, оптимальными для реальных условий социума [20–23].

С целью выявления основных социальных позиций и стратегий студентов, изучения готовности студентов к активным, конструктивным видам взаимодействия как основе формирования типов социально-трудовых отношений в будущей трудовой деятельности в 2023–2024 учебном году автором было организовано и проведено конкретное социологическое исследование, в котором приняли участие 210 респондентов – студентов (уровень бакалавриата) Института экономики и права Астраханского государственного технического университета разных лет обучения (второго и третьего курсов) дневной формы обучения, разных направлений подготовки. Методом исследования выступало анкетирование. Тип выборки – серийно-гнездовая. Объект исследования выбран неслучайно. Представители экономических направлений подготовки в будущем будут принимать активное участие в развитии социальной, социально-экономической системы организаций и экономической структуры общества. Тем более экономисты в большей части своих специализаций относятся к сферам «человек – человек» и «человек – знаковая система» (по диагностической методике Е.А. Климова), активно взаимодействуя в социальной структуре с людьми разных статусов, ролей.

Под понятиями «позиция» и «стратегия» будем рассматривать в рамках нашего исследования следующее. Позиция – понимание своего положения в социальной структуре, готовность активно действовать, исходя из занимаемого положения, осмысление своих целей (индивидуальных и социальных) и возможных результатов по достижению целей. Стратегия – владение различными социальными, ситуационно адекватными типами и формами поведения, взаимодействия, соответственно своей позиции в обществе.

Получили следующие основные результаты предпринятого исследования.

Значимых отличий в ответах респондентов по направлениям подготовки не выявлено. Анализ осуществлялся в сравнении по курсам обучения (второго и третьего).

На основе выделенных выше основных типов СТО (по Ю.Г. Одегову) определим маркеры (как некоторые необходимые социальные признаки) поведения/взаимодействия студентов в дотрудовой период, созвучные отдельным, исследуемым нами, типам СТО, которые представлены в таблице 2.

В исследовании предпринято изучение позиции студента в становлении его как специалиста. Значимо понимание студентом своей роли в социальной и общественной структурах общества, осознание стратегий поведения, способствующих или препятствующих процессу формирования его как конкурентоспособной, самодостаточной личности. Результаты изучения представлены в таблице 3.

Распределение ответов на втором курсе явно свидетельствует о преуменьшении своей роли студентами в важном процессе – становлении себя как специалиста, будущего профессионала (9,7 %), однако большая ответственность переносится на преподавателей (42,0 %) и далее – на структуры университета. Можно фиксировать объектную позицию студентов, сниженное понимание своего участия в достижении своих основных целей. Соответственно, и свои действия студенты будут выстраивать из этой объектной позиции – ожидающие, избегающие, пассивные. Конечно, это могут быть издержки школьного восприятия. Однако второй курс – уже приобретенный студентами опыт познания университетской системы (лекции, семинары, сессии, ознакомительная практика, внеучебные мероприятия и т.д.). Видим изменения к третьему курсу, когда студенты в большей мере ощущают себя активными в деле становления себя как специалиста (24,2 %), наблюдается более равномерное распределение вклада каждого субъекта. Очевидны предпосылки для развития у студентов субсидиарности как типа СТО. Однако свой вклад ощущается студентами всего на 1/4, тогда как самостоятельность студента, а в последствии работника (сотрудника) необходимо стремится к большему увеличению, осознанной личной ответственности за результаты своего уча-

Таблица 2

Социальные признаки поведения (маркеры) студентов соответственно типам СТО

Тип СТО	Маркеры социального поведения/взаимодействия как предпосылки формирования СТО (адаптированы для дотрудового периода)
Социальное партнерство	Конструктивное взаимодействие, групповое участие в защите своих (и/или групповых) интересов в процессе обучения
Конкуренция	Соперничество за лучшие условия, возможность личных достижений в процессе учебной деятельности
Субсидиарность	Проявление личной ответственности за достижение своих основных целей и свои действия при решении затруднений в учебной деятельности
Солидарность	Проявление взаимной ответственности в принятии решений, важных для учебной группы и отдельного студента
Конфликт	Гибкое, адаптивное, адекватное поведение, по возможности, предупреждающее. Активная (субъектная) позиция, при этом конструктивные адаптивные формы поведения, взаимодействия и реакции на возникающие затруднения и/или противоречия в учебном процессе

стия в деле становления как специалиста. Этот вывод подтверждают последующие вопросы в предпринятом исследовании (табл. 4).

Вопрос, представленный в таблице 4, иллюстрирует прежде всего потенциал студентов в формировании таких типов СТО, как субсидиарность, социальное партнерство, конкуренция. Это демонстрируют выборы студентами ответов 1, 2, 3, 5, 9 (в целом 34 % на втором курсе; 56,1 % – на третьем курсе).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Кто в большей степени влияет на формирование Вас в университете как будущего профессионала/специалиста?»

Варианты ответов	Курсы	
	2	3
Я сам(а)	9,7 %	24,2 %
Преподаватели	42,0 %	27,0 %
Декан (директор института) и сотрудники деканата (института)	37,1 %	21,0 %
Воспитательные структуры университета	10,2 %	12,0 %
Представители организаций (будущие работодатели)	1,0 %	15,8 %

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы обычно решаете свои учебные затруднения (объёмные задания, проекты; возможно также теоретически/практически трудные задания, неудовлетворительные оценки, «незачёт» и т.д.)?»

Номер ответа	Варианты ответов	Курсы	
		2	3
1	Индивидуально, подхожу и уточняю непонятный вопрос у преподавателя	7,5 %	10,1 %
2	В группе студентов, лично уточняю непонятный вопрос	11,2 %	15,0 %
3	На занятии уточняю, предлагаю способы решения затруднений	5,3 %	8,0 %
4	Задаю вопрос о задании в чате моей учебной группы (после занятия)	15,0 %	18,1 %
5	Объединяюсь в пары/тройки для выполнения задания	6,2 %	11,3 %
6	Прошу преподавателя назначить меня в подгруппу для выполнения задания	18,1 %	7,1 %
7	Жду, пока одногруппники меня пригласят в подгруппу по выполнению задания	14,3 %	6,1 %
8	Прошу задания пропущенных мной занятий (у студентов, преподавателя)	5,6 %	7,8 %
9	Договариваюсь о дополнительных сроках выполнения задания с преподавателем	3,8 %	11,7 %
10	Ожидаю окончания семестра, чтобы выполнить необходимые задания и закончить все мои проекты	13,0 %	4,8 %

Однако анализ ответов второкурсников показал менее ответственные, даже деструктивные формы поведения и взаимодействия по достижению своих личных целей – около половины респондентов (в целом 45,4 %) выбрали ответы под номерами 6, 7, 10. В то же время низкие выборы выявлены по номерам ответов 3, 5, 9 (в целом 15,3 % на втором курсе; 31 % – на третьем курсе) Именно эти ответы свидетельствуют о низкой личной ответственности студентов за результаты своих действий, переносе ответственности, бездействии, поиске «лёгких» способов решения. На такой поведенческой основе формирование субсидиарности и конкуренции представляется затруднительным. Пассивная (объектная) позиция и стратегии избегания и отстраненности на социальном уровне взаимодействия не способствуют, а скорее выступают препятствием конструктивному формированию типов СТО – субсидиарности, социального партнерства и конкуренции. Более того, выбор студентами ответов «Задаю вопрос о задании в чате моей учебной группы (после занятия)» (15,0 и 18,1 %, соответственно, на втором и третьем курсах обучения), «Прошу задания пропущенных мной занятий (у студентов, преподавателя)» (5,6 и 7,8 % – на втором и третьем курсах соответственно) даёт противоречивую информацию. С одной стороны, такие студенты проявляют активность. С другой – результат такой активности может быть искажённым или несвоевременным, ведь ответ будет получен не от первоисточника информации (преподавателя), или ответ может быть вовсе не получен. Вследствие этого студенты будут в ситуации сниженных условий для достижения своих основных учебных целей лишены возможностей в лучших условиях (в дальнейшей трудовой деятельности – это формирование субсидиарности и участие в конкуренции). Описанные формы поведения носят личностно и социально скорее разрушительный характер, развивая соответствующие формы активности в дальнейшей трудовой деятельности, в частности, деструктивные типы СТО «по характеру влияния на результаты экономической деятельности и качество жизни» [12, с. 13; 13, с. 30–31].

Вопрос, представленный в таблице 5, коррелирует по смыслу с предшествующим (описанным выше), дополняя более глубокое изучение причин взаимодействия и иллюстрируя готовность студентов к объединению, разделению личной и социальной ответственности, подробнее раскрывая потенциал группового (коллективного) взаимодействия. Это важные предпосылки становления социального партнерства и солидарности.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Взаимодействуете ли Вы с другими студентами в мини-группах для выполнения учебных заданий, решения учебных и организационных затруднений?»

Номер ответа	Варианты ответов	Курсы	
		2	3
1	Да, сам(а) инициирую создание таких групп для выполнения учебных заданий	2,3 %	11,4 %
2	Да, активно участвую, выполняя свою часть задания	14,5 %	21,5 %
3	Да, участвую, но без желания – лучше выполнять задание/ решать затруднение одному	18,7 %	10,2 %
4	Да, если моя часть задания нетрудная	15,3 %	11,1 %
5	Да, если необходимо объединиться по заданию и партнер(ы) сильнее меня – лучше могут сделать задание	23,7 %	15,1 %
6	Да, если преподаватель несправедливо/непонятно оценил работы – мои и других студентов	21,9 %	29,0 %
7	Нет, все вопросы решаю индивидуально	3,6 %	1,7 %

С одной стороны, по результатам опроса часть студентов, безусловно, готова к партнерству, объединению – ответы 1, 2, 6 (в целом 38,7 % на втором курсе; 61,9 % на третьем курсе). Отлично, что количество студентов, выбирающих безусловное объединение для решения заданий и затруднений, возрастает на третьем курсе практически вдвое. Однако для многих респондентов на втором курсе объединение носит условный характер в ситуациях, где нужно проявить личную и социальную ответственность – ответы 3, 4, 5 (в целом 57,7 % на втором курсе; 36,4 % на третьем курсе). В случае ответа респондентов «Нет, все вопросы решаю индивидуально» констатируем вообще отказ от объединения в группе, отстранённую позицию (3,6 % на втором курсе; 1,7 % на третьем курсе). Такие результаты свидетельствуют о позиции «социальной лени», личностной незрелости, личной и социальной отстранённости, переносе ответственности за свои действия и результаты своего вклада в работу группы, стратегии избегания. Представленные характеристики неприемлемы для конструктивных форм взаимодействия в будущей трудовой деятельности и формирования типов СТО – социального партнерства и солидарности.

Важным представляется также вопрос о понимании студентами содержания своих знаний, умений, владений в преддверии трудовой деятельности (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Владение какими знаниями позволит Вам в первую очередь как сотруднику в будущем быть успешным в трудовой деятельности?»

Варианты ответов	Курсы	
	2	3
Содержанием профессиональных знаний и владений, заложенных в университете	35,7 %	20,1 %
Государственными стандартами в профессии	17,4 %	15,2 %
Нормами и правилами организации	11,2 %	17,1 %
Законами социального взаимодействия в деловой и профессиональной сферах	15,1 %	15,0 %
Всеми выше названными аспектами знаний, умений, владений	20,6 %	32,6 %

Данный вопрос содержит не только исследовательский интерес, но носит информационный характер для студентов, одновременно давая знание и изучая готовность студентов применять общественные требования в своей будущей трудовой деятельности. Всего пятая часть студентов второго курса (20,6 %) и третья часть третьекурсников (32,6 %) считают важным влияние всех общественных субъектов (государства, конкретной организации экономики региона/отрасли, университета как важного элемента системы образования, таблица 6 данной статьи) и норм взаимодействия на успешность сотрудника в будущей трудовой деятельности. Большая часть опрошенных видят важность отдельных сфер или знаний, норм. Например, для студентов второго и третьего курсов наиболее значимы «Содержание профессиональных знаний и владений, заложенных в университете» (35,7 и 20,1 % соответственно). Распределение ответов на третьем курсе более равномерное, однако пока нет превалирующего представления о влиянии «Всех выше названных аспектов знаний, умений, владений». Таким образом, респонденты данного исследования не видят всей целостности взаимовлияний общественных и социальных аспектов на свою будущую трудовую деятельность, важности своего активного участия в развитии своей личности – самодостаточной, конкурентоспособной, социально-полезной (в соотношении с содержанием таблицы 6).

Описанные результаты проведенного конкретного социологического исследования позволяют сделать следующие основные выводы.

Во-первых, субъектная позиция молодежи в социальных отношениях дотрудового периода проявляется частично сформированной, находится скорее в потенциальном состоянии. Об этом свидетельствуют сниженный уровень личной ответственности за результаты своего вклада в процесс формирования

себя как специалиста (таблицы 3–5 по результатам исследования). Активная личная позиция и конструктивные стратегии поведения (сотрудничество, здоровая конкуренция, планирование и прогнозирование результатов своих действий) проявляются непоследовательно, частично. Актуализируется вопрос: «от кого или чего зависит формирование активной субъектной позиции и соответствующих стратегий поведения/взаимодействия у студентов?»

Во-вторых, представляется, что мера ответственности должна распределяться равномерно между всеми субъектами социальных отношений в дотрудовой период: студентами, преподавателями, организаторами учебного процесса, представителями организаций (потенциальных работодателей). Студентам необходимо чётко понимать, что их социальная активность значима для них, что они могут оказывать влияние на процесс своего становления как специалиста и самодостаточной личности, могут предлагать, обсуждать, ошибаться и быть правыми, транслировать лучшие (оптимальные, адекватные) правила взаимодействия – сейчас на примере учебной деятельности, затем – в трудовой.

В-третьих, важна работа с индивидуальным сознанием студентов, социальным восприятием не с позиции «создание условий для развития у студентов…», а в парадигме – «совместные действия, конструктивное взаимодействие всех социальных субъектов дотрудового периода с целью формирования конкурентоспособной и самодостаточной личности будущего специалиста, способной к адекватным типам СТО». Значимо адекватное транслирование форм позиционирования и стратегий поведения всех названных выше социальных субъектов дотрудового периода. Кроме того, необходимым становится просвещение студентов (результаты проведенного исследования, таблица 6) по содержанию позиций и стратегий институциональных субъектов формирования СТО в обществе (таблица 1 данной статьи). Создание оптимальных условий формирования СТО, личности конкурентоспособного специалиста в дотрудовой период должно осуществляться при активном участии самих студентов, а не в «уже созданном, готовом» для формирования процессе. Основными механизмами могут выступать социологический мониторинг мнений студентов; совместные безоценочные обсуждения «лучших условий» всеми субъектами, в первую очередь студентами, с последующими практическими внедрениями в учебные взаимодействия; интенсивы по формированию адекватных позиций, стратегий поведения и взаимодействия студентов как важных предпосылок становления типов СТО (социального партнерства, солидарности, субсидиарности, конкуренции, конструктивного конфликта).

Литература:

1. Хизбуллина Р.Р., Доробов М.С. Факторы социально-трудовой адаптации и мотивации молодежи в современных условиях // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 255–257.
2. Накашидзе Д.Д. Молодежь как особая социально-возрастная группа в современном обществе // Science Time. 2016. № 8 (32). С. 102–106.
3. Хайруллина Ю.Р., Хизбуллина Р.Р. Профессиональная мотивация студентов технических специальностей (на материалах социологического исследования в Республике Казахстан и Республике Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 3. С. 196–199.
4. Салкова Е.К., Хайруллина Ю.Р. Влияние ценностных ориентаций студентов на мотивацию в трудовой деятельности // Социально-гуманитарные науки и практики в XXI веке: человек и общество в меняющемся мире: материалы XVII межд. весенней науч. конф. / Под общ. ред. В.П. Шалаева. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2021. С. 81–84.
5. Худойберганов С.З. у., Хайруллина Ю.Р. Мотивация студенческой молодежи к предпринимательской деятельности // Безопасность человека и устойчивое развитие общества перед вызовами глобальных трансформаций: материалы межд. межд. науч. конф. Ч. 1. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2022. С. 140–143.
6. Хизбуллина Р.Р. Самозанятость студенческой молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 3. С. 165–168.
7. Деточенко Л.С., Филоненко В.И. Факторы трансформации самоидентификации студенческой молодежи // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 3. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.14 (дата обращения: 18.07.2024).
8. Иванов С.Ю., Иванова Д.В. Социально-профессиональная мобильность молодежи и гибкая занятость // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 3(92). С. 52–60.
9. Дьякова В.В., Астафьева П.В., Каргаполова Е.В., Дулина Н.В. Трудовая мотивация российской молодежи (по результатам конкретного социологического исследования) // Primo Aspectu. 2023. № 2(54). С. 9–14. DOI: 10.35211/2500-2635-2023-2-54-9-14.
10. Дьякова В.В., Каргаполова Е.В., Астафьева П.В., Давыдова Ю.А Трудовые ориентации молодежи в эпоху цифровизации // Primo Aspectu. 2022. № 3(51). С. 42–46. DOI: 10.35211/2500-2635-2022-3-51-42-46.
11. Мраморнова О.В. Содержание категории «социально-трудовые отношения» // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 2(60). С. 357–361.

12 Фаузер В., Назарова И., Фаузер В. Социально-трудовые отношения: содержание, механизм управления, зарубежный опыт / Под. ред. В.В. Фаузера. Сыктывкар-Ухта, 2010. 102 с.
13. Совершенствование социально-трудовых отношений в современных условиях / М.Н. Корсаков, М.А. Масыч, Е.А. Кобец [и др.]; под ред. М.Н. Корсакова, М.А. Масыч. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. 172 с.
14. Каира Ю.В., Сапрыкин С.С. Теоретические подходы к исследованию социально-трудовых отношений // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 3. С. 198–219.
15. Иванов С.Ю., Иванова Д.В. Социально-профессиональная мобильность молодежи и гибкая занятость // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 3(92). С. 52–60.
16. Малышев М.А. Социально-трудовые отношения в современной России. М.: "КДУ", "Добросвет", 2022. 210 с.
17. Траилина В.Г. Анализ социально-трудовых отношений в актуальном целостном контексте // Проблемы современной экономики. 2015. № 3(55). С. 155–161.
18. Беляев В.И. Институционализация социально-трудовых отношений в контексте взаимодействия производительных сил и производственных отношений: ориентация на расширенное воспроизводство рабочей силы, развитие и рост // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 53. С. 37–57. DOI: 10.17223/19988648/53/4.
19. Сологуб В.А., Хашева И.А. Формирование новой модели социально-трудовых отношений как фактор социальной адаптации // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: Материалы XI Межд. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Восточно-Сибирского гос. ун-та технологий и управления, Улан-Удэ, 22–23 сентября 2022 г. / Отв. редактор Ю.Ю. Шурыгина. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. ун-т технологий и управления, 2022. С. 257–260.
20. Одегов Ю.Г., Сидорова Е.М. Экономика социально-трудовых отношений в схемах и таблицах: учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во «Альфа-Пресс», 2008. 296 с.
21. Чилипенок Ю.Ю. Социальное взаимодействие как основа социально-трудовых отношений // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. С. 64–88.
22. Хизбуллина Р.Р. Вопросы формирования социального партнерства в современной системе трудовых отношений // Экономика и социум. 2016. № 4-2(23). С. 470–471.
23. Геташвили М. А. Патернализм как элемент социально-трудовых отношений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2013. № 19. С. 43–50.

Subjects and Conditions of Formation of Social and Labor Relations of Students in the Pre-Labor Period: the Experience of a Specific Sociological Study

Petryakova E.A.
Astrakhan State Technical University

The purpose of the research is a comprehensive analysis of the formation of social and labor relations of students in the pre-labor period, as a significant stage in the formation of a competitive and self-sufficient personality of each student, as a basis for the development of constructive social interactions and future labor relations. In this regard, the author of the article conducted a theoretical analysis: describes the conditions, levels and subjects of the formation of social and labor relations in the pre-labor period, features of positioning, strategies of behavior and interaction of subjects regarding the formation of social and labor relations (at the institutional and social levels), highlights the markers of the formation of this type of social relations among students. In the applied aspect, the results of a specific sociological study organized and conducted by the author of the article are presented. The sociological research was undertaken in order to identify the main social positions and strategies of students of a particular university; to study the readiness of students for active, constructive types of interaction as the basis for the formation of types of social and labor relations in future employment. The applied significance of the work lies in the identification of optimal social, organizational, and methodological conditions for the formation of social and labor relations in the pre-labor period among students.

Keywords: student youth, social and labor relations, pre-labor period, social behavior, social interaction, sociological research

УДК 283+322
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-217-222

Протестантская церковь в Удмуртской Республике: опыт взаимодействия в многонациональном регионе

Поздеев И.Л.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

В последние годы большой научно-практический интерес представляет исследование деятельности общин христиан-протестантов как достаточно нового явления в региональной истории. На основе анализа полевых этнографических материалов, нормативных актов и материалов СМИ автор приходит к выводу, что протестанты Удмуртии прочно вошли в социокультурное и конфессиональное пространство региона. Протестантские общины обладают большим потенциалом для конструктивного взаимодействия и решения общих проблем, стоящих перед обществом, конфессиями и государством, что необходимо учитывать органам государственной и муниципальной власти при работе с религиозными организациями.

Ключевые слова: протестантизм, религиозные общины, Удмуртская Республика, социальное служение

Для цитирования: *Поздеев И.Л. Протестантская церковь в Удмуртской Республике: опыт взаимодействия в многонациональном регионе // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 217–222. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-217-222.*

В современных социально-политических и экономических условиях актуализируются научные исследования, направленные на изучение трансформационных процессов в этноконфессиональном пространстве страны. Среди наиболее четко прослеживаемых изменений в религиозно-общественной жизни субъектов РФ выделяют расширение и усиление позиций протестантизма [1, с. 62]. Деятельность протестантских организаций попала в объектив рассмотрения российских специалистов с момента массового распространения на территории страны. Функционирование таких организаций в Удмуртии также изучается учеными Урало-Поволжского региона. Значительное количество исследований посвящено анализу регионального конфессионального пространства, влиянию религиозного фактора на общественную и культурную жизнь социума, результатов социологических опросов по уровню религиозности населения, оценки состояния межконфессиональных отношений в республике [2; 3]. Публикации содержат большой объем фактического материала по схемам распространения протестантских организаций в постсоветский период, их миссионерской и социальной деятельности, взаимоотношениям с органами власти.

Несмотря на то что социологические замеры проводятся регулярно, количественные методы требуют дополнения качественным осмыслением текущих процессов с учетом этнокультурной и этноконфессиональной специфики. Одной из ключевых работ по истории становления протестантизма в Республике Татарстан и прилегающих регионах (в том числе в Удмуртии) стала коллективная монография «Протестанты в России и Татарстане: история и современность», вышедшая в 2016 г. [4]. Помимо подробного описания основных богословских принципов протестантизма, в издании представлена

история и современное положение религиозных общин основных протестантских течений.

Особенности этноконфессиональных отношений в Удмуртской Республике стали предметом исследования Е.А. Чураковой. В своей монографии автор также затрагивает специфику формирования протестантских организаций в регионе, их взаимодействие с представителями других религий [5]. Отдельные аспекты и практики социальной работы протестантов рассмотрены в работах Е.А. Чураковой [6], Т.А. Костылевой [7], И.Л. Поздеева, И.К. Кудрявцевой, Р.Н. Касимова [8; 9].

Целью данной работы является анализ деятельности протестантских религиозных организаций на территории Удмуртской Республики в процессе их этноконфессиональной интеграции, начиная с 90-х гг. XX в. Источниковую базу работы составили полевые этнографические материалы, собранные с 2005 по 2023 гг. и сформированные в архивные дела, хранящиеся в рукописном фонде Научного архива Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (далее – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) [10; 11], а также программные документы, материалы СМИ, содержащие данные по становлению и развитию протестантских общин в регионе.

Протестантские общины в Удмуртии в обыденном сознании зачастую ассоциируются с религиозными сектами, где на людей оказывают психическое воздействие, вымогая у них деньги и имущество. Считается, что они являются проводниками западной идеологии и западных ценностей, органически чуждых и враждебных для местного социума. Подобное восприятие во многом воспроизводится и представителями правоохранительных и властных органов, СМИ и научного сообщества. В последние годы не последнюю роль в таком восприятии сыграло то, что религиозная организация «Свидетели Иеговы» в 2017 г. была признана экстремистской и её деятельность запрещена на территории РФ. Или уже в этом году было заведено уголовное дело на пастора местной религиозной организации христиан веры евангельской (пятидесятников) Церковь «Свет миру» С. Артемьева, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РФ (создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением) [12]. Поэтому имеется острая практическая необходимость изучения этого социокультурного явления, его влияния на духовное развитие общества.

На данный момент можно выделить четыре основных централизованных религиозных организаций христиан-протестантов в России: Российский объединенный Союз христиан веры евангельской (пятидесятников) (РосХВЕ), Российская Церковь христиан веры евангельской (РЦХВЕ), Евро-Азиатский дивизион (отделение) Генеральной конференции церкви христиан-адвентистов седьмого дня (АСД), Всесоюзное содружество евангельских христиан (ВСЕХ). Взаимодействие большинства протестантских церквей осуществляется в рамках деятельности Консультативного совета Глав протестантских церквей России (КСГПЦР) [13]. Вообще, как отмечают исследователи, традиционно протестантами называют все христианские конфессии, не относящиеся к католицизму и православию (лютеранство, реформатство, англиканство, баптизм, пятидесятничество, адвентизм и т.п.) [4, с. 5].

На территории Удмуртии первые протестанты-лютеране стали появляться на Камских заводах с 1807 г. в связи с работой по контракту. В последующие годы их количество только увеличивалось. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в четырех уездах Вятской губернии, охватывающих территорию современной Удмуртии, проживал 291 протестант: в Глазовском уезде – 12, Елабужском – 35, Малмыжском – 20, Сарапульском – 225 [14, с. 91–111]. Высокие показатели Сарапульского уезда обусловлены наличием большого количества протестантов на Ижевском заводе. После революционных событий 1917 г. деятельность протестантов была свернута, многие перешли на полулегальное существование, но и при советской власти они продолжали работу. К примеру, как отмечает М.А. Микрюкова, в 1958–1964 гг. в Ижевске было зарегистрировано общество Евангельских христиан-баптистов, объединявшее от 350 до 460 верующих. При этом число членов общины росло, как и количество совершаемых обрядов. Помимо них в регионе действовали нелегальные группы пятидесятников, лютеран, католиков, Свидетелей Иеговы и др. [15, с. 21–22].

На волне общей демократизации и либерализации общества в 1990-х гг. заграничный протестантизм стал набирать обороты и усиливать свое влияние на территории Удмуртской Республики. В 1990 г. в регионе насчитывалось уже 15 религиозных протестантскими общин: евангельские христиане, евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), сторонники Совета церквей ЕХБ, адвентисты седьмого дня, христиане веры евангельской-пятидесятники (ХВЕП), евангельские христиане в духе апостолов и Свидетели Иеговы [2, с. 123]. В дальнейшем количество организаций выросло кратно: по данным Отдела по взаимодействию с общественными объединениями Управления по внутренней политике Администрации Президента и Правительства Удмуртской Республики, на 2005 г. в Удмуртии за протестантскими религиозными объединениями числилось 42 культовых здания и иных объекта (главным образом молитвенные дома): в Ижевске – 13, Во-

ткинске – 6, Сарапуле – 5, Можге – 3, Глазове – 1, Вавожском, Игринском, Якшур-Бодьинском районах – по 2, Балезинском, Глазовском, Завьяловском, Кезском, Кизнерском, Можгинском, Сюмсинском, Юкаменском районах – по 1 [10, л. 170-191]. Как видим, протестантизм, не имевший до этого в республике широкой социальной и культурной основы, начал развиваться быстрыми темпами и приобрел большое количество сторонников: религиозные ячейки появились во всех городах и 11 (из 25) районах республики.

По мнению Е.А. Чураковой, огромную роль в этом играла активная миссионерская деятельность, принимавшая непривычные для местного обывателя формы: использование ярких рекламных акций, проведение концертов, привлечение внимания к церкви через решение злободневных социальных проблем (курение, алкоголизм, наркомания, детская беспризорность) и др. [5, с. 83]. Чтобы ощутить атмосферу тех лет, стоит привести высказывания респондентов: «В двадцать один год пришел в церковь, через концерт "Нового Иерусалима" (христианская музыкальная группа – Прим. автора) с евангельской программой… на концерте предложили выйти и попросить прощение у Бога» (А. Закиров, г. Ижевск) [10, л. 193–193], «Адвентисты читают лекции в школах по здоровому образу жизни, выставки здоровья организуют», «протестанты привлекают население за счет массовых мероприятий» (Б.Д. Рафиев, г. Глазов) [10, л. 198–199], «Бог ведет человека сердцем. В колонии № 7 "Станция Азино" просто сперва познакомился с верующим человеком…, который познакомил его с молитвой» (Олег Анатольевич, г. Глазов) [10, л. 203], «Лет 7-8 собираются в поселке у Волкова Николая на квартире. Он ведет проповеди. В поселке собираются примерно человек 20… к ним с Украины приезжали 15 человек, какие они сильные, как молятся. С Америки приезжали пасторы, с ними контакт поддерживают. Волков Николай, 38 лет, пресвитер в п. Октябрьском уже 9 лет» (Галина Георгиевна, п. Октябрьский Глазовского района) [10, л. 204–205]. Также опрошенные отмечают, что в этих христианских общинах важную роль играет проповедь, «живая дискуссия» с пастором, актуализация Священного Писания в свете происходящих в жизни человека событий, в отличие от РПЦ, где очень многое строится на зачастую непонятной для обывателя обрядности и поклонении иконам («проклят тот, кто покланяется кумирам») [10, л. 202].

По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике, в 2023 г. в регионе зарегистрировано 313 религиозных организаций, из них к протестантским можно отнести 54 организации, в том числе: Христиане веры евангельской – 17, Христиане веры евангельской-пятидесятники – 25, адвентисты седьмого дня – 5, лютеране – 3, Евангельские христиане-баптисты – 3 организации, Церковь Исуса Христа. Для сравнения, к Русской православной церкви официально отнесено 208 общин, к мусульманским организациям – 28[1].

Одна из крупнейших протестантских церквей в Удмуртии – Церковь христиан веры евангельской «Филадельфия», которая является частью РЦХВЕ. Руководитель – Павел Иванович Желноваков – епископ, первый заместитель начальствующего епископа РЦХВЕ, заместитель начальствующего епископа РЦХВЕ в Приволжском и Уральском федеральных округах. У общин, относящиеся к РЦХВЕ и РосХВЕ много общего, они проводят совместные мероприятия, конференции. На уровне Ижевска работает Консультативный совет глав протестантских церквей.

Как отметил в личной беседе пастор церкви «Филадельфия» В.А. Баталов, в 2023 г. исполнилось 30 лет со дня создания церкви. На данный момент «количество прихожан составляет 1100 чел., еще примерно 200 чел. "сверху" колеблющихся. Членом церкви может быть только тот, кто крещен». Кроме того, хоть несовершеннолетние и не могут быть членами церкви, но 250 детей, из них 50 подростков, входят в общину. При этом пастор указывает, что «динамика по увеличению количества прихожан была положительной до пандемии, сейчас – падение примерно на 30 %. Многие ушли в Ю-тубе, где у нас транслируются проповеди, участвуют в службах дистанционно» [11, л. 3].

Проповеди проходят по вторникам, четвергам и воскресеньям, в том числе для молодежи и подростков: «К нам идут люди, потому что здесь с людьми говорят на понятном языке, действуя по принципу "*Sola scriptura*" (только Писание), в отличие от синодального православного, здесь подход к людям более человечный, сочувственный. Мы интерпретируем и показываем Евангелие применительно к современной жизни, людям нужна актуальная пища для мозгов. У нас здесь представлены все возрасты, есть даже праздники для пожилых людей. В нашей церкви практически нет обрядовой составляющей, нет статуй, икон, специальной одежды, но мы работаем конкретно с людьми… Огромную роль для нашей церкви играет понятие "община". Каждый день ты должен читать библию (можно просто на телефоне), ежедневно молиться. Имеются у нас, помимо церковных молений, ещё и очень важные "домашние" моления (сборы в офисе, в доме). …» [11, л. 3].

Протестантская церковь достаточно гибко реагирует на социокультурную ситуацию в регионе. Начиная с 90-х гг., «Филадельфии» стали практиковать проведение служений на удмуртском языке. Более того, созданные музыкально-евангелистские груп-

[1] Информация о ситуации в религиозной сфере (по итогам 2023 года) // Справка Министерства национальной политики Удмуртской Республики от 20.06.2024.

пы «Инкрезь» (Небесные гусли) и «Шумпотон» (Радость) «с концертами, на которых звучит весть Евангелия на понятном для местного населения языке … посетили огромное число населенных пунктов в Удмуртии, а также удмуртские деревни в Кировской области, Пермском крае и Башкортостане» [16]. Вот как сами пишут об этом участники одного выезда: «В Унинском районе Кировской области есть деревни с необычными названиями: Сибирь, Астрахань, Полом, Сурвай. Здесь проживают удмурты, не достигнутые Евангелием… Залы домов культуры были наполнены. Как только мы открыли свои уста для прославления Творца, так начала изливаться Божья спасительная благодать на этих людей, которые жили в полном неведении, изголодавшись без Хлеба Жизни» (материал от 10.01.2012 г.) [17].

И новое веяние – в последние годы в церковь начинают ходить, помимо русских, татар и удмуртов, еще таджики и узбеки. Протестанты работают и с иностранными студентами. В Удмуртском государственном университете отмечают, что ближайший к ним протестантский храм «Церковь Иисуса Христа» (РосХВЕ) активно начинают посещать христиане из африканских стран.

Выше уже говорилось о том, что протестантов в России зачастую воспринимают, как проводников либеральных демократических ценностей классической западной цивилизации. В.А. Баталов, наоборот, говорит, что с 2014 г. церковь «Филадельфия» практически прервала контакты с иностранцами. Во-первых, российские общины обрели определенную самостоятельность; во-вторых, меньше внимания со стороны правоохранительных органов, и, в-третьих, наблюдается расхождение с западными церквями в морально-нравственном плане: «Я наблюдаю в Европе грязь, криминал, поток мигрантов, активная пропаганда ЛГБТ, против который мы резко выступаем… Нам приходится бороться с попытками насадить европейские "ценности" у нас…» [11, л. 4]. И это не только мнение отдельного священнослужителя. В официальном документе «Социальная позиция протестантских церквей России», принятом в 2003 г. Консультативным советом глав протестантских церквей России, в разделе «Брак, семья, детство» отмечается, что «Для христиан брак – не просто добровольный союз мужчины и женщины, но институт, установленный Самим Богом, основа для создания семьи, без которой невозможно ни нормальное течение жизни социума в целом, ни правильное формирование подрастающего поколения. Являясь самой малой ячейкой общества, семья напрямую влияет на благополучие всего общества... Библия осуждает гомосексуальное поведение как противоестественное и унижающее лучшее творение Бога» [18].

Со своей стороны, В.А. Баталов отмечает: «Мы пропагандируем большие семьи, брак и семья – это создано богом. У нас большие семьи, у меня вот трое детей, один приемный. Мы поддерживаем традиционные консервативные ценности. Большое зло сегодня – эмансипация женщин и безответственность мужчин. Нынешняя молодежь не знает ничего, кроме современного Запада… им надо расшевелить мозг – этим мы и занимаемся» [11, л. 4].

Говоря о взаимодействии с государством, следует отметить, что протестанты всячески отмечают поддержку государственной власти в стране: «Государство – институт, установленный Богом с целью поддержания порядка в обществе» [18]. Однако со стороны государственных органов отношение к ним настороженное: «Раньше мы активно приглашались в администрацию Главы и Правительства Удмуртской Республики, а сейчас нас практически не зовут и не спрашивают» [11, л. 4].

Подробнее остановимся на социальном служении религиозных общин в Удмуртии. Протестанты свою деятельность строят на помощи страдающему человеку, вне зависимости от его конфессиональной, национальной или родственной принадлежности: «Христианин должен заботиться не только о собственном благополучии, но непременно и об улучшении качества жизни других людей по принципу: "Возлюби ближнего, как самого себя"» [18].

Протестантские религиозные общины развернули социальную деятельность с самого момента организационного оформления. Администрации районов отмечали целенаправленную работу по поддержке малоимущих. Так, в отчете по религиозной ситуации в г. Сарапуле за 2008 г. в разделе «Основные мероприятия религиозных объединений» были указаны только 10 акций милосердия, проводившихся Церковью ХВЕ «Дело Веры» в железнодорожном кафе для жителей микрорайона, и евангелизация среди пациентов психоневрологического диспансера [10, л. 152–153]. В Игринском районе местная организация ХВЕ «Знамя любви» «оказывает регулярную помощь детскому приюту при Центре социального обслуживания населения (рождественские подарки, кукольные спектакли)» (данные за 2004 г.) [10, л. 264]. Интересно, что в отчетах Администрации Игринского района за 2003 и 2004 гг. упоминается негативная реакция населения (в основном старшего поколения), которую вызывает «агрессивная форма деятельности некоторых религиозных организаций», а также «критические и резкие оценки исходят со стороны руководителей местных православных организаций» [10, л. 265, 268, 269].

С июня 2002 г. в Ижевске официально зарегистрирован Благотворительный центр «Надежда». Основной вид деятельности – благотворительность, направленная на оказание материальной и психологической помощи семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, а также детям-сиротам и

семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями или усыновившим детей [19]. Как отмечает пастор В.А. Баталов, «Социальный центр "Надежда" охватывает все детские дома и интернаты. Мы работаем с этим центром, помогаем им, в основном деньгами и волонтерами…» [11, л. 3].

Также с 2012 г. успешно работает АНО «Центр социальной поддержки "Новый свет"», основное направление деятельности которой – реабилитация людей от наркотической и алкогольной зависимости. В Ижевске функционируют три специализированных центра: для людей, имеющих алкогольную либо наркотическую зависимость; для лиц без определенного места жительства; для людей, освободившихся из мест лишения свободы. Одно из уникальных учреждений организации – Центр комплексной реабилитации семей с детьми «Детский центр». Работа «Детского центра» направлена на оказание комплексной помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, в связи с деструктивными зависимостями родителей. Родителям предоставляется возможность пройти программу реабилитации, а дети в это время проживают в «Детском центре» под присмотром сотрудников организации, на полном обеспечении. Центр располагается в благоустроенном коттедже в д. Лудорвай недалеко от г. Ижевска[2]. Протестантские организации одними из первых религиозных организаций в республике «стали работать с наркозависимыми и оказывать им помощь и содействие в процессе реабилитации» [6, с. 151].

Поскольку для российских протестантов важнейшей задачей «является оказание духовной, психологической и иной необходимой помощи жертвам вооруженных конфликтов», то с начала СВО они активно включились в поддержку мирных жителей, пострадавших от военных действий. Благотворительный центр «Надежда» оказывать посильную помощь беженцам из Украины: согласно годовому отчету за 2023 г., «22 семьи беженцев получили помощь в виде специальных наборов – собранных с учетом их пожеланий продуктов питания, предметов личной гигиены, витаминов и др.» [20]. Церкви помогают и жителям Мариуполя: провиантом, одеждой, лекарствами, стройматериалами [11, л. 3].

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

С самого начала своей работы протестантские общины в Удмуртии развернули активную миссионерскую и социальную деятельность, при этом учитывались многонациональность населения и настороженное отношение со стороны традиционных конфессий. Протестанты Удмуртии прочно вошли в социокультурное и конфессиональное пространство региона. При этом если друг с другом они активно контактируют и взаимодействуют, то с руководством РПЦ и Регионального духовного управления мусульман Удмуртии уровень общения минимальный. В то же время традиционные для региона конфессии для сохранения своей социальной базы были вынуждены бороться, перенимая и развивая новые формы работы с прихожанами, в том числе проводя активную работу с молодежью, корректируя информационную политику с учетом открытости и доступности, укрепляя взаимные связи внутри религиозных общин и др.

У протестантских религиозных общин сложился значительный опыт социального служения, многие проекты стали их «визитной карточкой», что положительно влияет на восприятие церкви в обществе. Это стало возможно благодаря наличию большого количества последователей-прихожан, где каждый по мере возможности вносит свой вклад через волонтерство, пожертвования, а также широкому использованию наработанного до этого западного опыта социальной деятельности конфессий.

Протестанты Удмуртии прошли фазу бурного развития, характеризующегося резким ростом количества общин и привлечением масс верующих. Более того, наблюдается некоторое сокращение религиозных организаций. Новые христианские течения перестали представлять собой опасность для традиционных конфессий в регионе, но при этом могут служить хорошей базой для конструктивного взаимодействия и решения общих проблем, стоящих перед обществом, конфессиями и государством. Это необходимо учитывать государственным и муниципальным органам власти при работе с протестантскими общинами.

[2] Письмо директора АНО «Центр социальной поддержки семей «Новый свет» М.А. Сыроветника об оказании благотворительной помощи в УдмФИЦ УрО РАН. Вх. № 721 от 16.05.2024.

Литература:

1. Халидова О.Б., Шахбанова М.М. Социальный портрет дагестанских протестантов (по результатам социологического исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 62–67.
2. Воронцов В.С., Ильинский С.И., Семёнов Ю.В. Трансформация этноконфессионального пространства Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2010. Вып. 3. С. 121–129.

3. Воронцов В.С., Зворыгин Р.В. Современная религиозная ситуация в Удмуртской Республике: конфессиональная идентификация жителей и состояние межконфессиональных отношений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 148–161.
4. Протестанты в России и Татарстане: история и современность: коллективная монография / Под ред. А.К. Погасий. Йошкар-Ола: БМТ, 2016. 280 с.
5. Чуракова Е.А. Этноконфессиональные отношения в Удмуртии на рубеже XX-XXI вв. Екатеринбург-Ижевск, 2012. 216 с.
6. Чуракова Е. А. Социальная деятельность религиозных организаций современной Удмуртии: уровень доверия, оценка и отношение общества // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2014. № 22(351). Вып. 61. С. 149–154.
7. Костылева Т.А. Социальные доктрины христианских церквей как теоретическая основа социального служения // Омский научный вестник. 2008. № 1. С. 62–65.
8. Касимов Р.Н., Поздеев И.Л. Мусульманские общины Удмуртской Республики: вызовы современности и модели взаимодействия в региональном социуме. 2017. № 10(84). С. 68–71.
9. Поздеев И.Л., Касимов Р.Н., Кудрявцева И.К. Формы социального служения религиозных организаций в Удмуртской Республике // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15. № 4. С. 172–187.
10. Материалы по теме «Этноконфессиональная ситуация в Удмуртии на рубеже XX–XXI вв.» (данные приведены по состоянию на 2005-2007 гг.) // Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ.) Опись 3-Н. Д. 493. 282 л.
11. Материалы полевых этнографических исследований, собранных в 2023 г. Поздеевым Игорем Леонидовичем в г. Ижевске в рамках деятельности научно-исследовательской лаборатории «Антропология диаспор» // Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2-Н. Д. 1708. 24 л.
12. Пастора ижевской церкви «Свет миру» поместили под домашний арест // Сетевое издание «Udm-info». URL: https://udm-info.ru/news/2024-02-02/pastora-izhevskoy-tserkvi-svet-miru-pomestili-pod-domashniy-arest-4988072 (дата обращения: 04.07.2024).
13. О совете // Сайт КСГПЦР. URL: https://xn--80adja5bdgigfjcc0k.xn--p1ai/#rec482752658 (дата обращения: 04.07.2024).
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1-89] / Под ред. Н.А. Тройницкого. Кн. 10: Вятская губерния. [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899-1905, 1904. 267 с.
15. Микрюкова М.А. Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х гг.: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ижевск, 2008. 26 с.
16. Группа «Шумпотон» выпустила клип на песню «Тихая ночь» на удмуртском языке. URL: https://cerkvi.com/news/43209м (дата обращения: 04.07.2024).
17. Протестанты из Ижевска научат удмуртов молиться Богу? // Интернет-портал Унинского района. URL: https://www.uniposelok.ru/main/v_rayone/982-protestanty-iz-izhevska-nauchat-udmurtov-molitsya.html#sel=11:2,11:3 (дата обращения: 04.07.2024).
18. Социальная позиция протестантских церквей // Сайт Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников). URL: https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1379387 (дата обращения: 14.07.2024).
19. Официальный сайт Международного благотворительного центра «Надежда». URL: https://www.hopecenter.ru/ (дата обращения: 18.07.2024).
20. Годовой отчет за 2023 г. // Официальный сайт Международного благотворительного центра «Надежда». URL: https://www.hopecenter.ru/upload/iblock/21b/2023.pdf (дата обращения 24.07.2024).

The Protestant Church in the Udmurt Republic: Experience of Interaction in a Multinational Region

Pozdeev I.L.
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

In recent years, there has been great scientific and practical interest in the study of the activities of Protestant Christian communities as a fairly new phenomenon in regional history. Based on the analysis of field ethnographic materials, regulations and media materials, the author concludes that the Protestants of Udmurtia have firmly entered the socio-cultural and confessional space of the region. Protestant communities have great potential for constructive interaction and solving common problems facing society, faiths and the state, which must be taken into account by state and municipal authorities when working with religious organizations.

Keywords: Protestantism, religious communities, Udmurt Republic, social service

УДК 316.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-223-227

Влияние рэп-музыки на формирование ценностей российской молодежи в 2000–2010-е гг. (по материалам социологических исследований)

Равочкин Н.Н.
Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева;
профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В.Н. Полецкова (Кемерово)

Актуальность исследования связана с возрастанием популярности музыкального творчества рэп-исполнителей в российском обществе с начала XXI столетия. Подтверждено, что наибольшее влияние рэп оказывает на сознание молодежи, конституируя в их сознании определенные аксиологические модусы. Цель исследования заключается в рассмотрении воздействия рэп-музыки на формирование ценностей российской молодежи в 2000–2010-е гг. Определены отличительные характеристики рэпа и его становления в период глубинных онтологических трансформаций российского социума. Производится содержательный анализ социологических исследований. На основе обобщения результатов имеющихся данных автором выделены ключевые аксиологемы, которые формирует рэп-музыка для российской молодежи, среди которых молодость, творчество, инициативность, протест, правда и другие. Научная новизна проведенного исследования определяется авторской классификацией ценностей и их интерпретацией в формировании аксиологических ориентаций и жизненных миров российской молодежи в начале XXI в.

Ключевые слова: *молодежь, ценности, рэп-музыка, контент, культура, общество*

Для цитирования: *Равочкин Н.Н. Влияние рэп-музыки на формирование ценностей российской молодежи в 2000-2010-е гг. (по материалам социологических исследований) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 223–227. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-223-227.*

Изучение особенностей влияния музыки, музыкальных предпочтений на идентификацию, самоидентификацию молодых людей на протяжении длительного времени является актуальной научной проблемой. Музыка, по своей сути, является «формой развлечения и символического представления, а также средством проверки социальных институтов и ритуальных практик» [1, p. 43]. Роль музыки как одного из инструментов формирования жизненного мира личности особенно возрастает сегодня, когда человек практически с первого дня жизни попадает в музыкальное пространство современного мира. Как отмечает Д.В. Ткачук, «городской житель XXI в. в течение дня воспринимает огромное количество музыкального контента, далеко не всегда осознанно подходя к вопросам слушания и анализа услышанного» [2, с. 4]. Т.е. сегодня человек даже не по своей воле оказывается в музыкальном пространстве, созданном звучанием многочисленных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что приводит к тому, что музыка становится неотъемлемым компонентом жизненного пространства личности, оказывая влияние на формирование ее мировоззрения, миропонимания. Ученые подчеркивают, что «в наши дни тотальной информатизации и бесконечных инноваций в области технологий музыка стала постоянным фоном жизненного процесса молодежи – достаточно провести простое наблюдение в общественных местах, в общественном транспорте, в любом социальном пространстве,

чтобы убедиться в том, что практически любой подросток или молодой человек использует наушники и слушает музыку на мобильном телефоне» [3, с. 257].

Меняется и сама музыка как социокультурный феномен, прежде всего стираются границы между академическим, традиционным и массовым музыкальным дискурсом, музыкальное производство развивается под влиянием «рутинного, ситуативного и сакрального» [2, с. 4]. Однако многочисленные аспекты влияния музыки на личность остаются изученными фрагментарно. В частности, традиционно на периферии научного внимания остается рэп-музыка. Между тем указанное направление является одним из наиболее популярных у молодых людей. Высокая привлекательность рэп-музыки сопровождается интериоризацией системы ценностей, закрепленных в музыкальном дискурсе, молодыми людьми, оказывает влияние на их миропонимание, интерпретацию и оценивание событий, процессов социокультурной окружающей среды, выбор поведенческих стратегий. При этом рэп-музыка, ее ценности и влияние на молодых людей, к сожалению, остаются изученными фрагментарно в современной научной литературе. В рамках данной работы особый интерес представляет рэп-музыка 2000–2010-х гг., ведущие ценности, закрепленные в музыкальном дискурсе, а также воздействие на молодежь. Целью исследования является изучение рэп-музыки 2000–2010-х гг., изменения системы ценностей молодежи под ее влиянием.

Прежде всего необходимо отметить, что становление рэп-культуры в России было связано с глубокими онтологическими трансформациями общества и государства. В основании указанной субкультуры – прежде всего протест и соответствующие настроения, которые традиционно характерны для молодежи. При этом, факторы, которые обусловливают усиление протестных настроений, могут быть представлены политическими, социальными, культурными, в целом любыми. Рэп – это протест ради самого протеста, стремление молодых людей выразить несогласие в творческой форме. Отличительными характеристиками рэп-дискурса являются стирание, нивелирование границ между «высокой» и «низкой» культурами, включение символов на латинице и кириллице, включение англицизмов, специальной лексики, особенности репрезентации нарратива, отличающейся высокой сжатостью, информационной насыщенностью, интертекстуальностью произведений, понимание содержания которых требует от слушателя сформированности определенных компетенций. Указанные отличительные характеристики обусловили популярность рэп-культуры среди «неповзрослевших» подростков, ее широкое распространение.

В качестве материалов для исследования были выбраны статьи, в которых так или иначе раскрывается проблематика ценностей молодежи. Анализу подвергаются публикации, в которых раскрывается отношение молодых людей к ценностям, представленным в рэп-дискурсе.

Молодость, свобода. Свобода представляет собой одну из базовых ценностей рэп-дискурса, при этом проведенные социологические эмпирические исследования выявляют противоречивое отношение к указанной аксиологеме в глазах российской молодежи. Результаты опроса, проведенного в 2000 г., позволили сделать вывод, что «ни идея национальной уникальности, ни противостояние Западу, ни индивидуальная свобода не набрали в данном случае ощутимого числа приверженцев» [4, с. 51]. В данном аспекте молодежь мало отличалась от других возрастных групп, индивидуальная свобода не воспринималась большинством молодых людей как базовая ценность.

К 2010 г. ситуация кардинально меняется: в частности, для 26,6 % молодых людей достижение независимости и свободы в инициируемых и принимаемых решениях и основанных на них поступках становится одним из ведущих приоритетов [5, с. 113]. Иными словами, под влиянием отражения темы свободы в искусстве, в том числе – в рэп-дискурсе, свобода становится абсолютной ценностью более чем для четверти молодых россиян. При этом хотелось бы отметить, что стремление к абсолютной свободе сопровождалось в молодежной среде и негативными тенденциями, к которым можно отнести снижение значимости института брака, изменения в восприятии материнства. И.Г. Исупова в проведенном исследовании отмечает, что для отдельных матерей «он (ребенок), в общем-то, не занимает главного места в ее жизненном мире, в центре которого – творчество, работа, секс, общение с интересными людьми, риск» [6, с. 102].

Инициативность, самостоятельность, сила, смелость. Начало нового тысячелетия ознаменовалось повышением значимости личностных качеств: самостоятельности, инициативности, предприимчивости, которые нашли свое отражение в рэп-дискурсе. Социологические исследования этого периода также отражают значимость указанных ценностей, в частности, ряд исследователей приходит к выводу, что на данном этапе осуществлялось «формирование у молодых людей новой трудовой этики, выражающейся в инициативности, индивидуальности, готовности преодолевать трудности» [7, с. 48]. На протяжении заявленного периода такие личностные качества, как «самостоятельность», «инициативность» и «предприимчивость», остаются ведущими в аксиологической иерархии российской молодежи. Исследование 2008 г. позволяет сделать вывод, что большинство молодых людей (58 % от общего числа респондентов) в качестве главных факторов самореализации видит преимущественно

личные качества работоспособности и целеустремленности [5, с. 110].

Творчество как средство самореализации, саморазвития и материального благополучия. Говоря об указанном критерии, следует отметить, что в 2000 г. восприятие материального благополучия, высокооплачиваемой работы отличалось среди студентов и выпускников вуза: 52 % студентов указали, что для них важна высокая заработная плата [8]. Т.е. на этом этапе значительная часть молодых людей стремилась к высоким заработкам, вне зависимости от того, является ли их работа творческой.

В исследовании Г.М. Мкртчяна, И.М. Чистякова численность молодых людей, которые в процессе выбора сферы профессиональной деятельностью руководствуются исключительно материальными ценностями, уровнем зарплаты, а не творческим характером работы, составляет 67 %, что позволило исследователям сделать вывод о «формировании новых потребительских стандартов, описанных понятием "*homo economicus*"» [7, с. 43].

О.И. Карпухин на основании проведенного исследования приходит к выводу, что «для каждого десятого желаема любая работа, лишь бы она хорошо оплачивалась» [9, с. 125]. При этом 38,8 % респондентов подчеркивают важность творческой, общественно полезной деятельности, которая при этом должна оплачиваться. То есть в данном аспекте можно говорить о наличии взаимосвязей между молодежными ценностями и ценностями рэп-дискурса, в котором также прослеживается убежденность в том, что «художник не должен быть голодным».

К концу исследуемого периода восприятие ценности денег значительно меняется. В частности, исследование, проведенное в 2010 г., позволяет сделать вывод, что теперь приоритетное значение богатству отдают лишь 33 % респондентов (для сравнения: в 2000 г. этот показатель составлял более 50 %), при этом немаловажно, что 27 % опрошенных молодых людей указали на реализации таланта и способностей, а также отметили высокую роль самоорганизации [5, с. 113]. Полученные результаты позволяют сделать вывод о повышении значимости возможностей самореализации, осуществления творческой деятельности в сознании молодых людей.

При этом нестандартность мышления, инновационность представляются важными для достижения успеха в жизни лишь для 8,6 % [5, с. 114]. Т.е. несмотря на то что самореализация, творчество воспринимаются как значимая ценность, в сознании респондентов они не связаны с достижением успеха в жизни, что позволяет авторам сделать вывод, что «понимание средств и факторов жизненного успеха молодежью достаточно реалистично и неоригинально в том смысле, что вполне соответствует шаблону, сформировавшемуся в последние 10–15 лет» [5, с. 114]. В целом следует, что творчество, инновационность воспринимаются как ценности, не совместимые с жизненным успехом.

Протест как таковой, как средство ломки устоявшейся системы. В начале исследуемого периода все еще явственно влияние романтизации бандитизма 90-х гг. прошлого века. Как отмечает О.И. Карпухин, «идеализация рынка, стремление к благосостоянию во что бы то ни стало – своеобразный социально-психологический феномен молодежного сознания, в основании которого – обогащение и жизненный успех, достигаемый любой ценой» [9, с. 125]. В соответствии с результатами, 18,1 % респондентов оценивали криминальные практики и участие в них как норму, еще 9,1 % ответили позитивно на возможности зарабатывания денег таким образом, а еще 12,7 % опрошенной молодежи аналогичным образом относились к сфере проституции. Обращает на себя внимание, что 25 % молодых людей указывали на то, что реальная власть в обществе, в городе принадлежит «преступным группировкам». При этом проблема роста преступности и неспособность руководства стабилизировать обстановку являлось одной из наиболее актуальных, значимых [4, с. 51–52].

Говоря о протестных настроениях, О.В. Красильникова делает акцент на том, что «в митингах, демонстрациях, политических акциях участвуют в основном люди старшего возраста, молодежь не проявляет активности» [4, с. 52]. Результаты этого исследования могут объясняться не низкой активностью молодых людей, но неумением выражать эту активность. По словам автора, «не может не вызвать опасения тот факт, что почти каждый десятый молодой респондент заявил о своей готовности участвовать в политических акциях с использованием противозаконных методов» [4, с. 52], что еще раз позволяет говорить о высоком уровне сформированности протестных настроений среди представителей молодежи.

На рассматриваемый исторический этап приходится усиление политизированности и популярности рэпа, который становится средством выражения протеста, завоевывая большее число сторонников по всей стране. Приобщение к рэп-культуре становится одним из инструментов выражения протеста для молодых людей в условиях формирующегося гражданского общества, когда иные инструменты репрезентации своих политических убеждений, собственного видения социального устройства еще не сформированы.

Анализ вторичных данных позволяет выявить противоречие в восприятии ценности протеста как слома системы в его радикальном проявлении: если 18,1 % респондентов не видит ничего предосудительного в участии в криминальных группировках, для 25 % молодых людей рост преступности – серьезная проблема, вызывающая опасения. Нормативный релятивизм, объективировавшийся благодаря

умножению девиаций и осознанной готовности преступления через социальные нормы в случаях удовлетворения личных потребностей, сохраняется в молодежной среде до конца исследуемого в настоящей работе хронологического периода. В.П. Бабинцев, Е.В. Реутов на основании проведенного эмпирического исследования приходят к выводу, что «рекрутирование же участников в организации и сообщества с негативной программой (националистические организации, криминальные сообщества) протекает гораздо более автономно. Наблюдается эффект "негативной консолидации" молодежи» [5, с. 111].

Правда. Как было выявлено ранее, в начале нового тысячелетия в молодежной среде сформировался запрос на правдивость, достоверность транслируемой медиа-информации, что привело к критическому восприятию в рэп-культуре самих СМИ. Отсутствие доверия к телевизионным каналам отразилось в снижении численности молодых зрителей. Как отмечают ученые, «что касается возрастных характеристик телеаудитории, то они определяются следующей закономерностью: чем моложе зрители, тем меньше они смотрят телевизор, и наоборот» [10, с. 69]. Несемейная молодёжь проводит меньше всего времени возле телевизора, поскольку отсутствие одноименных отношений актуализирует обращение к внедомашним формам досуга.

При этом несмотря на снижение численности молодежной аудитории, длительности просмотров телепродукции, именно молодые зрители демонстрируют наиболее высокий уровень удовлетворенности телевизионным контентом. И.А. Полуэхтова показывает, что это «неудивительно, так как сегодняшнее телевидение в наибольшей степени отвечает именно их ожиданиям и интересам. Жанровое разнообразие, возможности выбора, откровенность обсуждения проблем, обилие развлекательных и игровых передач, показ современных западных фильмов – именно этого ждут и это получают от телевидения молодые зрители» [10, с. 72–73]. Немаловажно, что удовлетворенность продукцией демонстрируют так называемые «нетребовательные» зрители, к которым относятся те представители телеаудитории, для которых характерны наименьшие культурные запросы. В то же время наиболее образованные и компетентные социальные группы удовлетворены ТВ-контентом в гораздо меньшей степени. Иными словами, можно сделать вывод, что наряду с критичностью восприятия телепродукции, сомнениями в правдивости и достоверности представленной информации, вариативность и многообразие представляемых сюжетов, форматов, жанров привлекают молодых людей.

Продажность, коррумпированность, вседозволенность чиновников, бездействие силовых структур. Исследования отражают, что лишь 15,8 % молодых людей в некоторой степени доверяет правоохранительным органам, остальные, наоборот, «не склонны доверять правоохранительным органам» [9, с. 126]. Результаты того же исследования позволяют сделать вывод, что 77 % молодых людей «трезво оценивает отношение власти и общества к себе как безразличное или откровенно потребительское» [9, с. 126].

Социальная несправедливость. Исследование 2000 г. позволило выявить, что 70,6 % молодых людей не обеспокоены проблемой социального неравенства, стремление восстановить социальную справедливость у них не выражено [9, с. 126].

Война как историческое событие и как символ социально-политических процессов, хаоса. Анализ одного из исследований позволяет сделать вывод о «глубокой укорененности стереотипов войны и насилия в сознании и психологии людей» [11, с. 72]. Вторая Чеченская война была поддержана россиянами, тема Чечни стала ведущей в политической повестке, отодвинув на задний план проблемы бедности, безработицы, социального неравенства. Основная причина медленного атрофирования воинственности, по словам В.В. Серебрянникова, кроется «в том, что не произошло коренного изменения отношения к войне и насилию со стороны политики, науки, искусства, СМИ» [11, с. 72]. В рамках данного исследования хотелось бы отдельно отметить, что тема войны является одной из важнейших антиценностей рэп-дискурса, при этом нельзя не согласиться с автором в том, что искусство поддерживает воинственные нарративы.

По сути, критике со стороны рэп-исполнителей подвергается не сама война как крайняя форма проявления насилия, жестокости, но действия отдельных генералов, политиков, которые, по мнению исполнителей, затрудняют реализацию военных действий, мешают стране добиться победы. Т.е. как и политический, медиа-дискурс, рэп исследуемого периода выступал средством, инструментом усиления и поддержки воинственных настроений в российском обществе, восприятие, оценивание войны в рэп-культуре во многом совпадало с представленным в обществе, в «высокой», общей культуре.

В целом, подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что ценности, представленные в рэп-дискурсе, разделаются молодежью, т.е., исполнители выступают своеобразным рупором тех проблем, которые волнуют молодых россиян. При этом в произведениях рэп-культуры затрагиваются даже те вопросы, которые в меньшей степени интересуют молодежь в повседневной жизни, что может объясняться протестной природой рэпа, молодые же люди не всегда настроены протестно, в результате чего формируется разрыв между восприятием ценностей в рэп-культуре и сознании молодежи. Сама рэп-культура может восприниматься как субкультура, которая остро реагирует на социальную

несправедливость, на те или иные социальные, политические, культурные процессы, явления.

Отдельно следует отметить, что под влиянием онтологических трансформаций жизнедеятельности начала третьего тысячелетия в сознании россиян и в рэп-культуре сформировались ценности, которые отличают поколение от предыдущих и последующих. В частности, именно в это время начинает формирования трудовая этика, в которой ведущее место отводится инициативности, самостоятельности, предприимчивости, что значительно отличает молодых людей от предыдущих поколений, которые во многом полагались на государство.

Литература:

1. Connell J., Gibson Ch. Soundtracks: popular music, identity and place. London: Routledge, 2003. 320 p.
2. Ткачук Д.В. Факторы формирования и функционирования музыкально-художественных вкусов современной российской молодежи: дисс. … канд. соц. наук. СПб., 2020. 306 с.
3. Шапинская Е.Н. Музыка как фактор формирования эстетических вкусов и этических ценностей в молодежных субкультурах // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 253–260.
4. Красильникова О.В. Политические предпочтения возрастных групп // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 49–52.
5. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 109–115.
6. Исупова О.Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98–107.
7. Мкртчян Г. М., Чистяков И. М. Молодежь Москвы на рынке труда // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 42–50.
8. Пашинян И. А. Работа и трудоустройство в восприятии студентов // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 130–133.
9. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 124–128.
10. Полуэхтова И.А. Динамика российской телеаудитории // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 66–77.
11. Серебрянников В.В. Косовская и Чеченская войны в массовом сознании россиян и Запада // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 66–72.

The Influence of Rap Music on the Formation of Values of Russian Youth in the 2000-2010s (Based on Sociological Research)

Ravochkin N.N.
Kuzbass State Technical University named T.F. Gorbachev,
Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov (Kemerovo)

The relevance of the study is associated with the growing popularity of rap artists' musical creativity in Russian society since the beginning of the 21st century. It has been confirmed that rap has the greatest influence on the consciousness of young people, constituting certain axiological modes in their consciousness. The purpose of the study is to examine the impact of rap music on the formation of values of Russian youth in the 2000-2010s. The distinctive characteristics of rap and its formation during the period of deep ontological transformations of Russian society are determined. A substantive analysis of sociological research is carried out. Based on the generalization of the results of the available data, the author identifies the key axiologemes that rap music forms for Russian youth, including youth, creativity, initiative, protest, truth, and others. The scientific novelty of the study is determined by the author's classification of values and their interpretation in the formation of axiological orientations and life worlds of Russian youth at the beginning of the 21st century.

Keywords: youth, values, rap music, content, culture, society

УДК 316.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-228-231

Востребованность цифровой социологии как сферы профессиональной деятельности

Тевлюкова О.Ю.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Цифровая трансформация современного общества приводит к росту значения процедур обработки и анализа данных при принятии управленческих решений. Возникают новые ниши на рынке труда для специалистов, способных анализировать и использовать большие объемы данных. В связи с этим актуальным становится открытие образовательных программ в вузах, дающих профессиональную подготовку в соответствии с запросами сферы труда.

Целью статьи является определение потенциала и специфики цифровой социологии как сферы будущей профессиональной деятельности студентов направления подготовки «Социология». Для достижения поставленной цели было проанализировано содержание образовательных программ ведущих вузов России, изучено отношение студентов-социологов к внедрению в вузах образовательных программ по цифровой социологии.

Научная значимость проведенного исследования заключается в выявлении преимуществ подготовки специалистов по цифровой социологии и наличия у студентов мотивации на освоение данной сферы профессиональной деятельности. Результаты исследования могут быть использованы при разработке образовательных программ в вузах.

В статье на основе анализа научной литературы, статистических данных, документов образовательных учреждений, размещенных в открытом доступе, и результатов анкетирования студентов уточняется содержание понятия «цифровая социология», обосновывается перспективность получения образования в сфере цифровых социологических исследований.

Ключевые слова: *интернет, цифровизация общества, высшее образование, цифровая социология, социологическое исследование*

Для цитирования: *Тевлюкова О.Ю. Востребованность цифровой социологии как сферы профессиональной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 228–231. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-228-231.*

Основным трендом развития современного общества является цифровизация – внедрение IT-технологий для оптимизации производства и сбыта, автоматизации бизнес-процессов, повышения эффективности управленческой деятельности, совершенствование систем жизнеобеспечения и т.п. Важную роль при этом играет распространение интернета как технологии, позволяющей каждому получить доступ к информации и услугам. Согласно данным агентства *We Are Social*, за последнее десятилетие число пользователей сети Интернет увеличилось более чем в два раза. При общей численности населения планеты в 8,01 млрд количество интернет-пользователей в январе 2023 г. достигло

5,16 млрд чел. В настоящее время 64,4 % мирового населения регулярно используют интернет для решения различных задач. Растет охват населения мобильной связью, более 5,44 млрд людей (68 % населения планеты) пользуются мобильными телефонами [1].

Цифровизация общения и досуга тесно связана с социальными сетями. Количество пользователей социальных сетей за 10 лет увеличилось в 3,1 раза. Если в 2012 г. аудитория социальных сетей составляла 1,48 млрд человек, то на 1 января 2023 г. насчитывалось уже 4,76 млрд уникальных пользователей. 59,4 % общей численности населения мира имеют аккаунты в социальных сетях [1].

Опираясь на статистику, можно констатировать начало эры глобальной цифровизации, когда большая часть населения планеты благодаря мобильным техническим устройствам имеет постоянный доступ к цифровым данным, размещенным в интернете, используя интернет-сети для поиска информации, общения, работы, покупок, обучения и пр. [2].

Россия следует общемировым трендам. Согласно данным исследовательского проекта *WEB-Index*, в феврале–ноябре 2020 г. интернетом в России хотя бы раз в месяц пользовались в среднем 95,6 млн чел. старше 12 лет (78,1 % населения). В среднем за день в интернет выходили 87,1 млн чел. (71,1 % населения). Проникновение интернета среди более молодого населения (до 44 лет) в 2020 г. превысило 90 %, а среди самых молодых россиян (12–24 лет) приблизилось к 100 % [3].

Интернет и IT-технологии в настоящее время играют ключевую роль во всех сферах социального взаимодействия, запуская процессы цифровой трансформации производства, досуга, общения, потребления и т.д. Цифровизация общественной жизни приводит к росту объема данных и предъявляет новые требования к организации процесса принятия решений как в бизнесе, так и в сфере политики, образования и науки, государственного и муниципального управления. По мнению многих HR-специалистов, аналитики данных (в том числе «больших» данных) станут самой востребованной профессией в ближайшие годы. Рынок нуждается в специалистах, способных анализировать и применять цифровые данные в профессиональной деятельности, на сайтах все чаще появляются вакансии бизнес-аналитиков, аналитиков больших данных, веб-аналитиков, интернет-маркетологов, менеджеров по управлению онлайн-продажами и пр. Новые требования рынка труда бросают новые вызовы системе подготовки специалистов, прежде всего на уровне высшего образования, поскольку длительный срок обучения (от 4 до 6–7 лет) предполагает применение прогнозных методик для определения тех профессиональных ниш, которые будут востребованы в ближайшем будущем.

Учитывая запрос на сбор, обработку и анализ цифровых данных, одним из актуальных образовательных направлений в настоящее время становится цифровая социология.

Термин «цифровая социология» (*digital sociology*) впервые появился в научной статье Дж. Уинн в 2009 г. [4]. Австралийский социолог Д. Лаптон определяет это направление как социологическую «субдисциплину, которая фокусируется на понимании использования цифровых средств массовой информации как части повседневной жизни, и как эти различные технологии способствуют моделям поведения человека, социальным отношениям и концепции самоуправления» [5]. Как отмечает В.Ф. Ницевич, несмотря на то что термин «цифровая социология» пока не стал полноценной научной категорией, «социологи участвуют в исследованиях, связанных с интернетом с момента его создания» [6], исследуя в том числе проблемы онлайн-сообществ, киберпространства и киберкультуры. Таким образом, цифровая социология изучает и описывает влияние цифровых технологий и цифровых данных на современное общество, «цифровые» социальные практики (онлайн-шопинг, онлайн-обучение, онлайн-голосование и пр.), а также специфику проведения социологических исследований в цифровой среде.

В России подготовка специалистов по цифровой социологии уже началась. Ряд передовых вузов предлагает студентам профили обучения, связанные с новой сферой профессиональной деятельности (табл. 1).

Для того, чтобы определить, как оценивают новые образовательные программы обучающиеся,

Таблица 1

Анализ предложений на рынке образовательных услуг

Критерии	СПбГУ	НИУ ВШЭ	РГГУ
Профиль	Социологические исследования в цифровом обществе	Цифровой маркетинг	Цифровая социология и социальная диагностика
Стоимость обучения	262 900 руб. на 2024/2025 г.	390 000 руб. на 2024/2025 гг.	291 000 руб. на 2024/2025 гг.
Преимущества программы	Формирование навыков исследовательской работы в цифровой среде, управления процессами социально-экономического развития цифрового общества	Привлечение к учебному процессу бизнес-партнеров позволяет интегрировать фундаментальные знания в практическую деятельность	Сочетание базовой подготовки по гуманитарным дисциплинам с получением профессиональных знаний и навыков в области социологии

кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления (далее – НГУЭУ) в мае 2024 г. был проведен опрос студентов направления подготовки «Социология». В опросе приняли участие 88 студентов НГУЭУ, обучающихся очно на 1 и 2 курсах. Возраст опрошенных составил от 18 до 22 лет, 79,5 % респондентов – представительницы женского пола, 20,5 % – мужского.

Опрос показал, что большинство респондентов (в совокупности 96,6 %) считают образовательную программу «Цифровая социология» актуальной (рис. 1).

Рис. 1. Мнение респондентов об актуальности программы «Цифровая социология», в %

Все опрошенные студенты-социологи уверены в том, что бакалавры, получившие образование по данной программе, будут востребованы на рынке труда, при этом 55,7 % считают, что во многих сферах деятельности, 44,3 % – в узких областях – маркетинге (23,9 %), рекламе (13,6 %), государственном и муниципальном управлении (6,8 %), IT-сфере (6,8 %).

Поскольку студентам первых курсов предстоит выбирать профиль обучения, был задан вопрос, какие преимущества они видят в обучении на программах по цифровой социологии (рис. 2).

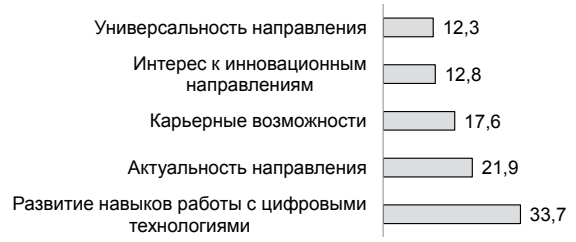

Рис. 2. Мнение респондентов о преимуществах обучения на образовательной программе «Цифровая социология», в %

Как показал опрос, студентов привлекает в первую очередь возможность развивать навыки работы с цифровыми технологиями (33,7 %) и актуальность данного направления подготовки в современных условиях (21,9 %). Чуть менее пятой части опрошенных считают, что освоение данной образовательной программы даст им возможности карьерного роста (17,6 %). Некоторые респонденты испытывают интерес к инновационным направлениям подготовки(12,8 %) и считают, что в цифровом обществе цифровая социология является универсальным направлением подготовки и полученные знания можно будет применить в различных сферах профессиональной деятельности (12,3 %).

Необходимо отметить, что, несмотря на молодой возраст, 40,9 % опрошенных имеет опыт работы, в том числе в сфере интернет-маркетинга, что позволяет им понимать запросы работодателей.

Таким образом, цифровая социология воспринимается как перспективная сфера профессиональной деятельности и представителями социологического сообщества, и педагогическими коллективами учреждений высшего образования, и студентами, получающими подготовку по направлению «Социология». Последние считают образовательные программы по цифровой социологии актуальными и востребованными на рынке труда, поскольку они позволяют приобрести навыки работы с современными технологиями проведения социологических исследований, обработки и анализа данных, управления на основе цифровых данных.

Литература:

1. The changing World of Digital in 2023. // Wearesocial. URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023/ (дата обращения: 05.08.2024).
2. Тевлюкова О.Ю. Коммуникативное пространство в цифровую эпоху // Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего. Сб. материалов конф. М.: Российское общество социологов, 2024. С. 355-359.
3. Аудитория интернета в России в 2020 году // Mediascope. URL: https://mediascope.net/news/1250827/ (дата обращения: 27.07.2024).
4. Wynn J. Digital sociology: emergent technologies in tire field and the classroom // Sociological Forum. 2009. № 24 (2). С. 448–456.
5. Lupton D. Digital Sociology: An Introduction // SSRN-Elsevier. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2273418 (дата обращения: 27.07.2024).
6. Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология / Digital Sociology. 2018. № 1. С. 18–28.

Demand for Digital Sociology as a Field of Professional Activity

Tevlyukova O.Yu.
Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH"

The digital transformation of modern society leads to an increase in the importance of data processing and analysis procedures when making management decisions. New niches in the labor market are emerging for specialists who are able to analyze and use large amounts of data. In this regard, it is becoming relevant to open educational programs in universities that provide professional training in accordance with the needs of the labor sphere.

The purpose of the scientific article is to determine the potential and specifics of digital sociology as a sphere of future professional activity of students majoring in Sociology. To achieve this goal, the content of educational programs of leading universities in Russia was analyzed, and the attitude of sociology students to the implementation of educational programs in digital sociology in universities was studied.

The scientific significance of the study lies in identifying the advantages of training specialists in digital sociology and the presence of motivation among students to master this area of professional activity. The results of the study can be used in the development of educational programs in universities.

The article, based on the analysis of scientific literature, statistical data, documents of educational institutions posted in the public domain, and the results of a survey of students, clarifies the content of the concept of "digital sociology" and substantiates the prospects of obtaining an education in the field of digital sociological research.

Keywords: Internet, digitalization of society, higher education, digital sociology, sociological research

УДК 316.33
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-232-236

Экзистенциальное понимание социального одиночества в социологии*

Ткач С.
Ведущий социолог Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Русакова М.М.
Кандидат социологических наук, доцент,
директор Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Актуальность темы исследования обусловлена общественным и профессиональным запросом на поиск новых моделей концептуализация острой проблемы социального одиночества. Основной целью исследования выступает реконцептуализация социального одиночества через призму экзистенциальной теории. Цель была операционализирована в следующих задачах: разграничение социального и экзистенциального одиночества; выделение наиболее релевантных категорий экзистенциальной теории для концептуализации социального одиночества; разработка теоретической модели социального одиночества в контексте экзистенциальной теории. Научная значимость заключается в выделении нового понимания одиночества как концепта, конструируемого через отчуждение. Практическая значимость заключается в перспективности разработанной модели для практических исследований одиночества. Научная новизна проведенного исследования выводится из отсутствия широкого числа работ, в которых социальное одиночество понималось бы в ключе экзистенциальных теорий в социологии.

Ключевые слова: *экзистенциализм, отчуждение, социальное одиночество, этнометодология, перформативная теория, социальный порядок, экзистенциальное одиночество*

Для цитирования: *Ткач С., Русакова М.М. Экзистенциальное понимание социального одиночества в социологии // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 232–236. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-232-236.*

Проблема социального одиночества видится актуальной в современном обществе. Исследователями даются разные оценки динамики ее распространенности. Ряд авторов пишут о росте одиночества и связывают это с цифровизацией [1], дрейфом ценностей [2], давлением социального успеха [3] и иными эмпирически регистрируемыми явлениями. Некоторые авторы заявляют даже об эпидемии одиночества [4; 5]. Другие авторы, среди которых Д. Винсент, полагают, что заявления об эпидемическом характере одиночества преувеличены [6]. Так или иначе, одиночество связывается с ростом риска деменции, [7] смерти от всех причин [8], алкогольной зависимости [9] и др. Это делает одиночество важной исследовательской темой как в социологии, так и в других гуманитарных дисциплинах. Поиск

* Работа выполнена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, шифр проекта 121062300141-5.

путей решения этой острой социальной проблемы невозможен без ее теоретического осмысления путем реконцептуализации основных категорий с позиции актуальных социальных теорий. Об этом пишет И. Кон, когда указывает, что одиночество следует рассматривать как социологическую категорию, возникшую из городской разобщенности, ставшей возможной в современном обществе [10].

Следует разграничивать ряд омонимичных категорий, о чем пишет Ж. Пузанова [11]: экзистенциальное одиночество, социальное одиночество и психологическое одиночество. В «экзистенциализм[е] за точку отсчета брался "факт", что люди изначально одиноки, и соответственно никто не может разделить с человеком его чувства и мысли; разъединенность – есть сущностное состояние его переживаний» [11, с. 28]. Психологическое одиночество представляет собой субъективное чувство недостатка социальных контактов и общения, отмечаемое человеком. Социальное же одиночество выражается в исключенности из социального порядка – отсутствии устойчивых социальных связей между человеком и другими. В парадигме социологии наиболее релевантным является рассмотрение проблемы именно социального одиночества. Видится многообещающей реконцептуализация социального одиночества с экзистенциальных позиций, о чем пишут А. Фаррахов [12], Г. Колесникова [13] и др. Для этой цели в статье были решены ряд задач: выделить разграничение экзистенциального и социального одиночества; обозначить ключевые концепции экзистенциальной философии в вопросе социального одиночества; разработать модель социального одиночества с опорой на структуру экзистенциального рассуждения.

О разграничении экзистенциального и социального одиночества

Экзистенциальное и социальное одиночество, несмотря на кажущееся сходство концепций, опираются на две различные терминологические матрицы. Социальное одиночество представляет собой «обособление, автономизация его [единства системно-структурного и процессуально-динамического компонентов отношения] субъективных и объективных слагаемых» [14, с. 61]. В то же время в экзистенциализме «одиночество предстает сугубо личным переживанием каждого человека, в котором он не может сравниться с другими» [15, с. 117]. Отсюда можно заметить, что социальное одиночество не выводимо из экзистенциального. Оно представляет собой состояние исключенности из социальной структуры, отстраненности от людей, отсутствия связей с ними. Экзистенциальное одиночество, напротив, не опирается на социальную структуру для констатации себя, оно когерентно самому человеку.

Обращаясь к экзистенциальной терминологии, более консистентным социальному одиночеству оказывается категория отчуждения как разрыва между человеком и окружением. Под отчуждением, пишет Н. Анжум, принято понимать «разделённость, которой присущи чувства неопределенности и фрустрации» [16]. О. Курицына подтверждает наше допущение о синонимичности рассуждений экзистенциальных философов о проблеме социального одиночества и приводимого нами определения отчуждения [17]. Обозначив содержательную обоснованность привлечения концепции отчуждения при рассмотрении социального одиночества, можно подробнее описать контекст социологического понимания одиночества с опорой на экзистенциальную мысль.

Возможности для интеграции экзистенциальной философии в понимание социального одиночества

Так как в рамках данной статьи социальное одиночество понимается как разрыв человека и социального порядка, опора на экзистенциальное видение вещей возможна при более детальном рассмотрении, как экзистенциальная философия обращается с идеей социального порядка.

Ключевое различие между социологическим и экзистенциальным пониманием социального порядка происходит из аксиом об изначальном положении вещей. Социология полагает, что люди изначально находятся в состоянии связанности друг с другом, солидарности. Задача социологии – объяснить, почему такая связанность возможна, и как она устроена. Г. Зиммель констатирует, что ключевой вопрос в социологии: «Как возможно общество?» [18]. Экзистенциализм, напротив, полагает, что люди изначально одиноки и изолированы друг от друга, что мешает им по-настоящему понимать друг друга. В такой перспективе связность, о которой говорят социологи, для экзистенциализма — ложное и иллюзорное явление. Существуют несколько примеров разрешения обозначенного противоречия в социологической теории.

Первый из них представлен в этнометодологии Г. Гарфинкеля. Так об этом пишет Р. Коллинз: «[…] с точки зрения Хайдеггера и Сартра, человеческая жизнь была лишена оснований и зависала на краю забвения, с точки зрения Гарфинкеля, то же самое отсутствие оснований было характерно и для самого общества» [19, с. 257]. Гарфинкель отказывается принимать аксиоматику социологии о связности общества. Не существует каких-либо семантических и гносеологических оснований, согласно которым общество образовывало бы единое целое. «Его [Гарфинкеля] мир упирается в бездну» [19, с. 271]. Однако Гарфинкель не отказывается от концепции общества, полагая, что оно собирается индивидуально в ситуации взаимодействия. Это создает трудности для исследования одиночества и его концептуализации в языке этнометодологии.

Так как Гарфинкель сохраняет социальный порядок, но отказывается от его глобального существования в пользу локального, конструируемого через действия людей, проблема одиночества оказывается вне скобок. Это подробно излагается у Н. Слободы [20]. Если рассматривать социальное одиночество как исключенность из социального порядка, а сам социальный порядок происходит из деятельной включённости в него человека, одиночество видится принципиально невозможным. Потому тематика одиночества представлена очень фрагментарно в работах этнометодологов. Она может рассматриваться в контексте какой-то иной деятельности, например, одинокого ожидания автобуса [21], либо через привлечение эвристических инструментов других теорий, к примеру, теории символического интеракционизма [22]. В первом случае, когда одиночество подчинено социальной ситуации ожидания автобуса, оно подчинено также сформированной рамке ожидания автобуса. Человеку необходимо показать другим, что он одинок и занимается одиноким ожиданием. Оттого одиночество приобретает форму рукотворного образа [22]. То же происходит и в гибридных теоретических моделях, где одиночество представляет собой результат «осознанного выбора и вынужденного пребывания» [23, с. 14], где осознанный выбор проистекает из этнометодологической аксиоматики, а вынужденное пребывание – из символического интеракционизма.

Вторым примером может служить перформативная теория, для которой одиночество может рассматриваться в схожей логике. Перформативная теория проистекает из экзистенциального предположения, что действие рождает человека [24]. Социальный порядок, как динамически развивающаяся система ролей, создается через автокаталитический процесс убеждения себя и других в правильности проигрывания роли. Чем более правильно человек играет роль, тем сильнее он в нее вживается. Информацию об этом он может черпать из внутренней уверенности и из отзывов окружающих, которые тем лучше, чем сильнее человек вжился в роль и т.д. [25] Одиночество, как ситуация социальной изолированности, натыкается на трудность отсутствия референта. В одиночестве нет зрителя, который мог бы оценить, насколько удачной была игра роли одинокого человека. В теоретической модели остается только один единственный человек, который выступает одновременно и зрителем, и актером. Такое положение дел видится синонимичным обозначенному в этнометодологии. Человек сам конструирует собственное одиночество и старается сам оценить, насколько оно убедительно. Авторы, которые, так или иначе, обращаются к языку перформативной теории, рассуждают об одиночестве как о производимом действии [26], что роднит такую интерпретацию с этнометодологической и позволяет нам выйти к более общему пониманию социального одиночества сквозь призму экзистенциализма (рис. 1).

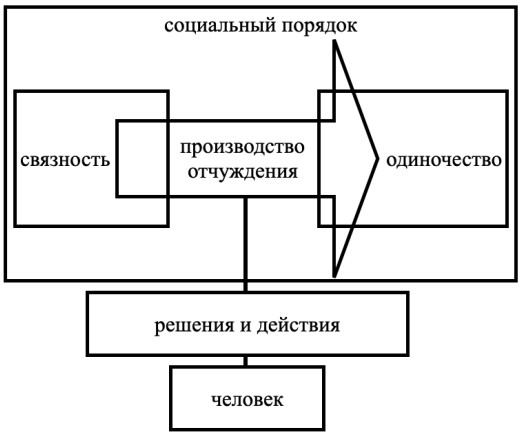

Рис. 1. Теоретическая модель связи экзистенциального понимания социального одиночества

В основе теоретической модели рисунка 1 лежит экзистенциальный тезис «существование предшествует сущности». Одиночеству, как сущности, предшествуют действия человека, которые определяют как социальный порядок (Гарфинкель), так и перформативно производят (разыгрывают) отделения себя (отчуждения) от него. При этом, как было показано ранее (Зиммель), первичным следует считать с социологических позиций именно состояние связности, от которых своими действиями (в экзистенциальном смысле) отчуждает себя человек. Также важно указать, что социальное одиночество в экзистенциальном смысле невозможно без самого социального порядка. Если вообразить себе остров из мысленного эксперимента П. Бергера и Т. Лукмана, но на котором другие люди так бы и не появились, то единственный житель этого острова так и не понял бы, что он социально одинок, хотя и мог ощущать себя психологически одиноким.

В заключение можно обозначить основные возможности и ограничения представленной теоретической модели. Среди возможностей открывается перспектива для эмпирических исследований социального одиночества как конструируемого и достигаемого состояния. Это позволяет сформулировать ряд гипотез о том, что социальное одиночество может быть достигнуто различными путями и быть разным само по себе. В частности, на это указывается в работе М. Баррето и др. [27]. Также обозначенная модель показывает взаимосвязь между отчуждением и одиночеством, что может быть более подробно изучено при рассмотрении отдельных форм отчуждения: от труда, от других людей, от самого себя и т.д.

Говоря же об ограничениях теоретической модели, важно отметить, что в ней остаются недостаточно проработанными вопросы влияния социального порядка на формируемое отчуждение – они также требуют дальнейших исследований.

Литература:

1. Гаврилюк В.В. Специфика проблемы одиночества в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2007. № 3. С. 5–10.
2. Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 719–730.
3. Ward D.E. et al. Can't buy me love (or friendship): Social consequences of financially contingent self-worth // Personality and Social Psychology Bulletin. 2020. Т. 46. № 12. P. 1665–1681.
4. Jeste D.V., Lee E.E., Cacioppo S. Battling the modern behavioral epidemic of loneliness: suggestions for research and interventions // JAMA psychiatry. 2020. Т. 77. № 6. P. 553–554.
5. Killeen C. Loneliness: an epidemic in modern society // Journal of advanced nursing. 1998. Т. 28. № 4. P. 762–770.
6. Vincent D. A history of solitude. NJ: John Wiley & Sons, 2020. 352 p.
7. Sommerlad A. et al. Marriage and risk of dementia: systematic review and meta-analysis of observational studies // Journal of Neurology, Neurosurgery & Psychiatry. 2018. Т. 89. № 3. P. 231–238.
8. Yu X. et al. Association of cumulative loneliness with all-cause mortality among middle-aged and older adults in the United States, 1996 to 2019 // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Т. 120. № 51. P. e2306819120.
9. Berberian S. et al. Does loneliness before the age of twelve indirectly affect impaired control over drinking, alcohol use, and problems through perceived stress? // Addictive Behaviors Reports. 2022. Т. 16. P. 100448.
10. Кон И.С. Дружба: этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1987. 350 с.
11. Пузанова Ж.В. Одиночество: возможности эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 4. С. 28–38.
12. Фаррахов А.Ф. Социологическая и экзистенциальная трактовка происхождения одиночества // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. №. 3. С. 12–13.
13. Колесникова Г.И. Одиночество: экзистенциальный смысл одиночества как стиля жизни // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 8-1 (27). С. 81–83.
14. Гуцаленко Л.А. Социальное одиночество как индивидуальное и космическое явление // Социология. 2014. № 1. С. 61–69.
15. Коровин А.В. Тема экзистенциального одиночества у С. Киркегора и Ф. Достоевского // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. № 1. С. 107–128.
16. Anjum N. Notion of Alienation, An Existentialist Approach // International Journal of Engineering and Applied Sciences. 2019. Т. 6. № 3. P. 10–13.
17. Курицына О.В. К вопросу о взаимовлиянии и взаимообусловленности понятий «отчуждение» и «одиночество» // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 2. С. 376–380.
18. Зиммель Г., Филиппов А.Ф. Как возможно общество? // Социологический журнал. 1994. №. 2. С. 102–114.
19. Коллинз Р. Четыре социологические традиции. М.: Территория будущего, 2009. 318 с.
20. Слобода Н.М. Феноменологическое прозрение Г. Гарфинкеля: работа с конститутивным социальным порядком // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 91–101.
21. Курицына О.В. Социальный аспект одиночества // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 320–324.
22. Ayaß R. Doing waiting: An ethnomethodological analysis // Journal of Contemporary Ethnography. 2020. Т. 49. № 4. P. 419–455.
23. Каштанова О.В. Феномен социального одиночества в современном российском обществе: дисс. … канд. соц. наук. Казань, 2014. 160 с.
24. Boucher G. Judith Butler's Postmodern Existentialism: A Critical Analysis // Philosophy Today. 2004. Т. 48. № 4. P. 355–369.
25. Butler J. Notes Toward a Performative Theory of Assembly. Cambridge. MA: Harvard University Press, 2015. 256 p.
26. O'Sullivan M. Cloneliness: on the reproduction of loneliness. London: Bloomsbury Publishing. 2019. 252 p.
27. Barreto M. et al. Loneliness around the world: Age, gender, and cultural differences in loneliness // Personality and individual differences. 2021. Т. 169. P. 110066.

Existential Understanding of Social Loneliness in Sociology

Tkach S., Rusakova M.M.
Saint Petersburg State University

The relevance of the research topic is due to the public and professional demand for new models of conceptualization of the acute problem of social loneliness. The main goal of the study

is the reconceptualization of social loneliness through the prism of existential theory. The goal was operationalized in the following tasks: distinguishing between social and existential loneliness; identifying the most relevant categories of existential theory for conceptualizing social loneliness; developing a theoretical model of social loneliness in the context of existential theory. Scientific significance lies in highlighting a new understanding of loneliness as a concept constructed through alienation. Practical significance lies in the prospects of the developed model for practical studies of loneliness. The scientific novelty of the study is derived from the absence of a wide number of works in which social loneliness would be understood in the context of existential theories in sociology.

Keywords: existentialism, alienation, social loneliness, ethnomethodology, performative theory, social order, existential loneliness

УДК 316.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-237-241

О внедрении системы (целевой модели) наставничества в образовательные учреждения Республики Татарстан: результаты экспертного интервью

Фатхуллина Л.З.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии науки и социальной работы
Казанского национального исследовательского
технологического университета

Низамова А.Х.
Старший преподаватель кафедры водоснабжения
и водоотведения Казанского государственного
архитектурно-строительного университета

Вопрос изучения института наставничества остается актуальным в социологической науке. В данной статье на основе проведенного пилотажного экспертного интервью изучены основные проблемы, препятствующие развитию изучаемого института. Цель исследования заключалась в изучении опыта внедрения целевой модели наставничества в образовательные организации Республики Татарстан. На основе результатов, полученных в ходе исследования, авторы приходят к выводу, что в республике созданы необходимые условия для эффективного функционирования системы наставничества. Однако в недостаточной степени проработаны механизмы отбора кандидатов на роль наставника и способы их стимулирования.

Полученные результаты могут быть учтены при корректировке положений программы системы наставничества, при разработке методических материалов для начинающих специалистов, при создании программ курсов повышения квалификации для педагогов, готовых выступить в качестве наставников. Практический эффект должен заключаться в росте количества молодых педагогов в образовательных учреждениях республики.

Ключевые слова: *целевая модель наставничества, внутренний и внешний контур модели, образовательная организация, молодой педагог, практики наставничества, эффективность программы*

Для цитирования: *Фатхуллина Л.З., Низамова А.Х. О внедрении системы (целевой модели) наставничества в образовательные учреждения Республики Татарстан: результаты экспертного интервью // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 237–241. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-237-241.*

Наставничество – это способ закрепления и развития молодого специалиста в образовательном учреждении. Молодые специалисты, придя в школу, испытывают сложности в адаптации, в выстраивании коммуникаций с руководством и коллегами, в решении вопросов воспитания и т.д. По этой причине им требуется помощь наставника. Данная тема продолжает оставаться актуальной в трудах совре-

менных ученых. М.А. Козловой и А.В. Козловым выявлена взаимосвязь продолжительности периода адаптации с наличием наставника, представлением коллективу и с проведением тимбилдингов [1]. Данные авторы пришли к выводу, что в образовательных организациях необходимо уделять больше внимания адаптационным процессам, что, в свою очередь, влияет на стабильность кадрового состава.

О.В. Ваганова, М.Н. Гладкова и А.А. Кобалян провели исследование «Формы и виды наставничества педагогических работников в образовательных организациях» с участием педагогов в возрасте от 25 до 50 лет. Молодые педагоги отметили необходимость системы наставничества в образовательной организации, при этом 68 % респондентов лично нуждаются в наставнике, 32 % опрошенных заявили о необходимости наставника для роста профессиональных компетенций [2].

В статье «Наставничество в повышении квалификации педагогических кадров (на примере Республики Татарстан)» Л.Н. Нугуманова и Г.А. Шайхутдинова отметили, что проект «Региональная система организации наставничества педагогических и руководящих кадров на основе сетевого взаимодействия» благотворно влияет на формирование профессиональных компетенций у молодых педагогов. В проекте используется логистическое и ресурсное сопровождение, а также большое внимание уделяется разработке научно-методического обеспечения и созданию площадки для стажировок наставников. Авторы отмечают важность использования современных информационных технологий в рамках подготовки молодых специалистов [3].

Существует также несколько механизмов наставничества в дошкольном образовании: традиционное «один на один», ситуационное, групповое, флеш-наставничество (разовые встречи или обсуждения), работа в режиме онлайн. Для построения индивидуальной программы наставничества предлагается использовать конструктор развития эмоционального интеллекта педагога [4]. В первую очередь необходимо оценить развитие компонентов эмоционального интеллекта в процентах: самоосознанность, мотивацию, социальные навыки общения, эмпатию, управление своими эмоциями. К выявленным «проседающим» компонентам рекомендуются мероприятия, которые нацелены на поднятие уровня определённых компетенций.

Кроме того, существует точка зрения, что традиционное наставничество в настоящих реалиях становится всё менее эффективно в силу нехватки высококвалифицированных кадров [5]. В этих условиях появляются новые формы наставничества. Например, ситуационное, которое предполагает привлечение опытного коллеги для решения конкретной задачи или кризисных ситуаций, для которых необходимо немедленное реагирование. Флеш-наставничество применяется для повышения конкретных компетенций молодых сотрудников. Виртуальное наставничество эффективно для подготовки молодых кадров в большом объеме и без крупных материальных вложений. Один наставник может охватить неограниченное количество сотрудников, используя запись лекций или практикумов. Онлайн-общение наставника с подопечным может сэкономить время и ресурсы обоих [6].

Для развития института наставничества разработана «Методология (целевая модель) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися» [7]. Программа направлена на разработку курсов повышения квалификации для устранения профессиональных дефицитов педагогов и организации тематических мероприятий для обмена опытом. Кроме того, целевая модель наставничества включает мониторинг результатов внедрения, рефлексию, поощрение наставников и наставляемых, транслирование лучшего опыта и планирование дальнейшего развития системы наставничества [8; 9].

Цель статьи заключалась в изучении опыта внедрения целевой модели наставничества в образовательные организации Республики Татарстан. Для достижения поставленной цели в рамках проведенного исследования нами использован метод экспертного интервью, всего было опрошено 16 наставников (представители муниципальных районов Республики Татарстан). Большинство опрошенных входят в возрастную группу 50–59 лет (56,3 %), стаж работы в образовательном учреждении которых составляет более 25 лет.

Компоненты целевой модели подразделяются на два контура: внутренний (образовательная организация) и внешний. В работе во внутренний контур входили следующие блоки для анализа: 1) реализация системы наставничества в образовательном учреждении; 2) «формальное наставничество»; 3) готовность опытного педагога к выполнению роли наставника; 4) способы мотивации наставников; 5) успешность работы диады «наставник – наставляемый». Во внешний: 1) способы популяризации практик наставничества; 2) среда для развития наставничества; 3) перспективы развития системы наставничества.

Выделенные элементы позволили системно подойти к исследованию целевой модели наставничества в образовательных учреждениях Республики Татарстан.

Результаты проведенного исследования показали, что развитию системы наставничества способствует «Школа молодого педагога». Основная цель

программы наставничества – закрепление молодого специалиста в профессии и безболезненная адаптация в новом коллективе. Результаты экспертного интервью подтвердили наше предположение о том, что данная работа в образовательных учреждениях выстроена на достаточно высоком уровне. «*Молодые специалисты устраиваются в образовательные учреждения. Мы их собираем на заседание "Школы молодого педагога", проводим анкетирование для выявления проблем. По каждому предмету есть ответственный наставник в районе, который создает группу в социальных сетях, обсуждает проблемы, помогает методически и психологически. По необходимости рекомендует школе назначить дополнительно наставника из своей школы, который поможет влиться в коллектив*» (респ. 2, жен., 58 лет).

В школах, где есть молодые специалисты, назначаются педагоги-наставники из числа опытных учителей-наставников. Цель такого сотрудничества заключается в оказании помощи молодому педагогу в их профессиональном становлении. «*В зависимости от стажа работы молодые специалисты делятся на 3 группы. Первая – стаж работы до 1 года, период адаптации. До 2 лет – период формирования потребности в проектировании своего профессионального роста. До 3 лет – создание у молодого педагога индивидуального стиля творческой деятельности, трансляция своего опыта. Разработаны индивидуальные траектории развития каждого молодого педагога*» (респ. 1, жен., 42 года).

В некоторых случаях наставничество сопряжено с формальной деятельностью. Исследование подтвердило существование данной проблемы. Есть объективные и субъективные причины этого: высокая степень загруженности учителей-наставников (уроки, ГЭ, ЕГЭ, олимпиады, кружки, внеурочные занятия и др.), незаинтересованность молодого специалиста в повышении своих компетенций, нехватка предметных и методических знаний.

«*Существует проблема формального наставничества, потому что не все педагоги готовы работать без материального стимулирования. Можно добавлять несколько дней к отпуску или через профсоюзы выдавать путевки для отдыха*» (респ. 10, жен., 60 лет).

«*По личному опыту знаю, что есть такая проблема, существует в отдельных образовательных учреждениях. Причиной её является тот факт, что зачастую в малокомплектных образовательных учреждениях роль наставника возложена на заместителей директоров, которые не всегда (в силу загруженности прочими прямыми обязанностями) способны в полном объеме исполнять наставническую миссию. Путь решения – внедрение горизонтальных форм наставничества, объединение учителей с определенными проблемами (наставляемых) в группы (реализовывать сетевое взаимодействие, т.е. выходить за пределы образовательной организации*» (респ. 4, жен., 58 лет).

Данное взаимодействие способствует адаптации молодого специалиста в коллективе и формированию у него профессиональных компетенций. При этом важна заинтересованность опытного педагога в таком формате работы, его желание передать опыт и знания, что подтвердили результаты исследования: «*Готовность делиться и учиться вместе с молодым педагогом. Умение наставника получить эффективную обратную связь. Важно, чтобы наставник обладал компетенциями: методическими, психолого-педагогическими, обладал готовностью и ответственностью помогать формированию профессионального развития молодого педагога» (респ. 8, жен., 35 лет), «Педагог сам должен осознать, что может протянуть руку помощи. Инициатива должна отходить от него лично*» (респ. 15, жен., 48 лет).

Обобщая опыт наставничества в ряде образовательных организациях Республики Татарстан, можем сказать, что наиболее эффективным методом поощрения остается признание:

– «*Ответственные наставники получают знак отличия "Почетный наставник Республики Татарстан"*» (респ. 13, жен., 45 лет);

– «*Общественное признание учителей-наставников позволяет ощутить им собственную востребованность, значимость, повышение их авторитета в школе*» (респ. 7, жен., 52 года).

Таким образом, основным нематериальным мотивом стимулирования к выполнению роли наставника является общественное признание.

Отметим, что правильно выстроенная система наставничества способствует закреплению молодого специалиста в образовательном учреждении – это и является показателем эффективности программы. Это подтвердили и ответы наших респондентов.

«*Молодой педагог остался работать в школе после трех лет педагогической деятельности, умеет планировать свою работу, не утратил желания работать над собой, видит свои успехи, способен анализировать результат, адекватно воспринимает неудачи, при необходимости обращается с вопросами по улучшению качества преподавания к своему наставнику и т.д.*» (респ. 9, жен., 44 года).

«*Успешность работы диады "наставник – молодой педагог" можно оценить по эффективности выполнения молодым педагогом профессиональных обязанностей и его адаптации к новым условиям, его профессиональному росту и развитию*» (респ. 14, жен., 50 лет).

«*Умение применить полученные знания и навыки молодым педагогом в своей профессиональной деятельности*» (респ. 16, жен., 54 года).

Внешний контур модели включает компоненты управления на различных уровнях, которые способ-

ствуют непосредственной реализации модели наставничества.

Согласно обобщенным данным экспертного опроса, в перечне необходимых мероприятий, способствующих развитию и популяризации института наставничества, можно выделить следующие: «*Проводятся тренинги для молодых педагогов и наставников 4 раза в год*» (респ. 3, жен., 54 года), «*Проводится конкурс методических разработок для молодых педагогов совместно с их наставниками, итоги подводятся на форуме», «Конкурс портфолио*» (респ. 6, жен., 49 лет), «*Освещение в СМИ. Популяризация лучших практик наставничества среди профессионального сообщества..., премирование за наставничество по итогам периода, награждение лучшего наставника*» (респ. 11, жен., 54 года), «*Проведение семинаров, конференций, стажировок в рамках курсов повышения квалификации для руководителей и заместителей образовательных организаций Республики Татарстан и Российской Федерации способствует популяризации лучших практик наставничества*» (респ. 4, жен., 45 лет).

В целом, условия для развития системы наставничества созданы. Подтверждает вышесказанное и ответы респондентов: «*На мой взгляд, среда для развития наставничества создана, есть разные возможности и для развития, и проявления себя. Но, к сожалению, на сегодняшний день – это дополнительная нагрузка перегруженному учителю*» (респ. 12, жен., 54 года).

Но при этом необходимо разработать механизмы стимулирования наставников, разработать способы отбора кандидатов на роль наставника, повысить заинтересованность опытных специалистов в работе с начинающими учителями:

– «*Материальное вознаграждение наставников. Поддержка молодых учителей*» (респ. 1, жен., 42 года);

– «*Изменить социальный статус учителей. При аттестации учителей-наставников освободить их от некоторых процедур*» (респ. 12, жен., 54 года);

– «*Тиражирование успешных практик наставничества, включающие освещение успешных технологий*» (респ. 4, жен., 45 лет);

– «*Ведение совместных инновационных проектов учителями-наставниками, создание площадок на базе лучших ОУ, стимулирование работы учителей-наставников*» (респ. 5, жен., 44 года);

– «*Создание электронного банка наставничества, доступного для взаимодействия педагогов в рамках наставнических практик вне зависимости от их места работы и проживания*» (респ. 12, жен., 54 лет).

Результаты экспертного опроса показали, что работа с наставниками помогает молодому специалисту приобрести прочные и глубокие знания и совершенствовать навыки и умения. Но если говорить о перспективах развития наставничества, то на первом месте стоит необходимость материального стимулирования: «*Еще раз хочу сказать: без материального поощрения наставников (только в приказном порядке!) перспектив, возможно, и не будет…*» (респ. 15, жен., 48 лет).

Подводя итог, отметим, что начинающий свой трудовой путь педагог нуждается в помощи. В современных реалиях наставничество стало необходимым условием профессионального развития. Опыт участия опрошенных наставников в реализации целевой модели наставничества в образовательных организациях Республики Татарстан показал, что условия для развития созданы как в самой организации, так и во внешней среде. При этом во внутреннем контуре следует пристальное внимание обратить на разработку способов мотивации, обозначить и повысить статус наставника, а также исключить возможности так называемого «формального наставничества». Во внешнем контуре важным является привлечение внимания к институту наставничества и его популяризация. Таким образом, активное внимание к молодым педагогам, осознанный подход к внедрению целевой модели наставничества, которая способна мотивировать к работе в школе и совершенствованию профессиональных компетенций, – путь к закреплению молодых специалистов в образовательном учреждении.

Литература:

1. Козлова М.А., Козлов А.В. Адаптационный процесс новых сотрудников в образовательных учреждениях // Наука Красноярска. 2021. Т. 10. № 2. С. 120–131.
2. Ваганова О.В., Гладкова М.Н., Кобалян А.А. Формы и виды наставничества педагогических работников в образовательных организациях // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-3. С. 49–51.
3. Нугуманова Л.Н., Шайхутдинова Г.А. Наставничество в повышении квалификации педагогических кадров (на примере Республики Татарстан) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2018. № 4 (32). С. 182–187.

4. Горюнова М.Г., Шевчук А.С. Формирование эмоционального интеллекта у молодых и начинающих педагогов дошкольных образовательных организаций средствами наставничества // Педагогическая перспектива. 2023. № 3(11). С. 48–55.
5. Филатова О.Н., Колдина М.И., Канатьев П.В. Роль наставничества в деятельности преподавателя // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-1. С. 356–358.
6. Нугуманова Л.Н., Яковенко Т. Настольная книга «Наставничество: эффективная форма обучения»: информационно-метод. материалы. Казань: ИРО РТ, 2020. 51 с.
7. Распоряжение Минпросвещения России от 25.12.2019 г. № Р-145 «Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик, обмена опытом между обучающимися». URL: https://docs.cntd.ru/document/564232795 (обращения: 08.08.2024).
8. Ладилова Н.А. Исследование опыта внедрения системы (целевой модели) наставничества педагогических работников в практику наставнической деятельности российских образовательных организаций // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1. № 2 (98). С. 109–124.
9. Гафнер Ю.А. Опыт реализации целевой модели наставничества в форме «преподаватель – преподаватель» // Академический вестник. 2022. № 2 (56). С. 71–74.

On the Implementation of the System (Target Model) of Mentoring in Educational Institutions of the Republic of Tatarstan: the Results of an Expert Interview

Fatkhullina L.Z.
Kazan National Research Technological University
Nizamova A.Kh.
Kazan State University of Architecture and Engineering

The question of teaching the institute remains relevant in sociological science. In this article, on the basis of pilot expert interviews, the main problems that hinder the development of the studied institute are studied. The purpose of the study was to study the experience of implementing the target model of mentorship in educational organizations of the Republic of Tatarstan. Based on the results obtained during the research, the author comes to the conclusion that the necessary conditions for the effective functioning of the tutoring system have been created in the republic. However, the mechanism of selection of candidates for the role of mentor and the method of their stimulation have been insufficiently developed.

The obtained results can be considered when correcting the provisions of the mentoring system program, when developing methodological materials for novice specialists, when creating programs for advanced training courses for teachers who are ready to act as mentors. The practical effect of the target model should be the increase in the number of young teachers in the educational institutions of the republic.

Keywords: target model of mentorship, internal and external contour model, educational organization, young teacher, practical mentorship, effectiveness of the program

УДК 32(17.022.1)
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-242-246

Возможности применения трансмедийных технологий в образовательной сфере

Фатыхова Д.Р.
Кандидат политических наук,
доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Зиятдинова Э.М.
Кандидат политических наук,
доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Цифровизация всех сфер жизни изменила подход к осуществлению коммуникации организаций с общественностью. В нынешних условиях тотальной медиатизации донесение сообщений до аудиторий возможно только с учетом таргетинга и использования уместного сочетания диджитал-инструментов и оффлайн-средств. В этом контексте структуры системы высшего образования, ведущие образовательную деятельность, находятся в поисках оптимальных коммуникационных сценариев, способных выстроить связи со всеми стейкхолдерами в единой концепции.

В статье рассмотрены практические аспекты применения трансмедиа в образовательной сфере на примере продвижения кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ). Цель исследования – дать характеристику практике применения трансмедийных технологий в деятельности структур высшего академического образования, позволяющей при определенных условиях создавать в них «вселенную» – общую концептуальную среду, объединяющую единомышленников и последователей. В этой связи была рассмотрены результаты коммуникационной деятельности кафедры связей с общественностью и прикладной политологии КФУ. Авторы пришли к выводу о возможности применения технологий трансмедийной коммуникации в академической среде при создании условий вовлеченности учащихся и формулирования посыла, объединяющего всех заинтересованных сторон. Данный подход может стать опорой для выстраивания матрицы коммуникационных связей для подобных структур.

Ключевые слова: *трансмедиа, трансмедийные технологии, трансмедийное продвижение, медиасфера, образовательная сфера*

Для цитирования: *Фатыхова Д.Р., Зиятдинова Э.М. Возможности применения трансмедийных технологий в образовательной сфере // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 242–246. DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-242-246.*

Современную медиасферу можно охарактеризовать как пространство, постоянно пополняющееся новейшими медиа-платформами, сервисами, месенджерами, каналами и приложениями, ориентированными на размещение разного рода медийных продуктов, а также на постоянное, непрерывное вза-

имодействие с аудиторией. В последнее десятилетие широко применяется понятие «трансмедиа» как новый способ передачи и распространения информации о каком-либо бренде, продукте или услуге. Само использование такой технологии дало аудитории возможность непосредственной коммуникации с авторами контента. На данном этапе развития медиакультуры опыт трансмедийного повествования в развлекательной индустрии заимствуется для продвижения социально значимых проектов [1].

Само слово «трансмедиа» вне рамок научного дискурса возникло ещё в 70-е гг. прошлого столетия, когда перестал действовать классический способ передачи истории, информации потребителю – исключительно через линейное повествование, когда существует история и есть зритель, которому эту историю и передают в рамках единого медийного канала. Однако, как термин, используемый в контексте маркетинга, медиа и брендинга в целом, характеризуемый «рассказом историй», где особое внимание уделяется возможности мультиплатформенности (использование телевидения, радио, печатных СМИ, интернет-медиа, социальных сетей, кино, мобильных приложений и т.д.), интерактивности и масштабности повествования, трансмедиа введён в употребление американским философом и культурологом Генри Дженкинсом. Цель трансмедиа – создание единой истории (вселенной) и вовлечение аудитории через различные точки входа в эту вселенную (например, при скачивании приложения на смартфон, участие в обсуждении проекта в специальных комьюнити, поход на встречу фанатов и прочее, в зависимости от типа создаваемого трансмедиа-продукта) [1].

Трансмедийные проекты сегодня представляют собой и высокотехнологическое средство трансляции рекламы, особый метод публичной коммуникации (пришедший на смену интегрированным рекламным технологиям). Выйдя за рамки развлекательной сферы, подобные проекты стали использоваться уже в различных сферах общественной жизни: от политических кампаний, инициатив, связанных с развитием гражданской активности, коммерческих крупных рекламных франшиз, культурной сферы (например, в трансляции онлайн-выставок ведущих мировых музеев, раскрутке театров и т.д.), до сферы образования (из описанных трансмедийных проектов в сфере образования можно выделить прежде всего проекты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)).

В рамках данной статьи рассмотрен опыт применения трансмедийных коммуникаций в продвижении кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (далее – КФУ, Кафедра) в рамках празднования 20-летнего юбилея с момента ее основания.

Кафедра связей с общественностью и прикладной политологии КФУ – один из первых научно-образовательных центров по изучению публичных коммуникаций в системе университетского образования России. Она была образована в 2003 г., ее становление и развитие было связано с трансформацией в системе коммуникаций, появлением информационно-коммуникативных технологий, ориентированных на индивидуальные запросы [2].

Соответственно, 2023 г. стал годом празднования юбилея Кафедры, на протяжении которого силами межпоколенческого, профессионального взаимодействия профессорско-преподавательского состава и студенческого сообщества был запланирован целый ряд мероприятий, объединенных в единую концепцию (вселенную) проекта – «Казанская школа коммуникаций – сила традиций и инноваций». На базе этой вселенной были проведены следующие активности:

1. Съемка фильма об истории и развитии Кафедры. В нем через интервью преподавателей повествуется об этапах и сложностях, с которыми столкнулась университетская коммуникационная школа, о современных формах и приоритетах обучения на Кафедре. Фильм был показан на торжественных мероприятиях Кафедры и размещен в официальном сообществе Кафедры *PR/Media* КФУ в социальной сети «ВКонтакте» [3].

2. Конференция «Медиа и власть: власть медиа?», состоявшаяся в апреле 2023 г. – это научная платформа Кафедры. В рамках конференции участники выступили с докладами по вопросам функционирования медиапространства современной России, взаимодействия медиа и власти. Отдельное внимание уделялось проведению сессии молодых ученых, магистрантов и студентов старших курсов, обучающихся по коммуникационно-ориентированным специальностям. По итогам конференции был издан сборник материалов конференции [4].

3. IX Всероссийский форум мультимедийных технологий *Russian PR Week* 2023 – апрель 2023 г. В нем приняли участие свыше тысячи студентов российских вузов, преподаватели, специалисты и заинтересованные в изучении *public relations*, рекламы, *digital, SMM* и маркетинга. *Russian PR Week* собрал на одной площадке студентов, молодых специалистов, преподавателей и профессионалов. Цель форума – разбавить теорию актуальными кейсами от практиков. Первоначально он стал «ответом» на студенческие просьбы – расширить практику образовательного процесса, когда известные российские специалисты PR и рекламы делятся своим опытом в профессиональной деятельности. Онлайн-трансляция форума была осуществлена на платформе *Znanium.ru*. В юбилейный год Кафедры длительность форума составила 3 дня, в течение которых для участников была проведена вечеринка #напиа-

римся, квиз и экскурсия по Казани. Информационное сопровождение форума осуществлялась в тематическом сообществе проекта в социальной сети «ВКонтакте», на медиаресурсах Кафедры и КФУ, в региональных средствах массовой информации [5].

4. *PR Media Gala*, май 2023 г. – это вечернее торжественное мероприятие для студентов, магистрантов, преподавателей Кафедры, завершающее учебный год. В юбилейный год кафедры PR Media Gala отличался тем, что на вечер были приглашены выпускники, друзья и партнёры Кафедры. В рамках мероприятия были отмечены студенты-отличники, активисты и старосты групп всех курсов направлений «Реклама и связи с общественностью» и «Медиакоммуникации», также отметили победителей-блогеров в номинации «Звезда родилась» и лауреатов премии «У меня вопрос» [6].

5. Выставка «Казанская школа коммуникаций – сила традиций и инноваций» сентябрь – ноябрь 2023 г. была завершающим событием в цикле мероприятий проекта. В зале Музея истории КФУ была представлена экспозиция с описанием этапов развития казанской школы коммуникаций, в ходе которой можно было познакомиться с результатами научно-исследовательской и образовательной деятельности преподавательского состава Кафедры. Торжественное открытие экспозиции состоялось в Императорском зале главного корпуса Казанского федерального университета с участием руководства вуза и приглашенных гостей. В течение всей работы выставки были организованы экскурсии студентов Кафедры в Музей истории КФУ, где студенты могли познакомиться с историей и университета, и Кафедры, а также оставить слова поздравлений и пожеланий в Книге отзывов для посетителей выставки [7].

Медийное сопровождение всех активностей проекта выполнял Медиацентр Кафедры, состоящих из самих студентов направлений «Реклама и связи с общественностью», «Медиакоммуникации». Они готовили материалы для публикации в сообществе *PR/Media* КФУ в социальной сети «ВКонтакте» и контент для трансляции на медиапанели, расположенной в здании учебного корпуса.

В целом, обозначенные в рамках проекта по празднованию юбилея Кафедры активности являются наиболее значимой частью всех остальных мероприятий, которые были проведены Кафедрой в юбилейный 2023 г. Общими усилиями руководства, преподавателей, студентов и студенческих организаций Кафедры удалось показать 20-летнюю историю своего становления и развития, продемонстрировав достижения в различных областях своей деятельности. При этом именно возможности использования трансмедийных механизмов расширения истории и участие аудитории (прежде всего студентов) в данных активностях позволило Кафедре выйти за пределы стандартного протокольного празднования юбилейного года. Несмотря на то что изначально проект не задумывался как трансмедийный, впоследствии он принял на себя черты трансмедийных проектов, уже успешно реализованных в образовательной среде (например «Антиюбилей Вышки» 2017 г. [8]).

Проект «Казанская школа коммуникаций – сила традиций и инноваций» представлял собой множество отдельных мероприятий, объединенных общей идеей празднования юбилейного года Кафедры. Каждое мероприятие носило интерактивный характер, включало и онлайн- и офлайн-активности, учитывало специфику целевой аудитории и работало на продвижение Кафедры.

Центром подготовки и реализации проекта стала рабочая группа из числа преподавателей при непосредственном участии студенческой организации *COM²unity* и Медиацентра Кафедры. Стоит отдельно упомянуть, что Кафедра имеет уникальный опыт, реализуемый в рамках технологии «обучения действием» в академической среде (ориентированной на получение знания из собственного опыта студентов в ходе решения реальных управленческих задач), деятельности студенческой организации *COM²unity*, созданной на базе Кафедры и действующей с 2010 г. (в прошлом молодежного отделения Российской ассоциации по связям с общественностью). В рамках *COM²unity* студенты под руководством наставников – преподавателей Кафедры самостоятельно осуществляют такие крупномасштабные проекты, как *Russian PR Week* – всероссийский интерактивный форум общественных коммуникаций, *PR Weekand* – серия вводных мастер-классов для студентов первого курса отделения, Летняя школа молодого пиарщика и др. мероприятия. В состав организации входят 7 отделов: отдел по работе со спикерами, отдел пресс-службы, отдел по работе с участниками, отдел по дизайну, отдел фото и видео, smm-отдел, технический отдел. Организация подобных мероприятий предоставляет возможность студентам работать над конкретными *PR*-задачами, на практике применить свои способности и в результате через реальные действия получить новые, столь необходимые в будущей профессиональной деятельности, знания.

Можно смело утверждать, что именно за счет участия самих студентов, их активности, размещенных публикациях в личных социальных сетях с хештегами, отметками о Кафедре проект приобрел черты не просто интерактивного проекта, но и партисипативного. Об этом свидетельствуют показатели популярности контента, связанного с юбилейными мероприятиями, в социальных сетях:

– видеоролик о Кафедре, размещенный в сообществе *PR/Media* КФУ в социальной сети «ВКонтакте», собрал 8 531 просмотр, 196 лайков, 27 репостов, *ER* = 10 (*ER* – это показатель вовлеченности, который

учитывает взаимодействие аудитории с публикацией и общее число участников сообщества);

– публикация об открытии выставки «Казанская школа коммуникаций – сила традиций и инноваций»: 1700 просмотров, 52 лайка, 7 репостов, *ER* = 2,7;

– публикация о торжественном мероприятии *PR Media Gala* с участием выпускников, студентов, преподавателей и партнеров Кафедры: 4600 просмотров, 122 лайка, 16 репостов, *ER* = 6;

– информация о IX Всероссийском форуме мультимедийных технологий *Russian PR Week* 2023 размещалась в отдельном сообществе *https://vk.com/russianprweek*: 80 публикаций, *ER* = 4.

Целевой аудиторией проекта стали не только студенты, магистранты, обучающиеся на Кафедре, но и все интересующиеся коммуникационно-ориентированным направлением, формируя тем самым сообщество единомышленников и партнеров Кафедры как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Таким образом, на примере вышеперечисленного проекта можно сделать вывод о том, что трансмедийные технологии, как особый механизм для передачи истории, открывают принципиально новые возможности для коммуникации и взаимодействия аудитории в системе высшего академического образования. Зарекомендовав себя в коммерческой сфере, трансмедиа могут применяться и в реализации образовательных проектов на разных уровнях (как на уровне всего образовательного учреждения, так и отдельного структурного подразделения).

Литература:

1. Фатыхова Д.Р., Дронова П. А. Особенности трансмедийных проектов в российской политической практике // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Политические риски развития государства и общества в современном мире». Саратов: Изд-во ИСНГУ, 2021. С.114–118.
2. Сайт кафедры связей с общественностью и прикладной политологии КФУ URL: https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-socialnyh-nauk/kafedra-prikladnoj-politologii-i-svyazej-s (дата обращения: 20.06.2024).
3. Официальное сообщество кафедры связей с общественностью и прикладной политологии КФУ в социальной сети «Вконтакте». URL: https://vk.com/pr_kfu (дата обращения: 20.06.2024).
4. Конференция «Медиа и власть: власть медиа?» состоится в КФУ. URL: https://media.kpfu.ru/news/konferenciya-media-i-vlast-vlast-media-proydet-v-kfu (дата обращения: 20.06.2024).
5. Тысяча участников, кейсы от 12 топовых спикеров: в КФУ прошел Russian PR Week 2023. URL: https://media.kpfu.ru/news/tysyacha-uchastnikov-keysy-ot-12-topovykh-spikerov-v-kfu-proshel-russian-pr-week-2023 (дата обращения: 20.06.2024).
6. В КФУ прошел PR Media Gala. URL:https://media.kpfu.ru/news/v-kfu-proshel-pr-media-gala (дата обращения: 20.06.2024).
7. «Казанская школа коммуникаций – сила традиций и инноваций», выставка, посвященная 20-летию кафедры связей с общественностью и прикладной политологии КФУ. URL: https://kpfu.ru/about_university/struct/direkciya-muzeev-kfu/muzei-kfu/39kazanskaya-shkola-kommunikacij-sila-tradicij-i.html (дата обращения: 20.06.2024).
8. ВШЭ | 25 лет АНТИЮБИЛЕЙ. URL: https://25.hse.ru/ (дата обращения: 28.06.2024).

The Possibilities of Using Transmedia Technologies in the Educational Field

Fatykhova D.R., Ziyatdinova E.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

Digitalization of all spheres of life has changed the approach to communication between organizations and the public. In the current conditions of total mediatization, delivering messages to audiences is possible only with targeting and the use of an appropriate combination of digital tools and offline tools. In this context, the structures of the higher education system that conduct educational activities are in search of optimal communication scenarios that can build connections with all stakeholders in a single concept. The article examines the practical aspects of the use of transmedia in the educational field using the example of the promotion of the Department of Public Relations and Applied Political Science of Kazan Federal University. The purpose of the study is to characterize the practice of using transmedia technologies in the activities of higher academic education structures, which, under certain conditions, allows them to create a "universe" – a common conceptual environment uniting like–minded people

and followers. In this regard, the results of the communication activities of the Department of Public Relations and Applied Political Science of KFU were considered. The authors came to the conclusion about the possibility of using transmedia communication technologies in the academic environment in creating conditions for student engagement and formulating a message that unites all stakeholders. This approach can become a support for building a matrix of communication links for such structures.

Keywords: transmedia, transmedia technologies, transmedia promotion, media sphere, educational sphere

УДК 34
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-247-250

Защита осведомителей в уголовном праве ЮАР

Белозерова И.И.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН) (Москва)

Михайлов И.Р.
Аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН) (Москва)

Целью статьи является рассмотрение такого участника уголовного процесса в праве Южно-Африканской Республики, как осведомитель, анализ законодательства ЮАР, в ходе которого будет проанализирована нормативно-правовая база Южно-Африканской Республики, а именно положения, касающиеся непосредственно мер обеспечения безопасности осведомителей. В статье рассмотрена фактическая ситуация и положение осведомителей в ЮАР, где ведущую роль играет политический фактор, а не правовой. По итогам исследования авторы приходят к выводу о том, что в законодательстве Южно-Африканской Республики не имеется должных мер по обеспечению защиты осведомителей и иных лиц, сообщающих о любого рода правонарушениях и преступлениях. Решение данной проблемы авторы видят в введении нового законодательства либо внесении поправок в уже действующее законодательство, касающееся правового регулирования положения осведомителя как участника уголовного процесса ЮАР.

Ключевые слова: *осведомитель, сообщение о преступлении, коррупционные преступления, защита от раскрытия осведомителя, уголовное право, уголовный процесс*

Для цитирования: *Белозерова И.И., Михайлов И.Р. Защита осведомителей в уголовном праве ЮАР // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 247–250. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-247-250.*

В уголовном процессе Южно-Африканской Республики (далее – ЮАР) особым субъектом выделяется осведомитель. При этом в законодательстве ЮАР не существует конкретного определения данного понятия, из-за чего многие ученые трактуют понятие и значение осведомителя по-разному. Если проанализировать «Закон о защищенном раскрытии информации» № 26 от 2000 г. (далее – Закон № 26) и «Закон о предотвращении и борьбе с коррупционной деятельностью» № 12 от 2004 г. (далее – Закон № 12), можно сформулировать следующее определение осведомителя: это лицо, которое сообщает о готовящемся или совершенном преступлении или правонарушении и имеет разумные основания полагать, что информация правдива на момент сообщения. Также это лицо, предоставляющее информацию о любой преступной деятельности в правоохранительные органы за вознаграждение или по другим мотивам [1].

По тематике, связанной с положением осведомителей в Южно-Африканской Республике, а также

с анализом отдельных законов, в которых содержатся положения об указанных лицах, в том числе положений «Закона об уголовном судопроизводстве» № 51 от 1977 г., в ЮАР написано большое количество научных работ, однако комплексных оценочных исследований о правовом положении осведомителей в ходе предварительного расследования немного. Только одно соответствующее исследование, проведенное в контексте Южной Африки, было сделано Дж. Райтом в 2022 г., который утверждал, что в ЮАР не имеется достаточно полной нормативно-правовой базы, регулирующей положение, права, а также защиту осведомителей как отдельных субъектов уголовного права ЮАР, несмотря на то что существуют отдельные законы, регулирующие процедуру сообщения о преступлении и наделение определенных лиц специальными правами и обязанностями, если они являются очевидцами или свидетелями совершенного или готовящегося преступления [2].

Как уже говорилось выше, основные положения касательно статуса, прав и защиты осведомителей отражены в «Законе о защищенном раскрытии информации» № 26 от 2000 г. и «Законе о предотвращении и борьбе с коррупционной деятельностью» № 12 от 2004 г., что также утверждает в своем исследовании Дж. Райт [2]. Помимо этих источников, некоторые положения, относящиеся к лицам, имеющим право, а иногда обязанным сообщать о преступлениях, имеются в других нормативно-правовых актах.

Из анализа уголовно-правовой базы Южно-Африканской Республики можно выделить определенную категорию лиц, управомоченную сообщать информацию о преступлении, а именно: осведомитель; лицо, занимающее, руководящую должность; свидетель, дающий показания против самого себя; свидетель в обычном понимании. Данное разделение сделано на основании различия их статуса, прав и обязанностей в контексте сообщений о преступлении.

Определение осведомителя было дано ранее, в данном контексте можно лишь сказать, что, в соответствии с положениями «Закона о защищенном раскрытии информации» № 26, осведомителем признается сотрудник компании либо член общества, сообщающий информацию о совершении преступления либо своим работодателем, либо иным работником компании, то есть является специальным субъектом.

Лицо, занимающее руководящую должность, – это, как правило, тот, кто занимает руководящее положение в организации, как указано в разделе 34 Закона № 12 о предотвращении и борьбе с коррупцией от 2004 г., который, в соответствии с вышеуказанными положениями закона, обязан предоставлять информацию о правонарушениях полицейской службе.

Свидетель, дающий показания против самого себя – это лицо, совершившее правонарушение, однако самостоятельно доказывающее свою виновность стороне обвинения. Данное определение находится в разделе 204 «Закона об уголовном судопроизводстве» № 51 от 1977 г. [3].

Свидетель – это лицо, которое владеет какой-либо информацией о готовящемся или совершенном правонарушении или преступлении и дает показания по данным обстоятельствам. Данное определение описано в разделе 1 «Закона о защите свидетелей» № 112 от 1998 г. [4].

В соответствии с нормами «Закона о защищенном раскрытии информации» № 26, любой работник фирмы должен раскрывать информацию о противоправном поведении своего работодателя или иного сотрудника компании. Информация, подлежащая раскрытию, состоит в заявлении, обвиняющем в совершении противоправного деяния либо указывающем на попытку или приготовление к совершению преступления, в числе которых несоблюдение юридического обязательства, вред окружающей среде, а также дискриминация [5].

Раздел 4 «Закона о защищенном раскрытии информации» содержит положения о защите осведомителя. Он предусматривает, что сотрудник, который был незаконно уволен или подвергся каким-либо иным нарушениям его прав на работе, может обращаться за помощью через суд в соответствии с юрисдикцией. Однако данный вид защиты относится к категории трудовых споров, в то время как «Закон о защищенном раскрытии информации» не обеспечивает никакой физической и/или другой защиты и безопасности самого информатора, даже если раскрытие информации имеет отношение к уголовному преступлению, что и отражается на практике в том, что люди отказываются сообщать в правоохранительные органы о совершенных преступлениях из-за боязни за свою жизнь и здоровье, о чем будет сказано далее [6].

Помимо морального удовлетворения за разоблачение, другого вознаграждения не существует. Обеспечение финансового вознаграждения может стать рабочим вариантом, но это запрещено «Законом о защищенном раскрытии информации», поскольку в разделе 9 говорится, что это не может быть сделано для личной выгоды.

В соответствии с положениями ст. 34 «Закона о предотвращении и борьбе с коррупционной деятельностью» № 12 от 2004 г., любое лицо, занимающее руководящую должность и обладающее информацией или достаточными основаниями предполагать и подозревать другое лицо в совершении коррупционного преступления, кражи, мошенничества, вымогательства, служебного подлога или иного преступления, обязано сообщить о таких преступлениях сотруднику полиции Управления при-

оритетного расследования преступлений полиции ЮАР [7]. Ст. 34 Закона № 12 о предотвращении и борьбе с коррупцией не обеспечивает защиты лицу, предоставляющему информацию об упомянутых преступлениях, но возлагает на такое лицо правовую обязанность предоставить ее.

Отсутствие в законодательстве ЮАР положений о правовой защите осведомителей приводит к тому, что лица, являющиеся очевидцами и свидетелями совершения преступлений, не сообщают о них в правоохранительные органы, так как у них есть объективные основания опасаться за свою жизнь и здоровье.

Государственная коррупция в ЮАР является одной из самых актуальных проблем государства с 2016 г. Её расцвет пришелся на период правления бывшего президента Джейкоба Зума, в ходе которого произошел симбиоз власти между правительством и частными лицами из бизнес-структур, что привело к переходу власти к «теневому правительству». Кроме того, ЮАР является страной, которая пострадала от высокой волны преступности, в частности, в ЮАР особенно высок уровень нападений, убийств и других насильственных преступлений. Страна занимает третье место в мире по уровню преступности [8].

В подобных условиях, при постоянном ежегодном росте насильственных преступлений, нередко заказных, осведомитель в ЮАР стоит перед выбором, стоит ли сообщать о совершенных преступлениях. Как бы это ни звучало, но не являются редкостью случаи, когда люди, которые сообщали информацию в правоохранительные органы о преступлениях, затем были убиты. Одним из сенсационных убийств в ЮАР является убийство Бабиты Деокаран, главного финансового директора Департамента здравоохранения провинции Гаутенг, которая была убита в своей машине возле своего дома. Согласно данным из СМИ, она была одним из ключевых свидетелей в расследовании коррупционного преступления, связанного с присвоением и растратой средств индивидуальной защиты должностными лицами вышеуказанного департамента [9]. Нередки случаи, когда жертвами заказных убийств выступают не только осведомители и свидетели, но и полицейские, занимающиеся расследованием коррупционных преступлений. Примером такой истории является убийство капитана Каррима Алли, полицейского из отдела уголовного розыска, который был сожжен заживо в связи с расследованием уголовного дела в отношении предположительно коррумпированных старших офицеров полиции [10].

В итоге можно заключить, что правовое положение осведомителей в ЮАР далеко от совершенства. В законодательстве Южно-Африканской Республики не имеется должных мер по обеспечению защиты осведомителей и лиц, сообщающих о любого рода правонарушениях и преступлениях. Также отсутствуют какие-либо положения для обеспечения защиты вышеуказанных лиц со стороны правоохранительных органов, что негативно сказывается на отношении людей к правосудию и государству в целом и препятствует эффективному раскрытию преступлений из-за нежелания потенциальных осведомителей сообщать о них из-за боязни преследования, а также угрозы жизни и здоровью ему и его родственникам. Авторы видят решение проблемы в изменении действующего законодательства либо введении нового, в котором будут раскрыто понятие осведомителя как субъекта уголовного права, расписаны его права и обязанности, а также государственное обеспечение защиты таких лиц. Оно связано в первую очередь с неразглашением информации об их личности и местонахождении, в некоторых случаях с установлением охраны или наблюдения за ними, а также внесением в уголовно-процессуальное законодательство поправок, позволяющих данной категории лиц давать показания способом, обеспечивающим им безопасность и уверенность в том, что данная информация не будет разглашены потенциальным обвиняемым. Также достаточно эффективным методом будет введение соглашений о вознаграждении за сообщение о преступлении.

Литература:

1. South African Police Services (SAPS) (2009), “Resolving of crime learnership: learner’s guide module 11 to module 20”, Skills programme 1: Detective learning programme, South African Police Services, Pretoria.
2. Wright J. Whistleblowers in South Africa have some protection but gaps need fixing // The Conversation. 2022. June 15. URL: https://theconversation.com/whistleblowers-in-south-africa-have-some-protection-but-gaps-need-fixing-183992.

3. Criminal Procedure Act 51 of 1977. URL: https://www.gov.za/documents/criminal-procedure-act-1977-26-mar-2015-1224.
4. Witness Protection Act 112 of 1998. URL: https://www.gov.za/documents/witness-protection-act.
5. Protected Disclosures Act 26 of 2000. URL: https://www.gov.za/documents/acts/protected-disclosures-act-26-2000-07-aug-2000.
6. Prevention and Combatting of Corrupt Activities Act 12 of 2004. URL: https://www.gov.za/documents/prevention-and-combating-corrupt-activities-act-0.
7. Pillay S., Dorasamy N., Vranic V. Exploring whistle blowing intentions in South Africa: a quantitative analysis // African Journal of Business Management. 2012. Vol. 6. № 7. P. 2529–2548.
8. World Population Review (WPR) // Crime rate by country 2022. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/crime-rate-by-country.
9. Heywood M. Activists gather to remember Babita Deokoran and demand a protection action plan // Daily Maverick. 2022. 31 Jul. URL: www.dailymaverick.co.za/article/2022-07-31-activists-gather-to-remember-babita-deokoran-and-demand-a-protection-action-plan/.
10. Venter Z. Officer 'named his killer in last breath // Pretoria News. 2007. Feb. 23. URL: www.iol.co.za/news/south-africa/officer-named-his-killer-in-last-breath-316354.

The Protection of Whistleblowers in South African Criminal Law

Belozerova I.I., Mihailov I.R.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN) (Moscow)

The purpose of this article is to consider such a participant in criminal proceedings in the law of South Africa as an informant or whistleblowers, to analyze the legislation of South Africa, during which the legal framework of the Republic of South Africa will be analyzed, namely the provisions relating directly to measures to ensure the safety of informants. This article also examines the actual situation and position of whistleblowers in South Africa, where the leading role is played by the political factor, and not the legal one. Based on the results of the study, the authors come to the conclusion that the legislation of the Republic of South Africa does not have adequate measures to ensure the protection of whistleblowers and other persons reporting any kind of offenses and crimes. The authors see a solution to this problem in the introduction of new legislation, or amendments to existing legislation concerning the legal regulation of the position of an informant as a participant in the criminal process of South Africa.

Keywords: informant, crime reporting, corruption crimes, protection against disclosure of an informant, criminal law, criminal procedure

УДК 338.3.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-251-255

Особенности применения сетевых технологий при построении больших организационно-экономических систем в промышленности

Гудкова О.Е.
Доктор экономических наук,
доцент кафедры бизнеса и управления
Филиала Московского института им. С.Ю. Витте в г. Рязани

Появление и последующее интенсивное развитие сетевых технологий поспособствовали существенным сдвигам в различных секторах и промышленная сфера не является исключением. Интеграция данных технологических решений в формирование крупных организационных и экономических систем привела к значительному прогрессу в эффективности, производительности, инновациях. Именно поэтому в центре исследовательского интереса, целевого ориентира и решения задач в данной статье – анализ и характеристика многогранных особенностей сетевых технологий в контексте больших организационно-экономических систем (БОЭС); по результатам исследования подчёркивается их воздействие на коммуникацию, управление данными, автоматизацию, общую результативность функционирования.

Новизна исследования заключается в том, что по итогам анализа различных вариантов сетей БОЭС в промышленности автором систематизированы их преимущества и недостатки, что может служить отправной точкой для последующих научных работ по смежным темам.

Ключевые слова: *большая организационно-экономическая система, инновация, промышленность, сетевая технология, сеть, управление, экономика*

Для цитирования: *Гудкова О.Е. Особенности применения сетевых технологий при построении больших организационно-экономических систем в промышленности // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 251–255. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-251-255.*

В исследованиях особенностей применения сетевых технологий при построении больших организационно-экономических систем (далее – БОЭС) в промышленности современные авторы используют различные подходы.

Так, П.Г. Грибов с соавторами анализируют задействование сетевых решений через призму их влияния на БОЭС, акцентируя внимание на интеграции цифровых разработок в производственные процессы [1–3]. П. Вайл и С. Ворнер рассматривают *digital*-трансформацию бизнеса как ключевой элемент модернизации предприятий [4]. Их подход сосредоточен на изменении бизнес-моделей и формировании новых организационных структур, которые способны адекватно реагировать на вызовы цифровизации. И.А. Пургаева с соавторами фокусируются на проблемах и перспективах промышленности, обозначая необходимость адаптации организационно-экономических механизмов к новым условиям [5]. Они анализируют барьеры на пути внедрения сетевых технологий, что является важным для успешной адаптации промышленных предприятий. А.П. Костырев предлагает многоуровневый подход к развитию промышленной политики, который включает интеграцию сетевых технологий на различных управленческих уровнях [6]. Н.А. Симченко и С.Ю. Цёхла анализируют сетевые эффекты, возникающие при развитии цифровых платформ в промышленности [7]. О.Е. Клягина обсуждает системы промышленного Интернета вещей (*IIoT*), которые

служат ключевым элементом современной *digital*-трансформации [8]. Она акцентирует внимание на том, как *IIoT* способствует улучшению мониторинга и управления производственными процессами, что ведёт к повышению общей производительности, снижению издержек. Т.В. Чернышова с соавторами рассматривают проблемы внедрения информационных технологий и автоматизации в промышленный сектор [9]. Они анализируют различные технологические и организационные препятствия, предлагая конкретные меры по их преодолению. А.Е. Карлик обсуждает организационно-управленческие инновации, требуемые для обеспечения информационно-сетевой экономики (в научной работе подчёркивается высокая значимость интеграции сетевых технологий в целях формирования результативных и устойчивых БОЭС [10]).

Итак, анализ научных источников показывает, что авторы используют разнообразные подходы к исследованию темы, фокусируясь на интеграции сетевых технологий, цифровой трансформации, инновационных практиках, многоуровневых управленческих механизмах.

Прежде всего, целесообразно обозначить «локусы» рассмотрения значимости анализируемых технологических решений, что представлено на рисунке 1.

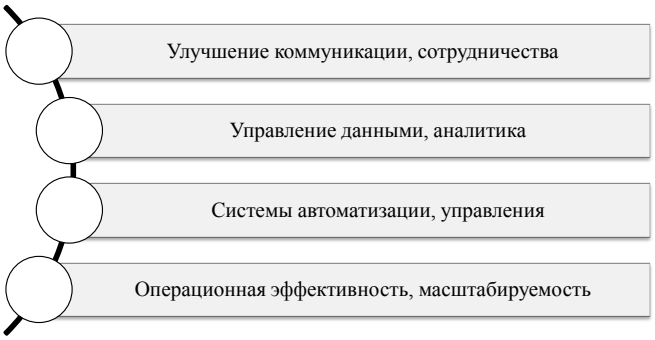

Рис. 1. Современные аспекты рассмотрения роли сетевых технологий в процессах построения БОЭС в промышленности (составлено автором на основе [1; 4; 6])

Так, к одной из ключевых особенностей сетевых технологических разработок в промышленности относится усовершенствование коммуникации и взаимодействия. Благодаря таким технологиям облегчаются бесперебойные контакты между заинтересованными сторонами, независимо от географических барьеров. Эта связь весьма значима – из соображений координации действий в различных отделах, дочерних компаниях либо даже международных филиалах. Такие инструменты, как электронная почта, мгновенный обмен сообщениями, видеоконференции, платформы для совместной работы, обеспечивают коммуникацию в реальном времени, содействуя тем самым максимально гибкой и отзывчивой организационной структуре.

Помимо этого, в рамках сетевых решений поддерживается совместная рабочая среда с помощью «облачного» инструментария. Рассматриваемые технологии позволяют нескольким пользователям работать над одним и тем же проектом одновременно, без затруднений обмениваться документами, данными, идеями. Подобный уровень сотрудничества особенно полезен в крупномасштабных проектах, где требуются разнообразные экспертные знания, которые объединяются действенно.

Далее следует подчеркнуть, что роль сетевых технологий в управлении данными и аналитике тоже невозможно переоценить. При построении БОЭС определяющее значение имеет способность собирать, хранить, анализировать огромные объёмы сведений, информационных потоков. Сетевые системы позволяют интегрировать самые разные источники данных в единую структуру, весомо облегчая комплексный анализ, вкупе с принятием аргументированных управленческих решений.

Расширенная аналитика, работающая на основе сетевых технологий, предоставляет организациям, функционирующим в промышленном секторе, информацию об эффективности работы, тенденциях рынка, поведении клиентов. Столь значимые инструменты, как анализ *Big Data*, машинное обучение, ресурсы и возможности искусственного интеллекта (ИИ), выступают в качестве неотъемлемого звена прогнозирования результатов, оптимизации процессов, выявления дополнительного потенциала. Например, предиктивное обслуживание в производстве опирается на данные в реальном времени от сетевых датчиков – для прогнозирования отказов оборудования, тем самым сокращая время простоя, наряду с затратами на обслуживание.

В свою очередь, автоматизация – это ещё одна важнейшая особенность, привнесенная сетевыми технологиями в промышленный сектор. В увязке с этим предусматривается применение систем управления (компьютеры, роботы, информационные технологии) в целях регулирования различных процессов, оборудования в отрасли. За счёт сетевых разработок облегчается интеграция данных управленческих систем на всех этапах эксплуатации (от производства до управления цепочками поставок).

Что касается промышленного Интернета вещей (*IIoT*), то он является наглядным примером характеризуемой нами интеграции, соединяя машины, устройства, системы в согласованную сеть, позволяющую продуктивно взаимодействовать. *IIoT* обеспечивает мониторинг, управление, а также оптимизацию промышленных процессов в режиме «здесь и сейчас», что приводит к повышению производительности, сокращению количества человеческих ошибок, укреплению мер по поддержанию высокого уровня безопасности [8]. К примеру, на «умном» заводе сетевые датчики и

управленческие системы динамически корректируют производственные процессы на основе данных в реальном времени, обеспечивая оптимальную производительность и качество.

Сетевые технологические решения вносят значительный вклад в эффективность работы и масштабируемость промышленных систем. Упрощая коммуникацию, улучшая управление информационными потоками, облегчая автоматизацию, рассматриваемые технологии помогают оптимизировать ресурсную базу и действия (предпринимаемые шаги и совершаемые операции). Сетевая система способна адаптироваться к меняющимся требованиям, позволяет масштабировать процессы «вверх или вниз» (по мере необходимости), обеспечивая гибкость, высокую устойчивость. Для крупных организационных систем это имеет фундаментальное значение. По ходу роста бизнеса сама возможность расширять операции без существенных сбоев или финансовых последствий становится крайне значимым конкурентным преимуществом. Сетевые технологии поддерживают масштабируемость, предоставляя надежную, гибкую инфраструктуру, которая может выдерживать возросшие нагрузки и сложность. Например, в рамках «облачных» вычислений предлагаются масштабируемое хранилище и вычислительная мощность, позволяя субъектам хозяйствования обрабатывать массивы информации без необходимости вложения существенных инвестиций в физическую инфраструктуру.

Как подчёркивается в современных публикациях [1; 3], с позиции организации структуры сетевых БОЭС может быть воплощён в жизнь ряд вариаций (см. рис. 2).

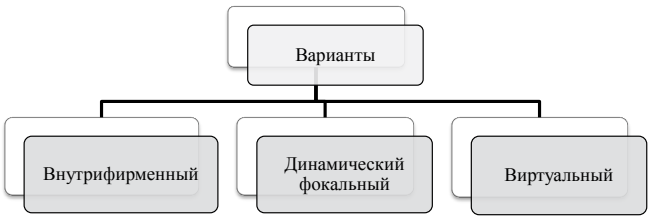

Рис. 2. Вариации сетей БОЭС (составлено автором на основе [1; 3])

Так, с позиций внутрифирменной сетевой структуры подразумевается, что организация функционирует как сплоченное целое, где различные отделы или подразделения внутри компании работают в сетевом режиме. В рамках данного подхода фокусируются на внутреннем сотрудничестве и интеграции в целях повышения результативности и инноваций. Выделяются ключевые характеристики:

– централизованный контроль;
– интегрированные процессы;
– совместное использование ресурсов;
– внутренние сети;
– иерархичность, но гибкость.

В свою очередь, динамическая структура фокальной сети вращается вокруг доминирующей центральной компании, которая организует сеть партнерских организаций. Она действует как своего рода «хаб», интегрируя и координируя продукты и услуги, предлагаемые её партнерами. Важнейшими характеристиками в данной связи служат:

– центральный узел;
– гибкость сети;
– специализация;
– аутсорсинг и партнерства;
– экосистема сотрудничества.

Относительно виртуальной вариации следует отметить, что речь идёт о сетевой организации, которая функционирует в основном через цифровые платформы. Она отличается высокой зависимостью от информационных и коммуникационных технологий для ведения деловых операций. Уместно обозначить ключевые характеристики:

– цифровая инфраструктур;
– географическая разбросанность;
– гибкость и скорость;
– масштабируемость;
– экономическая эффективность [1; 3].

С учётом рассмотренного выше нами была составлена сводная таблица 1, в которой систематизированы преимущества и недостатки вариаций сетей БОЭС в промышленном секторе.

Итак, каждый из рассмотренных вариантов имеет свои преимущества и «проблемные зоны», и выбор между ними зависит от конкретных целевых ориентиров, ресурсов, а также внешней среды субъектов хозяйствования, функционирующих в промышленном секторе.

Таким образом, в нынешних условиях сетевым технологиям отводится одно из ключевых мест в построении и эксплуатации БОЭС в промышленности; они способствуют улучшению коммуникации, оптимизации сотрудничества, налаживанию управления данными и аналитики, обеспечивают автоматизацию, контроль, а также положительным образом воздействуют на операционную эффективность, масштабируемость. Вместе с тем продолжают оставаться актуальными и достаточно острыми проблемы, сопряжённые с безопасностью, сложностью интеграции. Действительно, поддержание безопасности выступает в качестве первостепенной задачи, поскольку возросшая связанность способна подвергнуть системы киберугрозам. Обеспечение надёжных мер кибербезопасности (речь идёт, прежде всего, о шифровании, брандмауэрах, регулярных аудитах) имеет определяющее значение – из соображений защиты конфиденциальных данных, поддержания целостности системы. Что касается трудностей интеграции различных сетевых технологий, то требуется накапливать собственный и учитывать сторонний опыт, предусматривать инвести-

Таблица 1

Выделение преимуществ и недостатков сетей БОЭС в промышленности

Вариант сети	Преимущества	Недостатки
Внутрифирменный	Улучшенный контроль над всей цепочкой создания стоимости. Более простая реализация общекорпоративных стандартов и политик. Усовершенствование внутреннего сотрудничества, использования ресурсов.	В основном, бюрократично и медленно реагирует на внешние изменения. Риск возникновения внутренних разрозненных систем при отсутствии надлежащего управления. Могут потребоваться значительные вложения средств в инструменты внутренней коммуникации и совместной работы.
Динамический фокальный	Высокая адаптивность к изменениям рынка и появляющимся возможностям. Возможность использования специализированных возможностей партнеров. Сокращение накладных расходов за счет аутсорсинга, партнерства.	Явная зависимость от партнеров представляет опасность, если кто-то из них не справляется с поставленными задачами. Сложность координации возрастает с увеличением числа партнеров. Поддержание стабильного качества и репутации бренда подчас становится непростой задачей.
Виртуальный	Значительное снижение эксплуатационных расходов. Повышенная гибкость, масштабируемость. Способность привлекать таланты со всего мира.	Использование технологий требует надёжных мер кибербезопасности. Возможные проблемы с коммуникацией и сотрудничеством в разных часовых поясах. Создание сплоченной организационной культуры в виртуальной среде нередко оказывается сложной задачей.

ции. Руководству организаций следует обеспечить надлежащее обучение персонала для результативного управления и эксплуатации новейших сетевых технологических разработок. Переход к сетевым системам также требует культурного сдвига в организации, что высвечивает важность непрерывного обучения, адаптации. По ходу того, как эти технологии развиваются, качественно эволюционируют, их влияние на промышленность, несомненно, станет ещё более выраженным, стимулируя в перспективе дальнейшие инновации.

Литература:

1. Грибов П.Г., Савельев А.В. Применение сетевых технологий при построении больших организационно-экономических систем в промышленности // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 7 (163). С. 67–81.
2. Грибов П.Г., Бобрышев А.Д., Алиев А.Т. Инновационные подходы к построению больших организационно-экономических систем в промышленности // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2023. № 1. С. 66–75.
3. Грибов П.Г., Бобрышев А.Д., Балдин К.В. Исследование инновационных факторов экономической устойчивости больших организационно-экономических систем в промышленности // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 1. С. 259–267.
4. Вайл П., Ворнер С. Цифровая трансформация бизнеса: изменение бизнес-модели для организации нового поколения / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 264 с.
5. Пургаева И.А., Некрасова Т.А., Наролина Т.С., Смотрова Т.И. Цифровая трансформация промышленности: проблемы и перспективы // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. №. 1 (157). С. 34–49.
6. Костырев А.П. Развитие организационно-экономического механизма промышленной политики на основе многоуровневого подхода: дисс. … канд. эконом. наук. Нижний Новгород, 2022. 228 с.
7. Симченко Н.А., Цёхла С.Ю. Сетевые эффекты развития цифровых платформ в промышленности // Друкеровский вестник. 2021. № 2 (40). С. 57–66.
8. Клягина О.Е. Системы промышленного Интернета вещей // Проблемы электроэнергетики и телекоммуникаций Севера России. Сборник трудов IV Межд. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 565–570.
9. Чернышова Т.В., Чернышова Е.А., Титков А.А. Внедрение информационных технологий и автоматизации в промышленность: проблемы и пути решения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2024. № 3. С. 130–134.
10. Карлик А.Е., Платонов В.В., Кречко С.А. Организационно-управленческие инновации в обеспечении информационно-сетевой экономики. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 171 с.

Features of the Use of Network Technologies in the Construction of Large Organizational and Economic Systems in Industry

Gudkova O.E.
Branch of the S.Y. Witte Moscow Institute in Ryazan

The emergence and subsequent intensive development of network technologies have contributed to significant shifts in various sectors, and the industrial sector is no exception. The integration of these technological solutions into the formation of large organizational and economic systems has led to significant progress in efficiency, productivity, and innovation. That is why the focus of research interest in this article is the analysis and characterization of the multifaceted features of network technologies in the context of large organizational and economic systems; According to the results of the study, their impact on communication, data management, automation, and overall performance is emphasized.

The novelty of the study lies in the fact that, based on the results of the analysis of various options for BOES networks in industry, the author systematized their advantages and disadvantages, which can serve as a starting point for subsequent scientific work on related topics.

Keywords: large organizational and economic system, innovation, industry, network technology, network, management, economics

УДК 796
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-256-260

Модели управления сферой физической культуры и спорта в стране и мегаполисе

Ерёмин А.М.
Кандидат юридических наук,
доцент базовой кафедры избранных видов спорта
Московского государственного университета спорта и туризма

Актуальность данного исследования обуславливается активным развитием физической культуры и спорта в России, что требует поиска и рассмотрения наиболее эффективных методов управления как на уровне страны, так и в регионах и больших городах. Целью данной статьи является рассмотрение моделей управления в сфере физической культуры в целом в стране, а также в мегаполисах. В исследовании показано, что ключевым вопросом управления данной сферой является роль государства, при этом особое значение в научной литературе отдается проблематике взаимоотношения между государством и частным бизнесом. В результате проведенного анализа было выявлено, что частный капитал активно привлекается к реализации проектов по созданию спортивной инфраструктуры в мегаполисах, в которых проекты обладают высокой рентабельностью. Выбранная модель управления сферой физической культуры и спорта в целом важно рассматривать как на общестрановом, так и городском уровнях, поскольку, помимо существенного вклада в здоровье и качество жизни населения, развитие спортивной индустрии вносит значительный вклад в экономику, в том числе за счет повышения престижа страны или мегаполиса.

Ключевые слова: *менеджмент физической культуры и спорта, модели управления, управление физкультурой и спортом в мегаполисе, физическая культура и спорт в мегаполисе*

Для цитирования: *Ерёмин А.М. Модели управления сферой физической культуры и спорта в стране и мегаполисе // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 256–260. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-256-260.*

Физическая культура – сфера деятельности, специфика которой заключается в непосредственном развитии и совершенствовании физических качеств, навыков и умений человека, формировании здорового образа жизни, социальной адаптации. В свою очередь спорт является частью физической культуры и включает различные формы соревновательной физической активности.

Сфера физической культуры и спорта охватывает прежде всего массовый спорт и спорт высших достижений. К массовому спорту относятся занятия отдельными видами спорта или физическими упражнениями с целью укрепления здоровья, повышения работоспособности, снятия нервно-эмоционального напряжения, т.е. функционально массовый спорт направлен на оздоровление населения. В то же время под спортом высших достижений понимается часть спорта, направленная на достижение профессиональными спортсменами наилучших спортивных результатов на крупных соревнованиях (включая региональные, общестрановые и международные соревнования).

Развитие рассматриваемой сферы общественных отношений невозможно без участия государства. Основной задачей органов власти является создание условий для занятий физической культурой и спортом, которые позволяют улучшить здоровье людей, изменить неблагоприятные демографические тен-

денции, снизить нагрузку на систему здравоохранения, т.е. фактически связаны с реализацией государством социальной функции. Здоровье граждан является наилучшим активом города и страны в целом, играет ключевую роль в повышении конкурентоспособности территорий. Кроме того, здоровье населения напрямую связано с уровнем развития экономики, здравоохранения, культуры, образования и др. В целом развитие физической культуры и спорта является инструментом социально-экономического и политического воздействия и во многом определяет качество жизни населения.

Исследованию подходов к управлению в сфере физической культуры и спорта посвящено достаточно большое количество научных работ. В целом взаимосвязь политики и спорта может характеризоваться как сложная, многогранная и неоднозначная система, изучение которой требует проведения комплексного анализа, рассмотрения различных подходов. В частности, спорт охватывает сферы внутренней и внешней политики государственного развития. В международных отношениях спорт может являться как причиной сложных конфликтных ситуаций, так и инструментом налаживания сотрудничества.

Политика в сфере физической культуры и спорта может строиться как на принципе всеобщего контроля со стороны органов власти, так и на основе невмешательства в функционирование данного сектора (интервенционистская и неинтервенционистская модель соответственно). Модель вмешательства в спортивную отрасль предполагает наличие полного контроля со стороны органов власти над всеми субъектами регулирования, к которым относятся спортивные объекты, спортсмены, тренерский состав и др. Предполагается, что государство утверждает права, гарантии и обязанности субъектов спортивной деятельности на законодательном уровне, регламентирует действия участников спортивных мероприятий, а также осуществляет полное финансирование отрасли. Органы власти в такой модели являются ключевыми руководителями, принимающими решения по всем организационным вопросам.

В неинтервенционистской модели субъекты спортивной деятельности следуют собственным нормам и правилам, не подотчетны государству, в связи с чем не имеют возможности получать государственную поддержку, в том числе финансовую (субсидии, гранты, гарантии, компенсация затрат, льготные займы и др.). В работе Ю.Д. Якубова основным примером реализации модели невмешательства в управление сферой спорта и физической культуры является система международного спорта, которая имеет статус аполитичного общественного института [1].

С древних времен государство играет важную роль в спортивной сфере [2]. Различные города-государства, входившие в состав Древней Греции, финансировали и организовывали Олимпийские игры и другие значимые спортивные мероприятия, европейские монархи в Средние века организовывали множество турниров и боевых игр для оттачивания навыков своих войск. Возможности проведения спортивных соревнований расширялись по мере индустриализации и модернизации мира. В настоящее время органы власти предоставляют населению и спортивным организациям соответствующую инфраструктуру и услуги. Практически во всех развитых и развивающихся странах существуют государственные программы поддержки спорта, так как физическая культура и спорт являются общественным благом. Это объясняет необходимость создания инфраструктуры и финансирования спортивных организаций.

Существуют разные формы вмешательства органов власти в зависимости от идеологии, ценностей и общего политического вектора. Ключевыми идеологиями являются консерватизм, реформизм, неолиберализм и социализм [2]. Консервативная власть контролирует социальную жизнь людей, однако считает, что бизнес должен быть автономным, так как сочетание индивидуальных интересов, желания получить прибыль и увеличить охват своих услуг обеспечит благоприятный результат и без вмешательства органов власти.

Ключевым вектором для реформистов является обеспечение социальной справедливости и равенства. Они признают необходимость сильного частного сектора, но считают, что его нужно контролировать, стремятся к достижению положительных социальных результатов, в связи с чем рассматривают спорт как инструмент социального развития и стремятся повысить его доступность для всего общества.

Неолибералы считают, что верховенство закона важно, однако граждане должны обладать свободой выбора в части организации своей социальной жизни, а предприятия – своей коммерческой деятельности. Так, органы власти должны обеспечивать только базовую инфраструктуру и создавать законодательные ориентиры. Спорт рассматривается как важный социальный институт, при этом его можно использовать как фактор роста объемов строительства и уровня экономического развития.

Социализм предполагает сильное государство, в котором распределение ресурсов централизировано. Приверженцы данной идеологии считают, что спорт является важным социальным институтом, но утверждают, что он должен контролироваться для обеспечения справедливого и равномерного распределения спортивных объектов на все общество, то есть центральная власть определяет направления спортивной политики.

Таким образом, каждая идеология содержит разные предположения о роли государства и о том, как

спорт может улучшить благосостояние общества. Представленная типология в таблице 1 является упрощенной, так как на практике часто совмещаются различные идеологии при формировании государственной экономической политики в рассматриваемой сфере общественных отношений.

В связи с ограниченностью государственных ресурсов в настоящее время во многих развитых и развивающихся странах активно реализуется механизм государственно-частного партнерства (ГЧП) в управлении сферой физической культуры и спорта, при этом наиболее распространена эта модель в крупных городах (мегаполисах), что во многом обусловлено их коммерческой привлекательностью для частных инвесторов, например, в связи с высокой посещаемостью спортивных сооружений как жителей мегаполисов, так и туристов. Под ГЧП подразумеваются различные формы взаимодействия между органами власти и частными инвесторами, которые наиболее часто приводят к созданию новой, а также реконструкции и обновлению имеющейся инфраструктуры [3].

Реализация ГЧП стала основой для создания смешанной модели управления сферой физической культуры и спорта. В целом идея совместного участия в развитии спорта органов власти и субъектов спортивной деятельности не является новой. Распространение принципов ГЧП на сферу физической культуры и спорта стало результатом увеличения количества, разнообразия и повышения сложности функций, реализуемых на государственном, региональном и муниципальном уровнях, а также ограниченности ресурсов. В работе А.Д. Цепелева рассмотрен механизм ГЧП в сфере услуг физической культуры и спорта и сделан вывод о перспективности его применения, исходя из высокой социальной значимости отрасли и необходимости привлечения дополнительного финансирования со стороны частных инвесторов [4].

Анализ факторов привлекательности проектов ГЧП в сфере физической культуры и спорта представлен, например, на основе опыта Китая [5]. В исследовании выделены такие показатели, как поддержка государства, экономическая и экологическая ситуация в городах, а также способность поставщиков предоставить материалы для проектов, численность населения близлежащих городов (для оценки потенциального спроса на услуги спортивного объекта), интересы лидера, который принимает стратегические решения в городе (считается, что личным примером лидер может повысить привлекательность спорта в целом и конкретного спортивного объекта), и интеграция различных отраслей экономики со сферой физической культуры и спорта.

При этом современную систему ГЧП в рассматриваемой сфере невозможно назвать совершенной. Так, в работе А.Д. Цепелева отмечаются проблемы, которые препятствуют более активному применению данного механизма [4]. Из них наиболее значимыми являются низкий уровень доходности от вложений в объекты физической культуры и спорта, неравномерное распределение инвестиций и отсутствие утвержденной концепции управления государственной собственностью.

Кроме того, дополнительными ограничениями могут стать проблемы с подключением к коммуникационной и энергетической инфраструктуре, а также отсутствие определенного стандарта при строительстве спортивных объектов. Указанные выше недостатки во взаимодействии снижают привлекательность проектов ГЧП для инвесторов, в связи с чем применение данного механизма имеет широкое распространение именно в мегаполисах, обладающих бóльшим количеством инструментов для решения проблем.

Тем не менее проекты ГЧП успешно реализуются во многих странах мира, несмотря на различный масштаб их распространения, а механизм ГЧП считается эффективным способом развития инфраструктурных объектов. Одним из наиболее ярких примеров таких проектов в сфере спорта являются Олимпийские игры 2012 г. в Лондоне.

Организация столь масштабного мероприятия в ме-

Таблица 1

Сравнение моделей управления сферой физической культуры и спорта в зависимости от политической идеологии [2]

Тип идеологии	Краткая характеристика	Последствия для развития спорта
Консерватизм	Частное владение бизнесом, регулирование социальной жизни населения	Спорт рассматривается как деятельность частных организаций, управляемая волонтерским сектором
Реформизм	Смешанная экономика, регулирование социальных и экономических вопросов	Непосредственное участие в строительстве объектов и вовлечении населения в поддержание здорового образа жизни
Неолиберализм	Акцент на рыночных отношениях, отсутствие прямого вмешательства в экономическую деятельность	Значительная часть ресурсов идет на развитие спорта высших достижений и его коммерциализации
Социализм	Рынок ограничен, централизованное планирование, контроль органов власти над распределением ресурсов	Непосредственное участие в развитии спорта, полная регламентация отрасли, обеспечение ресурсами и массовый спорт, спорт высших достижений

гаполисе подразумевает значительный объем как трудовых, так и денежных затрат. В связи с этим было решено разделить полномочия между органами власти (ответственность за разработку проектов и строительство новых объектов инфраструктуры) и представителями бизнеса (планирование, подготовка и проведение соревнований, поставка продукции и предоставление технической поддержки). Распределение обязанностей позволило в срок выполнить все обязательства по проведению Олимпийских игр. Такое взаимодействие является современной зарубежной практикой в крупных городах.

Аналогичный пример – подготовка и проведение Олимпийских игр 2008 г. в Пекине, к котором специально был построен стадион «Птичье гнездо». Реализация проекта предполагала использование частного финансирования взамен предоставления ряда льгот: упрощение процедуры подготовки проектной документации, освобождение от расходов на развитие инфраструктуры и предоставление гарантий по обеспечению использования мощностей спортивного комплекса после проведения Олимпиады [6].

В целом проведение спортивных событий мирового масштаба в мегаполисах является приоритетным направлением формирования имиджа как города, в котором будут проводиться соревнования, так и страны в целом [7; 8]. Организация крупномасштабных мероприятий способствует привлечению инвестиций, активному развитию спортивной и транспортной инфраструктуры, открытию новых мест притяжения туристов, в том числе из других стран. Таким образом, привлечение государственных и частных инвестиций приводит к росту экономической активности в мегаполисах, в том числе за счет наличия экономических мультипликаторов.

В то же время в качестве негативных факторов проведения крупных спортивных мероприятий в городах может рассматриваться снижение приоритетности развития любительского спорта [9]. Кроме того, дискуссионным является вопрос о дальнейшем использовании инфраструктурных объектов после завершения соревнований. Таким образом, в проведении крупных спортивных мероприятий в городах необходимо качественно продумать не только их подготовку и проведение, но и предоставить долгосрочную оценку проектов, выделить достаточное количество ресурсов для обеспечения их обслуживания, а также провести оценку социальных последствий, рассчитав выгоду от проведения мероприятия для общества в целом.

В качестве наилучшего способа использования объектов, которые были созданы специально для проведения крупномасштабных спортивных мероприятий, представлен вариант с организацией ежегодных соревнований на новых объектах [10]. Инициаторами мероприятий могут быть как местные власти, так и частные организации. Такие соревнования будут привлекать население к занятиям спортом и повышению физической активности граждан. Таким образом, город продолжит использовать и поддерживать в хорошем состоянии объект, а также будет получать прибыль от его эксплуатации.

Одним из вариантов продуманного подхода к формированию спортивной инфраструктуры является практика строительства стадиона совместно с близлежащим объектом, что отмечено в работе А.Д. Цепелева [4]. В частности, при строительстве стадиона, который будет принадлежать государству, рядом может быть возведен торгово-развлекательный центр, принадлежащий представителям бизнеса. Таким образом, проведение матчей или иных спортивных соревнований обеспечит приток новых клиентов в торговый центр за счет привлечения болельщиков.

Развитие городской спортивной инфраструктуры становится все более значимым направлением для мегаполисов. Например, в Сингапуре разработан долгосрочный план развития, который включает создание дополнительных спортивных площадок (в том числе на открытом воздухе), стадионов, комплексов и др. С целью развития модельных спортивных стадионов в Сингапуре было принято решение снести устаревший национальный стадион и возвести на его месте многофункциональный спортивный центр [8]. Так городу удалось создать новые современные площадки для отдыха и физической активности населения.

В данной статье было показано, что в научной литературе значительное внимание уделено изучению моделей управления сферой физической культуры и спорта: преимущественно рассматриваются вопросы участия государства в развитии данной сферы общественных отношений, в том числе более активного привлечения частного капитала (в том числе за счет реализации механизма ГЧП). При этом участие частных инвесторов в развитии сферы физической культуры и спорта стало наиболее актуальным в связи с активизацией политики городов в области проведения крупных спортивных мероприятий и необходимости строительства соответствующей инфраструктуры.

В целом можно сделать вывод, что модель управления в сфере физической культуры и спорта должна быть направлена на улучшение здоровья населения, повышение уровня и качества жизни, конкурентоспособности спорта и престижа государства на международной арене. С точки зрения изучения вопросов развития спортивной индустрии в мегаполисе, именно сфера физической культуры и спорта создает имидж города на международной арене, ключевую роль в формировании и развитии которого играют крупные спортивные соревнования с участием зарубежных представителей. Проведение таких международных мероприятий демонстрирует

развитость социально-экономической, культурной и политической сфер, а также способствует привлечению инвестиций и туристического потока.

На протяжении многих лет наблюдается рост количества мегаполисов с развитой спортивной инфраструктурой, в которых особое внимание уделяется модернизации устаревших площадок и созданию новых точек притяжения. Дополнительное финансирование помогает развивать инфраструктуру города и решает проблему ограниченности ресурсов. Механизм ГЧП в этом контексте считается действенным инструментом государственного регулирования экономики за счет привлечения бизнеса к выполнению задач государства. При этом ГЧП в спортивной отрасли позволяет не только создавать большее количество разнообразных общественных благ, но и приводит к повышению эффективности использования средств.

Литература:

1. Якубов Ю.Д. Модели государственной политики в области спорта // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 211–213.
2. Hoye R., Smith A.C.T., Nicholson M., Stewart B. Sport Management: principles and applications // Sport management Series, fourth edition. 2015. URL: https://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/PHED398/SportManagementReadings/SportManagementPrinciplesandApplications04thEdition05BDr.Soc5D.pdf
3. Kopanska A., Osinski R., Korbus B. Private entities motivations to participate in public-private partnerships // Socia-Economic Planning Sciences 2024. Vol. 92. P. 101841.
4. Цепелева А.Д. Совершенствование механизма государственно-частного партнерства в сфере услуг физической культуры и спорта: дисс. … кан. экон. наук. СПб., 2015. 167 с.
5. Chen Z., Zhao Y., Zhou X., Zhang L. Investigating critical factors that encourage private partners to participate in sports and leisure characteristic town public-private partnerships: evidence from China // Sustainability. 2020. № 12(8). P. 3212.
6. Папоян Р.А., Воротников А.М. Проблема взаимодействия государства и бизнеса в развитии спортивной инфраструктуры // Журнал социологические исследования. 2021. Т. 6. № 3. С. 22–30.
7. Певная М.В., Кузьминчук А.А., Телепаева Д.Ф. Государственное регулирование спортивного волонтерства: Российский и зарубежный опыт // Вопросы управления. 2017. № 3(27). С. 35–49.
8. Yuen B. Public-private partnership in Singapore sports hub (Zur Ökonomik von Spitzenleistungen im internationalen Sport). Hamburg University Press, Hamburg, P. 207–229. URL: https://doi.org/10.15460/hup.250.1899
9. McCloy C., Thibault L. Hosting policies of sport events // Sport Policy in Canada. 2013. P. 243–265. URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctt5hjk9x.10
10. Maunteanu S.M. Project and sports events management // Review of International Comparative management. 2011. Special Number 1/2011. P. 441–446.

Models of Management of Physical Culture and Sports in the Country and in the Metropolis

Eremin A.M.
Moscow State University of Sports and Tourism

The relevance of this study is due to the active development of physical culture and sports in Russia, which requires the search and consideration of the most effective management methods both at the national level and in regions and large cities. The purpose of this article is to consider management models in the field of physical culture in the country as a whole, as well as in megacities. The study shows that the key issues of management in this area is the role of the state, while special importance in the scientific literature is given to the problems of the relationship between the state and private business. As a result of the analysis, it was revealed that private capital is actively involved in the implementation of projects to create sports infrastructure in megacities in which projects have high profitability. The chosen model of management of the sphere of physical culture and sports in general is important to consider both at the national and urban levels, since in addition to a significant contribution to the health and quality of life of the population, the development of the sports industry makes a significant contribution to the economy, including by increasing the prestige of the country or metropolis.

Keywords: management of physical culture and sports, management models, management of physical culture and sports in the metropolis, physical culture and sports in the metropolis

УДК 379.85
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-261-266

Условия развития экологического туризма в России на современном этапе

Охрименко Е.И.
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства
Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

В статье приведён обзор научных трудов, посвященных изучению вопросов в сфере экологического туризма. На основе статистических данных представлены сведения об особо охраняемых природных территориях (ООПТ) России для сохранения биологического разнообразия страны и развития экотуристической отрасли. В результате проведенного анализа определены востребованные и популярные экологические маршруты по категориям ООПТ. Указано, что итоговое количество посетителей экологических троп и маршрутов за последние годы существенно увеличилось по категориям ООПТ федерального значения; определена тесная взаимосвязь между количеством экологических маршрутов и количеством их посещений.

В работе выявлены и обозначены условия успешного развития экологического туризма. Автором аргументировано доказано, что развитие экологической культуры населения, инфраструктуры регионов, выявление потенциала дестинаций являются необходимыми условиями не только в рамках развития экологического туризма, но и охраны окружающей природной среды.

В результате проведенного исследования были выделены проблемы, возникшие в сфере развития экологического туризма в регионах, а для их успешного решения разработаны и обоснованы рекомендации, связанные с развитием экологического туризма на современном этапе.

Ключевые слова: *экологический туризм, условия, развитие, Россия, природа, ресурсы, потенциал*

Для цитирования: *Охрименко Е.И. Условия развития экологического туризма в России на современном этапе // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 261–266. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-261-266.*

На сегодняшний день туризм является одним из основных секторов мировой экономики. За последние несколько десятилетий возрос интерес населения к экологическому туризму. Причиной этому стало осознание людьми последствий их активной индустриальной деятельности и ее влияния на природу, а также желание стать более социально-ответственными путешественниками и быть ориентированными на природу.

Возникновению экологического туризма как отдельного вида туризма поспособствовала смена приоритетов жителей городов, которые стали все чаще выбираться на природу, что привело к формированию спроса на экологические туры. Человек и природа – неотделимы и постоянно оказывают влияние друг на друга. В этой связи необходимо развивать гармонию взаимоотношений между природой и человеком, акцентировать особое внимание людей на бережное отношение к окружающим природным ресурсам. Человек должен понимать степень ответственности за состояние окружающей среды, обусловленное взаимодействием природы и деятельностью человека.

На наш взгляд, решение обозначенных задач возможно, в том числе, с помощью исследования и дальнейшего развития экологического туризма.

Актуальность данной темы обусловлена растущей популярностью осознанного отношения к природе и окружающему миру в целом, активным ростом интереса к экологическому туризму со стороны населения, а также тенденцией к сохранению биологического разнообразия природных территорий.

В последнее время в мире наблюдается ухудшение экологической среды, увеличивается масштаб экологических проблем и их негативное влияние на здоровье человека. Стоит обратить внимание на то, что туристы зачастую больше проявляют заботу об удовлетворении своих потребностей, чем беспокоятся о бережном отношении к окружающей их природе.

Важно отметить, что, с одной стороны, наблюдается рост спроса на экологические туры, с другой – существуют проблемы, связанные с отсутствием информационной базы по экологическому туризму, дефицитом квалифицированных кадров и слабой туристической инфраструктурой. Все эти проблемы сдерживают развитие экологического туризма в России.

Целью натоящего исследования является определение проблем и выявление условий развития экологического туризма в России на современном этапе. Определены следующие задачи: провести анализ и выявить ключевые проблемы современного состояния экологического туризма в России; обозначить условия развития экологического туризма; разработать и обосновать рекомендации для продвижения экологического туризма в России.

На современном этапе ученые уделяют важное внимание изучению вопросов, связанных с особенностями развития экологического туризма в нашей стране.

В своем исследовании Г.Л. Землякова подчеркивает, что Всемирная туристская организация назвала экологический туризм в «числе приоритетных направлений развития внутреннего и въездного туризма в России» [1, с. 40]

К. Миллер утверждает, что экотуризм – это «жизнеутверждающий туризм, щадящий для окружающей среды, включающий изучение ее природного и культурного компонентов и имеющий целью улучшение положения в этой среде» [2].

К. Линдберг в рамках исследования экологического туризма даёт следующее определение: «Экологический туризм – это устойчивый и природоориентированный туризм и рекреация» [3].

Важно отметить то, что международное общество экотуризма дало этому понятию следующее определение: «Экологический туризм – это форма туризма, ориентированного на природу, которая осуществляется с целью познания дикой природы и культуры дестинаций, не нарушающая целостности экосистемы, призванная внести вклад в сохранение природных ресурсов, охрану окружающей среды и социально-экономическое развитие туристской территории» [4].

У понятия «экологический туризм» есть много синонимов: зеленый туризм, природный туризм, ответственный туризм, сознательные путешествия и многие другие [5]. Для того, чтобы отличать «экологический туризм» от его синонимов, необходимо выделить его основные компоненты:

1. Познание природы и просвещение туристов. Экологический туризм предполагает изучение туристами природы, объектов окружающей среды, получение новых знаний и навыков в процессе путешествия и во время подготовки к нему;

2. Охрана окружающей среды. Экологический туризм подразумевает сохранение туристами экосистемы и ее элементов, соответствующее поведение туристов на маршруте, а также участие туристов в программах и мероприятиях по защите и охране окружающей среды;

3. Уважение местной культуры. С этой точки зрения экологический туризм подразумевает уважительное отношение туристов к местным жителям, проживающим в посещаемой туристической дестинации, соблюдение местных законов, обычаев и традиций, а также совершение межкультурного обмена с местными сообществами [6].

Л.И. Саидова обращает внимание на повышение активности со стороны научного сообщества и общественно-политических кругов в отношении исследования условий развития экологического туризма в стране. Экологический туризм, по мнению автора, влияет на «формирование экологической культуры населения как необходимого условия охраны природы в условиях распространения потребительских ценностей и цифровой культуры, особенно в молодежной среде» [7, с. 165]. В исследовании она рассматривает теорию жизненных циклов и говорит о том, что «эволюционная экология создает перспективы для рассмотрения потенциала такой социальной практики, как экологический туризм, в аспекте внимания к изучению влияния внешних факторов на выживаемость и адаптационные возможности организма или же экосистемы в целом» [7, с. 168].

Л.И. Саидова особо отмечает необходимость антропологических исследований в рамках экологического туризма. Кроме того, экологический туризм в последнее время расширяет свои границы. В этой связи важно обратить должное внимание на появление «новых угроз, предотвращение которых требует глубокого понимания траектории развития этого феномена, его движущих сил, смыслов, функций…» [7, с. 169].

В своем исследовании Д.А. Сейдуалин, А.С. Омарова, А.Х. Муканов утверждают: «Экологический туризм – это форма туризма, ориентированная на посещение природных и экологически ценных мест с целью не только отдыха и развлечения, но и сохранения природы, поддержания биоразнообразия и пропаганды принципов устойчивого использования

природных ресурсов. Этот вид туризма стремится минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, акцентируя внимание на образовании, понимании и поддержке принципов экологической устойчивости» [8, с. 267]. Также авторы отмечают, что туристы должны быть нацелены не только на отдых во время экологического путешествия, но и понимать свою ответственность в рамках взаимодействия с природными ресурсами. Туристы должны поддерживать, охранять и бережно относиться к уникальнейшим экосистемам.

Особый интерес данные авторы проявили к разработке экологической инфраструктуры. По их мнению, необходимы соответствующие образовательные программы, способствующие «формированию ответственного отношения к окружающей среде как среди туристов, так и среди местных обитателей» [8, с. 268].

Кроме того, с целью сохранения природных ресурсов и развития экологического туризма, становится необходимым привлечение местных сообществ и органов власти.

Е.И. Охрименко в своем исследовании особо акцентирует внимание на правила поведения туристов в рамках экологического отдыха. Автором предложены меры, с помощью которых можно осуществлять контроль выполнения норм и правил поведения приезжающими на отдых путешественниками. По мнению автора, предложенные меры помогут «правительству и компаниям, работающим в сфере экологического туризма, лучше понимать потребности туристов и принимать меры для сохранения природы и минимизации отрицательных экологических воздействий» [9, с. 126–127].

Автор подчеркивает, что «развитие экологического туризма в России может стать важным шагом к сохранению природных ресурсов и их использованию на благо экономики и общества» [9, с. 127].

Пристальное внимание в исследовании уделено необходимости своевременного выявления экологических проблем, решение которых будет способствовать развитию инфраструктуры региона. Кроме того, тесное сотрудничество государства, местных органов управления, населения и бизнеса в решении вопросов, связанных с разработкой экологических маршрутов, положительно повлияет на развитие дестинации [9, с. 127].

Р. Ахмедходжаев подтверждает факт, что «экологический туризм позволяет совершать путешествия, не причиняя вреда природе и окружающей среде» [10, с. 274]. В своей работе автор доказывает следующее: «При условии грамотного развития экологический туризм может сыграть свою роль в разрешении современного социально-экологического кризиса» [10, с. 274]

С.Д. Дбар [11] указывает на важный аспект, заключающийся в том, что с помощью исследований в рамках экологического туризма можно выявить возможности с целью эффективного использования потенциала страны. Это может положительно повлиять на темпы социально-экономического развития страны в перспективе на будущее [11, с. 33]

Н.А. Путинцева, А.Д. Дроздова, В.В. Петрова утверждают, что именно развитие экологического туризма должно повлиять на развитие инфраструктуры. Необходимо создавать рекреационные зоны на особо охраняемых природных территориях, вводить природоохранный режим территорий [12, с. 119]. Авторами отмечено, что «роль экотуризма состоит в том, что он способствует охране и защите природных территорий, восстановлению популяций животных и естественной экосистемы, пострадавших от антропогенного воздействия» [12, с. 120].

Таким образом, экологический туризм и исследование условий его развития на современном этапе требует более пристального внимания.

Ученые выделяют в своих исследованиях особую роль развития экологического туризма и его влияния на защиту и сохранение природных ресурсов, динамику социально-экономического развития страны, формирование ответственного отношения к окружающей среде.

Россия богата объектами экологического туризма. Страна является уникальнейшим местом для развития экологического туризма. В России существует множество объектов, которые еще не затронули процессы урбанизации и индустриализации. И хотя рынок экотуризма начал формироваться в России относительно недавно, но уже создаются особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ) для сохранения биологического разнообразия страны и развития экотуристической отрасли. В таблице 1 представлены сведения об особо охраняемых природных территориях России.

Согласно данным, представленным в таблице 1, можно констатировать следующее: итоговое количество экологических троп и маршрутов по категориям ООПТ снизилось в 2022 г. по сравнению с 2021 г. на 110 единиц, т.е. на -5,9 %, в 2023 г. ситуация не изменилась (-3,19 % к предыдущему году). Сложившуюся ситуацию можно объяснить, тем, что в категории ООПТ «дендрологические парки и ботанические сады» наблюдается значительное снижение по годам: в 2022 г. по отношению к 2021 г. – -11,32 %, в 2023 г. по отношению к 2022 г. – -30,83 %.

Важно отметить положительную динамику в отношении увеличения количества заповедников, представленных в категории ООПТ «государственные природные заповедники» и «государственные природные заказники». В 2023 г., по отношению к 2022 г. количество государственных природных заповедников увеличилось на 9 единиц (+1,75%), а государственных природных заказников на 5 единиц (+11,62 %). Количество национальных парков

Таблица 1

Сведения об особо охраняемых природных территориях за 2021–2023 гг. [13–15]

	Число, ед.			Количество посетителей, чел.		
	Экотроп и маршрутов			Экотроп и маршрутов		
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ИТОГО по категориям ООПТ федерального значения	**1864**	**1754**	**1698**	**13774281**	**17357499**	**16877107**
в %	**-**	**(-5,9 %)**	**(-3,19 %)**	**-**	**(+26,01 %)**	**(-2,77 %)**
в том числе:						
государственные природные заповедники	525	514	523	1128814	1628561	1690476
в %	-	(-2,09 %)	(+1,75 %)	-	(+44,27 %)	(+3,80 %)
национальные парки	1041	970	970	6577674	9342325	9257867
в %	-	(-6,82 %)	(0 %)	-	(+42,03 %)	(-0,90 %)
государственные природные заказники	42	43	48	16366	37004	35717
в %	-	(+2,38 %)	(+11,62 %)	-	(+126,1 %)	(-3,47 %)
дендрологические парки и ботанические сады	256	227	157	6051427	6349609	5893047
в %	-	(-11,32 %)	(-30,83 %)	-	(+4,92 %)	(-7,19 %)

в 2022 и 2023 гг. не изменилось, хотя в 2022 г. по сравнению с 2021 г. их количество сократилось на 71 единицу (-6,82 %).

Обратим внимание на показатель «количество посетителей экологических троп и маршрутов», которое значительно увеличилось в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом более чем на 350 тыс. чел. (+26,01 %). В 2022 г. люди активно посещали государственные природные заказники (+126,1 %), государственные природные заповедники (+44,27 %), национальные парки (+42,03 %). Посещение дендрологических парков и ботанических садов тоже выросло в 2022 г. (+4,92 %), но незначительно, как нам кажется, это связано в первую очередь с уменьшением количества единиц указанной категории ООПТ в 2022 и 2023 гг. (-11,32 и -30,83 % соответственно).

Таким образом, очевидна тесная взаимосвязь между количеством экологических маршрутов и количеством их посещений со стороны не только местного населения, но и прибывших туристов.

Результаты проведенного анализа (табл. 1) показали, что самыми популярными и востребованными, в рамках экологических троп и маршрутов по категориям ООПТ, для путешественников и местного населения стали государственные природные заповедники, заказники и национальные парки.

Особо подчеркнем, что обозначенные категории ООПТ имеют достаточно высокий туристический потенциал, следовательно, их развитие является основной задачей на федеральном, региональном и местном уровнях.

Природные объекты расположены во многих регионах России (например, Урал, Камчатка), что дает возможность каждому из таких субъектов по максимуму использовать природные ресурсы и увеличить туристический поток в регион.

Россия пока не занимает лидирующие позиции в рамках развития экологического туризма в мире. Такая ситуация связана прежде всего с малоразвитой инфраструктурой природных территорий, а также недостаточным количеством разработанных туристических маршрутов и их продвижением с помощью маркетинговых инструментов. Однако в России отмечен интерес и рост спроса на экологические туры со стороны населения. Например, экотуризм в 2022 г. вырос на 40 % [16]. А согласно Концепции развития туризма в России, рассчитанной до 2035 г., предполагается увеличение количества посетителей ООПТ до 16 млн чел. [16]. «С теми темпами, которые демонстрирует аналитика посещения нацпарков и заповедников несколько последних лет, есть вероятность достижения запланированных показателей значительно раньше срока» [16].

В Минприроды России отметили доминирующие направления работы в сфере развития экологического туризма в 2023 г.: «создание инфраструктуры гостеприимства и расширение линейки туристических услуг». Из бюджета министерства на создание инфраструктуры в национальных парках и заповедниках будет направлено 270 млн руб., дополнительно по нацпроекту «Туризм и индустрия гостеприимства» до 2025 г. запланированы 5,1 млрд руб. [17].

Таким образом, можно констатировать, что дальнейшее развитие объектов ООПТ привлечет внимание и увеличит количество посетителей среди местного населения и туристов. Ведь несмотря на то что сегодня в большинстве регионов отсутствует туристическая инфраструктура (природные территории зачастую не оборудованы местами проживания и питания туристов, а также санитарными зонами), которая тормозит развитие экотуризма, количество посетителей экотроп и маршрутов не снижается [9]. Развитие инфраструктуры экотуризма способствует

не только удовлетворению потребностей туристов, но и защищает окружающую среду.

Другим важным аспектом, замедляющим развитие экологического туризма в России, является отсутствие информационной базы по данному виду туризма. «Человеку, который захочет заняться экологическим туризмом в России, будет очень сложно найти желаемую и даже необходимую для путешествия информацию в полном объеме. В стране и в отдельности в регионах, пользующихся популярностью у экотуристов, отсутствует конкретная эколого-туристическая информация – в свободном доступе нет списков растений и животных, занесенных в Красную книгу, перечня редких и исчезающих экосистем, кадастра природно-ландшафтных комплексов и памятников природы и многого другого. К тому же многие экотуристы даже не понимают, что такое «экологический туризм», в чем его ценность и значение для природы» [18].

Таким образом, в результате проведенного исследования нами были разработаны следующие рекомендации для дальнейшего развития экологического туризма.

Для начала необходимо создать информационную базу экологического туризма в России, для этого нужно провести инвентаризацию объектов экологического туризма, сформировать специальные базы данных, включающие эти объекты и туристические ресурсы, а также создать справочно-информационные системы по природным ресурсам, экскурсионным дестинациям, маршрутам и турам и обеспечить туристам свободный доступ к ним. Эти меры, на наш взгляд, предоставят туристам в рамках экологического тура возможность не только разбираться в данном виде туризма, но и осознанно относиться к окружающим природным ресурсам.

Популяризация у школьников кружков и секций, связанных с туристической деятельностью, также поможет развить у потенциальных специалистов интерес к туризму и вызовет желание продолжать это дело в будущем.

Для развития туристской инфраструктуры в регионах необходимо создавать места для проживания туристов, запускать транспортные средства, прокладывать экологические тропы и строить вышки связи. Данный вопрос уже начал решаться на государственном уровне: в 2019 г. был подготовлен федеральный проект «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» [19], который реализуется в рамках Государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды». Основная цель Федерального проекта – «сохранение биологического разнообразия, в том числе посредством создания не менее 24 новых особо охраняемых природных территорий».

Экологический туризм является одним из самых популярных видов туризма в мире, который объединяет в себе туризм, культуру и экологию. Благодаря своим обширным и уникальным природным ресурсам, Россия считается одной из самых перспективных стран в области экологического туризма, однако реализации этого потенциала препятствует ряд проблем – слабая информационная база, недостаток квалифицированных специалистов и отсутствие туристической инфраструктуры в привлекательных для экотуристов местах. Экотуризм оказывает мощное воздействие на экономику страны и ее отдельных регионов, а также привлекает внимание туристов к защите и сохранению бесценных природных ресурсов, что говорит о важности развития данного направления.

При условии успешного решения обозначенных проблем Россия сможет реализовать свои природно-туристические возможности и стать одним из лидеров мирового эколого-туристического рынка.

Литература:

1. Землякова Г.Л. Развитие экологического туризма в аспекте смены парадигмы особо охраняемых природных территорий. Ч. 1 // Аграрное и земельное право. 2024. № 1(229). С. 40–43. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_1_40.
2. Miller K. Planning national parks for ecodevelopment: cases and methods from Latin America. MI: University of Michigan, School of Natural Resources, Center for Strategic Wildland Management Studies, 1987. 500 p.
3. Lindberg K., Hawking D. Environment Ecotourism: A Guide For Planners And Managers. USA: The Ecotourism Society, North Bennington, 1993. 175 p.
4. Штебнер С.В., Ерлыгина Е.Г. Развитие экологического туризма // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 6. С. 126–133.
5. Богатырева Д.С. Экологический туризм: компаративный анализ определений // Известия ВГПУ. 2015. № 9-10 (104). С. 78-83.
6. Стрелкина К.С. Характерные особенности экологического туризма // НК. 2012. № 1. С. 231–235.

7. Саидова Л.И. Философско-антропологические смыслы развития экологического туризма и личности человека в цифровую эпоху // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17. № 1. С. 164–174. DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-164-174.
8. Сейдуалин Д.А., Омарова А.С., Муканов А.Х. Управление развитием экологического туризма в регионе в условиях цифровой среды // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сб. материалов XXIII Межд. науч.-практ. конф., Москва, 19 января 2024 г. М.: ООО «Издательство АЛЕФ», 2024. С. 266–271. DOI: 10.34755/IROK.2024.11.47.014.
9. Охрименко Е.И. Проблемы развития экологического туризма в России // Современные тенденции и перспективы развития туризма в России: безопасность, транспортная логистика, сервис: Материалы XX Межд. науч.-практ. конференции, Омск, 05–06 октября 2023 г. Омск: Омский гос. техн. ун-тет, 2023. С. 124–128.
10. Ахмедходжаев Р. Перспективы развития потенциала экологического туризма в Узбекистане // Экономическое развитие и анализ. 2024. Т. 2. № 1. С. 265–278.
11. Дбар С.Д. Экологический туризм в Абхазии: виды, сущность и перспективы развития // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4(182). С. 32–36. DOI: 10.24158/tipor.2023.4.3.
12. Путинцева Н.А., Дроздова А.Д., Петрова В.В. Роль экологического туризма в развитии охраняемых природных территорий // Экономический вектор. 2023. № 2(33). С. 116–122. DOI: 10.36807/2411-7269-2023-2-33-116-122.
13. Сведения об особо охраняемых природных территориях за 2021 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-OOPT_2021.xlsx.
14. Сведения об особо охраняемых природных территориях за 2022 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-OOPT_2022.xlsx.
15. Сведения об особо охраняемых природных территориях за 2023 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-OOPT_2023.xlsx.
16. Экотуризм в 2022 г. вырос на 40%. URL: https://www.atorus.ru/node/50962?ysclid=lwnixrlpfx581669393.
17. Больше двух миллионов туристов посетили ООПТ в 2023 г. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/bolshe_dvukh_millionov_turistov_posetili_oopt_v_2023_godu_aleksandr_kozlov_rasskazal_vladimiru_putin/?ysclid=lwnjdyfq5n65858316.
18. Цвигун И.В. Проблемы и перспективы развития экологического туризма в России // Baikal Research Journal. 2013. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-razvitiya-ekologicheskogo-turizma-v-rossii
19. Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/federalnyy-proekt-sokhranenie-biologicheskogo-raznoobraziya-i-razvitie-ekologicheskogo-turizma/?ysclid=lwromoaade297705796.

Conditions for the Development of Ecological Tourism in Russia at the Present Stage

Okhrimenko E.I.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The article provides an overview of scientific papers devoted to the study of issues in the field of ecotourism. Based on statistical data, information about specially protected natural areas (protected areas) is presented To preserve the biological diversity of the country and the development of the ecotourism industry. As a result of the analysis, the popular and popular ecological routes by categories of protected areas have been identified. It is indicated that the total number of visitors to ecological trails and routes has increased significantly in recent years by categories of protected areas of federal significance. There is a close relationship between the number of ecological routes and the number of their visits.

The paper identifies and outlines the conditions for the successful development of eco-tourism. The author argues that the development of the ecological culture of the population, the infrastructure of the regions, and the identification of the potential of destinations are necessary conditions not only for the development of eco-tourism, but also for the protection of the environment.

As a result of the conducted research, the problems that have arisen in the field of ecotourism development in the regions have been identified, and recommendations related to the development of ecotourism at the present stage have been developed and substantiated for their successful solution.

Keywords: ecological tourism, conditions, development, Russia, nature, resources, potential

УДК 344
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-267-271

Государство и коррупция в исторической ретроспективе: краткий очерк

Фан-Юнг Г.Ю.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Казань)

Щигорцова Е.С.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доцент кафедры таможенного дела Казанского кооперативного института

Абдрахманова Л.В.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры профессионального обучения, педагогики и социологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Актуальность статьи определяется тем, что проблема коррупции была и остается одной из самых острых социально-экономических проблем не только в России, но и во всем мире, является серьезным препятствием на пути развития всех стран. Своими корнями это опасное социальное явление уходит глубоко в прошлое и связано с традициями общества в период становления государственности.

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать особенности коррупционных проявлений в различных странах и определить основные пути повышения эффективности противодействия этой опасной социальной болезни в России.

Проведенный в статье краткий исторический анализ исследуемой проблемы не только подтверждает существование коррупции во всех государствах с момента их зарождения, но и доказывает, что наличие в государстве управленческих структур неразрывно связано с коррупционными составляющими, отличаясь лишь масштабами их проявления и характерными чертами того или иного государства.

Коррупционной практике способствует не только политическая и экономическая нестабильность, неразвитость и несовершенство законодательной базы, неэффективность институтов власти, слабость организаций гражданского общества и отсутствие прочных демократических традиций, но и низкая степень участия населения в противодействии коррупции, слабая просвещенность граждан в отношении выбора эффективных и рациональных способов борьбы с ней.

Для активизации людей, создания «антикоррупционного фронта» необходимо начать с каждой отдельной личности, формирующейся в атмосфере нетерпимости, неприятия любых проявлений коррупционного поведения.

Ключевые слова: *коррупция, государство, российское законодательство, взяточничество, преступление, наказание*

Для цитирования: *Фан-Юнг Г.Ю., Щигорцова Е.С., Абдрахманова Л.В. Государство и коррупция в исторической ретроспективе: краткий очерк // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 267–271. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-267-271.*

Как социальное явление коррупция существует практически во всех странах мира и представляет собой серьезную угрозу функционированию публичной власти, дискредитируя право как основной инструмент регулирования жизни общества, разрушает демократические институты государства, подрывает доверие населения к власти, существенно замедляет экономическое развитие как отдельных государств, так и мировой экономики в целом.

Коррупция известна человечеству с глубокой древности. Древнеримский термин «коррупция» (от латинского *corruptio* – «я подкупаю») намного старше не только древнеримской цивилизации, но и всех прочих цивилизаций, когда-либо существовавших на Земле. Ибо латинский глагол «corrumpere», как это общеизвестно, означал не только незаконное получение денег в обмен на некие действия со стороны должностных лиц, включая вождей и жрецов, но и предоставление указанным лицам определённого объёма материальных и нематериальных благ. Иными словами, коррупция в той или иной форме существовала и в доисторический («догосударственный») период, и на заре истории человечества, когда первые города-государства, например в Месопотамии, столкнулись с этой проблемой [1, с. 93].

Следует отметить, что особую опасность коррупция представляет для такой формы политической организации общества, коей выступает государство. Это вполне объяснимо с научной точки зрения, так как в отличие как от племенной, так и от прочих «догосударственных» форм общественной организации, сам факт существования государства подразумевает: наличие постоянной власти над постоянной территорией; власти, наделённой исключительными правами («монополиями»), включая монополию на издание законов, на сбор налогов и на применение силы; и власти, которая регулирует общественные отношения посредством права. Государство, в соответствии со взглядами древнеримского юриста и политического деятеля Марка Туллия Цицерона, выступает, во-первых, как бесстрастный судья, во-вторых, как коллективный страж частной собственности граждан и, в-третьих, гарантирует беспристрастное применение законодательства [2].

Следовательно, любой нормативно-правовой акт, любое судебное решение – это выражение воли публичной власти, с помощью которого ради всеобщего блага поощряются одни общественные отношения и пресекаются другие. Если же допустить возможность безнаказанного подкупа того или иного должностного лица, то закономерным следствием такого деяния станет падение авторитета не отдельного лица, а всей государственной власти независимо от содержания и смысла любых последующих правовых актов, принимаемых ею. В итоге, прямым следствием коррупции всегда выступают: снижение уровня правосознания и правовой культуры общества, игнорирование любых распоряжений, исходящих от властей, нарушение гражданского мира и согласия, общее ослабление государства.

Все эти рассуждения можно было бы отнести к некоему субъективному «морализаторству», если бы приведённые тезисы не опирались на весьма значительный исторический опыт. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Итак, не будет преувеличением утверждение о том, что коррупция стала одной из причин резкого ослабления, а затем и гибели Римской империи. По сообщению историка Аммиана Марцеллина, римский наместник Фракии Флавий Лупицин, желая приобрести в свои имения как можно больше рабов и рабынь-наложниц из числа переселившихся на земли империи готов, морил их голодом. Он вынудил этих потенциальных союзников Империи продавать ему даже своих детей в обмен на продовольствие, выделенное императором бесплатно для их снабжения. Эти коррупционные действия со стороны упомянутого чиновника спровоцировали опустошительное Готское восстание 377–382 гг., которое имело катастрофические последствия для Римского государства [3, кн. XXXI.IX.9].

В Средние века, например в Османской империи, коррупция не только процветала, но и была неотъемлемой частью так называемой «повседневности». На рубеже XVI–XVII столетий при тогдашнем аналоге будущего министерства финансов Османского государства возникла особая «бухгалтерия взяток», где специальные чиновники вели учёт взяток («бак-

шиша»), получаемых османскими чиновниками, и взимали с них налог в пользу государственной казны [4, с. 196]. Уже в XVII в. в Османском халифате можно было купить практически любую государственную должность. К примеру, должность господаря вассальных Стамбулу Молдавии и Валахии стоила до шести миллионов пиастров. Для сравнения: должность провинциального кади (мусульманского судьи) в Кайсери в середине указанного столетия оценивалась не выше 35 пиастров. Характерно, что никаких моральных ограничений у продавцов должностей не было и быть не могло. В упомянутом г. Кайсери человек, купивший должность кади, лишился её, так как эту должность снова продали. Не брезговали «бакшишем» и представители высшей стамбульской бюрократии, и чёрнокожие евнухи султанского гарема, и судьи. Совершенно не заботясь об интересах Высокой Порты, все они принимали взятки и от иностранных послов, охотившихся за государственными секретами, и от османских подданных, искавших для себя доходные места. Хорошо знавший жизнь Османской империи в середине XVIII в. французский дипломат и инженер барон де Тотт писал в своих воспоминаниях, что «первейшей заботой жителей деревни было сокрытие факта преступления от судей, приезд которых был более опасен, чем нашествие воров» [4, с. 101].

Коррупционные проявления присутствовали не только у османских, но и у средневековых европейских должностных лиц. Однако, коррупция и нравы, царившие при в эпоху папства Александра VI Борджиа (1431–1503), вызывали ужас и негодование современников. Нормой была «симония» – официальная продажа церковных должностей. Кроме того, средствами пополнения папской казны были реквизиции собственности римской знати и поставленное на поток отравление наиболее состоятельных кардиналов, имущество коих отходило по закону к великому понтифику. К чести папы Александра VI Борджиа требуется особо отметить, что на личные нужды он тратил меньшую часть доходов от продажи церковных должностей, направляя на укрепление Папского государства их большую часть.

Не будет преувеличением тезис о том, что в эпоху Нового времени, в XVII–XVIII столетиях, коррупция в европейских странах была неразрывно связана с фаворитизмом. Например, династия герцогов Мальборо возникла благодаря тому, что английская королева Анна (1665–1714) даровала герцогский титул Джону Черчиллю (1650–1722), мужу своей фаворитки Сары Черчилль (1660–1744). Используя титул и личные связи при дворе королевы, герцог и герцогиня Мальборо смогли, как сейчас говорят, «оказывать помощь» в решении различных вопросов на возмездной основе. Не вызывает сомнения, что первый герцог Мальборо прославил свой титул в качестве главнокомандующего британской армией на полях сражений Войны за Испанское наследство (1700–1714), но эта должность досталась бы иному лицу, не получи он герцогского титула и не будь его жена королевской фавориткой.

Ещё одним негативным явлением в Англии и во Франции была официальная продажа должностей, начавшаяся с XVII в. Свободно продавались и покупались места в парламенте, придворные чины и, что самое опасное, офицерские должности в армии и на флоте. Аналогичная практика была характерна и для Франции. Купля-продажа должностей стала нормой со времён короля Людовика XIV и продолжалась вплоть до Великой Французской революции 1789–1799 гг. Наиболее известным и довольно трагикомичным примером подобной неудачной покупки стало приобретение должности коменданта парижской королевской крепости-тюрьмы Бастилии маркизом де Лоне. В 1776 г. маркиз приобрёл эту должность, окупившуюся менее чем через три года, но уже в 1789 г. его голова была насажена на пику восставшим народом в первый же день революции.

Россия не стала исключением, ибо во все эпохи отечественной истории коррупция существовала в том или ином виде. В точном соответствии с тезисами М. Вебера и Д. Белла государственный или церковный аппарат традиционного общества закономерно порождал коррупцию. Достаточно вспомнить упомянутую выше «симонию», характерную и для русской церкви в XIV–XVII вв. Или же пресловутую «систему кормлений», когда вместо заработной платы чиновник («насельник») получал в «кормление» местность или населённый пункт, которым он же и управлял» [5, с. 309].

Преобразования императора Петра Великого привели не только к созданию Российской империи, к резкому расширению экономических и культурных контактов с другими странами, но и способствовали своеобразному «эволюционированию» форм и методов коррупционных проявлений. Очевидно, что никаким «насельникам» или «волостелям» были просто недоступны, например, коррупционные схемы светлейшего князя А.Д. Меншикова (1673–1729), имевшего дела с владельцами мануфактур, иностранными торговыми компаниями и банками, военными заказами и подрядами. С каждого такого «дела» он получал «откаты» или же «был в доле», не брезгуя и более мелкими «делами». По сообщению историка Н.И. Павленко, князь совершал регулярные «вояжи» по монастырям с целью продажи их настоятелям планов вражеских крепостей, взятых им «на шпагу». За три таких плана он требовал с игуменов не менее трёхсот рублей. Учитывая вес и размер петровских серебряных рублей можно предположить, что он получил никак не меньше пятилитрового ведра серебра. Исследователь Н.И. Павленко отмечал, что «планы завоёванных крепостей Шлиссельбурга и Выборга стали для него особой

статьёй дохода. Меншиков "с шапкой по кругу" объехал множество монастырей и посадских общин, что принесло ему, по собственному признанию, 19410 руб. "чистоганом"» [5, с. 54].

В XIX в., невзирая на невиданные экономические и социальные перемены, вызванные индустриальной революцией, огромная страна с 125-миллионным народом управлялись (до 1905 г.) династией Романовых-Гольштейн-Готторпов в точном соответствии с многовековыми традициями и устоями, характерными для традиционного общества.

Так, например, император Александр III, в отличие от германского императора Вильгельма I, отказался от любых преобразований и официально провозгласил опорой монархии не предпринимательские круги, а дворянство. В точном соответствии с феодальными устоями члены русской императорской фамилии обладали абсолютным правовым иммунитетом. Проще говоря, несколько десятков человек (65 чел. по состоянию на 1917 г.) не подлежали уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности, занимая высшие государственные и военные должности, курируя военно-промышленный комплекс и военные заказы. Закономерно, что всё это создавало идеальную среду для коррупционных проявлений, ибо ни о каком контроле общества за действиями властей (до появления Манифеста 1905 г.) и речи быть не могло. В итоге, вокруг трона постоянно обращались всевозможные «деятели», стремившиеся реализовать различные «проекты» [6].

К числу таких персонажей следует отнести статс-секретаря А.М. Безобразова (1853–1931), чьё желание «монетизировать» своё влияние на императора Николая II стало одной из важнейших причин крайне неудачной русско-японской войны (1904–1905). «Война за корейские дрова», как называли в народе русско-японский вооружённый конфликт, получила такое название из-за желания А.М. Безобразова и его сообщников получить доступ к ресурсам Кореи, относящейся как минимум с 1895 г. к сфере японских национальных интересов. Эта коррупционная группа принимала самое активное участие в создании так называемых «корейских лесных концессий», не забывая и о собственном обогащении. Используя влияние на монарха, действуя подкупами и угрозами в отношении различных должностных лиц, А.М. Безобразов и его сообщники привели страну на грань военно-политической катастрофы [2].

В советский период отечественной истории, несмотря на заявления одних идеологов о «новой эпохе в истории человечества», а других – о «сильной руке» и «твёрдой власти», коррупция никуда не исчезла, лишь «эволюционировав» в новых условиях. Во времена «военного коммунизма» и НЭПа за дачу взятки расстреливали. При «позднем» И.В. Сталине в 1948 г. к уголовной ответственности за коррупцию были привлечены семь членов Верховного Суда Советского Союза. Широкую известность во время правления Ю.В. Андропова получили так называемые «дело С.Ф. Медунова», «узбекское дело» и пр. Вместе с тем в условиях тотального дефицита товаров народного потребления и отсутствия институтов гражданского общества коррупция была частью советской «повседневности».

Подводя итог, отметим, что в современной России борьбе с коррупцией уделяется самое пристальное влияние со стороны органов государственной власти. Многочисленные коррупционные проявления пресекаются, а лица, их допустившие, привлекаются к юридической ответственности. К числу наиболее значимых документов, отражающих направленность противодействия коррупции, можно отнести: Национальную стратегию противодействия коррупции (утверждается Президентом РФ на 5 лет), Национальный план противодействия коррупции (утверждается Президентом РФ на 2 года), Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы РФ», Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», Федеральный закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в РФ» и др. Для кандидатов на замещение государственных и муниципальных должностей действуют ограничения, связанные с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства, а также ограничений, связанных с открытием и наличием счетов (вкладов), хранением наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владением или пользованием иностранными финансовыми инструментами.

Каждый субъект РФ, создавая нормативно-правовую базу, формирует свою систему противодействия коррупции с учетом основных направлений антикоррупционной политики государства. При этом, как свидетельствует исторический опыт, одними репрессивными мерами победить коррупцию невозможно. «Антикоррупционная политика государства может быть эффективной только в случае, если она опирается на высокий уровень общей и правовой культуры и правосознания граждан» [7, с. 343].

Авторы считают, что антикоррупционное законодательство Российской Федерации содержит достаточный правовой инструментарий для проведения эффективной борьбы с коррупцией. К сожалению, с учетом состояния криминогенной ситуации, приходиться констатировать весьма скромную реализацию борьбы с данным проявлением со стороны правоохранительных органов. Считаем, что имен-

но укрепление институтов гражданского общества и правового государства в сочетании с принципиальной и продуманной политикой государственной власти, способны сформировать нетерпимость к любым коррупционным проявлениям со стороны общества.

Литература:

1. Золотарёв А.Ю. Коррупция в традиционном обществе на примере России и Западной Европы в Средние века // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Т. 9. № 1. С. 93–96.
2. Синрельщиков Ю.П. Коррупция в России: история, состояние, причины, меры борьбы. URL: http://www.sinelschikov.info›documents›book
3. Аммиан Марцеллин. Римская история. URL: https://royallib.com/book/martsellin_ammian/rimskaya_istoriya.html
4. Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. 280 с.
5. Павленко Н.И. Полудержавный властелин. М.: Политиздат, 1991. 422 с.
6. Кизеветтер А. А. История России XIX в. В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во О-ва взаимопомощи студентов-филологов по зап. студента Ф. Юрьева, 1909. 144 с.
7. Щигорцова Е.С., Абдрахманова Л.В. Антикоррупционное воспитание молодежи как средство профилактики коррупционных правонарушений // Высшее и среднее профессиональное образование России: вчера, сегодня, завтра: Материалы 17-ой Межд. науч.-практ. конф., Казань, 23 мая 2023 г. – Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2023. С. 342–344.

The State and Corruption in Historical Retrospect: a Brief Essay

Fan-Jung G.Y., Shchigortsova E.S.
Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism

Abdrakhmanova L.V.
Kazan State University of Architecture and Engineering

The relevance of the article is determined by the fact that the problem of corruption has been and remains one of the most acute socio-economic problems not only in Russia, but also around the world, and is a serious obstacle to the development of all countries. This dangerous social phenomenon has its roots deep in the past and is connected with the traditions of society during the formation of statehood.

The purpose of the study is to analyze the features of corruption manifestations in various countries and identify the main ways to increase the effectiveness of countering this dangerous social disease in Russia.

The brief historical analysis of the problem under study conducted in the article not only confirms the existence of corruption in all states since their inception, but also proves that the presence of managerial structures in the state is inextricably linked with corruption components, differing only in the scale of their manifestation and the characteristic features of a particular state.

Corruption practices are facilitated not only by political and economic instability, underdevelopment and imperfection of the legislative framework, inefficiency of government institutions, weakness of civil society organizations and lack of strong democratic traditions, but also by a low degree of public participation in combating corruption, poor education of citizens regarding the choice of effective and rational ways to combat it. To activate people, to create an "anti-corruption front", it is necessary to start with each individual, who is formed in an atmosphere of intolerance, rejection of any manifestations of corrupt behavior.

Keywords: corruption, the state, Russian legislation, bribery, crime, punishment

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-272-276

Рефлексивная модель анализа цифровых компетенций университетских преподавателей

Бурганова Л.А.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Мягков Г.П.
Доктор исторических наук, профессор кафедры
теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Юрьева О.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ларионова Н.И.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и эконометрики
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье актуализируется необходимость учета специфики содержания цифровых компетенций в преподавательской профессии. Обоснована методология авторского исследования с опорой на количественную процедуру, в основе которой шкала Лайкерта как инструмент саморефлексии при выявлении установки людей по отношению к какой-либо проблеме. Представлены результаты эмпирического исследования уровня цифровой компетентности преподавателей, работающих в различных университетах г. Казани; осуществлено сравнение по областям профессиональной цифровой компетенции с учетом такого социально-демографического фактора, как пол.

Ключевые слова: *цифровые компетенции, цифровой университет, университетские преподаватели, саморефлексия, аттитюды, Европейская система цифровой компетентности педагогов всех уровней (DigCompEdu), Р. Лайкерт*

Для цитирования: *Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В., Ларионова Н.И. Рефлексивная модель анализа цифровых компетенций университетских преподавателей // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 272–276. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-272-276.*

В условиях повсеместного использования информационных технологий цифровая компетентность приобрела статус значимого фактора осуществления профессиональной деятельности во многих видах труда, в том числе в сфере высшего образования, в которой она стала одной из ключевых компетенций вузовского преподавателя. Именно она сегодня рассматривается как ключевое условие успешной адаптации преподавателей к реалиям цифрового университета 4.0, образ которого пока еще не приобрел статус до конца оформившегося концепта [1, с. 10]. Преобладает представление о цифровом университете («*digital university*») как о модели перехода на онлайн-обучение с применением различных глобально доступных и взаимодействующих цифровых сервисов, цифровых медиа, цифровых технологий управления (цифровая библиотека, цифровой кампус, электронная ведомость, электронный деканат, *LMS*-система [2, с. 92]) и еще ряда других технологий. Цифровой университет, однако, это не только альтернатива традиционному учебному заведению в технологическом отношении, он должен стать результатом глубокой трансформации самой сути образовательного процесса на основе разработки и внедрения новых подходов к обучению (смыслов, целей). Поэтому структура цифровых преподавательских компетенций имеет более сложную структуру по сравнению со многими другими сферами занятости, поскольку перед преподавателями стоит задача интегрировать и использовать информационные технологии в педагогической деятельности. Мы полагаем, что преподавателю выпала роль не субъекта, а агента цифровизации высшего образования, способного сыграть решающую роль в трансформации существующей образовательной системы на основе переоценки не только технологий обучения, но и его стратегических целей.

В отечественной и зарубежной литературе сложилось много подходов к интерпретации сущности цифровой компетентности преподавателя [3]. Один из наиболее популярных и используемых не только в ЕС изложен в Европейской системе цифровой компетентности педагогов всех уровней (*DigCompEdu*) [4], которая выделяет шесть различных областей компетенций, которыми должны обладать учителя, чтобы продвигать эффективные, инклюзивные и инновационные стратегии обучения с использованием цифровых инструментов. В США, а также во многих странах Евросоюза и других регионах мира действуют свои собственные рамочные программы повышения цифровой компетентности преподавателей в области ИКТ, однако они в большей мере ориентированы на довузовский уровень образования и в них слабо отражены требования к цифровой зрелости преподавателя высшей школы [5]. Практически во всех университетах мира, и Российские вузы в этом отношении не является исключением, в число важнейших аккредитационных показателей, оценивающих профессиональную компетенцию преподавателей, входит научно-публикационная активность и практически не отражены требования соответствия определенным критериям цифровой грамотности. Это во многом объясняет, почему до сих пор многие университеты, особенно региональные, не особо озабочены созданием материально-технической базы для внедрения цифровой образовательной среды, а преподаватели испытывают серьезные трудности в использовании внутренних университетских цифровых сервисов в образовательных и научных целях на бесплатной основе. А ведь преподавателю отводится ключевая роль в процессе интеграции профессиональных знаний и информационных технологий, что обязывает их повышать свой уровень владения цифровыми компетенциями. Тем более что недавний опыт работы университетов в режиме онлайн в условиях пандемии *COVID*-19 наглядно подтвердил необходимость повышения цифровой компетентности преподавателей, овладения ими навыков использования цифровых сервисов и цифровых технологий управления для организации учебного процесса, поддержания эффективных коммуникаций со студентами в условиях перехода на дистанционный формат обучения. Многочисленные исследования, осуществленные российскими и зарубежными авторами, опыта применения преподавателями университетов цифровых коммуникаций в условиях пандемии и после нее, позволили выявить проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться, а также проследить эволюцию их отношения к использованию ИКТ [6–11].

Целью данной статьи является выявление уровня цифровой компетентности преподавателей, работающих в различных университетах г. Казани, их сравнение по областям компетенции с учетом социально-демографических факторов.

Методология исследования опиралась на количественную процедуру, в основе которой метод суммарных оценок шкалы Лайкерта, которая считается одним из наиболее эффективных инструментов для измерения аттитюдов и мнений, и обычно используется как инструмент саморефлексии при выявлении установки людей по отношению к какой-либо проблеме. Инструментом такой самооценки стала анкета на тему «Цифровые компетенции препо-

давателей», в основе которой требования к набору цифровых компетенций, изложенные в европейской платформе *DigCompEdu*. В рамках этой методологии уже осуществлен ряд исследований уровня развития цифровых профессиональных компетенций школьных учителей за рубежом[1].

Опрос проводился с помощью сервиса онлайн-анкетирования на платформе Анкетолог в сентябре 2024 г.; опрос анонимный. Анкета содержит 18 вопросов, в совокупности отражающих шесть областей профессиональных цифровых компетенций: 1. Использование ИКТ для работы с коллегами (вопрос № 1); 2. Использование цифровых каналов для улучшения общения (вопрос № 2); 3. Развитие цифровых компетенций (вопрос № 3); 4. Использование веб-сайтов и стратегий поиска (вопрос № 4); 5. Использование собственных образовательных ресурсов (вопрос № 5); 6. Защита конфиденциального контента (вопрос № 6); 7. Использование ИКТ для взаимодействия со студентами (вопросы № 7–9); 8. Цифровое оценивание и анализ данных студентов (вопросы № 10–11): 9. ИКТ для индивидуализации и активного участия студентов (вопросы № 12–15): 10. Оценка надежности информации и безопасное поведение в интернете (вопросы № 16–17); 11. Творческое использование ИКТ (вопрос № 18). На каждый вопрос есть 5 вариантов ответа: «полностью несогласен», «частично несогласен», «частично согласен», «согласен», «полностью согласен», которые в представленной прогрессии оцениваются от 0 до 4 баллов.

Выборка неслучайная (целенаправленная) с элементами квотной, так как было важно обеспечить более или менее пропорциональное представительство в ней признаков генеральной совокупности по полу, возрасту, статусной позиции и стажу работы в сфере высшего образования. Исследование можно отнести к категории разведывательного, поскольку в ходе него мы отобрали относительно небольшую группу респондентов – 102 преподавателя, осуществляющих занятия на социальных и гуманитарных направлениях бакалавриата и магистратуры. В выборке представлены преподаватели четырех вузов Республики Татарстан: Казанский федеральный университет, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова, Казанский аграрный университет.

Половозрастной состав опрошенных преподавателей: 102 чел., среди них 70 чел. (68,5 %) – женщины, 32 чел. (31,5 %) – мужчины. Общее количество респондентов по возрасту: от 20 до 25 лет – 7 чел. (6,7 %), от 26 до 30 лет – 17 чел. (16,7 %), от 31 до 35 лет – 20 чел.(20,01 %), от 36 до 40 лет – 5 чел. (5,0 %), от 41 до 45 лет – 10 чел. (10,0 %), от 46 до 50 лет – 9 чел. (8,30 %), от 51 до 55 лет – 14 чел. (13,3 %), от 56 до 60 лет – 3 чел. (3,0 %), от 61 до 65 лет – 7 чел. (6,70 %), от 66 до 70 лет – 3 чел. (3, 0 %), от 71 и выше – 7 (6,7 %).

Анализ данных. Для проведения анализа данных использовался язык программирования *Python* в среде *Jupiter Notebook*. Основными инструментами для анализа и визуализации данных стали следующие библиотеки: *Pandas* – для работы с табличными данными, *Matplotib* – для построения графиков, таких как столбчатые диаграммы.

Результаты исследования. Были проанализированы различия в вышеуказанных шести областях компетенций преподавателей в соответствии с социально-демографическими переменными: полом, статусом занятости, возрастом и уровнем образования. Учитывая рамки статьи, мы ограничимся в данной публикации анализом лишь одной переменной – полом. Средние значения оценок по полу отражены на рисунке 1.

Из рисунка 1 видно, что общие тенденции распределения ответов по большинству вопросов практически совпадают между мужчинами и женщинами. Однако наблюдаются несколько явных различий:

1. Ответы на 5-й и 6-й вопросы демонстрируют более низкие средние оценки у женщин-преподавателей по сравнению с коллегами-мужчинами, что может свидетельствовать о гендерных различиях в восприятии данных аспектов использования ИКТ.

2. Ответы на вопрос № 11 показывают противоположную картину, где женщины – преподаватели значительно выше оценивают свою активность или результаты по сравнению со своими коллегами мужского пола.

3. В ответах на вопросы № 1–4 даны весьма сбалансированные оценки, демонстрирующие сход-

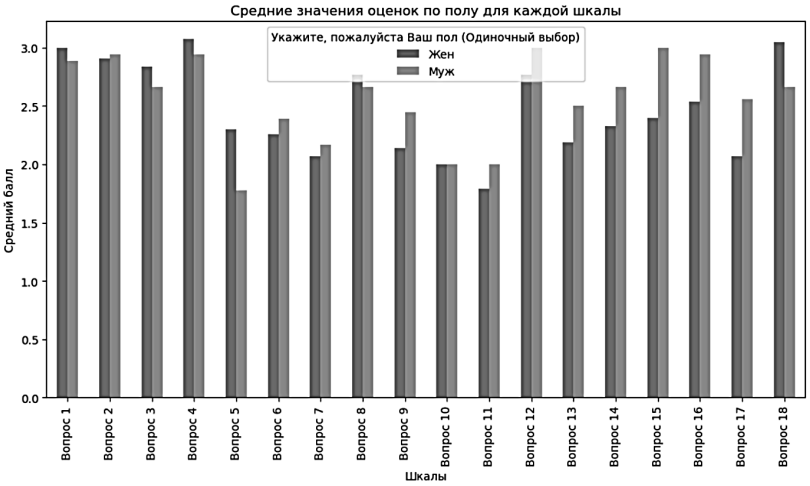

Рис. 1. Средние значения оценок по полу для каждой шкалы

[1] Об опыте использования данного опросника для исследования профессиональных компетенций школьных учителей, в частности, в Перу [см.: 12].

ство как отношения, так и опыта использования цифровых технологий межу преподавателями обоих полов.

4. Ответы на вопросы № 7–10 и 12–18 фиксируют более высокие средние оценки по отдельным аспектам, что может указывать на более активное использование ИКТ среди женской части респондентов.

Таковы общие тенденции в аттитюдах преподавателей обоих полов к использованию ИКТ. Более детальный анализ распределения их оценок в отношении этой проблемы по критерию пола осуществим сквозь призму ключевых тем, представленных в опроснике.

Так, в ответах на *вопрос № 1*, касающийся проблемы использования ИКТ для работы с коллегами, был выявлен достаточно высокий балл как среди мужчин, так и женщин, что говорит о том, что это стало универсальной практикой для всех преподавателей независимо от половой принадлежности. *Вопрос № 2* был посвящен проблеме использования каналов для улучшения общения. В ответах на этот вопрос также не были выявлены различия между мужчинами и женщинами, которые в равной степени высоко оценили свою активность в использовании цифровых инструментов как со студентами, так и с коллегами. В ответах на *вопрос № 3* об отношении к развитию своих цифровых компетенций заметен разрыв в оценках мужчин и женщин в пользу последних, что может свидетельствовать о более сильной мотивации к использованию ИКТ со стороны преподавателей-женщин. Также чуть более сильную ориентацию на использование цифровых ресурсов для поиска информации, судя по ответам на *вопрос № 4*, посвященный использованию вебсайтов и стратегий поиска, продемонстрировали представительницы прекрасного пола. Еще больше различий по половому критерию мы увидели в ответах на *вопрос № 5*, посвященный установке преподавателей на использование собственных образовательных ресурсов: мужчины скорее всего меньше, чем их коллеги-женщины, вовлечены в процесс создания и модификации учебных материалов. В ответах на *вопрос № 6*, посвященный отношению к защите конфиденциального контента, выявлено почти одинаковое понимание важности и необходимости учета проблемы кибербезопасности среди представителей обоих полов, и все же доля женщин-преподавателей, имеющих установку на ответственное использование цифровых технологий, преобладает. Аналогичные умеренные различия мы увидели и в ответах на *вопросы № 7–9*, посвященные установке преподавателей на использование ИКТ для взаимодействия со студентами. Женщины более активно вовлекают студентов в использование ИКТ для планирования и самостоятельного контроля обучения.

Ответы на *вопрос № 11*, выявляющий отношение к цифровому оцениванию и анализу данных студентов, также показывают чуть более выраженную заинтересованность женщин в использовании цифровых инструментов в мониторинге знаний студентов. Та же самая тенденция прослеживается и в ответах преподавателей на последующие вопросы анкеты. Женщины, как видно из ответов на *вопросы № 12–15*, более активно используют ИКТ для вовлечения студентов в занятия и создания возможностей для индивидуального подхода в обучении. Они, возможно, придают большее внимание, чем их коллеги-мужчины, обучению студентов безопасному и ответственному поведению в интернете, а также оценке достоверности информации (*вопросы № 16–17*). Ответы на *вопрос № 18* об установке преподавателей на призыв к творческому использованию студентами ИКТ также показывают более высокие показатели включения креативных элементов в образовательный процесс среди женщин.

Таким образом, по итогам эмпирического исследования преподавателей вузов выявлены различия на приобретение, использование и развитие цифровых компетенций в профессиональной деятельности. Отмеченные особенности аттитюдов преподавателей могут быть связаны с различными паттернами их использования и не иметь никакого отношения к их гендерной специфике. Например, на характер установки преподавателей могут оказывать влияние особенности их профессиональной деятельности, специфические условия работы и пр. Для более глубокого понимания этих различий целесообразно провести дополнительные исследования с использованием статистических методов, таких, например, как *t*-тест или регрессионный анализ.

Литература

1. Банных Г.А., Костин С.Н. Цифровой университет: подходы к концептуализации понятия // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 10. С. 10–32. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-10-10-32.
2. Кузина Г.П. Концепция цифровой трансформации классического университета в «цифровой университет» // E-Management. 2020. № 2. С. 89–96. DOI: 10.26425/2658-3445-2020-2-89-96.

3. Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Цифровая компетентность преподавателей: теоретико-методологические подходы исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 124–126.
4. Redecker C. European Framework for the Digital Competence of Educators: DigCompEdu. Luxembourg: Publications Offce of the European Union, 2017. 95 p. DOI: 10.2760/159770, JRC107466.
5. Basilotta Gómez Pablos V., Matarranz M., Casado Aranda L. A., Otto A. Teachers' digital competencies in higher education: a systematic literature review // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2022. Vol. 19. № 8.
6. Аналитический доклад: «Уроки стресс-теста»: вузы в условиях пандемии и после нее. 2020. URL: https://www.hse.ruhttps://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003Доклад.pdf
7. Аналитический доклад «Высшее образование: уроки пандемии Оперативные и стратегические меры по развитию системы». 2020. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1682531101&tld=ru&lang=ru&name=аналитический%20доклад_для_МОН_итог2020.pdf&text=Аналитический%20доклад
8. Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Готовность вузовских преподавателей к работе в цифровой образовательной среде: компетентностный подход // Вестник экономики, права, социологии. 2021. № 2. С. 67–72.
9. Волков С.К. Опыт региональных вузов в организации дистанционного обучения: первые итоги // Информационное общество. 2020. № 4. С. 52–62.
10. Portillo J., Garay U., Tejada E., Bilbao N. Self-perception of the digital competence of educators during the COVID-19 pandemic: A cross-analysis of diferent educational stages // Sustainability. 2020. № 12(23). P. 1–13. https://doi.org/10. 3390/su122310128
11. Sales D., Cuevas-Cerveró A., Gómez-Hernández J.A. Perspectives on the information and digital competence of social sciences students and faculty before and during lockdown due to covid-19 // Profesional De La Información. 2020. № 29(4). P. 1–20. https://doi.org/10.3145/epi.2020.jul.23
12. Dias-Trindade S., Moreira J.A., Nunes C. Escala de autoavaliação de competências digitais de professors [Teachers' digital skills self-assessment scale] // Procedimentos de construção e validação. Texto Livre. 2019. № 12(2). P. 152–171. https://doi.org/10.17851/1983-3652.12.2.152-171

A Reflexive Model for Analyzing the Digital Competencies of University Teachers

Burganova L.A.
Kazan (Volga Region) Federal University
Myagkov G.P.
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
Yurieva O.V., Larionova N.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article actualizes the need to take into account the specifics of the content of digital competencies in the teaching profession. The specifics of the application of the methodology of the author's research based on a quantitative procedure based on the Likert` scale as a tool for self-reflection in identifying people's attitudes towards a problem are substantiated. The results of an empirical study of the level of digital competence of teachers working at various universities in Kazan are presented; a comparison is made by areas of professional digital competence, taking into account such a socio-demographic factor as gender.

Keywords: digital competencies, digital university, university teachers, self-reflection, attitudes, European System of digital competence of teachers of all levels (DigCompEdu), R. Likert

УДК 339.982
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-277-281

Китайский опыт управления экономикой*

Машков В.Д.
Председатель
Автономной некоммерческой организации «Русский мир» (Казань),
академик Петровской академии наук и искусств

Статья содержит аналитику организационной роли руководства Коммунистической Партии Китая в успешном использовании для развития китайской экономики деиндустриализации Запада, вызванной отменой золотого стандарта и переходом на эмиссию по сути фальшивой валюты.

Отмечается, что столь замечательная экономическая политика смогла осуществляться руководством Коммунистической Партии Китая более всего благодаря скрупулёзно изученному и творчески осмысленному опыту индустриализации советской экономики под руководством Ленина и Сталина, особенно в привлечении иностранных фирм, содействии коммерческим отечественным компаниям, жёстком пресечении коррупции, и активном заимствовании передовых технологий со всего мира.

Отмечается неуклонная приверженность современного руководства Коммунистической Партии Китая достижению коммунизма.

Ключевые слова: *китайское экономическое чудо, деиндустриализация Запада, экономический опыт Китая, экономическая политика руководства Китая*

Для цитирования: *Машков В.Д. Китайский опыт управления экономикой // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 277–281. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-277-281.*

Когда Китай выдвинулся в мировые лидеры по экономическому развитию, российские учёные-экономисты стали уделять большое внимание изучению *китайского экономического чуда*. Обычно, акцентируют внимание на том, что в Китае успешно сочетаются государственное управление экономикой и рыночные свободы; как там успешно реализуются грандиозные планы макроэкономического развития, и как прекрасно работают коммерческие фирмы. От такой аналитики создаётся впечатление, что стоило руководству Китая разрешить крупное коммерческое предпринимательство, и развитие экономики стремительно ускорилось. Однако, не даётся ответов, на сразу возникающие вопросы:

1. Как в бедном Китае появились громадные средства для оснащения производств практически всех товаров, производящихся в остальном мире?

2. Как в Китае за столь краткий срок сформировался столь многочисленный контингент столь успешных коммерсантов, сумевших: изучить спрос на практически все производящиеся в остальном мире товары; решить, кому какие товары производить; изыскать большие средства на создание и развитие производств; организовать производства и сбыт столь громадного ассортимента товаров в громадном количестве на удовлетворение мирового спроса? И всё это – в условиях жёсткой конкуренции на мировом рынке.

3. Почему китайские коммерсанты, в отличие от новоявленных в России (новых русских), не разворовывают попавшие в их распоряжение громадные средства, а квалифицированно употребляют на созидательное дело?

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

4. Как и какими органами формируются производственные программы крупным коммерческим фирмам Китая?

5. Какие в управлении китайской экономикой задействованы информационно-вычислительные сети, с какими информационными банками данных, какие они решают задачи?

На первый вопрос часть ответа дают мексиканский миллиардер Уго Салинас Прайс и канадский экономист Анталь Фекете. Они пишут, что отмена золотого стандарта и связанный с этим переход Западного мира на эмиссию по сути фальшивой валюты стали «причиной деиндустриализации Запада … местные фабрики Западного мира были вынуждены переместиться в Азию, чтобы использовать дешёвую рабочую силу и иметь возможность попрежнему продавать свою продукцию на Западе… Никто не способен конкурировать с Китаем по цене … *Отмена золотого стандарта стала лучшим стратегическим подарком Китаю… Сегодня Китай обладает колоссальной промышленной базой, которая могла строиться веками, в то время как США по большей части лишились своих фабрик*» (курсив – авторов; по контексту видно, что слово фабрики здесь означает любые производственные предприятия – ***М.В.Д.***) [1].

Таким образом, часть ответа на первый вопрос заключается в следующем:

Оснащение производств громадного ассортимента товаров в громадном количестве поступало и поступает в Китай вместе с устремившимися в него за дешёвой рабочей силой предприятиями Запада, переживающего деиндустриализацию.

Отсюда следует часть ответа и на второй вопрос: как в Китае за столь краткий срок сформировался столь многочисленный контингент столь успешных коммерсантов

А именно, **вся продукция переместившихся в Китай иностранных предприятий производилась и производится без выполнения китайскими коммерсантами работ по изучению спроса на какие бы то ни было товары, решений о том какие товары производить, по изысканию средств на создание и развитие производства, по организации производства и сбыта.**

Все эти работы выполнялись и выполняются управленцами иностранных предприятий, переместившихся в Китай.

Теперь отметим хорошо известное: **благоприятные условия для западных предприятий для переезда в Китай и развития отечественных коммерческих предприятий созданы по решению руководства Коммунистической Партии Китая** (далее – КПК).

Но чтобы перемещение предприятий с Запада шло во благо, а не в ущерб Китаю, необходимо было выработать выгодные Китаю условия открытия иностранных предприятий и их дальнейшей деятельности. А чтобы и свои коммерческие предприятия работали во благо, а не в ущерб Китаю, также необходимо наработать соответствующие условия их открытия и дальнейшей деятельности. И эта трудоёмкая законодательная работа, требующая патриотизма, неподкупности, высокой хозяйственной квалификации, выполнена руководством КПК.

Из этого следует еще ряд вопросов: Какой части из устремившимися в Китай зарубежных предприятий было отказано в этом, и по каким основаниям? Какие из них после начала работы в Китае выдворены из него, и по каким основаниям? Какой части китайских заявителей на открытие коммерческих предприятий отказывается в этом, и по каким основаниям? Какую часть открывшихся китайских коммерческих предприятий потом закрыли, и по каким основаниям?

Ответов на эти вопросы найти не удалось. Но ясно, что и в соответствующей надзорной работе необходимы патриотизм, неподкупность, высокая хозяйственная квалификация. Такие личностные и коллегиальные качества в Китае формирует КПК.

По установленным руководством КПК законам чиновники привлекаются к жёсткой ответственности за коррупцию, вплоть до публичных расстрелов. Например, за 2000-е гг. в Китае только за коррупцию расстреляно 10 тыс. чиновников [2].

Продолжая отвечать на первый вопрос, можно констатировать, что **в результате выгодного для Китая задействования перемещающихся в него зарубежных предприятий появляются средства и на развитие его отечественных предприятий, в том числе коммерческих.**

Ясно, что работа переместившихся в Китай иностранных фирм стала не только источником средств для развития китайских предприятий, но и школой для формирования их управленцев, в том числе – коммерсантов. Однако, это такая школа, где можно научиться успешному созиданию и успешному стяжательству. Какой из этих двух наук учиться в этой школе, определяется только внутренней, как говорят психологи, *интринсивной* мотивацией. Внутреннюю мотивацию учиться у иностранных фирм созиданию, а не стяжательству формирует тоже КПК.

В этом – оставшаяся часть ответа на второй и часть ответа на третий вопросы.

Но и при этом всём трудно представить, чтобы взращённые даже в большом количестве китайские коммерсанты смогли изучить мировой спрос и организовать производство и сбыт в столь больших объёмах громадного ассортимента товаров, какие производятся в коммерческом секторе китайской экономики. Здесь представляется наиболее вероятным следующий подход к делу.

Информационные банки данных со сведениями о практически всех производящихся в мире то-

варах, вплоть до американских государственных флагов, о выпускающих предприятиях, о крупных закупщиках, о выпускаемых количествах и применяемых технологиях, создавались централизованно, и так же централизованно отслеживаются. Сейчас наибольшая часть таких сведений есть в интернете. Раньше их можно было получать от вездесущих китайских диаспор.

Большие объёмы работ по расчётам и составлениям бизнес-планов для организации производств выполняются тоже централизованно.

Централизованно подбираются успешные организаторы производств и ставятся в руководство коммерческих, *по юридической форме*, предприятий, которые будут производить товары согласно этим бизнес-планам.

Под создание производств тоже централизованно выделяются средства, согласно тем же бизнес-планам. Затем централизованно контролируется целевое расходование средств и выполнение запланированных сроков развития производств.

Такой представляется оставшаяся часть ответа на третий вопрос.

В итоге получается, что планирование и контроль выполнения планов происходит централизовано, а коммерческие, *по юридической форме*, предприятия выполняют их. Этот порядок не исключает создания и развития производств по инициативе действующих или будущих коммерсантов, но маловероятно, что этот путь основной в развитии китайского коммерческого сектора.

Выходит, что китайские планирующие органы стали в значительной мере органами управления и мировой экономикой, причём созидательного, в отличие от ущербного для мировой экономики управления ею мировой финансовой олигархией. Руководство Китая официально выступает с политэкономическими инициативами глобального масштаба. В марте 2013 г. в первый зарубежный визит Си Цзиньпина как главы Китая (демонстративно нанесённый в Москву), он, выступая в МГИМО, впервые огласил концепцию «создания сообщества единой судьбы человечества». Вскоре состоялась его поездка в США, где была выдвинута концепция «новых отношений крупных государств». В сентябре того же года в Астане им была выдвинута инициатива создания «Экономического пояса Шёлкового пути», а спустя еще несколько месяцев её дополнила концепция «Морского шёлкового пути XXI века» [3].

Для получения ответов на четвёртый и пятый вопросы, необходимо изучать китайский опыт не столько учёным экономистам, как правило, – теоретизирующим финансистам, а, прежде всего, квалифицированным и успешным организаторам крупных производств. Таких в России немало, есть, например, в Государственной корпорации «Росатом». Они способны досконально разобраться в китайском экономическом чуде и выделить в нём то, что необходимо перенимать.

Отметим, что по ходу задействования во благо Китая иностранных и китайских коммерческих предприятий выполняется навязчивое требование Запада: **государство не должно вмешиваться в управление экономикой.** В «переводе» это значит: **экономика страны должна быть отдана на разграбление мировой финансовой олигархии и своим спекулянтам.** То, что китайской экономикой управляет не столько государство, сколько Коммунистическая Партия Китая, Запад, или не замечает, или вынужден терпеть.

Сказанное выше о китайском опыте приводит к следующим выводам:

Руководство КПК гениально воспользовалось деиндустриализацией Запада с переходом его к эмиссии по сути фальшивой валюты и употребило во благо своей страны громадный производственный потенциал перемещающихся с Запада в Азию предприятий с целью использовать здесь дешёвую рабочую силу.

Руководство КПК жёсткими мерами пресекает коррупцию, чтобы исключить подкуп китайских чиновников коммерсантами.

Руководство КПК на получаемые доходы с деятельности иностранных предприятий развило передовое отечественное производство.

Руководство КПК использовало иностранные предприятия как школу управления для формирования большого контингента квалифицированных отечественных хозяйственников, в том числе коммерсантов.

Руководство КПК организовало активное изыскание во всём мире прогрессивных научно-технических наработок для освоения в отечественном производстве.

Необходимо особо подчеркнуть:

Каждое из названных действий руководства КПК – неотъемлемая часть китайского экономического опыта, без которой достигнутый прогресс китайской экономики был бы невозможен.

Встаёт ещё вопрос: как у руководства КПК получилось осуществить столь замечательную и сложную экономическую политику? Ответ может быть только один:

Столь замечательную экономическую политику руководство КПК смогло осуществить благодаря скрупулёзно изученному и творчески осмысленному опыту индустриализации советской экономики под руководством В.И. Ленина и И.В. Сталина, особенно в привлечении иностранных фирм, содействии коммерческим отечественным предприятиям, жёстком пресечении коррупции и активном заимствовании передовых технологий со всего мира.

Другого созидательного опыта для такой политики перенять было неоткуда, а проводить её без опыта невозможно. Тем более, имея дело с непревзойдённым мастерством западных «фирмачей» в подкупе государственных чиновников, в юридических и финансовых махинациях с целью наживы.

В силу многих исторических обстоятельств, внутренних и внешних, в Китае не сформировался народно-хозяйственный комплекс, как в СССР за период индустриализации. Но вряд ли руководство КПК считает это преимуществом.

Мексиканский миллиардер Уго Салинас Прайс и канадский экономист Анталь Фекете отмечают: «Сегодня Китай и другие крупные азиатские экспортеры запоздало осознали, что доллары, которые они получали как "плату" за свои огромные экспортные объемы, не представляют из себя ничего, кроме цифр в американских компьютерах. Если китайцы не будут идти на уступки, нью-йоркские банкиры сотрут эти цифры за полчаса и Китай останется без резервов… Китаю от них никакой пользы, они не обладают реальной стоимостью, а китайцы не знают, как от них избавиться в обмен на что-то стоящее; эти резервы – просто цифры в компьютерах Западного мира» [1].

Наш экономист-международник Валентин Катасонов отмечает: «Минфин США и Госдеп США время от времени сообщают, что Китай вполне аккуратно исполняет все санкционные требования коллективного Запада в отношении России. И к Пекину у Вашингтона никаких претензий по части антироссийских санкций нет… Сегодня проявляются негативные последствия многолетнего привлечения Пекином иностранного капитала в китайскую экономику, несмотря на всю осторожность в этом деле руководителей КПК. Выходит, что Китай не столь уж суверенное государство, как кому-то кажется. Выясняется, что китайская экономика управляется не только из Пекина, но и из штаб-квартир корпораций тех стран, которые ввели санкции против России» [4].

Как видим, китайская экономика, в отличие от народно-хозяйственного комплекса СССР до рыночной реформы, попала в опасную зависимость от Запада. Китаю ещё предстоит нелёгкая борьба с ним за свой экономический суверенитет.

Теперь о значении коммунистической идеологии в Китае.

Вот слова Си Цзиньпина из его статьи в преддверии XX съезда КПК, прошедшего в октябре 2022 г.: «***КПК с момента своего основания сделала идею воплощения коммунизма своим высшим идеалом и конечной целью***» [5].

Ранее, когда в 2012 г. Си Цзиньпин впервые возглавил КПК, он заявил: «***Пренебрегать историей СССР и КПСС, пренебрегать Лениным и Сталиным равноценно пагубному историческому нигилизму***». В канун 65-й годовщины (2018 г.) со дня кончины Сталина Си Цзиньпин сказал так: «***Считаю, что для настоящих коммунистов И.В. Сталин по значимости своей деятельности и личности не меньше В.И. Ленина. А по проценту правильных решений ему вообще нет равных в мировой истории***» [6].

Есть такие слова Си Цзиньпина: «До сих пор идеи Ленина остаются актуальными для китайских коммунистов … для партии знакомство с трудами В.И. Ленина и И.В. Сталина – обязательное условие и в 2021 году» [7].

В 2019 г. на пленуме ЦК КПК принято решение учредить новый государственный праздник – ***День Сталина***, который будет отмечаться в день его рождения. Си Цзиньпин сказал: «***Большинство граждан КНР и так отмечали день рождения И.В. Сталина, теперь это официальный выходной. Такой выдающийся деятель должен быть удостоен наивысших почестей***» [8].

Таким образом:

Непреклонное устремление к коммунизму, массовое изучение трудов В.И. Ленина и И.В. Сталина, высокое почитание их – это тоже атрибуты китайского экономического чуда, к тому же достойные заимствования нашей страной.

Ибо для китайского народа В.И. Ленин и И.В. Сталин – зарубежные мыслители и политики, а для нашей страны они – отечественные, и входят в то, что составляет великую гордость нашего Отечества перед всем миром.

Осталось отметить очевидное: успешный китайский опыт централизованного управления экономикой и опыт децентрализации управления советской экономикой, с коммерциализацией советских предприятий по наущению Запада, что привело к катастрофическим для нашей страны последствиям, – это диаметрально противоположные опыты по результатам, да и по замыслам.

Сейчас творчески осмысленный китайский опыт управления экономикой актуально перенимать России и большинству стран на территории СССР в процессе развития евразийской интеграции.

Литература:

1. Уго Салинас Прайс (Hugo Salinas Price), Анталь Фекете (Antal E. Fekete) Золотой стандарт – создатель и защитник рабочих мест 2010. URL: https://goldenfront.ru/articles/view/zolotoj-standart-sozdatel-i-zashitnik-rabochih-mest/
2. Овчинников В. С 2000 года в Китае за коррупцию расстреляно 10 тысяч чиновников. URL: https://rg.ru/2009/06/25/korrupcia.html
3. Тавровский Ю. Глобальное измерение идей Си Цзиньпина. Система теоретических концепций, а также основанных на них долгосрочных планов и практических стратегий. URL: https://zavtra.ru/blogs/global_noe_izmerenie_idej_si_tczin_pina
4. Катасонов В. Кто управляет китайской экономикой – компартия или кто-то ещё? URL: https://www.fondsk.ru/news/2022/07/13/kto-upravljaet-kitajskoj-ekonomikoj-kompartia-ili-kto-to-esche.html 15.12.2023
5. Тавровский Ю. После XX Съезда – больше социализма. URL: https://zavtra.ru/blogs/posle_hh_s_ezda_bol_she_sotcializma
6. Сурин С. Си Цзиньпин: «Сталин по значимости не меньше Ленина…». URL: https://newsland.com/post/6550326-si-tszinpin-stalin-po-znachimosti-ne-menshe-lenina
7. Как глава Китая Си Цзиньпин оценивает Сталина и Ленина. URL: https://dzen.ru/a/X_ftR_5OaG9q8FMb
8. Кирсанов Н. Китайцы защищают Сталина. URL: https://proza.ru/2020/01/11/1435

Chinese Experience in Economic Management

Mashkov V.D.
Autonomous Non-profit Organization «Russian World» (Kazan)

The article contains an analysis of the organizational role of the leadership of the Communist Party of China in the successful use of the deindustrialization of the West for the development of the Chinese economy, caused by the abolition of the gold standard and the transition to the issue of essentially counterfeit currency. It is noted that such a remarkable economic policy was able to be implemented by the leadership of the CPC most of all thanks to the scrupulously studied and creatively meaningful experience of the industrialization of the Soviet economy under the leadership of Lenin and Stalin, especially in attracting foreign firms, promoting commercial domestic ones, tough suppression of corruption, and active borrowing of advanced technologies from around the world. The unwavering commitment of the modern leadership of the CPC to achieving communism.

Keywords: the Chinese economic miracle, the deindustrialization of the West, the economic experience of China, the economic policy of the Chinese leadership

УДК 332.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-282-288

Земельные отношения и земельные ресурсы в условиях информационной экономики*

Вахитова Т.М.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и эконометрики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Гаделшина Л.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и эконометрики
Казанского (Приволжского) федерального университета

В современном мире земля играет ключевую роль как экономический ресурс и источник ренты. Это обусловлено ее ограниченным количеством и значимостью для различных отраслей экономики. Именно поэтому изучение научных основ земельных (рентных) отношений является актуальной и важной задачей. Особое внимание уделяется земельным информационным системам в современной экономике, их роли и значению. Анализируются тенденции развития земельных отношений в новых условиях, основные направления и современные тенденции регулирования земельных отношений земельных отношений на региональном и муниципальном уровнях, а также перспективы и возможности развития земельных отношений в информационной экономике.

Ключевые слова: *земельная рента, земельные отношения, информационная экономика*

Для цитирования: *Вахитова Т.М., Гаделшина Л.А. Земельные отношения и земельные ресурсы в условиях информационной экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 282–288. DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-282-288.*

Земельные отношения представляют собой целый комплекс находящихся в диалектическом единстве отношений, возникающих между субъектами земельного права по поводу владения, распоряжения и пользования землей. Являясь базисом производственных отношений, они активно влияют на развитие производительных сил, замедляют или ускоряют процесс производства. В любую историческую эпоху земельные отношения были результатом земельной политики, которая всегда находилась в центре внимания общества, государства и политиков.

Целями развития и совершенствования земельных отношений как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе должны быть повышение эффективности сельскохозяйственного производства и обеспечение продовольственной безопасности; охрана и повышение производительного

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

потенциала, приостановка деградации и повышение плодородия почвы; обеспечение экологической безопасности. Для понимания путей достижения этих целей необходимо теоретическое обоснование и разработка методических подходов к формированию системы земельных отношений в современной информационной экономике. Поэтому весь комплекс основных частей – институциональных, экономических, информационных – системы регулирования земельных отношений должен быть адаптирован к современным условиям.

Рентные отношения детально стали анализироваться экономистами достаточно давно. Обобщения и выводы сформулированы в трудах Д. Рикардо, К. Маркса, А. Маршалла и др. Земельная рента – доля продукта земли, уплаченная за пользование первоначальными и не разрушаемыми силами почвы. Но в тоже время рента – не результат изобильного плодородия земли, а последствие ее скудности, которое выражается в недостатке высокоплодородных земель и необходимости возделывать скудные по плодородию участки [1, с. 108]. А. Маршалл отмечал: «Нехватка земли при отсутствии неравномерности ее плодородия порождает ренту» [2, с. 118]. Но, далее продолжая, «...с точки зрения индивидуального производителя земля является лишь особой формой капитала» [2, с. 122].

Современные аграрные отношения складываются в иных условиях, чем аналогичные в XIX – первой половины XX вв. Соответственно, земельно-рентные отношения имеют свои особенности, связанные в том числе с процессами информатизации. Значительную роль в земельно-рентных отношениях играют формы и правомочия собственности на землю. Поскольку регулирование отношений собственности – это институциональная сфера, государство может предоставить собственнику земли правомочия в полном объеме, а может ввести практически любые ограничения, которые сочтет полезными для производства и для развития общества в целом [3, с. 185].

Большое значение имеют вопросы информационного обеспечения управления земельными ресурсами в Российской Федерации. На сегодняшний момент информацию о качественном состоянии сельскохозяйственных земель землепользователь может получить из разных источников государственных органов и ведомств.

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) – важнейшее звено при управлении земельными ресурсами, так как там сосредоточена информация по всем объектам управления. Именно база данных Росреестра является основой для управления земельными ресурсами, на которую должны накладываться дополнительные сведения, находящиеся в других органах и ведомствах, участвующих в управлении. Неотъемлемой частью источника информации, обеспечивающего процесс управления земельными ресурсами, являются данные Единого государственного реестра недвижимости и сведения, полученные в результате проведения землеустройства [4, с. 143]. В структуре управления земельными отношениями большое значение придается муниципальным образованиям. В этом видится реализация прямого взаимодействия между органами власти и гражданами, а с другой стороны, возложение на местные муниципалитеты задачи по решению наиболее насущных проблем жителей: управление и распоряжение земельными ресурсами и муниципальным имуществом, градостроительство, социальное обеспечение, дошкольное и школьное образование, экономика и торговля, развитие инженерно-коммунальной и дорожно-транспортной инфраструктуры и т.д. Очевидно, что в числе объективных факторов, определяющих эффективность деятельности органов местного самоуправления, на первом месте стоит качество информационного обеспечения. В данной сфере наблюдаются реализуемые государством масштабные мероприятия, такие как создание автоматизированной системы кадастрового учета и регистрации недвижимости – Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), информационных систем обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД), введение механизмов обязательного информационного взаимодействия и связанные с ними положительные результаты: сокращение сроков оказания муниципальных услуг, перевод их в электронный вид. Однако современные условия реализации Национальной программы «Цифровая экономика» ставят перед используемыми органами местного самоуправления информационными системами новые задачи: интеграция со всевозможными информационными ресурсами, включая коммерческие, мониторинг реального состояния разнородных компонентов городской среды, а также возможность анализировать и прогнозировать развитие процессов. В рамках программы «Цифровая экономика» реализуется как проект цифровизации городского хозяйства программа «Умный город»

Главное назначение информации в системе управления земельными ресурсами – служить основой для принятия управленческих решений по использованию земельных ресурсов: предоставление необходимой информации (пакета документов) органам управления и иным заинтересованным лицам; консультации по вопросам состояния и развития земельного рынка; консультации по правым вопросам (в том числе по правовому режиму земельных участков); анализ эффективности системы управления земельными ресурсами, использования земель; прогноз развития земельного рынка; прогноз землепользования как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Так, по итогам 2023 г. приоритетным направлением деятельности органов местного самоуправления Республики Татарстан в сфере земельных и имущественных отношений остается обеспечение доходности от использования и реализации имущества и земельных ресурсов в Республике Татарстан. В 2023 г. в бюджеты муниципальных образований Республики Татарстан от реализации и использования муниципального имущества и земельных ресурсов поступило 7 421,21 млн руб., что составляет 132,82 % бюджетного задания на 2023 г. (см. табл. 1). Плановый процент исполнения годового бюджетного задания по итогам года не достигнут в г. Набережные Челны, Нурлатском и Сармановском муниципальных районах Республики Татарстан [5].

Динамика поступления доходов от реализации и использования муниципального имущества и земель за 2019–2023 гг. показывает стабильный

Таблица 1

Сводная информация о поступлении доходов в местные бюджеты РТ от реализации и использования имущества и земельных ресурсов за 2023 г., тыс. руб. [5]

Наименование городского округа, муниципального района	2023 г.			Темп роста (снижения), %		Справочно:	
	План	Факт	Выполнение плана, %	к 2022 г.	к 2021 г.	Факт 2022 г.	Факт 2021 г.
Казань	2 600 900,00	3 960 307,94	152,27	162,43	165,04	2 438 098,33	2 399 574,43
Наб. Челны	909 724,67	908 635,96	99,88	102,40	79,53	887 382,98	1 142 498,52
Агрызский	19 516,80	21 825,73	111,83	135,70	138,01	16 083,53	15 814,19
Азнакаевский	36 848,00	51 033,67	138,50	109,11	74,26	46 772,84	68 718,38
Аксубаевский	12 463,00	17 932,32	143,88	128,94	144,87	13 906,99	12 378,32
Актанышский	32 058,80	32 502,22	101,38	140,72	152,00	23 097,13	21 382,75
Алексеевский	19 266,00	21 049,98	109,26	62,75	103,70	33 545,04	20 298,58
Алькеевский	6 021,10	9 413,57	156,34	76,74	110,73	12 266,38	8 501,45
Альметьевский	238 450,93	257 812,47	108,12	108,86	124,59	236 827,37	206 935,92
Апастовский	18 752,00	24 333,75	129,77	115,86	178,80	21 002,30	13 609,31
Арский	13 360,00	23 218,06	173,79	149,11	133,66	15 571,40	17 370,69
Атнинский	16 906,50	21 821,86	129,07	306,82	847,28	7 112,28	2 575,51
Бавлинский	19 455,00	20 191,32	103,78	94,43	38,46	21 382,52	52 499,64
Балтасинский	6 972,83	20 960,73	300,61	121,93	135,00	17 191,48	15 525,94
Бугульминский	27 936,00	51 523,99	184,44	114,24	139,81	45 100,70	36 853,45
Буинский	21 502,18	28 869,02	134,26	102,23	90,08	28 238,12	32 049,26
Верхнеуслонский	39 834,00	46 965,47	117,90	106,68	127,29	44 026,48	36 897,49
Высокогорский	85 630,00	100 469,32	117,33	128,32	245,83	78 293,69	40 869,22
Дрожжановский	6 577,80	8 576,68	130,39	94,92	90,12	9 035,94	9 517,48
Елабужский	88 000,00	108 294,33	123,06	146,85	216,58	73 746,63	50 002,06
Заинский	60 050,00	71 716,90	119,43	97,38	101,71	73 643,41	70 513,94
Зеленодольский	141 864,00	252 586,20	178,05	140,48	159,11	179 806,36	158 754,35
Кайбицкий	6 419,98	12 947,12	201,67	208,92	304,00	6 197,08	4 258,88
К.-Устьинский	8 328,00	17 508,16	210,23	66,55	227,76	26 307,91	7 687,09
Кукморский	15 227,97	18 283,75	120,07	93,42	67,67	19 571,12	27 017,26
Лаишевский	343 550,00	379 885,56	110,58	181,97	188,98	208 758,07	201 023,56
Лениногорский	43 000,00	58 460,01	135,95	126,19	142,03	46 325,21	41 159,53
Мамадышский	15 155,90	22 031,86	145,37	129,99	54,32	16 948,29	40 562,09
Менделеевский	47 881,00	52 511,31	109,67	58,65	116,67	89 526,74	45 009,76
Мензелинский	21 255,00	25 586,75	120,38	81,04	110,53	31 572,12	23 148,65
Муслюмовский	7 595,40	10 667,02	140,44	121,97	45,32	8 745,78	23 536,33
Нижнекамский	221 000,00	237 046,28	107,26	74,09	75,71	319 945,60	313 107,55
Новошешминский	14 312,00	22 827,23	159,50	88,73	138,06	25 727,00	16 534,59
Нурлатский	28 125,00	27 520,11	97,85	100,23	100,78	27 456,08	27 305,93
Пестречинский	104 759,20	126 754,34	121,00	83,71	104,56	151 427,63	121 222,77

Продолжение таблицы 1

Наименование городского округа, муниципального района	2023 г.			Темп роста (снижения), %		Справочно:	
	План	Факт	Выполнение плана, %	к 2022 г.	к 2021 г.	Факт 2022 г.	Факт 2021 г.
Р.-Слободский	8 487,30	20 088,86	236,69	170,82	171,64	11 760,56	11 704,22
Сабинский	14 732,00	24 973,43	169,52	101,11	95,08	24 698,80	26 266,00
Сармановский	12 679,00	11 840,06	93,38	92,52	87,21	12 796,77	13 576,50
Спасский	17 772,44	23 831,06	134,09	113,30	120,19	21 034,13	19 828,44
Тетюшский	47 811,00	49 026,68	102,54	144,22	194,89	33 995,26	25 156,54
Тукаевский	66 481,70	74 703,03	112,37	79,64	95,00	93 797,35	78 637,64
Тюлячинский	9 765,00	18 322,29	187,63	273,31	204,64	6 703,94	8 953,22
Черемшанский	42 090,00	42 341,04	100,60	88,02	102,04	48 106,46	41 495,45
Чистопольский	48 394,00	60 847,57	125,73	100,21	120,52	60 720,80	50 485,65
Ютазинский	20 539,70	23 167,61	112,79	78,07	107,22	29 674,21	21 606,58
ИТОГО:	5 587 451,18	7 421 212,61	132,82	131,49	131,99	5 643 928,79	5 622 425,09
	план не достигнут						
	объём поступлений в 2023 г. меньше объёма поступлений 2022 или 2021 гг.						
	объём поступлений в 2023 г. меньше объёма поступлений 2022 или 2021 гг. более чем в 2 раза						
	объём поступлений в 2023 г. больше объёма поступлений 2022 или 2021 гг.						

их рост с 2020 г. (см. рис. 1). В структуре доходов местных бюджетов за 2023 г. наибольший удельный вес имеют доходы от аренды земельных участков – 2 779,28 млн руб. и их реализации – 1 704,41 млн руб., от аренды имущества – 303,66 млн руб., от продажи имущества – 1 336,413 млн руб. Кроме того, в бюджеты муниципальных образований Республики Татарстан поступила часть чистой прибыли муниципальных унитарных предприятий в размере 55,40 млн руб., дивиденды – 31,59 млн руб., доходы от передачи имущества в доверительное управление – 1,05 млн руб., от сервитута – 15,68 млн руб., прочие доходы от использования имущества в размере 1 193,72 млн руб. [5].

Развитие техники и информационно-коммуникативных технологий определяет также основные направления развития в сфере использования цифровых технологий в области цифровизации данных о земле и недвижимости.

Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2021 г. № 2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Национальная система пространственных данных"» по результатам эксперимента по созданию единого ресурса о земле и недвижимости в четырех регионах РФ (Татарстане, Иркутской области, Краснодарском и Пермском крае) была утверждена государственная программа по созданию единой цифровой платформы пространственных и картографических данных. Эта платформа к 2030 г. должна будет объединить различные сведения о земле и иных объектах недвижимости на территории всей страны, что позволит создать цифровую карту страны, состоящую из 86 связанных слоев, включающую сведения, полученные из 21 информационной системы различных федеральных и региональных органов, в том числе информационных систем различных министерств РФ. Получение информации из информационных систем различных органов власти и объединение выявляет порой серьезные расхождения в данных, заложенных в этих системах. В качестве примера можно привести несоответствие данных ЕГРН и лесного реестра чуть менее, чем на 300 млн га. Для устранения данных несоответствий требуется не только разработка новых технологических решений и единых информационных систем, но и законодательные изменения, что поможет снизить количество гражданских дел в судах общей юрисдикции, ускорит процессы получения необходимой информации, снизит трудоемкость ее формирования и получения [6].

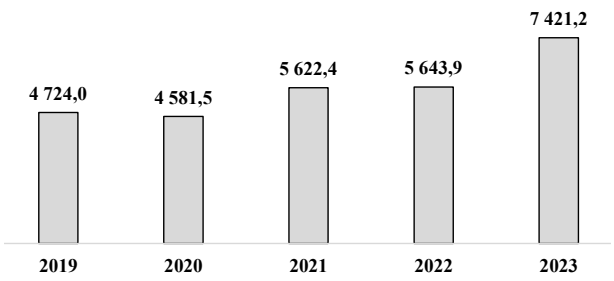

Рис. 1. Динамика поступления доходов от реализации и использования муниципального имущества и земель за 2019–2023 гг., млн руб. [5]

Запуск сервисов и упрощение процесса получения государственных услуг в области земельных отношений позволит не только получить услугу в электронном виде, но и сократить время ее получения. Приказом Росреестра от 29.12.2021 г. № П/0642 определено увеличение доли оказываемых государ-

ственных услуг в электронном виде с 35 % в 2021 г. до 75 % в 2023 и 2024 гг. [7].

Также развитие цифровых технологий в области земельных отношений ускорит мониторинг земель, которые можно вовлечь в оборот, а информацию о земельных ресурсах сделать доступной и публичной, в том числе о разрешенных видах их использования. Это важно для разработки программ по созданию инвестиционных карт регионов и поможет бизнесу принимать решения о старте новых инвестиционных проектов по развитию территорий, а запуск таких сервисов, как «Земля для стройки» и «Земля просто», позволит узнать, как и где можно получить участок под строительство, направить заявку, сформировать участок, оформить все документы на участок и получить их в электронном виде. Все эти изменения требуют развития законодательной базы, и с 1 марта 2023 г. Федеральным законом от 07.10.2022 г. № 385-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"» внесены изменения в Земельный кодекс РФ и установлен порядок проведения электронных аукционов по продаже и аренде государственных и муниципальных земельных участков. Эти изменения позволят сделать процедуру торгов более прозрачной [8]. Кроме того, в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», разработанной согласно Указу Президента РФ от 07.05.2018 г «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», создан федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» [9]. Среди основных задач данного проекта можно выделить: разработка и урегулирование законодательства в области идентификации и аутентификации участников правовых отношений, электронного документооборота.

Отдельный аспект в анализе земельных отношений – рынок недвижимости. Рынок недвижимости в России является одним из самых динамичных и перспективных секторов экономики. Он охватывает все виды недвижимости – жилую, коммерческую, земельные участки и др. Особенностью рынка недвижимости в РФ является его высокая востребованность как со стороны местных жителей, так и иностранных инвесторов. Это связано с постоянным ростом цен на жилье и недвижимость в целом (см. рис. 2). На рынке недвижимости в России присутствует большое количество посредников – агентств недвижимости, строительных компаний, банков и других участников рынка, что делает его конкурентным и разнообразным. В России существует регулирование рынка недвижимости со стороны государства. Например, цены на жилье могут регулироваться, а также вводиться различные льготы и программы для поддержки рынка. Недостатком рынка недвижимости в России является его нестабильность – цены могут сильно колебаться из-за экономических и политических факторов. Однако, несмотря на некоторые проблемы, рынок недвижимости в РФ все равно остается одним из самых перспективных направлений для инвестиций и бизнеса.

По нашему мнению, существует несколько факторов, которые могли привести к такому росту цен на рынке недвижимости в России за последние несколько лет:

1. Рост экономики и увеличение доходов населения. Улучшение экономической ситуации в стране и увеличение доходов населения могут способствовать увеличению спроса на жилье и, соответственно, росту цен.

2. Недостаток предложения. В некоторых регионах России наблюдается дефицит жилья, что также может привести к увеличению цен из-за роста спроса.

3. Ипотечное кредитование. Повышенный доступ к ипотечным кредитам может стимулировать спрос на жилье и увеличить цены на недвижимость.

4. Инфляция. Рост цен на жилье может быть связан с общим ростом уровня инфляции в стране.

5. Инвестиционный потенциал. Недвижимость часто рассматривается как надежный способ инвестирования капитала, что также может привести к увеличению спроса на жилье и росту цен.

Еще одна характерная особенность рынка недвижимости в России – большой разрыв темпов роста цен между первичным и вторичным рынками (см. рис. 3).

Среди причин видится следующее:

1) Недостаток предложения на первичном рынке. В России существует дефицит новостроек из-за сложностей с получением разрешений на строительство, недостаточного финансирования и других проблем. Это приводит к тому, что спрос на новые

Рис. 2. Динамика цен 1м² на первичном и вторичном рынках, на декабрь каждого года, в 2023 г. на ноябрь [10]

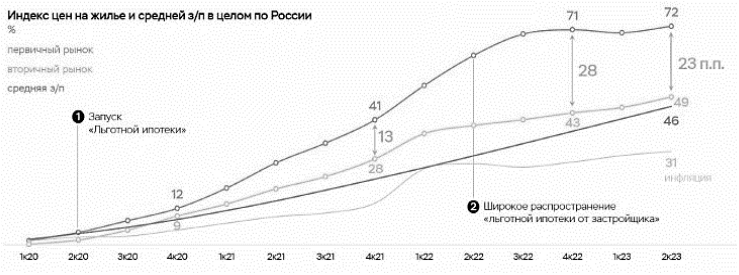

Рис. 3. Разрыв темпов роста цен между первичным и вторичным рынками [11]

квартиры превышает предложение, что удерживает цены на первичном рынке на высоком уровне.

2) Уровень качества жилья. Квартиры на первичном рынке обычно имеют более современные и качественные отделочные материалы, планировку и инфраструктуру. Это также влияет на цену недвижимости и делает первичный рынок более привлекательным для покупателей.

3) Налоговые льготы и субсидии. Государство может предоставлять льготы и субсидии на покупку первичного жилья, что снижает его стоимость для покупателей и стимулирует спрос.

4) Инвестиционные возможности. Некоторые инвесторы предпочитают приобретать недвижимость на первичном рынке, так как это считается более надежным способом инвестирования.

5) Регулирование государства. Государство может влиять на рынок недвижимости через различные меры регулирования, такие как ограничения на ипотечное кредитование, программы поддержки первого взноса, ужесточение требований к застройщикам и т.д.

В целом разрыв темпов роста цен между первичным и вторичным рынками недвижимости в России сохраняется из-за сложной комбинации факторов, включая спрос и предложение, качество жилья, инвестиционные возможности, налоговые льготы и регулирование государства.

Таким образом, изменения подходов к созданию земельно-информационных систем должны отвечать следующим требованиям:

1. Интеграция в единое глобальное геоинформационное пространство (ЕГИП) за счет автоматизированного преобразования пространственных данных и наличия интерфейсов взаимодействия (обмена данными) с внешними информационными ресурсами, региональными, муниципальными и негосударственными системами.

2. Наличие собственных и (или) взаимодействие с внешними системами автоматизированного мониторинга актуальности, взаимного соответствия и корректности данных, в том числе с использованием систем дистанционного зондирования и автоматизированного распознавания (дешифрирования) данных; моделирование и прогнозирование состояния элементов муниципального образования как территориальных систем. Главная задача информатизации – «удовлетворение информационных потребностей и обеспечение прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, создание необходимой инфраструктуры, без которой невозможно эффективное функционирование экономических систем любого уровня, а также управление ими» [12].

Литература:

1. Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения перевод. Н. Рязанов. М.: Издво Юрайт, 2024. 310 с.
2. Маршалл А. Принципы экономической науки: [в 3 т.: перевод с английского] / авт. вступ. ст.: Дж.М. Кейнс. М.: Прогресс; Фирма «Универс», 1993. Т. 1. 414 с.
3. Цхададзе Н.В. Эффективный механизм государственного регулирования аграрного сектора // Развитие предпринимательства и бизнеса в современных условиях: методология и организация / Под общей ред. д.э.н., проф. М.А. Эскиндарова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. 466 с. С. 182–192.
4. Долматова О.Н., Щерба В.Н. Информационное обеспечение эффективного сельскохозяйственного землепользования // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 3. С. 142–147.
5. Информация о деятельности муниципальных образований Республики Татарстан в сфере земельных и имущественных отношений по итогам 2023 года // Официальный сайт Министерства земельно-имущественных отношений Республики Татарстан. URL: https://mzio.tatarstan.ru/analytic.htm (дата обращения: 25.03.2024).
6. Цедова Н.В. Земельные отношения в условиях цифровизации // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы. Сб. науч. статей участников 22-й Межд. науч.-практ. конф. В 2-х т. Т. 2. Курск: ЗАО «Университетская книга». 2023. С. 284–289.
7. Приказ Росреестра от 29.12.2021 г. № П/0642 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии на 2022 финансовый год и плановый период 2023–2024 годов» (ред. от 25.10.2022) // СПС КонсультантПлюс.

8. Федеральный закон от 07.10.2022 г. № 385-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант.
9. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 г. № 9) // СПС КонсультанПлюс.
10. Валюх Н. Шесть выводов о рынке недвижимости прошедшего года, о которых стоит знать. URL: https://journal.tinkoff.ru/realty-2023/ (дата обращения: 25.03.24).
11. Трушинин Г. В ЦБ назвали главные риски для рынка жилья и ипотеки. URL: https://realty.rbc.ru/news/64f053ae9a79476d870b51ad (дата обращения: 25.03.24).
12. Казарин С.В. Управление процессом информатизации региона на современном этапе // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2013. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-protsessom-informatizatsii-regiona-na-sovremennom-etape

Land Relations and Land Resources in the Era of the Information Economy

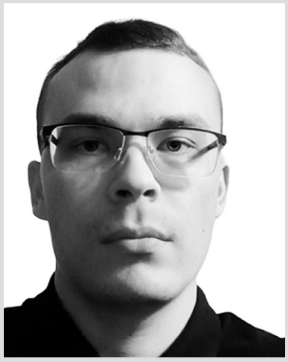
Vakhitova T.M., Gadelshina L.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the modern world, land plays a key role as an economic resource and a source of rent. This is due to its limited quantity and significance for various sectors of the economy. Therefore, the study of the scientific foundations of land (rental) relations is a relevant and important task. Special attention is paid to land information systems in the modern economy, their role, and significance. The trends in the development of land relations in new conditions, the main directions and modern trends in regulating land relations at the regional and municipal levels are analyzed, as well as the prospects and opportunities for the development of land relations in the information economy.

Keywords: land rent, land relations, information economy

УДК 339.72
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-289-292

Перспективы использования цифровых валют центральных банков в трансграничных расчетах стран ЕАЭС*

Гали А.И.
Ассистент кафедры международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета

Современные тенденции цифровизации финансовых систем государств в совокупности с ростом объемов международной торговли актуализируют вопрос применения цифровых инструментов в трансграничных расчетах. В связи с этим цель данной статьи заключается в исследовании возможности применения цифровых валют центральных банков в осуществлении трансграничных расчетов на примере стран ЕАЭС. В статье рассмотрены теоретические аспекты функционирования цифровых валют, представлены текущие проекты центральных банков стран – участников ЕАЭС в области цифровых валют, исследованы модели совместимости систем цифровых валют центральных банков. Основные результаты исследования состоят в выявлении ключевых направлений взаимодействия стран – участников ЕАЭС в рамках использования цифровых валют центральных банков в трансграничных расчетах.

Ключевые слова: *цифровая валюта центрального банка, трансграничные расчеты, центральный банк, платежная инфраструктура, международная торговля, ЕАЭС*

Для цитирования: *Гали А.И. Перспективы использования цифровых валют центральных банков в трансграничных расчетах стран ЕАЭС // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 289–292. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-289-292.*

Современное развитие национальных финансовых систем в совокупности с интенсификацией процессов вовлечения государств в международные экономические отношения обуславливает стремление властей стран к дальнейшей модернизации финансовой инфраструктуры. Кроме того, повышение скорости, безопасности, удобства платежей является важной составляющей данной модернизации. В связи с этим центральные банки различных стран исследуют вопросы разработки и внедрения цифровой валюты в национальные платежные системы. Цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ) является третьей формой денег наряду с наличной и безналичной формами. ЦВЦБ, выполняя традиционные функции денег, обладает дополнительными преимуществами в виде повышения доступности безналичных платежей, снижения стоимости проведения транзакций, возможности проведения расчетов в офлайн-режиме, повышения прозрачности и скорости платежей [1–3].

Актуальность проблематики внедрения данной формы денег подтверждается динамикой статусов проектов центральных банков различных стран в области цифровых валют (рис. 1).

Исходя из данных рисунка 1, отметим существенный рост проектов в области цифровых валют за последний пятилетний промежуток времени. Наибольшее количество центральных банков на современном этапе находится на стадии исследования вопросов разработки ЦВЦБ и её влиянии на наци-

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

Рис. 1. Динамика статусов цифровых валют центральных банков

Источник: составлено автором на основании данных портала *CBDC tracker* [4].

ональную финансовую систему. Рядом государств также исследуются возможности по использованию цифровых валют центральных банков в трансграничных платежах. Однако, отметим, что пилотные проекты по внедрению данной формы денег реализуются преимущественно в рамках национальных платежных систем. Тем не менее регуляторы различных стран исследуют возможности интернационализации цифровых валют [5]. Отметим, что в современных условиях санкционного давления на финансовую систему России, отключения ряда коммерческих банков от системы *SWIFT* особую актуальность приобретают возможности использования ЦВЦБ в трансграничных расчетах.

В целом внедрение ЦВЦБ в национальную или международную платежную инфраструктуру понесет за собой как выгоды, так и риски для устойчивости финансовых систем. К преимуществам от использования ЦВЦБ следует отнести снижение зависимости от международных платежных систем; повышение быстроты, удобства, прозрачности и безопасности трансграничных платежей; укрепление суверенитета национальной финансовой системы; снижение транзакционных издержек; усиление контроля над целевым использованием финансовых ресурсов [1; 3; 5].

К основным ограничениям и рискам следует отнести потенциальное увеличение уязвимости в сфере кибербезопасности; трудовые и материальные затраты на внедрение цифровой валюты в финансовую систему; риск снижения уровня ликвидных финансовых ресурсов коммерческих банков; риск продолжительной адаптации населения в целом и участников внешнеэкономической деятельности, в частности, к использованию ЦВЦБ в трансграничных платежах; неготовность различных стран к внедрению цифровой валюты в собственную платежную систему; неготовность стран к интеграции систем ЦВЦБ в целях трансграничных расчетов как с инфраструктурной, так и с нормативно-правовой точек зрения; увеличение риска подрыва стабильности мировых резервных валют [1; 3; 5].

Важно отметить, что страны – участники ЕАЭС ведут активные исследования в области внедрения цифровых валют центральных банков в национальные финансовые системы (табл. 1). Кроме того, в 2023 г. вопрос целесообразности применения цифровых валют центральных банков в трансграничных платежах стран ЕАЭС был обсужден в рамках консультационного комитета по финансовым рынкам Евразийской экономической комиссии [6].

Отметим, что государства – участники ЕАЭС находятся на разных этапах внедрения ЦВЦБ в финансовую систему. Мировая практика показывает, что наиболее распространенной формой целевого использования ЦВЦБ является розничная модель [4]. Страны ЕАЭС также придерживаются данной модели ЦВЦБ, за исключением Казахстана, реализующего также оптовую модель. Отметим, что Центральный банк России реализует розничную двухуровневую модель с финансовыми организациями в роли участников расчетов. Как отмечается в докладе ЦБ России, данная модель предусматривает использование преимуществ традиционной двухуровневой финансовой системы с использованием инфраструктуры финансовых организаций для обслуживания физических и юридических лиц [2]. Соответственно, финансовые организации выступают посредниками между клиентами и платформой цифровой валюты, оператором которой является Центральный банк.

Обратим внимание на то, что проекты России и Казахстана в области внедрения ЦВЦБ в национальные платежные системы находятся на наиболее продвинутой стадии по сравнению с другими странами – участниками ЕАЭС. Более того, как сообщила глава ЦБ России Эльвира Набиуллина, ориентировочные временные рамки перехода от стадии пилотного проекта к массовому внедрению цифрового рубля планируются на середину 2025 г. [7].

Таблица 1

Цифровые валюты центральных банков в странах ЕАЭС

Страна	Наименование ЦВЦБ	Статус внедрения	Модель ЦВЦБ
Россия	Цифровой рубль	Пилотный проект	Розничная
Казахстан	Цифровой тенге	Пилотный проект	Оптовая, розничная
Армения	Цифровой драм	Статус исследования	Розничная
Белоруссия	Цифровой белорусский рубль	Статус исследования	Розничная
Кыргызстан	Цифровой сом	Статус исследования	Розничная

Источник: составлено автором на основании данных портала CBDC tracker [4].

Как отмечают в ЦБ России, внедрение цифрового рубля существенным образом не скажется на проводимой ЦБ денежно-кредитной политике, и выпуск данной формы рубля не повлечет за собой увеличение денежной массы в экономике [8]. Казахстан также находится на продвинутой стадии внедрения цифрового тенге в платежную систему. Реализацией проекта страна начала заниматься с 2020 г. [4]. Отметим, что Национальный банк Казахстана реализует также и оптовую модель цифрового тенге, позволяющую проводить межбанковские расчеты. Кроме того, НБ Казахстана тестирует проект по использованию цифрового тенге при расходовании средств, финансируемых из Национального фонда [9]. Программируемость цифрового тенге на целевое использование бюджетных средств позволит существенно снизить риски нецелевого использования данных финансовых ресурсов, что также усилит противодействие коррупции.

Проект по использованию цифровой валюты центрального банка в трансграничных расчетах также реализует НБ Казахстана, в частности, исследуется сценарий проведения трансграничных расчетов с использованием цифрового тенге при помощи платформы *SWIFT CBDC Connector*. В рамках проекта были проведены успешные тестовые транзакции между Национальным банком Казахстана и управлением денежного обращения Гонконга при использовании платформы цифрового тенге [10]. Однако отметим, что в условиях потенциального применения односторонних санкций в отношении национальной финансовой системы и отключения банков от системы *SWIFT* в качестве инструмента рестрикций использование данного механизма попрежнему ставит в зависимость национальную экономику от технологической инфраструктуры стран-операторов данной платформы.

В целом в рамках вопроса совместимости платформ цифровых валют центральных банков при проведении трансграничных расчетов следует выделить три основные модели:

1) совместимые системы ЦВЦБ;

2) взаимосвязанные системы ЦВЦБ;

3) единая система ЦВЦБ [11].

Первая модель предполагает проведение трансграничных расчетов при помощи введения общих стандартов функционирования национальных платформ цифровых валют [12]. Данная модель технологически является наиболее простой из представленных моделей и напрямую не связывает различные системы ЦВЦБ. Остальные модели требуют дополнительных технологических решений. В частности, вторая модель предполагает внедрение совместной технической инфраструктуры с целью обеспечения взаимосвязи национальных систем цифровых валют [11]. Последняя модель предполагает интеграцию национальных систем ЦВЦБ в единую мультивалютную систему [5]. Отметим, что построение единой системы ЦВЦБ различными странами предполагает наивысшую степень интеграции как в технологических, так и в нормативно-правовых аспектах. Однако данная единая система позволяет реализовать в полной мере все преимущества цифровых валют при проведении трансграничных платежей. Стоит отметить, что некоторые страны уже реализуют проекты в области создания мультивалютной платформы ЦВЦБ, в частности, одним из успешных проектов в данной области является проект «*mBridge*», участниками которого являются Валютное управление Гонконга, Центральный банк ОАЭ, Народный банк Китая, Банк Таиланда [13].

В контексте реализации проектов России в области использования ЦВЦБ в трансграничных расчетах отметим, что Центральный банк рассматривает потенциальное проведение трансграничных расчетов с помощью интеграции платформ цифрового рубля и цифровой валюты другой страны; также исследуется возможность взаимодействия различных платформ через создание единой системы [14]. Некоторые эксперты также допускают создание единой мультивалютной платформы ЦВЦБ в рамках интеграционного объединения стран [15]. Таким образом, потенциальные проекты в области трансграничных расчетов с использованием цифрового рубля возможно будут реализованы при помощи второй или третьей модели. Однако отметим, что реализация более сложных в технологическом плане моделей наиболее оправдана при существенных объемах торговых операций между странами.

В связи с этим, учитывая различный уровень технологической готовности стран ЕАЭС к использованию ЦВЦБ в трансграничных расчетах, в совокупности с тем, что основной объем экспортно-импортных операций внутри ЕАЭС приходится на Россию и объем торговли между остальными участниками ЕАЭС относительно мал, предпочтительной краткосрочной перспективой для данного этапа развития финансового рынка объединения может являться модель сочетаемости платформ цифровых валют центральных банков. Однако в целях развития функциональности системы трансграничных платежей с использованием ЦВЦБ предпочтительным вариантом в долгосрочной перспективе может стать взаимодействие платформ цифровых валют стран ЕАЭС в рамках создания совместной технологической инфраструктуры, связывающей различные платформы ЦВЦБ.

В целом использование цифровых валют центральных банков в трансграничных расчетах требует от государств решения организационных, инфраструктурных, правовых вопросов. К перспективным направлениям взаимодействия стран – участников ЕАЭС в данной сфере следует отнести разработку единых технических стандартов в области опера-

ций с использованием ЦВЦБ; формирование нормативно-правовой базы в области взаимодействия платформ ЦВЦБ; разработку и развитие единой технологической инфраструктуры с целью повышения эффективности функционирования системы трансграничных платежей с использованием ЦВЦБ. В перспективе данные вопросы могут быть рассмотрены в рамках развития единого финансового рынка ЕАЭС.

Литература:

1. Андрюшин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Russian Journal of Economics and Law. 2021. № 1. С. 54–76.
2. Банк России. Концепция Цифрового рубля. 2021. URL: https://cbr.ru/Content/Docu¬ment/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 03.06.2024).
3. Коновалова М.Е., Сафиуллин Л.Н. Цифровые валюты центральных банков: теоретические аспекты и опыт внедрения // Фундаментальные исследования. 2024. № 4. С. 119–129.
4. Портал «CBDC tracker». URL: https://cbdctracker.org/ (дата обращения: 05.06.2024).
5. Кочергин Д.А. Цифровые валюты центральных банков для трансграничных платежей: модели интероперабельности и перспективы внедрения // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28. № 2. С. 82–100.
6. Кривогуз М.И. Цифровые валюты центральных банков и формирование общего финансового рынка стран ЕАЭС // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 9–24.
7. Интерфакс. ЦБ РФ планирует перейти к массовому внедрению цифрового рубля с июля 2025 года. URL: https://www.interfax.ru/russia/973152 (дата обращения: 16.10.2024).
8. Ведомости. ЦБ: цифровой рубль не повлияет на реализацию денежно-кредитной политики. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/news/2024/09/27/1065071-tsifrovoi-rubl-ne-povliyaet (дата обращения: 16.10.2024).
9. Национальный банк Республики Казахстан. Стартовал пилотный проект по использованию цифрового тенге для маркировки расходования бюджетных средств. URL: https://nationalbank.kz/ru/news/informacionnye-soobshcheniya/16879 (дата обращения: 16.10.2024).
10. Национальный банк Республики Казахстан. Цифровой тенге. URL: https://www.nationalbank.kz/ru/page/cifrovoy-tenge-pilotnyy-proekt (дата обращения: 05.06.2024).
11. BIS. Options for Access to and interoperability of CBDCs for Cross-border Payments. Report to the G20. July, 2022. URL: https://www.bis.org/publ/othp52.pdf (дата обращения: 03.06.2024).
12. Крылова Л.В. Возможность использования цифровых валют для трансграничных платежей в условиях санкций // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28. № 2. С. 101–111.
13. BIS. Project mBridge reaches minimum viable product stage and invites further international participation. URL: https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/mcbdc_bridge.htm (дата обращения: 17.10.2024).
14. Агеева О. Интеграция цифровых валют реально может заменить SWIFT // Интервью «Forbes». 2023. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=16893 (дата обращения: 05.06.2024).
15. РБК. Эксперты предложили цифровой рубль для расчетов постсоветских стран. URL: https://www.rbc.ru/economics/13/06/2023/648713059a79471091f93051 (дата обращения: 06.06.2024).

Prospects for the Use of Digital Currencies of Central Banks in Cross-Border Payments in the EAEU Countries

Gali A.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

Modern trends in the digitalization of financial systems of states, coupled with the growth of international trade volumes, make the issue of using digital instruments in cross-border settlements relevant. In this regard, the purpose of this article is to study the possibility of using central bank digital currencies in cross-border settlements using the example of the EAEU countries. The article examines the theoretical aspects of the functioning of digital currencies, presents current projects of central banks of the EAEU member states in the field of digital currencies, and studies models of compatibility of central bank digital currency systems. The main results of the research consist in identifying the main areas of interaction between the EAEU member states in the context of using central bank digital currencies in cross-border settlements.

Keywords: central bank digital currency, cross-border settlements, central bank, payment infrastructure, international trade, EAEU

УДК 332.12
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-293-296

Государственная поддержка развития малых форм бизнеса в сельском хозяйстве в Чувашской Республике*

Гурова С.Ю.
Кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой экономики Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации

Марцинковский Р.П.
Студент кафедры экономики
Чебоксарского кооперативного института
(филиала) Российского университета кооперации

В статье проведен анализ методов государственной поддержки сельского хозяйства. Рассмотрены ключевые нормативные акты, регулирующие деятельность государственных органов в области продовольственной безопасности. Выявлены паттерны и тенденции развития сельскохозяйственного фонда страны, а также меры по обеспечению его суверенитета и безопасности. На основе анализа даны рекомендации по определению эффективных точек освоения бюджетных средств.

Ключевые слова: *поддержка, государство, сельское хозяйство, регион, производители*

Для цитирования: *Гурова С.Ю., Марцинковский Р.П. Государственная поддержка развития малых форм бизнеса в сельском хозяйстве в Чувашской Республике // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 293–296. DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-293-296.*

Сельское хозяйство является важнейшим направлением развития страны, обеспечивающим её безопасность. Ключевую роль в этом играет обеспечение населения доступными и необходимыми продуктами питания, что напрямую влияет на экономическую эффективность государства.

В условиях геополитического противостояния необходимость обеспечения защиты страны, включая её продовольственные запасы, становится особенно актуальной. В связи с этим государственная политика направлена на развитие аграрного сектора в регионах. Существенную пользу приносит возможность диверсификации сельскохозяйственных культур на обширных территориях, что дополнительно повышает безопасность этого направления.

Однако кроме существующих мощностей, немаловажную роль и играет экспортный потенциал продовольственных продуктов страны, который формирует часть ВВП страны. По заявлению Федеральной таможенной службы России, в 2023 г. экспорт российской сельскохозяйственной продукции составил 43,1 млрд долл. [1].

В связи с этим встает необходимость уделять повышенное внимание этому направлению, что под-

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

черкивает актуальность и значимость данной темы в современных условиях. Основными показателями эффективности развития сельского хозяйства в регионах определены следующие компоненты:

– ориентация на предоставление общественных благ в рамках политики суверенитета и продовольственной безопасности;

– целевая и адресная поддержка производств, наиболее заинтересованных в устойчивом развитии и нуждающихся в поддержке;

– совершенствование промышленного комплекса в сельском хозяйстве;

– разработка экологических норм и подходов для снижения уровня загрязнения от сельскохозяйственной деятельности.

К сожалению, стратегия экспортоориентированных технологий в сельском хозяйстве оказалась ненадежной для реализации государственной политики, что увеличило потребность в импортозамещении, включая сельское хозяйство. Например, доля импортного оборудования, используемого для содержания сельскохозяйственных животных и птицы, составляет 50% для систем кондиционирования и вентиляции, 50 % – для программного обеспечения и управления, и 25 % – для станкового оборудования. Кроме того, помещения для содержания сельскохозяйственных животных и птицы имеют высокий уровень износа.

Финансовые и логистические трудности, возникшие в период с 2019 г., значительно усложнили работу сельскохозяйственных организаций, особенно малого бизнеса. Среди основных проблем можно выделить:

– снижение покупательной способности населения;

– недостаточное финансирование отечественной аграрной науки;

– медленные темпы обновления логистической инфраструктуры;

– дефицит высококвалифицированных кадров [2].

В свете последних событий государством было принято несколько решений для апробации методов более всестороннего и точного анализа данной отрасли. Изначально существовала проблема определения дотационных направлений, требующих первоочередного финансирования, при этом интересы малого и среднего предпринимательства были недостаточно учтены. Однако на текущем этапе в программу субсидирования включены не только крупные агрохолдинги, но и частные и небольшие предприятия. Кроме того, разрабатываются методы поддержки подсобных хозяйств, что способствует устойчивому развитию сельского хозяйства в целом.

В соответствии со стратегией развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г. (утверждена Постановлением от 08.09.2022 г. № 2567-р), главной целью является обеспечение долгосрочного и перспективного развития данных секторов экономики России. Ключевым показателем успеха является увеличение валовой добавленной стоимости сельского хозяйства до 5374,8 млрд руб. к 2024 г. и до 6551,9 млрд руб. к 2030 г. [3].

Основные цели текущей Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия включают:

– увеличение объемов производства продукции в сельском хозяйстве, как в растениеводстве, так и в животноводстве, а также в производстве пищевых товаров;

– создание условий для привлечения кредитных средств в агропромышленном комплексе;

– обновление парка техники в сельскохозяйственных организациях, включая тракторы, зерноуборочные комбайны и кормоуборочные комбайны;

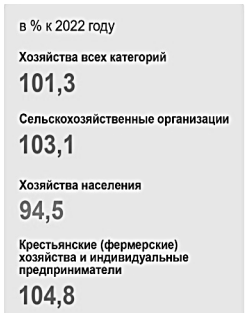
– к 2024 г. создание единой системы финансовой и нефинансовой поддержки на всех этапах жизненного цикла проектов по экспорту продукции агропромышленного комплекса;

– увеличение численности работников в субъектах малого и среднего бизнеса, которые получили грантовую поддержку в рамках программы «Агростартап» [4].

На примере развития отрасли в Чувашской Республике можно проанализировать влияние этих мер на сектор в целом и на его отдельные параметры. На рисунке 1 мы видим показатели производства скота и птицы на убой. Согласно данным, в 2023 г. наблюдается рост показателей по сравнению с 2022 г. на 1,3 %.

Основные средства были направлены на организацию долгосрочного развития крупных бизнес-структур. Однако, как видно, подсобные хозяйства населения занимают небольшую долю в общем объёме роста, что указывает на проблему развития именно субъектов малого предпринимательства.

На рисунке 2 показано, что производство зерновых и зернобобовых культур сельскохозяйственны-

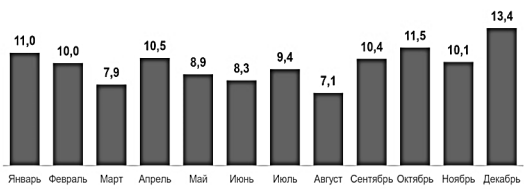

Рис. 1. Производство скота и птицы на убой (в живом весе) в 2023 г., тыс. т [5]

ми организациями в 2023 г. составило 101,2 % по сравнению с 2022 г.

С учётом данной тенденции и практики, наблюдаемой в республике, можно сделать вывод, что эти отрасли демонстрируют необходимый рост, важный для обеспечения продовольственной безопасности страны в целом.

Крестьянские и фермерские хозяйства, а также индивидуальные предприниматели пока не являются главными движущими силами в отрасли, что свидетельствует о том, что политика поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства находится на начальной стадии развития.

Вопреки трудностям, возникшим в 2023 г. с производством и реализацией яиц, на рисунке 3 видно, что именно малые предприятия оказали значительное воздействие на обеспечение прилавков этим продуктом. Это в свою очередь способствовало стабилизации цен на внутреннем рынке.

В контексте сельского хозяйства Чувашской Республики данные по производству овощей на рисунке 4 и картофеля на рисунке 5 отражают интересные тенденции. В отличие от овощей, производство которых снизилось к 2023 г., картофель стал одним из основных двигателей сельского хозяйства, демонстрируя устойчивый рост. Однако отсутствие определенных категорий предприятий, которые показали бы стабильный рост в отдельных видах культур, может свидетельствовать о влиянии общих тенденций, таких как изменения в состоянии почвы и окружающей среды, на текущую ситуацию.

Принимая во внимание множество факторов, сложно сделать однозначный вывод, но можно с уверенностью предположить, что общая тенденция развития страны предполагает усиление производственных факторов в сельском хозяйстве, что играет важную роль в обеспечении безопасности страны и предоставлении населению доступных и качественных продуктов.

Государство обеспокоено развитием всех участников рынка, включая крупные агрохолдинги, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальных предпринимателей так как существует проблема целевого и точечного финансирования малых предприятий в сельском хозяйстве. Тем не менее, согласно общему мнению, эти предприятия играют значимую роль в развитии страны. Это особенно стало заметно в 2023 г., когда рост цен на яйца стимулировал производство и наполнение прилавков, и малые предприятия сыграли важную роль в увеличении предложения и снижении цен.

Для повышения эффективности взаимодействия малых предприятий с государством в Чувашской Республике уже созданы многофункциональные центры, такие как «Мой бизнес», что свидетельствует о стремлении государства к увеличению сотрудничества с этими субъектами. Однако малым предприятиям и подсобным хозяйствам по-прежнему не хватает научно-технического потенциала, и использование устаревших технологий в производстве негативно сказывается на их развитии. Для решения этой проблемы необходимо протестировать финансирование малого машиностроения и повысить доступность таких средств в регионах.

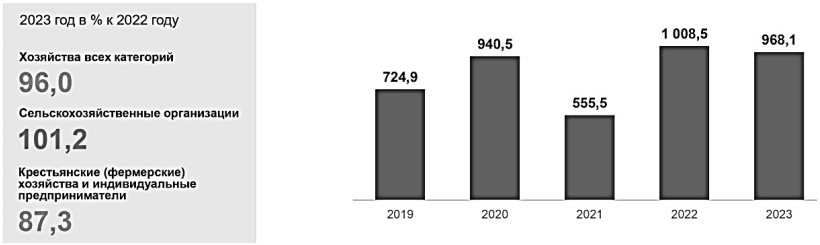

Рис. 2. Производство зерновых и зернобобовых культур в 2023 г., в весе после доработки, тыс. т [5]

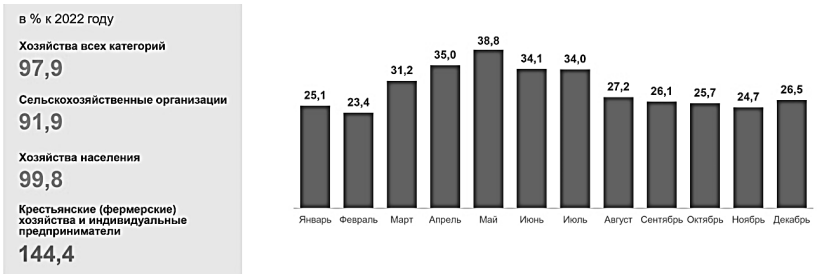

Рис. 3. Производство яиц в 2023 г., млн шт. [5]

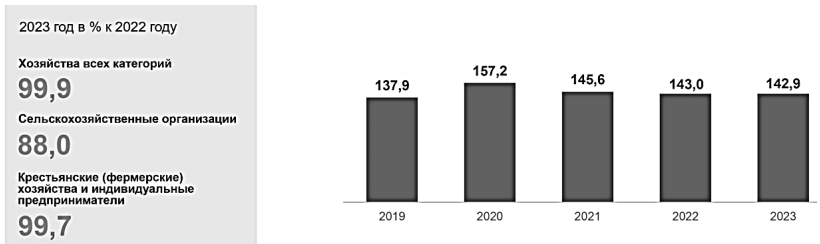

Рис. 4. Производство овощей в 2023 г., тыс. т [5]

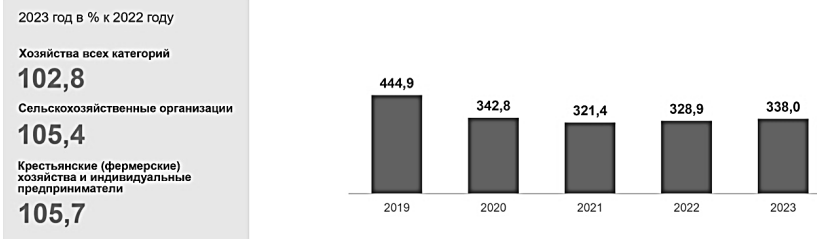

Рис. 5. Производство картофеля в 2023 г., тыс. т [5]

Литература:

1. В 2023 году экспорт продукции АПК РФ составил $43,5 млрд. URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/3321 (дата обращения: 1.06.2024).
2. Хайруллина О.И. Анализ современного состояния государственной поддержки сельскохозяйственных производителей // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10. № 4. С. 629–644.
3. Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 г. № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 23.11.2023) // СПС Гарант.
4. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (ред. от 22.05.2024) // СПС Гарант.
5. Сельское хозяйство 2023 год. URL: https://21.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Сельское%20хозяйство%20в%20Чувашской%20Республике_2023.pdf (дата обращения: 1.06.2024).

State Support for Small Business Development in Agriculture in the Chuvash Republic

Gurova S.Y., Martsinkovskii R.P.
Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

The article analyzes methods of state support of agriculture. The article considers key normative acts regulating the activity of state bodies in the field of food security. Patterns and trends of development of the agricultural fund of the country, as well as measures to ensure its sovereignty and security, have been identified. On the basis of the analysis, recommendations are made to identify effective points of budget development.

Keywords: support, state, agriculture, region, producers

УДК 338.46; 327.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-297-301

«Туризм памяти» как приоритетное направление сотрудничества России с государствами – членами евразийской интеграции*

Королева О.В.
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры туризма и культурного наследия
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

В статье «туризм памяти» рассматривается как способ актуализации и популяризации важных и имеющих символическое значение сюжетов общей истории государств – членов евразийской интеграции. Предлагаются перспективные направления сотрудничества стран для развития «туризма памяти», определены достигнутые результаты и возможности использования его потенциала для укрепления гуманитарных и экономических контактов.

Ключевые слова: *туризм памяти, мемориальный туризм, евразийский туризм, евразийская интеграция, туристская дипломатия России, международный культурный туризм, евразийские культурные маршруты*

Для цитирования: *Королева О.В. «Туризм памяти» как приоритетное направление сотрудничества России с государствами – членами евразийской интеграции // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 297–301. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-297-301.*

В новейшей истории России 2022 г. будет отмечен как переломный для всех сфер жизни общества – политической, социальной, экономической, гуманитарной. Россия остаётся открытой для диалога со всеми международными партнерами, выступающими за развитие с ней взаимовыгодных связей. Особую актуальность приобретают вопросы углубления партнерских отношений в рамках евразийской интеграции, которая является для России приоритетной стратегией развития в условиях сложных и непредсказуемых мирополитических процессов.

Россия участвует в различных интеграционных форматам и проектах, которые сегодня успешно развиваются в евразийском пространстве и обеспечение синергии которых могло бы отвечать интересам всех государств континента. Расширение и углубление евразийской интеграции затрагивает разные сферы сотрудничества.

Международный туризм рассматривается одной из ключевых областей расширения экономического сотрудничества государств – членов ЕАЭС [1]. Углубление интеграционных процессов в этой сфере не только способствует решению экономических и социальных проблем. Можно утверждать, что туризм уже получил признание как важная составляющая геополитики, привнося значительный вклад в мировой порядок [2, с. 14]. Туристская дипломатия как инструмент «мягкой силы» является важным аспектом в деле формирования глобальной сети партнерских отношений. Так, в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утвержденной 5 сентября 2022 г. указом Президента России В.В. Путина, развитие международного сотрудничества в области туризма определяется одной из задач внешней гуманитарной политики государства [3], поскольку эта деятельность содействует продвижению духовно-нравственных ценностей, традиций и идеалов, присущих Русскому миру.

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

При утрате политической и экономической целостности огромного государства, каким был Советский Союз, именно социальные и культурные факторы продолжают играть важнейшую роль в углублении евразийской интеграции, что объясняется взаимопроникновением культурных традиций народов, совместно проживающих на протяжении многих десятилетий в границах одного государства. В то время как некоторые страны ближнего зарубежья (речь идет о странах Балтии, Украине и Молдове) стремятся «отмежеваться» от российского соседства, важно не только сохранить, но и укрепить исторические и культурные связи между народами стран, формирующие исторически сложившееся единое социальное и геокультурное пространство [4].

Восприятие прошлого с точки зрения непрерывности и последовательности – это чувство, которое люди могут испытать благодаря приобщению к историко-культурному наследию, что создает ощущение сопричастности к безвозвратно ушедшему. Несмотря на распространенные дискуссии в академическом мире и за его пределами о социальных функциях туризма, связанного с посещением мест памяти, и его эффективности как инструмента передачи памяти о прошлом, стоит согласиться со словами американского историка Б. Гордона, что «памятники, память и туризм – три стороны динамичного процесса, посредством которого люди стремятся понять и усвоить свою социальную, политическую и культурную идентичность в мире непрерывных исторических изменений» [5].

По словам историка Пьера Нора, «места памяти» являются местами в трех смыслах – материальном, символическом и функциональном. У них есть причина существования: они живут благодаря желанию помнить и чувству отсутствия спонтанной памяти. Их главная роль – символическая. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории [6, с. 40].

Места памяти, обладающие исторической, эстетической и символической ценностями, содержат в себе значительный потенциал для развития так называемого «туризма памяти». На рубеже 1980-х гг. «туризм памяти» был определен как новая категория культурного туризма, особенно поддерживаемая и организуемая государственными субъектами различного уровня. Посвященный местам конфликтов и болезненных воспоминаний, туризм памяти всегда имел политические функции, а теперь он также рассматривается как экономический ресурс, способствующий территориальному развитию [7].

Учитывая противоречивый характер восприятия общего советского и досоветского прошлого в государствах ЕАЭС, оно не может быть надежным источником российской мягкой силы. Исключение могут составлять отдельные события, факты и идеи. Так, во всех странах ЕАЭС День Победы по-прежнему сохраняет свое значение и пока еще воспринимается в контексте общего советского прошлого, обладая сплачивающим потенциалом [8, с. 40]. Память о событиях героического прошлого, увековеченная в монументах и транслируемая экспозиционным пространством музеев, объединяет народы бывшего СССР.

Юбилеи исторических событий способствуют продвижению «туризма памяти». Так, например, в 2010 г., в рамках празднования 65-летия Великой Победы, в церемонии открытия мемориального комплекса памяти воинам-казахстанцам 100-й и 101-й отдельных стрелковых бригад, павших в годы Великой Отечественной войны под Ржевом, приняли участие пассажиры «Поезда Победы» из Казахстана. Среди его пассажиров были ветераны войны, родные и близкие тех, кто погиб на этой земле, представители общественных организаций, журналисты. К сожалению, подобные программы создаются лишь на уровне государственной или частной инициативы. Несмотря на географическую и историко-культурную близость, «туризм памяти» между Россией и Казахстаном далеко не в полной мере использует открывающиеся возможности. С целью повышения эффективности использования «ресурсов памяти» необходимо придать системный характер работе по созданию туристских маршрутов, в том числе и трансграничных, направленных на сохранение и популяризацию общей культуры и исторической памяти. Не последнюю роль в этом процессе может сыграть Форум межрегионального сотрудничества, который уже зарекомендовал себя в качестве эффективной площадки для взаимодействия двух государств.

Самым «продвинутым» интеграционным объединением на постсоветском пространстве и своего рода ориентиром для других является Союзное государство Республики Беларусь и Российской Федерации. Оно играет роль площадки, на которой отрабатываются механизмы сотрудничества и решения интеграционных задач в туристской сфере.

Анализ туристского спроса показывает, что россияне активно посещают в Белоруссии мемориальные комплексы «Брестская крепость-герой», «Хатынь», «Буйничское поле», Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, историко-культурный комплекс «Линия Сталина». Возрастает интерес к городам и достопримечательностям, связанным с событиями Первой мировой войны: Сморгонь и Нарочь, форты в Гродно, Барановичах и Могилеве [9]. Россию и Беларусь также связывает круговой туристский железнодорожный маршрут «Белорусский вояж», разработанный железнодорожными компаниями двух стран. Он знакомит путешественников с местами памяти о Великой Отечественной войне. Из совместных проектов можно выделить туристский

маршрут «Мамаев курган (Волгоград) – Брестская крепость (Брест)». Кроме того, обе стороны с 2015 г. совместно реализуют трансграничный маршрут «Дорогами «Катюши», объединяющий белорусский город Орша в Витебской области с российскими городами Рудней в Смоленской области и самим Смоленском, деревней Соловьево и городом Вязьмой.

Великая Отечественная война является одним из наиболее значимых исторических сюжетов для населения государств, участвующих в евразийской интеграции, поэтому их образовательные системы должны уделять значительное внимание внедрению современных педагогических технологий для передачи образа войны школьникам и студентам. Одной из таких технологий может стать «образовательный туризм памяти». Сегодня такой вид туризма является одной из составляющих процесса воспитания молодого поколения в России и Беларуси. Так, необходимо упомянуть патриотический культурно-образовательный проект «Поезд Памяти», посвящённый Великой Отечественной войне, который был инициирован главами верхних палат парламентов России и Белоруссии. Этот проект, запущенный в 2022 г., направлен на посещение старшеклассниками памятных мест и военно-исторических музеев российских и белорусских городов, через которые проложен маршрут «Поезда Памяти».

В настоящее время эта акция вышла за пределы Союзного государства. В 2023 г. в ней приняли участие школьники из России, Армении, Белоруссии и Киргизии [10].

Возможности «туризма памяти» позволяют в доступной современной форме укрепить в сознании молодого поколения патриотические ценности, уважение к традициям и культуре наших народов, необходимость сохранения общего «достоверного» исторического прошлого.

Развитию «туризма памяти» содействует культурное взаимодействие, осуществляемое как на многосторонней и двусторонней основе, включая мероприятия по линии ЕАЭС, так и посредством прямых контактов учреждений сферы культуры. Символическими объектами культурной памяти являются музеи. Так, московский музей Победы инициировал проект «Территории Победы», направленный на создание единого музейного пространства военно-исторической направленности на основе общей исторической памяти. Более 250 музеев на территории России и за рубежом стали партнерами Музея Победы, а значит, единомышленниками в деле сохранения исторической правды. К проекту присоединились: Музей военной истории «Мать Армения», посвященный победе во Второй мировой войне, Национальный военно-патриотический центр Вооруженных сил Республики Казахстан, координирующий деятельность молодежных общественных организаций в сфере военно-патриотического воспитания подрастающего поколения, Государственный исторический музей Кыргызской Республики – один из крупнейших музеев Центральной Азии, открытый в 1927 г. в одной из комнат дома родителей полководца М.В. Фрунзе [11].

Стоит признать, что на сегодняшний день «туризм памяти» между государствами – членами ЕАЭС продолжает оставаться скорее «голосом» государства, отвечает целям и задачам прежде всего государственных структур, демонстрируя национально-патриотический взгляд на историю.

Вместе с тем можно говорить о существующих перспективах более широкого участия в процессе организации и поддержания «туризма памяти» предприятиями туриндустрии. Так, создание туристских маршрутов и программ, популяризирующих места общей исторической памяти, является не только эффективным инструментом межкультурного диалога в рамках гуманитарного сотрудничества, но также способствует еще большему сближению экономик и увеличению взаимного туристского потока между государствами – членами евразийской интеграции.

В центральноазиатских республиках имеется опыт коммерческого «использования» советского прошлого. Шестидневный тур «Сделано в СССР» («Наследие СССР») предлагает посетить места советского наследия на казахстанской земле: исправительные лагеря сталинской эпохи «Карлаг» и «Алжир», Семипалатинский испытательный полигон, достопримечательности периода гражданской войны и многие другие мемориальные места и объекты [12]. Индустрия гостеприимства использует коммерческий потенциал постсоветской ностальгии в Бишкеке. Предприятия общественного питания воссоздают эстетику советского периода в интерьерах, создавая у посетителей захватывающий опыт воображаемого советского прошлого [13]. Включение посещения таких предприятий в ностальгические туры отвечает на эмоциональный запрос туристов. Спрос на такие туры мотивирован желанием человека реализовать свою исконную идентичность через потребление культурного опыта.

Подводя итоги вышесказанному, следует констатировать, что реализация идеи создания единого туристского пространства в рамках ЕАЭС, осмысляемого как системное и всестороннее взаимодействие, должно затрагивать разные сферы сотрудничества, в том числе туристскую дипломатию как составляющую гуманитарных контактов. Это будет возможным в условиях реализации общей стратегии развития туризма, а также повышения заинтересованности всех сторон в развитии сотрудничества.

Значимым представляется развитие «туризма памяти», который актуализирует и популяризирует наиболее важные и имеющие символическое значение сюжеты общей истории государств – членов евразийской интеграции. «Туризм памяти» функци-

онирует как организатор воспоминаний. Именно через действия и контексты он способен сохранять и передавать воспоминания. В этих контекстах активно используются туристские практики, которые занимают важное место в современной политической сфере, поскольку различные субъекты, отвечающие за туристскую стратегию, управление и реализацию туристской политики, мобилизуют их точно так же, как другие ресурсы. Историческое прошлое и образы истории, используемые как туристский ресурс, могут стать действенным механизмом в формировании современной ценностной политики. Так, память о советском наследии является одним из ключевых идеологических и ценностных элементов для современной российской политики, имеет важность и для внешнеполитического измерения.

Практики «туризма памяти» являются эффективным образовательным и воспитательным инструментом: они интегрируют национальную и локальную памяти, передают актуальное знание туристам через доступные способы презентация и интерпретации наследия прошлого. В рамках образовательного трека «туризма памяти» особое внимание следует уделить целенаправленной работе по противодействию фальсификации истории, интерпретации исторических событий в угоду политической конъюнктуре.

В контексте решения задач евразийской туристской интеграции особое значение приобретает разработка и продвижение культурных маршрутов, в том числе и трансграничных, с включением мест памяти, имеющих символическое значение и призванных увековечить память и исторические связи стран, находящихся на территории бывшего Советского Союза. Значимым представляется создание цифрового ресурса, способствующего продвижению и популяризации таких маршрутов, что содействует выявлению и сохранению историко-культурных памятников и других объектов культурного наследия, связанных с общим историческим прошлым евразийских государств.

Стратегическое партнерство в направлении развития «туризма памяти» укрепляет гуманитарное и социально-экономическое сотрудничество, что способствует развитию евразийского интеграционного проекта в целом, поддерживая региональную идентичность и продвигая идеи единого евразийского пространства.

Литература:

1. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, г. Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422031/ms_10122018 (дата обращения: 10.05.2024).
2. Афанасьев О.Е. Туризм и геополитика: контексты, концепты и значение для современной индустрии гостеприимства // Современные проблемы сервиса и туризма. 2022. Т. 16. № 1. С. 7–23.
3. Указ Президента РФ от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» (ред. от 17.10.2022) // Сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/news/69285 (дата обращения: 12.05.2024).
4. Замараева З.П., Балина Т.А. Евразийская интеграция: пространственный аспект // Society and Security Insights. 2023. Т. 6. № 2. С. 44–60.
5. Gordon B. Monuments, Memory and tourism presentation [Электронный ресурс] // H-Net: Humanities & Social Sciences Online. 2020. September 16. URL: https://networks.h-net.org/node/15531/discussions/6444353/monuments-memory-and-tourism-presentation (дата обращения: 05.05.2024).
6. Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Проблематика мест памяти Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 325 с.
7. Hertzog A. When «places of memory» become «tourist destinations». Memory tourism in France: public speeches and new territories // Economia della Cultura, Società editrice il Mulino. 2018. Iss. 1–2. P. 61–74.
8. Франц В.А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 54–3. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304.
9. В гости по соседству // Звязда (Беларусь). URL: https://zviazda.by/be/news/20190712/1562938600-v-gosti-po-sosedstvu (дата обращения: 15.05.2024).
10. Косачев К. Завершился проект «Поезд памяти» 2023 года // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/events/news/146580/ (дата обращения: 10.04.2024).
11. Карта участников проекта // Официальный сайт федерального проекта «Территория Победы». URL: https://territoriyapobedi.ru/ (дата обращения: 10.05.2024).
12. Тур «Наследие СССР» // Информационно-туристский портал о Казахстане. URL: https://welcome.kz/ru/ind-tours/ind-tours-central/ussr-legasy (дата обращения: 10.05.2024).

13. Адамбусинова З., Шаршенова А. Места памяти постсоветской ностальгии в современном Бишкеке // CABAR.asia: Интернет-платформа. URL: https://longreads.cabar.asia/memorysites_ru (дата обращения: 15.05.2024).

«Memory Tourism» as a Priority Direction of Partnership Between Russia And Eurasian Integration Member States

Koroleva O.V.
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

The article discusses memory tourism as a way to actualize and popularize the most important and symbolically significant subjects of the common history of the Eurasian integration member states. The article suggests promising direction of partnership between the countries for the development of memory tourism, the achieved results and the possibilities of utilizing its potential to strengthen humanitarian and economic contacts were defined.

Keywords: memory tourism, memorial tourism, Eurasian tourism, Eurasian integration, Russian tourism diplomacy, international cultural tourism, Eurasian cultural routes

УДК 339.97
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-302-307

Пространственная неоднородность приграничных с ЕАЭС регионов*

Морошкина М.В.
Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН структурное подразделение в составе Карельского научного центра Российской Академии наук

Исследование причин возникновения пространственной неоднородности приграничных с ЕАЭС регионов является актуальной темой для рассмотрения и анализа в контексте сложившейся экономической и политической ситуации. Наличие неравномерности приграничных регионов ЕАЭС определяется влиянием различных факторов. Целью научного исследования является оценка развития регионов приграничных с ЕАЭС, выявление и определение причин их неоднородности. Основными исследовательскими задачами выступает оценка динамики развития территории, выявление их неоднородности и определение основных причин, регионального неравенства. Прикладная значимость определяется социально-экономическим контекстом и требует направленного анализа развития приграничных к интеграционному объединению регионов и определение причин их неравномерности. Методологический аппарат исследования включает оценку статистических данных и расчет коэффициентов асимметрии. Проведенный анализ определил наличие процессов неоднородности и позволил сформировать основные направления для их оценки. Полученные результаты могут стать основой для научного и практического инструментария и принятия управленческих решений в рамках вопросов пространственной неоднородности приграничных регионов.

Ключевые слова: *региональное неравенство, приграничные регионы, ЕАЭС, коэффициент вариации ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал, коэффициент асимметрии*

Для цитирования: *Морошкина М.В. Пространственная неоднородность приграничных с ЕАЭС регионов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 302–307. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-302-307.*

В работе оценивается динамика индикаторов экономического развития приграничных к интеграционному объединению ЕАЭС территорий. Единое экономическое пространство (ЕАЭС), объединившее государства в 2012 г. сказывается на развитии и территорий, находящихся в приграничном расположении [1; 2]. Воздействия на показатели социально-экономического развития приграничных регионов являются различными и характеризуются как положительным, так и отрицательным трендом влияния. Помимо влияния, которое оказывает интеграционное объединение на приграничные территории

* Исследование выполнено в рамках бюджетной научно-исследовательской работы в Институте экономики Карельского научного центра РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

Российской Федерации, следует отметить неодинаковый уровень развития данных территорий. Российские приграничные регионы к интеграционному объединению ЕАЭС характеризуются значительными отличиями по различным индикаторам.

В рамках проводимого исследования объектом выступают приграничные с ЕАЭС регионы, обладающие рядом конкурентных преимуществ и недостатков, связанных с географическим расположением. Предметом исследования является пространственная неоднородность рассматриваемых территорий, наблюдаемая по значительному количеству экономических и социальных индикаторов. Цель, поставленная в исследовании, заключается в проведении оценки пространственной неоднородности приграничных с ЕАЭС регионов и выявлении основных факторов, определяющих их неравенство.

Вопросам пространственного неравенства территорий посвящено значительное количество исследовательских работ [3–5]. Анализ уровня неоднородности проводится в рамках различных социальных и экономических индикаторов [6; 7]. Исследователи приходят к выводам относительно неодинаковости поведения индикаторов в рамках различных территориальных образований [8; 9]. В результате региональных особенностей и характерных преимуществ влияние различных экономических и социальных процессов и преобразований может быть различно. Подобная ситуация наблюдается и для приграничных регионов с ЕАЭС, которые демонстрируют высокий уровень неоднородности, определяемый по различным экономическим и социальным индикаторам [10]. Исследователи по-разному объясняют ситуацию неоднородности приграничных регионов, определяя различные факторы, оказывающие влияние на региональную дифференциацию и ее рост [11]. Отмечается, что приграничные регионы обладают значительными проявлениями неоднородности, которая определяется различными процессами и факторами. Современная геополитическая ситуация значительно изменила положение приграничных регионов, увеличив ориентацию на внутренние рынки страны. В контексте трансформационных процессов для регионов, приграничных с ЕАЭС, ситуация стабильная и значительных преобразований не наблюдается [12].

Рассматривая процессы развития приграничных с ЕАЭС регионов, исследователями отмечается высокий уровень их неоднородности [13]. Региональные различия проявляются при оценке показателей социально-экономического развития, в разрезе которых определяются территории, имеющие сравнительно высокие показатели развития.

Регионы приграничные к ЕАЭС представляют важное стратегическое пространство, развитие и функционирование которых является важной государственной задачей. Наличие документа, определяющего стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., свидетельствует о значимости развития данных территорий [14].

Исследование неоднородности развития территорий является важной составляющей регионального анализа. Российские регионы характеризуются различными темпами развития, обладанием природных и производственных ресурсов, качественными и количественными показателями трудового и человеческого потенциала и т.д. В результате наблюдаются различия в уровне развития российских регионов. Объектом данного исследования являются приграничные с ЕАЭС регионы, в которых сохраняется общероссийская тенденция неоднородности регионального развития. В рамках проводимого исследования оценивается динамика изменения показателей ВРП на душу населения и показателя инвестиции в основной капитал. Выбор данных показателей объясняется высоким уровнем их информативности относительно уровня развития рассматриваемых территорий. Динамика показателя ВРП на душу населения в разрезе приграничных с ЕАЭС регионов дает возможность оценить показатели экономического роста и развития территорий. Привлекательность для инвесторов оценивается при помощи показателя инвестиции в основной капитал. Исследователи активно обсуждают воздействие на показатели экономического роста на территориях, приграничных с ЕАЭС, и приходят к выводу, что влияние, оказываемое на регионы приграничные к евразийскому экономическому пространству, различны [3; 4].

Статистической базой для проведения исследовательских работ являются данные Росстата. Источником полученной статистической информации и формирования базы анализируемым индикаторам по приграничным с ЕАЭС регионам стал сборник «Регионы России». Статистической базой исследования прослужила также составленная автором база данных по экономическим и социальным показателям [14].

Уровень межрегиональной дифференциации рассчитывается при помощи коэффициента вариации (1), позволяющего оценивать возможности сближения рассматриваемых объектов по различным экономическим показателям.

$$\sigma_t = \frac{\sqrt{\frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n}(x_i - x_{cp})^2}}{x_{cp}} \quad (1)$$

где σ_t – коэффициент вариации, в момент времени t,

x_i – показатель регионального развития (i–регион),

$i = 1, \ldots, n$ – количество регионов,

$x_{ср}$ – среднее значение оцениваемого показателя развития.

Наличие процессов сближения при δ – конвергенции определяется при выполнениеи условия:

$$\delta_{t+T} < \delta_t \quad (2)$$

В качестве аппаратных средств оценки региональной неоднородности используются коэффициенты асимметрии и эксцесса, позволяющие определить наличие процессов дифференциации.

Оценка неравномерности развития регионов приграничных с ЕАЭС проводится в разрезе исследования показателей экономического роста. В рамках данного исследования рассматриваются показатели ВРП на душу населения и инвестиции в основной капитал.

Исследование динамики изменения показателя ВРП на душу населения показывает положительный тренд, который наблюдается по всем приграничным с ЕАЭС регионам. Полученные результаты по динамике изменения показателя ВРП на душу населения демонстрируют устойчивый рост по данному индикатору. Отмечаются периоды снижения исследуемого показателя, которые по большей части связаны с экономическими колебаниями в экономике (рис. 1).

Значительно отрывается от приграничных регионов Тюменская область, в которой значение показателя ВРП на душу населения существенно выше, чем в остальных приграничных с ЕАЭС регионах. Лидерство Тюменской области объясняется высоким ресурсным потенциалом и территория является лидером и в общероссийском массиве.

Наличие процессов неоднородности в разрезе регионов приграничных с ЕАЭС по показателю ВРП на душу населения демонстрируют полученные результаты по динамике изменения показателя ВРП на душу населения представленные на рисунке 1. Важно оценить динамику неравномерности рассматриваемых территорий ввиду того, что проведенный анализ показывает увеличение разрыва между Тюменской областью и другими регионами. Проведение оценки неоднородности проводится в результате расчета показателей неоднородности коэффициента вариации и коэффициента асимметрии в период до создания интеграционного объединения и в рамках его существования (рис. 2).

Полученные результаты оценки динамики коэффициента вариации определили наличие процессов расхождения исследуемых регионов до 2005 г., и схождения в период до 2016 г. Временной интервал с 2016 по 2022 гг. характеризуется сравнительно неустойчивой тенденцией, которая определяется общей экономической ситуацией.

Оценка динамики неоднородности в разрезе коэффициентов неоднородности подтверждает наличие неустойчивой динамики в разрезе регионов приграничных с ЕАЭС по исследуемому индикатору и рассматриваемый период (табл. 1).

Полученные результаты показывают наличие процессов неоднородности, которые демонстрируют коэффициенты асимметрии в динамике, демон-

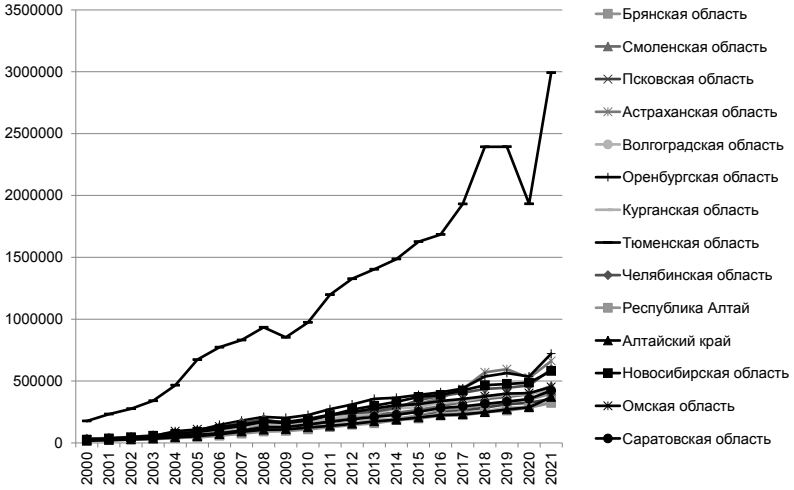

Рис. 1. Динамика изменения ВРП на душу населения в регионах приграничных с ЕАЭС, млн руб.

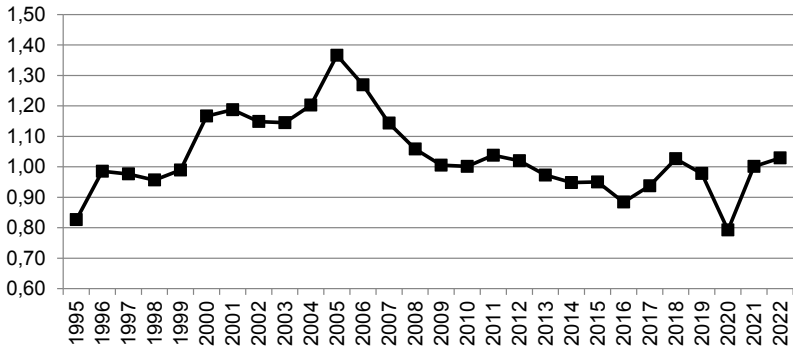

Рис. 2. Динамика коэффициента вариации по показателю ВРП на душу населения в приграничных с ЕАЭС регионах

Таблица 1

Коэффициенты асимметрии по показателю ВРП на душу населения, приграничные с ЕАЭС регионы

	1995 г.	1998 г.	2001 г.	2004 г.	2007 г.	2010 г.	2013 г.	2016 г.	2019 г.	2022 г.
коэффициент вариации	0,83	0,96	1,19	1,20	1,14	1,00	0,97	0,88	0,98	1,03
коэффициент асимметрии	3,48	3,61	3,67	3,59	3,56	3,60	3,54	3,55	3,51	3,57
коэффициент эксцесса	12,58	13,29	13,60	13,19	12,99	13,21	12,90	13,00	12,71	13,04

* Источник: расчеты автора.

стрирующие, что в рассматриваемом массиве наибольший процент имеют значения меньше среднего значения.

В рамках современных направлений экономического роста особое значение приобретают финансовые потоки, способствующие экономическому развитию территории и производственным направлениям деятельности. В рамках данного исследования оценивание финансовой составляющей проводится на основании исследования динамики статистического показателя – инвестиции в основной капитал.

Исследование по показателю инвестиции в основной капитал проводилось в разрезе создания ранжированного списка приграничных к ЕАЭС регионов. Ранжирование проводилось на основании расчета медианы, которая позволила выделить группу регионов с наибольшими и наименьшими значениями. Были выделены две группы регионов, которые расположились в рейтинге соответственно занимаемым позициям (табл. 2).

Таблица 2

Ранжирование приграничных с ЕАЭС регионов по показателю инвестиции в основной капитал в 2022 г. (в фактически действовавших ценах; млн руб.)

Регионы	2022 г.
Тюменская область	3101824
Челябинская область	373143
Новосибирская область	322 428
Оренбургская область	234 683
Волгоградская область	216 476
Саратовская область	207 731
Омская область	191 360
Алтайский край	145 865
Брянская область	87 395
Астраханская область	86 116
Смоленская область	64 905
Курганская область	54 667
Псковская область	39 594
Республика Алтай	31 140

*Источник: составлено на основании данных Росстата.

Как и в случае с показателем ВРП на душу населения в разрезе приграничных регионов лидирующие позиции занимает Тюменская область.

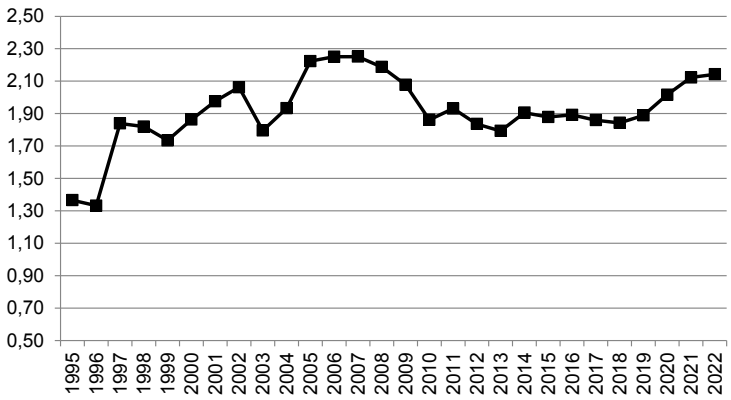

Рис. 3. Динамика коэффициента вариации по показателю инвестиции в основной капитал в приграничных с ЕАЭС регионах

Полученные результаты можно считать разумными ввиду высоких экономических показателей области и специализации экономики на добывающем производстве.

Неоднородность приграничных регионов с ЕАЭС по показателю ВРП на душу населения продемонстрируемая выше определила наличие процессов дифференциации.

Полученные результаты расчета коэффициента вариации определили наличие процессов неоднородности, которые демонстрирует рисунок 3. Полученная динамика демонстрирует периоды расхождения [1996–1997, 2003–2005] и сходимости исследуемой выборки [2007–2010, 2011–2013].

Расчет коэффициентов неоднородности подтверждает наличие неустойчивой динамики в разрезе регионов приграничных с ЕАЭС по показателю инвестиции в основной капитал в исследуемый период (табл. 3).

Коэффициенты асимметрии по показателю инвестиции в основной капитал (табл. 2), также как и коэффициенты асимметрии по показателю ВРП на душу населения (табл. 1), демонстрируют наличие процессов неоднородности, что и рассматриваемом периоде (1995–2022 гг.) сдвигается в сторону меньших значений исследуемого показателя.

Обращает внимание, что с периода создания интеграционного объединения ЕАЭС по исследуемым показателям не наблюдается резких колебаний

Таблица 3

Коэффициенты асимметрии по показателю инвестиции в основной капитал, приграничные с ЕАЭС регионы

	1995 г.	1998 г.	2001 г.	2004 г.	2007 г.	2010 г.	2013 г.	2016 г.	2019 г.	2022 г.
коэффициент вариации	1,37	1,82	1,98	1,93	2,25	1,86	1,79	1,89	1,89	2,14
коэффициент асимметрии	3,46	3,60	3,59	3,59	3,67	3,53	3,52	3,62	3,60	3,66
коэффициент эксцесса	12,51	13,22	13,16	13,20	13,60	12,87	12,82	13,34	13,24	13,56

*Источник: расчеты автора

и рассматриваемые приграничные регионы имеют тенденцию к сближению.

В результате проведенного исследования оценено воздействие интеграционного объединения ЕАЭС на пограничные регионы. Единое евразийское пространство оказывает воздействие на показатели социально-экономического развития территорий. Влияние наблюдается в процессах активизации экономической активности между пограничными территориями и странами. Проведенная в рамках исследования оценка отдельных экономических показателей не определила наличия устойчивого воздействия, которое бы отражалось в изменениях качественных показателей экономического развития территории. Интеграционное объединение ЕАЭС оказывает влияние на темпы развития регионов, имеющих граничное расположение, которое имеет опосредованный эффект. В результате полученных выводов можно предположить о более существенном воздействии других экономических факторов, обеспечивающих стабильный экономический рост территорий. К таким показателям могут быть отнесены миграционные потоки, оптовая и розничная торговля, хозяйственные и культурные взаимодействия.

Литература:

1. Михеева Н.Н. Долгосрочные прогнозы регионального развития: анализ результатов и проблемы разработки // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5. С. 24–37.
2. Морошкина М.В. Динамика развития человеческого и трудового потенциала приграничных регионов со странами-участниками ЕАЭС // Проблемы современной экономики. 2022. № 4 (84). С. 20–23.
3. Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022 Т. 15. № 4. С. 74–87. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.5.
4. Коломак Е.А. Трансформация пространственных пропорций развития современной России: направления, темпы, факторы // Интерэкспо ГеоСибирь. 2020. Т. 3. № 1. С. 88–95.
5. Gluschenko K. Measuring regional inequality: To weight or not to weight? // Spatial Economic Analysis. 2018. № 13(1). P. 36–59.
6. Чередниченко О.В. Российский рынок труда и потенциал его развития // Инновации и инвестиции. 2019. № 1 С. 237–276.
7. Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press. 1991. 142 p.
8. Морошкина М.В. Оценка экономического и человеческого потенциала и неравенство территорий АЗРФ на примере районов Карельской Арктики // Российская Арктика. 2022. № 17. С. 8–20. DOI: 10.24412/2658-4255-2022-2-08-20.
9. Зубаревич Н.В., Макаренцева А., Мкртчян Н. Социально-экономическое положение регионов и демографические итоги 2019 г. (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2020. № 4. С. 73–87.
10. Михайлова А.А. Трансграничная цифровизация Западного порубежья России: потенциал и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14. №1. С. 90–108. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-6.
11. Леонова Н.Г. Анализ научных подходов к исследованию межрегиональной социально-экономической дифференциации: исторический, социокультурный и системный подходы // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 11. С. 4701–4718. DOI: 10.18334/epp.13.11.119873.
12. Земцов С.П. Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. 2024. Т. 16. №1. С. 23–45. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2
13. Морошкина М.В. Межрегиональная дифференциация приграничных регионов на евразийском пространстве // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. Т. 2. С. 60–63
14. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php
15. Морошкина М.В. Социально-экономические показатели развития регионов РФ за период 1991-2015 гг. // Официальный бюллетень Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) «Программы для ЭВМ. Базы данных. Базы данных, охраняемые авторскими правами». 2017. № 8. 14.06.2017–07.08.2017.

Spatial Heterogeneity of Regions Bordering the EAEU

Moroshkina M. V.
Russian Academy of Sciences Structural Subdivision Within the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

The study of the reasons for the emergence of spatial heterogeneity of the EAEU border regions is a relevant topic for consideration and analysis in the context of the current economic and political situation. The presence of unevenness of the EAEU border regions is determined by the influence of various factors. The purpose of the research is to assess the development of the regions bordering the EAEU, to identify and determine the causes of their heterogeneity. The main research objectives are to assess the dynamics of development of the territory, identify their heterogeneity and determine the main causes of regional inequality. Applied significance is determined by the socio-economic context and requires a directed analysis of the development of regions bordering on the integration association and identification of the causes of their unevenness. The methodological apparatus of the study includes the assessment of statistical data and calculation of asymmetry coefficients. The analysis has determined the presence of heterogeneity processes and allowed us to form the main directions for their assessment. The obtained results can become the basis for scientific and practical tools and management decision-making within the framework of spatial heterogeneity of border regions.

Keywords: regional inequality, border regions, EAEU, coefficient of variation of GRP per capita, investment in fixed capital, asymmetry coefficient

УДК 332.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-308-311

Особенности формирования стратегии развития человеческого капитала в аграрной сфере региона на примере Республики Татарстан*

Окружнов В.А.
Аспирант кафедры региональной и отраслевой экономики
Казанского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации

Малолетко А.Н.
Доктор экономических наук, профессор
кафедры экономики и управления народным хозяйством
Российского университета кооперации (Москва)

В настоящее время, сельскохозяйственный комплекс страны и Республики Татарстан активно развивается. Динамичное развитие обусловлено необходимостью обеспечения продовольственной безопасности населения, реализации программы импортозамещения, создания новых рабочих мест, а также обеспечения экспортного потенциала страны. В настоящее время, аграрный сектор Республики Татарстан нуждается в формировании и стратегии развития человеческого капитала. Именно человеческий капитал обеспечивает интенсивное, устойчивое и поступательное развитие данной отрасли. В статье авторы рассматривают понятие человеческого капитала, ключевые факторы формирования стратегии его развития и определяет методы и способы его использования в аграрной сфере Республики Татарстан. Авторами также предложен комплекс мероприятий реализации человеческого капитала в конкретных условиях хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: *человеческий капитал, аграрный сектор, Республика Татарстан, стратегия развития, развитие экономики, развитие региона*

Для цитирования: *Окружнов В.А., Малолетко А.Н. Особенности формирования стратегии развития человеческого капитала в аграрной сфере региона на примере Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 308–311. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-308-311.*

В настоящий момент РФ находится под воздействием одного из самых сильных кризисов в истории современной России. Давление со стороны санкций, введенных западными государствами в отношении РФ в последние несколько лет, является невероятно сильным. Сегодня в той или иной мере санкции коснулись каждого сегмента народнохозяйственного комплекса России, в том числе и агропромышленного.

На сегодняшний день мы можем говорить о серьезном ущербе сельскохозяйственной сфере страны, который затронул также и стратегические перспективы совершенствования данной области. Это обусловлено разными факторами, среди которых: отсутствие доступа к зарубежным технологиям, ка-

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

питалу, наложение санкций на такие отрасли, как племенное животноводство и семеноводство и т.д. Исправить данное положение дел можно только при условии разработки механизмов, которые смогут поспособствовать активизации резервов внутреннего фонда государства.

Человеческий капитал – это знания и навыки людей, которые были накоплены в течение многих лет и развиваются в них по мере раскрытия их в процессе трудовой деятельности [1, с. 571]. Если говорить шире, то это профессиональные компетенции отдельных граждан, которые позволяют развиваться всему народу страны. Аграрная сфера обладает определенным человеческим капиталом, который по своей сути является достаточно сложной, хорошо организованной системой с эффективной иерархией, которая работает на основе различных субъективных и объективных противоречий. При этом данные противоречия почти нереально разрешить посредством сил единичных хозяйствующих субъектов агропромышленного комплекса, даже если их возможности производственного и финансового плана являются довольно расширенными. Таким образом, мы видим острую необходимость в регулировании человеческого капитала в аграрной сфере посредством воздействия государственных органов. Причем особое внимание необходимо уделить организации и управлению воспроизводства человеческого капитала в рамках перспективы средней и долгой срочности. Это позволит не только обеспечить максимальную конкурентоспособность человеческого капитала аграрной сферы на рынке, но и повысит позиции всего экономического сегмента агропромышленного комплекса России.

Приступая к характеристике рынка труда сельской местности, стоит выделить ряд факторов, которые оказывают негативное влияние на него: сезонность некоторых видов работ, небольшое количество сфер для привлечения работников, ограниченные возможности для предоставления рабочих мест. За последнее время произошло серьезное разрушение социальной инфраструктуры во многих населенных пунктах, что также является негативным фактором, который оказал влияние на снижение уровня занятости населения.

Так как использование трудовых ресурсов в сельской местности является довольно ограниченным, то и население достаточно ограничено при выборе мест для трудоустройства. Как правило, рабочие места имеют отношение к сельскому хозяйству или относящимся к нему отраслям. К тому же поселки и деревни распределены по территории регионов и нередко находятся в отдаленных и труднодоступных точках. Это добавляет негативного воздействия на возможности трудоустройства населения в желаемые места.

Кроме этого, сельский рынок ограничен определенным количеством предпринимателей, которые готовы предоставить рабочие места населению. Это сужает карьерные возможности работников, не говоря об очень узком выборе вакансий. Сезонная потребность в рабочей силе так же негативно сказывается на трудоустройстве сельского населения. Нередко сельское хозяйство не требует постоянного участия сотрудника, поэтому и оплачивать его труд на протяжении всего года никто не будет. Это касается, например, посевных и уборки урожая с полей. Такая работа предполагает предоставление рабочих мест на весну и осень.

В связи с вышесказанным, нами проведено исследование рынка сельскохозяйственной отрасли, что позволило сделать вывод о том, что положительное влияние государства на данное направление ничтожно мало. Последнее время происходило постепенное сужение программ для подготовки специалистов, уменьшались меры поддержки малого предпринимательства и было урезано до минимума финансирование сельских служб занятости. Такое положение стало причиной того, что на рынке труда сельского хозяйства начала превалировать пассивная политика, которая была направлена лишь на частичную выплату пособий по безработице, то есть его получают только некоторые безработные граждане.

При этом если будет планироваться переход к активной политике, то появится необходимость в подготовке и осуществлении программ регионального и целевого действия. За счет того, что дисбаланс на рынке занятости населения в сельской местности в ближайшее время никуда не денется, а рост количества безработных граждан продолжится, остро встает вопрос о подготовке программ данной направленности.

Нами проведен детальный анализ агропромышленного комплекса в Республике Татарстан, что позволило сделать вывод о том, что влияние государства на развитие и состояние рынка довольно мало. Отделения службы занятости, расположенные в сельской местности, не получают достаточный объем финансирования своей деятельности, в результате чего произошло сокращение функций, которые они выполняют. К тому же было отмечено, что произошла отмена многих мер поддержки предпринимательской деятельности в сельскохозяйственной отрасли, а также уменьшение возможностей людей на профессиональную подготовку для трудоустройства. Данные факторы указывают на то, что государственные органы на рынке занятости населения в Республике Татарстан ведут пассивную политику [2, с. 127].

Считаем, что рациональней проводить активную политику в сфере занятости населения. Для этого требуется подготовить и осуществить программы регионального и целевого действия. Данные программы действительно необходимы агропромыш-

ленному комплексу сегодня, потому что, по мнению исследователей, безработица будет только расти, а дисбаланс на рынке труда не исчезнет сам по себе. Довольно важным является и вопрос о восстановлении равенства между предложением и спросом на рабочие места на сельскохозяйственном рынке, а также о формировании возможностей для профессиональной подготовки и переподготовке специалистов в сельскохозяйственной области. Здесь необходимо влияние государства, потому что без его помощи решить данные вопросы не получится.

Таким образом в сельской местности необходимо более серьезное воздействие со стороны государственных органов. Сфере занятости населения срочно требуется модернизация и подготовка целевых программ, направленных на решение проблем, которые не дают данному рынку развиваться и совершенствоваться. Данные программы должны быть направлены на определенные вопросы, среди которых:

1. Формирование условий, при которых на рынке сельского хозяйства появятся новые рабочие места. Для решения этого вопроса рекомендуется разработать программы по оказанию поддержки, в том числе и финансовой, организациям, которые способны предоставить новые рабочие места населению.

2. Предотвращение увольнения сотрудников в случае, если организация была обанкрочена, сменила собственника или была приватизирована. Таким способом получится удержать квалифицированные кадры на их местах.

3. Разработка программ поддержки при переезде специалистов из одного населенного пункта в другой или из одного района в другой, в том числе и оказание поддержки в поиске и предоставлении жилой площади.

4. Стимулирование компаний сельскохозяйственной направленности с помощью экономических мер на то, чтобы они создавали дополнительные рабочие места, направленные на привлечение молодых специалистов и прочих работников.

5. Стимулирование сотрудников сельскохозяйственной сферы на переаттестацию, переподготовку, повышение квалификации и т.д.

6. Привлечение финансов из российского фонда занятости населения в отношении выплат работодателям, чтобы помочь им компенсировать финансовые издержки в процессе создания дополнительных рабочих мест. Такая поддержка может быть выполнена посредством льготного кредитования или оформления ссуд.

7. Помощь в освоении различных типов занятости населения, в том числе надомной работы, работы на неполный рабочий день или с гибким графиком.

8. Повышение значимости практики, направленной на предоставление рабочих мест молодым специалистам, выпускникам вузов сельскохозяйственной направленности, за счет договоров со службой занятости населения, при котором зарплата специалистов будет начисляться из средств фонда занятости населения.

9. Проведение переговоров и, по возможности, заключение договоров между службой занятости населения и сельскохозяйственными вузами для проведения подготовки или переподготовки необходимых специалистов. Это даст возможность повысить уровень профессиональных компетенций сотрудников и закрыть свободные рабочие места обученными кадрами.

От влияния государства зависит эффективность и успешность решения данных вопросов. Это значит, что именно от него зависит, получится ли повысить уровень сферы занятости населения и улучшить позиции кадров из данной отрасли экономики на рынке. Стоит сказать, что районные службы занятости не обладают достаточными полномочиями, из-за чего возникают сложности в процессе их функционирования. Для того чтобы усовершенствовать работу районных служб, нужно регулярно следить за переменами на сельскохозяйственном рынке труда, разрабатывать прогнозы изменений и оперативно принимать меры по адаптации к ним [3, с. 114].

От государства в свою очередь требуется проведение мероприятий для регулирования функционирования рынка занятости сельского населения. К таким мероприятиям относится повышение значимости активной политики, которая заключается в финансировании центров занятости населения, подготовки и осуществлении программ для увеличения количества рабочих мест, переквалификации сотрудников и поддержки малого и среднего предпринимательства. Задачей муниципальных властей является отслеживание положения сферы занятости населения в сельскохозяйственной области с целью сбора данных об уровне равенства между спросом и предложением на рабочие места, оперативного решения вопросов о необходимости повышения квалификации кадров, составления прогноза роста безработицы и т.д. Следует направить силы на постепенное совершенствование области занятости населения в сельских районах. Причем, работа должна осуществляться совместно посредством участия разных уровней власти: федеральной, региональной, муниципальной, а также при включении в данную деятельность районных служб занятости и предпринимателей.

Сегодня ведутся активные обсуждения того, в каком направлении следует развивать человеческий капитал сельскохозяйственной отрасли Республики Татарстан. Мы считаем, что только комплексный подход позволит активизировать процесс развития сферы рынка труда в сельской местности и избавит от негативных последствий, которые сфера переживает из-за высокого уровня безработицы. Таким

образом, будут созданы дополнительные рабочие места, что, в свою очередь, повысит уровень жизни сельского населения.

Литература:

1. Пшеничникова В.Д. Человеческий капитал и его значение для региональной экономики // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 571–573.
2. Шамсутдинова М.Р. Методические подходы к оценке региона на основе ESG-рейтинга (на примере Республики Татарстан) // Вопросы региональной экономики. 2022. № 4(53). С. 127–135.
3. Ситдикова Л.Ф., Халиуллина Г.И. Формирование человеческого капитала Республики Татарстан в аграрном секторе на современном // Вектор экономики. 2019. № 1(31). С. 113–119.
4. Сайфуллина Ф.М., Мустафина Л.Р., Махмутова А.А., Салахутдинова Л.И. Сравнительный анализ деятельности малого и крупного предпринимательства в инвестиционно-строительном комплексе региона (на примере Республики Татарстан) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 12(110). С. 68–79.
5. Дорофеев А.Ф. Стратегия инновационного развития человеческого капитала аграрного сектора России // Инновации. 2016. № 12 (218). С. 46–54.
6. Авдеев Е.В. Принципы обоснования стратегии развития человеческого капитала аграрной сферы // Проектный и инвестиционный менеджмент в постпандемический период: Материалы II Нац. науч.-практ. конф. Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2021. С. 14–23.

Features of Forming a Strategy for Human Capital Development in the Agricultural Sector of the Region by the Example of the Republic of Tatarstan

Okruzhnov V.A.
Kazan Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation
Maloletko A.N.
Russian University of Cooperation

Currently, the agricultural complex of the country and the Republic of Tatarstan is actively developing. Dynamic development is due to the need to ensure food security of the population, implement the import substitution program, provide jobs, as well as ensure the country's export potential. Currently, the agricultural sector of the Republic of Tatarstan needs the formation and strategy for the development of human capital. It is human capital that ensures the intensive, sustainable and progressive development of this industry. In the article, the author examines the concept of human capital, the key factors in forming the strategy for its development and determines the methods and means of its use in the agricultural sector of the Republic of Tatarstan. The author also proposed a set of measures for the implementation of human capital in specific conditions of economic activity.

Keywords: human capital, agricultural sector, Republic of Tatarstan, development strategy, economic development, regional development

УДК 316.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-312-317

Интеграционные ценности граждан стран Малой Евразии*

Осадчая Г.И.
Доктор социологических наук, профессор,
руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва)

Юдина Т.Н.
Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва)

Актуальность изучения интеграционных ценностей народов постсоветских стран обусловлена необходимостью объединения их усилий в решении социально-экономических проблем. От разделяемых ценностей, регулирующих поведение людей, во многом зависит будущее каждого государства Малой Евразии, сохранение стабильности и избежание социальных вызовов.

В статье выявлены системы ценностей мигрантов из стран, участвующих в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, которые дают основания оценить потенциал и перспективы интеграционного развития. Эмпирической базой анализа служат результаты опроса в феврале – марте 2024 г. граждан Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, работающих и проживающих на территории г. Москвы. По итогам анализа сделаны выводы о сходстве у большинства респондентов интеграционных ценностей и поддержке ими объединения усилий стран в решении социально-экономических проблем. Отмечено появление противоречивых и разнонаправленных ориентаций респондентов на интеграционные объединения Большой Евразии, обоснована необходимость усиления евразийского вектора развития.

Полученные результаты могут стать полезными для разработки политических стратегий и мер, направленных на укрепление общественной солидарности и единства изучаемых стран. Это особенно важно в контексте множества вызовов, с которыми сталкиваются современные общества. Консенсус интеграционных ценностей солидаризирует социум, усиливает взаимодействие между людьми и повышает уровень доверия, способствует сотрудничеству и уважению к различиям между людьми.

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

Новое знание может дополнить существующие теоретические и методические разработки в области социологии, политологии, культурологии и других научных дисциплин, способствуя расширению представлений о социокультурных и политических процессах в СНГ, восполнят отсутствие эмпирических исследований, направленных на современный анализ ценностного ядра консолидации населения постсоветских стран, позволит разработать более глубокое понимание процессов общественной консолидации включая то, как ценности и идеи могут служить факторами единства или разделения в разнообразных обществах.

Ключевые слова: *ценности, интеграция, Евразийский экономический союз, граждане стран членов и наблюдателей ЕАЭС*

Для цитирования: *Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Интеграционные ценности граждан стран Малой Евразии // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 312–317. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-312-317.*

Общественное согласие граждан постсоветских стран – фактор прочной и эффективной экономической интеграции. В условиях динамики и подвижного характера ценностей человека в период нестабильности и радикальных перемен, иерархий ценностей возникает потребность на основе анализа эмпирической информации, выявить на данном этапе общественного развития сходство и различие интеграционных ценностей для регулирования отношений, обоснования и принятия решений, отвечающих интересам поступательного развития стран Малой Евразии, социальной стабильности.

В современной социологии существует большое количество теоретико-методологических подходов к измерению ценностей, прослеживается многовариантность методик эмпирического изучения ценностных ориентаций, обусловленная их ограничениями теоретического и практического характера [1–10].

В нашем исследовании под интеграционными ценностными ориентациями граждан постсоветских стран понимаются личностные ценности мигрантов работающих и проживающих в Москве, выполняющие функцию ориентира в достижении общественного согласия и успеха интеграционных процессов государств Малой Евразии. В качестве доминирующих, системообразующих характеристик интеграционных ценностей мы рассматриваем одобрение/не одобрение деятельности, оценку глубины и направлений расширения сфер интеграции, основ и ценностных установок объединения стран, согласие/несогласие с основными идеями, определяющими суть евразийской парадигмы, толерантность, открытость к межкультурным контактам, определяющими возможности успешной интеграции народов постсоветских стран.

Методическая стратегия представлена количественным опросом 938 мигрантов – граждан Армении (180), Беларуси (123), Казахстана (119), Кыргызстана (188), Таджикистана (147), Узбекистана (181) в феврале – марте 2024 г. Признаки отбора респондентов: гражданство (граждане Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана), работа и проживание на территории г. Москвы. Выборка не носит репрезентативного характера, осуществлялась методом нежного кома. Среди опрошенных более половины респондентов приехали в Москву из городов с населением от 500 тыс. населения до более 1 млн чел., еще треть от 100 тыс. до 500 тыс. чел., более половины работает (большинство в сфере услуг, торговле, строительстве, на транспорте, в такси), 35,1 % – выполняют квалифицированную работу, 17,9 % неквалифицированную. Еще 27,5 % учится и работает, 13,2 % только учится. 72,1 % в возрасте от 20 до 34 лет. 56,5 % имеют высшее образование, 18,7 % среднее специальное.

Важное значение для характеристики интеграционных ценностей имеет оценка интеграционного проекта и интерес к его развитию. Одобрение и представления о глубине дальнейшей интеграции задают общий положительный фон и во многом определяют его вектор и динамику. По данным нашего исследования, среди респондентов в 4 раза больше тех, кто одобряет деятельность Евразийского экономического Союза. Наиболее высоко результаты интеграции оценивают мигранты из Таджикистана и Кыргызстана (рис. 1). 6 из 10 респондентов (Таджикистан, Кыргызстан, Беларусь) отметили, что она привела к позитивным изменениям в их жизни (рис. 2).

Основанием для такого утверждения, возможно, стала оценка материального благополучия опрошенных. Так, 41,4 % респондентов отметили, что денег хватает на еду и одежду, но трудно купить холодильник или стиральную машину, 30,0 % – на покупку крупной бытовой техники, но не могут купить новую машину, 10,7 % заработков хватает на все, за исключением покупки таких дорогих вещей, как дача или квартира. Однако 12,7 % испытывает материальные затруднения (приобретение еды – 1,9 %, покупка одежды – 10,8 %).

Среди трети затруднившихся ответить на вопрос об одобрении результатов интеграции в равной мере

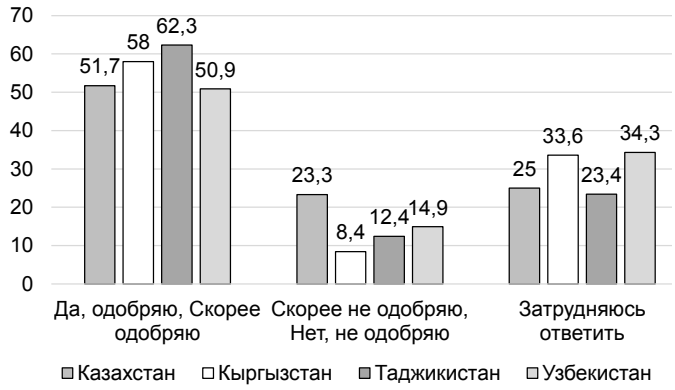

Рис. 1. Доля респондентов одобряющих/не одобряющих деятельность Евразийского экономического Союза (ЕАЭС)

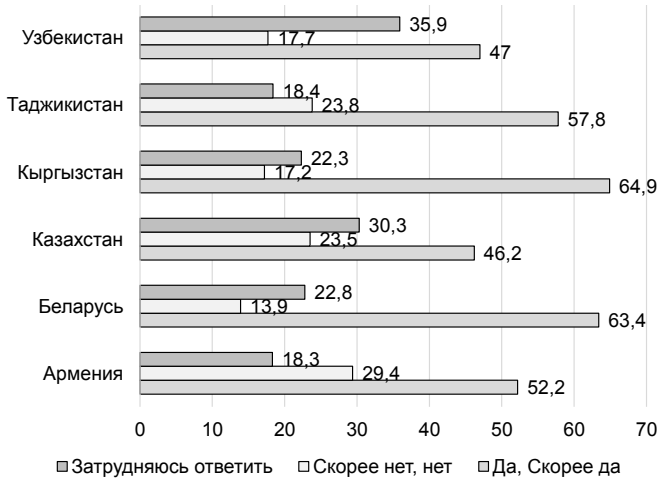

Рис. 2. Оценка респондентами позитивных изменений в их жизни в результате интеграционных процессов в Малой Евразии

присутствуют респонденты с разным уровнем образования, дохода, возраста, социально-профессионального статуса.

Самой поддерживаемой опрошенными формой интеграции своей страны со странами ЕАЭС является – экономическая. На неё ориентированы 9 из 10 граждан Армении, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана. На политическую интеграцию – 8 из 10 граждан Армении, Кыргызстана, Таджикистана, культурную – 8 из 10 граждан Армении, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана (рис. 3).

Подавляющее большинство в качестве приоритетных направлений рассматривает взаимодействие народов постсоветского пространства в сфере культуры, искусства, образования, спорта, туризма. Очевидно, что значительная поддержка направлений углубления интеграции, связанных с реализацией общих принципов и стандартов образования (85 %), практики подготовки квалифицированных кадров (82,5 %), гармонизацией требований к профессиям (81,1 %), развитием межвузовского сотрудничества, программ стажировок и академических обменов (82,6 %), общих принципов здравоохранения (85,3 %), содействием развитию туризма в рамках

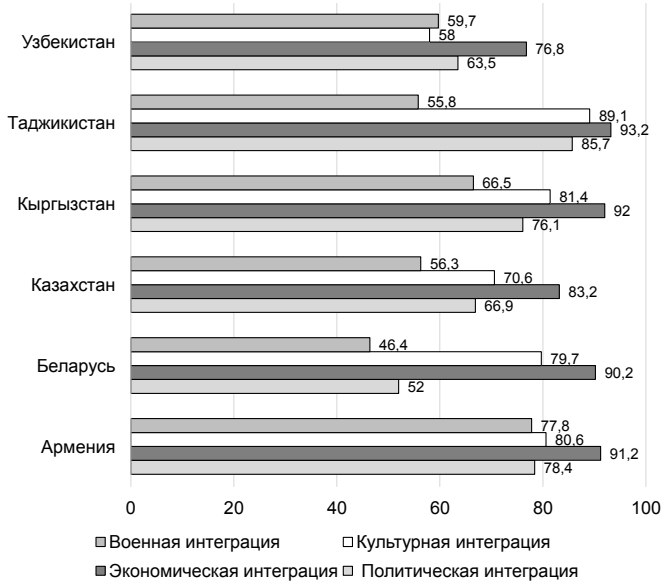

Рис. 3. Доля респондентов по странам, поддержавших конкретные формы интеграции их страны со странами ЕАЭС

евразийского интеграционного контура (82,6 %) связана со стремлением снижения барьеров на пути товаров, услуг, людей и капиталов, будет способствовать развитию взаимных торговых и инвестиционных связей и, тем самым, росту экономики постсоветских стран, повышению качества человеческого капитала, станет мощным интеграционным потенциалом.

Как показывает практика, задача реинтеграции постсоветского пространства оказывается достаточно сложной. Сказывается негативный опыт борьбы стран за символическую власть и легитимацию нового политического порядка, оправдание курса на радикальную трансформацию политического и экономического порядка, переосмысление и интерпретацию прошлого. Представляется, что мнение респондентов о том, что в первую очередь препятствует развитию СНГ, отражает особенности интеграционной повестки в изучаемых странах, позиции руководителей стран и элит (табл. 1). Как видим, мигранты из Армении и Казахстана на 1 место поставили фактор «Национальные и государственные элиты, преследующие свои интересы», из Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана – «Низкая информированность граждан о деятельности союза».

Решением Совета глав правительств СНГ в мае 2020 г. утверждена «Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 г.», в которой указано, что «основной целью экономического развития Содружества Независимых Государств является создание благоприятных условий для устойчивого экономического развития, повышения уровня жизни, благосостояния граждан государств – участников СНГ» [11]. Такая постановка задач в полной мере соответствует представлениям граждан постсоветских стран о

Таблица 1

Мнение респондентов о том, что в первую очередь препятствует интеграции постсоветских стран (не более 2-х вариантов ответа)

	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан
Низкая информированность граждан о деятельности союза	3	1	2–3	1	1	1
Национальные и государственные элиты, преследующие свои интересы	1–2	3	1	2–3	2	3–4
Политическая, культурная, экономическая разобщенность стран-участниц	1–2	4	2–3	2-3	3–4	2
Отсутствие единства по поводу целей интеграции	4	2	4	4	3–4	3–4

ценностных установках, которые должны лежать в основе интеграции постсоветских стран в первую очередь (табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов о ценностные установках, которые должны лежать в основе интеграции в первую очередь

Цели интеграции	Ранг
Повышение благосостояние населения каждой из стран-членов ЕАЭС	1
Обеспечение прав и свобод человека, достоинства личности	2
Обеспечение коллективной безопасности	3-4
Достижение продуктивной занятости, свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда СНГ	3-4

По их мнению, основу евразийской интеграционной модели создают: экономическая взаимосвязанность регионов и стран, общая историческая судьба, единые ценности и моральные нормы, необходимость обеспечения безопасности каждой страны, единое географическое пространство. 8 из 10 опрошенных согласны с утверждением евразийцев о том, что существует объективная предрасположенность народов, проживающих на территории Евразии к различным формам интеграции, им присуща национальная терпимость и религиозная веротерпимость к различным конфессиям: христианам, мусульманам, иудаистам, буддистам.

Однако эксперты отмечают, что для новых поколений, вступающих в жизнь со своими взглядами, ценностями, устремлениями и др., эти основания в перспективе могут в меньшей степени служить основой для интеграции. Уже сегодня в ходе интеграционных процессов на постсоветском пространстве, проявляется противоречивый и разнонаправленный характер установок. Несмотря на то, что 33,9 % опрошенных ориентированы на Евразийский экономический союз, 24 % считает, что ни на какие объединения ориентироваться не нужно, нужно рассчитывать только на свою страну, 17 % ориентируются на интеграционные программы и проекты, связанные с Китаем, 16 % – Европейский союз, 9 % – организации тюркских государств. Наиболее высокое притяжение к Евразийскому экономическому союзу продемонстрировали граждане Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана (4 из 10 опрошенных). А среди респондентов граждан Армении – треть, Казахстана – четвертая часть, Узбекистана – пятая. В предпочтениях респондентов присутствуют все геополитические векторы. Очевидно, они отражают интеграционные позиционирования каждой их стран. А оно многовекторно (рис. 4).

В интеграционных процессах важную роль играют такие элементы межнационального взаимодействия как толерантность, открытость к межкультурным контактам, измеряемые с помощью

Рис. 4. Мнения респондентов о том, на какие интеграционные объединения, прежде всего, следует ориентироваться стране их гражданства

опросов. Гармония как построение межэтнических отношений проявляется в поддержании внутренних и внешних связей членов данной группы. 7 из 10 респондентов в нашем исследования тесно взаимодействуют с представителями разных национальностей и отмечают, что сложившиеся отношения зависят не от национальности, а от человеческих качеств. Правда, для 23,6 % национальность имеет значение, что скорее всего связано с личным опытом, более высоким уровнем внутригрупповой солидарности, осознанием своей групповой принадлежности, значимости групповых норм.

Отметим для 75–80 % респондентов важны или очень важны национальные, этнические, религиозные, семейные традиции и обычаи страны гражданства.

Более ярко это проявляется в оценке возможности вступления в межнациональный брак. Менее других к такому шагу готовы граждане Узбекистана (табл. 3).

Нормы, идеалы, ценности респондентов как внутригрупповые установки характеризует их идентификация. Большинство ощущают себя в первую очередь: гражданином/гражданкой своей страны (27,7 %), представителем своей национальности/этнической группы/народа (19,2 %), членом своей семьи (14,4 %), представителем своей религии (13,5 %). И только 9,1 % – жителем/жительницей города/региона, в котором живет в России, 6,4 % Гражданином/гражданкой мира, 2,3 % – Гражданином/гражданкой Евразийского экономического союза.

Таким образом, анализ результатов исследования дает основания говорить о сходстве у большинства респондентов интеграционных ценностей. Среди респондентов в 4 раза больше тех, кто одобряет деятельность Евразийского экономического Союза. Наиболее высоко результаты ценят мигранты из Таджикистана и Кыргызстана. Самой поддерживаемой опрошенными формой интеграции своей страны со странами ЕАЭС является – экономическая. На неё ориентированы 9 из 10 граждан Армении, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана. На политическую интеграцию – 8 из 10 граждан Армении, Кыргызстана, Таджикистана, культурную – 8 из 10 граждан Армении, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана

Подавляющее большинство в качестве приоритетных направлений рассматривает взаимодействие народов постсоветского пространства в сфере культуры, искусства, образования, спорта, туризма, что будет способствовать повышению качества человеческого капитала, росту экономики постсоветских стран, станет мощным интеграционным потенциалом.

По оценке опрошенных, на эффективности интеграции сказываются особенности интеграционной повестки в их странах, позиции руководителей стран и элит. Граждане Армении и Казахстана на 1 место поставили фактор препятствующий развитию «Национальные и государственные элиты, преследующие свои интересы», из Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана – «Низкая информированность граждан о деятельности союза» в первую очередь препятствует отражает. В качестве базовых ценностей интеграции постсоветских стран названы – повышение благосостояние населения каждой из стран-членов СНГ, обеспечение прав и свобод человека, достоинства личности, коллективной безопасности, достижение продуктивной занятости, свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда. А основы евразийской интеграционной модели: экономическую взаимосвязанность регионов и стран, общую историческую судьбу, единые ценности и моральные нормы, необходимость обеспечения безопасности каждой страны, единое географическое пространство. 8 из 10 опрошенных согласны с утверждением евразийцев о том, что существует объективная предрасположенность народов на территории Евразии к различным формам интеграции, им присуща национальная терпимость и религиозная веротерпимость к различным конфессиям.

7 из 10 респондентов в нашем исследования демонстрируют в межнациональном взаимодействии толерантность, открытость к межкультурным контактам, тесно коммуницируют с представителями разных национальностей и отмечают, что сложившиеся отношения зависят не от национальности, а от человеческих качеств. Большинство респондентов идентифицируют себя со страной происхождения. И только 9,1 % – с жителем/жительницей города/региона, в котором живут в России, 6,4 % – с гражданином/гражданкой мира, 2,3 % с гражданином/гражданкой Евразийского экономического союза.

Для поддержания положительных эффектов интеграции, усиления евразийского вектора развития лидерам необходимо учесть при принятии решений настрой народов постсоветских стран, а СМИ усилить информирование о достижениях и перспективах, потенциале интеграционных процессов в малой Евразии.

Таблица 3

Мнение опрошенных о возможности вступления в межнациональный брак (в % от опрошенных)

	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан
Да. Скорее да	53,8	61,8	67,3	63,3	59,9	47
Скорее нет. Нет	30,5	20,3	25,2	24,5	34	41,4
Затрудняюсь ответить	15,6	17,9	15,2	12,2	6,1	11,6

Литература:

1. Schwartz S.H. Universal in the content and structure of value: theory and empirical test in 20 countries // Advances in experimental social psychology. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
2. Шледер Б. Структура ценностных ориентаций. Эмпирическое исследование // Иностранная психология. 1994. Т. 2. № 20. С. 47-56.
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. М.: Республика, 1998. 410 с.
4. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Структура ценностей, социальное самочувствие и трудовая мотивация населения современной России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 3 (48). С. 243–251.
5. Рокич М. Методика «Ценностные ориентации» // Большая энциклопедия психологических тестов. Авт.-сост. А.А. Карелин. Москва: Эксмо, 2009. С. 26–28.
6. Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 26–35.
7. Девятко И. Ф. Понятие ценности в социологической теории: влияние и (недооцененные) возможности его интерпретации с позиций гештальт-психологии // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 3–12.
8. Лепехин В.А. Понимание феномена «цивилизационные ценности» как основа развития современной российской аксиоматики // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44). С. 15–22.
9. Багдасарян В.Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 6. С. 15–29.
10. Яшнова М.А. Ценности: определение, основное содержание и классификация в социологических науках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2022. № 01. С. 223–231.
11. Решение от 29 мая 2020 г. «О Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года». URL: https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6229#text. (дата обращения: 6.05.2024 г.).

Integration Values of the Citizens of the Countries Participating in the Integration Processes of Little Eurasia

Osadchaya G.I., Yudina T. N.
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The relevance of studying the integration values of the peoples of the post-Soviet countries is due to the need to combine their efforts in solving socio-economic problems. The future of each state of Little Eurasia, the preservation of stability and the avoidance of social challenges largely depend on shared values that regulate human behavior. The article identifies the value systems of migrants from countries involved in integration processes in the post-Soviet space, which provide grounds to assess the potential and prospects for integration development. The empirical basis of the analysis is the results of a survey in February – March 2024 of citizens of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan working and living in Moscow. Based on the results of the analysis, conclusions were drawn about the similarity of integration values among the majority of respondents and their support for uniting the efforts of countries in solving socio-economic problems. The emergence of contradictory and multidirectional orientations of the countries of their citizenship on the integration associations of Greater Eurasia is noted, the need to strengthen the Eurasian vector of development is justified.

The results obtained can be useful for the development of political strategies and measures aimed at strengthening social solidarity and unity of the studied countries. This is especially important in the context of the many challenges that modern societies face. The consensus of integration values solidifies society, strengthens interaction between people and increases the level of trust, promotes cooperation and respect for differences between people.

New knowledge can complement existing theoretical and methodological developments in the field of sociology, political science, cultural studies and other scientific disciplines, contributing to the expansion of ideas about socio-cultural and political processes in the CIS, will make up for the lack of empirical research aimed at a modern analysis of the value core of the consolidation of the population of post-Soviet countries, will allow to develop a deeper understanding of the processes of social consolidation, including how values and ideas can serve as factors of unity or divisions in diverse societies.

Keywords: values, integration, the Eurasian Economic Union, citizens of the EAEU member and observer countries

УДК 339.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-318-321

О методологических аспектах исследования проблем современной евразийской интеграции*

Рысаев И.Ш.
Кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой государственного и муниципального управления
Башкирской академии государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан (Уфа)

В статье выделены основные методологические аспекты региональных интеграций в мире. Анализируются современные тенденции интеграционных процессов, условия и факторы их эффективности. Выявлены особенности евразийской интеграции, представлены стратегические направления развития ЕАЭС и роль России в этом процессе. Обозначена актуальность исследования методологических проблем евразийской интеграции.

Ключевые слова: *евразийская интеграция, дезинтеграция, глобализация, государственный суверенитет, методология интеграционных процессов*

Для цитирования: *Рысаев И.Ш. О методологических аспектах исследования проблем современной евразийской интеграции // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 318–321. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-318-321.*

Методологические аспекты исследования проблемы региональных интеграционных процессов выходят сегодня на первый план, так как идет активный процесс переустройства мирового порядка на основе новой управленческой парадигмы многополярности.

Анализ истории человечества показывает развитие двух тенденций во взаимодействии большинства стран: интеграционных и дезинтеграционных. Вопрос о том, какая из этих тенденций преобладает в конкретный период исторического развития, зависит от многих факторов: военных, политических, социально-экономических, миграционных, природно-климатических и др. Некоторые исследователи рассматривают развитие цивилизации как непрерывный, глобальный и расширяющийся интеграционный процесс. Другие же связывают начало глобализации и интеграции с периодом Великих географических открытий XVIII в. В науке различают несколько подходов к определению сути глобализационных процессов: как интеграцию мировой экономики, формирование транснационального финансового пространства, информационного общества, мирового потребительского рынка, общей политической системы, транспортно-логистических процессов, социально-культурных общностей и т.д.

Нельзя сказать, что эти интеграционные процессы происходят одновременно, одинаковыми темпами и глубиной проявления. В современных условиях формирования многополярного мира все больше проявляется рост диверсификации интеграционных процессов, усиление комплексности, системности и взаимозависимости различных форм интеграции. Интеграция как процесс рассматривается с точки зрения ее объективных и субъективных предпосылок; она при этом может носить как управляемый, так и стихийный характер. Не всякая интеграция приводит к развитию синергетического эффекта в объединившихся системах. Она может привести как к полному поглощению одной систе-

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

мы другой, так и к развитию новой системы и ее составных частей. Поэтому часто страны, которые планируют войти в те или иные союзы, оценивают преимущества и потери от интеграции. Для проявления синергетического эффекта порой необходимо продолжительное время и требуется приложение взаимных усилий.

Большое методологическое значение имеет исследование проблемы об условиях и факторах эффективной экономической интеграции. Как правило, к ним относятся следующие:

1. Одинаковый и достаточно высокий уровень экономического развития вступающих в союз стран;
2. Схожесть социально-экономического и политического строя этих стран;
3. Соблюдение последовательности прохождения этапов региональной экономической интеграции (от формирования зоны свободной торговли через таможенный союз, общий рынок, валютный союз до военно-политического союза);
4. Высокая доля взаимной торговли и равномерность торговых потоков;
5. Международное разделение труда, степень специализации;
6. Потребность в развитии промышленной кооперации;
7. Наличие внешних угроз, в том числе недобросовестная конкуренция;
8. Близость или наличие общих границ;
9. Возможность получения социально-экономических выгод от интеграции.

Для разных стран эти факторы и условия и их приоритетность могут быть представлены поразному. Но исторический опыт интегративных объединений показывает, что их отсутствие или недостаточная сформированность снижают синергетический эффект интеграции.

Излишнее форсирование интеграционных процессов без учета объективных предпосылок часто приводит к усилению центробежных, дезинтеграционных тенденций. Да и запаздывание в управленческом сопровождении интеграционных процессов чревато негативными процессами, потерей преимуществ в развитии, самостоятельности, суверенитета и субъектности. В связи с этим задача исследователей – глубоко анализировать субъективные и объективные предпосылки интеграционных процессов, выявлять потенциальные возможности, позитивные и отрицательные результаты объединений, определять степень соответствия сложившихся форм различных союзов глубинным потребностям, входящих в эти союзы субъектов и др. Это является важным и актуальным и при анализе десятилетней истории евразийской интеграции в рамках ЕАЭС.

Весь мир сегодня представляет собой совокупность более двухсот региональных блоков. Сложным является вопрос и о том, чем является региональная интеграция: двигателем глобализации или ее тормозом? Часть исследователей считают, что социально-экономические кризисы в глобальном масштабе предшествуют многим региональным интеграциям. Некоторые страны и регионы объединяются в различные союзы, чтобы противостоять негативным последствиям глобализации и росту неопределенности мировой экономики, обезопасить свое развитее, а другие – для того, чтобы подчинить «слабые» страны с целью расширения территории, присвоения ресурсов, при этом даже прикрываясь защитой своих национальных интересов.

Глобализация и интеграция в конечном счете усиливают международное разделение труда и специализацию производства. Все страны, в зависимости от уровня социально-экономического развития, можно разделить на развитые, развивающиеся и слаборазвитые. Соответственно, в глобализационных и интеграционных процессах по-разному проявляется их мотивация и цели. Например, если современные ТНК, НАТО, ЕС и некоторые другие блоки, находящиеся под диктатом США, представляют угрозу суверенитету большинства развивающихся и слаборазвитых стран за счет усиления экспансии, неоколониализма, неэквивалентного обмена и т.п., то развивающиеся страны ЕАЭС объединились, прежде всего, для защиты собственных конкурентных преимуществ и национальных экономик на основе равноправного экономического сотрудничества. К сожалению, в современном мире пока преобладают тенденции к доминированию западных держав и их союзов в борьбе за мировые рынки, источники сырья, энергии, технологии. Чем больше на планете мы наблюдаем уменьшение энергоресурсов и рост потребительских тенденций, связанных не только с увеличением численности населения, но и производственных мощностей, тем более проявляются агрессивные и захватнические стремления стран, долгое время паразитировавших на колониальной и неоколониальной политике. Единственный способ гармонизации международных отношений – усиление интеграции другой части планеты на основе равноправного сотрудничества. ЕАЭС в этом смысле и претендует на выполнение такой исторической миссии.

Несмотря на все сложности, перипетии происходящих в мире событий за эти годы, самое главное – ЕАЭС выстоял, развивался и показал хорошие результаты и проявил свои возможности, потенциал для дальнейшего развития. А в ЕС, к примеру, наоборот, в последнее время наблюдаются все больше проявления дезинтеграционных процессов. И в этих условиях, формирование образа «внешнего врага» в лице России и ее союзников является дополнительным фактором для удержания своих членов в этом объединении. И пока в мире не сложились эффективные институты глобального управления,

региональные интеграции становятся механизмами дополнительного регулирования и координации международных экономических отношений.

Требует дальнейшего исследования и вопрос о том, насколько укрепление национально-государственного суверенитета соотносится с интеграционными процессами, в которых предполагается априори «потеря» определенной части суверенитета их участников. В 1980–1990 гг. в экспертном сообществе преобладало мнение о снижении роли государств в связи с развитием международной глобализации и активном участии в этих процессах других наднациональных аттракторов. Этот тезис навязывался США и их сателлитами в целях доминирования и сохранения однополярного мира. В последнее время все больше исследователей соглашаются с мнением о возрастании роли государств в мировой политике и национального суверенитета. В современных условиях все больше стран выражают тенденцию к изменению принципов глобализации от подавления и подчинения к равноправному и справедливому сотрудничеству. Консолидация этих стран происходит вокруг России. Такая историческая роль нашей страны в масштабных глобальных процессах с каждым годом усиливается и становится ключевой.

Дискуссионным в методологическом отношении является и вопрос о последовательности этапов мирового интеграционного процесса. Движение от интернационализации через транснационализацию, универсализацию и регионализацию к мондиализации общественно-экономической жизни национальных стран не подтверждается анализом реальных исторических процессов. Международный интегральный процесс никогда не был линейно-последовательным; ему всегда были свойственны противоречия, кризисы и скачки. Современный этап развития международной интеграции также характеризуется неопределенностью, турбулентностью, масштабностью и недостаточной управляемостью на фоне обострения международной напряженности и борьбы за мировое влияние.

Анализ десятилетнего периода интеграции ЕАЭС позволяет определить основные направления его дальнейшего развития. Решением Высшего Евразийского экономического совета 11 декабря 2020 г. были утверждены стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. [1]. Они сводятся к следующему:

1. Развитие человеческого фактора: создание единой информационной системы и портала в сфере образования. Совместные научные исследования, программа повышения квалификации и взаимных стажировок. Разработка евразийских туристских маршрутов.

2. Геополитическая ставка на Китай: сопряжение с проектом «Один пояс – один путь».

3. Вовлечение СНГ и формирование южного коридора: слияние СНГ и ЕАЭС, создание ЗСТ с Египтом, Израилем и Индией.

4. Совершенствование судебной власти: формирование механизма обеспечения обязательного исполнения решений Суда ЕАЭС, по которым нет консенсуса.

5. Экономические акценты: реализация совместных программ и высокотехнологичных проектов с привлечением ЕАБР и ЕФСР.

В дальнейшем на саммите в Санкт-Петербурге лидерами стран ЕАЭС была принята Декларация о дальнейшем развитии Союза до 2030 г. и на период до 2045 г. В этих документах обозначены цели дальнейшего строительства общего евразийского рынка с целью выхода в перспективе на траекторию ежегодного прироста ВВП ЕАЭС темпами выше темпов развития мировой экономики. Они сводятся к следующему:

– формирование общего евразийского рынка на базе собственных ресурсов, технологий и инфраструктуры;

– формирование общего транспортно-логистического пространства на восточном и южном направлениях;

– формирование общего финансового рынка, постепенный отход от доллара и евро;

– обеспечение продовольственной и энергетической безопасности;

– промышленная кооперация и предотвращение дублирующих производств;

– переход на единые принципы и стандарты в областях образования, здравоохранения и др. [2].

В целом ставится стратегическая задача превращения ЕАЭС в самодостаточный, гармонично развитый и привлекательный для всех стран мира макрорегион.

Таким образом, современный мир находится на пороге нового переустройства: прежние модели развития, экономической и политической интеграции постепенно исчерпывают себя. А новые модели находятся еще на этапе формирования и подтверждения своей жизнеспособности. И, само собой разумеется, методологические аспекты исследования проблем региональной интеграции в этих условиях выходят на первый план.

Литература:

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС Консультант Плюс.
2. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» от 23.12.2023 г. // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01543175/ms_26122023 (дата обращения: 11.06.2024).

On the Methodological Aspects of the Study of the Problems of Modern Eurasian Integration

Rysaev I.Sh.
The Bashkir Academy of Public Administration and Management Under Head of the Republic Bashkortostan

The article highlights the main methodological aspects of regional integrations in the world. The current trends of integration processes and conditions, factors of their effectiveness are analyzed. The features of Eurasian integration are revealed. The strategic directions of the EAEU development and Russia's role in this process are presented. The relevance of the study of methodological problems of Eurasian integration is indicated.

Keywords: Eurasian integration, disintegration, globalization, state sovereignty, methodology of integration processes

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-322-326

Социальная ответственность и рыночная эффективность системы сельскохозяйственной кооперации*

Сушенцова С.С.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов, налогообложения и финансового учета
Московского финансово-юридического университета

В статье представлена доказательная база целесообразности поддержания дуального характера кооперативов, который проявляется в социальной сути и ее реализации через рыночные механизмы хозяйствования как пайщиков, так и самих кооперативов. Представлен пример активно развивающегося и перспективного потребительского кооператива, в работе которого возникают сложности с заемными источниками финансирования. Предложены мероприятия по улучшению социально-экономических условий развития кооперативных процессов на селе, в том числе через создание единой системы кооперации.

Ключевые слова: *сельскохозяйственные кооперативы, потребительские общества Центросоюза России, система кооперации, эффективность, рынок, социальная ответственность*

Для цитирования: *Сушенцова С.С. Социальная ответственность и рыночная эффективность системы сельскохозяйственной кооперации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 322–326. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-322-326.*

Кооперативные процессы развиваются в современной России такими низкими темпами, которые не оправданы ни историческим, ни зарубежным опытом, ни теоретическим обоснованием преимуществ кооперативных объединений перед другими хозяйствующими субъектами. Исследователи данной сферы рассматривают и изучают причины, факторы и направления активизации предпринимательской инициативы в развитии кооперации. Многолетние изучения проблемы кооперации с позиции развития фермерства показывают, что процесс этот сегодня не имеет сильной управленческой составляющей, он как бы отдан «в руки» самих фермеров и других субъектов малого и среднего сельскохозяйственного предпринимательства. Конечно, в этом есть логика, но внешние организационно-экономические условия не настолько благоприятны. Кооператоры «теряются» в огромном количестве законодательно-правовых документов, норм и правил, регламентирующих их деятельность, часто сталкиваются с проблемами при взаимодействии с рыночными партнерами. И глубинные причины их находятся, порой, именно в позиционировании кооператива как некоммерческой хозяйствующей единицы, инструмента, механизма масштабирования бизнеса через объединение усилий.

Социальная ответственность – основа кооперативного устройства, проявляемая через сущность формирования кооператива для удовлетворения потребностей его основателей, тех, кто инвестирует часть принадлежащей ему собственности. Именно собственности, ведь в кооперативное имущество входят не только денежные средства, на которые планируется получать доход, как в случае с классическим пониманием инвестора, но и земельные наделы, техника, здания, сооружения и даже, труд

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

через личное трудовое участие, участие в управлении и реализацию других важных и неизменно осуществляемых в кооперативе функций.

Вместе с тем, данная инвестиция осуществляется с целью приобретения выгоды в виде прибыли, дохода или приращения результатов деятельности каждого участника кооперации. Ведь даже удовлетворение потребностей – это часто вполне конкретные измеряемые результаты от приобретаемых услуг, работ, продукции, прибавочного продукта (табл. 1). Но там, где возникает необходимость приращения собственности, прибавки результата, возникает и вопрос окупаемости затрат на его получение.

Владелец частного бизнеса, личного подсобного хозяйства, фермер, должен понимать, насколько окупаемы его взносы в работу кооператива, в то же время данный факт является одним из самых важных и необходимых условий развития и самого кооператива, так как степень окупаемости вложений пайщиков во многом определяется эффективностью работы кооператива во внешней среде, способностью кооператоров создать более привлекательный механизм извлечения выгоды/удовлетворения потребностей, альтернативный самостоятельному хозяйствованию. Внешняя рыночная среда делает невозможным функционирование кооператива во внешних обстоятельствах без ориентации на рыночную эффективность.

Особенность и специфика современного кооператива есть ничто иное как сочетание социального характера по сути и его рыночная ориентация для удовлетворения субъектов рынка в их деятельности. Миссия – социальная ответственность перед пайщиками, цель – самостоятельное хозяйствование на благо рыночных субъектов, т.е. получение выгоды (прибыли, дохода) и распределение ее на приращение успехов пайщиков. Те же выводы можно применить и к коммерческой деятельности кооперативов, которая в том числе закреплена, не запрещена действующим законодательством. Она может распространяться и на сторонних клиентов, но должна осуществляться на благо пайщиков, не в ущерб их интересам.

Доверие и эффективное отношение к кооперативу со стороны субъектов рынка (кредитных организаций, партнеров по сбыту и др.) основано именно на рыночных показателях, которые могут быть определены только если сам кооператив – это не «пропускной механизм» и независимый посредник, а самостоятельная хозяйствующая единица, предприятие, организация, юридическое лицо, имеющее имущество, землю, даже в совместно-долевой собственности, отвечающее за взятые обязательства, имеющее определенный уровень ответственности.

В 2017 г. в Сергиево-Посадском районе Московской области на базе 4 крестьянских (фермерских) и 6 личных подсобных хозяйств был создан козоводческий кооператив. Основной целью его деятельности является облегчение работы козоводческих ферм в решении вопросов племенного дела, ветеринарии, логистики, сбыта, кормозаготовки, выставочной деятельности, зоотехнии.

По состоянию на 2021 г. в его состав входит уже 16 хозяйств. Общее поголовье коз насчитывает более 2000 голов, из них 1200 дойных. Общее количество сельскохозяйственных угодий, используемых членами кооператива, превышает 1000 га. В 2020 г. кооператив произвел более 600 тонн козьего молока, и на сегодняшний день входит в число крупнейших в России его производителей. Количество ассоциированных членов постоянно растет и насчитывает более 50 членов.

За четыре года работы членами кооператива было построено 3 производственных объекта: пункт приёмки молока, сенохранилище, сыроварня, куплено 2 трактора, 2 грузовые автомашины и оборудование для охлаждения молока. Совместная кормозаготовка в 2020 г. позволила членам кооператива на 50 % обеспечить себя грубыми кормами. В планах коопе-

Таблица 1

Характерные проявления социальной ответственности и рыночной эффективности в кооперативной системе

№ уровня	Участники системы кооперации	Социальная ответственность	Рыночная эффективность
1	Пайщики	Удовлетворение потребностей Паевые / членские взносы Окупаемость затрат усилий и средств	Выгоды (прибыль, приращение результатов) Инвестиции Окупаемость вкладываемых ресурсов
2	Кооперативы местного и регионального уровней	Представительство на рынке интересов малых хозяйствующих субъектов Реализация интересов пайщиков	Дополнительные преимущества от государства, кредитных организаций, инфраструктурных объектов (лизинг, гарантийные фонды) Увеличение доходности пайщиков
3	Кооперативные органы управления и контроля (ассоциации, союзы, кооперативы федерального уровня)	Гарантия сохранения и действия кооперативных принципов управления, распределения доходов и реализации миссии.	Гарантия цены на продукцию, услуги, работы, окупаемости хозяйственной деятельности и кооперативов, и пайщиков.

ратива 100 % обеспечение членов грубыми и концентрированными кормами к 2024 г., покупка ещё 2 тракторов и рефрижератора.

Кооператив располагает своей лабораторией по анализу качества производимой продукции, где осуществляется постоянный внутренний мониторинг состава молока. Внутренние требования к нему более жесткие, чем указанные в государственных технологических регламентах, что позволило в короткие сроки существенно повысить сортность производимого молока и вести постоянный контроль здоровья коз.

В 2021 г. запущена первая собственная сыроварня. В ближайших планах кооператива создание собственного транспортного хаба для хранения и реализации производимой продукции, племенного центра, лаборатории по генетическому воспроизводству МРС (искусственное осеменение и подсадка эмбрионов).

Для того, чтобы планы были реализованы нужны ресурсы. В 2020 г. на поддержку развития производства был получен грант в размере 17,4 млн руб. А вот кредитные источники для анализируемого кооператива оказались недосягаемы. Кооператив является некоммерческой организацией. В прошлые отчетные годы показывал незначительные операционные убытки, что в настоящее время затрудняет возможность обращения в банки и лизинговые компании, которые в обязательном порядке требуют от кооператива финансовый анализ. Сложности в получении заемных средств возникают также из-за отсутствия кредитных организаций на сельских территориях. Это существенно замедляет развитие кооперативного движения в России.

Для кооперативов нужны особые программы банков и лизинговых компаний, а также система государственных гарантий. Руководство кооператива высказывает и другие предложения: необходимо выработать комплекс мер, направленных на стимулирование производительности труда в отрасли в целом, общее повышение ее конкурентного потенциала, обеспечение свободы торговли, развитие предпринимательской активности, снижение издержек обращения на рынке продовольствия. Кроме того, целесообразно создавать инфраструктуру, обеспечивающую необходимые условия для функционирования малых форм хозяйствования и сельхозкооперативов (службы агроконсалтинга, система стационарной, дистанционной и выездной консультативной помощи квалифицированных специалистов (агрономов, агрохимиков, зоотехников, ветеринаров), комплексные пункты агросервиса, перерабатывающие цеха, ориентированные на работу с малыми формами и др.) [1].

Многие существующие проблемы развития малого и среднего предпринимательства на селе сегодня могли бы быть эффективно решаемыми, если бы в стране активно развивалась кооперативная система, которая во многом должна опираться на специалистов, высококвалифицированных профессионалов. И совершенно не важно, кооператоры – это наемные сотрудники и/или кто-то из числа пайщиков, в идеале они должны быть специально обучены кооперативному делу. Кооперативный сектор сегодня не менее остро нуждается в квалифицированной кадровой поддержке, чем все сельское хозяйство, АПК, да и экономика страны.

Те трудности, с которыми сталкиваются кооперативы в вопросах своего функционирования, например, распределение ответственности, страх ее наступления, налогообложение, ведения учета и отчетности, доступ к средствам государственной поддержки и другие оказываются внутри сообщества на уровне участников кооперативов и самих кооперативов, а так быть не должно. Кооперативный лидер со своей командой должен понимать, где тот следующий уровень, на который он может обратиться с уверенностью быть услышанным. Нужна надстройка, нужна система, управляемый механизм с закреплением ответственности за принимаемые решения, поиска их законодательного и иного обоснования. Нужны кооперативы последующих от местного уровней, нужен единый центр, в качестве которого может быть создано, рассматриваемое А.В. Морозовым на последнем съезде кооперативов, Федеральное агентство по развитию сельскохозяйственной кооперации [2].

Сегодня надстройка – это ревизионные союзы, но, как признаются сами же руководители таковых, и у них существуют проблемы: работают не во всех регионах, кооперативы неохотно пользуются их услугами, это предусмотрено законодательно. И не удивительно, данные организации созданы для выполнения четко определенных задач, а именно проведения оценки соответствия деятельности кооператива кооперативным принципам в деле социальной защищенности пайщиков и исполнения законодательства.

Отслеживая концептуальные вопросы социальной и рыночной сути кооперативного процесса, мы можем проследить уровни так необходимой сегодня единой системы кооперации в российском АПК (рис. 1).

Элементы ее понятны и четко очерчены: производственные и потребительские кооперативы всех видов, неформальные кооперативные объединения, потребительские общества Центросоюза России, чего не скажешь о их взаимодействии и взаимосвязи: неформальные кооперативы неохотно оформляются юридически; производственные, как правило, инертны для участия в потребительских кооперативы; кооперативы второго уровня скорее исключение, чем правило, третьего уровня и вовсе отсутствуют в стране, а Общества Центросоюза живут своей обособленной жизнью [3].

Отсюда напрашивается вывод о том, что кооперация в аграрном секторе России в настоящее время как система отсутствует, развивается стихийно, неконтролируемо, без должного уровня управления, координации и поддержки. Для изменения ситуации целесообразно разработать предложения по усилению взаимосвязи и взаимодействию всех видов кооперативов, например, через кооперативы 2-го и 3-его уровней, органы управления Центросоюза. Такие объединения могут быть как отраслевые, так и территориальные. Тем самым будет формироваться и реализовываться высокий потенциал и сельскохозяйственной, и потребительской кооперации на селе.

Рис. 1. Схема уровней сельской кооперативной системы

Создание единой системы кооперации позволит «обеспечить новый уровень качества развития разных видов кооперативов, раскрыть потенциал в расширении сфер кооперативных связей, улучшить формы организации государственной поддержки, обеспечить устойчивость развития малого и среднего предпринимательства на селе, а значит и сельских территорий» [4]. При этом особенно важны задачи, которые будут поставлены перед федеральным управляющим органом такой системы. Как нам представляется, они должны быть, в первую очередь, координирующими, консультирующими и лоббирующими интересы кооперативов всех видов и уровней, развивающихся на селе.

Ст. 7 Конституции Российской Федерации гласит, что «Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [5].

По аналогии, если принять за аксиому тот факт, что кооператив создается сельскими жителями, сельскими хозяйственниками с целью повышения их доходности и как следствие улучшения качества жизни, то кооператив можно определить как социальное предприятие, цель которого заключается в обеспечении достойного результата хозяйственной деятельности на селе и свободного развития конкурентоспособного малого и среднего сельского предпринимательства.

Грядущие геополитические изменения дают возможность для перемен, где во главу поставлен будет человек со своими интересами находить гармоничное существование с окружением – обществом и природой, осознавая тонкую грань перехода в деятельность, невозвратно разрушающую. И кооперативное сообщество может здесь выступить эффективным инструментом и опытным примером.

Литература:

1. Сушенцова С.С., Афанасьев В.И. Эффективность системы государственной поддержки фермерской кооперации // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 3. С. 35–45.
2. Завершил работу XI съезд сельскохозяйственных кооперативов. URL: https://www.akkor.ru/statya/10252-zavershil-rabotu-xi-sezd-selskohozyaystvennyh-kooperativov.html
3. Сушенцова С.С. О кооперативной системе АПК России // Аграрная политика России: устойчивость и конкурентоспособность. Труды Межд. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию академика ВАСХНИЛ В.Р. Боева). М.: ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, 2022. С. 213–220.
4. Дусаева А.Х. Формирование единой системы кооперации // RUSSIAN JOURNAL OF MANAGEMENT. 2024. Т. 12. № 1. С. 201–204. DOI: 10.29039/2409-6024-2024-12-1-201-214
5. Конституция Российской Федерации // СПС Гарант.

Social Responsibility and Market Efficiency of the Agricultural Cooperation System

Sushentsova S.S.
Moscow University of Finance and Law

The article presents the evidence base of the expediency of the dual nature of cooperatives, which manifests itself in the social essence and its implementation through market management mechanisms of both shareholders and cooperatives themselves. An example of an actively developing and promising consumer cooperative is presented, in which difficulties arise with borrowed sources of financing. Measures are proposed to improve the socio-economic conditions for the development of cooperative processes in rural areas, including through the creation of a unified system of cooperation.

Keywords: agricultural cooperatives, consumer societies of the Central Union of Russia, cooperative system, efficiency, market, social responsibility

УДК 330.101,330.11, 330.5, 330.8, 330.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-327-330

Развитие евразийской экономической дипломатии в условиях санкций*

Хасанов И.Ш.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры международных экономических отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы становления и развития экономической дипломатии. С точки зрения экономической теории экономическая дипломатия представляет государственное регулирование внешнеэкономической деятельности страны, которое всегда являлось предметом исследования экономической науки. Хозяйственная практика постоянно дает нам новые примеры разновидностей экономической дипломатии. Введенные в мировой экономике новые формы протекционизма в виде санкции привели к возникновению евразийской экономической дипломатии.

Ключевые слова: *экономическая дипломатия, классификация экономической дипломатии по признакам, евразийское пространство, санкции, евразийская дипломатия*

Для цитирования: *Хасанов И.Ш. Развитие евразийской экономической дипломатии в условиях санкций // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 327–330. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-327-330.*

По мнению, некоторых ученых, в мировой политологии пока нет единого толкования экономической дипломатии [1, с. 94]. В настоящее время дипломатия подразумевает, прежде всего, деятельность государства по ведению международных экономических отношений в различных отраслях, регионах, секторах, областях и сферах хозяйственной деятельности [2–5]. С самого начала зарождения экономической науки предметом изучения являлась экономическая функция государства. Поэтому логически и исторически институционально-экономической основой дипломатии является внешнеэкономическая политика государства. Ученым-экономистам давно известны многочисленные виды государственного регулирования внешнеэкономической деятельности страны, которые в научной литературе и практике не систематизированы в различные виды экономической дипломатии [2–12].

Автором предлагается классифицировать виды экономической дипломатии по следующим критериям:

– отраслям экономики на промышленную, энергетическую, научную, образовательную, транспортную [8; 13; 14];

– территориальной направленности на Арктику, Юго-восточную Азию, Северную и Латинскую Америку, Африканскую, Арктическую [15–17];

– секторам экономики на топливно-энергетическую, продовольственную, аграрную, военно-промышленную, социальную [8; 10; 18];

– областям и сферам экономики на бюджетную, налоговую, тарифную, валютную, кредитную, банковскую, страховую, инвестиционную, финансовую [19];

– рынкам продуктов и услуг на миграционную, авиационных услуг, медицинских услуг [12; 20; 21];

– применяемым методам и инструментам на административно-бюрократическую, рыночную,

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

либеральную, открытую, санкционную, протекционистскую, колониальную, привилегированную [22; 23];

– определенной модели экономического развития и институциональному признаку на североамериканскую, европейскую, латиноамериканскую, англосаксонскую, российскую, индийскую и исламскую [24–29].

Важнейшим достижением развития экономической науки является ее перерастание в течение XX в. в институциональную экономику, что означает комплексный подход к исследованию экономических явлений и процессов, то есть в тесной взаимосвязи экономических процессов с политическими, правовыми, военными, религиозными, культурными, социальными, историческими и другими цивилизационными факторами и институтами. Однако не принижая значения перечисленных социальных отношений, важнейшими и первичными общественными отношениями являются экономические. Нет чисто политической, военной и других видов дипломатий без ее экономической основы. Все виды дипломатий в конечном счете основываются на экономических потребностях и интересах. Поэтому в любом виде экономической дипломатии априори заложен определенный тип. институциональный характер. Например, теории прав собственности, преступления и наказания, трансакционных издержек, бюрократии и коррупции, нелегальной и другие порождают соответствующие виды экономической дипломатии в мировой экономике: дипломатию олигархическую, оппортунистическую.

В современных условиях важнейшим видом экономической дипломатии становится евразийская экономическая дипломатия. По формальному признаку евразийская экономическая дипломатия могла бы называться по критерию стран, входящих в организацию ЕАЭС, но в действительности и географически она включает государства, которые начали выстраивать многополярные и справедливые международные экономические отношения, основанные на высоких моральных и нравственных общечеловеческих принципах взаимовыгодного экономического сотрудничества, доверия и партнерства.

Вековое доминирование в мировой экономике англо-саксонской модели экономического развития государств начало подвергаться критике со стороны развивающихся стран. Такими развивающимися государствами «стали страны Латинской Америки, Китай и, безусловно, Российская Федерация, которая уже к концу 2000-х гг. политически и экономически стабилизировалась после кризисного периода 90-х годов» [30, с. 5]. С участием России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии в первой половине 2010-х гг. был создан Евразийский экономический союз. «Современный ЕАЭС представляет собой международное интеграционное объединение, обеспечивающее свободное передвижение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также функционирует таможенный союз» [30, с. 8].

Говоря о Большой Евразии, следует отметить Шанхайскую организацию сотрудничества, роль которой, с недавним вхождением в ее состав Индии и Пакистана, становится все более весомой. В настоящее время в состав ШОС входят Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Индия и Пакистан. Кроме того, четыре страны имеют статус наблюдателей (Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия), а еще шесть стран имеют статус партнеров по диалогу (Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка). Таким образом, общая численность населения стран ШОС составляет около половины населения Земли. В результате ШОС занимает ключевое место в Большой Евразии [30, с. 5–7].

«Евразийская экономическая дипломатия берет начало с идеи создания Большого евразийского партнерства (далее – БЕП), которая была озвучена президентом России В.В. Путиным на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2017 г., а выдвинута 3 декабря 2015 г., в Послании Президента России Федеральному Собранию» [31, с. 129; 32, с. 12–13; 33, с. 10]. Большое экономическое партнерство включает в себя межгосударственные отношения членов ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и других стран, разделяющих общие принципы сотрудничества. Образование БЕП будет функционировать на нормах партнерства, прозрачности и уважения интересов всех стран. Основная цель России – объединить идеи «Одного пояса – одного пути» с принципами БЕП [31, с. 133]. Большое экономическое партнерство означает взаимовыгодное сотрудничество государств на евразийском пространстве. Евразийское пространство занимает значительную часть территории бывшего постсоветского пространства [34, с. 56].

Растущий протекционизм и интенсивное применение санкций со стороны США по отношению к КНР вызвало подписание в 2015 г. Соглашения по сопряжению двух проектов – ЕАЭС и ОПОП (один пояс – один путь). Так возникла идея «Большой Евразии», которая реализовалась в четырех нормативно-законодательных экономических проектах по транспорту, энергетике, телекоммуникациям и финансам. Позже в 2018 г. была разработано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем [34, с. 65–70]. Концепция «Большого евразийского партнерства» стала предметом дискуссий в научной и практической среде [33, с. 8]. «Сопряжение двух трансконтинентальных интеграционных инициатив – ЕАЭС и Шелкового пути открывает возможности для устойчивого экономического развития Евразии» [33, с. 11].

До начала 2000-х гг. евразийская экономическая дипломатия отсутствовала. Это объясняется экономическими причинами. Большинство стран на большом евразийском пространстве не проводили самостоятельную внешнюю экономическую политику, а развивались в фарватере высокоразвитых капиталистических стран; находились в институционально-экономической зависимости от них. Даже Китайская Народная Республика пока не провела основные рыночные реформы, не способна была на принятие и проведение внешней экономической политики. Только по мере роста своей экономики и его могущества с начала XXI в. КНР стала предпринимать робкие самостоятельные шаги в мировой экономике.

Для проведения независимой, наступательной экономической дипломатии Правительство КНР профинансировало национальный исследовательский проект по изучению и осуществлению санкционной политики [1, с. 94]. Вводимые по отношению к КНР экономические санкции со стороны США и европейских стран вызвали ответные меры защиты. «С "нулевых" годов текущего века КНР стала присоединяться к числу государств, применяющих санкции по решению ООН, а также вводить санкции самостоятельно… Под санкции попадали английские компании за ведение разведки и добычи в спорных вьетнамо-китайских акваториях (2007, 2008 гг.), американские – за участие в «торговой войне» КНР с США (2021 г.). Ощутимо «досталось» Австралии за чересчур настойчивый призыв расследовать происхождение вируса *COVID*-19 (2020). …. Экономическая дипломатия КНР переходит от принципа «скрывать свои возможности и держаться в тени» к «инициативной и предприимчивой» модели и от дипломатии «с оглядкой» на великие державы к дипломатии именно великой державы» [1, с. 99–100].

Страны Европейского Союза и США с 2014 года стали вводить экономические санкции по отношению к России [35; 36; 37, с. 80–81]. Введение санкций привело к активизации политико-экономического внешнего сотрудничества между Россией и КНР. Это еще больше усилило становление и развитие евразийской экономической дипломатии на территории Большой Евразии. Таким образом, евразийская экономическая дипломатия зародилась и развивается в ответ на протекционистскую или санкционную государственную экономическую политику англосаксонских стран Запада и подвластным им стран Востока.

Литература:

1. Россия-Китай: отношения на рубеже 20-го столетия «Большого догово¬ра» / Отв. ред. А.С. Давыдов, С.В. Уянаев; Рос. акад. наук; Инт. Китая и совр. Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2022. 208 с.
2. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусства: Курс лекций. 3-е изд. доп. М.: Изд-во Международные отношения, 2022. 576 с.
3. Дегтерев Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. М.: Навона. 2010. 176 с.
4. Экономическая дипломатия в условиях глобализации / Под ред. Л.М.Капицы. М.: МГИМО, 2010. 623 с.
5. Савойский А.Г. Экономическая дипломатия современной России в отношении США на международной арене. М.; Пятигорск: РИА-КМВ, 2011. 367 с.
6. Грачиков Е. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 33–41.
7. Камалян А., Цыбульник Л., Пак А. Промышленная политика Евразийского экономического союза // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 11. С. 28–40.
8. Хорольская М. Новые векторы энергетической политики Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 56–64.
9. Васильев В.И. Европейская политика Германии. Опыт, проблемы, перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 226 с.
10. Евтодьева М. Кадровая и образовательная политика ФРГ в контексте цифровизации и развития «Индустрии 4.0» // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 11. С. 50–59.
11. Кравчук А. Экономическая политика Норвегии в Арктике. // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 101–108.
12. Болгова И., Мельникова Ю., Лисякевич Р. Формирование китайского направления политики ЕС: роль стран Центральной и Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 6. С. 79–90.
13. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика / Союз нефтегазопромышленников России; Центр энергет. дипломатии и геополитики. М.: Ист Брук, 2005. 638 с.
14. Гутенев М. Научная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 6. С. 119–127.
15. Гутенев М. Научная дипломатия Великобритании в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 99–109.
16. Гутенев М. Научная дипломатия Великобритании в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 110–117.

17. Гутенев М.Ю., Сергунин А.А., Шадрина О.Н. Арктическая научная дипломатия стран Северной Европы // Современная Европа. 2023. № 2. С. 19–32.
18. Боровский Ю.В., Шишкина О.В. Приоритетные цели энергетической политики ЕС // Современная Европа. 2021. № 3. С. 117–128.
19. Лихачев А.Е. Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 461 с.
20. Чихачев А., Гуляев Е. Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 5. С. 59–67.
21. Абрамова И., Фитуни Л. Стратегия России на африканском направлении: что изменилось после саммита Россия-Африка 2019 // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 12. С. 68–78.
22. Садовникова Я. Индия: от «реформы Сингха» к экономической политике Н. Моди. // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 4. № 5. С. 118–123.
23. Рогожин Н. Страны Юго-Восточной Азии и китайская инициатива «Пояс и Путь»: модель взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 91–102.
24. Мамедова Н.М. Исламская экономика Ирана: теория и практика / Ин-т востоковедения РАН; Центр изуч. стран Ближ. и Сред. Востока; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий]. М.: ИВ РАН, 2022. 324 с.
25. Беккин Р. Исламская экономика: между капитализмом и социализмом // Вопросы экономики. 2007. № 10. С. 147–155.
26. Гришин И. Иранская модель модернизации // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 7. С. 69–81.
27. Абрамов Д. Особенности индийской модели развития: опыт и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 109–117.
28. Михеев В. Модель развития Китая: какая она? // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 136–138.
29. Супян В. Американская модель капитализма: преимущества и вызовы XXI века. // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 9. С. 90–97.
30. Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 5–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-5-24.
31. Лузянин С.Г. Россия - Китай: формирование обновленного мира / Отв. ред. академик В.С. Мясников. Предисл. В.А. Никонов. М.: Изд-во «Весь Мир», 2018. 328 с.
32. Клименко А.Ф. Международно-политическая обстановка и основные вызовы реализации проектов участников ШОС на евразийском пространстве / Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; отв. ред. сост. Ю.В. Кулинцев. М.: ИДВ РАН, 2021. 176 с.
33. Петровский В.Е. Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства». М.: ИДВ РАН, 2018. 216 с.
34. Матвеев В.А. Внешние и внутренние вызовы развитию евразийского пространства // Евразийское пространство: новые векторы и приоритеты. Риски и возможности для России / ред-сост. В.А. Матвеев. М.: ИДВ РАН, 2021. 152 с.
35. Экономические санкции против России: ожидания и реальность / Колл. авторов; под ред. Р.М. Нуреева. М.: КНОРУС, 2017. 194 с.
36. Экономические санкции против России и российские антисанкции: издержки и выгоды конфронтации / Колл. авторов; под ред. Р.М. Нуреева. М.: КНОРУС, 2019. 254 с.
37. Евразийское пространство: новые векторы и приоритеты. Риски и возможности для России / ред-сост. В.А. Матвеев. М.: ИДВ РАН, 2021. 152 с.

Development of Eurasian Economic Diplomacy Under Sanctions

Khasanov I.Sh.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines theoretical and practical issues of the formation and development of economic diplomacy. From the point of view of economic theory, economic diplomacy represents state regulation of the country's foreign economic activity, which has always been the subject of research in economic science. Economic practice constantly gives us new examples of types of economic diplomacy. New forms of protectionism introduced in the world economy in the form of sanctions led to the emergence of Eurasian economic diplomacy.

Keywords: economic diplomacy, classification of economic diplomacy by characteristics, Eurasian space, sanctions, Eurasian diplomacy

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-331-334

Цивилизационные основы благотворительности Евразийского макрорегиона*

Юсупова А.С.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

В статье понятие благотворительности рассмотрено под новым углом зрения, а именно через призму реципрокности, через призму дарообмена в замен на моральный авторитет. Обсуждают результаты практического исследования на предмет подтверждения реципрокностных характеристик благотворительной деятельности компаний Республики Татарстан. Выявлены проблемные моменты: низкая информированность населения о благотворительных мероприятиях организации и предложен комплекс мер по устранению данных противоречий.

Ключевые слова: *благотворительность, предприятие, реципрокность, дарообмен, моральный авторитет, нуждающиеся*

Для цитирования: *Юсупова А.С. Цивилизационные основы благотворительности Евразийского макрорегиона // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 331–334. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-331-334.*

В современном мире наблюдается два типа экономики: моральная и рыночная. Моральная экономика зависит от межличностных отношений, которым уделяется особое значение, а вот рыночная экономика она безличностная.

Основой человеческих взаимоотношений многие миллионы лет являлся дарообмен. Дарообмен еще называют реципрокностью. Ярким примером этого является Потлач (с переводе с английского языка *potlatch*) – традиция, которая была распространена среди индейцев тихоокеанского побережья на северо-западе Северной Америки, заключавшаяся в демонстративном обмене материальными ценностями (часто доходившее до физического уничтожения) [1]. Все это делалось по одной причине: перераспределить богатства общины и улучшить связи между жителями.

Например, вождь желал показать свое величие и поэтому раздавал гостям все, что зарабатывалось долгими годами – шкуры и меха животных, кожаные изделия, драгоценности, домашняя утварь, средства передвижения (лодки), запасы пищи. Также он мог сжечь или выбросить в море эти и другие ценные предметы – все для того чтобы продемонстрировать полное пренебрежение к богатству. Данные действия приводили в удивление гостей и членов племени, в глазах которых авторитет вождя укреплялся, несмотря на то, что он остался ни с чем. В антропологии такие люди называются «бигменами» («большой человек») – в обмен на свое имущество, часто оставаясь практически без каких-либо материальных источников к существованию, они получали моральный авторитет.

В дальнейшей многотысячелетней исторической перспективе авторитет бигмена переходил к его семье, становился наследственным, семья превращалась в правящую династию, сакрализировалась, т.е., по представлениям тех времен, через общение с бо-

* Статья подготовлена в рамках V Казанского международного конгресса евразийской интеграции – 2024 г. Конгресс проводится при поддержке и содействии Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Раиса Республики Татарстан и Государственного Совета Республики Татарстан, Экономического общества Республики Татарстан.

гами обеспечивала нормальную жизнь всем окружающим, за что последние, в знак уважения преподносили подарки, которые со временем превратились в дань, а еще позднее в налоги. Старший в правящей династии (фараон, князь, император и т.д.) становился «отцом-батюшкой» всего социума [2].

Еще одним примером реципроктности является ифтар (из арабского языка – «разговение») – прием пищи у мусульман в вечерний период времени во время месяца Рамадан. Представители религиозных организаций, и частные лица при мечетях устраивают огромные торжества, куда могут прийти люди и насладиться пищей и напитками. Далее раздача «садаки» – милостыни также свидетельствует о реципрокности [3].

Еще одним элементом реципрокности являются благотворительные акции различных компаний. В рамках поддержки семей с детьми, профсоюзные организации, например, в честь праздника «Новый Год» или «День Знаний» совершает раздачу сладких подарков или канцлерских принадлежностей для детей сотрудников. В честь «Международного женского дня» или «Дня защитника Отечества» одариваются женская или мужская часть работников предприятия. Еще одним примером, может служить практика предоставления путевок в санаторий или дома отдыха для сотрудников и членов их семей.

С целью изучения общественного мнения о реципрокности феномена благотворительности в РТ было проведено исследование, в котором приняли участие 421 чел., с равным соотношением по половому признаку. Основной возраст респондентов 18–20 лет, которые учатся на первом – втором курсах Казанского государственного энергетического университета.

Первым информационным блоком исследования стали вопросы, касающиеся того, что знают о благотворительности и с какого ракурса анкетеры сталкивались с данным феноменом. На вопрос: «Как часто Вы слышите о благотворительных акциях компаний в Республике Татарстан?» 44,9 % испытуемых ответили, что редко слышат о благотворительных акциях компаний РТ, 34,8 % – несколько раз в неделю, 13 % – ежедневно, а 10,8 % дали отрицательный ответ: «никогда не слышал(а)». Можно сделать вывод, что наблюдается низкий уровень информированности молодежи о благотворительной деятельности бизнеса на территории РТ.

Следующим вопросом исследования стал факт выявления самостоятельного участия в благотворительных акциях со стороны респондентов. Свое личное участие в благотворительных мероприятиях за последний год подтвердили лишь 33,6 % опрошенных, 11,3 % – затруднились с ответом, а больше половины опрошенных (54,9 %) – отрицают факт самостоятельного участия. Т.е. наблюдается крайне низкое участие в благотворительном движении, лишь одна треть испытуемых обладают гражданской инициативой и проявляют активность в благотворительных мероприятиях.

Другой блок вопросов касался выявления мнения испытуемых о причинах, по которым организации РТ реализуют благотворительные инициативы. Были выявлены три основные причины (у каждого варианта примерно по 33 % ответов), по которым компании проводят благотворительные акции:

1) Улучшение имиджа компании. Формирование положительного образа в глазах общественности за счет участия в благотворительных акциях приводит к повышению доверия к бренду и как следствие способствует лояльному отношению со стороны клиентов.

2) Привлечение новых клиентов и партнеров. Участие в благотворительной деятельности демонстрирует социальную ответственность бизнеса и степень готовности вкладываться в общественное процветание – все это помогает увеличить клиентскую базу и базу деловых партнеров.

3) Выполнение своих социальных обязательств перед обществом. Это объясняется тем, что компании понимают важность своей роли в обществе и хотят внести положительную лепту в жизнь местного сообщества, и таким образом формировать положительные связи.

Вопрос о реципрокности благотворительной деятельности компании является ключевым в нашем исследовании, так как соответствует основной цели научной работы. Но, 35,5 % испытуемых затруднились с ответом на вопрос о том, что благотворительная деятельность компаний Республики Татарстан носит реципроктный характер, 34,6 % отрицают данный факт, и только 29,2 % испытуемых данный факт подтвердили.

Выводы получились неоднозначными и причиной этого может быть недостаточное информирование и осведомленность молодежи о мотивах компании в области благотворительности. Необходимо более детальное разъяснение о причинах участия в благотворительных компаниях. Разделение мнений респондентов о реципрокности компании в области благотворительности (равное количество респондентов подтверждают и отрицают этот факт) свидетельствует о существовании противоположно направленных оценок благотворительных мероприятий компании с точки зрения реципроктного характера. Еще один факт, можно сформулировать на основании того, что 29,2 % респондентов считают, что компании занимаются благотворительностью только ради получения выгоды – свидетельство скептицизма и недоверия к мотивам компаний. Следовательно надо повышать уровень прозрачности в сфере благотворительности и проводить информационное освещение.

На вопрос: «Почему Вы считаете, что благотворительность является элементом реципрокности?

напишите ниже свое мнение», были представлены следующие суждения студентов. Респонденты объяснили реципроктный характер благотворительной деятельности тем, что основной целью работы бизнеса является получение прибыли. Данная цель ориентирует активность компании в благотворительности, потому что эти действия способствую построению корпоративной культуры и укреплению экономической устойчивости.

Также были предложены нематериальные причины: повышение узнаваемости, формирование положительного имиджа, привлечение перспективных кадров, рекламирование своего товара или услуги, привлечения инвестиций.

Еще одной причиной реципрокности благотворительности бизнеса, по мнению респондентов, стало получение налоговых послаблений: «Как только в стране ввели льготное налогообложение для компаний благотворителей, благотворительных мероприятий стало больше».

Далее мы решили выявить еще один элемент реципрокности, а именно элемент дарообмена, взамен на моральный авторитет, то есть способность както влиять на общество. Примерами данного явления могут быть: оказание организационной и материальной помощи в проведении городских праздников, улучшение городской инфраструктуры, вложение средств в сохранение культурного, исторического, природного наследия. Анализируя ответы респондентов, были получены следующие выводы: 43,9 % отпрошенных подтвердили факт «дарообмена взамен на моральный авторитет», 23,3 % отрицательно высказались, а 32 % – затруднились ответить. Таким образом, практически каждый второй опрошенный принимал участие или наблюдал такие взаимоотношения, что свидетельствует о широком распространении такой практики в реальности.

В вопросе о том, приносят ли реальную пользу благотворительные акции, проводимые компаниями на территории РТ и г. Казани львиная доля опрошенных (72,2 %) ответили положительно, что свидетельствует об общественном одобрении и поддержки такой деятельности со стороны студентов. Лишь 26,6 % выразили мнение о том, что помощь оказывается, но она идет в рамках профессиональной деятельности и входит в программу развития бизнеса.

При ответе на вопрос о приоритетных категориях населения Республики Татарстан, наиболее нуждающихся в благотворительной поддержке, мнения респондентов разделились: 25 % – отметили пожилых людей, 23 % – людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (далее – ТЖС) и детей сирот, 21 % – бездомных животных, 11 % – беженцев и переселенцев из других регионов; 10 % – безработных, 9 % – студентов, 5 % – учителей, 4 % – школьников. Можно сказать, что, по мнению респондентов, пожилые и люди, оказавшиеся в тяжелой жизненной ситуации являются самыми уязвимыми и максимально нуждаются в благотворительной помощи организаций. При ответе на вопрос о том, «кому больше всего оказывают благотворительную помощь организации на территории Республики Татарстан?», были выявлены те же категории лиц, которые представлены выше. Прослеживается парадокс: данные три категории людей – пожилые, люди в ТЖС и дети-сироты – получили максимально большое количество голосов, как максимально нуждающиеся в помощи, и как те, кому больше всего на сегодняшний день оказывается благотворительная помощь. С нашей точки зрения, это может свидетельствовать о неэффективном процессе оказания помощи, либо о нецелевом использовании денежных средств, идущих на благотворительные нужды.

На основании ответов студентов о предложениях по улучшению благотворительных программ в Республике Татарстан, можно выделить следующие:

– привлечение бизнес-сообщества к участию в благотворительных программах путем создания бизнес-клубов, организации совместных мероприятий (ярмарки, спортивные и культурные события) и т.д.;

– внедрение цифровых технологий в управление благотворительными делами. Необходимо разработать и внедрить специализированные платформы для управления благотворительными проектами для их прозрачного мониторинга, активно использовать блокчейн-технологии с целью контроля отчетности по пожертвованиям, чтобы гарантировать целевое использование средств на благотворительные нужды. Это возможно благодаря следующим ключевым преимуществам: прозрачность и неизменяемость данных, все операции в блокчейне записываются в реестр, доступ к которому имеют все участники сети. Система отслеживания оказания помощи становится прозрачной, изменить или удалить информацию задним числом становиться невозможно. Также компании, которые использую блокчейн в благотворительной деятельности, предоставляют отчеты в реальном времени, и каждый шаг фиксируется в реестре. Снижается к минимуму нецелевое использование средств. Еще одним преимуществом использования блокчейн-технологии в учете благотворительной деятельности компании является автоматизация управления и распределения пожертвований в соответствии с заранее заданными условиями. Если выполнены определенные цели и/или есть необходимая отчетность, то пожертвование автоматически перечисляется на конкретный проект;

– привлечение общественности к благотворительной деятельности через создание онлайн-порталов и мобильных приложений, в которых граждане смогут легко найти информацию о текущих благотворительных проектах;

– увеличение информационной осведомленности о благотворительных акциях бизнеса: необходимо усилить работу в медиа, создавать и продвигать информационные кампании в социальных сетях, телевидении и печатных изданиях. Размещать информацию о благотворительных мероприятиях в общественных местах (школы, университеты, торговые центры, культурные учреждения), а создание единого информационного центра горячей линии поможет гражданам получить полную информацию о благотворительных программа и способах участия в них.

Образ благотворителя пользуется уважением у 95 % опрошенных, причинами этого является: благотворители демонстрируют глубокое сочувствие и сострадание к нуждающимся в обществе, действия способствуют улучшению жизни других людей и помогают решать социальные проблемы, пример вдохновляет других на добрые дела и побуждает к созидательной активности.

Респонденты выделили следующих субъектов оказания благотворительной помощи: благотворительный фонд «Подари жизнь» который помогает детям; благотворительный фонд помощи тяжелобольным детям, сиротам и инвалидам «Русфонд» Газпром; благотворительный фонд «Звезда»; благотворительный фонд «Ярдам – Помощь»; благотворительный фонд «Закят»; Региональная молодежная общественная организация «Лига студентов Республики Татарстан», «Добро.Центры», которые занимаются развитием социальных и гражданских инициатив в городах, а взамен получают дополнительную поддержку и ресурсы на собственные проекты; добровольческий поисковый отряд «ЛизаАлерт» – некоммерческое объединение, ставящее своей основной задачей оперативное реагирование и гражданское содействие в поиске пропавших всех категорий; благотворительный фонд «Доброе сердце»; общественный благотворительный фонд содействия защите материнства и детства РТ «Энием – Мама», благотворительный фонд «Милосердие», Благотворительный фонд «XXI век», «Ак барс созидание». Таким образом, можно сказать, что студенты знает конкретные наименование благотворительных фондом, но многие из них не являются фондами при организациях, а являются некоммерческими.

Литература:

1. Потлач: Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ %D0 %9F %D0 %BE %D1 %82 %D0 %BB %D0 %B0 %D1 %87 (дата обращения: 24.08.2024).
2. Овчинников А.В. «У них – выборы, а у нас – праздник…» // Реальное время. URL: https://m.realnoevremya.ru/articles/193568-chem-vybory-v-ssha-otlichayutsya-ot-golosovaniya-v-rossii#bounce (дата обращения: 24.08.2024).
3. Гаджиахмедова С.Р. Ифтар – вечерний прием пищи после постам // Исламский образовательный портал. URL: https://islamdag.ru/vse-ob-islame/25820 (дата обращения: 24.08.2024).

Civilizational Foundations of Philanthropy in the Eurasian Macro-Region

Yusupova A.S.
Kazan State Power Engineering University

The article considers the concept of charity from a new angle, namely through the prism of reciprocity, through the prism of gift exchange in exchange for moral authority. Discusses the results of practical research to confirm the reciprocal characteristics of the charitable activities of companies of the Republic of Tatarstan. Problematic moments are revealed: low awareness of the population about charitable activities of the organization and a set of measures to eliminate these contradictions is proposed.

Keywords: charity, enterprise, reciprocity, gift exchange, moral authority, needy

Сведения об авторах

Абдрахманова Лилия Виловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры профессионального обучения, педагогики и социологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: lilvil25@mail.ru

Абросимова Ольга Михайловна – младший научный сотрудник Института финансово-промышленной политики Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: omabrosimova@fa.ru

Абшилава Георгий Валерьянович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета
432970, Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42 Тел.: +7(8422) 41-20-88 e-mail: georost@list.ru

Авхадиева Эллина Амировна – бакалавр Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru

Алексеев Сергей Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420111, г. 420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: alekseyev75@mail.ru

Альтерман Анастасия Александровна – стажер-исследователь Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: Anastasia.Alter.A@yandex.ru

Балынин Игорь Викторович – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: igorbalynin@mail.ru

Белозерова Ирина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН)
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 Тел.: +7 (499) 936-87-87e-mail: e-mail: belozerova_ii@pfur.ru

Боковня Александра Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права К(П)ФУ
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: at240886@gmail.com

Бурганова Лариса Агдасовна – доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: labourg@yandex.ru

Вайсбург Александра Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета
170026, Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22 Тел.: +7(4822) 52-42-23 e-mail: lassie1@inbox.ru

Валиев Рустам Насихович – аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: rystikbox@bk.ru

Вахитова Тина Муратовна – кандидат экономических наук,доцент кафедры экономической теории и эконометрики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: tvahitova@yandex.ru

Воблая Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и менеджмента Новороссийского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
353907, Новороссийск, ул. Видова, д. 56 Тел.: +7 (8617) 21-15-98 e-mail: savinvaav@mail.ru

Воеводина Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru

Гаделшина Ландыш Адгамовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и эконометрики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: Landysh.Gadelshina@kpfu.ru

Гали Аскар Ильшатович – ассистент кафедры международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: askar-gali@mail.ru

Гаража Наталия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры информатики, математики и общегуманитарных наук Новороссийского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
353907, Новороссийск, ул. Видова, д. 56 Тел.: +7 (8617) 21-15-98 e-mail: nagarazha@fa.ru

Гилязов Айдар Ильмирович – соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, адвокат
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: Aidar.gilyazov.1991@mail.ru

Грызенкова Юлия Викторовна – кандидат экономических наук, в.н.с. кафедры ипотечного жилищного кредитования и финансовых инструментов рынка недвижимости Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: gryzenkova@yandex.ru

Гудкова Оксана Евгеньевна – доктор экономических наука, доцент кафедры бизнеса и управления Московского института им. С.Ю. Витте филиал г. Рязань
90013, Рязань, Первомайский проспект, 62 Тел.: +7 (4912) 76-56-62 e-mail: gudkovaok@mail.ru

Гурова Славяна Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
428025, Чебоксары, пр. М.Горького, 24 Тел.: +7(8352)41-98-93 e-mail: s.yu.gurova@ruc.su

Долженко Руслан Алексеевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: snurk17@gmail.com

Ерёмин Андрей Маркович – кандидат юридических наук, доцент базовой кафедры избранных видов спорта Московского государственного университета спорта и туризма
117519, г. Москва, ул. Кировоградская, д.21, корп.1 Тел.: +7 (495) 388-78-33 e-mail: am.eremin@internet.ru

Ефлова Мария Юрьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной деятельности Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: meflova@gmail.com

Ефремова Марина Александровна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: crimlaw16@gmail.com

Зейналбдыева Анна Васильевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: bobenko.anna@bk.ru

Зиятдинова Эльмиры Мансуровны – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: ElMZiyatdinova@kpfu.ru

Ильин Роман Вадимович – аспирант кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции Пермского государственного научно-исследовательского университета 6
14068, Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.: +7 (342) 2-340-112 e-mail: info@psu.ru

Истомина Наталья Александровна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: n_istomina_usue@mail.ru

Королева Оксана Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83 Тел.: +7 (8452) 26-16-96 e-mail: korolevaov@mail.ru

Крейк Альфред Иосифович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: alfredkreyk@mail.ru

Курилова Елена Николаевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
08024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: alkut_91@mail.ru

Ларионова Наталия Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и эконометрики Казанского (Приволжского) федерального университет
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Летов Павел Игоревич – аспирант, ассистент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: lep.7@mail.ru

Лончакова Юлия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Муромский Институт Владимирский государственный университет 6
302264, Муром, ул. Орловская, д.23 Тел: +7(49234) 77-1-01 e-mail: Info@rt-p.ru

Лыжин Павел Сергеевич – первый заместитель председателя, руководитель аппарата Регионального совета Свердловского регионального отделения «Союз машиностроителей России», руководитель представительства Госкорпорации «Ростех» в Свердловской области
620100, Екатеринбург, ул. Мичурина, д. 217, оф. 103 Тел.: +7 (343) 229-87-39 e-mail: souzmash_so@mail.ru

Максимова Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) Федерального университета, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева – КАИ
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: olga_max@list.ru

Малаев Владимир Валентинович – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: vladimirmalaev@yandex.ru

Малолетко Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления народным хозяйством Российского университета кооперации
141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30 Тел.: +7 (495) 785-76-78 e-mail: amaloletko@ruc.su

Марцинковский Роман Петрович – студенты кафедры экономики Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
428025, Чебоксары, пр. М.Горького, 24 Тел.: +7(8352)41-98-93 e-mail: r.p.martsinkovskiy@ruc.su.

Матюгина Элеонора Григорьевна – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, профессор кафедры управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 40 Тел.: +7 (3822) 51-05-30 e-mail: emk512542@mail.ru

Машков Владимир Дмитриевич – председатель Автономной некоммерческой организации «Русский мир», академик Петровской академии наук и искусств
420015, Казань, ул. К.Маркса, 53 А Тел. +7(843)238-15-93 e-mail: rokot2017r@yandex.ru

Михайлов Иван Романович – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН)
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 Тел.: +7 (499) 936-87-87 e-mail: 1142230704@pfur.ru

Морева Евгения Львовна – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Института финансово-промышленной политики Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: elmoreva@fa.ru

Морозов Игорь Владимирович – аспирант кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: morozovigor2021@mail.ru

Морошкина Марина Валерьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Институт экономики Карельского научного центра РАН структурное подразделение в составе Карельского научного центра Российской Академии наук
185030, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50 Тел.: +7 (8142) 57-07-27 e-mail: maribel74@mail.ru

Мягков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42 Тел.: +7 (843) 231-92-90 e-mail: gmyagkov@yandex.ru

Нагматуллина Людмила Константиновна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева – КАИ
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: nagmlk@yandex.ru

Нестулаева Диана Рустамовна – кандидат экономических наук, доцент Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: diana_n_r@mail.ru

Низамова Аида Ханифовна – старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: nizamova_a_h@mail.ru

Низамутдинов Ирек Камилевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры проектного менеджмента и оценки бизнеса Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: irek.nizamutdinov@gmail.com

Никитина Татьяна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности Казанского национального исследовательского технологического университета
420111, г. 420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: NikitinaTN@corp.knrtu.ru

Оборин Матвей Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, Пермского института (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова, Сочинского государственного университета
614068, Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.: +7 (342) 2-340-112 e-mail: kojushkina@yandex.ru

Окружнов Владислав Андреевич – аспирант кафедры региональной и отраслевой экономики Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
420045, г. Казань, ул. Н. Ершова, 58 Тел.: +7(843) 272-80-91 e-mail: okruzhnoff.vlad@yandex.ru

Осадчая Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН
119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1 Тел.: +7(495) 822 28 82 e-mail: osadchaya111@gmail.com

Охрименко Елена Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: oelenai@yandex.ru

Пастухов Павел Сысоевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры публичного права факультета внебюджетного образования Пермского института ФСИН России
614068, Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.: +7 (342) 2-340-112 e-mail: pps64@mail.ru

Петрухин Артем Игоревич – первый заместитель Руководителя ООО «Холдинг «Строительный Альянс», Заместитель Председателя промышленников и предпринимателей «Иволга»
142153, д Новоселки, тер. Технопарка, д. 6, пом. 217 Тел.: +7 (495) 565-36-85 e-mail: petruhin@conall.ru

Петрякова Елена Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и психологии Астраханского государственного технического университета
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 16 Тел.: +7(8512) 61-43-66 e-mail: elena_a_petryakova@inbox.ru

Погребенко Юрий Николаевич – заместитель начальника факультета заочного обучения Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: belui@mvd.ru

Поздеев Игорь Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук
426067, Ижевск, ул. им. Т.Барамзиной, 34 Тел.: +7 (3412) 50-82-00 e-mail: pozdeev79@gmail.com

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова
650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28 Тел.: +7 (3842) 58-30-14 e-mail: nickravochkin@mail.ru

Рагозин Андрей Васильевич – кандидат медицинских наук, директор Центра проблем организации, финансирования и межтерриториальных отношений в здравоохранении Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: AVRagozin@fa.ru

Русакова Майя Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, директор Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9 Тел.: +7(812) 328 2000 e-mail: rusakova.maia@yandex.ru

Рыбушкин Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел.: +7(843)292-69-77 e-mail: i_naughty@mail.ru

Рысаев Ильшат Шавалиевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан
450008, Уфа, ул. Заки Валиди, 40 Тел.: +7 (347) 272-74-48 e-mail: rish.rum@inbox.ru

Сергеева Надежда Владиславовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного муниципального управления Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), доцент кафедры юриспруденции Московского международного университета
109004, Москва, ул. Земляной Вал, 73 Тел.: +7 (495) 915-03-73 e-mail: inbox_sergeeva@mail.ru

Скоробогатов Андрей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42 Тел.: +7 (843) 231-92-90 e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Стариков Евгений Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры шахматного искусства и компьютерной математики Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: email: starik1705@yandex.ru

Сушенцова Светлана Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, налогообложения и финансового учета Московского финансово-юридического университета
115191, Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1 Тел.: +7 (499) 979 00 99 e-mail: e-mail: sushentsova_ss@mail.ru

Талатин Евгений Андреевич – аспирант кафедры экономики промышленности Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
117997, Москва, Стремянный пер., 36 Тел.: +7(499) 237-86-56 e-mail: eatalatin@gmail.com

Тевлюкова Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: o.y.tevlyukova@edu.nsuem.ru

Ткач Сергей – ведущий социолог Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9 Тел.: +7(812) 328 2000 e-mail: s.tkach@spbu.ru

Фан-Юнг Герман Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
420138, РТ, г.Казань, Деревня Универсиады, д. 33 Тел.: +7 (843) 221-09-02 e-mail: info@sportacadem.ru

Фатихов Булат Раисович – аспирант юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: 797bulat@mail.ru

Фатхуллина Лилия Зинуровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии науки и социальной работы Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: lialfa@rambler.ru

Фатыхова Дианы Рустэмовны – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: d.fatikhova@gmail.com

Хазиев Артур Радикович – аспирант кафедры конституционного и административного права К(П)ФУ
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: khaziev.artur@gmail.com

Хакимов Искандер Рустамович – аспирант юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: iskander.khakimov.2018@mail.ru

Хасанов Ильгизар Шамилевич – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: ilgizarkhasan@mail.ru

Хузина Альфия Флюровна – младший научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: РФ al-hf@mail.ru

Чижов Николай Сергеевич – аспирант кафедры менеджмента Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники
634050, г. Томск, пр. Ленина, 40 Тел.: +7 (3822) 51-05-30 e-mail: nschizhov@mail.ru

Шлычков Валерий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, главный редактор Федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии»
420015, Казань, ул. К.Маркса, 53 А Тел. +7(843)238-15-93 e-mail: vestnik_eps@mail.ru

Шлычков Владимир Валерьевич – начальник Межрегионального филиала Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» в г. Владивостоке
690001, Владивосток, ул. Дальзаводская, 1 Тел.: +7 (4232) 39-23-55 e-mail: ShlychkovVV@roskazna.ru

Шуб Александр Михайлович – соискатель кафедры конституционного и административного права К(П)ФУ
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: shubal@inbox.ru

Шутило Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии
410056, Саратов, ул. Вольская, дом 1 Тел.: +7(8452) 29-56-58 e-mail: e-mail: o.shutilo@yandex.ru

Щигорцова Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доцент кафедры таможенного дела Казанского кооперативного института
420138, РТ, г.Казань, Деревня Универсиады, д. 33 Тел.: +7 (843) 221-09-02 e-mail: 1996yulia@gmail.com

Юдина Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН
119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1 Тел.: +7(495) 822 28 82 e-mail: ioudinatn@mail.ru

Юрьева Оксана Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университет
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: oksanavladi@mail.ru

Юсупова Агния Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: Agnya@yandex.ru

Ющенко Наталья Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета
423812, г. Набережные Челны, пр-т Сююмбике, 10А (11/29) Тел.: +7(8552)58-88-94 e-mail: yushchenko31@rambler.ru

Ямалнеев Ильнур Мирзагович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии, проректор Казанского государственного медицинского университета
420012, Казань, ул. Бутлерова, 49 Тел.: +7(843)236-12-72 e-mail: ilnur.yamalneev@kazangmu.ru